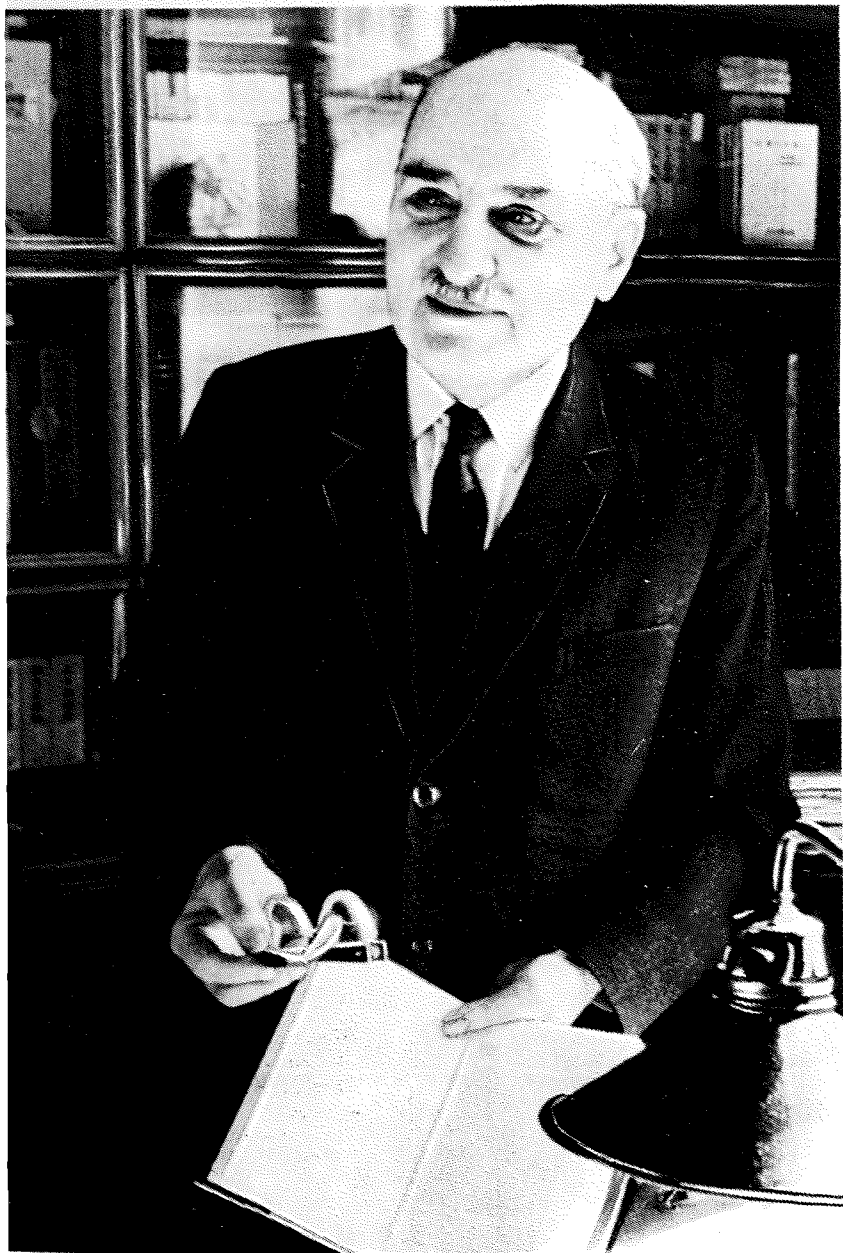

Николай Иосифович Конрад (1891—1970)

Архив
Российской Академии наук

Н.И. Конрад

**НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ
РАБОТЫ
ПИСЬМА**

Москва
РОССПЭН
1996

Издание
осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГГНФ)
проект № 95-06-31986

Ответственные редакторы:

д. филол. н. В.М. Алпатов

д. и. н. А.И. Клибанов

Составители:

М.Ю. Сорокина, А.О. Тамазишвили

Н.И.Конрад. Неопубликованные работы. Письма

- М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1996
- 544 с., илл.

Настоящее издание впервые вводит в научный оборот документальные материалы из научного и эпистолярного наследия выдающегося востоковеда, академика Н.И. Конрада, выявленные в государственных архивах и частных собраниях ученых. Публикуемые работы рассматривают широкий спектр вопросов культурологического характера – проблемы взаимодействия и взаимовлияния историко-культурных общностей, их генезис и развитие в общесовременном процессе и др. Среди материалов тома – записи полевых этнографических исследований Конрада в Корее в 1914-15 гг., "Очерки истории китайской литературы", написанные в заключении во внутренней тюрьме НКВД, докладные записки и стенограммы выступлений по проблемам развития востоковедения, а также письма В.М.Алексееву, А.А.Ахматовой, Б.Б.Вахтину, В.М.Жирмунскому, И.Ю.Крачковскому, В.Э.Мейерхольду и др. Впервые полностью публикуется переписка Конрада с выдающимся английским философом и историком А.Тойнби.

ISBN 5-86004-030-X

- © "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1996
- © Составление, комментарии
Р.Ш. Джарылгасинова
Г.А. Ткаченко
М.Ф. Чигринский
И.Г. Шушкина
М.Ю. Сорокина
А.О. Тамазишвили

ПРЕДИСЛОВИЕ

Николай Иосифович Конрад родился 1 (13) марта 1891 г. в Риге. В 1912 г. окончил Восточный факультет Петербургского университета по китайско-японскому разряду и японское отделение Практической восточной академии. После короткой стажировки в Японии и года работы в Киевском коммерческом институте он вновь в 1914 г. посылается Петербургским университетом в Японию на три года, где темой его исследований становится изучение китайского влияния на японскую культуру. Вернувшись в июле 1917 г. в Петроград, ученый некоторое время работает в университете, вместе с Е.Д. Поливановым сотрудничает с Китайским Советом рабочих депутатов, а затем уезжает в Орел, где остается до 1922 г., являясь первым и единственным ректором недолго существовавшего Орловского университета.

Возвратившись в Петроград в 1922 г., Н.И. Конрад оказался там почти единственным японистом-профессионалом и начал создавать свою научно-педагогическую школу. В 1922-1938 гг. он руководил всеми ленинградскими японистическими центрами, возглавляя в разные годы японские кафедры в университете и Институте живых восточных языков — Ленинградском восточном институте и коллектив японистов в Институте востоковедения АН СССР. В 1926 г. ученый получил звание профессора, а в 1934 г. первым среди японистов стал членом-корреспондентом АН СССР.

29 июля 1938 г. Н.И. Конрад был арестован, затем приговорен к пяти годам лишения свободы. Некоторое время он находился в лагере около города Канска Красноярского края, где использовался на сортировке леса и очистке от снега железнодорожных путей. Вскоре, однако, он был отправлен в закрытое учреждение, где работали заключенные. Там он выполнял переводы с китайского и японского языков и мог даже заниматься научной работой (см. письмо В.Л. Комарову от 22.09.1941). В начале войны в связи с пересмотром дела Н.И. Конрад был переведен в Москву и 8 сентября 1941 г. освобожден.

Сразу после освобождения Н.И. Конрад возглавил японскую кафедру Московского института востоковедения, вместе с которым вскоре эвакуировался в Фергану. После эвакуации он поселился в Москве, где и прожил до конца жизни. В первые послевоенные годы помимо Московского института востоковедения ученый работал в Институте востоковедения АН СССР, где одно время руководил Московской группой, а также в Военном институте иностранных языков. В обстановке идеологических кампаний и "чисток" конца 40-х годов Н.И. Конрад был вынужден уйти со всех должностей и в марте 1950 г. перешел на пенсию по инвалидности. Однако, в 1951 г., когда ситуация стала немного спокойнее, он все же вернулся в академический Институт востоковедения, бывший с того времени его единственным местом работы. В 1958 г. Н.И. Конрад был избран академиком, в 1969 г. — награжден высшим японским орденом, предназначенным для иностранцев, в 1972 г. — посмертно удостоен Государственной премии СССР за руководство работой по "Большому японско-русскому словарю". В последние два десятилетия жизни ученый не занимал административных постов, но вел активную научно-общественную деятельность, в частности, в качестве председателя научно-совета по истории мировой культуры АН СССР и председателя редколлегии серии "Литературные памятники". Скончался Н.И. Конрад 30 сентября 1970 г. в Москве.

Научная деятельность Николая Иосифовича продолжалась более полувека, после него осталось более двухсот научных работ, некоторые из которых еще не опубликованы. Как нам кажется, настало время оценить вклад, внесенный в науку этим несомненно крупным ученым, рассмотреть особенности его научной индивидуальности. Это важно, поскольку до недавнего времени об Н. И. Конраде не написано было почти ничего, кроме парадных юбилейных и некрологических статей, где его творческий путь предстает в до крайности сглаженном виде; исключение составляли статьи В.В. Иванова¹, где наследие Николая Иосифовича рассмотрено только в одном аспекте.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении научного наследия Н. И. Конрада, — широта и многогранность его интересов. Это хорошо заметно и в рамках данного издания, хотя в него совсем не вошли, например, лингвистические и чисто исторические работы. Правда, его конкретно-востоковедческие работы ограничены в основном двумя странами — Японией и Китаем, в меньшей степени Кореей (впрочем, в 50-е годы для "Всемирной истории" он писал также и разделы, посвященные средневековым Монголии, Тибету, Индокитаю). Но само сочетание в одном лице япониста и китаиста ввиду большого несходства языков — явление нечастое, а в наши дни почти немыслимое. В пределах же китаистики и особенно японистики исследования Н.И. Конрада захватывали очень разнообразную проблематику: он писал о классической и совре-

¹ Иванов Вяч. Вс. Н.И. Конрад как интерпретатор текста // Исс.-монографии. М., 1979.

менной литературе, древней, средневековой и новой истории, старописьменном и современном языке, системе образования и культурной политике, традиционном и современном театре, этнографии, культурных связях Японии и Китая с Европой и Россией и т. д., переводил древних и современных авторов. Как писал он сам В.М. Константинову (30.07.1954), он может курировать любую японоведческую тематику, кроме новейшей истории. В последние два десятилетия жизни Н.И. Конрад во многих работах выходил за пределы изучения дальневосточного региона, посвятив ряд исследований общим проблемам всемирно-исторического развития, сопоставлению мировых культур и цивилизаций. В ряде работ такого рода он вообще далеко выходил за рамки востоковедения, примером может служить публикуемое здесь эссе об Августине, Руссо и Толстом.

При большом разбросе тематики вся научная деятельность Н.И. Конрада имела четкий стержень — изучение духовной культуры в широком смысле этого слова. Ученый был наследником традиций классического русского востоковедения второй половины XIX - начала XX вв., в рамках которых он воспитывался в университете. Это востоковедение было культуроведческим по своей сути, его представителей история или язык интересовали не сами по себе, а как проявления культуры того или иного народа. В конце жизни Н.И. Конрад, вспоминая своего старшего коллегу И.Ю. Крачковского, писал: "Он был филологом в самом точном смысле этого слова. Настоящий филолог не имеет права быть только лингвистом. За явлениями языка он должен видеть самый язык, а через него — мышление, ум. За романом или стихотворением он должен уметь разглядеть творческий гений народа. Филолог должен быть и историком, но таким, который видит в истории всю целостность жизни, борьбы и творчества"². Несомненно, здесь Н.И. Конрад писал не только об И.Ю. Крачковском, но и о себе. Этим принципам он, как и его товарищ по университету Н.А. Невский, оставался верен всегда. Этим он отличался от многих своих современников, например, другого своего университетского друга Е.Д. Поливанова, лингвиста широкого профиля по преимуществу, и тем более от востоковедов последующих поколений, среди которых возобладала узкая специализация. Приведем лишь один пример. Языкознание XX в. выработало понятие фонемы — основной звуковой единицы языка, которое обычно формулируется как чисто лингвистическое. Однако для Н.И. Конрада фонема прежде всего "поддерживает языковое единство народа, а тем самым национальное единство вообще", японская система фонем — "то, что в японском языковом мышлении является устойчивым и постоянным, имеющим семантическую ценность и социальную значимость"³. То есть даже в области языковых

² Конрад Н.И. И.Ю. Крачковский: К новому изданию его труда "Над арабскими рукописями" // Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. М., 1965.

³ Конрад Н.И. О государственной латинице в Японии. М., 1945. С. 16.

звуков ученому была прежде всего интересна их связь с национальной культурой. И именно сохранение классических традиций привлекало многих к Н.И. Конраду к концу его жизни, когда эти традиции, во многом утраченные, вновь стали вызывать к себе интерес.

Однако Н.И. Конрад существенно расходился с классической востоковедной традицией в двух пунктах. Одно из расхождений выросло из тенденций, появившихся еще в годы, когда Н.И. Конрад учился в университете. В той же статье об И.Ю. Крачковском он писал, что в то время «начинающий ученый мог рассчитывать на самую активную поддержку своих учителей, когда они видели его сидящим над средневековой... рукописью... И.Ю. Крачковский преодолевал упорно державшееся среди части востоковедов убеждение, что наука и современность — "вещи несовместные"»⁴. Университетские программы с уклоном в изучение старописьменных языков не удовлетворяли молодежь, недаром Н.И. Конрад и его товарищи одновременно занимались в Практической восточной академии, где учили современным языкам. После революции стремление востоковедов заниматься современностью, безусловно, усилилось.

Н.И. Конрад, как и большинство востоковедов (да и русистов) его поколения, пошел в этом отношении дальше того же И. Ю. Крачковского, автора знаменитой книги "Над арабскими рукописями": он никогда бы не написал книгу "Над японскими рукописями" даже не столько потому, что этих рукописей не так много в отечественных собраниях. Публикация памятника, выявление разночтений в списках, установление критического текста, реконструкция протографа — то, что для филолога прошлого века было главной задачей ученого — не интересовало Н.И. Конрада. Он не раз обращался к классическим японским и китайским памятникам, но к памятникам уже изданным и прокомментированным в Японии или Китае. Ближе всего к традиционным жанрам востоковедения его издания древнекитайских военных трактатов Сунь-цзы и У-цзы⁵, но не надо забывать, что вся работа выполнялась им в заключении, где возможности выбора объекта исследования были весьма ограничены (впрочем, и эти переводы выполнялись не по рукописи). Обычно основной его целью был перевод на русский язык, но не "филологический", точный и тяжеловесный, а литературный, способный дойти до интеллигентного читателя-неспециалиста и познакомить его с богатством культур, которыми занимался Н.И. Конрад. Эта задача заняла важное место в отечественном востоковедении в XX в. и особенно в первые послереволюционные годы, когда востоковеды увлеклись просветительскими задачами. Тогда по инициативе М. Горького возникло

⁴ Конрад Н.И. И.Ю. Крачковский. С. 6.

⁵ Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Перевод и исследование. М.-Л., 1950; У-цзы. Трактат о военном искусстве. М., 1958.

издательство "Всемирная литература", переводы регулярно печатались в альманахе "Восток". Во всех этих начинаниях активно участвовал Н.И. Конрад, к 20-м годам относится большинство его переводов, некоторые из которых пока что не опубликованы. Позднее он передал переводческую деятельность ученикам, но активно направлял их работу (см. наставления, которые он дает в публикуемых здесь письмах ученикам О.Л. Фишман и Б.Б. Вахтину), отбирал тексты для перевода, пробивал те или иные издания. Такая культуртрегерская деятельность с 50-х гг. вышла за пределы дальневосточной литературы, став особенно значительной в связи с серией "Литературные памятники"; его борьба за издание в серии многих ценных книг хорошо отражена в переписке.

Любой древний памятник интересовал Н.И. Конрада не только как средство реконструкции культуры и мышления соответствующего народа. Всегда он искал в нем связи с современностью. Очень характерен, особенно для позднего Н.И. Конрада жанр научного эссе, где тот или иной его герой, обычно значительно отдаленный во времени, напрямую связывается с современностью; ярким образцом такого жанра является публикуемая здесь статья о трех "Исповедях". Такой подход, конечно, всегда больше характеризует автора статьи, чем объект его исследования, который неизбежно мордернизируется; однако Н.И. Конрад в этих статьях имел возможность выговориться, написать о волновавших его современных проблемах, о которых трудно было высказаться прямо.

Безусловно, важным для Н.И. Конрада было и изучение собственно современности. Недаром уже первые его работы, написанные до революции - "Современная начальная школа в Японии" и публикуемые здесь "Очерки социальной организации...", — были посвящены именно современности. Всегда он стремился следить за новыми явлениями и тенденциями в японской и китайской культуре, за литературными новинками и появлением новых научных школ. Можно здесь вспомнить и ряд его статей конца 20-х — начала 30-х гг. о современных японских литературе и театре, и доклад на заседании Московской группы Института востоковедения, где уже в 1948 г. делалась попытка выявить послевоенные изменения японского языка в связи с социальными изменениями, и одну из его последних статей, где Н.И. Конрад едва ли не первым в нашей японистике отказался от привычных стереотипов и дал высокую оценку Японии 60-х годов с "научно-технической революцией", "гораздо более высоким, чем ранее, образованием и общим интеллектуальным уровнем" и "стремлением к собственной инициативе и самоуправлению"⁶. Не всегда прогнозы Н.И. Конрада оправдывались, но нацеленность на выявление новых тенденций всегда была для него характерна.

В то же время он был далек от распространенного, а временами и господствовавшего в те годы примитивного стремления к осовременива-

⁶ Конрад Н.И. Столетие японской революции // НАА. 1968. №4.

нию. Посылая 18 января 1951 г. В.М. Алексееву только что вышедшее издание Сунь-цзы, он писал: «Работа повлечет нарекания: "Вот еще доказательство, что востоковеды занимаются одной древностью". Пусть говорят!».

Другая черта, отличающая Н.И. Конрада от большинства классиков русского востоковедения, — стремление к обобщениям и широкомасштабным теориям. В статье об И. Ю. Крачковском он подчеркивал: "И. Ю. Крачковский не был склонен к широким обобщениям. Это был мастер скрупулезных специальных исследований"⁷. "Скрупулезных специальных исследований" у самого автора этой цитаты немного; пожалуй, главное из них — публикуемая здесь большая работа по корейской этнографии, во многом показывающая Н.И. Конрада с новой стороны даже для людей, хорошо знающих его опубликованные труды. В тоже время во многих работах, даже как будто посвященных конкретным вопросам, мы находим широкие и далекие идущие построения; при этом до конца 40-х годов Н.И. Конрад старался не выходить за рамки своего культурного ареала (черта, также традиционно свойственная классическому востоковедению)⁸, затем это ограничение снимается. К концу жизни теоретические исследования почти вытеснили в научном творчестве Н.И. Конрада конкретно-востоковедческие.

Боязнь широких обобщений в востоковедении начала осуждаться еще до революции; одной из реакций на нее были весьма смелые построения Н.Я. Марра, который в обстановке научного вакуума довольно скоро вышел за пределы науки; гораздо плодотворнее были поиски Е.Д. Поливанова, для которого с самого начала японский язык был одним из проявлений человеческого языка вообще. В советское время тенденция к обобщениям усилилась: на многие десятилетия установилась система ценностей, в соответствии с которой "проблемные" исследования ставились выше "фактографических", а главной задачей ученого-гуманитария считалось выявление на том или ином материале всемирно-исторических закономерностей. Если старшее поколение востоковедов, вроде того же И.Ю. Крачковского, уже не могло отказаться от привычных методов исследования, то более молодой Н.И. Конрад встал на путь обобщений. Надо учесть и то, что для ученого, занимавшегося зарубежными странами, в те годы возможность самостоятельного сбора фактов была крайне затруднена. Сам Н.И. Конрад после 1927 г. ни разу не был в странах своего ареала, а корейская этнографическая экспедиция оказалась для него единственной. В этих условиях путь осмысления и обобщения уже известных в науке фактов был не только самым заманчивым, но просто единственно возможным.

⁷ Конрад Н.И. И.Ю. Крачковский. С.7.

⁸ Впрочем, уже в 30-ые гг. у него появляются попытки широкомасштабного сопоставления дальневосточных культур с западной, см. его предисловие к сборнику переводов "Восток. Литература Китая и Японии" (М., 1935).

Основой научного метода для Н.И. Конрада с 20-х годов был марксизм, прежде всего теория формаций. Для советского ученого этот путь был неизбежен; несомненно, что независимо от всех давлений сверху формационное понимание истории давало ему опору в теоретических построениях. Но если в 20-30-е гг. он главное внимание уделял применению марксистских концепций к фактам японской и китайской истории и литературы, нередко впадая в духе тех лет в излишний социологизм⁹, то уже к концу 40-х гг., в период, казалось бы, полного господства догматизма Н.И. Конрад начинает искать новые для того времени способы объяснения тех или иных явлений. В эти годы он выдвинул новую периодизацию перехода от древности к средневековой, предложенную им в 1953 г. коллективу многотомника "Всемирная история", но отвергнутую. В эти годы формируется и получившая большую известность концепция "восточного Ренессанса". Данное издание показывает историю создания этой концепции: уже в публикуемой здесь работе 1941 г. Н.И. Конрад пишет о "танском Возрождении" применительно к Китаю VII-X вв., а в письме к О.Л. Фишман (от 09.02.1952) уже четко сформулирована вся идея, хотя изложена в печати она была лишь в 1955 г.¹⁰. Обе концепции были направлены против традиционного европоцентризма, в основе их лежал тезис о том, что как переход к Средним векам, так и Возрождение, начались не в Европе, а в Китае, затем оба процесса распространялись все дальше на Запад и лишь на последнем этапе дошли до Европы. Эти идеи, особенно "восточный Ренессанс", плохо вписывались в теорию формаций: при любой ее модификации трудно приравнять предкапиталистическую Европу к Китаю VII в. Но именно недогматичность подхода Н.И. Конрада обеспечила со второй половины 50-х гг. популярность его концепциям. Еще дальше пошел Н. И. Конрад в последние 10-15 лет жизни. Не отказываясь полностью от марксистского понимания истории, он делал основной акцент на подчеркивании "духа гуманизма", выявлявшегося им у каждого ренессансного в его понимании автора и даже в японском буддизме¹¹. Понимание гуманизма как "начала, одушевляющего человека в его личном и общем поведении", существующего "ровно столько времени, сколько будет существовать человек" (так писал Н.И. Конрад в неопубликованной статье о Ду Фу) вряд ли можно назвать материалистическим. Такого рода идеи безусловно были созвучны настроениям значительной части нашей интелли-

⁹ Любопытен отзыв Е.Д. Поливанова на вышедшую в 1927 г. книгу Н.И. Конрада "Японская литература в образцах и очерках": японскую литературу уже описывали в разных аспектах: психологическом, культурно-историческом, сугубо эстетическом и т.д., а теперь она описана и в социологическом аспекте (Новый Восток. 1928. № 20-21).

¹⁰ Конрад Н.И. Средние века в исторической науке / Из истории социально-политических идей. М., 1955.

¹¹ См., например; Конрад Н.И. Об эпохе Возрождения / Конрад Н.И. Избранные труды. История. М., 1974.

генции 60-70-х годов. Они наряду с его постоянным покровительством оппозиционным и считавшимся неблагонадежными интеллигентам обеспечили популярность имени Н.И. Конрада далеко за пределами специалистов по культурам Дальнего Востока, во многом сохраняющуюся и сейчас.

В то же время в любой науке действует общая закономерность: теории и концепции устаревают быстрее, чем фактический материал. В нашей стране в последние годы на это накладывалась и особая ситуация, связанная с ростом недоверия к исследованиям, основанным на марксизме и, в частности, на формационном подходе. Поэтому многое в его исследованиях сейчас уже кажется устаревшим, хотя нельзя исключить какое-то возвращение к каким-либо из его идей в будущем. Особенно, конечно, устаревшими кажутся работы 20-30-х гг., но и концепция "восточного Ренессанса", важная для своего времени, сейчас уже мало кем разрабатывается. И надо полагать, меньше всего в наследии академика устарела ранняя работа по корейской этнографии, публикуемая здесь через восемьдесят лет после написания: она вводит в научный оборот уникальный фактический материал, отражающий те реалии, которые в обоих корейских государствах уже утрачены безвозвратно.

Три указанные черты составляют как бы инвариант научного подхода Н.И. Конрада. Культуроведческая направленность исследований и активный интерес к современности были свойственны ему всегда, а стремление к теоретическим обобщениям усиливалось с годами. В то же время нельзя не заметить, что его взгляды и оценки во многих случаях значительно менялись с годами, иногда становясь в разное время диаметрально противоположными. Совершенно по-разному на протяжении разных периодов своей продолжительной научной деятельности он оценивал степень демократичности японского общества 10-20-х гг. XX в., уровень развития послевоенного японского общества, качества японской школьной системы, формационную периодизацию японской истории (в частности, время перехода к феодализму), роль иероглифики в японском и китайском обществе, социальную стратификацию японского языка, конкретные литературные памятники (например, "Записки из кельи" Камо-но Тёмся) и многое другое. Иногда оценки менялись очень быстро, особенно разительен контраст между работами, выполненными до 1922 г., и публикациями второй половины 20-х годов.

Причины такого изменения точек зрения не всегда легко установить. Трудно до конца разграничить ход научного поиска ученого, искреннее желание идти в ногу со временем и необходимость приспособливаться к жесткому идеологическому нажиму. В случае Н.И. Конрада это особенно нелегко, поскольку этот человек по своей натуре никогда не был склонен раскрываться до конца, что хорошо видно из его писем. Исключения составляют лишь публикуемые здесь очень откровенные письма 1917-1918 гг. к ближайшему другу Н.А. Невскому, много дающие для

понимания его взглядов и чувств в эту переломную эпоху. Позднее жизненные обстоятельства заставили Николая Иосифовича замкнуться в себе, лишь некоторые письма последних лет, особенно к Б.Б. Вахтину и М.Е. Сергсенко, кое в чем дают представление о его глубинных мыслях и чувствах. Тем не менее помимо того Н.И. Конрада, которого мы знаем по публикациям разных лет, существовал и другой Н.И. Конрад, о котором очень мало известно, который лишь иногда открывается в отдельных фразах статей и писем.

Кратко упомянем лишь один вопрос — отношение Н.И. Конрада к религии. Его статья 1913 г. явно отражает религиозность (и в то же время веротерпимость) ее автора¹². Затем всякого рода упоминания об этом исчезают из его работ и не появляются и в письмах. И только в 60-е годы у него начинают встречаться идеи о христианстве как об одном из важнейших гуманистических учений¹³. Свое же личное отношение к христианству он смог выразить под конец жизни в письмах переводчице бл. Августина М.Е. Сергсенко: "Пойду на улицу слушать первый удар колокола. Я очень люблю этот момент" (письмо от 20.04.1968); «Дни-то идут такие, какие народ давно назвал "чистыми", а совсем близок и день "светлый"» (письмо от 25.04.1970); в письме от 7 ноября 1968 г. Н.И. Конрад надеется, что "он, могущественный" позволит завершить работу над изданием Августина. Но большинство людей, даже хорошо знавших академика, осознало его подлинные чувства лишь тогда, когда его, согласно высказанной им воле, отпевали в церкви Ризоположения.

Однако, если ограничиться изучением того, что писал и публиковал Н.И. Конрад, то бросается в глаза одна общая черта. В каждую историческую эпоху он, иногда несомненно искренне, иногда идя на компромиссы, но не переступая некоторой этической грани, высказывал те мысли и идеи, которые были типичны для отечественной интеллигенции тех лет. Что-то здесь было неизменным на протяжении всего периода, когда работал Н.И. Конрад: интерес к обобщениям и "проблемности", нелюбовь к погружению в старину в отрыве от современности, отказ от европоцентризма. Но в умонастроениях многих российских интеллигентов не могли не отражаться влияния трудной, а временами и жестокой эпохи. Мирные либерально-просветительские идеи в предреволюционные годы, ощущения трагизма своего времени и гибели культуры в годы гражданской войны, стремление к сотрудничеству с новой властью и освоение марксизма в 20-30-е гг., отход от официальной идеологии, выдвижение на первый план общечеловеческих идей, возрождение интереса к религии во второй половине 50-х гг. и в еще большей степени в 60-е

¹² См.: Конрад Н.И. Современная начальная школа в Японии // ЖМНП. 1913. № 8. С. 140 и др.

¹³ См.: Конрад Н.И. Заметки о смысле истории // Вестник истории мировой культуры. 1961. № 2. С. 28. См. также публикуемую здесь статью об "Исповедях".

годы -- все это нашло очень четкое и совершенно очевидное отражение в работах Н.И. Конрада, всегда очень чуткого к веяниям и запросам времени. Те изменения оценок, о которых говорилось выше, в значительной степени были связаны именно с этим. И наследие Н.И. Конрада, на наш взгляд, имеет интерес не только для специалиста по тем наукам, которыми этот ученый занимался, но и для историка, изучающего советскую интеллигенцию.

Что же можно сказать в итоге? Безусловно, многое в обширном наследии ученого не выдержало испытания временем и имеет теперь лишь исторический интерес. И все-таки многое осталось. Осталось видное место в истории отечественной японистики и китаистики: важно уже то, что многими проблемами Н.И. Конрад занимался в нашей стране впервые. Осталась созданная им школа: почти все советские японисты и многие китаисты, как бы они далеко ни отходили от Николая Иосифовича по его идеям, учились либо у него самого, либо у его учеников. Остались и продолжают читаться его переводы восточной литературы, которые вряд ли будут в обозримом будущем заменены другими. Остались отзвуки его концепций всемирно-исторического развития культуры, заставивших многих исследователей думать, искать новые решения, сопоставлять явления культур разных стран и народов. Осталась репутация ученого и общественного деятеля, хранившего традиции классической русской науки и высказывавшего идеи, продолжающие и сейчас быть актуальными. Остались воспоминания о ярком и интересном человеке, большом эрудите, блестящем лекторе и собеседнике. Наконец, осталась нелегкая и во многом трагическая судьба заметного представителя отечественной гуманитарной интеллигенции, прошедшего вместе с ней более чем полувековой путь и на протяжении всего этого времени выражавшего типичные для нее уmonoстроения. И думается, этого не так мало.

В. М. Алпатов

От составителей

Выдающийся вклад академика Н.И. Конрада в отечественную науку и культуру, его место и значение в их истории обусловили появление этого издания. Оно является своеобразным продолжением ряда предыдущих публикаций из творческого наследия ученого, которое и после выхода в свет данной книги остается далеко не исчерпанным. Идея и инициатива настоящего издания принадлежала ныне покойному, доктору исторических наук Александру Ильичу Клибанову (1910-1994); оно предполагалось к изданию в серии "Научное наследство" в 1991 г. к 100-летию со дня рождения Н.И. Конрада¹, однако финансовые трудности надолго задержали публикацию, а его инициатор так и не дождался издания книги.

Основой для подготовки настоящего тома послужил личный архивный фонд Н.И. Конрада (№ 1675) в Архиве РАН, поступавший сюда на хранение частями в 1975-1978 гг. от Н.И. Фельдман-Конрад и А.И. Владимирской. Фонд, насчитывающий немногим более 300-т единиц, бесспорно, составляет лишь очень незначительную часть того архива, который существовал при жизни Н.И. Конрада. Годы войны, репрессий, переезд из Ленинграда в Москву и, наконец, последняя воля самого учено-

¹ См. публикации, появившиеся к юбилею: Алпатов В.М. Николай Иосифович Конрад // Восток. 1991. № 2. С. 69-83; Сорокина М.Ю. Памяти Н.И. Конрада // Известия Отделения литературы и языка РАН. 1991. № 6. С. 569-572; Алпатов В.М. Три япониста // Знание-сила. 1992. № 1. С. 105-113; Из истории филологической науки: письма Н.И. Конрада / Публ. В.М. Алпатова и М.Ю. Сорокиной // Известия Отделения литературы и языка РАН. 1992. № 6. С. 69-86; Тамазшвили А.О. К столетию Н.И. Конрада // Япония. Ежегодник. 1991-1992. М., 1994. С. 195-212; Сорокина М.Ю. Н.И. Конрад: жизнь между Западом и Востоком // Трагические судьбы членов АН СССР. М., 1995. С. 128-143; К истории одной не состоявшейся публикации (Переписка Н.И. Конрада с Б.Б. Вахтиным) / Публ. М.Ю. Сорокиной // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Нерченка. М.; Спб., 1995. С. 292-336.

го² наложили значительный отпечаток на состав и содержание архива: здесь сохранились материалы, предназначенные для 4-го тома избранных работ и писем ученого, намечавшегося к изданию в конце 1970-х годов, но не осуществленного из-за кончины ведущего составителя — вдовы Н.И. Конрада Н.И. Фельдман-Конрад; рукописи небольшого количества работ, представленные в основном черновиками, отзывы и рецензии на книги и диссертации, а также ряд писем преимущественно 60-х годов. Практически вся огромная корреспонденция Н.И. Конрада делового и личного характера — отсутствует.

Существенно восполнить лакуны личного архива Н.И. Конрада позволил документальный массив, сосредоточенный в фондах учреждений и организаций, в которых он работал — Ленинградского Восточного института, Института востоковедения АН СССР (Москва и Ленинград), Отделения литературы и языка АН СССР и др. Большое количество его писем сохранилось в архивных фондах коллег и друзей Н.И. Конрада — В.М. Алексеева, В.М. Жирмунского, И.Ю. Крачковского, Н.В. Пигулевской и др. В процессе выявления документальных материалов для настоящего издания были изучены фонды различных архивохранилищ Москвы и Ленинграда: Архива РАН и его Санкт-Петербургского филиала, Российского государственного архива литературы и искусства, рукописных отделов Российской Государственной библиотеки и Национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге, архива востоковедов С-Пб. филиала Института востоковедения РАН и др. Нельзя не упомянуть и о том, что весьма продуктивным было обращение к частным собраниям известных востоковедов, историков и литературоведов. Некоторые письма из этих собраний были переданы в Архив РАН и теперь пополняют фонд Н.И. Конрада.

² См. свидетельство О.Н. Петровой в письме к Н.И. Фельдман-Конрад от 10 ноября 1970 г.: "Когда-то во время блокады мы втроем: Анна Ивановна [Владимирская], Болдырев и я вытащили из разгрома Вашей квартиры [в Ленинграде], в которую угодило три дальнотбойных артснаряда, часть его [Н.И.Конрада] архива. Какая это была часть — сказать трудно, т.к. мы по пояс ходили в разных обломках и остатках бумаги. По все, что напоминало, что это архив, нами было извлечено и за неимением транспорта мы перенесли это в мешках на собственных спинах и сдали на хранение в ИВ АН. Я тогда же составила список найденных материалов и отправила этот список авиапочтой Николаю Иосифовичу. При личной встрече Николай Иосифович как-то сказал мне, что не хочет оставлять после себя никакого архива и что если будет в состоянии, то уничтожит его сам, а если нет, то поручит это сделать Вам или Анне Ивановне, т.к. не хочет, чтобы спекулянты от науки издавали со своим предисловием в несколько строчек его не законченные для печати работы. [...] Я помню, Вы приезжали, просматривали этот архив. Что-то отобрали, а остальное поручили мне сжечь, что я и сделала, не читая. Прошло много лет, у Николая Иосифовича, конечно, накопилось, много новых набросков и записей для себя. Сожгите их. Ибо никто не знает, когда наступит его час, а оставлять все после себя нельзя" (РГАЛИ. Ф.2817. Оп.1. Л.58. Л.4-4об.).

Настоящий том состоит из трех разделов. Его трехзвенная структура была подсказана самим характером выявленных материалов, отражающих различные грани творческой индивидуальности Н.И. Конрада. Первый раздел включает научные труды. Их всего четыре, но их хронологический диапазон охватывает всю жизнь ученого, позволяя тем самым читателю познакомиться и с этнографической работой молодого Конрада ("Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX-XX веков"), и с эссе маститого, признанного ученого «Об издании "Исповедей" Августина Аврелия, Ж.-Ж. Руссо и Л.Н. Толстого». Второй раздел составили документы, связанные с научно-организационной деятельностью Н.И. Конрада, направленность которой на сохранение лучших традиций отечественной дореволюционной ориенталистики и преемственность в науке, весьма актуальна и в наши дни. Помещенные здесь материалы в основном относятся к 1950-60 годам, когда ученый принимал самое активное участие в возрождении "забытых" имен репрессированных востоковедов, становлении новых для советской гуманитарной науки направлений в истории, литературоведении и др.

В третий раздел тома выделены эпистолярные материалы Н.И. Конрада: его переписка с английским историком и философом А. Дж. Тойнби, постессой Н.А. Павлович и письма 1913-1970 гг. К сожалению, объем данного издания не позволил представить эпистолярное наследие Н.И. Конрада во всем его многообразии и полноте. Только нами выявлено более 900-т писем ученого; поэтому из обширной переписки с Б.Б. Вахтиным, М.Е. Сергеевко, Т.И. Райновым, В.М. Жирмунским и др. мы были вынуждены отобрать те письма, которые характеризуют прежде всего те или иные грани личности и мало известные факты биографии Конрада. Этот раздел — свособразный коллаж, призванный скорее обозначить многие историко-научные и биографические темы, чем представить их в разрешении. Примечания к письмам носят краткий поясняющий характер; нам хотелось максимально дать слово самому ученому, оставляя для будущего интерпретацию его суждений. Как уже отмечалось выше, книга готовилась к изданию в 1991 г. За прошедшее время ряд ее материалов был опубликован, однако мы сочли возможным полностью сохранить ее прежний состав. Опубликованность материалов отмечается в комментариях.

Все разделы тома сопровождаются комментариями. Заголовки документов, данные составителями, отмечены звездочками, остальные — авторские.

Текст документов передан в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации; особенности написания Н.И. Конрадом отдельных слов, личных имен и географических названий в письмах сохранены. Добавления составителей в текстах берутся в квадратные скобки. Сокращенные слова, допускающие единственно возможное про-

чение, раскрываются без квадратных скобок. Авторские подчеркивания выделены курсивом.

Для удобства пользования разделом писем была проведена унификация написания их датировки — даты помещены непосредственно перед текстом. С этой же целью все даты пишутся единообразно, независимо от их написания в оригинале. Даты писем до 1 (14) февраля 1918 г. приводятся по старому стилю. Даты, установленные составителями, обосновываются в комментариях, где также указаны место хранения документов и способ их воспроизведения. Биографическая справка о корреспондентах Конрада приводится в комментариях к первому публикуемому им письму.

Издание снабжено списком сокращенных слов и именным указателем.

В подготовке настоящего издания участвовали: Р.Ш. Джарылгасинова — подготовка текста, послесловие и комментарии к "Очеркам социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX-XX веков"; Г.А. Ткаченко — подготовка текста (совм. с М.Ю. Сорокиной) и комментарии к "Очеркам истории китайской литературы"; М.Ф. Чигринский — подготовка текста и комментарии к статье "Синолог из Оптиной пустыни". Документы второго раздела выявлены и прокомментированы А.О. Тамазишвили, третьего — М.Ю. Сорокиной. Публикация материалов раздела "Н.И. Конрад — Н.А. Павлович" — сделана И.Г. Птушкиной.

Составители приносят глубокую благодарность Т.Н. Бедняковой, И.В. Вахтиной, А.Я. Гуревичу, Е.В. Гурко-Кряжиной, Ю.В. Ионовой, Л.Д. Опульской, В.С. Сановичу, Ф.А. Тодер, С.Л. Тихвинскому, М.С. Цын и Г.Р. Воложу за возможность познакомиться и использовать в данной работе материалы их личных архивов, часть которых передана ими в Архив РАН в фонд Н.И. Конрада, а также Н.И. Крайнсвой, В.С. Мясникову, И.Г. Птушкиной, И.Э. Циперович за большую помощь и поддержку в этой работе.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕЙЦЕВ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

I. Социальное устройство

Социальное устройство корейцев — их классовый быт и организация прежде всего должны быть известны соприкасающимся с ними, и к удивлению они известны менее всего. Разумеется, новые веяния чужеземной культуры, государственные и социальные мероприятия и реформы после аннексии* и раньше — внесли много [изменений] в социальный уклад страны — однако тысячелетний склад понятий и представлений, тысячелетняя организация не могли так скоро исчезнуть и поддерживаются еще и до сих пор, если не юридически, то в народном сознании. С этой точки зрения теперь, как и раньше, существует деление на классы, существуют привилегированные сословия, существуют и партии, чье положение до сих пор еще санкционировано народными понятиями и всем укладом социального мировоззрения корейцев, так что действующие законоположения не повлияли на это.

Социальный состав населения

I. Ванджок¹ — королевский род.

II. Янбаны [дворяне]

Под этим названием подразумевается вообще чиновничество:

- 1) гражданское — мунгван или тонъбан;
- 2) военное — мугван или собан.

* Приношу глубокую благодарность Л. Б. Никольскому, сообщившему мне корейские слова, которые все у автора были написаны только иероглифами (прим. Н. И. Фельдман-Конрад).

По своему происхождению дворянство считается разделяющимся на:

1. чхонджок — чистокровных янбанов;
2. кванджок — чиновных янбанов;
3. йонбок — приобретших янбанское достоинство путем брачных связей.

Помимо этого деления существует еще и иное деление, основанное частью на степени знатности рода, частью на территориальном признаке:

1. чонъчхин — родственники королевского дома;
 2. кйонъсон янбан — столичные янбаны (или кйонътхотэбу);
 3. чибанъ янбан [или хяньтходжок (пу)] — провинциальные янбаны.
- Столичные янбаны в свою очередь подразделяются на две группы:
- а) пукчхон — группа Северной деревни
 - б) намчхон — группа Южной деревни.

Группу Северной деревни составляют мунгван — гражданские чиновники, живущие к югу от улицы Чонно в Сеуле. Группу Южной деревни составляют мугван — военные чиновники, живущие на юг от моста Супхёгё в Сеуле. Иное общее наименование столичных янбанов — намбук янбан².

III. Чунъин — средний класс.

По словам корейцев, чунъин — это тот класс, который был специально образован в начале династии И (Ли)³ из потомков вассалов династии Корё⁴. В настоящее время они сосредоточились в окрестностях моста Супхёгё в Сеуле и считают своей главой некоего Ко Бинхи, бывшего министром в эпоху, непосредственно следовавшую за указом о уравнивании сословий 1895 г.⁵ Главные занятия чунъин:

1. покван — переводчики-посредники в торговых сношениях Кореи с Китаем;

2. киеса — статистики и заведующие счетной частью;
3. чхыкху — астрономы и метеорологи;
4. попхак — судьи;
5. сажажван — писцы;
6. тохвабу — художники и рисовальщики;
7. кэмнугван — "заведующие временем" — часами;
8. ыйса — врачи.

IV. Санъмин Обыкновенный народ. Иные названия: санъхан, сомин, санъин, соин.

Под этим названием подразумевается вся масса народа, следующая за янбанами и средним классом, являющимся таким образом промежуточным звеном между "дворянством", с одной стороны, и "чернью", с другой. Ввиду чрезвычайной обширности этого класса корейцы подразделяют его на несколько частей, из которых главных три:

1. пхйонъмин — под чем разумеются главным образом земледельцы;

2. чемин — особая группа людей, не связанных определенной профессией (часто — торговцы);

3. сомин — "маленький" или "мелкий" народ.

Эта последняя часть, в свою очередь, подразделяется на следующие группы:

а) чхимбан кончхон — "семь разрядов общественных слуг";

б) пханъбан сачхон — "восемь разрядов частных слуг".

К первой группе, [т. е. к "семи разрядам общественных слуг" — прим. Р. Д.] принадлежат:

1. кисонъ — гейши

а) импхэ — так наз. кванги — придворные гейши;

б) ипхэ — бывшие кванги — придворные гейши;

в) сампхэ — чханъхи — проститутки;

2. нэин — особый род йогван, т. е. женщин-чиновников, несущих службу во дворцах;

3. иджок (иначе виджон)

а) санъчхонин — "люди верхней деревни";

1) ноксасори — мелкие служащие в правительственных учреждениях

2) мелкие слуги во дворцах

3) югыйджон — торговцы бумажными и шерстяными тканями.

Жительство иджок — к Северу от моста Квантхонгё в Сеуле.

б) хачхонин — "люди нижней деревни"

1) т. наз. мугам — дворцовая охрана

2) низшие служащие в лагерях, казармах и т. п.

3) торговцы овощами, рыбой и галантерейными товарами.

Жительство — к югу от моста Хёкё в Сеуле.

Перечисленные иджок относятся к столичным; часть их живет также в провинциях и известны там чаще всего под названиями хянъни и кари, т. е. в первом случае наследственные иджок, во втором — случайные.

4. ижчол — служащие на почтовых станциях, кучера, перевозчики и заведующие станциями — должность обычно наследственная.

5. нойон — служащие в провинциальных правительственных учреждениях.

6. кванби — служащие в правительственных учреждениях.

7. юджи доманъджа — преступники, употребляемые как общественные рабы.

Ко второй группе [т. е. к "восемью разрядам частных слуг" — Прим. Р. Д.] принадлежат:

1. сынъниэ -- буддийские монахи и монахини.

2. йонъин -- прислужники на пирах

3. ээин [иначе — квандэ или чханъбу] — певцы, певицы, танцовщицы и музыканты

4. мунио — женщины-шаманки.

5. саданъ — провинциальные актеры и главным образом актрисы.
6. кори — провинциальные актеры.
7. хиеджанъ — выделыватели корейской обуви.
8. пэкчон — парии (мясники, занимающиеся скотобойным промыслом, мастера плетенных изделий из ивовых прутьев, кожевники, сапожники)⁶.

Этот последний раздел представляет собой интерес в силу его особого устройства и происхождения. Этим пэкчон корейцы даже выделяют в совершенно особую группу, неизмеримо ниже стоящую по своему общественному положению даже "людей седьмого разряда" — т. е. корейских сапожников.

Отдельно от вышеперечисленных разрядов населения корейцы ставят:

1. нэгван, иначе нэси. Под этим названием разумеются опять-таки дворцовые слуги, выбираемые из провинциальных янбаней или из среды иджок;

2. нойэ — рабы.

Род

Основные признаки рода

Под словом "род" корейцы подразумевают понятие "тонъбон-тонсонъ", т. е. "одинаковое происхождение и одинаковая фамилия". Не удовлетворяющие этим условиям считаются принадлежащими к разным родам⁷.

Размеры рода (границы понятия "родственник")

1. Пончонъ — главная линия.

Юктэджо — пращур (собств. предок в 6-ом поколении) и его жена, его сыновья и дочери; потомки обоего пола сыновей (но не их жены) до 6-го поколения вниз.

Коджобу — пра-прадед (сын предыдущего) и его жена, их дочери и сыновья; потомки обоего пола сыновей до 6-го поколения, а также жены мужских потомков до 4-го поколения вниз.

Чынъджобу — прадед (старший сын предыдущего) и его жена, их дочери и сыновья; потомки обоего пола сыновей до 5-го поколения, а также жены мужских потомков до 4-го поколения.

Чобу — дед (старший сын предыдущего) и его жена, его сыновья и дочери; жены сыновей и мужа (чужого рода) дочерей; потомки обоего пола сыновей до 5-го поколения, а также их жены до 4-го поколения; дети обоего пола дочерей; сыновья внуков по женской линии, т. е. дети предыдущих — правнуки, но не правнучки.

Пу — отец (старший сын предыдущего) и его жена, его сыновья и дочери; жены сыновей и мужа дочерей; потомки обоего пола сыновей до 5-го поколения, а также жены мужских потомков до 4-го поколения; дети дочерей, а также жены внуков от дочерей.

А [Я] — (старший сын предыдущего) и жена А.

Сыновья и дочери А, их жены и мужья; потомки мужского пола сыновей до 5-го поколения и их жены до 3-го поколения; потомки мужского пола дочерей до 4-го поколения и их жены до 3-го поколения; внуки от дочерей.

Чаньджа — старший сын предыдущего и его жена. Его сыновья и их жены; мужские потомки сыновей до 4-го поколения.

Чаньсон — старший внук и его жена; его сыновья и дети сыновей. Чаньхионсон — старший правнук и его жена; его сыновья.

Чанджынсон — старший пра-правнук и его жена.

2. Чхобань — родственники со стороны жены.

Отец жены и его родители; мать жены, ее родители.

Братья отца жены (тестя) и их жены; сестры тестя (т. е. **другие дети** родителей отца жены).

Братья жены и их жены; сестры жены.

Племянники и племянницы жены (т. е. дети предыдущих).

3. Мобань — родственники со стороны матери.

Родители матери и родители этих последних. Братья родителей матери, т. е. отца со стороны матери (но не бабки) и дети обоего пола этих последних; внуки их; внучки по мужской линии.

Братья и сестры матери (дяди и тетки), а также жены братьев (но не мужья сестер). Дети дядей и теток (двоюродные братья).

Дети (сыновья) двоюродных братьев.

Все лица, обозначенные в этом списке, считаются родственниками. Помимо этого сюда причисляют еще вторых жен, сводных братьев и сестер и кормилиц.

Приведенный список употребляется в тех случаях, когда возникают вопросы о том или ином сроке траура, а также несении траура вообще. Большинство степеней родства с математической точностью определяется словом чхон.

Родственные наименования

I. Со стороны А [Мой — мои]

старший сын — чаньджа

старшая дочь — чаньнийо

остальные сыновья — чуньджа

остальные дочери — чуньнийо

жена сына — чабу

муж дочери — йоджан

дети дочерей (мальчики) — весон

дети дочерей (девочки) — весонийо

внуки дочерей — веджаньсон (если **девочки, то еще** нйо)

дети сыновей (за исключением детей **старшего сына**) — чуньсон

старший сын старшего сына (старший внук) — чанъсон
прочие сыновья старшего сына — чунъсон
старшие и прочие дочери старшего сына (т. е. внучки) — чунъсонийо

II. Жены А — для А [моей жены (для меня)]

отец — чанъин, акпу
мать — чанъмо
старший брат — чхонам
младший брат — чхохйонъ
старшая сестра — чходже
младшая сестра — чхондже
сыновья братьев жены (племянники) — [чходжил]
дочери братьев жены (племянницы) — чходжил или [чхилнийо]
сыновья сестры жены (племянники) — чхосукджил
дочери сестры жены (племянницы) — чхосукджиллийо.

III. Матери А. — для А [моей матери — (для меня)]

отец — веджобу
мать — веджомо
дед — веджанъджобу
бабка — веджанъджомо
братья — вебъксукпу
жены братьев — [вебъксукмо]
сыновья братьев — [веджонъхийондже]
внуки братьев отца — веджэджонъджамо
дочери братьев — веджонъджамэ
сестры — йомо
сыновья сестер — веджонъхийондже
дочери сестер — наджонъджамэ
внуки братьев — веджонъджил
внуки сестер — иджонъджил
внучки братьев — веджонъджил
внучки сестер — нэджонъджил
внучки сестер отца — чхойджиллий

IV. Моего отца для А [для меня]

отец — чобу
мать — чомо
дед — чанъджобу
бабка — чанъджомо
братья — пэксукпу
сестры — копъкъхунъмо
жены братьев — чонъбулийондже
сыновья братьев — веджонъхийонджэ
дочери братьев — чонъджиллийо

внуки братьев — чонъджил
внучки братьев — чонъджилльо
правнуки (правнучки) братьев — чэджонъсон(ийо)
сыновья сестер — нэджонъхйонъдже
дочери сестер — нэджонъджамэ
внуки сестер — нэджонъджил
внучки сестер — нэджонъджилльо

V. Деда А. — для А [моего деда — для меня]

братья — чонъджобу
жены братьев — чонъджоджомо
сестры — чонъджоджого
сыновья братьев — чонъбэксукпу
жены детей братьев — чонъбэксукмо
дочери братьев — чонъджого
внуки братьев — чонъджохйонъдже [чэджонъхйонъдже]
внучки братьев — чонъджоджамэ, чэджонъджамэ
правнуки братьев — чэджонъджил
правнучки братьев — чэджонъджилльо

VI. Прадеда А. — для А [моего прадеда — (для меня)]

братья — чокджанъджобу
жены братьев — чокджанъджомо
сестры — чокджанъджого
сыновья братьев — чокджобу
их жены (т. с. предыдущих) — чокджомо
дочери братьев — чокджого
внуки братьев — чокпу
жены внуков братьев — чокмо
внучки братьев — чокко
правнуки братьев — чокхионъдже (самджонъхйонъдже)
правнучки братьев — чокджомэ (самджонъджамэ).

VII. Пра-прадеда А — для А [моего пра-прадеда — (для меня)]

братья — чонгоджобу
сестры — кодэго
сыновья братьев — чэджонъджанъджобу
дочери братьев — чэджонъджанъдэго
внуки братьев — самджонъджанъджобу
внучки братьев — самджонъджанъдэго
правнуки братьев — самджонъбэксукпу
правнучки братьев — самджонъго
пра-правнуки братьев — самджонъхйонъдже
пра-правнучки братьев — самджонъджамэ.

Помимо перечисленных родственных наименований, существует целая система наименований в ином порядке, например, "как меня назы-

васт жена моего старшего брата?", или "как я называю в разговоре с другими моего старшего брата?" и т. п. Интересны эти названия, равно как и иные наименования, представляющие вариации вышеприведенных, но относящиеся к простонародному языку. Этот последний не знает такой точно дифференциации, какая приведена выше и которая доступна лишь иероглифам, равно как и не содержит обозначений очень многих родственных связей, но зато интересен в том отношении, что открывает факты вроде того, что я называю своего старшего брата в разговоре о нем с третьими лицами термином, близким по значению к понятию "дядя".

Семья

Пу — отец

Слово "пу" — отец — употребляется в трех случаях:

1. тонъогйсбу. Так называется отчим, т. е. муж матери во втором браке, детьми в том случае, если эти последние вместе с матерью перешли в дом ее нового мужа.

2. пудонъогйсбу. Так называют отчима дети, живущие отдельно от своей родной матери и ее мужа.

3. юкупутонъогйсбу. Так называют отчима дети, с самого момента вступления матери во второй брак отделившиеся от нее.

Все эти три случая объединены термином самбу ["три отца"].

Помимо этого, существует обычное подразделение понятия "отец" на две части: 1) силбу — настоящий, действительный отец; 2) яньгабу — приемный отец.

Мать — [мо]

Название мо покрывает собою прежде всего случаи силмо, т. е. родной, действительной матери, и яньмо — приемной матери. Кроме того, существует термин пхалмо, т. е. "восемь матерей", под которыми разумеется следующее:

1. чонъмо — название законной жены детьми вторых жен.

2. киемо — соответствует русскому — мачеха.

3. яньмо — название приемной матери-воспитательницы сиротами, оставшимися без родителей.

4. чамо — название детьми наложницы других наложниц отца.

5. камо — название родной матери, вышедшей за другого по смерти первого мужа или разведенной.

6. чхулмо — название родной матери, ушедшей из дома своего законного мужа.

7. сомо — название наложницы отца детьми законной жены.

8. юмо — кормилица.

Дети (сыновья) — [ча]

каджа — законные дети, т. е. дети от законной жены — чонъчхо.

соджа — дети от наложницы чхон. Иные названия — чваджок.
яньджа — приемные дети.

Законные сыновья

Законные сыновья, т. е. сыновья от главной жены, являются единственными продолжателями рода; к ним переходит домашняя власть, наследство и обязанности совершения всех обрядов перед предками. На первом месте стоит старший сын, по его смерти старший внук и т. д. Если же старший сын умирает неженатым или бездетным, власть переходит ко второму сыну. Если законных детей в семье нет, закон предлагает передать все прерогативы законного наследника побочным детям, но на деле это почти не случается, ибо положение побочных детей чрезвычайно низкое; общество не желает признавать их, как настоящих продолжателей рода, и поэтому в подобном случае права и обязанности старшего сына переходят к усыновленному.

Побочные сыновья

Побочные сыновья, т. е. дети от наложниц, совершенно не пользуются никаким признанием ни в обществе, ни в своей семье. Они ограничены в правах заключения брака, будучи принуждены брать себе жен от таких же побочных ветвей или же из классов наиболее низких по общественному положению. Не имеют права участвовать и совершать обряды в честь предков, ограничены в правах службы и пр. Благодаря этим жизненным условиям они составляли очень беспокойный элемент корейского народа, но в последнее время благодаря реформам⁸ их положение улучшается.

Приемные сыновья

Приемные сыновья -- это мальчики, усыновленные главой семьи из-за отсутствия прямых потомков. Эти мальчики обязательно бывают детьми членов своего же рода, т. е. носящие одну и ту же фамилию и ведущие свое происхождение от одних и тех же предков. По большей части это бывают дети братьев, двоюродных и троюродных братьев. Положение их совершенно одинаковое с положением родных детей.

Наследники и преемники власти

Преемником всех прав и обязанностей главы дома, равно и наследником имущества, является старший сын (действительный или усыновленный) или в случае его смерти старший внук. На нем лежит забота о могилах предков, о совершении нужных обрядов, о генеалогической таблице, о домашнем святилище, о табличках предков и о всем имуществе, равно как и все управление домом. Он обязан поддерживать материально: прадеда, деда с их женами, родителей, детей своих, внуков и правнуков. Обычно также в случае нужды он обязан помогать и братьям, сестрам, родным и двоюродным. Вообще, что касается долга помогать родственникам, то корейцами установлены следующие правила: помогать не-

обходимо: 1) родственникам по главной линии в пределах 8 чхон; 2) родственникам по женской линии в пределах 3 чхон. Однако на деле встречаются примеры, что на счет богатого родственника живут его "20-ти чхонные" родные.

Жены

Термину "жена" соответствует три выражения: чонъчхо, яньчхоп, чхончхоп.

1. чонъчхо — это название главной, законной жены — "настоящая жена".

2. яньчхоп — девушки, взятые из низших классов в качестве наложниц — "добрая наложница".

3. чхончхоп — наложницы из гейш, проституток и вообще из женщин предосудительного поведения — "скверная, презренная наложница".

Дочери

Дочери до своего замужества живут в доме родителей, но ни в коем случае не участвуют в наследстве, как законные, так и побочные. Выйдя замуж, почти прекращают всякие сношения с родительским домом. Однако, несут траур по своим родным и даже долгое время употребляют свою прежнюю фамилию⁹.

[Корейская антропонимия]

Имена

Законы личных имен¹⁰ сводятся к следующим правилам:

В порядке пяти стихий.

В порядке циклических знаков.

В порядке [знаков] Цяньцзивэнь.

В порядке [терминов] Ицзин.

В порядке [пяти конфуцианских добродетелей].

[В порядке одинаковых знаков.]

1) Порядок пяти стихий

Этот порядок основан на учении о пяти стихиях¹¹, получившем разработку в китайской философии, главным образом эзотерической. Сущность его сводится к перенесению в область наименований тех же принципов последовательности и преемственности, которые лежат в основе этого учения, излагающего последовательность порождения всех вещей, т. е. всего сущего в материальном мире. Как известно, по учению этой доктрины "дерево" рождает "огонь", "огонь" — "землю", "земля" — "металл", "металл" — "воду", "вода" — "дерево" и т. д. В силу же зависимости всего сущего от стихий, та или иная имеет свое отражение и в человеке. Следовательно, имя, как свойственное данному индивидууму, имеющее поэтому самую тесную с ним связь, являющееся неразрывной частью его и его природы, должно быть даваемо ему не произвольно, но со строгим выбором, чтобы не получилось несоответствия между его

внутренней сущностью, его природой, коренящейся в определенной стихии -- и названием. Такое несоответствие, как вносящее разлад в человека, может быть залогом всяких бед и несчастий. Отсюда при выборе личного имени руководствуются только "стихиями", для чего анализируется имя отца и условия рождения ребенка. Наиболее просто это соответствие имени и природы человека проявляется в выборе иероглифов, которые, так сказать, графически могут ассоциироваться с данной стихией. Так, если, например, первый иероглиф будет со знаком "дерева" *Санъхун* (*Сан* — с ключом "дерево"), то в имени сына второй [иероглиф] (как второе поколение) будет со знаком "огня" — *Чунъхван* (*хван* — с ключом "огонь"), ведь "дерево рождает огонь"; в имени внука, т. е. сына Чунъхвана, иероглиф будет иметь ключ "земля".

2) Порядок циклических знаков¹².

Если в имени отца один иероглиф относится к категории первого циклического знака, то в имя сына входит иероглиф категории второго.

3) Порядок "Цяньцзывэня"¹³.

Этот очень простой порядок состоит только в том, что в имена последовательных поколений вставляются иероглифы, следующие в порядке известного китайского "Тысячесловия" ("Цяньцзывэня"). Соблюдение этого порядка может при случае доказывать действительную древность рода.

4) Порядок "Ицзина"¹⁴.

Иероглифы, обозначающие известные "четыре добродетели" "Ицзина", также могут ставиться в качестве личных имен, причем их последовательность может являться указанием на взаимное отношение двух поколений или же на порядок старшинства в одном поколении.

5) Порядок пяти конфуцианских добродетелей¹⁵.

Иероглифы, обозначающие пять добродетелей, выведенных неоконфуцианской философией, также могут указывать на старшинство личное по возрасту или в роде — по поколению. Обыкновенно при наличии нескольких сыновей в семье они носят такие имена по порядку.

6) Порядок одинаковых знаков¹⁶.

Часто члены одного и того же поколения, особенно же братья, имеют в своем имени один одинаковый иероглиф. Это правило, однако, соблюдается не столь часто.

Благодаря наличности всех этих законов для знающего их представляется всегда возможным по тем или иным признакам определить, в каком отношении данные члены семьи находятся друг к другу, а также какое место они занимают по отношению к своему роду в целом. Разумеется, вся масса корейского народа почти совершенно не посвящена во все эти тонкости — этому препятствует хотя бы то, что все эти правила, как построенные на иероглифических признаках, требуют знания их. Обыкновенно сами родители отнюдь не занимаются подбором имени для

своих детей — для этого существуют особые специалисты, начетчики, "ученые" в китайской науке, преимущественно "гадательной", которые и определяют нужное и соответствующее имя.

Лица, имеющие "двойные" фамилии, т. е. состоящие из двух иероглифов, имеют имя только из одного иероглифа. Точно так же обстоит дело и у носителей фамилии Хо. Если в первом случае это объясняется стремлением сохранить традиционную трехзначную систему полного наименования, то для рода Хо однозначное имя служит, как говорят, наказанием, которому подверглись их предки за свой мятеж против правителей. Это лишение одного знака должно будто бы всегда накладывать на них печать мятежников и бунтарства.

Фамилии ¹⁷

Фамилия -- это название, присоединяемое ко всем без исключения членам рода и поставленное впереди личного имени. Основными корейцы считают шесть следующих фамилий родов, которые так и называются "6 фамилий" юксонъ: И (Ли), Ким, Чхве, Ан, Хван, Пак.

Вообще родов насчитывают 104, но многие корейцы утверждают, что настоящих, действительных из них -- всего 74--75, остальные же будто представляют ответвления, ставшие впоследствии обособленными.

Эти 104 рода следующие:

Роды, носящие фамилии:

И [Ли] — 15

Ким — 14

Со — 3

Чо — 5

О — 1

Сон — 3

О — 2

Ханъ — 2

Нам — 1

Пак — 7

Мин — 1

Юн — 7

Син — 2

Хан — 1

Чонъ — 3

Ю — 3

Ом — 1

Ю — 1

Чо — 1

Квон — 1

Канъ — 1

Итого 21 фамилия — 80 родов

Всего 42 фамилии и 104 рода.

Роды, носящие фамилии:

Сэнь — 1

Им — 1

Ан — 3

Чхве — 1

Хо — 1

Чанъ — 1

Ку — 1

Вон — 1

Ко — 1

Ян — 1

Пйон — 1

Ан — 2

Хванъ — 1

Пэк — 1

Мок — 1

Им — 1

На — 1

Сим — 1

Ки — 1

Санъ — 1

Чонъ — 1

Итого 21 фамилия — 24 рода

Каждый из перечисленных родов отличается от другого своей "родиной"¹⁸, т. е. тем местом, откуда произошли отдаленнейшие предки рода. Ввиду того, что многие роды носят одинаковые фамилии, необходимо чем-нибудь отличать их один от другого, поэтому к каждой фамилии обычно присоединяют еще и название того места, откуда род ведет свое происхождение. Последнее строго соблюдается еще и по той причине, что все эти роды отличаются еще друг от друга по степени древности и знатности, поэтому если корейскому уху мало говорит название И [Ли] вообще, для него становится вполне ясным, о ком идет речь, если скажут Убонънниси, т. е. дом И из Убон. Помимо этого, указание родины становится необходимым еще и потому, что простой народ (санъмин) носит в большинстве случаев — из подражания — те же фамилии, и поэтому упоминание одной только фамилии без указания, откуда она, может ввести в заблуждение относительно принадлежности данного лица к тому или иному классу. Простой же народ, конечно, не имеет возможности указать своей родины, равно как и нет у них генеалогических таблиц¹⁹, составляющих необходимую принадлежность всякого янбанского рода.

[Янбаны]

Неодинаковость общего количества янбанских родов в разное время, их уменьшение или увеличение объясняется не только тем, что одни роды вымирают, другие разветвляются в самостоятельные, но также и появлением новых родов или утратой дворянского достоинства. Наличие в настоящее время большого количества дворянских родов объясняется именно тем, что появление династии И [Ли] создало целый контингент янбанов, которые не имеют ничего общего с исконным родовым дворянством Кореи: это потомки заслуженных чиновников этой династии. Рассмотрим те случаи, когда янбанское дворянство со всеми связанными с ним преимуществами бывает приобретаемо и, наоборот, что влечет за собой его утрату.

Само собой разумеется, что бесспорное дворянское достоинство приобретается:

1) по наследству, т. е. рождением в законном браке в янбанском семействе. Это "потомственное дворянство" простиралось и на детей от наложниц, хотя они и были стеснены некоторыми ограничениями, главным образом на служебном поприще; впрочем, эти ограничения давно уже фактически отпали;

2) путем брака — для женщин из низшего класса, вышедших замуж за янбанов.

Кроме этого, приобретение янбанского достоинства оказывается доступным и иными путями, оставшимися в распоряжении лиц из низших классов, но состоятельных. Эти пути таковы:

3) покупка чиновничьего звания, которая может быть покупкой а) действительной должности и б) номинального звания.

Принимая во внимание, что занятие должности было делом крайне невыгодным ввиду значительной разницы между действительными доходами местности и теми, которые значатся в официальных реестрах, такая покупка оказывалась удобной и для удовлетворения тщеславия, и для создания благосостояния;

4) покупка или подделка генеалогической таблицы; такие подделки производились обычно в том направлении, что в свою -- заново создаваемую или уже имевшуюся -- таблицу вносились имена, которые получали право считаться боковой ветвью какого-либо несомненно янбанского рода, потому же путем денежной сделки достигалось признание подлинности этого внесения у основного дома. Говорят, что среди многих влиятельных чиновников последнего времени многие свое янбанское достоинство добывали именно таким способом.

Утрата янбанского достоинства происходила по следующим поводам:

1) благодаря браку с презираемыми классами; 2) по суду.

Это имело место обычно в случаях государственных преступлений. Бывало, что при особо тяжких провинностях на положение рабов низводился не только сам преступник, но и три последующие его поколения. Например, автоматически янбанское достоинство отпадало в том случае, когда носители его 3) не занимали государственных должностей в течение нескольких поколений подряд. Это считалось и действительно влекло за собой упадок рода, как в смысле положения, так и материального благосостояния, и утрата дворянства происходила сама собою.

4) Разорение рода точно так же влекло за собою естественный упадок его влияния, и прочность такого разложения низводила янбанов на положение простолюдинов.

[В настоящее время мною ведется исследование относительно сущности родового устройства корейцев и тех институтов, которые действуют среди членов рода. Пока намечено следующее²⁰:]

1) В настоящее время в каждом роде существует мунджан "глава дома" -- лицо, которому в данный момент принадлежит первенствующее положение среди всех членов рода.

2) Обязательно существует генеалогическая таблица, где указан тэджосон²¹, т. е. "родоначальник". Нет таблиц -- нет и рода.

3) Существует особое домашнее святилище саданъ, где хранят таблички с именами предков синви или синджу и где происходят все обряды по отношению к предкам.

4) Существует целый ряд обрядов чеса, совершаемых главою семьи по отношению к предкам семьи и рода.

5) Существует особое празднество в честь родоначальника, называемого сидже.

Обряды выполняются главой рода в настоящее время в присутствии всех наличных членов рода.

6) Родовое право наследования.

7) "Родственный совет", созываемый в особых случаях. Ему принадлежат частью функции суда, частью административные — внутри рода.

8) Родовая ответственность за преступления — в ограниченных пределах.

9) Взаимопомощь — в определенных пределах родства.

10) Обязанность взаимных поздравлений, выражений соболезнований, приветствий и подарков — также, впрочем, в ограниченных пределах (обычно 7-8 чхон).

11) Недопущение браков между членами одного и того же рода; по закону браки не допускаются в случае родства в пределах 10 чхон, на деле же обычай не допускает заключения браков между родственниками какой угодно степени.

Интересно, между прочим, то, что на родственных советах (п. 7) председателями часто бывают не мунъджан (п. 1), а старшие по возрасту или же особо выдающиеся члены рода.

Значение слова ["янбан"]

Слово "янбан" буквально означает "оба разряда", под чем разумеются два разряда чиновников, занимавших высшие значительные государственные должности и имевшие доступ к дворцовым приемам. Обычно эти разряды соответствовали гражданским и военным чинам, которые во время дворцовых церемоний располагались группами по левую и правую стороны дворца. В разное время они носили различное наименование: в эпоху Корё -- гражданские чины назывались "разряд дракона", военные "разряд тигра". Эти названия, видимо, происходили от соответствующей эмблемы, вышитой у них на парадном одеянии. Впоследствии слово "дракон" стало габу — из-за того, что это слово оказалось посмертным именем императора У-цзун-вана, той же династии. В силу этого гражданские чины стали именоваться "Восточным разрядом", военные — "Западным", т. е. по месту своего нахождения у престола, обыкновенно обращенного к югу. И теперь во дворце Кэмбокуин²² в Сеуле можно видеть перед палатой правления выложенные каменными плитами пространство, на левой и правой сторонах которого расставлены каменные же столбы -- знаки, долженствовавшие указывать место различным рангам в пределах каждого разряда.

Это разделение на разряды гражданских и военных, получившееся под влиянием Китая, существовало в Корее с давних пор, но строгое различие их стали проводить только с середины династии Корё, и [особенно], в эпоху последней династии²³. Взаимоотношение между обоими разрядами ознаменовалось резким нарушением взаимного равновесия в сторону гражданских чинов. Такое предпочтение, оказываемое им пра-

вителями Ли, обуславливалось желанием унижить и обессилить военную партию в государстве, интригам и проискам которой государство было обязано смутами и восстаниями в эпоху, предшествовавшую воцарению Ли, т. е. в последнее время династии Корё. В правление Ли эта партия не была допущена ни к одной из высших государственных должностей, ставших монопольным обладанием гражданского класса, отчего ее сила и влияние упали до последней степени.

Под именем янбанов подразумеваются:

- 1) потомки старшин и членов родов эпохи родового быта;
- 2) члены домов, из поколения в поколение занимавших высшие государственные должности;
- 3) дома, выдвинувшие выдающихся ученых-конфуцианцев;
- 4) потомки домов, занимавших влиятельное положение благодаря своему богатству;
- 5) и, наконец, самозванцы, присвоившие себе это название, пользуясь неопределенностью юридического положения этого разряда населения.

Поэтому наименование "янбан", признаваемое за кем-либо из одной провинции, часто не признается в другой, часто такое же сомнение существует о каком-либо роде, провозглашающим себя янбанами даже в пределах его провинции.

Янбаны делятся, так сказать, на "подлинных" и "сомнительных", причем число этих последних в последнее время, благодаря общему ослаблению корейской классовой организации, сильно увеличилось. Существуют, однако, до сих пор роды, которые считаются всюду бесспорно янбанского происхождения. Впрочем, строгие критики, знатоки корейских генеалогий, находят и в этой среде *homines novi*, которых насчитывается до 30 родов. Из этих подлинных янбанов одни роды возводят своих предков к главам родов эпохи родового быта, другие считают своими родоначальниками представителей могущественных полуфеодалных домов начала эпохи Силла²⁴ и, наконец, третьи называют своими основателями каких-либо знаменитых государственных деятелей времени династии И [Ли].

Каждый янбан, если только он хочет считаться янбаном, должен помимо указания своего родоначальника, назвать также и свою "родину", т. е. то место, где начался его род, откуда вышли и где жили его предки. Однако в силу многих исторических условий, особенно благодаря реформам династии И [Ли], многие дома назвать ни своей "родиной", ни местности своего первоначального происхождения, ни ту область, где в последнее время особенно развернулась деятельность и влияние их рода, не могут. Иные потеряли название своей родины просто в силу их общего переселения в другое место и прочного обоснования на нем.

Несмотря на общее название "янбаны", в их среде существует строгое различие родов по степени их знатности и благородству происхожде-

ния. Это различие особенно выступает во время переговоров о брачных союзах между двумя родами, причем во время этого приходится убеждаться, что в глазах янбанов главную роль играет не богатство, но именно благородство и древность происхождения. Так, недавно велись такие переговоры одним известным в Корее миллионером, живущим в Кэйдзэ²⁵ [Сеуле] и нажившим себе состояние операциями с женьшенем. Противная сторона — сторона невесты — вела свое происхождение от царского рода династии Корё. И миллионеру, ведущему свое происхождение от незначительных янбанов — чиновных в Сеуле, было без колебаний отказано, несмотря на всю материальную выгоду этого брака для небогатых ван'ов. Из опасности мезальянса при переговорах всегда делается самое усердное и настойчивое исследование степени благородства и знатности обоих домов, причем эти два качества в большинстве случаев оказываются строго определенными для каждого рода, называющего себя янбанским.

Руководством для определения степени знатности и древности рода обыкновенно служит генеалогическая таблица, наличие которой представляется необходимым для янбанов. В силу важности ее для доказательств своего происхождения подлинного дворянства эта таблица крайне драгоценна для янбанов и сохранить ее — их первая и главная обязанность. Поэтому во время пожара и т. п. первым делом спасают эту таблицу, а затем уже и другое.

Эти таблицы, помимо своего указанного значения, имеют еще ту важность, что служат в нужных случаях для установления родства двух и более домов между собой. Обнаружение такого родства, даже при отсутствии всякого сознания его в живущих потомках, определяет взаимоотношения членов обоих домов и накладывает на них определенные обязанности, предусматриваемые родственными обычаями гостеприимства, взаимной помощи, покровительства более влиятельных менее сильным и т. д.

При полном запрещении брака между членами одного и того же рода (экзогамности) установление родства между договаривающимися сторонами путем сравнительного изучения таблиц может служить препятствием для желательного в других отношениях брачного союза; достаточно установить определенную степень родственной близости обоих родов, чтобы брак расстроился.

Фамилии янбанских родов все китайского происхождения²⁶, т. е. представляют собой чтение китайских иероглифов в корейском произношении. Объясняется это тем, что очень многие роды ведут свое происхождение из Китая²⁷, выходцами из которого Корея заполнялась регулярно после каждого крупного переворота, влекшего за собой обыкновенно преследование части населения. Эти китайские эмигранты и дали свои фамилии очень большому числу нынешних корейских дворянских родов. Прочие же роды, даже и чисто корейского происхождения, также

носят китайские фамилии, что объясняется китайским влиянием, заставшим корейцев со середины Силла называть себя китайскими именами²⁸. С династии Корё идет обычай и остальному населению давать определенные имена, причем и эти имена были подражанием Танскому Китаю. Затем вторжение с Севера могущественных народностей вроде киданей и монголов (сяньбийцы), наряду с воздействием в племенном и культурном отношении, оказало также влияние и на образование имен и фамилий корейцев. Встречающиеся теперь двойные фамилии в роде Санхун, Чунъхван принадлежат как раз к этой группе.

Древними считаются в Корее обыкновенно роды, которые могут насчитывать 40–50 поколений, наиболее же древнего происхождения считается в настоящее время род Сэну²⁹, который возводит себя к известному Кыйдзя³⁰.

Фамилии не янбанского населения обыкновенно те же, что у янбанов. Кимы, Паки и Ли существуют как в среде дворян, так и среди самых низших слоев населения. Однако, различие между ними проводится самое строгое и ценность каждого Пака хорошо известна в его округе. Фамилии эти берутся их обладателями совершенно по произволу.

Права и привилегии янбанов

1) Право занимать всякие государственные должности вплоть до самых высших (средний класс ограничивался только врачебными должностями, астрономами и т. д., специальность — переводчики). Это право сосредоточивало в их руках всю полноту власти в стране, как законодательной, так и исполнительной.

2) Освобождение от воинской повинности. Сначала при [династии] Ли была всеобщая воинская повинность, и янбаны от нее откупались взятками и отделывались неправильными показаниями возраста и т. д., так что в конце концов обратились к нынешней системе.

3) Освобождение от всяких налогов и податей, кроме налога на земельные владения.

4) Освобождение от принудительных работ всякого рода.

5) В силу этого: освобождение от регистрации, которая проводилась главным образом для воинской повинности и взывания податей.

6) Имели право выставлять вместо себя заместителей в случае приговоров к телесному наказанию.

7) Когда они сами подвергались такому наказанию, то их ударяли не по ягодицам, а по голени, а не плетью, а пучком сухих веток.

8) Право отвечать на суде стоя, а не на коленях. К числу преимуществ в жизненном обиходе относились главным образом некоторые особенности в одежде и головных уборах:

1) Имели право носить головной убор кван³¹, род дворянско-чиновнической шляпки, в то время как прочее население довольствовалось угловатой чонъджагван³² — шляпой китайского фасона.

2) Имели право носить форменную одежду, как привилегию должностных лиц, со всеми ее атрибутами.

3) Кожаная обувь находилась также в исключительном пользовании янбанов.

4) Только янбанам разрешалось пользоваться паланкинами с четьрьмя и более носильщиками.

Этим привилегиям в одежде и прочем соответствовали привилегии в архитектуре жилища:

5) Только янбаны имели право делать ворота главного входа несколько выше, чем ограда по обе стороны их.

6) Только янбаны могли употреблять круглые балки для черепичной кровли.

В общежитии янбаны имели право требовать со стороны прочего населения следующее:

1) Употребление в разговоре почтительных выражений о янбанах и в разговоре с янбанами и вообще при делах с ними высказывать почти-тельность позою, жестами и т. п.

2) Низшие не имели права курить в присутствии янбанов.

3) Низшие не имели права в их присутствии надевать очки.

4) Низшие должны при встрече уступать им дорогу.

5) При встрече с ними или проезде мимо их дома в экипаже **или** верхом должны слезать и идти пешком.

6) Не имели права пересекать дорогу или обгонять.

7) В гостиницах должны уступать им лучшую комнату.

Наряду с этими, так сказать, легальными преимуществами янбаны, как господствующий класс, сумели присвоить себе многое другое, что являлось прямой узурпацией и своеволием, но что санкционировалось временем и обычаями. К этим самовольно присвоенным правам принадлежали:

1) Право облагать окрестное население данью в свою пользу, как единовременной мерой, так и в форме постоянной подати.

2) Право взимания пошлины за пользование всеми водами своего округа, служащими для орошения.

3) Право присвоения себе всех водных богатств своего округа, рыбных, растительных и пр.

4) Право иметь собственные вооруженные отряды, как для личной охраны, так и для нужных воздействий на окрестное население.

5) Право арестовывать и подвергать задержанию неугодных им лиц, пользуясь для этого своею воинскою силой.

6) Право прибегать к пыткам при допросе задержанных.

Эти права, оспаривать которые законы не желали, а население было не в силах, давали возможность янбанам действовать в своих округах буквально по своему произволу, не стесняясь ни размерами, ни качеством деяний. Так, история взаимоотношений янбанского сословия и прочего населения знает такие примеры, как

7) захват земель, принадлежащих низшим классам, особенно лучших в смысле местоположения и орошения;

8) захваты чужого имущества, и даже --

9) организованные походы в другие провинции с целью захвата земель и грабежа.

Наконец, янбаны никогда не стеснялись.

10) занимать для своих кладбищ лучшие места на склонах гор и холмов, принадлежавших не им, и тем, во-первых, отнимать землю, годную для обработки, и, во-вторых, вырубать леса, покрывающие эти склоны. Отсутствие почти всякой растительности по склонам корейских гор объясняется главным образом этим хозяйничанием янбанов.

Все эти незаконные акты редко вызывали кару со стороны государственной власти, потому что, с одной стороны, вся власть находилась в руках тех же янбанов и жалобы населения, обращенные к ней, не достигали цели; с другой же — потому, что многие янбанские роды были настолько могущественны и влиятельны в своей местности, что сама администрация трепетала перед ними, сознавая всю свою зависимость от них же. В таких случаях представители этой администрации не только не осмеливались вступать в борьбу с таким родом, но всячески старались заискивать у него, желая таким путем обрести его покровительство и закрепить свое служебное положение. Понятно, это относилось, главным образом, к тем случаям, когда чиновники данной местности происходили из менее знатных и могущественных родов.

Отношение населения, подвергавшегося таким образом всяческим притеснениям и угнетением со стороны янбанов и остававшегося беззащитным, не могло не быть самым враждебным. Эта враждебность и ненависть были, однако, по необходимости скрытными, ибо проявление их могло навлечь на виновника новые беды. Иногда только терпение населения прорывалось, и оно мстило своим угнетателям беспощадными расправами, из которых зашивание в мешок и потопление в реке было самым распространенным способом самосуда. Этот способ носил наименование танти от названия соломы, из которой сшивали мешок, -- и до сих пор обиженный чем-нибудь простолюдин втихомолку грозит своему обидчику-янбану "танти".

Многие пословицы отражают эту ненависть простого народа к янбанам, ими народ клеймит обычные качества их — гордость перед низшими и униженность перед влиятельными:

а) "На том месте, где посидел янбан, и трава не растет".

б) "Дитя янбана — дитя тигра".

в) "Бедный янбан величается только перед низшими".

г) "Имеешь бороду в три аршина и есть что поесть — значит янбан".

д) "Янбан — не полушка ли это?"

е) О потерявшем влияние янбане: "Двуногий стал одноногим".

Две последние поговорки, не понятные на первый взгляд, объясняются возможностью разного омонимичного иероглифического написания: два разряда "янбан" и "пол-лана"³³, т. е. той монетной единицы, которая из Китая получила распространение и в Корее. Вторая пословица основана на игре слов "двуногий" и "янбан", что тоже объясняется иероглифическим написанием. Такие пословицы, кстати сказать, в Корее очень распространены.

Янбаны, занимавшие в течение многих веков такое особое положение, лишились всех своих прав и преимуществ с проведением закона "о равенстве четырех сословий"³⁴, изданного в 1895 году. С того времени их влияние идет неизменно на убыль, возможность самочинных действий совершенно исчезла и карасмость преступлений стала обыкновенной для всех. Наряду с этим и в народной среде растет сознание незаконных янбанских преимуществ и чувство необходимого отпора на всякие попытки проявить прежние захватные склонности, отпора -- находящего себе защиту в законе. Вероятно, не пройдет много времени, как от всех привилегий янбанов останутся только некоторые, наиболее безобидные -- бытового характера.

Среднее сословие чуньин

Средний класс, как было уже сказано выше, образуют те элементы народной массы, стоящей между янбанами, с одной стороны, и презренными классами -- с другой, которые успели каким-либо способом завоевать себе особо выдающееся в своей первоначальной среде положение. Обыкновенно эти процессы происходили в таких родах, которые благодаря своему относительному благосостоянию имели возможность приобрести известную ученость -- в китайском смысле, чем, во-первых, достигали известных прав на занятие государственных должностей, требовавших, по китайским же понятиям, известной степени начитанности в философской литературе Китая, во-вторых, же -- независимо от этого, благодаря только своей учености, уже этим самым приобрести несколько особое положение.

При описании янбанов было уже указано, что семейство, давшее известного ученого, имело право на дворянское достоинство, поэтому наличие образованности уже выделяло его носителей из этой среды. Помимо этого и само материальное благосостояние их заставляло даже сам янбанский класс относиться к ним иначе, чем к остальной массе. Таким образом, такое экономическое и культурное превосходство некоторых элементов среди народной массы дало им возможность перейти на положение особого класса, юридическое положение которого оставалось всегда неопределенным, но фактически, в области профессиональной, приобретшего совершенно определенную позицию. Именно в руках этого класса сосредоточилась та масса должностей, связанных с необходи-

мостью специальных знаний, которая не находилась в исключительном обладании янбанов, во-первых, потому что они сосредоточились в области "высшего" правления страной, т. е. в области административно-законодательной, во-вторых, по той причине, что они в сфере специальных знаний оказывались совершенно невеждами, ограничиваясь изучением только политико-философской литературы Китая. Таким образом, все области профессий, требовавшие специальных знаний, стали в исключительном обладании этого класса и это обстоятельство, прочно утвердившееся, придало среднему сословию совершенно определенное классовое положение в стране. Профессии, ставшие характерными для представителей этого среднего сословия, были такого рода: врачи, астрономы и метеорологи, географы и агрономы, инженеры и техники, заведующие конфуцианскими памятниками, переводчики с иностранных языков.

С течением времени эти классы, развиваясь и усиливаясь, вобрали в себя все здоровые, прогрессирующие элементы страны, одаренные живым активным умом и волею к деятельности самостоятельной и практической. Поэтому они приобрели значительное влияние в стране и, действуя даже в среде янбанов, — наиболее консервативного класса в Корее, — сумели временами проводить даже некоторые мероприятия прогрессивного характера в общегосударственном масштабе. Более того, история этого сословия знает даже -- хотя только всего двух -- своих представителей, которые сумели достичь высшего положения в государстве, заняв должности министров. Этими лицами были: в эпоху регентства Тэингуна³⁵ — Пёкун-кю, и уже после издания закона об уравнивании всех сословий Ко-ён-хэ, который и в настоящее время* стоит во главе этого сословия, в частности, той его влиятельной группы, которая искони живет в Сеуле в полосе речки Сихёкё.

Народ — чуньмин

К этому классу, обнимавшему всю главную массу корейского населения, относились следующие три разряда: земледельцы, ремесленники, торговцы.

Низшие классы (презираемые) — чхонмин

Этот класс составлялся из представителей таких профессий, которые считались презренными, наиболее низкими и которые, благодаря этому, сосредоточились в определенных кругах населения, став почти наследственными. Этими профессиями были:

- 1) шаманство, как у мужчин, так и женщин;
- 2) актерство, обнимавшее собою все виды этого искусства, начиная со столичных — почти официальных лицесесев и кончая бродячими увеселителями;

* В 1913 г. [примечания Н. И. Конрада — Р. Д.].

- 3) буддийское монашество для мужчин и женщин;
- 4) проституция и
- 5) служба на положении рабов, которая в свою очередь разделялась на две степени:
 - а) служба на положении рабов государственных, в правительственных учреждениях и
 - б) служба на положении рабов у частных лиц.

Рабы

Рабы составлялись из преступников, в наказание низведенных до положения рабов в правительственных учреждениях. Это низведение распространялось и на их детей и внуков. Рабское состояние в первом случае бывало часто временным, наложенным в виде наказания за какое-либо преступление, обычно заговоры и мятежи, причем часто бывало — для особенно влиятельных преступников — даже только номинальным.

Частновладельческое рабство образовывалось добровольной продажей себя в рабство или же продажей со стороны родителей или хозяев. Такая продажа могла быть наследственной — вечной, со всем нисходящим потомством, могла быть ограниченной только продаваемым лицом и не касалась его потомства; иногда же рабство было просто на срок.

Парии

Выше всякой классовой организации стояли так называемые пэкчон, бывшие во все времена своего существования истинными париями среди корейского населения, как по своему бесправному положению, так и по той отчужденности от всего прочего народонаселения, которая существовала во всех мелочах их жизни, во всяком столкновении их с другими классами. Происхождение этого разряда населения мало понятно и плохо объясняется даже самими корейцами, в большинстве случаев утратившими всякое представление о причинах презренности всего, что относится к париям, — их происхождения, их профессий и т. д. и относящиеся к этому всему с презрением только по укоренившейся традиции. Однако некоторые объяснения все-таки существуют, и я излагаю их в той форме, как их излагают корейцы. Непонятное и неясное начинается уже с самого их корейского наименования "пэкчон", для которого хотя имеется иероглифическое объяснение, но которое, тем не менее, остается не вполне ясным. Дело в том, что стоит под вопросом, что появилось раньше, само ли слово "пэкчон" или же оно пошло со времени заимствования указанного иероглифического сочетания. Если это слово — корейское, в настоящее время оно непонятно само по себе, ибо теперь оно понимается всеми только как корейское чтение китайского термина. Если оно происхождения не корейского, а идет из другого языка — необходимо найти ему родину, что до сих пор не сделано. Если же корейцы усвоили этот термин от китайцев -- это оказывает сильное влияние на разрешение вопроса о происхождении этого класса и причины его

отчужденности от всех прочих. Может быть и еще одна возможность: к чисто корейскому слову "пэкчон" с забытым значением в свое время были подставлены иероглифы, звучащие в корейском произношении так же, и впоследствии само это слово стало ассоциироваться только и единственно со значением этих иероглифов. Отдать предпочтение какому-либо из этих объяснений в настоящее время трудно, особенно если принять во внимание разноречивость гипотез относительно их происхождения. Так или иначе слово само в нынешнем понимании значит:

Отдельно первый иероглиф — как в 1) смысле вообще "белый", "светлый", так и 2) в смысле "простой", "низменный".

Отдельно второй иероглиф — как это видно из сочетаний пходжон -- "повар", кюджонь — "землепашец", вонджонь — "садовник", т. е. означает мужчину, занимающегося низшими профессиями.

Вместе же само сочетание этих иероглифов в китайском словаре означает:

- 1) вообще людей низкого звания и положения,
- 2) слуг и прислужников в казенных учреждениях,
- 3) слуг вообще: держателей зонтиков, лошадей под уздцы, во время поездки верхом и т. д., которые надевали обычно белые одежды,
- 4) траурную прислугу.

В современном китайском разговорном языке существует слово "бай-дирр", которое употребляется именно в смысле низкого по социальному положению человека. То же значение сохранилось за ним и в Корее, с той только разницей, что здесь оно превратилось из нарицательного в собственное, став наименованием определенного разряда людей.

Не касаясь совершенно вопроса о происхождении пэкчонцев с точки зрения науки, я перейду к тем объяснениям, которые имеют место среди самих корейцев, в большинстве случаев руководящихся при этом преданиями, и только изредка указывающих на какой-нибудь письменный источник своего объяснения:

1) Когда китайский правитель Юй³⁶, в древности созывал свой знаменитый конгресс удельных князей, представителем Кореи был сын государя Тан³⁷. На этом конгрессе были рассмотрены все профессии и каждая из них отдана как специальность определенной группе населения в уделах. Потомки тех, коим выпало в Корее на долю заниматься скотобойным промыслом, теперь носят наименование "пэкчон".

2) Когда Иньский сановник Кыйдзя³⁸, убежав в Корею, стал повелителем этой страны, он низвел всех преступников своего времени в положение вне-классовое, отдалив их таким образом от прочего населения. Потомки их стали настоящими париями и получили название пэкчон.

3) Когда в Корее пала династия Корё и на ее место заступила последняя династия И [Ли], 72 верных янбанских рода не пожелали признать власть новой династии и, не подчиняясь ей, удалились в горную местность, где предполагали обосноваться. Однако со всех сторон они были

окружены правительственными отрядами и принуждены были голодом к сдаче. Впоследствии их заключили в особый квартал тумундонь³⁹ с городе Сондо⁴⁰, и они стали называться узниками войны. Их потомки стали называться "пэкчон".

4) Корейские пэкчон — выселенцы из Индии.

5) Корейские пэкчон — выселенцы из Тибета.

6) Нынешние пэкчон суть потомки беглецов в Ляодун, которые бежали туда в количестве 200 000 человек во время падения [?].

7) В древности из Татарии⁴¹ в Корею вторглось племя яньсучхок, которое скоро расселилось повсюду. Племя это занималось главным образом кустарными изделиями из ивы, а женщины его продавали себя за деньги. Вследствие этого всюду, где бы они ни появлялись, их преследовало презрение со стороны прочего населения и скоро они стали на совершенно особое положение, приняв даже особое название "пэкчон".

Если уж приходится отдавать предпочтение какому-нибудь из этих объяснений, то, скорее всего, придется сделать это относительно тех из них, которые говорят о пэкчон, как о пришельцах чуждого племени. Следствием первоначальной племенной и культурной отчужденности собственно корейского населения и этого пришлого племени (племен) и могла явиться со временем, после исчезновения этой отчужденности благодаря ассимиляции и племенной, и бытовой, — та особенность положения пэкчон, которая сохраняется в быту до сих пор. С этой точки зрения довольно вероятной является гипотеза о татарском⁴² происхождении пэкчон: в ее пользу говорит иное наименование "пэкчон" — сюч'окь, которое теперь еще иногда встречается и которое упоминается в этой гипотезе. Кроме того, главными занятиями пэкчон и в настоящее время являются кустарные ремесла из ивы, что было для них, по-видимому, обычным ремеслом во все времена, так как еще одно их название, существующее рядом со словом "пэкчон" будет "мастера ивовых изделий". Это же татарское племя, как говорит гипотеза, уже тогда занималось этим. Все это между прочим подтверждается и кое-какими письменными свидетельствами, например сочинением [?], которое указывает именно на оба вышеприведенных признака: кустарные ремесла мужчин и проституцию у женщин.

С другой стороны, сравнительная малочисленность пэкчон на севере и обилие их на юге Кореи как будто противоречит предположению прихода их с Севера, как то устанавливается по этому объяснению. Во всяком случае, наиболее вероятным будет предположить, что нынешние пэкчон -- потомки инородцев, в разное время проникавших в Корею и находившихся на более низком уровне культурного развития, чем основное население этой страны. Отсюда и их главное ремесло — кустарный промысел оказался на положении презираемого и к ним впоследствии перешло и другое занятие — скотобойный промысел, бывший всегда у восточных народов — китайцев и японцев — наиболее неприятным и низким делом⁴³.

Положение пэкчон в историческое время и в наши дни, хотя несколько изменилось благодаря общему уравниванию всех перед законом, но во многом осталось таким же, что было и раньше. Если теперь закон считает их за таких же людей, как и все прочие, то масса населения точно также не признает за ними этого права называться людьми, как и раньше. До уравнивания всех сословий пэкчон, как и эта⁴⁴ в Японии, не признавались людьми, они часто оказывались ниже даже животных. Эти взгляды имели, разумеется, все соответствующие последствия: пэкчон всегда испытывали на себе всякие жестокости и притеснения, не имея никогда ниоткуда защиты. Всякие акты преступлений против пэкчон всегда оставались безнаказанными, ибо искать правосудия для них было делом почти немислимым. Представители всех прочих низших "презираемых" классов, как бы низко их положение дни было, все же стояли в этом отношении гораздо в лучших условиях, чем пэкчон. Сюда присоединяется и то обстоятельство, которое заставляет отделить пэкчон от прочих низших классов: низкое положение представителей этих последних обуславливалось исключительно их профессией, презренное положение пэкчон обуславливалось главным образом не этим: как было сказано выше — скорее именно их профессии стали презренными из-за презренности их самих; эта же последняя объяснялась, по-видимому, племенными и культурными соображениями. Это подтверждается именно тем обстоятельством, что представителям прочих низших классов достаточно было оставить свое ремесло, как они уже этим самым переходили в следующий — высший разряд. Пэкчон же никогда этого добиться не могли: занятие даже наиболее почетными — в народной среде — профессиями, например, земледелием, что было даже очень распространенным среди них, — никогда не давало им права выйти из своего внеклассового положения. Все это делает инородческое происхождение пэкчон все более и более вероятным, несмотря на то, что в настоящее время всякие племенные и культурные различия между ними и прочим населением незаметны для простого наблюдателя.

В настоящее время с введением японского режима многое в положении пэкчон изменилось, однако быт сохраняет многое такое, что является прямым продолжением того во всех отношениях ограниченного существования, которое вели они до сих пор. Эти ограничения, имевшие раньше место, суть следующие:

1) ограничение в одежде:

- а) полное запрещение всяких шелковых одежд;
- б) запрещение ношения верхней одежды — турумэги⁴⁵;
- в) запрещение волосяных плетеных шляп⁴⁶;
- г) разрешение носить только род шляпы, называемой перанги;
- д) во время похорон или траура запрещение всяких траурных одежд и разрешение надевать только на голову одно покрывало, вроде башлыка;

е) разрешение надевать непосредственно на волосы не шляпы, а шапочки мандын⁴⁷, но не тондын⁴⁸;

ж) женщинам — запрещение всяких головных украшений;

2) ограничение в похоронных обрядах:

а) запрещение траурных процессий в том виде, как это бывает у всех прочих классов населения;

б) запрещение траурных носилок — катафалка. В большинстве селений в Корее существуют, наряду с другими, так называемые похоронные "кооперативы", которые берут на себя доставку каждому члену кооператива в случае надобности всех тех предметов, которые требуются на время похорон. К числу их относятся и катафалки. Однако пэкчон не имеют права, живя в том же селении, на этот катафалк и никакие увещевания и уговоры со стороны администрации не могут заставить деревенское население пойти на уступки в этом вопросе.

3) Ограничения в браках:

а) право жениться и выходить замуж только в среде своего класса. Женитьбы или выход замуж за пэкчон влечет за собою переход в положение парий;

б) запрещение во время брачных торжеств употреблять паланкины, а равно для жениха — ехать верхом на лошади. Пэкчон обходят это запрещение тем, что вместо паланкина берут обыкновенные носилки без крыши, и вместо коня жених садится на быка;

4) Запрещение носить прическу, т. е. ту прическу, на которую кореец по вступлении в брак менял свою детскую косу. Эту прическу пэкчон разрешалось носить лишь после рождения у них детей.

5) Ограничение в устройстве и оборудовании кладбища:

а) запрещение хоронить своих умерших вместе с могилами прочего населения, — обязанность устраивать отдельные кладбища;

б) запрещение руководствоваться при выборе места для погребения признаками благоприятности и неблагоприятности, так называемое "направление"; хоронить там, где позволяет место, а не выбор;

6) Запрещение селиться совместно с прочим населением. В большинстве случаев пэкчон образуют отдельные поселки близ деревни и только там, где пэкчон очень малочисленны, им разрешалось селиться с краю деревни, за околицей.

7) Пэкчон подвергались телесному наказанию прямо на земле, а не на помосте, каковое правило всегда соблюдалось в отношении ко всему прочему населению. Только в случаях повторения преступления преступников всякого сословия бичевали на земле.

8) Пэкчон не имели права брать себе для имени таких благородных иероглифов, как "человеколюбие", "справедливость" и тому подобное. Было время, когда им запрещалось иметь фамилии.

9) Пэкчон не смели в присутствии лиц из высших классов (высших сравнительно с ними, т. е. всего населения) курить.

10) Пэкчон должны были в разговорах с прочими употреблять только почтительные формы речи.

11) Пэкчон не смели вмешиваться в общество прочих.

12) Пэкчон не имели права носить кожаную обувь. Однако наряду со всеми этими ограничениями и запрещениями в положении пэкчон были кое-какие стороны, которые нельзя не признать выгодными: так они были

1) свободными от взимания всяких податей,

2) не подлежали регистрации,

3) не брались на военную службу.

Главными занятиями пэкчон были, как уже сказано раньше:

1) кустарные ремесла, преимущественно плетение из ивы, и

2) скотобойный промысел, считающийся наиболее низменным занятием.

Это последнее влекло за собой родственные профессии:

3) продажа мяса,

4) содержание харчевен, главным образом с кушаньями из собачьего мяса,

5) выделка кож,

6) салотопленный промысел — выделка свечей.

Кроме этого пэкчон часто бывали

7) палачами, как временно, в случае надобности, так и официально состоявшие на службе при служебных учреждениях.

Однако, наряду со всеми этими занятиями пэкчон широко занимаются

8) земледелием, каковое занятие привлекает теперь все большее и большее число пэкчон.

В последнее время, благодаря тем событиям, которые произошли в культурном социальном быту Кореи, многие из профессий, бывших принадлежностью только пэкчон, отошли и к прочему населению, и только две первых — кустарная и скотобойная остались и поныне в исключительном обладании их.

Среди пэкчон было немало семей крайне зажиточных, это объяснялось с одной стороны свободой от всяких податей, отсутствием общественных расходов, а с другой — относительной прибыльностью их профессий, из которых — содержание харчевен часто давало большие барыши. Кроме того, прочее население при всем своем презрении к пэкчон не брезговало в случае нужды брать у них под проценты деньги, и при всем бесправном положении пэкчонским ростовщикам удавалось часто добывать свои долги очень исправным образом.

Некоторой защитой пэкчон от угнетения со стороны остального населения служила та огромная солидарность между ними, которая обязыва-

ла всех вступаться за одного своего сочлена. Эта сплоченность пэкчон была хорошо известна прочему населению и заставляла его иногда воздерживаться от насильственных действий по отношению к ним. После уравнивания всех сословий в 1895 г. положение их фактически не изменилось [...]. Отличием их осталось произношение: усиление акцента на концах слов, так что кореец сразу понимает, что говорит пэкчон.

II. [Семейная обрядность корейцев]

Рождение ребенка в корейской семье

С прекращением у женщины месячных очищений и с наступлением беременности для корейской семьи, т. е. для мужа и его родителей, а также для родителей жены начинался радостный период ожидания появления на свет будущего наследника — сына, продолжателя рода и опоры семьи. Обычно с каждой новой беременностью жены муж ее и домашние ждут обязательно рождения только потомка мужского пола, и о возможности иного исхода — появления на свет девочки стараются даже не думать; если эта мысль и появляется, ее стараются сразу же отогнать как надоедливую и неприятную помеху чувству радостного ожидания и имеют в виду только сына.

С наступлением беременности женщина, особенно в состоятельных семьях, окружается почетом и самым заботливым уходом. Если ей до сих пор приходилось исполнять какие-нибудь работы по хозяйству или другие обязанности, сопряженные с трудом, с этого момента она от них освобождается, каждый шаг ее близкие и родные стараются облегчить и все охотно принимают на себя все те различные функции в семье и хозяйстве, которые на ней доселе лежали. Особенное внимание обращается на ее питание: пища ей доставляется с особым выбором лучшего качества и отличная от обычного состава. Так, беременной женщине не разрешается принимать в пищу мяса и рыбных хрящей. Считается, что мясо, как трудно перевариваемый продукт, будет слишком тяжело для ослабленного организма женщины, рыбы же хрящи не допускаются в пищу потому, что их твердость точно также не способствует облегчению организма, уже отягченного беременем. С наступлением беременности и до самого момента родов жизнь будущей матери и ее ребенка протекает среди множества особых условий, существование которых объясняется уверенностью корейцев в том, что те или иные факторы обладают силою оказать то или иное воздействие на рождение, жизнь, наружность и судьбу будущего ребенка. Наступает период, когда пристрастие к приметам и стремление видеть во всем провиденциальное значение достигает своего апогея. Подобно тому, как уход человека из этого мира должен быть обставлен особыми условиями и сопровождается целым рядом различных обрядов, очень многие из которых совершаются именно для того, чтобы так или иначе повлиять на его "после-жизненное" существование, точно также и пришествие человека в этот мир требует соверше-

ния обрядов и наличности условий, многие из которых должны предопределить его будущее существование в этой жизни. Предопределяется при этом не только судьба будущего ребенка, но и его наружность. Так например, корейцы убеждены в том, что если в период нахождения ребенка в утробе матери в доме, где помещается беременная, будет произведена чистка дымовых проходов под полом комнаты, будущий ребенок появится на свет обязательно с заячьей губой.

Для отца семейства с этого времени наступает период не только забот о здоровье жены и будущего ребенка, но и больших других трат. Так, друзья его и знакомые в это время требуют от него угощений и приглашений на разные увеселительные прогулки, и от этой обязанности, кажется, до сих пор не может отделаться ни один кореец, к какому бы классу он не принадлежал. С одной стороны, ожидание потомства наполняет корейца такой радостью, что он естественно ищет, как бы ему тем или иным способом ее выразить. Счастливое ожидание заставляет его созывать своих друзей и делиться с ними своей радостью. С другой стороны, даже если бы он и желал избегнуть этого, друзья сами спешат к нему с поздравлениями, а заодно и с желанием пожить на его счет по части угощения, и особенно выпивки, что корейцы так любят. При этом относительно характера этих пред-празднований ожидаемого счастливого события следует сказать, что и здесь ярко сказываются следы обычного пренебрежительного отношения корейцев к женщине. Ожидаемое рождение ребенка — безусловная радость, но радость лишь в том случае, если это дитя будет мальчик. Родись же дочь, радостное ожидание сменяется разочарованием. Поэтому и друзья хозяина дома в случае рождения дочери обычно возмещают ему стоимость всех расходов, понесенных им на их угощение, признавая этим, что никаких причин радоваться и делиться этой радостью с ними у него не было. Поэтому расходы его являются бесосновательными и их необходимо ему возвратить. Но если ожидания действительно оправдаются, т. е. родится мальчик, счастливому отцу не удастся отделаться расходами на эти предварительные празднества, ему приходится устраивать увеселительные собрания в более широком масштабе, справляя как бы осуществление своих надежд. Эти угощения продолжаются часто долгое время, в зависимости, конечно, от ресурсов хозяина дома, пока друзья, наконец, не сочтут себя в достаточной степени удовлетворенными и не оставят счастливого отца в покое.

С наступлением беременности женщина удаляется от домашних дел и по возможности в покое и тишине ждет приближения критического момента. Она удаляется при этом (там, где это, конечно, возможно) в наиболее отдаленные внутренние покои дома; комната устилается циновками или просто соломой, снабжается возможными удобствами в обстановке, двери затворяются и начинается совершенно обособленное отдельное существование: ее держат взаперти, она никуда не выходит, ни с кем не сносится и единственно, кто поддерживает с нею постоянные отношения, кто следит и ухаживает за нею, -- это другие женщины в

доме, а также вообще замужние женщины из родственных и знакомых семей. Более состоятельные для постоянного и неукоснительного надзора и ухода приставляют к больной повивальных бабок, обычно старух, специально этим занимающихся и обладающих поэтому некоторым опытом в подобных случаях. Носят она название сангуан, буквально "спасение и благополучие в родах". В высших классах корейского общества будущая роженица на время беременности переходит в дом своих родителей и там ждет наступления момента разрешения⁴⁹. Впрочем, этот обычай наблюдается почти исключительно в случаях первой беременности. При дальнейших беременностях мать остается в доме мужа, как то всегда имеет место в прочих классах.

Но вот приблизился момент разрешения, начинаются первые роды — боли. В четырех углах комнаты начинают совершать моления "божествам родов" или по другому начертанию "трем божествам"⁵⁰. В данном случае мы имеем дело с обычной подстановкой под корейское звуковое сочетание различных китайских иероглифов, звучащих одинаково, но имеющих различный смысл. Какое начертание здесь более соответствует корейскому пониманию, установить трудно, в силу отсутствия у корейцев отчетливого представления по этому вопросу. Так или иначе этому божеству или божествам приносят воду, рис, бобовые листья и прочее, вознося при этом молитвы о благополучном исходе родов.

Повивальная бабка или другая прислуживающая женщина устанавливает тело роженицы в полулежачем, полусидячем положении, т. е. роженицу усаживают на согнутые колени с обращенными позади ногами, причем садиться совершенно ей не дают, а держат в приподнятом состоянии; обе руки вытягивают вперед, голову нагибают книзу, требуемым образом раздвигают колени -- и этими мерами стараются облегчить страдания. Для того же, чтобы роженица, находясь в таком положении, не упала лицом вперед, повивальная бабка обвивает ее сзади руками за живот и, ободряя ее, как может, словами, удерживает в требуемом положении. Когда ребенок уже начинает показываться, бритвой или ножом, сделанным из особого дерева танъмок (род кустарника гаоляна), разрезает пуповину. Дерево это берется потому, что будучи очищенным от внешних слоев, оно дает чистую древесину, острую на конце, как лезвие ножа, и при этом совершенно чистую, чем устраняют возможность заражения. Разрезав пуповину, ждут естественного выхода последа. Новорожденного младенца не обмывают, но только обтирают чистым куском хлопчатобумажной ткани. Впрочем, в последнее время с распространением в Корее понятий об основных требованиях гигиены все чаще и чаще начинает встречаться обычай купать новорожденного сейчас же после появления его на свет.

Для облегчения родовых болей в углах комнаты роженицы ставят шести из дерева танъхома, ей же самой дают пить разведенный порошок женьшеня или же обращенную в порошок древесину поперечной перекладины в воротах, служащей затвором. В этой перекладины соструги-

вают небольшое количество древесины и затем ее превращают в мелкий порошок. Почему поставление шестов по углам комнаты может облегчить родильные боли, остается невыясненным, прием же женьшеня обуславливается всеобщим на Востоке взглядом на женьшень, как на универсальную панацею. При этом считают, что выпитый порошок непосредственно проникает в утробу матери, попадает на голову ребенка и дает ему здоровье и силу.

Употребление порошка из древесной перекладины, долженствующего способствовать легким родам, основано на уподоблении раскрытия чрева матери раскрытию дверей. Перекладина закрывает двери дома, она же и открывает их, следовательно, принятие вовнутрь частицы ее оказывает и в этом случае свое действие, откроет свободный выход младенцу.

Когда роды бывают особенно трудными и никакие средства не помогают, роженицу усаживают верхом на седло для быка или же на мерку из-под риса. Процесс этот, по мнению корейцев, своим чисто механическим действием приводит к скорейшему разрешению от бремени.

После благополучного окончания родов наружные ворота дома обычно наглухо закрываются; если же их не запирают, на них вешают во всяком случае особую соломенную веревку⁵¹, скрученную из двух меньших, при этом кручением, как говорят, обязательно в левую сторону. Знаком того, что в доме родился мальчик, служит перец, защемленный между ними, знаком же того, что новорожденный -- девочка, сосновые иглы или древесный уголь, помещенный также. Причем этот обычай распространен, по-видимому, не везде. В районе Кайдзю⁵² [Кэсон] таких канатов не развешивают, а вместо них на обеих половинках двери -- с одной стороны китайскими иероглифами, а с другой онмумом -- наклеиваются особые надписи в виде длинных узких полосок бумаги. Текст этих надписей почти всегда следующий: "счастливое событие рождения отвращается от нечистоты" -- когда родился мальчик и "рождение отвращается от нечистоты" -- когда новорожденная девочка. Как соломенная веревка, так и эти надписи служат знаком того, что в доме новорожденный, и предупреждением для посторонних не входить внутрь. И действительно, пока на воротах красуются такие знаки, корейцы всячески избегают входить в дом. В предшествующую эпоху, говорят, даже полиция и представители власти не имели права вторгаться в дом, где лежит роженица с новорожденным ребенком. Этот период закрытия дома для посторонних продолжается всего 21 день⁵³. Проходит три недели, веревку убирают, надписи снимают, и сношение с внешним миром возобновляется. В течение этих трех недель соседи стараются воздержаться от всякого шума и прекращают даже обычное стучание вальками по белью, -- обычный звук в Корее; словом, всячески стараются не нарушать покой больной и тем выразить ей сочувствие.

Через три дня после рождения младенца обмывают теплой водой, причем и сама роженица вытирает свое тело смоченным в теплой воде полотенцем. Питание ее в послеродовой период заключается обычно в рисовой каше, бобовых листьях и сушеных красных раковинах; при этом ей дают съедать все те яства, которые в день родов были принесены божеству. Впрочем, в настоящее время в городах и крупных селениях всюду имеется конденсированное молоко японского или американского производства, и больной теперь часто дают его. В случае недостатка молока для ребенка у матери кто-либо из домашних женщин отправляется куда-нибудь, где находится источник чистой воды; зачерпывает там небольшой сосуд и несет его к шаманке. Там совместно с шаманкой совершают над ним моления и по возвращении дают эту воду пить роженице.

В течение целой недели после родов никто из домашних, кроме приходящих женщин, не исключая и самого отца новорожденного, не имеют права входить в комнату роженицы. По прошествии же двух недель роженицу впервые навещают замужние родственницы и пожилые женщины из соседних семейств. Приходит также и мать роженицы. Это посещение делается с официальной целью принести поздравления с благополучным разрешением от бремени. Через три недели родные и знакомые подносят различные подарки, состоящие обычно из платья и пищевых продуктов. Поднесения эти также носят характер поздравления. На сотый день после рождения младенца устраивают общесемейное торжество⁵⁴, в котором участвует весь обширный круг родственников, друзей и знакомых корейской семьи. Начиная с этого момента, такое празднество устраивают каждый год в годовщину рождения.

Имя младенцу дают почти вскоре же по появлению его на свет, иногда же и очень поздно; сроки эти колеблются от двух недель до двух лет. Детские имена большей частью определены: для мальчиков -- Рёнъи, Каги, Квинам, Кэдон; для девочек -- Аджиджи, Каннан, Сунни, Кимсун, Минсун.

Со вступлением в брак "детское имя" заменяется другим, так называемым "чиновническим", "гражданским" именем, каковые даются на основании определенных правил.

Корейцы вообще очень любят детей. Как бы дом ни был беден, число детей, часто очень большое, никогда корейца не тяготит. [...].

Обычаи и верования, связанные с рождением детей

1. Если женщина не имеет еще потомства и желает его иметь, она должна совершенно отказаться от мясной пищи, ходить в буддийский храм, в течение 100 дней возносить там моления; в результате у нее родится ребенок.

2. Если при переселении в новый дом на восточной стороне от него окажется колодец, в этой семье родится умный и способный мальчик.

3. Если колодец будет находиться к западу от дома, родится неудачный сын.

4. Если женщина желает забеременеть, она должна обязательно украть послед другой женщины, обыкновенно сжигаемый после родов, и примешивать его к топливу при варке риса; после того, как рис этот будет ею съеден, у нее родится ребенок.

5. Если желательно появление на свет мальчика, следует взять старую металлическую чашку и повесить ее вверх дном в птичнике, у куриного насеста; если девочки -- повесить там же топор.

6. Если домашняя собака станет кататься по земле вверх брюхом, жена хозяина забеременеет.

7. Если мыши просят платье, в доме будет беременная женщина.

8. Если в доме будет беременность, плавающие в воде фосфорные спики или палочки сора окажутся в вертикальном положении.

9. Если беременная женщина чувствует в теле особенную тяжесть, ей предстоит родить девочку; если же она чувствует себя сравнительно легко, родится мальчик.

10. Если во время беременности живот будет иметь круглую форму, родится девочка, если удлиненную -- мальчик.

11. Если в промежуток трех недель со дня появления на свет ребенка вступить в сношения с домом, где траур, ребенку будет угрожать несчастьем.

12. Если в указанный срок в доме появится человек в трауре, родившийся ребенок исхудает.

13. Если в тот же срок разбить в доме какую-нибудь посуду, ребенку предстоит несчастье.

14. Если в одном и том же доме две женщины родят в одно и то же время -- день, месяц и час, один из родившихся обязательно умрет.

15. Если послед будет съеден собакой, ребенку предстоит несчастье.

16. Если в течение трех недель после родов по соседству произойдет пожар, -- ребенку угрожает несчастье.

17. Если после родов в доме новорожденного или по соседству станут стирать белье, цвет лица у ребенка изменится.

18. Если в течение недели после рождения увидеть, как убивают собаку, ребенок, сделавшись взрослым, будет несчастлив.

[Сайе -- четыре церемонии]

[В корейской семье доныне еще свято соблюдают так называемые "четыре церемонии" -- четыре обряда, играющие роль особых вех, отмечающих жизненный путь человека. Эти обряды отмечают все наиболее важные эпохи, переходные этапы человеческой жизни и устанавливают положение человека в окружающей среде. Эти "четыре церемонии" следующие]⁵⁵.

Кваллйе — обряд совершеннолетия

Корейский мальчик по достижении 14-15-летнего возраста обычно уже вступает в брак; при этом месяца за два до свадьбы он совершает так называемый обряд совершеннолетия. По-видимому, в древности совершеннолетие именно и заключалось в самом факте женитьбы, потому что оба обряда сливались в один и совершались в один и тот же момент. Со времени же династии И [Ли] эти два обряда совершаются отдельно. Смысл обряда состоит в том, что по совершении его бывший мальчик в глазах людей превращается и становится на положение взрослого и получает при этом свое обычное имя, т. е. то имя, которым его с этого времени все начинают называть. Это есть, так называемое понмён, "основное имя" — или иначе кванмён "чиновничье имя". В высших классах кроме этого дают еще и прозвище чамён. Таким образом получается, что кореец имеет обыкновенно три имени: амён "детское имя", понмён и прозвище.

День, предназначенный для совершения обряда, выбирается гадателями, которые определяют именно тот день, который будет благоприятным для того, кто будет его совершать. В этот день особым образом завязывают волосы и втыкают особые шпильки, часто украшенные ценными камнями. Мне пришлось наблюдать всего один раз такой обряд, который совершенно пока мною описан.

Обряд совершеннолетия в основных своих чертах заключается в том, что, выбрав счастливый день, обрезают совершеннолетнему волосы и остаток их заплетают в особую прическу — пучок на голове, куда втыкаются затем шпильки. Эти шпильки обыкновенно украшаются какими-нибудь цветными камнями, — кораллами, яшмой и тому подобным, и они имеют большую ценность по своему мастерству и выделке.

На приготовленные таким образом волосы надевается повязка, называемая мандын и изготовляемая из лошадиного хвоста; поверх нее — род шляпы, называемой вохкон, изготовляемой из черной кисси, и являющийся в сущности древней формой головного убора, в настоящее время употребляемой исключительно в этом случае. Наконец, сверх всего этого надевается плетеная шляпа из растений; если же признаваемому за взрослого минуло более 16 лет, он надевает шляпу из конского волоса. С таким головным убором совершеннолетний и остается на все последующее время, с той разницей, что в случае занятия служебного поста он заменяет волосную повязку мандын другого рода повязкой, называемой тандын, которая также как и первая носится непосредственно под шляпой.

Что касается одежды, то совершеннолетний одевает холстинную одежду с рукавами и подпоясывается сверх нее большим, широким поясом из материи, напоминающей чесучу. Руки скрыты в ветках душистой дафны, перевязанной белыми веревками, на ноги надеваются вышитые

матерчатые башмаки. Вся фигура и одяние в этот день напоминает какого-то важного сановника бывшего Корейского королевства.

После этого совершеннолетний отправляется в святилище и подносит божествам-предкам различные дары: вино, рисовые хлебцы, плоды и пр., читаются молитвословия и совершается поклонение. Затем он отправляется к родителям и своему наставнику, нанося им визит; от них идет по родственникам и друзьям своего дома с той же целью, а затем начинается общее торжество — пиршество.

Весь этот обряд напоминает обряд совершеннолетия (гамбуку) в Японии, где также имело место и изменение детского имени на новое -- взрослое. Возможно, что тогда это и было отголоском корейских обычаев, занесенных в Японию.

У девочек также происходит церемония, имеющая тот же символический смысл превращения человека во взрослого. Она носит наименование каллье, буквально "обряд шпильки" и совершается почти по тому же *mulatis mulandis* ритуалу. Впрочем, в настоящее время все торжества ограничиваются только тем, что в день брачного сговора из родственников выбирается одна, которая получает название сумо и на обязанности которой лежит проделывание церемонии устройства новой прически девушке, долженствующей заменить ее детскую косу: в эту прическу впервые втыкаются всевозможные головные украшения: шпильки, булавки и т. д.

Холлье — [свадебный обряд]⁵⁶

Свободный брак в Корее совершенно исключен из жизни: брачный союз устраивается только по воле и выбору родителей обеих сторон. До самой свадьбы вступающие в брак даже не видят друг друга, свидания им запрещены обычаем, отчего при виде друг друга во время первой встречи на свадебном пиру обе стороны часто бывают не мало поражены, увидев противоположную сторону, — то рябого, то подслеповатого, то кривого и т. д. Но, даже в этом случае, протестовать не приходится, так как этому препятствует обязанность преклонения перед авторитетом и волею родителей, устроивших такой брак. Впрочем, во время продолжающихся переговоров каждая сторона всячески старается выведать относительно наружности, характера и всего, что касается другой стороны, ее достоинства и недостатки; узнавать это поручается ближайшим родственникам, которые действуя через имеющих доступ к стороне, в конце концов оказываются в состоянии разузнать довольно точно все интересное жениха и невесту. В настоящее время благодаря распространению фотографии стороны узнают друг друга по карточкам.

Выбор жениха или невесты находится главным образом в руках родителей. Часто же это бывает в руках профессиональных сватов и свах, только этим и занимающихся. Такими посредниками бывают иногда друзья родителей, иногда близкие родственники; иногда сами родители обеих сторон решают это уже с давних пор промеж себя без посредников.

Так или иначе посредник должен быть фактический или номинальный, и когда родители сами решают, все-таки на свадьбе присутствует та самая женщина, которая устраивала первую прическу молодой девушке при ее совершеннолетию — сумо. При брачных переговорах — главную роль играет запрещение брачного союза между кровными родственниками. Луньоевская заповедь⁵⁷: "из одного рода, одной фамилии — не женятся", соблюдается во всей строгости. Когда фамилии случайно совпадают, производится исследование родословных, так или иначе убеждают в отсутствии кровного родства.

Когда, наконец, препятствия к браку все устранены и согласие родителей получено, жених посылает невесте так называемый саджудан. Под этим названием подразумевается полоса бумаги, на которой написаны год, месяц, день и час рождения жениха. Эту полоску завертывают в конверт из белой бумаги, который в свою очередь, обвязывают посредине синими и красными шнурками⁵⁸. Все это, в свою очередь, завертывается в четырехугольный платок, синий снаружи и темно-красный изнутри. Все это вручается женщине, и та относит в дом невесты. Там вынимают бумажку и начинают сравнивать даты рождения жениха и невесты. Это сравнение поручается шаманкам, которые путем гадания устанавливают наличность согласованности или несогласованности обеих дат. Это определение носит название йонгил, т. е. установленное благоприятствование. Считается, что если даты не сходятся, как требует гадание, брак будет несчастен для невесты — она умрет преждевременной смертью. Письмо невесты называется саджуданджа.

Когда все препятствия устранены и формальности исполнены, приступают к свадьбе. До свадьбы еще происходит напхъхэсу, т. е. старший в доме жениха читает в храме предков особый документ о предстоящем браке, что является как бы официальным заключением брачного договора. Старший в доме невесты совершает поксуннапхэ, т. е. такой же обряд в ответ на предыдущий, что знаменует согласие со стороны рода невесты.

На севере Кореи благодаря остаткам бывшей системы покупки невесты, занесенной сюда из Китая, предварительно совершается так называемый обряд имущества, долженствующий служить символом и фактическим актом покупки невесты. Он заключается в посылке брачных подарков невесте. Часто заключение брака откладывается на три-четыре года. В этом случае обе стороны обмениваются письменными обязательствами заключить брак между определенными лицами этих семейств. Такие обязательства заключаются не только после установления кандидатов в браке и предварительных переговоров, иногда они заключаются на будущее время между двумя семьями, еще не имеющими детей, но надеющимися их иметь. Такое соглашение носит характер предварительного договора и заранее установленной возможности его расторжения в том случае, если появившиеся на свет дети окажутся одного и того же пола.

Если в течение лет ожидания свадьбы одна сторона умрет, другая оказывается на положении вдовы. Положение девочки в этом случае наиболее жалкое, ввиду во многом ограниченного положения вдовы в Корее. Если же она и выйдет замуж, ее будут считать находящейся во вторичном браке со всеми вытекающими отсюда для нее следствиями.

Плата за невесту вообще для корейцев должна считаться не малой; сто-двести иен — обычная цена в этом случае, а менее 100 — вообразить трудно. Только в самых низших и бедных слоях общества плата ограничивается десятками рублей. В северной Корее, особенно ближе к границе, к реке Ялу⁵⁹, эта плата является остатком прежнего китайского обычая покупки невесты, и там до сих пор еще говорят вместо отдать дочь замуж — "продать замуж". Существование института покупки жены на севере объясняется отчасти недостатком женщин, отчего бедняки обречены бывают на долгое существование в положении невзрослого с распущенными волосами.

Это существование на положении невзрослого влечет за собою все ограничения, которые с этим связаны и очень нерадостны. Впрочем, для неимущих имеется исход: он может если не купить жену деньгами, то заработать ее. С этой целью они поступают в дом невесты и положенное время там отработывают. Отработав определенный срок, они получают жену и возвращаются к себе домой. Характерно, что бедняку и притом еще лентяю не удастся заполучить жену, как бы безобразна она ни была. Однако существует исключение: если жених и беден и не в состоянии дать выкуп, но обладает ученостью и надеждами на будущее — за него отдают бесплатно.

В дом невесты посылается не только плата за нее — деньгами; за месяц до свадьбы жених посылает туда различные предметы: ткани для одежды как женских, так и мужских, кольца, пояса и т. д. В доме невесты все это сосчитывают и потом мужскую часть одежды отсылают жениху. Впрочем, это имеет место главным образом в высших классах и, наоборот, в самых низших; в среднем же обществе ограничиваются посылкой невесте юбки, синей снаружи и красной внутри⁶⁰. Этот день посылки подарков называется напчхэ, и в этот день обе семьи соединяются и устраивают пиршество.

Но вот наступает день свадьбы и жених отправляется в дом невесты. Посадка жениха представляет собою красивое, живописное зрелище. Прежде всего, импозантна его собственная фигура: его костюм необычен и красочен. Он одет в парадное одеяние, подпоясан широким плотным поясом, на голове у него парадная шляпа, так называемое осамо, на ногах деревянные, оббитые материей башмаки черного цвета. Он либо восседает верхом на лошади, либо сидит в паланкине, несомом шестью носильщиками. Впереди него шествуют так называемые "носильщики гуся", пестро и живописно одетые. В их руках живой гусь. Присутствие

гуся в свадебной процессии объясняется тем, что гуси всегда летают стаями, что символизирует брачное единение и соединение двух семейств. Эти лица также сидят верхом на лошади. Позади несут в паланкине кормилицу жениха и несут фонари, обтянутые кисеей — четыре фонаря, — и затем прочие спутники, обычно пять-шесть человек.

По прибытии в дом невесты прежде всего происходит "обряд подношения гуся" — чонансик⁶¹. Позади ворот дома стелются циновки, которые образуют дорожки во дворе. Устраивается особое место, на котором становится старая женщина, исполняющая обязанность "принимающей гуся". Она принимает этого гуся в приподнятый подол платья. Затем гуся угощают макаронами⁶². Если гусь закричит, это считается неблагоприятным признаком. Поэтому часто предпочитают обходиться деревянным гусем, который и не кричит и не ест ничего. Эта церемония заканчивается церемонией поклонения Небу — чхонджэ, которая заключается в совершении женихом "трех поклонений"⁶³.

После этого у невесты переходят к заплетению ей волос в первую взрослую прическу (кйомалсик). Эта новая церемония совершается в следующей обстановке: по левую и правую сторону от сидящей невесты устанавливается по подсвечнику и по ветке сосны и бамбука⁶⁴; эти ветки связываются друг с другом зеленой и красной нитью; тут же помещают петуха и курицу. Невесте перед всем этим делают прическу взамен косы. Все время втыкают шпильки и другие головные украшения, а также цветы и драгоценности; на голову надевают особый цветочный убор, на тело особый наряд, на руки особые длинные висящие рукава, которые совершенно их скрывают, к поясу привешиваются золотые и серебряные украшения, на ноги обувают особые вышитые туфли — и она приобретает пышный вид.

После этого происходит сам брачный обряд, заключающийся в том, что жених и невеста обмениваются поклонами — мэрйе. Начинает первой женщина. Жених совершает три поклона, невеста — три с половиной⁶⁵. Этим брачная церемония считается законченной.

После всего этого жених сменит одесяние на другое — менее парадное, и в прежнем порядке возвращается в свой дом, где и представляется родителям, родственникам и прочим старшим членам семьи и друзьям дома. Невеста же в полном брачном наряде торжественной процессией следует в дом жениха в тот же день. Этот кортеж невесты чрезвычайно красочен и живописен. Общий вид его таков: она усаживается в паланкин, несомый 4-8 носильщиками, занавески в паланкине спускаются. Впереди несут пхебак — сосуды, обычно два, с кушаньями: одно из мяса, другое из различных фруктов и овощей. Кроме того, несут еще четыре фонаря такого же вида, как и позади жениха. Перед паланкином невесты несут в паланкине ту же самую пожилую женщину, на которой лежала обязанность причесать молодую. За всем этим следуют пять-шесть мужчин из дома невесты, и так все это направляется в дом жениха.

По прибытии туда устанавливают оба блюда, а невеста прежде всего совершает поклонение перед родителями жениха. Если их уже нет на свете — обоих или одного — поклонение совершается перед посмертной табличкой. Затем она приветствует всех родных жениха, мужчин и женщин. После всего этого приступают к угощению. Самое интересное в том, что невеста с момента отъезда из дому должна обязательно быть с закрытыми глазами. Между прочим, этому помогают также те слои румян и белил, которые лежат на ее лице. Поэтому и во время торжественного пира ей вкладывают в руку и палочки для еды, и ложку.

В тот же день молодая возвращается обратно к себе в дом, где впервые открывает глаза. При возвращении она забирает с собою из дому молодого различные подарки — сундуки для платья, утварь из лакированного дерева, ткани и т. п. Между прочим, считается, что если невеста на пиру улыбнется в ответ на всевозможные шутки и остроты по ее адресу — у нее родится девочка, если же она воздержится — мальчик. При всеобщем желании иметь мужское потомство, молодая изо всех сил старается сдерживать смех.

Смотреть на свадьбу собирается, конечно, масса народа, толпою окружающая место торжества. В глухих же местностях доступ на свадебное торжество открыт всем без исключения, что способствует оживлению праздника.

В паланкине невесты стелется тигровая шкура. Это считается приносящим счастье. Если ее достать трудно, то подстилают одеяло с тигровым рисунком. Это поверье прямо противоположно тому, что имеет место в Японии, где в год Тигра откладывают даже совершать свадьбу.

Возвратившись к себе домой, невеста посылает людей из своего дома за женихом, который идет с ними к невесте. На следующий день жених поутру возвращается к себе и ждет вечером посланцев от жены, чтобы опять отправиться к ней на ночь. Так продолжается три дня подряд.

На четвертый день он наконец забирает с собою жену и окончательно поселяется с нею у себя в доме. В случаях, если брачующиеся живут далеко друг от друга, жених целую неделю живет в доме молодой⁶⁶, после чего возвращается с нею к себе.

В день свадьбы за пиром жениху часто приходится плохо ввиду того, что родственники и гости — из знающих и образованных — всячески испытывают его, предлагая ему темы для стихов, поэм в прозе и т. п. Это носит характер экзамена, и выдержать его трудно⁶⁷. Репутация жениха от этого очень страдает.

По удалению в спальню молодой собственноручно снимает с невесты головной убор и одежду. Все старательно складывается и кладется в санъган. Вся эта процедура наблюдается через щели в дверях матерью невесты или другими родственницами. Отчасти это происходит потому, что бывали случаи убийства или самоубийства в силу разных обстоя-

Наутро, еще до пробуждения молодого, жена потихоньку встает и прячет его обувь и одежду. Когда он встает, ему приходится все это отыскивать, что вызывает смех и шутки всего населения дома.

Сведения, добытые мною относительно корейской свадьбы, в значительной степени отличаются от того описания брачных церемоний, которое приводит S. L. Bishop в ее книге "Korea and her Neighbours"⁶⁸, а также в статье Ross "The Gods of Korea"⁶⁹, равно как и от того описания, которое дано в "Описании Корей Мин[истерства] Финансов"⁷⁰. Ввиду этого мною было обращено особое внимание на многократную проверку всех добытых сведений.

[Похоронный обряд]

Похоронные обряды протескают так.

1) В день кончины совершается обряд сып или кванмул. Как только умирает кореец, ему закрывают глаза и произносят обычно буддийскую молитву. Затем происходит убиение покойника. Интересно название доски, на которую кладут тело: "доска семи звезд Большой медведицы"⁷¹. Это название в связи с семью сосудами с различной пищей, ставящихся во дворе, не получило объяснения у тех корейцев, с которыми мне приходилось беседовать, так что пока я не записал ни одного толкования.

На дворе расставляют семь сосудов с пищей, около каждого сосуда кладут пару корейских сандалий (тоже не найдено пока объяснения). Призывают умершего, причем размахивают его платьем, которое затем забрасывают на крышу. Существует интересное верование⁷² относительно духа-проводника и руководителя, который сопровождает душу умершего при ее отлете из тела, а также так называемая "боязнь кошки".

2) На следующий день совершается обряд сорйем, иначе кэйи. Это обмывание и окончательное облачение покойника.

3) На третий день происходит имкван — положение в гроб. С этого момента те, кому следует, облачаются в траурные одежды.

4) Соньбокие — духу умершего подносят угощение, распорядитель похорон читает особые моления, все рыдают и причитают.

5) После обряда соньбоки до момента выноса родственники каждый день входят по три раза в комнату умершего и поклоняются ему. Этот период носит специальное наименование "Закон Начала и Конца" — чхооджоньбэн.

6) Происходит обряд раскрытия земли — кэтходже. Накануне дня выноса, когда выбор места для погребения сделан гадателями, так называемыми "наставниками земли" (чиса), на основании особых книг (сулсу), родные устраивают на выбранном месте этот обряд, заключающийся в чтении молитв и в приношении пищи.

7) Кйонджондже совершается в день выноса в домашнем святилище и является как бы прощанием с покойником.

8) Затем следует - парин -- вынос гроба из дома и шествие на кладбище в строго определенном порядке⁷³.

9) Мэгван — погребение⁷⁴, сопровождающееся церемониями — молитвами и т. п.

10) Чхоудже совершается на следующий после погребения день.

11) Самудже — на третий день после погребения.

12) Синьманьдже — каждое 1-ое и 15-ое число⁷⁵. Вышеописанный порядок похоронных церемоний относится к среднему классу корейского народонаселения. Он [взят мною за исходный пункт как]⁷⁶ наиболее типичный. В домах богатых янбанов похороны справляются с большей торжественностью, в деревне же, естественно, более просто.

С похоронами связан траур. Ввиду сложности и запутанности родственных связей в Корее, очень удобно для выяснения всех отношений обратиться к изучению траурных предписаний, которые все строго определены и неуклонно соблюдаются. [По настоящее время мною собраны в этой области следующие сведения:]⁷⁷

1. Траур чхомсвэ. Срок — три года; носится по отцу.

2. Траур чхсвэ. Срок — три года; носится по матери, если смерть отца последовала раньше.

3. Траур чэсвэимги. Срок — один год; носится в случае кончины матери при живом отце.

4. Траур чэмсвэ. Срок — один год; носится по деду и бабке, теткам и дядям, сестрам отца, по детям, кроме старшего сына.

5. Траур чэмсвэ. Срок — пять месяцев; носится по прадеду и прабабке.

6. Траур чэмсвэ. Срок — три месяца; носится по пра-прабабке и пра-прадеду.

7. Траур киниен. Срок — один год; носится по сыну.

8. Траур киниен. Срок — один год; по жене старшего сына.

9. Траур тэгонъ. Срок — девять месяцев; по замужним сестрам, женам прочих сыновей, дочерям братьев замужним, детям братьев отца, сестрам отца замужним, внукам от сыновей, кроме старшего сына.

10. Траур киниен. Срок — один год; по старшему внуку.

11. Траур согонъ. Срок — пять месяцев; по правнуку, женам правнуков, по братьям и сестрам деда, по детям этих последних, (т. е. только внуков братьев деда).

12. Траур сима. Срок — три месяца; по дочерям братьев деда, по женам детей братьев отца, по внукам и внучкам братьев деда и по родственникам от правнуков.

Данный список далеко не исчерпывает всех лиц из родственников, по которым носят траур. В качестве материала я привлек и печатные предписания, обычно хранящиеся в каждой янбанской семье и носящие названия и указания относительно похорон и траурных обрядов Санънис-чиоджон. Такая полная таблица единственно даст возможность уяснить

точно границы понятия "родственник", а это последнее важно, между прочим, еще и потому, что при всяком назначении на должность родословная кандидата играла очень большую роль и подвергалась тщательному исследованию, причем всякая неясность в ней являлась уже препятствием к достижению желаемого поста или чина.

Помимо перечисленных видов траура существует еще особый вид траура, так сказать, косвенный, который разделяется на три категории:

1) Симсан — "сердечный", "душевный" траур. В случае смерти матери при живом отце полагается носить траур один год, см. траур № 3; однако, дети должны соблюдать "сердечный" траур три года; равным образом соблюдают такой траур в случае смерти учителя.

2) Саньок — "оплакивание". Этот термин применяется к следующему случаю: дети, не достигшие восьми лет, не обязаны носить траур, но должны оплакивать умершего, считая день за месяц, т. е., если траур длится один год, дети оплакивают в течение 12 дней.

3) Чосан. Это значит надевать во время совершения траурных обрядов вместо обычного траурного платья на голову так называемое сэн — особое покрывало, и обнажать при этом левое плечо — чо, откуда термин чосэн.

Названия чхомсво, чэсво, тэгонь, согонь, сима являются, в сущности, названиями различных сортов полотна. В Китае, откуда все эти названия вышли, такое наименование различных видов траура, по всей вероятности, соответствует разнице в употреблении того или другого сорта материала для траурных одежд, в Корее же, по крайней мере в настоящее время, эта разница в полном виде не существует.

Траурные одежды в Корее в настоящее время в общем таковы:

1. Траур чхомсво. На голову надевается особая шляпа, носящая название "траурная шляпа" саньнип, дома же на голове носится повязка из особого полотна. При выходе из дома надевается особого рода верхний костюм с длинными рукавами и широким поясом; на ногах — соломенные сандалии с завязками из простой белой бумаги; в руках — палка из бамбука.

2. Траур чэсво. Вся одежда и головной убор такие же, только в руках при выходе из дома не бамбуковая трость, а ивовая.

3. Траур имги. К куску головного платка прикрепляют сзади ленту из белой материи; на траурную шляпу наклеивают кусок белого полотна. Одежда и обувь такие же, только пояс несколько уже. Остальные виды траурной одежды, по-видимому, ничем не отличаются от вышеприведенных.

Следует отметить, что в настоящее время в Корее заметна тенденция по возможности сократить и опускать траурные предписания. Высшие классы, янбаны, еще соблюдают довольно точно всю обрядность и выполняют установленные требования и сроки траура, низшие же классы уже с давних пор сокращают их, ныне же часто и вовсе не обращают внимания.

Вообще вся родовая и семейная организация в настоящее время расшаталась и близится к совершенному упадку. Во всяком случае, родовое право наследования значительно подорвано свободой завещания, родовая ответственность совершенно сводится к нулю, побочные дети от яньчхэ признаются полноправными членами семьи и единственно, к чему их еще не допускают, — это к хранению табличек с именами предков. Родственные связи между членами рода почти не чувствуются в жизни, доходя даже до опускания новогодних приветствий. Род дробится на ветви, которые слабо сознают свою общую связь. Словом, родовая организация в настоящее время сохраняет незыблемо всего лишь два института: 1) общие родовые божества-предки и 2) недопускание браков между членами одного и того же рода.

Обряды в честь предков

[Четвертая из "четырёх церемоний"] — церемония черйс. Под этим названием подразумевается совокупность обрядов, выполняемых в честь предков. Виды и сроки совершения таких обрядов видны из следующего перечня, составленного мною на основании многократных расспросов:

1) Сосаньдже. В честь отца или матери. Совершается на следующий год накануне дня смерти.

2) Тэсаньдже. Такой же обряд на третий год со дня смерти.

3) Чолгокие. Такой же обряд, как и вышеприведенные; на 100-й день после предыдущего.

4) Саньманьдже. В честь тех же. Каждое 1 и 15 число в промежутке времени от дня соньбокдже и до дня [свершения обряда чолгокие].

5) Кидже. В честь тех же. Каждый год после тэсаньдже.

6) Садже. В честь родителей, деда и бабушки, прародителей и пра-прадеда с пра-прабабкой. Совершается в день Нового Года по лунному календарю.

7) Обряд в день Хансик — "День холодной пищи". В честь тех же.

8) Обряд в день пхарволманьил по лунному календарю, т. е. 15 августа.

9) Обряд в день Тоньджи — кульминационный пункт зимы. В честь тех же.

10) [В день] юкволмодуил — в июле. В честь тех же. Обряды в честь родителей совершает старший сын, в честь более отдаленных предков — вообще глава дома. Часы свершения обрядов весьма различные: так, обряды №№ 1 и 2 совершаются в час ночи, № 3 — вечером, в сумерках, № 4 — утром, № 5 — в час ночи, как и первые два, №№ 6, 7, 8 и 9 — в утренние часы, № 10 — днем.

Жертвенные приношения предкам в эти дни очень различны. Ритуал обрядов в общих чертах представляется следующим: в день свершения обряда заготавливают жертвенные приношения, вынимают из домашнего

святилища таблички предков, располагают жертву перед ними и ставят курильницу с благовониями. Когда все эти приготовления закончены, начинается самый обряд, состоящий в общем из следующих моментов:

1. Каньсин — "сошествие духа". Родственники располагаются перед табличками, возжигают курения; считается, что в этот момент как бы начинается обряд, т. е. дух умершего начинает принимать все к нему обращения.

2. Самбэпаллис — "церемония 3 1/2 поклонов". Глава семьи — он же и совершитель обряда — особым образом совершает поклоны табличкам, делая это три с половиной раза, т. е. три полных поклона и один неполный.

3. Чхохон — "первое приношение". "Церемония 3 1/2 поклонов", совершаемая в первый раз и сопровождаемая приношением духам предков чашки рисовой водки.

4. Вышеупомянутая церемония, совершаемая во второй раз и сопровождаемая открыванием миски с рисом и втыканием в рис ложки.

5. Чэхон — "вторичное приношение". Третье по счету совершение "церемонии 3 1/2 поклона"; сопровождается новым подношением рисовой водки.

6. Четвертое (собственно половинное) совершение церемонии, сопровождаемое чтением молитв. После этого место жертвоприношения обводят ширмой и все удаляются в другую комнату, оставаясь там минут 10. Считается, что в это время дух вкушает предложенные ему предметы.

7. Чонхон — "конечное подношение". По возвращении в комнату духа доливают чашку сакэ⁷⁸, налитую перед этим до половины. Это и является последним приношением.

8. Сасин — "расставание с духом". Прощание с духом предков, при чем сжигаются все молитвенные тексты — и обряд кончен. Таблички уносят обратно в домашнее святилище, угощение убирают; все участвовавшие и присутствовавшие при обряде удаляются в особое помещение и начинается пиршество.

Таблички предков носят наименование синви или синджу; в Японии их называют ихай. Изготавливаются они сейчас же после кончины родственника и после различных обрядов помещаются в домашнем святилище. Материал, служащий для изготовления таких табличек, бывает разный: наиболее распространено каштановое дерево, но у бедняков встречаются таблички и из полотна, а то и просто из бумаги; бумага эта наклеивается на ширму или циновку и по окончании обряда сжигается.

Во время похорон табличку несут до кладбища чистой, т. е. без всяких надписей, по окончании же похоронных церемоний на ней пишут несколько иероглифов с соблюдением некоторых условий. [Многочисленно значительное количество таких надписей, которые в настоящее время классифицируются]⁷⁹.

III. [Религиозные воззрения корейцев]

Святылища

Домашнее святылище — саданъ. Место, специально предназначенное для хранения табличек предков. У богатых святылище — отдельное здание внутри двора, у людей менее состоятельных — отдельная комната в доме, у бедных — род шкафа в стене.

Государственные святылища. Кроме термина саданъ, существует еще выражение са, которым обычно обозначают святылище в честь лиц, особенно послуживших своей родине. В этих храмах ежегодно осенью и весной — по рассказам корейцев — производилось богослужение, совершавшееся правительственными чиновниками, действовавшими по указанию государя. В настоящее время мне не приходилось слышать, чтобы такие богослужения кем-либо совершались, хотя храмы эти разбросаны повсюду и пользуются большим почитанием среди населения. Главных из них — 21, которые все мною переписаны с указанием чествуемых в них лиц и мест нахождения⁸⁰. Между прочим, среди них встречаются храмы, посвященные корейским героям.

Местные святылища. В провинциях повсюду разбросаны особые святылища, посвященные прославлению особо почитательных сыновей и особо добродетельных жен. Находились они в ведении провинциальной местной администрации и носят название нёнънйе.

Памятники

Во время моей поездки по провинции Чхунчхондо мне во множестве встречались особые памятники, воздвигаемые окрестным населением в честь какого-либо особенно милостивого и пекущегося о благе народном чиновника — провинциального администратора, начальника уезда, округа и пр. Памятник служит как бы выражением признательности населения и носит название сонъдокин. Делаются они из железа (чугуна?), камня и дерева. Так и говорят: чхолби, сокин, мокин, и достаточно произнести такое одно название, чтобы стало более или менее ясным, чем заслужил благодарность умерший чиновник. Памятник из металла означает, что чиновник этот раздавал населению свои собственные деньги и помогал неимущим материалом и делом. Памятник из камня показывает, что покойник хотя и не обладал особыми заслугами, но отличался добротой сердца, великодушием и добродетельной жизнью. Деревянный памятник показывает, что чиновник, в честь коего он воздвигнут, лишь временно — короткий срок — пребывал в этом уезде. Часто же деревянный памятник является лишь временным сооружением и с течением времени заменяется обычно каменным или металлическим. На лицевой стороне вырезается иероглифическая надпись, указывающая имя, чин, должность и отличительные качества покойного, с

прибавлением традиционной фразы "йонъсе булман би", т. е. "памятник вечного незабвения" (буквальный перевод). Стиль этих надписей совершенно корейский. Обычно сбоку вырезаются еще стихи или изречения, касающиеся добродетелей покойного.

Часто можно видеть, что в знак особого уважения окрестного населения к памяти добродетельного чиновника такой памятник помещается под особый навес буддийско-корейского стиля.

Для того, чтобы закончить отдел о различных храмах в Корее, необходимо отметить еще особые учреждения, известные под именем мунмё. Под этим названием подразумеваются особые места, где почитаются Конфуций, его ученики и все наиболее знаменитые ученые конфуцианской школы в Китае и Корее. Помещались эти храмы в так называемых хяньгё, т. е. провинциальных школах, а также в сонъгюнван. Состояли они из главного алтаря чонъчва и двух боковых приделов. Главный алтарь обращен на юг, поэтому боковые приделы носят название "восточного" и "западного". Почитаемые ученые распределялись следующим образом:

1. Главный алтарь — чонъчва.

а) Конфуций⁸¹ — Конъджа.

б) Четверо совершенных⁸² (сасэнъ) — т. е. Анджа, Чынъджа, Часа, Мэньджа.

в) Десятеро философов⁸³ (сипхэл) — т. е. Минйон, Югийсен, Пэмонъ, Чэйз, Танъмоксок, Чэгу, Чунъю, Онон, Покийок, Чэнсон.

г) Шестеро мудрых⁸⁴ (юкхйон) — т. е. суйские ученые: Чуджа, Чонъджа, два брата — Соджа и Чанъджа, Чуджа.

2. Восточный придел

а) Ученые Чжоуской династии⁸⁵.

б) Ученые Танской династии⁸⁶.

в) Ученые Ханьской династии⁸⁷.

г) Ученые Сунской династии⁸⁸.

д) Ученые династии Силла в Корее.

е) Ученые династии Корё в Корее.

3. Западный придел — Сому.

а) Ученые Чжоуской династии.

б) Ученые Ханьской династии.

в) Ученые Цзиньской династии⁸⁹.

г) Ученые Сунской династии.

д) Ученые Юаньской династии⁹⁰.

е) Ученые династии Силла.

ж) Ученые эпохи династии Корё.

з) Ученые эпохи династии И [Ли].

Мною составлен список всех почитаемых в таких храмах; количество и имена чтимых, по-видимому, одни и те же повсюду; по крайней мере,

в тех местах, которые были мною осмотрены, разницы в этом отношении не оказалось.

Юрим. В тесной связи с мунмё стоят так называемые юрим. Под этим словом подразумеваются общины, кружки конфуцианцев, во множестве образовавшиеся в стране в эпоху правления династии И благодаря покровительственному отношению правительства к учению Конфуция. Организация подобных общин сопровождалась основанием так называемых хяньгё, т. е. провинциальных школ, густой сетью покрывших страну и имевших во главе Сонъгюнган. Членами подобных общин могли быть всякие, независимо от принадлежности к тому или иному классу общества, будь то благородные, земледельцы или ремесленники и торговцы, — лишь бы только верующий обладал познаниями в области так называемого кйонъхак, т. е. в конфуцианском каноне. Однако подавляющее большинство членов бывали янбаны.

Совон. Так назывались особые конфуцианские учреждения, места вроде библиотек-школ-читален, являющихся в то же самое время и местами, где прославлялись выдающиеся конфуцианские ученые. Учреждались они богатыми конфуцианцами с целью распространения конфуцианских идей. Ежегодно осенью и весной в таком учреждении совершались особые празднества. При каждом таком учреждении находилось известное количество рисовых полей, доходы с которых шли на содержание храма-библиотеки. Число их было очень велико — до 1000 с лишним. Теперь они постепенно приходят в состояние запустения. Мною составлен перечень 27 главнейших таких учреждений⁹¹.

Религии Кореи

1. Югё⁹² — конфуцианство. Храмы Конфуция имеются и в Сеуле, и везде в провинции.

2. Пулгё⁹³ - буддизм — в полном упадке.

3. Сонгё⁹⁴ — корейский даосизм.

4. Ясугё⁹⁵ — христианство.

5. Чхондогё⁹⁶ — религия Небесного Пути развилась из учения тонъхактанъ.

6. Сичхонгё⁹⁷ — отрасль предыдущей — в сущности, одно и то же.

7. Тангунгё⁹⁸, Тэджонгё⁹⁸ — одно и то же; в настоящее время апостолом этого учения является некий Наикйонъ⁹⁹.

Божества в Корее

1) Окхваньсанъдже — наивысшее божество, повелитель всех прочих духов и божеств. Непосредственно ему возносить молитвы не приходится: слишком он высок для людей; поэтому молятся и просят чего-нибудь у меньших духов, ему подчиненных.

2) Сансин — божество гор, находится на каждой отдельной горе. Поэтому при определении местности погребений по склонам гор и на

горах прежде всего приносят жертвы сму и тем испрашивается его благоволение.

3) Конже¹⁰⁰ — известный китайский герой и бог войны Гуань-ю¹⁰¹. При походе Хидэсси¹⁰² на Корёю¹⁰³ это божество появилось перед знаменем Сеула и прогнало японские войска. С тех пор в царском доме его стали особенно чтить; затем уж и корейцы приняли его в свой пантеон и признали его за одного из своих духов. Это очень сильное и могущественное божество.

4) Обанъсин — божество пяти сторон света: Севера, Юга, Востока и Запада, а также "центра". Он управляет также 4-мя временами года и Землею.

5) Ёньсин — божество дракона; бог водной стихии. Говорят, что в дракона могут обращаться карпы, достигнув старости, а также змеи.

6) [?]*

7) Пугундань¹⁰⁴ — соответствует японскому Идзуками¹⁰⁵, следовательно, не имеет определенной формы.

8) Чидоджанъсынъ — божество, заключающееся в верстовых столбах, стоящих в Корёе по дорогам на расстоянии 1 мили — т. е., 10 кор. миль друг от друга.

9) Коллин — божество домов, жилых помещений.

10) Пвиянь — божество судьбы каждого отдельного здания. Его вместе с рисом считается то рис, то животное вроде японского колонка. При переезде в новое помещение его берут с собою.

11) Сансин — божество родов; носитель божества — старуха.

12) Санъдису — божество-покровитель дома-рода. Ему подносят рис, монеты, рисовые пирожки, завернув это в бумагу и прикрепив к верхней балке крыши.

13) Чхилсонъдан — божество Большой Медведицы в образе Семи буддийских изображений. Ведает долголетием человеческой жизни.

14) Чхве Ёнь чанъгун¹⁰⁶ — известный военачальник времен конца Корё. Очень могущественный дух; его особенно чтут шаманки, и даже когда они обращаются с молениями к другим божествам, все равно ему потом молятся. Пребывает на горе в Кайдзё [Сеуле].

15) Малмйонъ — божество разврата.

16) Роинхванъ — божество звезды Южного Полюса; наравне с Большой Медведицей управляет продолжительностью человеческой жизни.

17) Хогубйньсонъ — божество оспы. Считается приходящим из провинции Цзяньнань. Ему на 14 день сопутствует оспа. Его можно удалить, сделав из дерева подобия коня, положить на подносе для него пищи, приставить к нему конюха, с напевом мудан заставить их плясать. Если конюх после этого поест эту пищу, он лишится своей лошади.

* Здесь и далее знаком [?] обозначены не поддающиеся восстановлению пропуски в тексте Н.И. Конрада. — Р.Д.

18) Чуджу — божество кухни; сердится, если топят нечистыми дровами.

19) Чхыксин — божество отхожего места. Требуется чистки и освещения своего места, иначе гневается.

20) Тэсаньногун, иначе — Точунъханъдже (не Лао-цзы ли? ¹⁰⁷) — результат смеси корейских суеверий с буддизмом и даосизмом.

21) Тхэджу — божество, находящееся в праздничном платье молодой девочки, умершей от оспы, 2) находится в женщинах. Такие женщины постоянно слышат голоса духов — в воздухе или на балках крыши. Они вещают детским голосом, голосом маленькой девочки. Теперь запрещено.

IV. [Игры и развлечения корейцев]

Игры

В зимние месяцы 1914 года во время посещения корейских домов в Сеуле мне часто приходилось наталкиваться на игры, которыми занимались в свободное время обитатели этого дома. Многие из этих игр носят вполне азартный характер, но существуют и более безобидные. В результате этих наблюдений мною составлен небольшой список наиболее распространенных игр вместе с описаниями — поскольку мне удалось понять — самого способа игры. Игры эти следующие¹⁰⁸: 1. ткуихон, 2. камихэ, 3. ватху, 4. чхокса, 5. маджон, 6. симви, 7. сибинге, 8. тходжон, 9. сиби, 10. ссанънюк.

Как-либо перевести эти названия чрезвычайно трудно; к тому же часто само название ничего не говорит о характере игры. Существуют многочисленные вариации этих названий, некоторые из коих мною записаны.

Азартные игры

Если доверять письменным свидетельствам, азартные игры в Корее имеют почти двухтысячелетнюю давность. Многие корейские и некоторые китайские источники — достаточно серьезного происхождения — свидетельствуют, что уже на самой заре государственного существования Кореи, т. е. того времени, когда Корея впервые обращает на себя внимание китайских историографов, — среди населения были сильно распространены всевозможные игры и "забавы", могущие быть названы азартными. Так, например: 1) Хоуханьшу¹⁰⁹ при описании нравов и обычаев Кореи эпохи Пэкче¹¹⁰ говорит, что у Пэкче существовали разнообразнейшие игры; они особенно любили тхухо унджу, кй нхй кки. 2) Бэйши¹¹¹ говорит почти то же, причем упоминает, кроме вышеприведенных игр, еще нонъджу, оксэк. 3) Оджапче [?] утверждает, что азартные игры ведут свое существование со времен "Трех царств"¹¹².

Другими словами, уже с давних пор среди игр и забав, имевших место у корейцев, отделился определенный род игр, связанных с понятием

проигрыша и выигрыша, что впоследствии развилось в обязанность проигравшего вознаградить от себя победившего его в игре.

Трудно что-либо сказать относительно тех игр, названия которых упоминаются в исторических и бытовых описаниях Корси прежних времен и, в частности, относительно тех, кои приведены выше. Возможно только дать описания некоторых из существующих ныне и могущих быть отнесенными к разряду наиболее распространенных. При этом всегда приходится иметь в виду то обстоятельство, что вариантов каждой игры существует почти столько же, сколько играющих, и эти варианты могут касаться и самих принадлежностей игры, и способа. Равным образом бесконечно разнообразны и условия выигрыша и проигрыша.

Музыка

Музыкальными инструментами служат:

1) нагак — особая раковина, в которую дуют, как в трубу,

2) хэньго — род барабана,

3) ко — большой барабан,

4) чонь — род гонга,

5) чэньджом — род маленьких тарелок,

6) тхэпхйонь — род трубы, кларнета,

7) напхал — род кларнета,

8) ходжок — род флейты,

9) чаньго — небольшой двойной барабан, вроде японского,

10) комунго — род японского кото, только с большим количеством струн и без ладов,

11) яньгым — струнный инструмент — род цитры,

12) пипха — род японского сямисена,

13) сigo — круглый короткий сямисен [без струн]. Большинство этих инструментов находится в исключительном употреблении корейских кисэн, т. е. корейских гейш.

Прогулки, пиршества и пр.

Средством развлечения служат также прогулки по окрестностям города, что особенно наблюдается весной — в марте. Существует специальный термин для таких экскурсий — пхунънй о нёнъ, под которым разумеется целодневное пребывание на открытом воздухе в живописном месте.

В некоторых местностях, по рассказам, устраивают особые развлечения для стариков старше 70 лет: их уводят в красивые места и здесь угощают — это называется чхонъчхунъ гёнъчохве, т. е. "собрание молодежи для почитания старших". У детей существует особое развлечение — игра на особых флейтах — чамнюл, которые вырезаются из ветвей ивового дерева. Девочки, впрочем, этим не занимаются, у них существуют особые игрушки, называемые кокеси. Кроме того, обычными развлечениями являются процессии фонарей, масок и пр.

В чрезвычайном почете особая игра, называемая чху чхон (яп. буранко). Игра эта напоминает наше качание на качелях и ей особенно предаются в мае.

В провинции очень распространен "танец на плечах", т. е. когда танцующие становятся друг другу на плечи и в таком виде балансируют.

Такие танцы являются целым событием и глядеть на них собирается все окрестное население. Называется этот танец кйоньнгоньму. Существует праздник урожая, сопровождаемый танцами, которые называются пхуньйенёнъ, т. е. "пляска урожайного года". Наблюдать эту пляску мне до сих пор не приходилось, но по описаниям танцующие также становятся друг другу на плечи — по трое.

V. [Календарные обычаи и обряды корейцев]

Корейский Новый Год

Январь¹¹³

Начиная с 1-го января по 12-ое счет дней ведут не по числам, а по циклическим знакам, например, "день мыши", "день быка", "день тигра" и т. д.; между прочим, в простонародье "день барана" называют обычно "день паука". Из этих двенадцати циклических дней те из них, которые называются по именам животных, имеющих шерсть, именуются "волосатыми днями" (юмоил); дни же паука, змеи, дракона и пр. — именуются "безволосными днями" (мумоил).

1. Первый день января

В этом году¹¹⁴ совпал с 14 февраля н. ст. во время моего пребывания в Сеуле. По сделанным наблюдениям, этот день отличается от других в общих чертах следующим (дальнейшая терминология вся строго соответствует корейской):

а) седжанъ — новогодний туалет.

б) тарйе — чайная церемония; свершение обрядов в домашнем святилище,

в) йонсибэ — новогодние приветствия между своими, в сопровождении различных обрядов,

г) себэ — новогодние приветствия, визиты к родственникам и знакомым,

д) сэхам — посылка поздравительной визитной карточки,

Образцы новогодних поздравлений — письменных и устных — мною собраны¹¹⁵, все они сплошь корейского происхождения.

В Новый год обязательно готовят особые угощения, которые почти везде одинаковы, как бы беден дом ни был — в день Нового года у них заготавливается все, что требует обычай. Эти угощения мною записаны¹¹⁶. Дальше следует отметить следующее:

а) приклеивание к дверям двух полководцев. Относительно них существует особая легенда;

б) приклсивание изображения курицы или тигра, иногда трехглавого сокола;

в) так называемые самджэ, "три несчастья". В этот день есть возможность от них избавиться;

г) на дверях помещений для скота точно так же приклсиваются различные изображения, в предупреждение возможности заболеваний и падежа;

д) охэньджон — "монета пяти стихий". Особый обряд, имеющий значение гаданий о судьбе на предстоящий год.

Новогодние увеселения чрезвычайно разнообразны, наиболее обычные следующие:

а) сохый — изготавливают особые дощечки из куста пи и, бросая их наподобие игральных костей, держат пари на угощение;

б) маджон — "лошадиное поле" — вид азартной игры;

в) игра хисо¹¹⁷ — на набитый землей соломенный мешок кладут поперек доску, играющие становятся на оба конца и качаются. Обычная забава женщин и детей;

г) в Сеуле вечером этого дня мужчины и женщины жгут свои волосы и ногти, накопившиеся во время стрижки и сохраняемые за весь год. Этим — говорят — отпугивают злых духов. В деревнях это делают 16-го числа.

Существует поверье, что в ночь на второе января некий демон по имени яягван, "ночной свет" (говорят, что это имя является искаженным яякванъ, т. е. "король лекарств"), входит украдкой в дом и крадет корейские сандалии. Так как факт пропажи сандалий в эту ночь знаменует собой, что в течение года собственник их будет несчастлив, в этот вечер рано гасят свет, заботливо прячут сандалии и ложатся спать. Впрочем, существует способ избавиться от опасности похищения демоном обуви: у входа в комнату вешают мелкое, частое сито; предполагают, что демон, войдя в комнату, заинтересуется ситом и начнет считать его дырки, тем временем наступит рассвет и он должен исчезнуть. Если первое января приходится на "волосатый день" — в этом году будет урожай хлебов и хлопка; дождей будет много; на "безволосый" — предстоит недород.

2. Саньджаил. Первый мышинный день

В этот день в деревнях устраивают так называемый сохвахый, "игра мышинового огня". Это значит, что крестьяне зажигают сухую траву на полях, дабы удобрить землю для предстоящих весенних работ.

Если в этот день — вечером — начать стучать в ступку, мыши-самцы — говорят — утрачивают семя.

3. Инил. День тигра

В этот день не ходят в гости, не принимают посещений, вообще сидят, никуда не выходя, у себя в доме. Предполагается, что если кто-либо выйдет из своего дома и принужден будет на стороне удовлетворить свои

естественные потребности, он сам и его родственники обязательно будут съедены тигром.

4. Санъмёил. Первый заячий день

В этот день все работы по домашнему хозяйству совершают не женщины, а мужчины, включая сюда и приготовление пищи, топку печей и пр. Делается это ввиду того, что, выйдя женщина наружу, — ее судьба в предстоящем году неминуемо будет несчастна.

В этот день на грудь надевают особую нить, носящую название "нить жизни" (мйонъса, иначе санъвонъса). Иногда носят на руке, прицепляют к поясу и пр. "Нить жизни" — амулет долголетия.

5. Саил. День змеи

В этот день нельзя стричь волосы, иначе в дом вползет змея, которой корейцы чрезвычайно боятся, веруя, что она способна оживать.

6. Хэил. День кабана

В этот день впервые устраивают базары.

7. Ипчхун. Начало весны

В этот день повсеместно пишут стихи поздравительного и благожелательного характера и наклеивают длинные бумажки, исписанные корейскими стихотворениями, на дверях и перекладинах. Мною собрано большое количество образцов таких стихотворений.

8. Соманъил. 14-ое число [в 1915 году — 27 февраля н. ст.]

В северной части Сеула, далеко в горах, существуют ворота Чааммун. Говорят, что если женщина три раза в этот день пройдет сквозь эти ворота, весь год она будет здорова. Вероятно, это объясняется тем, что проделать такую прогулку почти невозможно ввиду очень большой отдаленности этих ворот, а также большой пустынности места и трудности подъема в гору; ворота эти ныне заброшены, и многие даже не знают о их существовании. Корейцы, имея в виду физическую слабость женщин и трудность пути, говорят, что женщина, совершившая такую прогулку, да еще три раза, безусловно будет здорова весь год, — этот факт один уже свидетельствует о решительности ее и выносливости. Впрочем, существует и другое, но весьма натянутое объяснение. В этот день производят несколькими способами так называемое "очищение от бедствий" — аглянъ. Например, мальчики и девочки изготавливают особые деревянные сосуды в форме дыни и, перевязав их нитью, в полночь выбрасывают на улицу. Или: хозяин дома приготовляет особого вида соломенную куклу, вкладывает внутрь ее монеты и выбрасывает на перекрестке улиц или же отдает нищим — мальчикам, бродящим в этот вечер по улицам; часто для этой же цели вырезают из бумаги куски в форме ноги, надписывают на них имена и фамилии, защемляют эти листки в палочки из особого куста чху и втыкают в крышу; или же, нарисовав на листке бумаги человеческую фигуру и подписав имя и фамилию, завер-

тывают в эту бумагу монету и кусочек рисовой каши и выбрасывают все это на перекресток или же в речку. Причем этот последний обычай имеет в виду не аглянъ — "очищение от бедствий", а квянъ — "очищение от злых духов".

В деревнях в этот день устраиваются так называемые сэкиэн, т. е. состязания в потягивании каната. Иное название сынъсэк. Обычно состязаются две соседние деревни, причем состязание сопровождается битьем в барабаны и игрой на различных инструментах. Победившей деревне предстоит урожай, а проигравшей — какое-либо бедствие.

Если хозяин рисовых полей угостит в этот день своих арендаторов и работников особым угощением, он не будет страдать от летних жаров. Затем, если съесть в этот день рисовую кашу, завернутую в листья нэк или в особую траву хэаг, у владельца земельного участка хорошо урождаются "пять хлебов" (огок). Относительно этого существует особое выражение: ыйсанджок — "кули с зерном накаплиются как горы".

9. Манъил. 15-ое число [первого месяца]

В этот день рано утром, еще лежа в постели, грызут зубами орехи, каштаны и пр., что предохраняет на весь год от нарывов, прыщей и пр. опасных болезней; называется этот обычай чакчыл.

Утром же пьют особую лекарственную водку — якджу или "жгучий напиток" — соджу; делают это для того, чтобы в течение всего года сохранять остроту слуха; приходилось слышать и другое объяснение: для того, чтобы весь год слышать только хорошее. Называется это "утренняя чарка" — имйенъджу. В этот день покупают особую черепаху, наклеивают ей на спину лист бумаги с обозначением имени, фамилии, года рождения и пр. и бросают ночью в реку, завернувши предварительно черепаху в свою собственную одежду.

Черепаха — слуга дракона, живущего в воде, и этим актом испрашивается долголетие. Впрочем, приходилось слышать, будто, бросая черепаху, произносят следующее: "Вот я спасаю твою жизнь! Помни меня и позаботься о продлении и моей жизни".

15-ое января носит особые наименования мйонхил, яньджин, санъхйенил. В этот день празднуют Луну и гадают на будущий урожай. Когда луна уже взошла, на шест из вышеупомянутого куста чху прикрепляют куски бумаги, вырезанные в форме полной луны, и выставляют их на крышах, совершая при этом особое поклонение. Значит это следующее: пусть моя судьба в этом году будет так же светла, как сейчас луна, пусть она будет так же полна, как сейчас луна. Впрочем, этот обычай предельвается равным образом в целях предохранения от пожаров.

Иногда в этот вечер устраивают бои петухов или скачки. В этот день собак вообще не кормят. Делается это вследствие того, что собаки и луна считаются различными по природе и вечно враждебными друг к другу;

поэтому, если подкрепить силы собаки пищей, они могут луну съесть. Затмение луны — именно поедение ее собакой. К собакам в этот день применяется наименование сэнвоносотэ. Вечером же 15-го числа происходит "хождение по мосткам", для того, чтобы сделать свои ноги здоровыми на весь год. В Сеуле хождение это начинается по сигналу, даваемому колоколом, находящимся на иорунга. Наиболее веселый вечер в Сеуле, так как в этот вечер выходят из своих домов все кисэн — гейши.

В настоящее время этот обычай выводится, корейские женщины и девушки из благородных семейств уже совершенно его не признают ("мост" и "нога" — по-корейски одинаково тал).

В сумерки этого дня дети зажигают на холмах костры и ожидают восхода луны; первый заметивший ее появление будет самым счастливым в предстоящем году. Впрочем, по Луне гадают о своей судьбе в этот вечер не только дети, но и взрослые.

Часто головнями костров начинают драку, причем победившей деревне предстоит урожай и наоборот.

В этот день сдят особую "лекарственную кашу" — якпап. Относительно этого обычая существует особое предание, относящееся к эпохе династии Силла. Пища из высушенных листьев огурцов и редьки, съеденная в этот день, предохраняет от летних жаров.

Ночью на крышу ставят ивовое решето и на другой день смотрят: если в дырочках решета окажутся зерна риса, будет рисовый урожай, если проса — то урожай проса. Предполагают, что за ночь с неба в решето упадут какие-либо зерна.

Ночью же в пустую шелуху из гаоляна вкладывают 12 бобовых зерен и держат все это в воде. На другой день смотрят: если от воды разбухло пятое зерно — в мае будет много дождей, если шестое — в июне и пр.

В гаолян втыкают колосья различных злаков и выставляют их перед воротами, на другой день смотрят: если колосья опустились — будет урожай, если нет — недород данного вида злаков.

15-м числом собственно кончает чонъвол, т. е. период празднования Нового года, с этого дня начинается "год", т. е. обычный год со всеми его перипетиями. Вышеозначенные обычаи все приурочены к определенному дню, но наряду с ними существует целый ряд других, которые все наблюдаются за все время с 1 по 15 число, безотносительно к какому-либо определенному числу. К числу их принадлежат следующие:

Пускание змеев. Обычно этим занимаются дети, но нередко и взрослые. Ведет свое происхождение этот обычай будто бы со времен Танской династии в Китае, от известного Анноксан. Буддийские монахи из ближайших храмов совершают обход окрестных поселений и молятся о здравии и благополучии дома. Мудан, подобно монахам, также совершает обход домов и гадает о судьбе обитателей их, обращаясь к божествам Сэньхванъдан и Мимйонъсин¹¹⁸. За небольшую плату они совершают очистительные моления и предотвращают несчастья.

Ночью — обычно 14-го — муданы в своем собственном доме устраивают большое моление, на которое стекается часто огромное количество народа. Обставляется такое моление с большой пышностью и отличается особой торжественностью. Моление это описано мною в связи с вообще разными обрядами, выполняемыми муданами, хотя в последнее время все реже и реже можно встретить настоящие, исполняемые по всем правилам моления.

15-го же января подобные обходы окрестных поселений совершают и слепцы. Они ходят по домам и за небольшую плату гадают обычно на основании Ицзиновских на-гуа¹¹⁹ о судьбе обитателей, указывая, например, что в таком-то месяце с тем-то случится такое-то бедствие. В таких случаях хозяин дома обычно предпринимает паломничество в Сонъхванданъ, где свершением жертвенных приношений предотвращает предначиненное несчастье.

С 1-го по 15-е января в прежние времена корейцы усиленно предавались азартным играм. В настоящее время, хотя таковые и сохранились кое-где, но, благодаря запретам, находятся на пути к полному исчезновению.

В этот же промежуток времени совершалось так называемое "очищение от злых духов", заключавшееся в том, что в домах людей состоятельных стреляли из ружей, в других же — выставляли на крыше ветки особого дерева мок (шиповник).

10. 16-ое число [первого месяца]

16-ое число называется "днем духов" вследствие того, что духи в этот именно день особенно близки к людям. В этот день воспрещается выходить из домов; войдя в чужой дом, обязательно приносишь с собой духа.

Помимо всех вышеописанных обычаев, приуроченных к определенному дню или к определенному сроку 1-15, на протяжении всего января замечаются некоторые особенности сравнительно с остальным временем года; сюда можно отнести следующее:

В первой декаде января сеульская молодежь усиленно катается на льду реки Ханган. Впрочем, это зависит от погоды и теперь даже понемногу сокращается.

Между стволом и суком дерева защемляют камень, произнося при этом: "пусть в этом году будет хорошо". Интересно название такого дерева с положенным камнем: дерево-невеста.

В последней декаде января повсеместно устраивают "битвы камней", корейский термин: сокйон, пхйонджон, пйонджон. Эти битвы напоминают по своей ожесточенности и последствиям отчасти кулачные бои в России. В настоящее время они преследуются полицией, но все же окончательно не вывелись. Наблюдать таковые мне пока не пришлось; для этого следовало бы углубиться в самую глушь страны, но по многочисленным рассказам корейцев составлено небольшое их описание, а равно и объяснение их происхождения и возникновения.

Большинство обычаев, имеющих место в январе, описано мною на основании личных наблюдений; такое описание доведено мною до самого последнего момента, т. е. до 25 января (26 февраля 1915 г. ст. ст.).

Помимо этого, на основании разговоров с корейцами мною составлена схема корейского года в его обычаях и собираются сведения об этих последних. Чрезвычайно затруднительно описать этот год, не будучи самому свидетелем существования обычаев; поэтому мною предположено в дальнейшем, если это окажется возможным, описание корейского года на основании собственных наблюдений, в основу которых будет положена составленная схема. Схема эта здесь мною пока не приводится, но необходимо упомянуть о тех днях, свидетелем коих мне пришлось быть в минувшем октябре-ноябре-декабре¹²⁰.

[Осенне-зимние обычаи и обряды]

Октябрь

День лошади. В этот день готовят особое кушанье из красных бобов и раскладывают его в углах конюшен. Это есть празднование особого "божества лошади", которое предохраняет лошадей от эпизоотии.

Октябрь является месяцем поминовения усопших предков. Выбрав счастливый день, все родственники — иногда в числе нескольких сот человек -- собираются у могил своих предков и справляют особые поминки, называемые сидже.

По рассказам, в древности в этот месяц в придворном медицинском приказе готовили особое масло из коровьего молока, которое потом жаловалось некоторым чиновникам.

В день, находящийся под циклическим знаком суру, если таковой случался в октябре, и названный днем "большого благополучия", т. е. тэджил, совершают празднование домашнего божества — духа-покровителя дома-постройки. Точно также часто зовут в дом мудан и молятся при их посредстве духу Сонъджосин о счастье и благополучии дома.

Октябрь месяц является месяцем, когда все полевые работы кончаются и крестьяне заготавливают себе на зиму различные овощи: редьку, репу, чеснок, перец, капусту и пр.; при этом часто устраиваются пиршества, в которых участвует вся деревня.

Говорят, что числа 20-го этого месяца обязательно бывает буря. Явление это связано с одним историческим преданием, которое мною записано¹²¹.

Ноябрь

Тонъджил — кульминационный пункт зимы. В этот день женщины готовят особое кушанье, которое предварительно преподносят предкам, а затем служит угощением посетителям. В часов 5-6 утра кто-нибудь из домашних — прежде обычно хозяин или хозяйка, теперь же

служанки, и то больше по своему почину — идет к воротам и бросает ложку этого кушанья на них, приговаривая: "Боги счастья, придите, ты же, зима, съев это сэлсими (название маленьких рисовых клецок, входящих в состав пхатчхок), уходи подальше, вместе со злыми духами". В некоторых домах женщины перед тем, как начать есть пхатчхок, обводят вокруг блюда ножом и призывают духов, после этого втыкают нож в кашу и некоторое время молятся.

Декабрь

Набвоил — третий день барана после Тонъджиил. Мясо животных и птиц, убитых в этот день, считается особенно полезным. Особенно целебным считается мясо воробья, которое и дается в этот день детям и старикам. Раньше в Сеуле и окрестностях всегда стреляли из ружей, а теперь же — за полным отсутствием огнестрельного оружия у корейцев, отнятого японцами, — это стало невозможным.

VI. Материалы по народной медицине корейцев¹²²

Собрание рецептов и лекарств

I. Общие заболевания: недостаток питания, общая слабость организма, недоразвитость организма и пр.

- 1) Сварить и выпить настой из вяжущихся растений, растущих вокруг сосен.
- 2) Принимать задние ножки зеленых червячков, водящихся на тыквах, дынях и пр.
- 3) Отрезать оба конца палки, употреблявшейся лет 6-7 для выбивания пыли из одежд, выварить в воде и выпить эту воду с медом.
- 4) Принимать отвар цветка пэкпюнь-сонхва.
- 5) Принимать отвар из лотосов, растущих на крышах домов (скальные каменистые лотосы).
- 6) Пить мочу 12-13 летних мальчиков.

II. Нервные и душевные болезни

- 1) Принимать сваренную 2-3-летнюю дыню.
- 2) Пить бульон из собачьего мяса.
- 3) Истереть в порошок старую фаянсовую посудину, смешать с вином и пить натошак.
- 4) Очистить человеческий послед от крови, разрезать его ножом из бамбука, сварить в чистом масле и пить.
- 5) Приготовить из последа пилюли и ежедневно принимать.
- 6) Принимать вареный послед мальчика три раза в день.
- 7) Налить в три сосуда воду, зарыть это все в землю; вытащить на другой день, сварить грушу, положить в воду и опять зарыть. Через неделю вырыть и ежедневно пить.

- 8) Пить натошак суп из бобового прокисшего теста.

III. Легочные заболевания

- 1) Есть живыми птенцов галок.
- 2) Есть жареных галок.
- 3) Есть кашу из человеческого мяса.

IV. Сумасшествие

- 1) Прижигать макушку головы.
- 2) Пить месячную кровь женщины, обязательно красивой.
- 3) Попросить слепого ударять несколько раз больного веткой персикового дерева, растущего к Востоку от дома, читая в это время книгу.

V. Внутренние воспаления

- 1) Принимать два-три раза в день собачий кал с водой.
- 2) Пить собачий жир.
- 3) Пить человеческую мочу, сваренную в [?] употребляемом для этих целей уже долгое время.
- 4) Принимать детородный член мужчины, особенно мальчиков 4-5 лет.

VI. Кровотечение

- 1) Пить отвар из сухого дерева.
- 2) Пить в холодной воде жаренные морские водоросли.

VII. Харкание кровью

- 1) Пить раствор лучшего сорта туши с солью.

VIII. Простуда

- 1) Есть много овощей.
- 2) Пить остатки закваски от водки.

X. [?]*

- 1) Взять человеческие извержения, завернуть в облатки из патоки и три ночи подряд выкладывать на росу; затем приготовить пилюли и принимать.

- 2) Есть послед.
- 3) Есть мясо тигра.
- 4) Сорвать ночью семь штук цветков хлопка и есть их перед едой.
- 5) Есть трупных червей — по 7-8 штук сразу.
- 6) Взять старую черепную кость человека, положить ее в огонь пока не превратится в прах и пить с водой.
- 7) Поить больного лошадиной мочой, обманно предложив ее под видом вина.
- 8) Дать человеку незаметно трех вшей с головы, спрятав их в пищу.
- 9) Дать больному в пищу грязь, взятую с пятки его отца или матери.
- 10) Принимать по утрам остаток от курения, остающийся в мундштуке.

11) Принимать яичный желток от трех яиц обыкновенных кур, разбавленных ночной росой.

12) Впустить в воду, в которой женщина омывала себе половые органы штук 5-6 вшей и напоить этой водой больного.

13) Пить отвар досок из отхожего места, взятых там, где испражняются.

14) Убить змею и положить больному под изголовье, так, чтобы он испугался.

15) Вообще испугать больного.

16) Если больной мужчина — поцеловаться с волком, а если женщина — то с коровой.

17) Перед едой положить на голову больного крышку от котла и плясать перед ним: если он рассмеется — болезнь пройдет.

18) Перевернуть около колодца камни (три камня) и незаметно вернуться в дом.

19) Посадить больного на вола, надеть ему на голову веревку — повод и заставить реветь подобно волу.

20) Надеть на голову женское исподнее платье, пойти в отхожее место и совершить там поклонение.

21) Положить тайно от больного три волоска, вынутые из половых органов женщины.

22) Положить больного рано утром на землю, очертить на земле его фигуру и проткнуть мечом то место, которое соответствует голове.

23) Пойти больному рано утром в поле и сказать первому встречному: "Я вчера вечером поел каши".

XI. Заикание. Икота

1) Выпить три раза сразу холодной воды.

XII. Головные боли

1) Взять гребень с головы, сжечь его и пепел перемешать с маслом. Пить несколько раз.

2) Сварить голову рыбы тэгуо (треска), отрезанную и пролежавшую один год, и пить этот отвар.

3) Выварить в воде молодые ветви сосны и этой водой мыть голову.

4) Пить отвар из черепа вола.

5) Если головная боль летом — пойти на берег реки и по голову зарыться в песок.

6) Мыть голову листьями дерева пимаджа [клещевина].

XIII. Глазные болезни

1) Промывать глаза настоем тутового дерева.

2) Промывать глаза водой, где выварены цветы.

3) Промывать глаза водой из травы.

4) Промывать глаза водой из желтого лотоса.

- 5) Промывать глаза собственной мочой.
- 6) Впускать в глаза капли женского молока.
- 7) Намочить платок в соленой воде и затем вытирать себе глаза.
- 8) Выварить в воде черепаху и этой водой промывать глаза.
- 9) Впускать в глаза жир рыбы.
- 10) Сжечь дотла несколько ласточкиных яиц и этот пепел впускать в глаза.

11) Взять ствол, стебельки травы, называемой [?] и делать вид, будто им прокалываешь глаза.

12) Вымочить в воде 10 штук красных бобов и каждое утро на восходе солнца, обратившись к востоку, прикладывать к глазу по одной бобовине и затем бросать ее в воду.

13) Написать на листке белой бумаги в центре и по краям знак "глаз", проткнуть средний знак иглой и прикрепить таким образом бумагу к потолку.

14) Вывести больного рано утром на восходе солнца на двор, обратить его к солнцу, прислонить к стенке и очертить на стенке его фигуру. Затем на месте глаз этого изображения воткнуть иглы.

15) Нарисовать изображение рыбы и проткнуть ему глаза. Затем сбоку приписать: "Помоги моему глазу и я вытащу иглу из твоего".

XIV. Ячмень

- 1) Тереть глаза головкой черепахи-детеныша.
- 2) Если ячмень сверху глаза — надписать на подошве ноги знак "небо", если снизу — знак "земля".
- 3) Написать на ногте большого пальца руки знак 10, на той стороне, на которой болит глаз.

XV. Глухота

- 1) Впускать в ухо мочу кошки и в то же время принимать печень мышей.
- 2) Обвернуть пчелу в бумагу и жечь, при чем дым впускать в ушные отверстия.
- 3) Сжечь листья чаньпхо [аир тростниковый (*Acorus calamus*)] и впускать пепел в ухо.

XVI. Зубная боль

- 1) Кусать больными зубами кости человека, взятые из старой могилы.
- 2) Сварить в масле сосновые ветки и пить.
- 3) Принимать сваренными насекомых, водящихся среди камней на кладбище.
- 4) Выварить в воде смолу и пить эту воду.

XVII. Горловые болезни

- 1) Прикладывать паука, сваренного в масле.
- 2) Пить настойку из дождевых червей.
- 3) Выварить в воде собачью голову и пить.
- 4) Высушить кровь белой змеи, смешать с водкой и пить.

XVIII. Желудочные и кишечные заболевания

- 1) Прокипятить в воде железо и пить.
- 2) Смешать с водой сажу со дна котла в очаге и пить.
- 3) Пить с водой пыльцу сосновых цветков.
- 4) Смешать с рисовой кашей муку из растений якчхо [лекарственное растение] и принимать.

XIX. Дизентерия

- 1) Есть сушеные и лежавшие года 2-3 персимоны.
- 2) Примешать к рисовому тесту пыль, собранную у **входа в дом**, и есть хлебцы, приготовленные из этого теста.
- 3) Примешать к вину хлеб и принимать.
- 4) Пить суп из черепахи.
- 5) Есть клей, приготовленный из риса.
- 6) Измельчить высушенную сосновую кору в **порошок**, смешать ее с медом и принимать.

XX. Поносы

- 1) Пить много воды, особенно минеральной.

XXI. Холера ("Мышиная болезнь")

- 1) Есть кошачье мясо и поливать во дворе кровью кошки, **взятой с тех мест**, где расположены артерии.
- 2) Наклеивать на воротах дома изображение кошки.
- 3) Демон холеры не любит звука тыквенных сосудов, ударяющихся один о другой; поэтому их в большом количестве развешивают у ворот.

XXII. Несварение желудка

- 1) Пить соленую воду.
- 2) Принимать яичный белок, смешанный с солью.
- 3) Принимать пилюли "человсколюбия" индан.

XXIII. Тиф

- 1) Взять человеческий кал, обмазать им черепицу, **обжечь** эту черепицу на огне и опустить в воду; эту воду пить.

XXIV. Вялость кишек

- 1) Принимать поджаренный мышинный кал.

XXV. Боли в желудке

- 1) Пить как можно больше крепкой водки.

XXVI. Белая горячка

- 1) Пить молоко от белой собаки.
- 2) Накануне дня своего рождения спать на винных дрожжах, положить их под голову.
- 3) Принимать отвар травы, растущей в колодцах.

XXVII. Проказа

- 1) Есть половые органы, мужские или женские.
- 2) Есть человеческое мясо.
- 3) Есть гниющую рыбу, называемую [?]
- 4) Набрать всяких насекомых и червяков, настоять ими водку и пить.
- 5) Пить навар человеческих костей, особенно таких, которым уже несколько сот лет.

XXVIII. Сонъхуйол [скарлатина ?]

- 1) Принимать продолжительное время заячий кал.
- 2) Пить отвар пшеничных зерен.
- 3) Растворить в воде кал свиный и пить.

XXIX. Оспа

- 1) Повесить в комнате большое гнездо корейского соловья.

XXX. Различные воспаления

- 1) Если в соседнем доме есть покойник, проникнуть потихоньку в дом и потереть о труп воспаленной частью тела.
- 2) Прикладывать человеческий кал, смешанный с солью.
- 3) Мазать медвежьим жиром.
- 4) Прикладывать к воспаленному месту раздавленного паука.
- 5) Попросить у торговца рисом 7 штук рисовых зерен, вложить их в рисовый хлебец и съесть его. Остатки этого хлебца смешать с гноем, выходящим из нарыва, завернуть в белую бумагу и повесить это все на ветвях сосны.

XXXI. Опухоли и нарывы на груди у женщин

- 1) Натереть больное место половым органом мужчины.

XXXII. Опухоль на половых органах у детей

- 1) Причиной считается то обстоятельство, что ребенок помочился на дождевого червяка. Средство: выварить в воде траву, называемую камчхо [солодковый корень, лакрица] (сладкая трава) и этим отваром мыть больное место.

XXXIII. Детские болезни

- 1) Если ребенок ночью много плачет, нужно натереть его отваром из выделений из половых органов его матери вместе с жиром.
- 2) От того же намочить три языка дикой утки, зажаренные в масле.
- 3) Если у ребенка наблюдается вздутие живота, ему дать жареную мышь.

4) Опухоли и воспаления на теле ребенка исцеляются намазыванием выделений взятых из полового органа матери непосредственно после coitus'a.

5) Если у ребенка кашель, ему дают пить бульон из трех воробьев.

6) От того же помогает отвар из сердцевины груши, предварительно зажаренной в песке.

7) Против детского кашля помогает и отвар из редьки.

8) Средство против кашля — первый навар при варении риса.

XXXIV. Отравления и укусы

1) Укус бешеной собаки: приложить к укушенному месту грязь, смешанную с шерстью, взятой с шеи этой собаки.

2) Прикладывать к укушенному месту бобовое тесто, взятое из дома хозяина собаки.

3) От укуса бешеной собаки есть мясо тигра.

4) От укуса бешеной собаки съесть печень этой собаки.

5) Прикладывать к месту укуса шерсть бешеной собаки.

6) Средство от укуса тигра или леопарда: разрезать живую курицу и прикладывать к укушенному месту.

7) От укуса стоножки: прикладывать давленные каштаны.

8) От укуса змей: принимать масло выжатое из растения им [перилла (травянистое, эфиромасличное растение)] в день, месяц и год под циклическими знаками кабана.

9) Средство от ожога: намазывать больное место маслом, смешанным с порошком женьшеня.

10) Средство от того же: прикладывать клейстер из пшеничной муки.

11) Средство от отравления углекислым газом: пить в большом количестве соус от маринадов.

12) Отравление лаком: принимать воду, в которой намочено полотно, употребленное женщиной в период месячных очищений.

13) Мазать пораженное место собственной мочой, получившейся при испражнении в канаву на полях.

14) Выйти рано утром на луг и вывалиться в росе.

15) Мазать пораженное место кровью курицы.

16) Ножевые раны: прикладывать глину или мазать рану жиром, смешанным с волосами, взятыми с половых органов женщины.

17) От ушибов: прикладывать к ушибленному месту воловье мясо или сушеные персимоны.

18) При переломе костей: прикладывать к перелому распаренные сосновые иглы и обвязать место перелома ивовым лыком.

19) Принимать внутрь крабов.

XXXV. Оживление мертвых

1) Попытки оживить мертвых заключаются в следующем: если умер отец — то сын, если муж — то жена должны отрезать у себя **безымянный** палец и дать крови стечь на голову покойника.

XXXVI. Накожные и венерические болезни

- 1) Гонорея: пить в большом количестве воду, в которой **полоскали рис** и после этого мочиться на камень.
- 2) Пить в большом количестве холодную водку.
- 3) Принимать рога оленя, пролежавшие 5-6 лет.
- 4) Пить бульон из мяса без соли.
- 5) Пить вино, смешанное с росой.
- 6) Гонорея у женщины: пить мед.
- 7) Сифилис: пить ртуть.
- 8) Внезапная смерть во время coitus'a: укусить у умершего (ей) губу до крови.
- 9) Болезни заднепроходного отверстия: принимать червей, водящихся в лошадином кале, а также впускать их в больное место.
- 10) Половое бешенство: принимать отвар из трех (левых) ног самца фазана.

VII. Сновидения у корейцев

Сновидения у всех народов и во все времена носили мистическую и поэтическую окраску. Уже в древние времена они подвергались различным толкованиям, их примешивали к мифам, историческому повествованию, легендам и сказаниям, поэтическим произведениям и пр. Мало того, сны имели немало связей и с обычной жизнью человека. Это основывалось на той вообще распространенной идее, что дух — божество или дух человеческий — мог снизойти во сне к человеку и поведать ему многое, другим способом недоступное познанию. Во сне могло открываться счастье и несчастье, горе и радость — отсюда начало гадания по сновидениям, отсюда особый класс толкователей, занимавшихся этим делом специально, причем толкователи эти пользовались большим почетом и признанием. Халдея, Вавилон в древности дают нам очень много примеров тому, как много места в истории занимали эти сновидения и сколь могущественны были толкователи их. Насколько сновидения занимали воображение народов и в древнем Китае свидетельствуют такие иероглифические концепции, как пансо, камсон, намга, мусан и т.д. При всех династиях имелись особо назначаемые толкователи снов; впоследствии толкование снов сделалось очень подробным и точно установленным, и появилось немало книг по этому вопросу. К ним относятся такие сочинения, как: [Множомннинго] Чань Баньика.

Это воззрение на сновидения и способ их толкований вместе с остальной культурой перешло из Китая в Корею и Японию и в настоящее время немало в этой области такого, что является совершенно одинаковым. [В Японии] наиболее древнейшим упоминанием о снах является повествование "Нихонсёки"¹²³ о том, что когда император Судзин-тэн-но¹²⁴ колебался, кого назначить наследником из двух принцев Тоёки-но микото или Икоми-но микото, — этим двум принцам был ниспослан

свыше сон, и на основании его был решен вопрос о пресмнике¹²⁵. В дальнейшем — в эпоху Нара¹²⁶ и Хэйан¹²⁷ сны продолжают занимать большое место в жизни народной, и мы знаем ряд свидетельств этому. В той же "Манъёсю"¹²⁸ много песен, касающихся снов. При дворе толкованием снов заведовали так называемые Инъёси, в народной среде были тоже особые специалисты. В "Гэндзи-моногатари"¹²⁹ встречаем такое лицо: "Изволил он, император, увидеть сон, — и вот вызвав наиболее искусного гадала — изволил гадать". В "Кодан" повествуется, что некий Канэй-ко увидел во сне, что на дороге в Осака — выпал снег; позвал толкователя и гадал.

В Корее мы находим то же самое: в эпоху Силла гадала назначались официально и входили в состав свиты; во времена Когурё и Пэкче — короли чрезвычайно почитали этих гадала и постоянно призывали их во дворец. И при династии Корё были так называемые официальные доктора гадательных наук. Ваны династии Ли пытались разом пресечь все суеверия, которые были так распространены в эпоху Корё, пытались сразу изгнать все буддийские идеи, учения гънги и прочие суеверные учения, но изгнать из умов народа веками укоренившиеся суеверные представления — оказалось совершенно невозможным делом. При слабости самих [ванов] гадала впоследствии снова стали проникать во дворец — так дошло до настоящего времени. Хотя в настоящее время и нет лиц специальной профессии гадала снов, но этими толкованиями при дворе занимаются вообще гадала, или же сами видевшие сон; в народной же среде эти толкователи также очень распространены, что видно из таких несомненных доказательств, как указания, везде рассыпанные в книгах, вроде "чонъса, чхоса".

Конечно, в наше время благодаря распространению просвещения, вера в сны все больше и больше падает, но все же и теперь -- не только народная среда, но и более или менее образованные янбаны, и те считают сны и судьбу человеческую находящимися во взаимной зависимости и до сего времени не переводятся такие лица, как гадала-слепцы, просто гадала и т. д. И на другой день после переезда в новый дом, перемены квартиры, свадьбы — обычно в виде приветствия спрашивают: "Видели ли Вы во сне дракона?" — на что следует ответить: "Видели". Эти выражения сделались уже просто приветствиями — вне зависимости от того, видели ли тут дракона или нет. Так что в наше время, как и раньше, в Корее, в народной среде крепко еще живет вера в таинственную связь сновидений и человеческих дел, и на основании этой веры создан целый цикл примет и целое искусство толкований. В дальнейшем мы и приведем кое-какие из этих примет.

[Приметы, связанные со сновидениями]

1. Приметы, относящиеся к небесным явлениям

1. Видеть во сне светлую луну, вообще луну — признак того, что родится девочка.

2. Входить в орбиту, в полосу — сферы лунного света — родить благородную девочку.
3. Видеть солнце — родить мальчика.
4. Входить в комнату, освещенную солнечным или лунным светом — родить благородного мальчика.
5. Видеть соединение солнца и луны — родить мальчика.
6. Луна или солнце ярко сияют в зените неба — получить титул.
7. Восход луны или солнца — процветание дома.
8. Кружиться около солнечной комнаты — орбиты ? — сделаться благородным человеком.
9. Восход солнца — блеск, сияние его, — будет хорошее дело, что-либо хорошее.
10. Свет с неба освещает тело — избавиться от болезни.
11. Луна — восходящая средь облаков, — несчастные дела разъяснятся.
12. Темнота, мрак уходит — и становится светло, — будет что-либо хорошее.
13. Взобраться на небо — получить высокий пост.
14. Быть застигнутым дождем на пути — вообще видеть падение дождя — напиться допьяна где-нибудь.
15. Снег, падающий на тебя, — удача во всем.

II. Приметы, относящиеся к животным

1. Обнимать дракона, верхом на драконе взбираться на небо, — вообще видеть дракона, спускающегося к человеку, получить от дракона шар, — выдержать экзамен на производство в чиновники или же родить благородного мальчика.
2. Взбираться на летящем драконе на небо — удостоиться благородного звания.
3. Видеть змею — родить мальчика.
4. Гладить змею — приобрести имущество.
5. Видеть большого тигра — будет несчастье.
6. Видеть, как тигр погрызает человека — родить мальчика.
7. Обнимать медведя — родить мальчика.
8. Свиньи, входящие в дом, — счастье из этого дома уйдет и **придет** ему на смену несчастье.
9. Видеть большого быка — родить ребенка, сына.
10. Быть укушенным собакой — потерять имущество.
11. Быть испуганным собакой — иметь опасность легко заболеть.
12. Буйвол входит в дом — траур.
13. Видеть поросенка — удастся хорошенько угоститься; видеть два раза — получить платье, видеть три раза — к несчастью.
14. Шествие лошадей на тысячу ли — большое счастье.
15. Журавль, забирающийся в одежду на себе, — родить благородного сына.

16. Журавль, взлетающий на небо, -- маленское несчастье, бедствие и убыток.

17. Ласточка, влетающая в дом, -- гость из далека.

18. Ловить рыбу — большое счастье.

19. Рыба, прыгающая по земле, — все дела рассеиваются.

20. В большом пруде, болоте резвятся маленькие и большие рыбы - признак урожайного года.

III. Приметы, относящиеся к растительному миру.

1. Сухое дерево, вновь оживляющееся, или видеть, как сухое дерево расцветает цветами, — процветание в доме.

2. Падающие цветы — потерять жену.

3. Падающие цветы и разбивающееся зеркало — в будущем будет хорошее дело.

4. Видеть разной окраски цветы — получить благородство.

5. Получить какой-либо хлебный знак — родить девочку.

6. Поднять с земли каштан, получить капитал — родить мальчика.

7. Получить ягоды вишни — родить девочку.

8. Получить лотос — родить девочку.

9. Есть персик, сливу — будет большая болтовня, сплетни.

10. Есть грудные ягоды — родить благородного сына.

11. Есть грушу — стать чиновником, занять должность.

12. Видеть себя, входящим в плодовый сад — приобрести большое имущество.

13. Вращивать в поле траву — приобрести богатство.

14. Вращивать хлебные растения на крыше дома — добиться чиновничьего поста.

15. Пшеница, конопля, разрастающаяся как лес, — большая прибыль.

16. Видеть себя входящим в коноплю — потерять родителей (вероятно потому, что траурное платье делается из конопли).

17. Получить хлебные злаки и неожиданно потерять — будет прибыль и убыток.

18. Вращивать траву на мосту или просто видеть траву, растущую на мосту — большое несчастье.

IV. Приметы, относящиеся к человеческому телу

1. Нести на спине труп, видеть трупы, гладить трупы — все это значит приобрести имущество.

2. Мыть лицо, причесываться, стричься-бриться — освобождаться от печали.

3. Рога, вырастающие на голове, — будет соперничество или обезглавливание.

4. Выпадают верхние зубы — близкий родственник умрет.

5. Выпадают нижние зубы — умрет кто-либо из детей или внуков.

6. Волосы, растущие во рту, — большое несчастье.
7. Зубы выпадают и опять растут — обилие и расцвет в детях и внуках.
8. Волосы до плеч — достигнуть поста с большим жалованием.
9. Кровь, идущая изо рта, — будет выпивка и угощение.
10. Пот, выступающий на теле, — несчастье.
11. Сломать пальцы на руке — несчастье для детей и внуков.
12. Сломать обе руки — несчастье у братьев
13. Видеть тень — женщины — потерять имущество.
14. Содрать кожу с тела — отнимут деньги.

V. Приметы, относящиеся к дому

1. Строить новый дом — человек, видящий это, умрет.
2. Видеть свой дом целиком сгоревшим — хорошее дело.
3. Строить амбар, кладовую — к счастью.
4. Открывать двери — слышать новости издалека.
5. Чинить ворота, двери — большое счастье.
6. Видеть гостя за воротами дома и позвать его войти в дом — несчастье.
7. Двери ломающиеся — к несчастью.
8. Чужой человек, взбирающийся на кровлю дома, — носить траур по родителям.
9. Воснанный, входящий в дом, — большое счастье.
10. Видеть, как разваливается кладовая, амбар, — несчастье во всем.
11. Ломать верхнюю перекладину в крыше дома — большое несчастье.
12. Спорить, тягаться с кем-либо из-за дома — бедствие.
13. Разрушается главная постройка — большое несчастье.
14. Заново крыть крышу соломой — потерять отца или мать.
15. Жилой дом без жильцов — смерть.
16. Вода в жилище — прекращение рождений в доме детей.
17. Чистая вода, входящая в дом — счастье.
18. Мутная вода, входящая в дом — несчастье.
19. Видеть себя поселяющимся в доме — богатство в будущем.

VI. Приметы, касающиеся одежды и утвари

1. Надевать траурное платье — получить назначение.
2. Надевать платье темно-красного цвета — потерять отца или мать.
3. Надевать красивый костюм — несчастье.
4. Видеть жену, облачающуюся в парчовое платье, — родить благородного сына.
5. Облачаться, наряжаться в новое платье — неудача и несчастье во всем.
6. Опрокинуть сосуд с соей — хозяин дома заболит.
7. Разбить сосуд с соей — смерть хозяина дома.

8. Получить в подарок шпильки для головы — родить мальчика.
9. Получить кольцо — родить девочку.
10. Надсвать ленты из холста — получить имущество.
11. Потерять обувь — владелец обуви умрет.
12. Потерять обувь — слуги и рабы разбегутся.
13. Слышать во сне стук шпилек для волос и браслеты — разлучиться с женой.
14. Видеть серебряный браслет — подраться с женой или мужем.
15. Получить железную утварь — в доме ссора, спор.
16. Сковорода и котел разбиваются — траур.
17. Получить три меча — богатство и знатность.
18. Выступить с обнаженным мечом — большое счастье.
19. Получить пилу — произойдет что-либо решительное.
20. Видеть гроб — получить чиновнический пост, по всей **вероятно-**сти, по созвучию — кван — гроб и кван — чиновник ?
21. Покрываться одеялом и спать — сильно заболеть.

VII. Приметы, относящиеся к обычным явлениям

1. Есть, пить — простудиться.
2. Сидеть вместе с женщиной — большое счастье.
3. Спать с женщиной — несчастье.
4. Видеть отца пьющего и едящего — простудиться.
5. Видеть жену и мужа, совершающих взаимопоклонение, вообще видеть пир — будет с кем-нибудь разлука.
6. Прощаться с кем-нибудь в своем доме — будет счастье.
7. Напиться пьяным — к болезни.
8. Взобраться на гору и стирать в горном потоке белье — все пойдет как по маслу.
9. Идти по горам — получить имущество.
10. Присутствовать на пиршестве — будет чему смеяться.
11. Обнимать девушку — сплетни.
12. Ложиться в постель после купания с девицей — несчастье.
13. Забавляться с женщиной — сплетни.
14. Плясать и петь, ударяя в ладоши — бедствие.
15. Плакать — будет что,нибудь печальное.

VIII. Смешанные приметы

1. Тонуть в воде или быть застигнутым морем — сильно напиться.
2. Рыть колодец — потерпеть убыток.
3. Муж входит в кухню и пьет воду — муж, находящийся далеко, вернется.
4. Бонза, приходящий в дом и получающий пищевое подаяние — забеременеть.
5. Получить имущество — несчастье.
6. Поднять деньги — в доме бедствие.

7. Быть обкраденным в деньгах — уменьшение бедствий и печали.
8. Повстречаться с покойным другом — несчастье.
9. Накласть много испражнений или глотать кал — богатство и знатность.
10. Видеть пятицветную бумагу — получить имущество.
11. Вода в корабле, лодке — получить имущество.
12. Видеть чонгу [свёкр] в трауре — встретить жену.
13. Видеть себя лежащего в лодке — собственная смерть.
14. Сидеть в лодке и проезжать под мостом — большое счастье.
15. Проглотить бисер — родится девочка.
16. Своя дочь выходит замуж — собственная смерть.
17. Идти, неся на спине Чжан-цзюня, — получить много угощений.
18. Войско, входящее в город, — счастье.
19. Видеть сырое мясо — в тот же день поссориться с кем-нибудь.
20. Упасть в воду и быть спасенным особого рода рыбой-черепахой — неожиданно приобрести имущество и благоденствие в доме.
21. Видеть кого-либо мертвым — тот человек будет долго жить.
22. Видеть больного умершим — тот поправится.
23. Свет в фонаре — приобрести имущество.
24. Сесть в экипаж — приобрести имущество.
25. Жить на высокой горе — радость.
26. Играть мелкими камешками — родится мальчик.
27. Плакать с кем-нибудь — радость и поздравление.
28. Умерший оживает — получение известия.
29. Мертвый выходит из гроба — приход чужого человека.
30. Видеть труп бонзы — заразиться от лака.
31. Убивать кого-нибудь — большое богатство и почет.
32. Видеть себя в поле — большое счастье.
33. Быть присужденным к наказанию — счастье.
34. Вода разливается широким потоком — новый брак.
35. Есть вместе с мертвецом — большое счастье.
36. Книга на столе — чин и хорошее жалование.
37. Получить титул — родить благородного сына.
38. Брать землю и носить ее в дом — приобретать имущество.
39. Кланяться и долго так оставаться, не вставая — смерть.
40. Рыть канаву перед воротами — [большое несчастье].
41. Развешивать с кем-либо нити — большое несчастье.
42. Быть позванным женщиной — заболеть.
43. Мост прорванный — сплетни.
44. Мостовые балки сломанные — несчастье детям и внукам.
45. Стоять на воде — несчастье.
46. Стоять в грязной воде — неуспех в предпринятом деле.
47. Охотиться в лесу — неуспех.
48. Быть застреленным из ружья — поздравление, успех.
49. Слышать звук колокола — весть издалека.

Помимо вышеперечисленных образцов толкования снов существует еще одно толкование, основанное на значении иероглифов, их составе или чтении.

Примеры: 1) Видеть во сне девушку, садящуюся верхом на собаку, у которой четыре рта или обе губы рассечены, — получить в подарок хорошую посудину. Понятие "хороший" здесь получается из начертания двух иероглифов "девушка", которые будучи написанными вместе дают иероглиф "хороший". "Посудина" — составляется из элементов: "собака" и "четыре рта".

2) Видеть себя, восседающим на баране, у которого нет ни рогов, ни хвоста, — "стать королем": "баран" передается иероглифом, у которого, если зачеркнуть верхние черточки и нижнюю черту, то получится иероглиф, значит "король".

3) Видеть себя лежащего поперек трех разложенных параллельно палок — "стать царем". Объясняется тем же иероглифом.

4) Видеть собак, разговаривающих друг с другом, — "попасть в тюрьму", иероглиф "тюрьма" состоит из двух знаков "собака" и знака "говорить", "слово".

5) Слышать звук пик, ударяющихся друг о друга, слышать звуки сражения — "получить должность". Знак "должность" состоит из следующих частей: "пика", "звук" и "ухо".

Вышприведенные списки различного рода примет носят совершенно отрывочный характер. Однако во всех их при более тщательном рассмотрении оказывается свой определенный смысл, и если выявить некоторые определенные элементы и обобщить их, получится картина, могущая помочь при изучении социального быта корейского народонаселения. Приоткрывается внутренняя сторона его надежд и чаяний, содержание его жизни, — и с этой точки зрения, приметы, касающиеся снов, игнорировать совершенно нельзя. Тем интереснее еще привести их в связь с японскими приметами и дать картину сходства и различий между обоими народами в некоторых пунктах. В дальнейшем мы и попытаемся дать несколько черт характеризующих корейцев, черт — взятых из материалов по снам.

Совершенное отсутствие элементов любовного значения

Освященный и опозтизированных любовного чувства между мужчиной и женщиной — совершенно не знакомо корейцам. У японцев — при всем отделении мужчин от женщин, мужественности от женственности — в мужчине живут наряду с этим более нежные чувства, и их проявление мы видим в стихах, драмах и т. д. То же и у китайцев: их воспевание любви несколько не уступает ни одному народу в отношении силы чувства и рельефности формы. Достаточно обратиться к двум-трем великим китайским поэтам:

"Ах, как бы я хотел сделаться кисейной одеждой и пристать к тонкой талии моей возлюбленной".

"Ах, как бы я хотел сделаться ясным зеркалом и отразить красоту ее лица" (Лю-янь-чжи).

"Ах, как бы я хотел сделаться деревом в глубине гор, — как ветви сплетаясь друг с другом жить с ней" (Бо Цзюй-и).

Ничего подобного нет у корейцев: у них полное отсутствие всякой идеи, всякого представления о любви к женщине вне сферы половой, отсюда и в литературе нет ничего подобного, она не идет далее таких явных по своему смыслу выражений, как "Люблю ее красоту", "Радуюсь прелести ее фигуры", "Соединяюсь с ней", "Сию на ней как на колеснице", "Был дождь из облака", "Сношение", "Предложение спать вместе" и т. д.

Корейцы совершенно не знакомы с мыслью, что любовь к женщине основана на признании ее свободы и уважения к ее личности, — они смотрят на нее лишь со стороны тела, как на забаву, игрушку мужчины, как на вещь, еще при этом случае несчастливой: при встречах на дороге и простой торговец и образованный человек — считают женщину приносящей несчастье. Женщины сами знают это и поэтому всегда отходят в сторону при встречах с мужчиной. Посему и в области снов полное отсутствие всякого любовного элемента, как и в обычной жизни.

Чрезвычайная малочисленность элементов, относящихся к социальным сношениям

Среди японских примет и толкований снов очень много таких элементов, которые касаются различных видов междучеловеческих сношений, как то: визитов, взаимопосещений, взаимного поднесения подарков, пирушек и пр., у корейцев же этого ничего не имеется. Следует это из всего социального быта корейцев: благодаря господству родовой организации, у корейцев интересов вне своего рода никаких нет, его абсолютно не интересует ничто относящееся до другого рода. При встрече с незнакомым первым делом расспросами убеждаются, принадлежит ли данный человек к собственному роду или нет. До сих пор все это держится в таком же положении, как и раньше, что является следствием того, что вся острота борьбы за существование еще совершенно не чувствуется в Корее, — все это следствие монотонности корейской жизни, отсутствия у них чувства неудовлетворенности. При отсутствии этого чувства — конечно невозможен прогресс общества.

[Элементы к пониманию социального быта корейцев на основании толкования снов]

Элементы, касающиеся должностей, назначений, чиновничьих постов.

Не было ничего более выгодного в Корее до реформы, как занимание каких-либо правительственных мест. Чиновничество соединяло в себе и

силу, и почет, и богатство. Естественно, что все вожеления корейца, хоть немного обладающего способностями, были направлены к тому, чтобы обзавестись хорошим местечком. Ведь трехлетнее пребывание на посту уездного начальника — давало достаток, хватающий и внукам, а пробыть десять лет губернатором — значило приобрести состояние на очень долгое время. Поэтому для корейца были хороши все средства для того, чтобы добиться какой-либо должности, и всякие гадатели находили в этих стремящихся самых рьяных клиентов; к ним прибегали не только необразованная молодежь, но и воспитанная на конфуцианстве просвещенная часть общества. Видеть дракона во сне по толкованию значило выдержать экзамен на чиновника, поэтому кандидаты перед экзаменом прибегали ко всем средствам, чтобы такой сон увидеть: по нескольку дней ничего не пили и сосредоточивали все свои мысли на драконе. Таких рассказов немало в корейских историях. Вообще связь между погоней за чинами и суевериями чрезвычайно сильная.

Приметы, касающиеся рождения детей

Рождение детей везде является радостным событием, но особенно радуются ему в Корее. В Японии часто в бедных семьях можно услышать по адресу ребенка "паки" - "голодные черти". В Корее же, как бы дом ни был беден, рождение ребенка приветствуется всеми и лишний рот не считается в тягость. В результате довольно редки случаи убийства младенцев, выбрасывание их и т. д. При этом, разумеется, в Корее, как и в Японии, больше радуются рождению мальчика, а не девочки...

Элементы, относящиеся к трауру по родителям

Печаль по родителям является естественной для людей всех стран, — и тем более сильнее проявляется в Корее, с ее развитой родовой организацией и культом предков. Служить родителям после смерти является одной из важнейших обязанностей детей: на них лежит долг достойного выбора места погребения, свершения различных обрядов и т. д. Не совершающий всего этого сын клеймится обществом, как человек недостойный во всех отношениях.

Приметы, касающиеся болезней

Стремление избежать болезней или избавиться от них, вообще обеспечить себе по возможности здоровое существование — свойственно всем людям на земном шаре. Особенно же в Корее, — с ее примитивной медициной и детским состоянием идей гигиенических, — при болезни особенно дают себя знать. Болезнь считается небесным наказанием, действием духов — и противиться ей бесполезно. С одной стороны, это воззрение, а с другой — природная беспечность людей в Корее, их легкая примиримость с несчастьем, с судьбой заставляют их смотреть на

болезнь, как на вещь неотвратимую и ужасную. Этим и обуславливается многочисленность всего, что касается болезни в снах.

Способы предотвратить зло, возвещаемое сном

Существуют различные способы и средства отделаться от несчастья, возвещенного сном, от зла, которое согласно этому сну предстоит. Описаны эти средства и способы в профессиональных книгах гадателей, большей частью переведенных с китайского языка. Главный способ состоит в следующем. Берутся так называемые чхикпу — особые дощечки с вырезанными на них иероглифами и на следующий день после виденного сна распределяют их согласно циклическим знакам, пишут красной тушью на желтой бумаге или приклеивают их, или носят при себе. При этом набрав воды в рот и стуча по зубам пальцем, обращаются к востоку и предлагают пищу и питье. Этим путем предотвращается несчастье и обращается, наоборот, в счастье.

VIII. Разные приметы

Явления природы

1. Если зимою случится гром, государству угрожает большое бедствие.

2. Гром — это гневный голос сердящегося на людей Верховного Владыки — Яшмового Императора. Поэтому при ударах грома все сидящие встают и в почтительной позе ждут, пока удары умолкнут. Иначе непочтительный будет громом убит.

3. Радуга — это мост, по которому дракон взбирается на небо.

4. Радуга — это мост, переброшенный по небу в то время, когда сходят купаться небесные девы.

5. Если указать на радугу пальцем — этот палец начнет гнить и отвалится.

6. В том месте, над которым протянулась радуга, скрыты в земле сокровища.

7. Если радуга кажется как бы проходящей сквозь солнце, протыкающей его — в стране возникнут беспорядки. Исторический пример: свержение Цинь Шихуанди¹³⁰.

8. Радуга — это брызги от купания небесных дев. Небесные девы — это ставшие божествами после смерти люди.

9. Каждое появление радуги свидетельствует о новом превращении умершей женщины в небесную деву.

10. Если в первый день Нового года будет сильный дождь, буря или туман — в стране будут свирепствовать заразные болезни.

11. Затмение солнца — признак возникновения в государстве больших волнений.

12. Если радуга отражается в воде колодца, следует стать над ним и причесываться: волосы удлинятся. Но нужно спешить покончить с этим делом до того момента, когда это отражение исчезнет, иначе причесывающийся умрет преждевременной смертью.

13. Лунное затмение — признак появления заразных болезней.

14. Лунное затмение — следствие того, что собака проглатывает всю луну или ее часть.

15. Люди, увидевшие "звезду Южного полюса", иначе называемую "звездой старцев", будут очень долго жить.

16. Если 15-го января луна будет казаться блсой — к буре; если красной — к ливню; если желтой — к урожаю.

17. Если 15-го января луна кажется багровой — к большим беспорядкам.

18. Если вокруг солнца становятся видны звезды — в государстве возникнут перемсны.

19. Появление кометы — к войне.

20. Созвездие Большой Медведицы управляет человеческой жизнью. Искреннее и усиленное молитвенное обращение к нему приводит к выполнению любого желания.

21. Ярко сверкающие звезды — звезды богатых и знатных; слабо мерцающие звезды — звезды бедняков. Если яркая звезда вдруг почему-то померкнет — умер знатный; если померкнет не яркая — умер бедняк.

22. Если вихрь войдет в рот к человеку, тот станет сумасшедшим.

23. Землетрясение — к несчастью для всей страны.

24. Если в начале года будет сильное землетрясение — предстоит большой улов сельдей.

25. Если громом бывает убит ребенок — это считается наказанием за непочтительность к родителям.

Мир животных и пернатых, рыб и насекомых

1. Если сороки станут вить гнезда к югу от дома, хозяин станет чиновником или получит повышение, если он уже чиновник.

2. Если сорока кричит рано утром — ожидается приятный гость, если вечером — к несчастью.

3. Если сороки вьют гнезда на самых вершинах высоких деревьев — в году не будет сильных ветров.

4. Если в доме находится больной и к этому дому подлетит ворон и станет каркать — больной сейчас же умрет.

5. Если загнать кур на насест до наступления сумерек — рис подымется в цене.

6. Если среди ночи раздастся крик курицы — дому угрожает несчастье и для того, чтобы предупредить его, нужно немедленно пойти к курам, отыскать кричавшую, и, свернув ей шею, глубоко закопать в землю.

7. Если под насестом у кур подвесить большой топор, яйца будут нестись особенно большие.

8. Если накормить кур 14-го января сосновыми почками, они сильно размножатся.

9. Говорят, что случается, что петух сносит яйцо. Яйцо это немного больше большого пальца на руке человека. Яйцо это бережно сохраняют, считая это признаком большого счастья для всего дома.

10. Если во двор влетит фазан — дому угрожает большое несчастье.

11. Белый фазан считается самой счастливой птицей, почему до сих пор еще из провинции Канвондо ежегодно к Новому году ко двору представляют таких птиц.

12. Ласточка — птица удачи. Убивший ее заболит горячкой.

13. Если съевший ласточку попадет на корабль, корабль разобьется.

14. Если ласточка будет вить свое гнездо в водяной мельнице — предстоит засуха.

15. Женщина, съевшая голубя, родит не более двух детей.

16. Если съесть голову воробья — разобьешь по нечаянности посуду в доме.

17. Крики коршуна — к дождю. Основано это на сходстве фразы: дождь пойдет пи — оо и слова, которыми передают крик коршуна: пиоо.

18. Если на валу около селенья усядутся стаи воронов, которые станут каркать, — в деревне начнутся заболевания.

19. Если голубь влетит в комнату — дому грозит несчастье.

20. Соловьи, собирающиеся в низинах, — к дождю.

21. Белые цапли, слетающиеся на горы, — к засухе.

22. В високосный год воробьи становятся раковинами.

23. Если собака взберется на крышу — предстоит большое несчастье всему дому.

24. Лисицы, воющие позади дома, — не к добру; если в доме есть больной — к смерти.

25. Собака, лающая перед домом, — к добру.

26. Собака, поедающая траву, — к сильному дождю.

27. Собака, роющая землю перед домом, — к смерти хозяина.

28. Ехать верхом на собаке — быть съеденным тигром.

29. Если собака взберется на забор и раскрыв пасть, будет смотреть в дом напротив — тому дому угрожает несчастье

30. Собаки, сходящиеся стаями и играющие, — к ветру.

31. Если собака станет рыть землю перед очагом — беда для домашних.

32. Если к хвосту собаки пристали куски соломы — обязательно будет гость.

33. Человек, убивший кошку, при своей смерти будет подражать движениям и голосу кошки.

34. Кошка, умывающаяся лапой, — к гостю.

35. Если по крыше того дома, где лежит покойник, пробежит кошка, этот покойник немедленно приподымется и сядет на своем ложе. Уложить его обратно можно только одним способом: ударить правой рукой по его же правой щеке, тогда он сейчас же придет в прежнее положение.

36. Если проглотить волоски из шерсти кошки — после смерти нельзя попасть в рай.

37. Лисица, перебежавшая дорогу, — к несчастью.

38. Лисица, воющая вокруг деревни, — к пожару в деревне. Избавиться от него можно от него таким путем: взять сито, насыпать туда больших бобов и посыпать ими по улицам.

39. Если придти в тот дом, где родились новые представители домашнего скота, — в цветном костюме, а не в обыкновенном белом, эти вновь родившиеся умрут.

40. Считается неблагоприятным держать собаку в доме более 5 лет, а курицу более 3 лет, — иначе они могут обратиться в злых демонов и принести дому большое несчастье. Поэтому как собак, так и кур в течение этих периодов обязательно убивают и съедают.

41. Эпизоотии считаются карою бога оспы.

42. Если купец пойдет держа между ног веревку, на которой был привязан вол или лошадь, то он обязательно будет торговать в убыток.

43. Свинья, собравшая к себе в стойло солому, — к дождю.

44. Свистеть ночью — призывать тигра.

45. Если в день "апогея зимы" в ноябре очень холодно — тигры размножатся.

46. Если в доме богача появится много мышей — в этом доме возникнет пожар.

47. Собака, в хвосте которой много белых волос, — может принести своему хозяину вред.

48. Если 15-го января, прежде всего, дать есть собаке — предстоит разорение.

49. Если во время охоты дорогу перебежит заяц — добыча в этот день будет мала.

50. Если в новом году первым увиденным животным будет животное легкое — весь год человек будет себя чувствовать легко и здорово; если же крупное, тяжелое животное — предстоит тяжелая болезнь.

51. Если покрыть рога вола киноварью или тушью — он весь год не будет болеть. То же, если на рога повязать красную материю.

52. Краб, залезающий в мышиную нору, — не к добру.

53. Женщина, у которой нет молока, должна поесть рыбы, называемой [?] — и молоко появится.

54. Рыба, носящая название мйэньтхэо [минтай], является превращением китайского сановника эпохи династии Мин¹³¹.

55. Паук, упавший с потолка, — к гостю.

56. Паук, упавший с потолка ночью, — к выздоровлению больного.

57. Убить 1000 пауков, — обеспечить себе рай после смерти; убить паука значит наказать насекомое, которое считается непочтительным к своим родителям.

58. Видеть змею во сне — проснувшись, получить деньги.

59. В домах богатых каждый месяц 15-го числа змеям дается известное угощение. Угощение это ставится в кладовки, амбары, сараи и т. д. и если этого не сделать, хозяин сейчас же разорится. Если змеи всего не съедят, хозяин должен доесть оставшееся.

60. Видеть на потолке или на стене белого паука — к богатству.

61. Помочиться там, где водятся черви, значит заболеть болезнью половых органов.

62. Если в доме, где разводят пчел, умрет человек, нужно сейчас же пойти и объявить это пчелам, иначе они разлетятся.

63. Если в эпоху рождения шелковичных червей часто гремит гром или окажется чья-либо смерть — черви не обратятся в коконы.

Мир растительный

1. Если у человека, срубившего большое старое дерево, спросят, почему он это дерево срубил, — срубивший дерево умрет.

2. Если беременная женщина войдет в поле с тыквами, они перестанут расти.

3. Увядание бамбука — к войне.

4. Если 15-го января намазать деревья каки¹³² тестом из риса, плоды их не будут опадать.

5. Когда на дереве уже обозначатся плоды, нельзя их пересчитывать: они не дозреют.

6. Когда у злаков начинает образовываться колос, нельзя садиться на галереях дома: колос завянет, не выйдя.

7. Если жечь на огне шкурку от редьки — волосы у жгущего поседеют.

8. Если вокруг дома густо разрастается растительность, около дома будут гнездиться оборотни, могущие причинить зло обитателям. Особенно опасно, когда корни растений идут из-под самого дома.

9. Ступать одной ногой по полю, другой по тропинке — осквернять поле и не давать злакам вырасти.

Мир минералов

1. Если спать летом ночью во дворе, положив под голову камень, — перекосятся рот.

2. Если камни в заборах или валах сыры — к дождю.

3. Если бросать попусту в воду камни, на том свете придется их все поднимать.

4. Звон всех металлических предметов очень неприятен злым духам. Поэтому, когда в доме больной, домашние все время стараются удалить демона болезни звуком металлических вещей.

5. Если члены семьи обмениваются между собой какими-либо предметами, отрезанными ножом, между ними могут возникнуть несогласия.

6. Никогда не следует поднимать с земли какой-нибудь острый предмет, когда он лежит острием к себе. В противном случае, человек, поднявший его, в результате покончит с собой самоубийством.

7. При рытье колодцев следует, чтобы всегда начинала женщина: воды будет всегда очень много.

8. В том доме, где собрано много металлических вещей, не появляются злых демонов.

9. В первый день Нового года в колодцах находится дракон. Если выпить в этот день колодезной воды вместе с драконом невидимым — будет удача. Если же в воде окажется яйцо дракона — выпивший станет чинovníком.

10. Гвоздь или иной металлический предмет, воткнувшийся в сапог во время ходьбы, — признак получения денег.

11. Выпить в день Нового года воды из колодца первым — значит добыть себе долголетие.

Горы и реки

1. В горах живет некий демон. Говорить про него дурно — значит навлекать на себя его месть.

2. Если, придя в горы, все время повторять: "Ах, как хочется пить!" — обязательно появится тигр.

3. В високосном году вода в реках высыхает.

4. Когда на время сильных засух в речках совсем не оказывается воды, следует отправиться в горы, где много страшной, необычной формы скал и утесов, и совершить там моление о дожде, — дождь пойдет.

5. Если 3-го января отправиться в горы и принести жертву горному божеству — вся семья будет наслаждаться миром и спокойствием.

6. В горах Кванаксан живет демон — повелитель огня; стоит ему раз на что-либо взглянуть, как этот взгляд сейчас же этот предмет зажигает. В древности дворец Кенбоккун¹³³ однажды сгорел; призвали шаманок, чтобы узнать причину пожара. Они открыли, что это дело этого демона. Ввиду этого, чтобы отклонить взгляды его, перед дворцом поставили двух каменных львов причудливой формы и они до сих пор этот дворец оберегают.

Одежда

1. Если на одежду или шляпу попадет помет птицы, в семье случится несчастье.

2. Запаковать одежду или шляпу тушью — разучиться писать красиво знаки.

3. Если свет блеснувшей молнии пронизает ушко иглы, то платье, сшитое этой иглой, даст его обладателю чиновническую должность.

4. Паук, заведшийся в одежде, — не к добру.

5. Шить одежду перед самым отправлением в путь — не к добру.

6. Человек, стремящийся только к тому, чтобы красиво одеваться, не будет иметь большого потомства.

7. Во время эпидемии оспы в одежду детей зашивают ключи, чтобы предохранить от заболевания.

8. Одежда, вывешенная для просушки во дворе, должна быть крепко прикрепленной к веревке. Если она взвьется и улетит, собственник одежды умрет.

Жилище

1. Если главный вход в дом будет обращен на запад, у обитателей его будет малочисленное потомство.

2. Если строить дом в день Неба или в день Небесного огня, этот дом сгорит; от этого бедствия можно избавиться лишь тем, что следует помочиться с крыши, тогда пожара не будет. Вообще, средством справиться с пожаром, даже когда дом горит, является — помочиться с крыши.

3. Нельзя чинить окна в сентябре: дому будет угрожать несчастье.

4. Для поздравительных подарков при начале постройки дома следует брать спички или подтопки: тогда имущество этого дома разрастается так же, как пламя от дров.

5. Если балки в доме начинают издавать звук — хозяин дома умрет.

6. В каждом доме есть места, где обитают два духа: "Великий Предводитель Поднебесья" и "Великий Предводитель Подземелья". Обиталище их определяется шаманкой и соответственно этому строятся жилые помещения: если строить их в сторону обиталища этих духов — хозяин дома умрет.

Утварь

1. Есть из разбитых или поврежденных сосудов — значит никогда не попасть на государственную службу, для чиновников же — не получить повышения.

2. Поместить в доме торговца счеты, опрокинутые внутрь — разорить их хозяина.

3. Домашняя утварь, к которой пристала кровь, особенно месячная кровь женщины, обращается в духов, которые причиняют ее владельцу большие страдания. Особенно часто это бывает с метлами и вальками для стирки белья.

4. Если женщина сядет на ступку для риса, она родит ребенка с перекошенным ртом.

5. Смотреться ночью в зеркало — преждевременно состариться.

6. Если ребенку вымыть лицо водой, в которой перед этим мылась посуда, его могилу после смерти разроют лисицы.

Пища

1. Подметать комнаты во время присма пищи — обеднеть.
2. Есть мясо ворона — к ослаблению памяти.
3. Если девочка станет есть воробьев — она разобьет посуду в доме.
4. Если во время еды сломается ложка, предстоит убыток в чем-нибудь.
5. Если 1-го января беременная женщина съест край рисового хлебца, она обязательно родит сына, а не дочь.
6. Если 15-го января выпить водки, слух делается особенно острым.
7. Если в день под циклическими знаками [муо]¹³⁴ приготовить рисовые хлебцы, — быть богатым.
8. Украсть у кого-нибудь рис и потом съесть его — стать в новом воплощении лошадью в том доме, где украдено.
9. Есть только сухой рис — быть долговечным.
10. Если во время еды не подливать в рис воды или кипятка — вода на полях пересохнет.
11. Приняться за обед, не вымыв предварительно лица, — значит не иметь успеха в жизни.
12. Если во время совместных угощений первой войдет в комнату женщина — всем угрожает несчастье.
13. Женщина, выпившая последней во время круговой чарки, родит сына.
14. Есть ночью 15-го января орехи или каштаны — к добру.
15. Есть во время эпидемий кашу из бобов — заболеть эпидемической болезнью.
16. Если беременная женщина станет есть спрута, она родит ребенка без костей.
17. Если беременная женщина станет есть утку или вообще какую-нибудь водяную птицу, она родит ребенка с экземой.
18. Есть 15-го января острые вещи — значит болеть весь год кожными болезнями.
19. Есть рис, поднятый с пола, — онеметь.
20. Если первым посетителем в харчевне окажется посетитель в трауре, в этот день будет хорошая торговля.
21. Если во время еды уронить первую ложку на пол — владельцу ее угрожает несчастье.
22. Есть в новом году икру — иметь многочисленное потомство.

IX. Заметки о нравах и обычаях центральной Кореи

1) Во время свадебной церемонии жители этой полосы Кореи едят на квадратных кусках красной бумаги тушью знаки: "Соединение двух

фамилий — источник счастья во всем". Знаки эти пишутся по одному на каждом листке, и затем прикрепляются против сидения новобрачных (наклеиваются на стену?). Обычай этот особенно распространен среди янбанов.

2) После того, как гроб с покойником вынесут из дома, корейцы сейчас же густо устилают пол той комнаты, где стоял гроб, пеплом. По прошествии некоторого времени на этом слое пепла оказываются следы чьих-либо ног. И вот по форме этих следов определяют, стал ли умерший птицей или животным, или же опять возродился в человеческом образе.

3) Если в доме развелись особые зловонные насекомые — стоножки, сороконожки, то на узких длинных бумажках надписывают следующие знаки: "Госпожа благоухающая девица — поскорее уходи за тысячу ли отсюда". Бумажки эти, расклеенные вверх ногами, обладают силой изгонять этих насекомых за 1000 ли от дома.

4) Считается признаком гибели всего дома то обстоятельство, что корни близ стоящего дерева могут проникнуть под пол ондоля, — ондоль никогда не строит в тех местах, где есть поблизости дерева.

5) Если в основаниях столбов дома заведутся насекомые, называемые "цветы фиалкового отшельника", считают, что насекомые эти, обернувшись красивым мужчиной, испортят молодых девушек в семье. Поэтому, коль скоро присутствие таких насекомых обнаружат, их сейчас же убивают.

6) При различных праздниках в качестве подношений употребляют всевозможные плоды; только никогда не берут персиков, духи будто бы чрезвычайно боятся их.

7) Так как считается, что убивший кошку обязательно будет наказан ее духом, — кошек, за исключением самых крайних случаев, не убивают.

8) Послед вообще считается питательным продуктом и его употребляют вообще при слабости организма. Особенно же действие его проявляется при расстройствах нервов, и в этих случаях его усиленно едят.

9) Если в доме развелось много тараканов, рисуют на клочке бумаги птицу и пишут: "С юга прилетела птица, без остатка съест находящихся в стенах тараканов". Бумажку эту приклеивают на стену комнаты с ондолем и она обладает будто бы силой изгнать всех тараканов.

10) Если находящийся в доме петух запоем — это считается признаком гибели дома. Поэтому ему сейчас же отрезают голову и кровь сливают за ворота дома.

11) В первую ночь свадьбы в комнату новобрачных кладут веер. Женinx именно им должен погасить свет в комнате; если он по забывчивости потушит огонь дуновением, его жена впоследствии станет очень дурной женщиной.

12) Дети и молодые люди вообще не едят голубиноного мяса. Если они его поедят — говорят, что больше двух ребят у них не родится. Поэтому голубиное мясо в пищу употребляют только старики.

13) Существует поверье, что при болезни проказой, лучшим средством является употребление в пищу детородного члена мужчины. Поэтому бываюи случаи убийства детей с целью вылечить свою болезнь. Особенно помогают, будто бы, члены детей 4-5-летнего возраста.

14) Когда свинья в доме разрешается от бремени, все в доме, начиная с хозяина, перестают курить табак. Если кто-то по ошибке закурит, — поросята будто бы все рождаются слепыми или станут слепыми.

15) Если в доме случится покража, то в той комнате, куда проник вор, отыскивают след его ноги. Если таковой найдется, на него кладут горячий уголь и жгут. Этим будто бы достигается то, что у вора ступни в действительности заболевают и он утрачивает способность ходить. Поэтому воры всегда особенно стараются не оставлять следов в доме.

16) В древности китайские императоры будто бы совершали свои путешествия не иначе, как на слонах. Слон же чрезвычайно боится мышей, поэтому на всем пути следования императора все отверстия в земле заполняли красной глиной, в предупреждение появления мышей. В Корее, хотя слоны и не употребляются, но по пути следования императора всюду разбрасывают красную глину, причем значение этого обычая уже многим непонятно (если не всем?).

17) В древности при путешествии куда-либо корейских принцев (государя?) брали всегда с собою двух 13-14-летних мальчиков, которые в военной форме, верхом на лошадях, следовали за поездом императора. Служба их состояла в том, что император пил их мочу, которая будто бы у 13-14-летних имеет лечебные свойства. Поэтому они и получили название донь пхйон кун са, т. е. воины детской мочи. Говорят, это было еще лет 30 тому назад.

18) Когда в доме умирает кто-нибудь, на крыше раскладывается угощение на трех человек, соломенные сандалии — три пары и три листа бумажных денег иногда и 30, иногда и 300. Делается это для умиловления посланцев ада или рая, пришедших за душой покойника. Угощение для их насыщения, сандалии для их обуви и деньги — на дорожные расходы. Называется это сайсёнбон.

19) Если глаза заболели конъюнктивитом, встав рано утром, с самым началом восхода солнца, рисуют на той стороне дома, на которую падают первые лучи утреннего солнца, и если, например, болит левый глаз, то втыкают в левый глаз картины иглу и поперек ее пишут свое имя, фамилию, год, месяц и день рождения и следующую фразу: "Если я еще раз не вытащу глаз, то я еще раз не выйду из затруднений". Это служит лучшим средством для излечения от болезни. Поэтому часто в корейских домах на восточной стороне можно встретить рисунок человеческого лица.

20) Когда человек сильно простудился и сильно страдает от головной боли, следует, приготовив кашу, выбросить ее на дорогу, и, проведя вдоль этого места дороги три раза ножом, три раза ступить левой ногой. Делается это обычно ночью и говорят, что от этого головная боль и простуда проходят. Так что если по дорогам виднеется разбросанная каша или каштаны, или грудные ягоды — все это имеет значение.

21) Если в течение трех лет после смерти родителей к опечаленному сыну не придет с утешением и выражением сочувствия кто-либо из друзей — с этим последним прерываются все сношения на всю жизнь. Он оказывается не имеющим понятия о церемониях — поэтому с ним и быть знакомым нечего.

22) Тот дом, где случились роды, от одной до трех недель прерывает все сношения с внешним миром. При этом во всеобщее сведение объявляется, кто родился: мальчик или девочка. Делается это обычно следующим образом: если родился мальчик, перед гонканом,¹³⁵ подвешивают веревку с защемленным в ней перцем и древесным углем; если девочка — в веревку защемляют сосновые ветви и уголь.

23) В первый день рождения ребенка-мальчика родные и знакомые собираются в доме его родителей и при этом приносят различные подарки, которые обыкновенно состоят из: кистей и туши, сэнзимон, лука, нитей, риса и монет. Все эти вещи раскладываются перед ребенком и при этом все наблюдают, что он возьмет прежде всего. Если он ухватится за сэнзимон, то из него выйдет ученый, если за кисть или за тушь — знаменитый каллиграф, если за лук — воин, если за нитки — будет долго жить, если за рис или монеты — станет богачом.

24) Когда рождаются близнецы — то в случае обоих мальчиков — их воспитывают по обычаю. Если же один из близнецов мальчик, другой — девочка, то считают, что им предопределено судьбою стать супругами. Это же считается величайшим стыдом при корейском обычае незаключения браков между кровными родственниками; поэтому девочку отдадут на воспитание в чужой дом или же при самом рождении убивают.

25) Если же рождается тройня, то роженице от правительства посылается мерка риса, мерка лука, бочонок сакэ. Рождение сразу троих рассматривается как нечто животное, аналогичное с животными, и роженица при этом бывает преисполнена стыда. Этот обычай существовал еще восемнадцать-девятнадцать лет тому назад.

26) Если отец или мать очень тяжело заболевают и никакие средства не помогают, сын отрубает себе безымянный палец и вливает кровь в рот больному. Если случается, что больной почему-либо выздоровеет, кругом называют такого сына — "почтительным сыном".

27) Считается, что если срубить старое, долголетнее дерево, еще живущее, постигнет большое наказание от духа (этого дерева?). Поэтому если приходится во что бы то ни стало срубить его, предварительно его умерщвляют следующим способом: в дереве пробурывается отверстие и туда втыкается кочхоильбон.

28) Мужчина до женитьбы не рассматривается как взрослый, с ним обращаются как с мальчиком. Он даже не имеет права сделать себе прическу.

29) Если ребенок заболел проказой, то готовят из красной фасоли лепешки и, взяв из середины лепешки кусок величиной с кулак, прикладывают на некоторое время к пораженным местам. После этого заворачивают в бумагу и вешают на дерево. Считается, что этим можно излечить болезнь. Впрочем, если случайно по недосмотру повесят на сухое дерево, болезнь сделается еще хуже.

30) Слепой никогда в Корее не расстается со своей палкой, даже приходя в чей-либо дом, он не выпускает ее из рук. Делается это, во-первых, потому, что без палки он не в состоянии ходить по улицам; во-вторых, для того, чтобы кончик трости не был бы обрезан кем-либо.

31) После смерти родителей носят траур в течение трех лет. При этом если случится, что у приемного сына кого-либо умрут его настоящие родители, и приемным полагается носить траур по всем без исключения по три года, т. е. в течение 12 лет не снимать траурных одежд. Мало того, в этот период времени нельзя становиться чиновником.

32) При входе в деревню или же на небольшом холмике около деревни обязательно чествуют божество, называемое [?]. Устраивается или маленький храм, или же просто к дереву привязываются куски окрашенной материи. Проходящие мимо этого места обязательно бросают в сторону такого храма два-три камня и три раза плюют в его сторону. Делается это ввиду того, что божество это будто бы питается камнями и человеческой слюной.

33) Часто в корейских провинциях, особенно в гористых местах, можно встретить большой камень скалы с небольшой покатой выемкой в отвесной стороне, обращенной наружу. Проходящие люди обязательно не упускают случая погладить о удаче своей ближайшей цели и для этого берут маленький камешек и стараются одним коротким взмахом руки сразу положить его в эту выемку, так чтобы он там сразу же неподвижно удержался. Если удержится — удача, если соскользнет и упадет — неудача.

34) Если два брата в семействе близнецы, они обязательно женятся в один и тот же день. При этом жена старшего [?] входит через передние ворота, жена младшего [?] через задние.

35) При постройке дома или при постройке новых ворот посредине их обязательно наклеивают надпись или пишут: "В год, месяц и час под циклическим знаком кйоньсин выстроил это некий Кань нйосань, живший в эпоху Чжоусского Вэн-вана". О нем рассказывают, что он будто бы в вышеназванное время выстроил себе жилище и потом всю жизнь наслаждался в нем мирной и счастливой жизнью.

36) Когда в комнату проникают так называемые стоножки -- это считается признаком прилива денег в этот дом, поэтому их никогда не

изгоняют из дома. В провинции Чхунчхондо, наоборот, считается, что эти насекомые кусают человека в нос и в результате этот укус бывает смертельным, почему их сейчас же убивают.

37) Если замужняя женщина совершит предосудительный поступок, муж этой женщины отрезает ей нос и, взвалив ее после того на плечи барабан, гоняет ее, ударяя в барабан, по всем окрестным местам. Делается это для оповещения и назидания остальных. Потом эту женщину отдают в казенные рабыни.

38) Дети от наложниц, т.е. так называемые побочные дети, совершенно отделялись от законных детей. С ними обращались как с рабами или слугами. Они не смели называть своего отца "отцом", но в обращении к нему употребляли слово "господин". Обращаясь же к своим младшим сводным, законным братьям, величали их "господин младший брат". Это положение доньше сохранилось в старинных янбанских семьях.

39) Если женщины в доме прослышат, что где-либо кто-нибудь умер, никогда не берутся за шитье. Считается, что если они начнут что-либо шить, то выйдут, что они как будто бы готовят для себя траурную одежду и покойник-то у них.

Х. Тигр в представлении корейцев

1) Если кто-нибудь почувствует в горах жажду и громко произнесет "Ах, хочется пить" или что-нибудь в этом роде, тигр сейчас же услышит это и издаст звуки, напоминающие журчание воды. Человек отправится по направлению этих звуков и будет съеден тигром.

2) Если идешь где-нибудь ночью и почувствуешь, что за тобою гонится сзади тигр, следует вернуться к себе в дом или вообще зайти в дом и громко произнести: "Гость пришел", и тогда тигр удовлетворится собакой, живущей в этом доме и не тронет людей.

3) Если будешь говорить, что еще никогда не видел тигра, — тигр сейчас же появится.

4) Если тигру хочется полакомиться человеком, он идет к отхожему месту в доме и начинает там скрести и царапать: кому-нибудь из обитателей дома обязательно потребуется войти туда и он попадется в лапы тигра.

5) Когда тигр схватит человека и понесет его в зубах, он может на пути приостановиться и выпустить из зубов свою жертву; если он опустит ее по левую сторону от себя, человек уцелеет, если же по правую — будет наверняка съеден.

6) Тигр не ест пьяных. Если он очень голоден и все-таки желает съесть свою жертву, он смачивает в воде свой хвост и начинает тереть им лицо пьяного человека до тех пор, пока тот не отрезвится; тогда он приступает к еде.

7) Тигр не трогает спящих.

8) Тигр не трогает добродетельных людей.

9) Тигр не имеет права съесть человека, не испросив разрешения Горного божества.

10) Люди должны ежегодно в сентябре чествовать Горное божество, если они этого не будут делать — их схватит тигр.

11) Видеть во сне тигра — родить мальчика.

12) Если увидишь во сне тигра и сейчас же после этого будешь иметь сношение с женой, она родит сына, который станет славным воином.

13) Видеть тигра во сне — означает благополучие во всех делах, на том основании, что иероглиф "тигр" и "хорошо" — омонимы.

14) Если наклеить на воротах и внутри на стенах картины с изображением тигра — не войдут в дом злые духи.

15) Дети и старики имеют у себя в кошельках за поясом тигровые когти, обделанные в металл. Это предохраняет вообще от всяких бедствий, с другой же стороны, служит особенным предохранительным средством против оспы.

16) Если тигр схватит и съест курицу, у него выпадают зубы. Ранения от тигровых зубов излечиваются прикладыванием к укушенному месту куриного мяса.

17) Если тигр съест 1000 человек, он обращается в буддийского монаха.

18) Тигр имеет способность видеть сквозь бумажную склейку окон и дверей и узнавать, сколько людей в доме.

19) Кости тигра, особенно от шеи ключицы, будучи сварены, служат лучшим средством в нервных болезнях.

20) Если разостлать шкуру тигра на свадебном паланкине или вообще как подстилку на пороге — избежишь бедствия.

Рассказы о тигре

1. "Как Кань Чванчхал прогнал тигров из Кореи". В царствование Инджон-вана династии Ли в Корее страшно свирепствовали тигры. Они появлялись даже у ворот Сеула, так что даже днем нельзя было выходить за городские пределы иначе, как большими группами. Король был очень озабочен этим и издал повеление, чтобы всякий, кто знает какой-либо способ обезопасить население от этих зверей, доложил об этом ему. Нашелся некий чиновник по имени Кань Чванчхал, который предложил как наиболее верное средство удалить тигров из страны, вступить в переговоры с самым главным тигром, их властителем, и просил поручить ему выполнение этого, что он мог сделать. Этот чиновник был не простого происхождения: его отец, в свое время находясь раз в горах, вступил там в сношение с одной красавицей. Она родила ему сына и, прощаясь с ним, приняла свой настоящий облик — тигра. Сын остался у отца и был именно этим чиновником. Этим и объяснялось то, что он так хорошо знал все, что относится к тиграм. И вот этот чиновник, испросив

разрешения позвать этого главного тигра, привел во дворец одного монаха. Когда к нему обратились с просьбой как-нибудь изгнать из страны тигров, монах прежде всего спросил: до какого места желательно, чтобы не было тигров. Ему ответили, что только в пределах Кореи, т. е. до реки Ялу. Монах сказал, что он это может, но только просит оставить одну тигрицу, которая теперь как раз беременна и не может ходить. Король согласился на это. Тогда монах внезапно обратился в страшного тигра и, собрав всех своих сородичей, ушел в Китай. На следующий день в Корее не было уже ни одного тигра. Но постепенно, благодаря одной оставленной тигрице, они опять размножились.

2. "Как начальник уезда благодаря тиграм достиг удачи в жизни".

3. "Как старый ученый предсказывал появление тигров".

4. "Как три брата, погибнув от тигра, достигли славы в потомстве".

Все эти рассказы свидетельствуют о том, что в Корее еще до сих пор сохранились следы культа животных, и тигры были одним из объектов этого культа. Тигр как божество — постоянно мыслится корейцами до сего времени и историческим свидетельством для этого являются различные названия тигров, все имеющие смысл божества. Эти названия "горное божество", "горный господин", "горный государь", "горный дух", "горный герой".

Все эти названия указывают связь тигра с горами, что вполне естественно благодаря постоянному нахождению тигров среди гор.

Кроме того дальнейшие исследования открывают в тигре следующие признаки:

1) Тигр не только божество, т. е. чудесная сила, но обладает нравственными понятиями, умея различать добро и зло, добродетель от порока.

2) Затем он обладает силою и желаниями карать за порок и награждать за добродетель.

3) Тигру доступна жалость: от него можно избавиться усиленными просьбами и вообще поклонением.

4) С помощью чудесной силы тигра можно противостоять другим бедствиям: силе других злых духов, болезням и пр.

5) Тигр в представлении иных — не само Горное божество, но только спутник — слуга его.

Меры предосторожности против тигра:

1) При пастбище животных — привешивают к ним много колокольчиков.

2) Ночью ходят с фонарями и с горячей трубкой.

3) Дома в глухих местностях устраивают глухо закрываемыми.

XI. Одно личное воспоминание

Будучи в Корее, я знал, что в древних есть шаманы и шаманки. С установлением власти японцев шаманство было воспрещено, но мне все

же очень хотелось с этим обрядом познакомиться. Так как я прошел пешком от Сеула до Фузана¹³⁶ по проселочным дорогам, то часто останавливался на ночь в деревнях. Наконец, в одной деревне мне удалось уговорить шаманку показать ее искусство. Поздно вечером она с провожатым и я поднялись на гору. Были выставлены "посты" на случай прихода полиции. Начались разговоры, и вдруг прибежали "посты" — идет полиция.

У меня была с собой бумага от японского губернатора Кореи, предписывавшая всем деревенским властям оказывать мне содействие. Поэтому я успокоил всех, сказав, что сам пойду объясняться с полицией. И действительно, стоило мне предъявить эту бумагу, как они извинились и ушли. Эффект этого был серьезный.

Шаманка начала камлание, причем постепенно стала кружиться, все сильнее и сильнее, и ее развевающаяся широкая юбка многих задевала по лицу. Но — меня ни одного раза даже не задела. Этого было довольно, чтобы понять ее состояние.

СИНОЛОГ ИЗ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

(Новые материалы из истории Пекинской Духовной миссии)¹

Еще в 1921 г. мне пришлось услышать, что в известном монастыре Оптиная Пустынь — Козельского уезда Калужской губернии — среди различных архивных документов и памятников церковной старины и прошлой деятельности Пустыни, находится большое количество книг и рукописей, касающихся Китая. Тогда же удалось узнать, что весь этот материал остался после смерти некоего монаха, долго жившего в этом монастыре и там же скончавшегося. Обстоятельства тогда воспрепятствовали личному ознакомлению с этим архивом, и прошел целый год, пока, наконец, я получил возможность, заручившись полномочиями от Российской Академии наук, отправиться в Пустынь и осмотреть все это синологическое наследство.

В самом конце 1922 г. я прибыл в Пустынь и без труда отыскал интересные меня материалы. Они оказались в Оптинском музее церковных древностей и благодаря любезному содействию его администрации в лице заведующей Л.В. Зашук и уполномоченного Наркомпроса при этом музее М.М. Таубе, — я получил полную возможность для работ по осмотру и описанию архива².

Установить имя владельца архива оказалось делом очень не трудным: с одной стороны, он был хорошо известен самому монастырскому населению, и его смерть была еще у всех на памяти, с другой стороны, — первый же взгляд на рукописи с точностью устанавливал их принадлеж-

ность. Владельцем всего архива и автором многочисленных рукописей оказался иеромонах Алексей (Виноградов), или полнее — как он сам предупредительно сообщает — "кандидат юридических наук, почетный вольный общник Императорской Академии Художеств, член-сотрудник Императорского Русского Археологического общества, член Российской духовной и дипломатической миссии в Пекине, иеромонах Алексей, в миру Александр Николаевич Виноградов"³. История научной деятельности Пекинской духовной миссии, дающая нам ряд крупных имен в области синологии, — из них одно определенно мирового масштаба — арх[имандрит] Палладия, и несколько других — вроде иеромонаха Иакинфа Бичурина и Амфилохия Лутовинова — также очень значительных в истории развития русской синологии, — знает имя и А. Виноградова. За ним числятся два печатных труда:

1. История английско-американской Библии. 3 ч. СПб., 1889-1891.

2. История Библии на Востоке. Том 1-й: Китайское государство. Корея, Япония, Бирма, Аннам, Сиам и др. Вып. 1-ый — Вступление; вып. 2-й — Введение. СПб. 1889-1895 гг. Типография бр. Пантелесвых. Второй из этих трудов, хоть и носит специальное миссионерское название, но тем не менее является посильным трудом по синологии, так как автор, почти ничего не говоря о Библии, в своих "Вступлениях" и "Введениях" на протяжении 1194 страниц говорит о разных отраслях китайской культуры и об изучении Китая в Европе и России. Специально же к Китаю относятся и выпущенные в виде особого приложения к "Истории Библии на Востоке":

1. Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Духовной и Дипломатической миссии в г. Пекине. СПб. 1889.

2. Миссионерские диалоги М. Риччи с китайским ученым о христианстве и язычестве и обзор китайско-церковной Р[имско]-католической литературы с XVI по XVIII ст. СПб. 1889.

3. Древне-патриархальные династии царей в Ассиру-Вавилонии и Персии, Китае, у евреев и магометан. СПб. 1895⁴.

Эти работы в то время не создали А. Виноградову репутацию ученого-синолога, и вся дальнейшая его научная деятельность пошла по дороге, очень далекой от сфер официального ученого востоковедения. И как эта деятельность с ее результатами, так и вся личность А. Виноградова настолько оказались своеобразными, что заслуживают несомненного внимания, хотя бы в аспекте истории российского китаеведения.

Поскольку мне удалось установить на основании сравнительно беглого просмотра архива этого неведомого синолога-отшельника, о. Алексий родился в 1846 году (в 1913, по его собственному указанию, ему было 67 лет). Высшее образование он получил в Ярославском Демидовском Юридическом лицее и, по-видимому, первое время работал на юридическом поприще, занимая должность помощника военного прокурора⁵. Неизвестные мне причины толкнули, его однако вскоре же на

иной путь: он постригся в монахи и становится миссионером, получая назначение в Пекин⁶. В Пекине он живет в общей сложности почти 10 лет: с 1881 по 1886 г. и с 1895 по 1899 г.⁷. Затем он возвращается в Россию и поселяется в 1900 г. в Оптиной Пустыни. Здесь он и живет безвыездно все время до самой смерти — надо думать в самом конце 1919 г. или в самом начале 1920 года. Пребывание его в монастыре было обставлено несколькими отличными от всей прочей обстановки условиями: он не входил в число братии обители, но жил на положении пенсионера. Поэтому он был свободен от целого ряда монастырских послушаний и мог отдаться своей любимой деятельности — синологии. Ему удалось перевезти в Оптину Пустынь всю свою значительную библиотеку по востоковедению, которую он, по собственному выражению, "собирал всю жизнь", и обеспечить себя минимально необходимыми для ученой работы условиями: удобной отдельной кельей и большим досугом. Поэтому все 20 лет непрерывного пребывания в монастыре были заняты у него исключительно научной — по китаеведению, — и отчасти художественной — в области живописи, — работой, давшей в результате огромный архив рукописей и документов. Эта работа продолжалась чуть ли не до момента кончины: последний его совершенно законченный труд датирован мартом 1919 года. Через несколько месяцев он заболел и умер, причем последние дни его жизни протекали в самой тяжелой обстановке: некоторого ослабления умственных сил и голодного существования. И последний синолог из плеяды пекинских миссионеров умер, вероятно, просто от голода.

Монахи хранят память об о. Алексии последних лет его жизни, как о маньяке, близком к помешанному⁸. Синолог до мозга костей, он, по-видимому, постоянно носился со своим Китаем, почему и заслужил кличку "Пекин", а вместе с нею и некоторое пренебрежительное к себе отношение. И тем тяжелее оно должно было быть для него, который сознавал, может быть, несколько и преувеличенно, свою ценность, как ученого. Передают его слова, сказанные незадолго до смерти монастырскому служке, отказавшему ему в добавочной пайковой осьмушке хлеба: "Да знаешь ли ты, кому ты дашь умирать от голода? Ведь обо мне будут говорить в Императорской Академии наук!" — о. Алексий весьма возможно и не знал, что Академия наук уже не существует "императорской".

После о. Алексия осталось огромное ученое наследство. По его указаниям — в 1913 году он, предполагая переселиться в Москву или в Петербург⁹, привел в порядок свою библиотеку и рукописи, а также часть своих художественных произведений и упаковал это все в ящики. Таковых оказалось 17, весом в 200 пудов в общей сложности. Однако это количество за последующие 10 лет жизни в обители (о. Алексия не пришлось никуда уехать) несомненно должно было возрасти, так как его работа все время непрерывно продолжалась, и заведующая музеем Л.В. Защук говорит о 27 ящиках с книгами, рукописями и картинами и о

значительном количестве материалов без всякой упаковки, оставшихся после его смерти. Разбор архива несомненно с точностью может установить размеры и количество наследства, так как покойный синолог вел очень тщательную опись своих богатств, и различных списков, относящихся к разным годам его жизни, можно найти среди его документов немало. Сделать это мне не удалось за недостатком времени, а также благодаря тому, что в нынешнем своем состоянии архив представляет -- хоть и небольшие, но все же некоторые трудности для разбора: и в настоящее время все материалы о. Алексия расставлены или разложены по шкафам, комодам, ящикам, иногда столам и т. п. одной из комнат Оптинского музея, -- без всякой ситемы и порядка; к тому же часть архива, может быть, находится еще и в другом месте. Материал, разумеется, весь цел -- за то порукой заботливости заведующей Л.В. Защук, но его упорядочение может быть делом рук, конечно, только синолога, каковым никто из работников музея, конечно не является.

Синологическое наследство о. Алексия распадается на три отдела: 1) Библиотека, 2) Рукописи, 3) Таблицы. Библиотека распадается на отделы специально по Китаю и по Востоку вообще. Рукописи в большей части касаются того же Китая, но отчасти содержат в себе иные материалы, главным образом по юридическим наукам. Таблицы -- частью иероглифические, частью художественные -- и носят характер иллюстраций к его трудам, или же учебных пособий. Незадолго до своей кончины о. Алексей привел свои богатства в состояние совершенно изумительного порядка. Он каталогизировал, описал и уложил в ящики и сундуки свои книги; переписал набело почти все свои рукописи сколько-нибудь законченного характера, причем привел их в совершенно готовый вид тем, что тщательно пронумеровал все страницы, проштемпелевал своей печатью каждую страницу рукописей, собственноручно подписал каждый отдельный лист (2 страницы) их, дал точные и подробные заголовки, составил подробные оглавления с указанием на страницы рукописей, привел даты окончания своего труда, сшил, сброшюровал и в большинстве случаев даже переплел свои работы, и что особенно характерно, снабдил часть их особыми документами, из которых явствовалась бы действительная принадлежность того или иного труда именно ему -- о. А. (Виноградову). Можно думать, что оптинский синолог, как будто, был озабочен посмертной судьбой своих рукописей и своего синологического имени, т. к. он старается всеми мерами оставить доказательства именно своего авторства, причем прибегает даже к приложению к рукописям особых документов: так например, он оставляет удостоверение Козельского уездного полицейского управления, свидетельствующее о том, что труд под заглавием "История Библии на Востоке" том 2 (неизданный, но имеющийся в рукописи) действительно принадлежит о. Алексию (Виноградову). Впрочем, не только законченные работы приведены им в такое состояние, но и в черновом материале -- к уже обра-

ботанным трудам, или только начатым, — также сшиты и пронумерованы страницы. Однако о. Алексий этим не удовлетворился. Приготовленный таким образом архив он уложил в специально заказанные по размерам рукописей жестяные ящики, тщательно пронумеровал их все и написал на крышках подробное содержание каждого; при этом составил отдельно опись и каталог самих ящиков. (Последнее мною не найдено, но указания на его существование имеются).

Приведенный в такой порядок архив после смерти о. Алексия, следовавшей вскоре же, остался без хозяина и призора. Келья его была взята для других нужд, вещи вынесены и беспорядочно сложены в каком-то другом месте. И лишь с образованием музея все это достояние было стараниями Л.В. Защук перенесено туда, где и ждет своей разборки и описания. Впрочем, Л.В. Защук часть привезла уже в некоторый порядок: библиотека о. Алексия водворена в шкафы и каталогизирована¹⁰.

Архив о. Алексия прежде всего говорит о нем как о человеке, прошедшем юридическую школу. Его интерес к юридическим наукам засвидетельствован большим количеством рукописей, представляющих его собственноручные записи и обработку в готовый для печати вид ряда курсов профессоров Демидовского Лицея его времени. Так, напр[имер], в гряде этих переплетенных рукописей можно найти: "Науку об архивах и русские юридические древности" — по лекциям проф[ессора] Н.В. Калачова (основателя Археологического института в Петербурге); "Историю философии права" — по лекциям проф[ессора] Астафьева; "Международное право" — по лекциям проф[ессора] Капустина; "Римское семейное право" — по лекциям проф[ессора] Дювернуа и много других. Но о. Алексий пробовал и самостоятельно работать в юридической области, хотя бы и переводами: так, он оставил 4 тома в 1010 страниц разворотами, четко переписанных и переплетенных под таким заглавием: "Institutiones, aut Juris Elementa" — или краткие наставления о законах для школ и народа византийского императора Юстиниана Великого, латинский текст в 4-х книгах, изд. в 533 году. Исторические изъяснения с примечаниями в "Histoire de la Legislation Romaine" J. Ortolan б[ывшего] профессора юридического факультета в Париже. С французского X изд. 1876 года на русский язык перевел и изложил А. Н. Виноградов. б[ывший] иеромонах Алексий".

Однако все эти юридические работы относятся к раннему периоду деятельности о. Алексия. Знакомство с Китаем и синологией окончательно превратило его в подлинного китаиста по своим интересам. Поэтому большая часть его наследства так или иначе принадлежит синологии. На первом месте среди этого материала нужно поставить библиотеку. О[тец] Алексий знал хорошо большинство европейских языков и, собирая всю жизнь, составил себе библиотеку, которая представляет огромную ценность для сиолога и востоковеда вообще. В его библиотеке имеется весь F. Max Müller с его "The Sacred Books of the East", полное

собрание работ Legg'a "Chinese Classics", а также все работы основоположников европейской синологии: Wade, Zottoli, Edkins, Gabelentz, Wieger, Schlegel, Couvreur и др. Имеются комплекты "Chinese Recorder" и "The China Review", а также некоторое количество китайских ксилографов, — мною еще не разобранных и не осмотренных.

Далее идут его собственные синологические работы, причем даже беглый просмотр их сразу же обнаруживает всю ученую физиономию покойного монаха. Он работал почти исключительно по европейским источникам, хотя знал и китайский язык. Он переводил главные труды европейской синологии, обрабатывал, снабжал своими дополнениями, делал своды из различных работ, вставлял свои примечания и т. п. При этом бросается в глаза удивительная научная честность и добросовестность о. Алексия: он не только не старается как-нибудь замолчать или затушевать свой источник, но, наоборот, стремится всячески выставить его на передний план и свести на нет свое собственное творческое участие. Так, некоторые работы его в сущности являются не переводами, но самостоятельными исследованиями, с использованием того или другого иностранного материала, но он всегда ставит на первое место источник, а потом лишь вскользь упоминает о своих "дополнениях и примечаниях".

Все синологические работы о. Алексия (Виноградова) по своему характеру подразделяются на четыре группы: 1) специально-миссионерские, 2) учебные, 3) учено-учебные и 4) ученые.

К работам первой группы следует отнести рукописи, представляющие собой или молитвословы на китайском языке (в том числе так называемой | "Фонетический молитвослов"), или же — переводы на китайский язык различных частей богослужебных книг. Но эта группа очень немногочисленна, т. к. о. Алексей, надо думать, был прежде синологом, а лишь потом миссионером.

Ко второй группе работ, имеющих одно только учебно-вспомогательное значение, относятся:

1) Таблицы — пособия к наглядному изучению китайского языка (вернее, не языка, но письменности). Этих таблиц всего 10, и их содержание представляется в следующем виде:

Таблица 1. Образцы письмен трех почерков 214 ключевых знаков.

Таблица 2. Материалы для наглядного изучения и преподавания китайского разговорного языка по системе Ключковского.

Таблица 3. Образцы типографских шрифтов.

Таблица 4. Фразеология по Каллери для изучения фонетиков.

Таблица 5. Тоника по Кувреру.

Таблица 6. Тоника по Zottoli.

Таблица 7. Тоника по Васильеву.

Таблица 8. Каллиграфия по Васильеву и Пешурову.

Таблица 9. Тоника по общероманской системе.

Таблица 10. Аналитика (порядок начертания иероглифов).

Внешний вид и техническое выполнение всех этих таблиц выше всякой похвалы: огромный картон в виде двухстворчатых складений, четкий красивый иероглифический почерк, подклейка из холста и т. д. Все они были изготовлены в Китае и принадлежат китайцу, бывшему учителю о. Алексия в области иероглифической каллиграфии.

2. Грамматика китайского языка — работа о. Алексия в 1914 г. Сюда относятся а) Грамматика Gabelentz: *Anfangsgründe der chinesischen Grammatik* — Лейпцигское издание 1883 года. б) Грамматика Bazina *Grammaire Mandarine*. Paris. 1854. в) Грамматика Edkins: *A Grammar of the Chinese colloquial language*. Shanghai. 1864.

Работа о. Алексия состоит прежде всего, конечно, в переводе всех этих грамматик, представлявшихся ему, очевидно, лучшими их существующих, а затем в приспособлении всего материала к русскому языку, в транскрипции и толковании всех встречающихся иероглифов; и, наконец, в своих собственных дополнениях и примечаниях. Нужно отметить, что при этом четкое и вполне правильное выполнение иероглифических начертаний, при этом не чернилами, но китайской тушью.

Обработка грамматики Габелентца [так в оригинале — *М. Ч.*] снабжена дополнением особого характера: в качестве приложения дан известный отрывок из Ши-цзи, повествующий о свидании Конфуция с Лао-цзы. Очевидно, о. Алексей выбрал это место из знаменитого труда Сыма Цяня как образец "классического стиля", и снабдил его поэтому своим переводом-толкованием, иероглифическим словарем и анализом.

Перевод грамматики Эдкинса снабжен также отдельным приложением: описанием, изложением и разбором двух работ этого синолога а) *Introduction to the Study of the Chinese Characters*. L. 1876; б) *The Evolution of the Chinese Language*. Peking. 1888.

3. Статьи на грамматические темы (работа 1915 г.). Сюда относятся прежде всего работы по различным вопросам китайской иероглифики: а) Порядковый определитель числительных китайских знаков по китайской грамматике о. Иакинфа; энциклопедические категории (20) из словаря Тун-чжи и у Пешурова (13). б) Классификатор китайских порядковых имен по Ятесу с русским переводом, с китайского и английского; имена числительные (44) знака. в) Китайский спецификатор по Вигеру (26 знаков).

К этой же группе можно присоединить и ряд его очерков-статей по вопросам китайской грамматики: а) Китайские имена существительные, прилагательные и глаголы (по Вигеру) б) Дополнения к оним об именах из грамматики Перни; виды глаголов, их разные классы и спряжения; глагольные идиомы и клише (по Вигеру). в) Грамматические заметки Куврера с дополнениями из Вигера.

Все эти очерки, хотя и приурочены к работам известных западноевропейских синологов, но тем не менее могут рассматриваться как в значительной степени самостоятельные исследования о. Алексия, так как именно здесь он высказывает много оригинальных суждений по всем вопросам, которые затрагивают цитируемые им синологи. Очерки занимают 196 страниц рукописного текста, великолепно переписаны, снабжены четко исполненными иероглифами, рядом примеров, словом, приведены в совершенно готовый для печати вид.

4. Наконец, последней работой из цикла его учебных трудов является практический учебник китайского языка, снабженный им следующим заглавием: «Китайско-русские разговоры и переводы. Практические упражнения на Пекинском наречии "су-хуа". Часть 1-ая. Составил и перевел для русских А. Виноградов. СПб. 1891».

Учебник этот состоит из трех частей: иероглифического текста, транскрипции и перевода с объяснениями и толкованиями. Весьма возможно, что работа эта о. Алексием не закончена, так как не имеет обычного — для его совершенно готовых рукописей — вида: тетрадь рукописи шита из разнообразного формата и качества бумаги, не переплетена, хотя все листы в полном порядке и с обычными для автора подписями.

Третий цикл работ о. Алексия (Виноградова), имеющих уже не только одно учебное, но и в значительной степени и ученое значение, составляют его работы по лексикографии. На первом месте идут словари: китайский, фонетический и фонетический же китайско-русский.

1. Первый словарь озаглавлен им следующим образом: "Китайский тонический словарь, расположенный по XII финалам Юнь-му и XX инициалам — Цзы-му, с пятью ударениями". Состоит он из трех больших томов, имеющих каждый в значительной мере самостоятельное значение.

А) Том 1. Содержит "Введение", где излагаются, во-первых, содержание словаря — как переработки "У-фан-юань-инь", во-вторых, цель его, которая может быть сведена к следующему: автор предполагает дать главным образом пособие к изучению, как он называет, китайской "тоники", т. е. фонетической стороны иероглифических начертаний; затем он считает, что его словарь явится с этой точки зрения дополнением к известному китайскому словарю Канси-Цзыдянь и может даже заменить собою в области фонетики иероглифов — знаменитый Пэй-Вэнь-Юнь-Фу. Вслед за "Введением" идет уже сам словарь составленный из 1) "Общей таблицы китайских звуков словаря", 2) "Финалов и инициалов в русском переводе" и 3) "Словаря". Все это размещено на плотных картонных листах, отлично разграфленных и соединенных друг с другом подклеенной материей. Этих картонных таблиц автором изготовлено всего 40 штук.

Б) Том 2-ой содержит в себе обзор и описание лексикографических систем европейской синологии:

1) «Система ключевых китайских знаков по словарю императора Канси, расположенных по системе Каллери — "Systema Phoneticum Scripturae Sinacae" под XVII чертами; их начертание и произношение».

2) «Сборник китайских корней "бу", извлеченных из словаря Канси Гонзальвом, в его словаре "Dictionario Chino-Portuguese" под названием "Generos" с соответствующими *derivativae* и *differances* под №№ 127 и 15 чертами».

3) "Избранные №№ корней под 17-ю чертами по Каллери из того же словаря Канси".

4) "Таблица Мэджурста в его "Chinese English Dictionary" излагающая в 8-ми отделениях иероглифа и правило распределения оных из словаря Канси по начертанию, с примерами, — произношение, значение".

5) «"Systema Phoneticum" Каллери; латинское произношение и расположение китайских звуков по фонетическому методу Каллери».

6) "Классификация по Каллери, или избранные 169 знаков из словаря Канси, их порядок, расположение, начертание, произношение и значение".

Значение этого второго тома работы о. Алексея очевидно: он сводит в единую картину все то, что выдающиеся синологи прошлого века говорили о так наз[ываемых] "китайских ключах", т. е. иероглифических детерминативах. Автор свел воедино все лексикографические материалы старой синологии и приурочил их к словарю Канси. Том этот состоит из четырех листов рукописного текста и 29 иероглифических таблиц, исполненных с присущей автору тщательностью.

В) Том 3-й также содержит в себе материалы по лексикографии Китая и назван: "Фонетики по Каллери". Он также составлен из нескольких частей: 1) "Русский алфавитный звуковой указатель 1040 знаков-фонетиков по Каллери, по порядку номеров и количества черт, с русским произношением"; 2) "Основные китайские фонетики, анализ их начертаний, произношения и значения"; 3) "Система знаков по ударениям, по Канси и Каллери".

Таким образом, третий том работы о. Алексея (Виноградова) целиком посвящен проблеме так называемых фонетических частей в иероглифике и имеет, по словам автора, единственную основную цель: "Научить владеть Канси полностью". Рукопись состоит из 6 листов и 34 таблиц.

II. Второй труд из описываемой группы составляет, как уже упомянуто, "Китайско-русский фонетический словарь по Каллери". К этим же работам — учено-учебного цикла — после упомянутых лексикографических трудов следует отнести еще один словарь, но уже иного, чем предыдущие, характера. Вот его полное название, вполне характеризующее

ющее его содержание: "Справочный синологический словарь (пропедевтика для изучения китайского языка), содержащий в себе критико-библиографический обзор или пропедевтику для изучения китайского языка по исследованиям о нем европейских и русских ученых, расположенный в алфавитном порядке с указанием и на лучшие китайские сочинения и издания".

За этим следует перечень синологов, работы которых подвергнуты обзору: "Вэд, Арендт, Ключковский, Моррисон, Каллери, Эдкинс, Баллер, Джэйлс, Цоттоли, Гонзалев, Мэдхурст". Всего работа содержит 600 страниц рукописного текста.

Четвертый цикл рукописей о. Алексия (Виноградова) обнимает собою ряд работ, имеющих не только одно учебно-показательное или учебно-учебное значение, но претендующих и на определенную научную ценность. Так, по-видимому, смотрит на нижеперечисленные работы и он сам, таковы же они и по своему особому замыслу.

1. "Фонетическая система китайской письменности" -- так названа им первая работа этого цикла. Материал для нее, как и все у о. Алексия (Виноградова), не оригинален: автор дал только обработку известной "Systema Phoneticum Scripturae Sinacae" (Macao. 1841) — синолога старой школы Каллери. Содержание распадается на такие части: 1) "Перевод работы Каллери"; 2) Добавление: "О фонетиках по Эдкинсу" (из работы последнего: "Introduction to the Study of the Chinese Characters"); 3) "Обработка переводов из Каллери"; 4) "Китайские корни: определение законов их построений и комбинаций, соотношений к языкам академическому и арийским (см. работы Эдкинса — в "China Review", 1884-1885, vol. XIII, XV, (1886-1887 гг.); 5) "Дополнения переводчика"; 6) "Практические упражнения в разговорном и письменном китайском языке, с русской транскрипцией произношения, переводом и словарем по графической системе".

II. Главной ученой работой о. Алексия (Виноградова) должно признать его огромный по размерам труд: "История Библии на Востоке". Первый том этого труда, размером в 1000 с лишним страниц, издан им еще в 1889-1895 гг. и даст нам возможность ясно видеть как саму цель труда, так и его предполагаемое исполнение. Полное название его: "История Библии на Востоке, с обзором метода и условий благоприятных и неблагоприятных ее переводам и распространению с христианской церковью у разных народов. Том I-ый: Китайское государство, Корея, Япония, Бирма, Аннам, Сиам и др. Составил иеромонах Киево-Печерской Лавры Алексий (Виноградов). (СПб, 1889-1895).

Первый том содержит "часть первую, подготовительную; вступление (370 стр.) и введение (1194 стр.) с предисловием, оглавлением содержания, хрестоматией разных памятников, в тексте и отдельно, и прочими приложениями и дополнениями". Нужно думать, что вопреки заглавию "История Библии на Востоке", автор хотел дать здесь свод своих сведе-

ний по Китаю. Во всем обширнейшем томе, в этих двух "Вступлении" и "Введении" о. Алексей (Виноградов) в сущности очень немного говорит о Библии, он занят почти исключительно "материалами по истории языка и литературы, религиозных и философских систем и сект, по праву, деятельности миссионерской, этнографии и археологии, астрономии и календаря, по народному просвещению и нравственности...", и при этом главным образом в отношении Китая, который он так неустанно изучал и о котором хотел говорить всегда и всюду, какое бы заглавие его сочинения ни носили¹¹. Оптинские рукописи сохранили целый ряд материалов ко 2-му тому этого труда, задуманного, по-видимому, не в меньшем масштабе, чем первый. Поскольку возможно судить, о. Алексей (Виноградов) собирался и весь второй том посвятить отдельным очеркам китайской культуры и в особенности литературы, переводя и излагая ряд соответствующих работ европейских синологов, а также давая временами и свои собственные очерки. В рукописях имеется и оглавление этого будущего труда — подробное описание исполненных очерков, так что воспроизвести в печати этот II-ой том не представилось бы затруднительным ни в малейшей степени.

Можно предполагать, что у о. Алексея был в перспективе и 3-й том: по крайней мере мы находим ряд получерновых набросков, несомненно относящихся по содержанию все к тому же монументальному труду оптинского синолога; о. Алексей (Виноградов) смотрел на свою "Историю Библии на Востоке" как на основной труд своей жизни и стремился сделать из нее своего рода Энциклопедию по Китаю, вложив туда все свои китаистические знания и начитанность в европейской и русской синологиях. Поэтому его "История Библии" превращалась отчасти и в справочную книгу по синологии вообще.

III. Следующей, совершенно законченной и подготовленной к печати работой монаха-синолога является сочинение, озаглавленное им так: "Шэн-юй, священный эдикт, или наставления трех императоров Шунь-чжи, Канси, Юн-чжэна, в XVI изречениях и пространном изложении для публичного преподавания китайскому народу. По французскому переводу китайского текста с примечаниями бывшего профессора колледжа Тун-вэнь-гуань в г. Пекине г. Феофила Пири на русский язык перевел с краткими примечаниями А. Виноградов".

Работа эта, опять-таки значительная по своим размерам (360 больших рукописных страниц), представляет собой аккуратно написанную и переплетенную книгу с раскрашенным самим автором титульным листом и помечена окончанием 10 марта 1919 года. По-видимому, это была последняя работа неутомимого синолога-отшельника, написанная им уже незадолго до смерти. Интересно назначение работы: о. Алексей думает, что по его труду читатель составит себе понятие об очень интересном историческом документе, несомненно игравшем в Китае при манчжурских императорах крупную роль; но помимо этого автор наде-

ется, что его изложение "Священного Эдикта" может оказаться пригодным для использования при преподавании на факультете восточных языков бывшего Петербургского университета. Можно прибавить к этому только то, что пишущий эти строки читал еще в 1910 году -- будучи студентом указанного факультета -- этот самый эдикт, текст которого входил в число изучаемых материалов на китайском отделении факультета.

Сама работа составлена из двух частей: переводы самого эдикта, так называемый "Шэн-юй гуан-сюнь", и затем перевода особого, иллюстрированного комментария к нему -- так называемого "Шэн-юй сяньшай", изданного в Шанхае в 1879 году в английской обработке под заглавием: "Chinese Historical Illustrations". Весь материал располагается в таком порядке: 1) "Предисловие переводчика"; 2) "Введение Пири с замечаниями переводчика"; 3) «Предисловие Юн-чжэна к его "пространному изложению"»; 4) "Наставления императоров китайскому народу", 5) "Священный эдикт, I-XVI"; 6) "Index -- указатель китайских слов; соответствия транскрипций русской и английской; подсчет иероглифов (10000)".

Все указанное составляет 1-ю часть труда. Вторая складывается из:

1) Предисловия; 2) Описания картин (260), толкования их, анализа иероглифов и их точного лексикографического определения.

Я не успел найти в архиве о. А. Виноградова самих этих картин, но надо думать, что они где-нибудь среди его вещей найдутся.

IV. Четвертой работой оптинского синолога, также претендующей на научное значение, оказывается его труд по "уранографии", озаглавленный им следующим образом: "Сравнительно-историческая уранография народов Востока (по Шлегелю, Дююи, Шамполиону, Шпильбуку, с описанием буддийско-китайских сюжетов). Обозреваются небесные сферы: Китайская Арабо-Персидская, Аль-Суфи, Египетская". Труд этот снабжен им великолепно исполненными таблицами-картинами, долженствующими иллюстрировать текст и выполненными самим автором, бывшим между прочим и весьма усердным художником. На обложке рукописи имеется собственноручная пометка автора: "Посвящается Императорской Академии наук".

К этой группе примыкает и еще одно сочинение на родственную тему: "Главнейшие иконографические и пластические типы в религии народов Востока, в связи с астрономическими и мифологическими понятиями и представлениями о Божестве, их значение в христианском искусстве". (Закончена в 1910 году). Цель своего труда автор формулирует следующим образом: "Изяснение некоторых особенностей в русской иконографии, сложившихся в общих и главнейших представлениях Божества и перешедших в христианское искусство"¹².

Таково наследство, оставшееся от покойного синолога. Не вдаваясь в подробное изучение его работ, можно сказать заранее, что вряд ли очень многое будет пригодно для современной синологической науки как европейской, так и русской, но все же кое-что следовало бы из Оптинского музея извлечь и напечатать, и, конечно, в истории ученой деятельности Пекинской Духовной миссии о. Алексею (Виноградову) придется отныне отвести одно из значительных и почетных мест как усердному, неутомимому труженику, работавшему всю жизнь без всякой надежды на признание своих трудов "кем-либо" и даже без всяких надежд на напечатание их. Перед нами несомненно глубокая жизненная трагедия, ознаменовавшаяся поистине скорбным концом, и всякий русский синолог должен не иначе, как с огромным уважением пройти мимо этого удивительного человека.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Эпоха Яо и Шуня

Древняя историческая традиция возводит начало китайской литературы к очень отдаленным временам — чуть ли не к той эпохе, с которой вообще начинается то, что считается историческим повествованием; конечно, в ненаучном, некритическом смысле этого слова, а именно: с эпохи т[ак] наз[ываемой] Сань Хуан — "Трех Верховных государей" — Фуси, Шэньнуня и Хуанди. Эта традиция утверждает, что еще до Хуанди существовали песни, которые она называет "Песнями ловцов сетями" (*вангу гэ*); упоминает и о каких-то "словах червей" (*чжа цы*). Во время же Хуанди якобы существовали какие-то "песни лучников" (?) (*тань гэ*). Традиция продолжает и далее: она говорит о литературе в период У Ди — "пяти императоров", идущей вслед за периодом Сань Хуан. В правление первого из этих "императоров" Шао-хао якобы также существовали песни, называемые этой традицией (*хуан э гэ*) — "песнями государевых красавиц" (?).

О наличии в глубокой древности чего-то такого, что можно было "читать", свидетельствует даже такой серьезный историк, как автор "Цзо чжуань"¹: по его словам, сановники в царстве Чу читали "Сань фэнь", "У дян", "Ба со", "Цзю цю". В "Чжоу ли" говорится, что во времена Чжоу был особый разряд чиновников (*вай ши*), которые заведовали книгами (*шу*) времен "Трех верховных государей" и "Пяти императоров". Это означает желание видеть в глубокой древности не только наличие устной литературы, фольклора, но и литературы письменной. В этом смысле отдельные части традиции очень хорошо подтверждают

друг друга. Для того чтобы существование такой письменной литературы стало возможным, нужна была письменность. И вот "И цзин" выдвигает свой знаменитый рассказ о "рисунках Хэ и письменах Ло", относящийся ко времени первого из "Трех верховных государей" — Фуси, и знаменует собой начало китайской письменности вообще.

Само собой разумеется, что все эти или какие-нибудь другие образцы древнейшей культуры, если бы они и существовали вообще, до нас не дошли. Кроме того, у нас нет и никаких данных, кроме вышеприведенных простых упоминаний в позднейших источниках, для того, чтобы иметь какое-нибудь представление об этих памятниках словесности. Поэтому историю литературы приходится начинать с тех памятников, которые до нас дошли, и с того времени, к которому эти памятники относятся. Наиболее древним из всех памятников китайской словесности является "Шу цзин", начало китайской литературы, следовательно, относится к т[ак] наз[ываемой] эпохе Яо и Шуня).

Трудно, конечно, сказать что-нибудь определенное об этой эпохе, к которой китайская историческая традиция относится как к своему "золотому веку". Несомненно только одно: к этой эпохе, которую обозначают именем знаменитых, столь прославленных конфуцианской литературой "царей-мудрецов" Яо и Шуня, относится первое оформление государственности в Китае и установление некоторых начал общественной культуры. В это время появилось некоторое подобие верховной политической власти, носителем которой стал император; создались начала идеологии этой верховной власти: эти императоры правили как "Сыны Неба" — китайский вариант европейской концепции "Божией милости", появились органы этой власти — "десять гостей" при дворе, т.е. центральном правительстве, и "двенадцать пастырей" на местах. Установились и какие-то более или менее оформленные взаимоотношения с местными вождями, т[ак] наз[ываемыми] "князьями" (чжуху): они будто бы должны были ежегодно являться ко двору своих властелинов для "несения службы" (*чао цзинь*). Выработались определенные формы погребения и культы предков; особое место в ритуалах заняла музыка, превратившаяся в руках правителя в своеобразное орудие морального воспитания народа; появились и зачатки научного знания в виде примитивных астрономических и метеорологических наблюдений.

"Шу цзин" по своему содержанию относится именно к этой эпохе, связываемой с именами Яо и Шуня и их ближайших приемников, в первую очередь с именем знаменитого "устроителя Китайской земли" после "потопа" (разлива Желтой реки) Юя². В нем были образцы древнейших китайских уложений, первых попыток принятия каких-то норм государственной и общественной жизни: "Яо дянъ", "Шунь дянъ", "Да Юй мо", "Гао-яо мо", "И, Цзи".

Стиль этих "уложений" прост и лапидарен, но в то же время не лишен известной торжественности и величавости.

Император (Яо) сказал: "Шунь! Повелеваю тебе заведывать музыкой! Наставляй потомков — будь прямым и добрым, великодушным и скромным (*ли*), сильным, но не жестоким, простым и не гордым. Стихи говорят о желаниях, песни удлинняют слово, голос сообразуется с долгой, ритм соразмеряет голос. Когда восемь тонов настроены и правила человеческой морали (жизни: *лунь*) не утрачены, боги и люди — в согласии". Шунь сказал: "О! Когда я ударю камень о камень, за мной запляшут все звери!" ("Яо Дянь").

"Шу цзин" — прозаическое произведение, но в нем есть некоторый намек и на стихи. Это — т[ак] наз[ываемая] "Песня о подданных и государе" (*Гу-гун юань шоу чжи гэ*), находящаяся в V-м отделе книги в "И, Цзи". Это всего несколько строф, крайне примитивных и по содержанию, и по форме:

"Подданные радуются!
Государь воссияет!
Управление распространяется повсюду!"

"Государь просвещен! (*мин*)
Подданные добры! (*лян*)
Все дела — благополучны (*кан*)"

"Государь мелочен и придирчив
Подданные ленивы.
Все дела рушатся!"

Трудно сказать с определенностью, к какому виду литературы следует отнести "Шу цзин". По традиции его считают обычно "книгой истории", поскольку он говорит о правлении древних императоров. Но если это и история, то — не историческая хроника и не историческое повествование. В нем нет ни хронологической канвы, ни связного повествования. "Книгой истории" он может быть назван только в силу того, что содержит некоторые данные об эпохе, связываемой с именами Яо, Шуя и Юя. Но то, что говорится об этой эпохе, принадлежит скорее к разряду "уложений", так что "Шу цзин" с этой точки зрения может быть оценен как первый памятник юридической литературы Китая. При этом, как это вообще характерно для древнего права, это уложение содержит в себе и элементы права, как таковые, и в еще большей степени элементы морали. Эти черты "Шу цзина" впоследствии были сильнейшим образом подчеркнуты конфуцианской догматикой, выставлявшей "Шу цзин" как трактат, излагающий начала права и нравственности в общественной жизни, начала цивилизации и просвещения в организованном человеческом обществе. Эта точка зрения верна, если только отбросить специфическое для конфуцианцев отношение к древности как к "золотому

веку" и видеть в "Шу цзин" первый памятник, в котором намечены некоторые прочные начала гражданского общежития на первых стадиях создания классового общества. Поэтому "Шу цзин" принадлежит к разряду [общественной] литературы и к художественной литературе непосредственного отношения не имеет. Но есть в нем одно, что дает право говорить о нем частично и в плане этой литературы. Слог, которым написаны некоторые из этих "уложений", гл[авным] обр[азом] "Яо дянь", дает возможность видеть в "Шу цзин" и элементы древнейшей риторики торжественного стиля.

Период Ся, Инь и Чжоу

Одну из значительных эпох в истории китайской культуры представляет период чжоуского государства. Насколько мы можем судить по имеющимся историческим данным, в этот период в Китае образовалось уже вполне организованное феодальное государство, сформировался вполне определенный и устойчивый государственный и общественный строй. Как известно, чжоуские короли играли роль верховных сюзеренов многочисленных владетельных феодалов, управлявших своими собственными владениями. В начале Чжоу таких владетелей было 71. Как это характерно вообще для феодализма, среди этих феодалов образовалась своя специальная иерархия, определяемая размерами владений. Наиболее крупные владения — от 100 кв. ли назывались герцогствами и маркизатами; владения от 70 кв. ли — графствами; от 50 кв. ли — виконствами и баронствами³. Владетельные синьоры носили в связи с этим титул герцогов (*гуи*), маркизов (*хоу*), графов (*бо*), виконтов (*цзы*) и баронов (*нань*). Все они считались вассалами чжоуских королей. Владетельные синьоры меньших рангов, т.е. владетели меньших земель, считались вассалами этих владетельных князей.

Это феодальное государство имело и свое центральное правительство. При чжоуских королях функционировал специальный аппарат по управлению государством, состоявший из шести ведомств (*лю гуань*), находившихся в ведении 6 министров. Эти ведомства назывались по явлениям природы: небо, земля, весна, лето, осень, зима. Был введен и особый земельный строй — т[ак] наз[ываемая] "колодезная" система⁴. Соответственно ей была установлена система налогов и повинностей. В области гражданского правопорядка была разработана система "церемоний"; светская система морального воспитания посредством музыки.

Большое внимание было уделено учебно-просветительной системе. Впервые в Китае появилась организованная школа. В столице чжоуских королей находилась Высшая школа — т[ак] наз[ываемая] *го сюэ* — "государственная школа" (иначе *биюн* или *чэнцзюнь*), предназначавшаяся для детей феодальных князей, а также — как гласит по крайней мере буква законов — и для наиболее талантливых из простого народа. В этой Высшей школе обучали четырём предметам: *ли*, *юэ*, *ши*, *шу* — нормам

общественного правопорядка, элементам нравственных вопросов, поэзии и истории. В стране были устроены низшие школы, т[ак] наз[ываемые] *сянсюэ* — местные школы, носившие разные наименования в зависимости от величины района: окружные школы (в *чжоу*) — *сюй*, сельские школы (в *дан* — административной единице в 500 дворов) — *сян*. В эти школы принимали детей местного населения, причем обучали их началам морали, а также правилам общежития (*ин-дуй*); приучали и к труду — мытью и уборке (*сасао*). В деревнях (*люй* — административном объединении из 25 дворов) учреждались деревенские школы (*шу*), должностные воспитывать в "добрых нравах" местное население. Конечно, нам не известно, в какой степени вся эта система существовала в действительности, но все же было бы совершенно неправильным утверждать, что все это оставалось только на бумаге — одним постановлением. Расцвет культуры и просвещения во вторую половину чжоуской эпохи — в периоды Чуньцю и Чжаньго, появление очень многочисленных кадров интеллигенции, расцвет литературы — все это не могло появиться без предварительной подготовки. Несомненно, школы эти — если и не вся их сеть, то многие — действительно существовали и делали свое дело.

Памятником литературы чжоуского периода является "Ши цзин". Как известно, в "Ши цзине" 305 песен. Традиционная версия, идущая от "Ши цзи" Сыма Цяня и "Хань шу", утверждает, что в древнем "Ши цзине" было собрано свыше 3000 песен, но Конфуций, произведший редакторскую работу над этим древним памятником, оставил только лучшие, достойные — по его мнению — внимания потомства. Таким образом эти 3000 песен оказались сведены к 305. Само собой разумеется, это утверждение является чисто голословным и не подкрепленным никакими доказательствами. Во всяком случае доподлинным фактом является только то, что помимо "Ши цзина" от этой древнейшей эпохи мы имеем только две небольшие песни, так что все известные нам поэтические древности сосредоточены в одном только этом памятнике⁵.

За исключением пяти песен (т[ак] наз[ываемых] "Шан сун"), все песни "Ши цзина" относятся к эпохе Чжоу. Хронологически они охватывают периоды времени с Вэнь-вана и У-вана до Чуньцю. Территориально они все относятся к бассейну Хуанхэ. Таким образом, и по времени, и по месту эти песни являются продуктом чжоуской эпохи, продуктом чжоуской культуры.

Все песни "Ши цзина" делятся на три группы: в первую группу входят народные песни ("Го фэн"), собранные в различных местностях чжоуского царства — в 15 княжествах, из числа включенных в его состав. Во вторую группу входят торжественные оды (*я*) — большие ("Да я") и малые ("Сяо я"), исполняемые при дворе во время торжеств и церемоний. В третью группу входят религиозные гимны (*сун*), исполняемые во время религиозных праздников. Все эти песни, оды и гимны были рас-

считаны на пенис, причем, вероятно, всегда в сопровождении музыкальных инструментов.

О происхождении этой древней антологии сказать что-либо с точностью трудно. Несомненно только одно: это то, что эта самая антология носит официальный характер и тесно связана с дворцом как с местом пребывания правительства и местом всех главных государственных и религиозных торжеств и зрелищ. Об этом говорят оды и гимны "Ши цзина". Что же касается народных песен, попавших в "Ши цзин", то вполне возможно, что они были собраны специальными лицами, которым это было поручено правительством. Это объяснение подкреплено двумя фактами, с одной стороны, мы знаем, что при чжоуском правительстве существовала должность *цай ши* — "собиратель песен", в обязанности которого было разъезжать по стране и собирать народное творчество, которое затем подвергалось изучению как материал, могущий дать представление о нравах народа, его радостях и горестях, о его жалобах и желаниях, а этот материал служил для правительства лучшим показателем и общего состояния страны, и умонастроений народа, что было важно для выбора правильной политики по отношению к нему; с другой стороны, мы знаем, что такое изучение мест вообще было одним из характерных действий древних монархий. Так, например, в Японии в начале японской государственности была предпринята громадная для того времени работа по "описанию земель и нравов", т. е. исследование географического, экономического и демографического положения отдельных районов страны и изучение населения — его нравов, обычаев, верований, обрядов, легенд и сказаний, распространенных среди него, и его творчества -- песен⁶. Так что нет никакой невозможности и в том, что и отдел народных песен "Ши цзина" создавался в том же порядке.

Эти песни представляют замечательные образцы народного творчества в древнем Китае. По форме большинство из них — четырехсложны (= четырехсловны); количество трех- и пятисложных — очень невелико. Как известно, столь распространившийся впоследствии размер китайской поэзии — пяти- и семисложный — возник только в период Хань, так что основным размером древней китайской поэзии, и притом поэзии народной, приходится признать четырехсложный. Содержание их разнообразно, но в своем подавляющем большинстве это — лирическая поэзия, воспевающая любовь, свободный брак, поэзия простая, безыскусная и в то же время прямая и искренняя, свободно говорящая обо всем, что касается любви, но всегда чистая и непосредственная, без всякого привкуса, с одной стороны, какого-либо морализаторства, с другой — какой-либо развращенной эротичности; вместе с тем это любовная лирика вполне земная, конкретная, лишенная всяких элементов мечтательности.

Любовная лирика преобладает среди песен "Ши цзина". На втором месте идут песни земледельческие, охотничьи. Есть и песни воинские,

боевые, воспевающие ратные подвиги, победное возвращение к себе в родные места. Есть песни и племенные, отражающие неприязнь к чуждому племени. Сильно распространен мотив "неба" — как о создателе и правителе Вселенной. Все представления древних китайцев о божестве как о создателе и правителе персонифицировались в образе "неба". В "Ши цзине" небо порождает весь народ (*шэн чжэн минь*); оно возвещает свою "волю", "повелевает" царям, как например, Вэнь-вану. Он находится "под надзором (*цзянь ся*) неба". Так в "Ши цзине" отражены и религиозные представления древних китайцев.

Образцом любовной лирики может служить самое первое стихотворение "Ши цзина" ("Гуань-цзюй"). К числу самых распространенных поэтических приемов "Ши цзина" принадлежит соединение мотива любви с мотивом природы. Этот прием, столь характерный для японской лирики "Манъёсю"⁷ и в дальнейшем для всей хэйанской любовной лирики, представлен в "Ши цзине" в богато разработанном виде. На этом приеме построено и первое стихотворение "Ши цзина". Формы его применения различные: то это — два параллельно развиваемых образа, соединенные между собой какой-нибудь ассоциацией, то — аллегорическое использование образа природы для передачи образа любви, то — поэтическое сравнение и т. п. Разработка этого приема очень искусна, тонка, основана на большой поэтической наблюдательности и поэтическом чувстве и всегда очень точна.

Такая разработка мотивов природы встречается не только в соединении с любовной лирикой: природа широко представлена и в песнях — целительных, охотничьих и вообще во всех тех, которые посвящены труду крестьянина. Такова, например, песня о дровосеке ("Фа му") в отделе "Малые оды" ("Сяо я"). В подобного рода песнях мотив природы соседствует с основным мотивом песен — мотивом труда.

Из стилистических приемов "Ши цзина" особенно отчетливо выражены случаи параллелизма и повторения. Равным образом полностью представлена и рифма. Таким образом "Ши цзин" представляет замечательное соединение древнего народного песенного творчества, а также ранней литературной поэзии — с высокими художественными достоинствами и с огромным историко-культурным значением: это — подлинное зеркало своей эпохи, народной жизни, быта, страстей и чувств китайского народа в древности, "Ши цзин" для Китая то, что составила для Японии любовная лирика "Манъёсю".

Как было сказано выше, "Ши цзином" в сущности ограничивается то поэтическое наследие, которое осталось от древнего Китая. Из прочего до нас дошли только — песня Бо И — "Цай вэй ге" и песня Цзи-цзы -- "Май сю гэ". Первая написана четырехстопным размером, вторая состоит из чередующихся длинных и коротких строчек и является таким образом родоначальницей подобного рода стихотворений в дальнейшем.

В чжоуское время довольно значительное развитие получила и проза. Однако она не относится непосредственно к художественной литературе: все это — официальная, правительственная литература. Автором этой прозы, таким образом, выступали представители верхнего правящего слоя, либо высокие сановники двора, либо наиболее могущественные из князей. До нас дошло только то, что попало в "Ши цзин", а именно: несколько произведений, приписываемых Чжоу-гуну — "Му ши", "Да гао", "Цзинь тэн", "До ши", "У и", "Ли чжэн"; один текст "гао", связываемый с именем Вэй-цзы, Цзюнь Ши — приписываемый Шао-гуну, и наконец, знаменитый "Хунфань", приписываемый Цзи-цзы. По своему характеру эти доклады обычно подразделяются на 6 групп: *дянь, мо, сюнь, гао, ши, мин*; но по сути дела это не более, чем две триады: царские манифесты и указы и доклады сановников. Образцом стиля этих докладов может служить текст "Хунфаня", торжественный слог которого, построенный на параллелизмах, прекрасный ритмичностью, выраженной в значительной мере в форме обрядов, может быть отнесен к образцам риторической художественной прозы. Между прочим, по своему идейному содержанию "Хунфань" явился в дальнейшем провозвестником большинства основных идей конфуцианства — в области политики, права и морали. В частности, отсюда берет свое начало известная доктрина "владельческого пути" — *ван дао*.

Период Чуньцю

Как известно, последний период чжоуской династии ознаменовался полным упадком власти чжоуского королевского дома и обособлением в связи с этим отдельных феодальных княжеств, постоянно превращавшихся в совершенно независимые владения, ведущие свою собственную и внутреннюю, и внешнюю политику. Чжоуский король по-прежнему считался верховным сюзереном князей, но его власть постепенно стала номинальной. Более того, с течением времени многие из князей разорвали даже эту номинальную связь и сами приняли титул королей.

Такое положение вырисовалось уже в IV-V в. до н. э., т. е. в тот период, который описан в известной летописи Чуньцю и который носит поэтому в истории наименование периода Чуньцю. В начале этого периода чжоуское королевство раскололось на 12 враждующих друг с другом княжеств, но и в дальнейшем в связи с исчезновением одних, более слабых княжеств, поглощенных более сильными, либо же в связи с подчинением этих слабых более могущественным, на исторической сцене оказались главным образом пять крупных княжеств — Ци, Сун, Цинь, Цзинь и Чу, борьба между которыми за гегемонию и составила основное политическое содержание эпохи. История сохранила имена "пяти тиранов" — Хуаня, герцога циского, Сяня, герцога сунского, Му, герцога циньского, Вэня, герцога цзиньского, и Чжуана, принявшего даже титул короля чжуского. Есть другая версия: вместо сунского Сяня ставится гер-

цог юэский Гоу-цзянь. Каждый из них претендовал на роль гегемона среди князей, стремясь тем или иным способом подчинить их своей власти или своему влиянию, и на некоторое время действительно успевал — либо военным, либо дипломатическим путем значительно усилить свое княжество.

В дальнейшем эта конфигурация сил, в связи с распадом некоторых крупных княжеств на отдельные независимые части, изменилась, и вместо 5 крупных княжеств на сцене истории появилось семь. Из прежних княжеств сохранились Ци, Чу и Цинь; княжества же Сун и Цзинь в силу внутренней борьбы отдельных феодалов в них -- распались и на их месте образовались новые княжества — Янь, Вэй, Хань и Чжао. Эти семь княжеств вели между собой неустанную дипломатическую и военную борьбу, которой и заполнены последующие века китайской истории — IV-III в. до н. э. включительно до образования в 221 г. Циньской империи, на время снова полностью объединившей весь тогдашний Китай. Эти века вошли в историю под именем "периода Чжаньго" — "брани царств".

Как период Чуньцю, так и Чжаньго, ознаменовались не только вассальной борьбой этих княжеств, борьбой, которая велась и идеологическими, и дипломатическими, и военными средствами, не только внутренней борьбой семи княжеств, но и необычайным развитием политической жизни вообще, а в связи с этим — огромным развитием общественного движения, охватившего очень широкие слои китайского населения. Это движение сопровождалось бурным ростом общественной мысли в области политики, экономики, права, этики, военного искусства. Оно выдвинуло и целый слой интеллигенции, выступившей во всех указанных областях и как идеологи, и как политические деятели. В связи с этим огромное развитие и значение получила литература. Эпохи Чуньцю и Чжаньго ознаменовались и блистательным расцветом китайской литературы. Эта литература ближайшим образом касается истории общественной мысли в Китае, но вместе с тем в ней немало элементов, могущих быть рассматриваемыми и под углом художественного творчества. История общественной мысли в Китае в это время знаменательна не только силой и широтой своего развития. Она замечательна и тем, что в ней нашли свое отражение две струи, идущие из двух национальных источников. Одним источником был китайский народ, с его уже тогда многовековой культурой; другим источником была Индия с ее уже в то время блестящей и многосторонней цивилизацией, во многих отношениях превосходившей китайскую. Китайская культура, китайская мысль оказались обогащенными элементами чужеземной культуры, чужеземной мысли, сумевшей и дополнить недостающее в самом Китае, и быть толчком новых явлений.

В том, что древняя культура эпохи Чжоуского царства имела отношения с Индией, не может быть никаких сомнений. Проф[ессор] Фуд-

зита, исследовавший этот вопрос, приводит ряд мест в древних китайских источниках, свидетельствующих о наличии этих сношений⁸. Так например, в "Люйши чуньцю", т. е. сочинении, излагающем историю как раз этого периода, содержится указание на то, что во время Чжоугуна в междоусобных войнах тех лет в войне применялись боевые слоны, что могло быть только при условии сношений с Индией ("Люйши чуньцю", гл. "Гу юэ пянь"). В "Чжаньго цэ" — истории периода Чжаньго упоминаются кресла из слоновой кости, доставляемые из Индии ("Чжаньго цэ", цзюань 4, "Ци цэ", разд. 6.). Эти, а также другие данные, приводимые Фудзита, заставляют считать наличие сношений несомненным, причем эти сношения велись через земли "южных дикарей" и "восточных варваров". Не менее явственно индийское влияние сказывается в области идей: если в Китай того времени проникали из Индии элементы материальной культуры, вполне допустимо считать, что могли проникать оттуда и различные умственные течения. Свое наиболее яркое выражение они нашли в философии Лао-цзы и Чжуан-цзы. (Об этом см. Такасу Есидзиро "Росо тэцугаку то индо сисо")⁹. Если считать правильным указание Сыма Цяня в его биографии Лао-цзы, что этот философ был родом из уезда Кусянь в княжестве Чу, то это значит, что он вышел из страны "южных дикарей", т. е. как раз из тех мест, в которых "Люйши чуньцю" отмечает использование в войне боевых слонов. А это делает тем более возможным влияние на него идейных течений, идущих из Индии. Анализ содержания учения Лао-цзы делает это индийское влияние совершенно естественным. Как известно, основная концепция Лао-цзы выражается в идее "небытия" (*у*). Все существующее рождается из бытия (*ю*), само же бытие рождается из небытия. Лао-цзы утверждает далее, что "началом Неба и Земли" является "безымянное" (неназываемое) (*у мин*). Но при этом следует помнить, что "небытие" у Лао-цзы не есть "небытие" феноменологического мира (*ча бе цзе*); это не есть и небытие вообще всего, "всеобщее небытие" (*цзе у*). Он употребляет слово "небытие" только потому, что у него нет вообще никаких слов для того, чтобы как-нибудь назвать, обозначить мировой абсолюте, абсолютность жизни вселенной. Его "небытие" есть всеобщее отрицание и вместе с тем всеобщее утверждение. Такая трактовка "небытия" почти полностью совпадает с понятием "небытие" в буддизме.

Буддизм утверждает принцип "отречения я" (*у во*). Но это означает лишь отрицание личного, т. е. мелкого, ограниченного "я" во имя утверждения сверхличного, великого безграничного "я". Идея "небытия" развивалась и в Упанишадах. Упанишады, характеризуя мировую субстанцию, снабжают ее только отрицательными определениями: «То, что святыне называли "неразрушимым" -- ни грубо, ни тонко, ни коротко, ни длинно, ни пресно, ни влажно: у него нет света, нет тени; это -- не ветер (воздух? *фэн*), это и не пустота (*хун*); он не имеет ни вещей, ни денег, ни глаз, ни ушей; у него нет речи, нет сознания (*цзюе*), нет жизненной

силы, нет жизненной энергии (*ци*), нет измерения (*ду*), нет внутренней стороны и внешней. Оно ничего не уничтожает; и ничто его не уничтожает». Разве эти слова не напоминают рассуждения Лао-цзы?

В "Чжун гуань лунь" содержится такая характеристика абсолюта: "Он не рождается, но и не умирает; он не вечен, но и не прерывается; он не один, но не различен; он не приходит, но и не уходит".

Сопоставьте это со следующими словами Лао-цзы: «Существует вещь; она находится в состоянии смещения. Она родилось прежде Неба и Земли. Она одинока (*цзи*) и недвижна (*ляо*). Она самостоятельна и не изменяется. Она распространяется повсюду и не сходит на нет. Поэтому ее и можно назвать матерью Поднебесной. Я не знаю ее имени. Обозначая ее письменным знаком, я называю ее "Дао". Если насильственно назвать ее имя, то это будет "Великое". Человек сообразуется с Природой (самоестеством *жань-жань*)».

Таковы мысли Лао-цзы. И эти мысли повторяются у него в разных вариантах. Он без усталости моделирует эту свою характеристику мирового абсолюта.

"Дао — оно неуловимо, непостигаемо"; "У Дао нет постоянного имени"; "Оно неуловимо, непостигаемо, но в нем есть образ (*сян*). Оно неуловимо, непостигаемо, но в нем есть предмет (*у*). Оно глубоко и темно, но в нем есть *цзин*. Это *цзин* есть наивысшая действительность (*шэнь чжэнь*)"; "Дао рождает одно. Одно рождает два. Два рождает три. Три рождает все существующее (*вань-у*)". Таким образом, по мысли Лао-цзы, все существующее рождается из некоей мировой жизни, которую он называет Дао. Но это название — чисто условное, данное лишь для того, чтобы как-нибудь назвать. На самом же деле эта мировая жизнь есть ничто; она не имеет названия. Она есть только "не...", всякое "не". Неправильно даже сказать, что она "не", это будет уже определение, имя, название, характеристика. Она не "не". Но и это не верно. Это также уже характеристика, предикат. Она не "не" "не". И это опять не верно... И так далее. Короче говоря, эта мировая жизнь, мировой абсолют представляют собой абсолютное не, абсолютное отрицание, а следовательно, и абсолютное небытие. Но в то же время это абсолютное "не", т. е. абсолютное отрицание, есть и отрицание этого отрицания, т. е. есть и абсолютное "да", абсолютное небытие есть в то же время абсолютное бытие. Но и это не есть определение мировой жизни. Она не может быть вообще определена нашими категориями, категориями нашего феноменологического мира. Она находится за его границами, она переступает грань бытия и небытия мира феноменологии. Она не есть ни бытие, ни небытие. Вообще о ней ничего сказать нельзя. Разве подобные мысли не повторяют полностью мысли Упанишад?

В несколько другом плане эта абсолютная жизнь есть неделание (*у вэй*). Но это не верно: оно не есть неделание, а следовательно, она есть делание (*ю вэй*). И опять: это делание есть неделание и т. д. Словом, и с

этой стороны все характеристики мирового абсолюта являются лишь относительными: мировой абсолют можно охарактеризовать двумя прямо противоположными признаками, и оба они будут и верны, и неверны.

Такое определение мирового абсолюта и, следовательно, истинного бытия, чрезвычайно близко к той концепции абсолюта, которая фигурирует в различных толках буддизма. Так в буддизме Махаяны (*Да чэн*) такая концепция — *чжэнь жу ши сянь*; в буддизме Кэгон (*Хуаянь*) такая концепция — *лю сянь юань жуи*; в Тэндай — *сань ди юань жуи*; в других школах буддизма — концепции *ши ли у ай фа цзе* или *ши ши у ай фа цзе*. Трактаты, к которым прибегает Лао-цзы, другие, но мысли, в них заложенные, почти полностью совпадают с этими концепциями, особенно с концепцией буддизма Махаяны. И такое направление мысли так отлично от того, что мы находим в Китае в качестве национально китайского, что невольно закрадывается мысль о чужеземном происхождении этих идей.

Буддизм, как известно, говорил о нирване и, говоря о ней, постоянно употреблял понятие "пустота". Буддизм вообще утверждает принцип "отсутствия я", а вместе с ним и принцип полной отрешенности от всякого бытия и сознания. В сутре "Вэймоцзи сошоцзин" (*Vimalakīrti-nirdeśa-sūtra*) имеется такое место: "Я удостоен лицезреть Будду. У него нет явного облика, нет и различных обликов; у него нет своего облика, нет и чужого облика; он не без облика, но он и не с обликом; он не этот берег, но он и не тот берег. И он зрит небытие (*цзи ме*) и в то же время он не вечен. Он не это, он и не то. Он не делается этим, но не делается и тем. Его нельзя постигнуть разумом, его нельзя познать знанием. Он не темн, он не светел; у него нет имени, нет облика; он не сила, он и не слабость; он не чистота, он и не грязь (скверное); он не квадратен, он и не неквадратен; он не делимый, он не неделимый. На него нельзя указать, о нем нельзя говорить... Он не есть разум, он не есть и неразумие; он не есть истина, не есть и обман; он не приходит, он и не уходит; он не уходит, он и не входит. Все слова одинаково пресекаются (*янь юй тун дуань*)". Эта идея невозможности как-либо определить Будду, т. е. состояние нирваны, совершенно совпадает с мыслями Лао-цзы о Дао.

Очень близки идеи Лао-цзы об отрешении от мира и от жизни с идеями Упанишид. Лао-цзы требовал отказа от всяких желаний и страстей, требовал отрешения от низменного разума. Отрешение от этого всего достигается слиянием с абсолютной жизнью, с этой единственной подлинной реальностью. Совершенно те же требования ставит "Кāтака ѓисё" (*аоишу*)¹⁰, когда говорит: «Разумом и наукою и "Фэйто" ("Веда") нельзя обрести (*дэ*) свое я». То же говорят и все шастры (*аоишу*) вообще: все они требуют отрешения от мира и жизни (*цзе-то*) и путь к этому видят в подавлении всяких чувств, в состоянии полнейшего покоя. бегстве от света, в самоограничении (*цзы чжи*). О смысле этого отрешения Лао-цзы говорит такими словами: "Кто знает, тот не говорит, кто гово-

рит, тот не знает. Он заграждает путь к себе, он закрывает свои ворота. Он ломает свое острие, он умеряет свой свет, он соединяется со своей пылью. (Это называется *сюань тун*). Поэтому с ним нельзя сблизиться, от него нельзя и отойти; от него нельзя иметь пользы, от него нельзя иметь и вреда. Его нельзя уважать, его нельзя и презирать. Поэтому он и есть достойнейшее (*гуй*) в Поднебесной". Эти слова характеризуют сознание той высшей и наиболее полной духовной свободы, которая достигается отрешением от всего земного и человеческого. И эта свобода есть нечто всеобъемлющее, несоизмеримое ни с чем, что есть в этом мире, в мире земного.

О той же бесконечной всеобъемлющей свободе как результате отрешения от мира, говорит и шастра "Масодака ёгисё (*аоишу*)"¹¹: "Речная вода вливается в море. Она утрачивает и свое название, и свой цвет. Так же и святой (совершенный *шэн-чжэ*): он отрешается от имени и цвета и достигает Высшего Я".

Далее Лао-цзы говорит о "чистоте" как о "правде Поднебесной"; говорит о "высшем добре", о том, что "защита слабости есть сила", и эти мысли совпадают с идеей "чистоты помыслов" в буддизме, с идеями сострадания и милосердия. Так что и в практике мысли Лао-цзы совпадают с буддизмом. Правда, Лао-цзы не употребляет выражения "отрешение" (*цзе то*), но высказывает эту же идею, только другими словами.

Эти немногие сопоставления с несомненностью свидетельствуют о том, что идеи, развитые в Китае Лао-цзы, навеяны Индией. Еще более явственно это влияние у Чжуан-цзы. Его учение о *лунь-хуэй* — "круговороте" почти полностью совпадает с буддизмом. Таким образом, становится совершенно ясным присутствие в китайской культуре времени Чуньцю-Чжаньго весьма мощной индийской струи.

Самобытная мысль

Полную противоположность Лао-цзы представляет Конфуций. Если учение Лао-цзы есть учение о том, что вне этого мира, учение Конфуция есть учение именно об этом мире. Лао-цзы требует отрешения от всего мирского, от себя, Конфуций требует деятельности в этом мире и самоутверждения в нем. Лао-цзы ищет истинное бытие в трансцендентальном, а Конфуций — в феноменологическом. Лао-цзы отрицает разум как орудие познания, Конфуций утверждает его.

Конфуций совершенно не вдается в какие-нибудь философские рассуждения по поводу истинного бытия, по поводу абсолюта, пусть даже в облике божества. Единственное, что у него несколько напоминает эти идеи, это концепция "Неба" (*тянь*). Но как он о нем говорит! Он говорит о том, что Неба следует бояться, следует его чтить, следует повиноваться его велениям. Но далее этого не продвигался и не шел. Другими словами, его не интересует природа этого Неба, характер этой реальности; его интересует только то, как нужно себя вести по отношению к

этому Небу, т. е. вопрос чисто практический т[ак] | ск[азать] |, деловой. Поэтому у него наибольшей разработке подверглось учение о "небесном велении", о "небесном промысле", т. е. о тех сторонах Божества, абсолюта, Неба, которыми оно обращено к миру — миру не созерцаний, а действий, миру практического поведения.

"То, в чем проявляется Путь, есть повеление. То, в чем ниспровергается Путь, есть повеление"; "На небо не ропщут, людей не винят", — говорит он про "совершенных людей". "Маленький человек не знает небесного веления и не боится". "Пятидесяти лет я познал небесное веление", — в таком чисто утилитарном плане говорит Конфуций о "небесном промысле" — Провидении.

Такая "земная" устремленность пронизывает все учение Конфуция. Как известно, центральной идеей его является концепция "человечности", "гуманности". Как бы ни толковать эту концепцию, сущность ее остается одной и той же: это есть высшая норма общественного и личного поведения человека в обществе. Само понятие "гуманность" содержит в себе признак именно "человеска", "человеческого". А это имеет место и может осуществляться только среди людей, т. е. в этом земном мире.

Следующей важнейшей концепцией Конфуция является идея "искренности и сочувствия". И эта идея опять-таки сугубо земная, возможная только в человеческой среде, в этом мире, в процессе человеческого общения. Идеалом для Конфуция является человек, который воплощает в себе эти начала — гуманность и сочувствие. Он называет такого человека *цзюньцзы*, т. е. "человек-господин", "благородный муж". Это значит, что идеалом человека для него является носитель чисто человеческих начал, деятель в человеческом обществе. Поэтому он и награждает далее такого человека чисто человеческими качествами: гармоническим соединением разумности, гуманизма и мужества. Поэтому он видит главную обязанность человека-господина в делах добра. И, наоборот, считает, что предаваться "пустословию" (*кун лунь*) и "словоизвержениям" (*фан янь*) недостойно *цзюньцзы*. А под "пустословием" Конфуций понимает всякие бесполезные рассуждения о "сути вещей" и т. п.

Такова практическая сторона учения Конфуция. Он требует от людей добродетельного поведения, провозглашает принцип беспристрастия и нелицеприятности т[ак] | наз[ываемой] | "срединности". Он высоко ставит положительное учение, говорит о необходимости просвещения. Очень большое внимание уделяет политическим вопросам — вопросам управления государством и т. д. Не меньшее внимание уделяет семье, устанавливая, как лучше всего существовать семье... Все это свидетельствует о полной противоположности установок Конфуция от установок Лао-цзы, полной противоположности задач и методов их доктрин. И если считать, что направление Лао-цзы отражает индийское влияние, придется признать, что в направлении мысли Конфуция ничего от Индии нет. Линию Лао-цзы продолжают, как уже сказано, Чжуан-цзы и

Ле-цзы. Линию Конфуция продолжает Мэн-цзы. В плане чисто утилитарного мышления остаются и другие мыслители этой эпохи, независимо от того, примыкают они к конфуцианству или нет. Таковы Сюнь-цзы, Ян-цзы, Ханьфэй-цзы, даже Мо-цзы — с его учением о "всеобщей любви", не выходящие за пределы теории, трактующей именно человеческую жизнь, жизнь общественную, мирскую. Все эти мыслители думают об одном: о наилучшем устройстве этого мира и о создании идеальной для этого мира человеческой личности.

Таким образом, история древней китайской литературы, первые шаги этой литературы демонстрируют крайне характерное явление: наличие иностранного влияния. Это влияние при этом идет из Индии, т. е. из страны с еще более древней цивилизацией, чем Китай, из той страны, в которой уже существовала не только вполне сформировавшаяся, но и весьма развитая литература. Это влияние идет из страны, за литературой которой скрывается богатая и сложная человеческая мысль, глубокая и всеобъемлющая идеология, сопряженная с высоко развитой общественной жизнью и сложной человеческой психикой. Иначе говоря, за этой литературой скрывалась мощная общественная культура, построенная народом, прошедшим уже большой и трудный путь развития. Совершенно естественно, что поскольку китайцы сталкивались с этим народом, постольку они не могли не поддаться влиянию его культуры и в области материальной, и в области духовной. Особенно большое впечатление на примитивное еще сознание произвела мощная философская мысль, нашедшая свое воплощение в Упанишадах, а также в буддийских сутрах и шастрах. Она направила ум в Китае в сторону философского спекулянта, в сторону философского осознания самих основ бытия... Так родилась философия Лао-цзы и Чжуан-цзы.

Но эта же самая спекулятивная индийская мысль нашла свое выражение в Индии в форме, сопряженной с поэтическим творчеством. Упанишады не только философия, но и поэма. Многие буддийские сутры — вроде, например "Vimalakīṭi" ("Вэймо цзин") представляются настоящими образцами художественной прозы: это отчасти — литературный рассказ, отчасти стихотворение в прозе. Такие же вещи как "Саддхарма пундарики" (=сутра "Фахуа цзин") может с полным правом быть названной эпической поэмой. Поэтому влияние идеологической литературы и объединялось с влиянием художественной литературы. Поэтому книга Чжуан-цзы и может считаться принадлежащей к разряду художественных произведений: это собрание рассказов, притч, поэм в прозе — высшего художественного уровня. Такого же типа и книга Ле-цзы.

Все это свидетельствует о том, что если история литературы какого-нибудь народа начинается с его собственного творчества — с фольклора, то в дальнейшем, при образовании письменной литературы, оказывается необходимостью чужеземная прививка — влияние чужой, более высокой литературы. Из соединения и взаимодействия этих двух струй —

своей самобытной и чужой, занесенной извне, и рождается то, что может быть названо уже литературой в узком смысле этого слова.

Совершенно аналогичное явление имело место и в истории японской литературы. Она началась с фольклора — с песен Манъёсю. Но в дальнейшем на развитие поэзии сильнейшее влияние оказала поэзия чужой страны — Китая: именно это влияние помогло народному песенному творчеству превратиться в литературную поэзию. Точно такой же процесс имел место и в художественной прозе. "Фудоки" (а отчасти и "Кодзики")¹² хранят в себе первыеробразы повествовательного жанра — литературный рассказ, но там он носит еще главным образом либо характер легенды ("Фудоки"), либо характер мифа ("Кодзики"). Первым произведением художественной повествовательной прозы считается "Такэтори моногатари"¹³; это уже переход от фольклора к литературе. И этот переход совершился под сильным влиянием чужой литературы: общеизвестно, что метрика большей части рассказов "Такэтори" заимствована либо из буддийской повествовательной литературы (буддийские сказки), либо из китайской художественной прозы — и в первую очередь из книги Чжуан-цзы. Таким образом, Индия участвовала в формировании художественной прозы и в Китае, и в Японии.

Конфуций

Из тех двух линий идеологической литературы — даосской и конфуцианской, — которые определились в период Чуньцю, для истории художественной литературы неизмеримо большее значение имеет первая — даосская. Художественно-литературные качества произведений конфуцианцев — "Лунь юй" и даже "Мэн-цзы" — не могут идти в сравнение с тем, что дает в этом смысле такая блестящая книга, как "Чжуан-цзы". Строго говоря, историю художественной прозы в Китае вполне можно начинать именно с этой книги. Такое явление вполне понятно: гораздо большее литературно-художественное значение имела и могла иметь та литература, которая была обогащена чужеземным влиянием, которая имела перед собой художественные образы, в первую очередь образы художественной поэмы в прозе — Упанишады и художественно-повествовательной прозы — буддийских сутр и шастр, а также джатаки. Интересно, что и в недаосской литературе того времени более художественно значительными являются те произведения, которые создавались под известным влиянием Лао-цзы и Чжуан-цзы. Такова, например, книга Хань Фэй-цзы. Конфуцианцы скорее мешали свободному развитию художественной литературы, чем стимулировали его. Утилитарно-догматический диалог, который с самого начала был свойственен конфуцианцам, очень скоро связал живую мысль и направил ее по пути схоластики. Живой импульс китайское художественное творчество получало всегда не от конфуцианцев, а от даосов и буддистов.

Это положение находит свое очень яркое подтверждение в истории т[ак] наз[ываемого] "Танского ренессанса". Расцвет танской литературы, в первую очередь поэзии, получился именно благодаря даосизму и буддизму. Известно, что все великие поэты этой эпохи находились под влиянием либо Лао-цзы и Чжуан-цзы, либо буддизма и его художественной литературы. В рамках конфуцианской схоластики с ее нравственно-догматическим содержанием трудно было поместиться живому творческому вдохновению. В лучшем случае получались схоластические вирши, а не поэзия. Нужна была в первую очередь духовная свобода, ничем не стесняемое вдохновение, и оно находило лучшую пищу для себя не в "Лунь юе" и "Мэн-цзы", а в книгах Чжуан-цзы или же в поэтической сутре. Великими писателями танской эпохи были Хань Юй и Лю Цзунюань. Первый из них был по своим воззрениям конфуцианцем, но в своем творчестве так далек от сочинений своих учителей, что его прозаические сочинения резко выделяются среди всей конфуцианской литературы. А в своих стихотворениях — это уже не конфуцианский схоласт, а опровергающий все рамки схоластики свободный творец-художник. Хань Юй — как писатель — именно потому и стал великим, что смог преодолеть в себе конфуцианскую схоластику и догматику.

О Лю Цзунюане — нечего и говорить. Этот великий поэт и прозаик по своим убеждениям был буддистом.

Таким образом, произведения конфуцианцев не входят в область художественной литературы. Они принадлежат истории общественной мысли, истории философии в Китае. И все же в этот начальный период китайской литературы мимо них пройти нельзя. Это была эпоха первого созревания художественной литературы, когда создавались ее основные элементы, начиналась линия ее будущего развития. В эту эпоху невозможно еще проводить грань между литературой художественной, с одной стороны, и публицистической, философской, научной, религиозной — с другой. Четкой дифференциации в этом смысле в это время не было. Совершенно естественно, что самостоятельное место занимала с самого начала поэзия: это обуславливается ее специфическим происхождением и характером. Что же касается художественной прозы, то она в свое время обособиться сразу не могла. Прозаическая литература в то время представляла род недифференцированного комплекса и различных видов литературы, различных жанров. Поэтому в орбиту внимания историка китайской литературы входит и должно входить такой произведение как "Лунь юй".

Конфуций был родом из небольшого княжества Лу. Родился он в 10-ой луне 21-го года правления чжоуского Лин-вана в селении Цзоуи уезда Чанпин (-сян). В молодости он одно время служил мелким чиновником и, как передают его биографы, отличался большой служебной точностью и аккуратностью. Впоследствии он сумел выдвинуться и за-

нял в своем родном княжестве пост министра юстиции (*сыкоу*), причем влияние его было настолько велико, что его положение было в сущности равносильно положению премьер-министра: в его руках сосредоточилось все правление княжеством. Однако этот период государственной деятельности продолжался недолго. В силу разных причин ему пришлось оставить свой пост, отказаться вообще от чиновничьей службы и начать новую жизнь. Он обратился к деятельности учителя, наставника, проповедника. Начались долгие годы учительствования. Из Лу Конфуций переходит в Вэйское княжество, из Вэй идет дальше и так странствует из княжества в княжество, неустанно пропагандируя свои принципы, ведя беседы с князьями, собирая возле себя учеников. Его все же не покидала мысль о государственной деятельности. Он сознавал в себе реформатора общественного и политического строя и поэтому искал случая во всей широте применить свои принципы. Однако князья более или менее охотно беседовали с философом по самым важным социально-политическим вопросам, но не нашлось ни одного, кто склонен был бы отдать в его руки свое владение для его перестройки в духе учения этого странствующего мудреца. Поэтому Конфуций, возлагая такие надежды на "мудрого правителя", с помощью которого он смог бы осуществить свои идеалы, так и не нашел такого. Потеряв таким образом надежду видеть свое учение воплощенным в жизнь, он решил оставшуюся часть жизни посвятить его разработке и созданию себе пресмников. Поэтому он вернулся в свое родное княжество и весь отдался литературной работе — по редактированию древних книг, в которых он видел источник своих идей, собственным сочинениям — хронике своего княжества, и большой работе учителя и наставника. Умер Конфуций в 4-ой луне 41 года правления чжоуского Цзин-вана, 73 лет отроду¹⁴.

Само собой, что точной биографии Конфуция мы не имеем. Главным источником сведений о его жизни является биография, составленная Сыма Цянем и помещенная в его "Истории" (Ши цзи). Насколько факты, сообщаемые Сыма Цянем, верны, — сказать трудно: у нас нет никаких данных для того, чтобы проверить Сыма Цяня. Но если считать "Лунь юй" хоть в какой-либо мере произведением аутентичным, облик Конфуция в гораздо большей степени дает не эта биография, а именно этот памятник. Он дает и ряд внешних фактов биографии Конфуция и характеристик его окружения и его работы, и картину его внутреннего развития. Этот процесс внутреннего развития обрисован в "Лунь юе" с предельным лаконизмом, но в то же время с исключительной яркостью и образностью. Он дан в знаменитых словах, вложенных в уста самого Конфуция: "15-ти лет я устремился к науке. 30-ти лет — я установился. 40 лет я уже ничем не смущался. 50-ти лет я познал волю неба. 60-ти лет мой слух стал мне послушен. 70-ти лет я мог следовать желаниям (влечениям) моего сердца и не преступать закон".

Как свидетельствуют исторические факты, "Лунь юй" создан гораздо позже Конфуция и представляется, по-видимому, делом рук его учеников, притом не первого их поколения, а второго, и, может быть, даже еще более позднего¹⁵. Поэтому образ Конфуция, который в нем дан, есть идеализированный образ. Конфуций в "Лунь юе" идеализирован также, как идеализирован Сократ у Платона. И в этой своей идеализированности Конфуций и вошел в историю конфуцианства и всей китайской культуры вообще, причем чем дальше, тем эта идеализация принимала, естественно, еще большие размеры и большую силу.

Кроме того, и сам текст "Лунь юя", как опять-таки свидетельствуют исторические факты, не может быть признан аутентичным с начала до конца. В некоторых местах заметна некоторая бессвязность, свидетельствующая либо о нарушении порядка изложения, либо о выпаде отдельных фраз и даже абзацев. Есть места, подозрительные с точки зрения позднейших и разновременных интерполяций. Тот текст "Лунь юя", которым мы сейчас располагаем, есть текст, отредактированный Чжан Юем — ученым схоластиком конца Ханьской династии. Чжан Юй имел в своем распоряжении различные списки и провел, по-видимому, большую работу по очистке этих списков от позднейших напластований и искажений, и таким образом дал тот вариант, который считал наиболее аутентичным, если не самому Конфуцию, то ближайшим к нему поколениям его учеников.

"Лунь юй"

Несомненно, что тот текст "Лунь юя", который дошел до нас, является делом рук разных лиц, живших в разное время. Редакторская работа Чжан Юя не могла устранить явных противоречий, повторений, бессвязности некоторых мест, обусловленных либо нарушением последовательности, либо утратой кусков текста. Все это могло быть вызвано именно тем, что к тексту "Лунь юя" прикоснулись много различных авторов.

Хорошим примером противоречий может служить характеристика, даваемая "Лунь юем" Гуань Чжуну и Цзен-цзы: в одном месте они восхваляются, в другом — поносятся. Примером повторений служит фраза: "[совершенный человек — *Н. К.*] не печалится, что люди его не знают", данная два раза в том же самом виде. Особенно много вставок. Так, например, в главе "Яо юэ" совершенно явственно вставка из "Шу цзиня". О работе многочисленных авторов или редакторов говорит и отсутствие в "Лунь юй" стилистического единства. Это можно легко усмотреть в разнице стилей в первой половине и второй. Первая половина (главы "Сюэ эр" - "Шу эр") написана с чрезвычайной простотой, можно сказать даже лапидарностью стиля. И наоборот, вторая часть (главы "Тай-бо" - "Сянь цзинь") написана гораздо более "литературно", с некоторой претензией на художественность. Если первая половина отличается крат-

костью и точностью, то вторая уже страдает некоторой длиной и расплывчатостью мысли. Правда, равномерности в этих двух частях нет; и во второй части попадают места, по краткости и простоте напоминающие первую часть; такова, например, целая глава "Вэй Лин-гун". Но в целом все же стилистическая неоднородность "Лунь юя" идет именно в этом направлении. Поэтому возможно сказать, что над текстом этих более развитых частей сильно поработали позднейшие редакторы, для самого же "первоначального" "Лунь юя", т. е. для того, что создавалось в эпоху Чуньцю, характерны именно те части, которые характерны своей простотой, лаконичностью и ясностью. Таковы, например, следующие места "Лунь юя".

1. "Конфуций сказал: для того, чтобы управлять государством в 10000 колесниц, нужно быть осмотрительным в делах и беспристрастным, нужно быть умеренным в потребностях и любить людей, нужно соблюдать время в правлении, народе и работе".

2. "Конфуций сказал: младшие братья и сестры входят — и служат родителям, выходят и заботятся о братьях: они скромны и правдивы (*цзинь-синь*). Любите всех, любите гуманность, действуйте и, если у вас найдутся еще силы, учитесь просвещению (*зэнь*)".

3. "Цзы Ся сказал: если кто-либо, почитая мудрость, будет выражать это и в своем облике (*сэ*), если он, служа родителям, сумеет отдать этому всего себя самого, если он, общаясь с друзьями, будет правдив в своих словах, то пусть он и не будет учен науке, все равно я обязательно скажу про него, что он научен ей".

4. "Конфуций сказал: учиться и не размышлять — это темнота. Размышлять и не учиться — это опасность".

5. "Конфуций сказал: когда нужно говорить, а не говорят, теряют людей. Когда не нужно говорить, а говорят, теряют слова. Разумный (*чжи-чжэ*) не теряет людей, не теряет и слов".

Эти места могут дать представление о краткой афористической манере "Лунь юя". Большая часть "Лунь юя" — по крайней мере в первой половине — состоит из таких кратких, но выразительных и точных по мысли афоризмов, изречений, максим.

Лучшим местом "Лунь юя" считаются знаменитые беседы Конфуция с его учениками Цзы Лу, Цзэн Си и Гунси Хуа (в главе "Сянь цзинь"). Между прочим, это самый длинный связный пассаж во всей книге. Эти беседы отличаются от всех прочих разговоров Конфуция тем, что они показаны в самом непринужденном плане; мы видим в них учителя, мирно разговаривающего со своими любимыми учениками, ласково наставляющего их; видим учеников, то почтительно внимающих своему наставнику, то возражающих ему. Это действительно картина, исполненная жизни, и она в этом смысле очень контрастирует с сухими, в целом педагогическими "изречениями" учителя или подражающих ему учеников. В нем дана живая жизнь, слышится живая речь. Таковы общие замечания о "Лунь юе" как о литературном произведении. В целом,

как литературный жанр, этот памятник древнего конфуцианства относится к художественной литературе приблизительно так же, как относится к ней диалоги Платона, если отрицать, конечно, при этом неизменную художественную значимость этих последних. "Лунь юй" есть также в известной мере "Диалог", в котором переплетаются и элементы философских рассуждений, и элементы повествовательные.

Необходимо хотя бы в кратких чертах обрисовать и содержание "Лунь юя", а это значит — обрисовать содержание учения самого Конфуция, ибо "Лунь юй" является единственным памятником, в котором это учение изложено во всей его полноте. Центральной идеей "Лунь юя" является то, что Конфуций назвал словом "жэнь". Много сотен комментаторов и ученых билось над тем, чтобы раскрыть содержание этого понятия. Толковали его и как "любовь", и как "сострадание и милосердие", и как "добро". Но все дело в том, что какое бы слово ни подставляли под это "жэнь", всегда остается вопрос, почему же Конфуций, если хотел сказать словом "жэнь" "любовь", не сказал именно этого слова "любовь" (*ай*)? Почему, если он подразумевал под "жэнь" "добро", почему он так прямо и не сказал "добро"? Ведь все эти слова в китайском языке есть и были. Они встречаются и в самом "Лунь юе". И раз Конфуций указал повторять именно это слово, это значит, что он дал его единственно и неповторимо — в смысле выражения его мысли. Поэтому "жэнь" есть "жэнь" и ничего более. Это есть то, что присуще самой природе человека, что делает человека человеком, "человеческое" Я человека, его специфический признак.

Однако, и это характерно для всей установки конфуцианства, — это "человеческое" в человеке берется Конфуцием отнюдь не в плане какой-то материальной сущности человеческой природы. Конфуций стоит на точке зрения, что человек — поскольку он является человеком, может быть человеком, т.е. являться самим собой, только когда он "человек", т.е. когда он может выявляться как человек. Но где он может выявляться как человек? Конфуций отвечает: только в человеческом обществе. Конфуций этого не говорит, но это следует из всего хода его мысли: человек, предстоящий, скажем, божеству, обращается к нему уже не своей человеческой стороной, а божественной; предстоящий природе, он обращен к ней своей естественной, физической стороной. И только к человеку обращена его "человеческая природа". А она и есть специфика его, т.к. "божественное" в нем не есть его специфика, естественное в нем не есть его специфика. Поэтому "человеческое начало" в человеке есть, по Конфуцию, общественное начало.

Соответственно этому и выявляется эта "человеческая природа", т.е. деятельность человека есть общественная деятельность и иной быть не может по самому существу дела. Эта деятельность человека как "общественного животного" (в этом смысл основных установок обоих мудрецов — Конфуция и Аристотеля — совпадает) проявляется прежде всего

на себе, затем на обществе, государстве. При этом эта деятельность обращается на себя и как на самодовлеющую в своем внутреннем содержании и развитии индивидуальность, и как на общественную личность. Важно работать над собой именно в плане создания в себе высокой общественной личности. В чем же заключается работа над собой? Конфуций говорит: надо учиться "преодолевать себя" (*кэ цзи*), т.е. полностью владеть своими чувствами, страстями, эмоциями и "следовать норме" (*фу* ли. Берем, например, *фу* в редакции *фу* — "ступать" — *Н.К.*). Не трудно видеть, что это требование имеет целью устранение из человеческих отношений всего личного, пристрастного, диктуемого не реальным содержанием дела, обстановки, самих взаимоотношений, а чем-то посторонним, отказом от привнесенных извне элементов. Коротко говоря, поведение человека во всех случаях должно точно вырастать из сути дела с обществом, быть адекватным этой сути.

Но как этого достигнуть? Как увидеть, например, что гнев в данном случае не оправдывается сутью дела, а является делом самого чувства? Где найти критерии для своих поступков? Конфуций не мог предоставить каждому решать этот вопрос. Ведь это привело бы к тому, что решений было бы множество, и они были бы разные. А это означало бы как раз то, что хочет избежать Конфуций, а именно: внесения личного и случайного, обусловленного складом характера, темпераментом данного человека. Поэтому нельзя человеку предоставить решать самому. Он должен иметь какое-то руководство, за которым он признает объективное значение: Конфуций это руководство и видит в "нормах"

Понятие "норм" очень сложно в устах конфуцианцев, особенно в последующем развитии этой доктрины. Но в это время оно все же доступно и понятно. Название "норм" Конфуций прилагает к тем действенным нормам обычного права, которые образовались в вековой истории развития китайского общества. Эти нормы охватывают отношения людей к божеству; тогда это будут культовые нормы — обряды, предписанные культу; они охватывают и отношения людей друг к другу; тогда это будут общественные нормы, правила и предписания человеческому обществу — в пределах семьи, общества; они распространяются и на формы организации этого общества, на государственную жизнь; тогда это будут нормы государственные, законы государства — не те искусственные, людьми придуманные законы, которые Конфуций именует презрительным словом "метод" (*фа*), т.е. не те ограниченные временем и местом методы управления государством, которые могут изменяться и обычно изменяются с изменением общей обстановки, а те законы, которые Конфуций считает присущими самой природе государства, т.е. для них вечные и неизменные. Всем этим нормам Конфуций и предлагает следовать.

Но, чтобы следовать им, нужно их знать. Но как их узнать? С помощью своего разума? Нет, с точки зрения Конфуция, это было бы

неверно: в этом случае за "нормы" могло бы быть принято что-либо случайное, продиктованное "личным" в человеке. Нужны же нормы как некие общечеловеческие ценности. Откуда же их взять? Религия бы сразу ответила на этот вопрос: от божества, от его откровения. Так ответило еврейство, установившее свои нормы, предложенные народу в форме "заповедей". Конфуций не религиозный мыслитель. Поэтому у него эти нормы устанавливает не божество, а человек же, люди.

Мог ли Конфуций возвести нормы к божеству? Несомненно нет, в силу своей основной установки. Все его учение построено на идее "жэнь", т.е. человеческого в человеке, а не божественного. Поэтому и те нормы, которые регулируют всю его жизнь, всю его деятельность, все его поведение, должны были быть той же среды, той же нормы человека. Иначе это будут нормы чужие, привнесенные со стороны. Законы природы — не те, что нормы общественного человека; биологические нормы есть нормы биологические, а не общественные. Божественные законы есть нормы божественные, а не человеческие. Следовательно, нормой для человека могут быть сами люди — в лице своих ученых представителей, своих вождей и руководителей. Такими современными представителями человека, такими руководителями Конфуций считает древних государей Яо, Шуня и Юя, а за ними — Вэнь-вана, У-вана и Чэн-тана.

Этот подбор крайне знаменателен. Законодателем общественного и государственного строя, основателями отдельных норм для Конфуция являются не те правители, которые правят в силу преимуществ, даваемых наследственным правом, их благородством происхождения. Нет, все эти лица достигли своего положения личными качествами, своим личным трудом. Они заслужили свое положение, а не получили его "Божьей милостью". Правда, с конфуцианской точки зрения, их власть была утверждена Небом, но этой небесной санкцией, этой небесной инвестицией они обязаны себе самим, своим заслугам — и заслугам именно перед народом: как Вэнь-ван с У-ваном, так и Чэн-тан выступают историей как вожди народа, страдавшего от тирании дурных правителей, как представители их интересов. Они показаны как люди, которые освободили народ от этой тирании и дали ему лучшую жизнь. Но сделать это они могли только благодаря своим личным качествам, которые заставили народ поверить в них и сделать их своими вождями. Таким образом, и эти законодатели общества не какие-либо мудрецы, создавшие сильное общество и им вдохновленные в своей деятельности, а общественные деятели, личными качествами и поступками заслужившие любовь и доверие народных масс. Следовательно, и установленные ими нормы — чисто человеческого происхождения, они исходят от людей, созданы среди людей и существуют для людей. Общая "человеческая" концепция Конфуция оказывается последовательной во всех частях.

«Преодоление самого себя и следование нормам» является первым видом работы человека над самим собой. Вторым видом является "обога-

щение себя наукой и сдерживание себя нормами". Этот лозунг является естественным дополнением к первому. Тут имеется в виду самовоспитание, умение управлять своими поступками. Выражаясь современными терминами, первое требование касалось воспитания воли. Но этого мало. С точки зрения конфуцианства, эта воля должна быть просвещенной. Это же просвещение дается наукой. Собственно говоря, для конфуцианца эти два понятия соединяются в одно нераздельное целое: наука-просвещение (*вэнь*). Конфуций требует от человека, чтобы он "расширил (или обогатил) себя наукой-просвещением". Он указывает и из чего оно состоит: из поэзии и истории, норм и музыки. Этот перечень, очевидно, основан на той оценке, которая давалась этим видам просвещения. Как это видно из "Ши цзина", поэзия народная (другой в это время еще не было) считалась отражением жизни народа, его чувств и чаяний. Изучение ее раскрывало, следовательно, то положение, в котором народ находится, а это определяло и конкретное поведение "общественного человека", который должен как Вэнь-ван и У-ван, как Чэнь-тан отдать все свои силы исправлению того, что мешает народному счастью и благу. История — конкретна, вероятно, "Ши цзин" был своего рода учебником государствоведения, так как в этом "Ши цзине" рассмотрены дела и принципы правлений мудрецов Яо, Шуня и Юя — этих мудрых государей — основателей норм человеческой жизни. Поближе изучаются и сами нормы, т.е. весь существенный комплекс права и преданий, регулирующих общественную жизнь в целом и деятельность каждого в отдельности. Конкретно, вероятно, имелась в виду "Ли цзи". Наконец, нужно было изучать и музыку, которая еще со времен "Ши цзина" считалась неизменным средством "воспитания чувств", воздействия на эмоциональную, а следовательно, и на нравственную природу человека. Однако и здесь Конфуций остается верен себе: он не предоставляет человека самому себе и в этом деле — в области научного знания. Изучение всей этой науки может привести к благодетельным, должным результатам только тогда, когда это изучение будет контролировать или регулировать все поведение человека вообще. Как мы видим, это поведение регулируется нормами. Следовательно, этими же самыми нормами и должен контролироваться весь процесс изучения и достижения результата. Именно этот смысл — "контролируйте себя нормами" и имеет требование "сдерживать себя нормами". При таком контроле человек гарантирован от уклона на неправильный путь. Такова работа человека над собой. В этом заключается раскрытие "жэнь", "человеческого начала" в самом человеке как общественном деятеле. Но это же начало раскрывается и во взаимоотношениях человека с себе подобными, т.е. в самой общественной жизни. В чем же оно раскрывается в этих взаимоотношениях? Конфуций на это дает такой ответ: в виде *чжуншу*, "искренности и сочувствия". К людям следует относиться с полной искренностью, т.е. отдавая себя целиком для них, и с полным сочувствием, т.е. переживая их радости и горести как свои собственные.

На этой основе Конфуций строит свое учение об обществе и государстве. Согласно старым, сложившимся задолго до него (в "Шу цзинь") представлениям, Конфуций признает пяти (трех?) членную структуру общественной организации. Общество, по его мнению, складывается из первичной ячейки семьи, из большой организации — общества и его органа — государства. По мнению Конфуция, сама естественная природа семьи устанавливает наличие в ее пределах трех категорий членов: муж и жена, родители и дети, старшие дети и младшие. Жизнь семьи складывается из взаимоотношений этих членов, а, следовательно, в них тоже по-своему раскрывается принцип "жэнь" — человеческого: во взаимоотношениях мужа и жены этот принцип ведущий в форме — "разделяющий" (*бе*), т.е. выполнении каждым своих специфических функций, обусловленных специфическим видом отношений — супружеским союзом; во взаимоотношениях родителей и детей этот принцип раскрывается в начале родства (*цин*); во взаимоотношениях старших детей и младших — в начале "порядка" (*сйю*), т.е. старшинства.

Взаимоотношения людей как членов общества определяются Конфуцием как взаимоотношения друзей, и человеческое начало в этих взаимоотношениях раскрывается в принципе доверия (*син*), делающим людей действительно друзьями друг другу. Наконец, в плане государственном, Конфуций находит лишь одно специфическое отношение: с его точки зрения, в организации, именуемой государством, есть только один новый, не повторяющийся в других — во всяком случае в этой форме — двусудный, двусторонний элемент: элемент власти — подчинения. Поэтому Конфуций различает в государстве носителей власти, ее представителей и ей подчиненных. Носителем власти он, естественно, считает государя, подчиненным власти — народ, который он называет в этом смысле подданными. Механизм всего государства сводится к взаимоотношениям между властью и народом, между государем и подданными. Конфуций считает, что основным результатом этого отношения является принцип долга (*и*); в нем раскрывается в плане государственной жизни человеческое начало — "жэнь"!

В плане государственной деятельности общественный человек проявляется в создании того, что Конфуций называет "*да и мин фэнь*". Этот принцип вытекает из того понимания государства, которого придерживается Конфуций. Признаки государства для окружающих не совпадают с признаками общества. Государство — это такая форма организации общества, которая хотя и не мыслима вне общества, но в то же время не идентична обществу. Оно имеет свои собственные признаки, не имеющиеся в обществе. Поэтому это явление специфическое, имеющее свою собственную природу и свои принципы.

Государство (как сфера отдельной личности, так и сфера общества), являясь формой, в которой также раскрывается "жэнь" — человеческое начало. Но если это начало в сфере общества, носителями этого начала

являются люди как друзья, в сфере государства они уже выступают как элементы государственного механизма. А это значит, что каждый из них выполняет в этом общем механизме какую-то свою определенную функцию. Каждый несет перед государством свой долг, и, так как этот долг касается не личного существования, и даже не существования общества как такового, то Конфуций называет его "великим долгом".

Этот "великий долг", лежащий на каждом, не одинаков для всех: каждый выполняет ту функцию, которую он может и которую он должен. Что же определяет эту его функцию? Конфуций отвечает: имя (название) и долг (удел). Конфуций относится к имени-названию с очень большой серьезностью. Для него имя-название является если не последним источником реальности вещи, как у номиналистов, то во всяком случае обозначением, характеристикой этой реальности. Так имя-название "плотник", по мнению Конфуция, если оно прилагается к человеку правильно, вполне исчерпывающе раскрывает его, если не его сущность, то во всяком случае его функцию в обществе. В плане "человеческого начала", раскрываемого в сфере государства, а Конфуций в данном случае именно в таком плане и рассуждает, этот человек существует именно как плотник. Таково его имя-название и таков его "долг", т.е. функция в государстве. И эта функция имеет безусловный характер. Она не может быть иной, так как в сфере организованного государства человек вообще есть некая функция. Поэтому Конфуций и считает, что человеческое начало в человеке в плане государственном выявляется в форме "великого долга — имени-долга".

Отсюда вытекают обязанности того лица, имя которого "правитель" и "долг" которого — правление. Его "великий долг" заключается в том, чтобы "исправить имена", т.е. следить за тем, чтобы каждый делал то, чем он является. Это все равно как механик обеспечивает работу механизма тем, что следит за тем, чтобы каждая деталь выполняла положенную ей работу, и, если она перестает это делать, исправляет ее. Таким образом и правитель является носителем определенной функции в такой же мере, как и всякий другой человек в государстве.

Таково общее содержание учения Конфуция о "жэнь" — человеческом начале. Оно, конечно, изобилует разными деталями, но в целом раскрывается, как нам кажется, именно в этих чертах, по крайней мере, если судить по "Лунь юю". Вышеназванное представляет собой общественную философию Конфуция. Но в "Лунь юе" есть и некоторые элементы религиозной философии. Она совершенно не развита и сводится в общем к двум принципам: к учению о "Небе" как верховном правителе мира и к учению о "Небесном велении", небесном промысле как о форме, в которую выливается это правление.

Понятие "Небо" никак не раскрывается у Конфуция. Это не личное божество и не отвлеченное "божественное начало". Тут также не ясно, что такое это веление, этот промысел. Есть ли это судьба, фатум, тяготе-

ющий над людьми или это свободное волеизъявление Неба? Это остается неясным. По-видимому, Конфуция совершенно не интересовали проблемы религии, и он в этой области повторяет лишь обычные ходячие представления своего народа.

Помимо "Лунь юя" учение Конфуция отражено в летописи "Чунь-цю", считающейся непосредственным произведением самого мудреца. В ней он под покровом обыкновенной хроники раскрывает свое учение о "великом долге, имени и уделе", т.е. учение о государстве.

Лао-цзы

Полную противоположность Конфуцию представляет Лао-цзы. О том, что это был за человек, мы ничего не знаем; не знаем даже его имени. Из биографии Сыма Цяня следует только то, что он был родом из уезда Ку в княжестве Чу, т.е. был южанин, что он служил библиотекарем государственного книгохранилища при чжоуском дворе и что он, скорбя об упадке общества и развале государства, предпочел покинуть его и уехал куда-то в западные страны, оставив страже пограничной заставы свое завещание — книгу "Дао дэ цзин".

Конечно, ценность этих сведений совершенно ничтожна, и поэтому гораздо правильнее сказать, что о Лао-цзы мы вообще ничего не знаем. Мы знаем только книгу, которую обычно называют "Лао-цзы", и больше ничего¹⁶.

Из вышеприведенного краткого очерка идей Лао-цзы явствует, что он был своеобразным нигилистом и анархистом. Однако его нигилизм и анархизм другого порядка, чем западные, европейские нигилизм и анархизм. Как было сказано выше, его отрицание было не отрицанием ради отрицания, а отрицанием ради утверждения. Его "ничто" (*сюй-у*) в другом аспекте было положительным "что"; его небытие в другом плане и было единственно реальным бытием. И его анархизм был построен не на отрицании государства и власти — подчинения, а на признании его.

Отрицание Лао-цзы имеет своим источником скорбь по поводу того положения, которое, как ему казалось, он наблюдал в обществе его времени... Ему казалось, что все погрязло в интересах своего "маленького я" (*сяо во*), все увлечены только своими интересами; ему казалось, что людьми управляют только страсти и желания, что все ведут нескончаемую борьбу друг с другом ради удовлетворения своих страстей. И в этом он видел корень всех зол. Отсюда и родилось его отрицание. Он считал, что нужно покончить с этим корнем, достаточно вырвать его, и общество вернется к своему естественному состоянию — блага, мира. Необходим отказ от всяких страстей, чувств, желаний, от всего своего "маленького я". Вместе с этим отпадает и всякая мораль, всякое понятие долга. Все это искусственно, создано людьми в плане их "маленького я". Поэтому такая мораль, такое государство — зло, которое нужно также уничтожить, как и всякое чувство, всякую эмоцию в самом себе. Необ-

ходимо вернуться к "естественному состоянию" (цзы-жань), к тому блаженному состоянию полного слияния с природой, с "самосостественностью", которая является единственным подлинным, реальным и совершенным положением. Поскольку же всякое действие неизбежно сопряжено с эмоциями, чувствами, страстями, то долой и действие. Да здравствует "недействие", "неделание" (у вэй). Поэтому формула Лао-цзы гласит: "Возвращайтесь к неделанию, к естественному состоянию". Люди имеют перед глазами пример такого естественного состояния человека: это — дети. Поэтому, обращаясь к людям, Лао-цзы призывает: "Будьте как младенцы!"

Таким образом, Лао-цзы не отрицает жизни и общества, и даже государства. Только он иначе представляет себе идеальное государство, чем конфуцианцы. Это идеальное государство все построено на отрицании: "В нем есть лодка и колесница, но на них нельзя ездить; в нем есть оружие и воины, но нет, где применить их, т.е. нет войны". Но вместе с тем это и страна высших положительных ценностей; это страна, где "пища у народа — сладкая, одежда — красивая, в жилищах — спокойствие, где радостна всякая жизнь..., где слышны всюду лай собак и пение петухов, где народ до старости, до смерти никуда не уходит, ниоткуда не приходит". Такими чертами рисует Лао-цзы свою блаженную страну.

В книге Лао-цзы при всем его принципиальном отказе от страстей, чувств, сквозят именно эти страсти и эти чувства. Все его учение вылилось из одной сильной эмоции: эмоции гнева, негодования, скорби по поводу современного ему состояния общества. И именно этим пламенным чувством протеста, рожденным этими эмоциями, и обусловлено направление мысли Лао-цзы. Его протест против существующего порядка вещей настолько интенсивен и глубок, что заводит его очень далеко: в своем протесте он отрицает не только то зло, что он видит, но и то, что порождает это зло, — страсть, чувство, и вместе с этим, не задумываясь, отвергает и основу этих страстей и чувств — "маленькое я" человека. Вместе с тем летят и все общественные устои, мораль, право, законы, все эти столь любезные сердцу конфуцианца "нормы". Отвергается и та "культура", которая соотносена со злом... Протест идет все дальше и дальше: отвергается уже сама человеческая природа, затем самое "бытие", всякое "что"... Остается "небытие" и "ничто". Но и этого мало. Протест идет и дальше. И эти "небытие" и "ничто" есть тоже какие-то категории, есть тоже какая-то норма. Долой и их! Да здравствует "не-небытие", "не-ничто". И это опять неверно. Опять отрицание, отрицание и отрицание. Так с неумолимой силой бьется в трактате страстное чувство гнева и протеста. Поэтому книга Лао-цзы, отрицающая страсти, есть на деле одна из самых страстных книг в китайской философии. Чувство протеста, дух отрицания побуждает Лао-цзы постоянно эпатировать своих читателей... Его любимая форма изложения — парадокс, призванная оглушить читателя или собеседника своей необычностью, особенно,

если этот собеседник мыслит в том плане, который с такой ясностью выражен у Конфуция:

1) Когда "Великий путь" гибнет, появляются человеколюбие и справедливость. Когда выступают разум и мудрость, появляется великое заблуждение. Когда все шесть родственников не в ладу друг с другом, появляются сыновний долг и любовь (*цы*). Когда в государстве невежество и беспорядок, появляются верные вассалы.

2) Когда отбрасывают совершенство, отбрасывают разум, польза для народа возрастает в сто раз. Когда отбрасывают человеколюбие, отбрасывают справедливость, народ обращается к сыновнему долгу и любви. Когда отбрасывают искусство, отбрасывают пользу, не бывает воров и разбойников.

3) Когда отвергают руку, пропадает горь.

4) Мягкое побеждает твердое, слабое побеждает сильное.

5) Лишь после того, как утеряли "Путь", появляется добродетель. Лишь после того, как утрачено человеколюбие, появляется справедливость. Лишь после того, как утрачивается справедливость, появляется закон (норма).

6) Закон (норма) есть... начало беспорядочное. (Ср.: анархия есть мать порядка).

7) Поднебесную можно познать, не выходя за двери. Небесный путь можно увидеть, не выглядывая в окно.

8) Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает.

9) Кто делает, тот разрушает. Кто берет, тот теряет.

Этих одних изречений достаточно, чтобы увидеть, каким мастером парадокса является Лао-цзы. Вместе с тем он такой же мастер и сравнений. Желая что-нибудь объяснить, он вместо длинных доказательств, рассуждений, прибегает к какому-нибудь сравнению, и этим способом сразу делает понятной свою мысль. Так, например, желая показать все значение и ценность скромности и пассивности, он говорит так: "Почему реки и моря являются царями долин? Потому что они умеют быть ниже их. Поэтому они и могут быть царями долин".

Лао-цзы является и искусным мастером образа. Для выражения своих мыслей он находит обычно такой яркий и вместе с тем точный образ, что его идея не только делается понятной, но и ярко запечатлевается в сознании. Таков, например, образ, которым он характеризует свое понятие "истинного бытия", "подлинной реальности": это — *хуан-ху*¹⁷. Таковы его знаменитые три образа "небытия" (*у*): *и*, *си*, *вэй*. "Смотришь на него (небытие) и не видишь. Это называется *и*. Слушаешь и не слышишь. Это называется *си*. Хватаешь его и не схватываешь. Это называется — *вэй*." К сожалению, нужно быть исключительно искусным переводчиком, чтобы найти соответствующие слова по-русски.

Таковы литературно-стилистические особенности Лао-цзы. К ним нужно прибавить еще убедительную простоту и прозрачность слога,

точность выражений, лаконичность формулировок. Вместе с тем местами в тексте чувствуется какой-то ритм, обычная проза превращается в мерную речь, фразы Лао-цзы начинают звучать как поэма. Это впечатление делается тем более интенсивным потому, что книга Лао-цзы не трактат, последовательно излагающий определенную систему мыслей, а скорее книга непосредственных набросков, покорно идущих вслед за велением мыслей и чувства.

Мэн-цзы

Продолжателем Конфуция является Мэн-цзы. По своему значению, по силе своей мысли он считается "равным совершенному" (*я-шэн*) в том же смысле этих слов, в каком употребляется на Западе слово "равноапостольный". Мэн-цзы — продолжатель Конфуция, но продолжатель не в смысле повторения и развития того, что было установлено учителем, а в смысле прокладывания новых путей и продолжения доктрины своего учителя... Мэн-цзы вошел в историю китайской философии как создатель учения о человеческой природе, столь богато и глубоко развитого конфуцианцами последующего времени; он вошел в историю философии как автор ... концепции "человеческолюбия и справедливости" как основы бытия и личного поведения. Наконец, от Мэн-цзы идет и теория "революции", идея права народа на восстание¹⁸.

Мэн-цзы родился в 4-ом году правления чжоуского Ле-вана в маленьком княжестве — ныне уезд Цзоу Шаньдунской провинции. Увлеченный учением Конфуция, он решил сделать все возможное, чтобы провести его в жизнь. Он пошел при этом по тому же пути, что и его учитель: он надеялся, что его слово убедит какого-нибудь князя ввести в своих владениях тот порядок, который Мэн-цзы признавал наилучшим. Словом, это был не просто философ-теоретик, но и практик и даже более практик, чем теоретик, т.к. особенностью его цели было не создание учения, а осуществление его. Мэн-цзы сделал попытку воздействия на двух князей: циского Сюянь-вана и лянского Хуэй-вана, но успеха не имел. Потеряв службу, он обратился к деятельности странствующего учителя и, переходя с места на место, вел неустанно пропаганду идей своего учителя. Вокруг него собрались ученики. В беседах с ними раскрылась вся... самобытность Мэн-цзы, сделавшая его совершенно самостоятельным и великим продолжателем того умственного течения, которое зовут конфуцианством. Этой деятельностью учителя-пропагандиста Мэн-цзы занимался до самой своей смерти. Он умер в 26 году чжоуского Нань-вана, 44 лет от роду.

Об учении Мэн-цзы говорит книга, названная его именем. В ней ярко представлен сам мыслитель. Прежде всего бросаются в глаза те самые гражданские чувства, которые делают Мэн-цзы главным обличителем существующих не порядков. "Яо и Шунь умерли, и Путь совершенно пал. Один за другим появлялись тираны. Они разрушали дворцы и пре-

вращали их в свалки. Народ перестал знать покой и отдых. Они забрасывали поля и превращали их в увеселительные сады и охотничьи парки и не давали народу, чем питаться и во что одеться".

Мэн-цзы продолжает свое обличение: "Общество развалилось и Путь стал едва виден; появились лживые учения и насилие. Подданные стали убивать государя, сын стал убивать отца". Вместе с тем Мэн-цзы не знает предела в своем гневе на тех, кого он считает виновниками такого упадка.

В его время большим распространением пользовались учения Ян-цзы и Мо-цзы. Основной идеей первого был полный и законченный эгоизм: "Если мне это не принесет никакой пользы, я не дам у себя вырвать ни один волосок". В противоположность этому второй — Мо-цзы — был представителем полного альтруизма, провозгласив идею всеобщей, равной ко всем любви. Мэн-цзы с негодованием отвергал и ту и другую позицию и поэтому обрушивается на своих противников с необычайной горячностью: "Совершенных государей больше нет. Каждый делает, что хочет. Их вассалы учиняют насилие. Речи Ян Чжу и Мо Ди заполняют собою всю Поднебесную. Мысли Поднебесной, если не идут вслед за Ян Чжу, то идут вслед за Мо Ди. Ян Чжу все делает для себя. Значит, у него нет государя. Мо Ди любит всех. Значит, у него нет отца. У кого нет государя и нет отца, тот животное или птица.

Гунмин И сказал: «В кухне есть жирное мясо, в конюшне есть жирные кони, а народ голодает и трупы умерших от голода валяются по полям. Приводят животных и кормят их людьми". Если "Путь" Ян Чжу и Мо Ди не исчезнет, путь Конфуция не установить. Лживые учения обманывают народ, закрывают путь человеколюбия и справедливости. А если человеколюбию и справедливости путь закрыт, то и будут приводить животных и кормить их людьми. И люди будут есть друг друга».

Главной самостоятельной идеей Мэн-цзы является его концепция о добре человеческой природы. Это не значит, что он развил ее в целое учение, как-либо сформулировал — несколькими положениями и доводами. Он просто эту мысль высказал как положение, совершенно бесспорное для него. Таким образом, эта концепция вполне носит догматический характер. И трудно было бы ожидать чего-либо иного: Мэн-цзы, как и Конфуций, не ученый, это мыслитель и мыслитель прежде всего практики, а не теории. Для него важно не формулировать свое положение, а проводить его в жизнь. Поэтому он не доказывает свои положения, а призывает к их исполнению. Таким образом, Мэн-цзы оставил совершенно неясным, что он понимал под "человеческой природой", что разумел под "добром". Эти два понятия фигурируют у него как некие данности. Поэтому если он и поясняет их, то только в плане указания на их самоочевидность и естественность. "Что такое добро человеческой природы? Это как вода, которая всегда стремится вниз". Вот и все. Этим и исчерпывается все разъяснение этой важнейшей концепции всего учения Мэн-цзы.

Несколько обстоятельнее раскрывал Мэн-цзы конкретное содержание человеческой природы. Это он делает таким образом: устанавливает мотивы человеческих поступков и по ним выводит заключение о свойствах человеческой природы. Таких мотивов у него четыре: жалость, стыд, осмотрительность, правда. Они и являются исходным пунктом для определения свойства человеческой природы. "Чувство жалости — есть человеколюбие; чувство стыда — есть справедливость; чувство осмотрительности есть дисциплинированность, чувство правды есть разумность. Человеколюбие, справедливость, дисциплинированность и разумность не проникают в нас извне. Они с самого начала имеются в нас. Мы только не думаем о них".

Эти слова Мэн-цзы выдают все же его философскую установку: он считает, что добро присуще человеческой природе потому, что он свойственно человеку искони. Иными словами, Мэн-цзы провозглашает учение о добре как природном, априорном свойстве человеческой природы. Мэн-цзы, как практик, знает, что это добро не всегда проявляется. Поэтому он намечает путь, который способствует так сказать "воспитанию" добра в самом себе, способствует его выявлению. Этот путь сводится к поддержке в себе "бэнь синь", своей основной души, т. е. своего истинного я, который есть по своей природе — добро. Это достигается самообузданием в ограничении страстей и желаний и сдержанностью в мыслях и речи. Большое значение в деле сохранения я и удержания в себе этой "основной души" Мэн-цзы придает "созерцанию" — тому, что он называет "воспитанием в себе духа".

В политической области Мэн-цзы заявляет себя как демократ. В своей политической теории он смело и решительно выставляет приоритет интересов народа. Народное благо — вот высшая и в сущности единственная цель всякой науки, всякого правления. Поэтому только тот правитель достоин и своего имени, и своего положения, который умеет ставить интересы народа превыше своих собственных и который умеет делать жизнь народа благодетельной и счастливой. Свои идеи о взаимоотношениях правителя и управляемых Мэн-цзы развивает в таких словах: "Если государь будет смотреть на своих подданных как на свои руки и ноги, то подданные будут смотреть на своего государя, как на свой живот и сердце (*фу-синь*). Если государь будет смотреть на своих подданных как на людей и собак, то и подданные будут смотреть на своего государя как на правителя государства. Если государь будет смотреть на своих подданных как на землю и грязь, то подданные будут смотреть на своего государя, как на своего врага и неприятеля".

Приоритет народа выражен у Мэн-цзы и в его концепции социальной иерархии. На первом месте в этой иерархии стоит народ, на втором — общество, на третьем — государь. Ставя на первый план интересы народа, Мэн-цзы учитывает — и притом в первую очередь — интересы материальные. Ввиду этого в его учении имеются не только элементы политической теории, но и элементы теории экономической. Мэн-цзы очень

много внимания уделяет именно чисто экономическим вопросам, декларируя тот хозяйственный строй, который он признает наилучшим.

Мэн-цзы требует от правителя следующих экономических реформ. Прежде всего — установления "колодезной" системы как обязательной и равноправной для всех, справедливое распределение земли. Во-вторых, он требует обязательной для народа полной беспрепятственности его труда; в связи с этим он требует не привлекать народ к государственной рабочей повинности во время сельскохозяйственных работ. В третьих, он требует снижения до минимума основных земельных налогов и отмены всех прочих видов налога. В-четвертых, он требует принять меры к охране и разведению лесов, охране и разведению рыбных богатств. В-пятых, он требует всяких мероприятий по поощрению производительности труда. Такова экономическая программа Мэн-цзы. Он поставил в полном объеме весь комплекс вопросов общественной жизни: вопросы экономического и социального строя, вопросы политической организации. Он поставил вопросы жизни и поведения семьи, человека как общественного деятеля; он определил природу человека, указал на ее свойства и наметил пути, на которых правильно может воплотиться и развиваться эта природа. Таким образом, у Мэн-цзы конфуцианство не только ушло далее вперед в смысле полноты своего охвата, но ступило во многом на новый путь*.

* Вообще говоря, рассмотрение таких вещей, как "Лунь юй" и "Лао-цзы", "Мэн-цзы" и т.п. под углом зрения литературы должно вестись иначе. Во-первых, следует определить литературный жанр этих вещей. Это не столь просто и вместе с тем это очень важно — с историко-литературной точки зрения. По-видимому, жанр этот в целом можно назвать *юй-лу* — "сборник изречений". Впрочем, это полностью применимо, пожалуй, только к одному "Лао-цзы", "Лунь юй" же и "Мэн-цзы" скорее правильнее назвать *янь-син-лу*, т.е. "слова и дела", так как в них есть и повествовательный элемент¹⁹. Может быть, к этим двум последним книгам применимо определение "диалога" — в духе платоновских? Ведь и у Платона "Диалоги" состоят не только из разговоров, а — по крайней мере некоторые — из повествовательных и описательных элементов. Установление жанра следует дать в виде описания его признаков, т.е. установить типы "изречений" или "разговоров": афористическая манера, диалектический (сократический) метод, стиль максим и т.п. Надо подвергнуть анализу литературную композицию диалога. Может быть, возможно рассматривать, по крайней мере, часть материала этих произведений в плане риторической речи?

Вопрос жанра имеет еще то значение, что этот тип произведений в дальнейшей истории получает очень большое развитие: появляются и "goroku" и "genkoroku"²⁰. Таковы, например, минские "Цзуй гу тан цзянь сао" и "Цай гэн тань". Можно оценить и смысл этой литературной манеры в связи с особенностями мышления на Востоке (в Китае и Японии). Идея, мысль передаются не аналитическим путем, а синтаксическим, не в виде трактата, а в виде формулы, ее не выводят, а ее подают в готовом виде, декларируют; ее не формулируют, а к ней призывают. Иначе говоря, важна мысль, а не ее обозначение или разработка. Отсюда и литературная манера афоризма, максимы (даже в диалогах разговор, вопрос собеседника только предлог для какого-нибудь афоризма). Иногда этот разговор — только литературная подготовка к афоризму, так сказать, *сюй*, "предисловие". Иногда разговор — обрамление к афоризму.

Во-вторых, следует рассмотреть языковой стиль произведения: применение тех или

сделалось идейным источником всех революционных идей, которые только зарождались в условиях феодализма.

При изложении учения Мэн-цзы необходимо отметить как одну из главных его особенностей и как одно из главных его отличий от Конфуция выставление не одного принципа "жэнь", а двух равноправных — "жэнь" и "и". Это "и" есть и у Конфуция, но не как равноправное с "жэнь". Кроме того, необходимо отметить в связи с этим изменение значения этого "жэнь". По-видимому, дело состоит в том, что у Конфуция "жэнь" является общим началом, у Мэн-цзы же только этически-социальным. У Конфуция "жэнь" — "человеческое", у Мэн-цзы — "человеколюбие". Иными словами, у Мэн-цзы нет той онтологической трактовки "жэнь", какая есть у Конфуция.

Книга "Мэн-цзы" как литературное произведение

Мэн-цзы был, по-видимому, одним из самых замечательных ораторов своего времени. Его ораторский стиль при этом должен быть охарактеризован как сильный, энергичный, временами резкий. Мэн-цзы любит неожиданные образы мысли, любит поражать своего собеседника каким-либо выводом или замечанием. И прежде всего, он — великолепный полемист. Для этой характеристики много материала дает его разговор с князем.

«Мэн-цзы предстал перед лянским Хуэй-ваном. Князь сказал: "Вы являетесь, не считая 1000 миль за большое расстояние. Вероятно, у вас есть, что может принести пользу моему государству?" Мэн-цзы ответил: "Князь, зачем непременно говорить о пользе? Существует только человеческое в долге. Если вы, князь, будете говорить: "Что может принести пользу моему государству?", то ваши вассалы (*дафу*) будут говорить: "Что может принести пользу моему дому?", а простой народ будет говорить: "Что может принести мне пользу?". А когда высшие и низшие борются друг с другом из-за пользы, государство находится в опасности. Возьмем государство в 10000 колесниц. Его государя убивает непременно тот, у кого 1000 колесниц. Возьмем государство в 1000 колесниц. Его государя убивает тот, у кого 100 колесниц. Имея же 10000 колесниц, берут еще 1000, имея 1000, захватывают еще 100. Никогда не бывает много. Если оставляют на задний план долг и на передний выдвигают выгоду, то, захватив что-нибудь еще, не бывают удовлетворены. Не было еще случая, чтобы кто-нибудь, обладая сознанием долга, ставил своего государя на второй план. Князь, будем говорить о человеколюбии и долге. Зачем непременно говорить о выгоде?"

В этом пассаже видна манера Мэн-цзы: отвести мысль своего собеседника и предложить ему нечто прямо противоположное. Между прочим здесь виден особый ораторский прием. Мэн-цзы начинает свою речь

иных поэтических приемов — обращение к образам, сравнениям и т.д. По-видимому, особенно это касается Лао-цзы. Возможно и наличие специальной ритмической организации речи.

словами: "Зачем нужно говорить о выгоде?*" . И этими же словами заканчивает сс. Получается своего рода "обрамление" и то, что в китайской поэзии носит название *ху-ин*²¹.

Или еще один пример: лянский князь Хуэй-ван сказал: "Я отдаю своему государству всю свою душу. Когда у меня в районе реки недород, я перевожу тамошнее население на восток от реки, либо же перевожу оттуда в район реки пшено. Когда недород к востоку от реки, я поступаю так же. Смотрю я на то, как управляют в соседних княжествах... Нет там никого, кто бы, как я, отдавал свою душу. Народу в этих соседних княжествах мало и его не увеличивает. У меня же народу много, но его также не увеличивает. Почему это?"

Мэн-цзы в ответ сказал: "Князь, вы любите войну. Давайте обратимся к примеру войны. Бум-бум бьют барабаны... Скрещиваются клинки. Бросают панцири, волочат за собой оружие и бегут. Одни отбегают на 100 шагов и только после этого останавливаются. Другие отбегают на 50 шагов и только после этого останавливаются. Если отбежавшие на 50 шагов начнут смеяться над отбежавшими на 100 шагов, то что это будет? Я говорю: так не бывает. Дело ведь только в том, что они сами еще не отбежали на 100 шагов. Ведь они тоже бегут. Я говорю: Князь, если бы Вы это понимали, Вы не желали бы, чтобы у Вас было народу больше, чем в соседнем княжестве".

Вылив, таким образом, на голову князя дождь холодной воды, Мэн-цзы дальше приступает к поучению: «Если не упускать сроки в сельскохозяйственных работах, хлеба будет столько, что не съесть. Если не запускать в пруды мелких неводо, рыбы будет столько, что не съесть. Если ходить с топором в лес вовремя, леса будет столько, что его некуда будет девать. Когда же хлеба и рыбы столько, что не съесть, а лесу столько, что его некуда девать, народу есть, чем поддерживать жизнь, и он не горюет, оплакивая смерть. А когда жизнь поддерживают и не горюют, оплакивая смерть, тогда и начинается "монарший путь" (*ван дао*)».

Мэн-цзы развивает и свою конфуцианскую программу: "Если засадить усадьбу в 5 му тутовыми деревьями, то 50 их будет достаточно, чтобы одеваться в шелка. Если развести кур, свиней и собак (и кабанов) и при этом все время заботиться о них, то 70 их будет довольно, чтобы всегда есть мясо. При поле в 100 му, если только не упускать сроки

* Из этого пассажа видно, что "и" нельзя переводить "справедливость". Это понятие здесь появляется в контексте с князем-государем, как некая обязанность в отношении государя. Причем же тут справедливость? Поэтому следует и у Мэн-цзы переводить "и" как долг.

Но тогда, вероятно, и "жэнь" нужно переводить "человеческое", а не "человеколюбие". Это понятие здесь появляется в контексте с отцом и матерью. Но служение родителям, по Конфуцию, не есть один из аспектов человеколюбия, а один из аспектов "человеческого" в человеке, человеческого начала вообще. Так что и у Мэн-цзы "жэнь" и "и" нужно переводить: "человеческое" (человеческое свойство) и "долг" (сознание долга).

работ, не будет голодать несколько семейств. Если исполнять то, чему учат в школах, и в дальнейшем к этому соблюдать долг почтения к родителям и братской привязанности, старики на дорогах не будут сами носить на себе ношу. Когда же одеваются в шелка, питаются мясом, тогда народ не голодает и не холодает. И тогда не бывало еще случая, что такой правитель не был бы истинный монарх (*ван*)".

Лянский Хуэй-ван сказал: "Я хотел бы получить от Вас наставления". Мэн-цзы в ответ сказал: "Какая разница, если человека убивают палкой или мечом? Я говорю: Когда у тебя в кухне жирное мясо, в конюшне — жирные лошади, а у народа голодный вид, на полях трупы умерших от голода, это значит, что приводят животных и кормят их людьми. Когда животные посядают друг друга, а люди тебя ненавидят, то, правя народом в качестве его отца и матери, не избежать того, чтобы не приводить животных и не кормить их людьми. Но каким же тогда отцом и матерью ты приходишься народу?" Этот диалог, вернее критика вопросов князя с пространным ответом философа, продолжается и далее, пока, наконец, Мэн-цзы не даст то положение, к которому он и хочет свести весь разговор. Это положение — «у обладающего *"жэнь"* — нет противников». Вот именно такое построение диалога и представляет первое отличительное свойство литературной манеры Мэн-цзы. Он ведет свою мысль как будто бы от очень отдаленных примеров, но постепенно сужает круг, пока, наконец, нужные положения появляются сами собою. И это именно и создает большую силу и убедительность всему его рассуждению.

Из приведенных отрывков виден и второй стилистический прием Мэн-цзы — это его манера строить свое рассуждение на опровержении мнения собеседника. В некоторых текстах также Мэн-цзы выступает как искусный стилист — по общей композиции своей речи и по ее образности. Таковы, например, знаменитые рассуждения о *тянь чжи ши* и т.д., заканчивающиеся известными словами: "Благородный муж не сражается. А если и сражается, непременно побеждает".

Некоторые места Мэн-цзы отличаются ритмичностью. Таковы, например, рассуждения о любви и ненависти: "Я люблю рыбу. Я люблю и медвежью лапу. Когда я не могу иметь и то и другое, я отказываюсь от рыбы и беру медвежью лапу. Я люблю жизнь. Я люблю и долг. Когда я не могу иметь и то и другое, я отказываюсь от жизни и беру долг. Я люблю жизнь. Моя любовь сильнее самой жизни. Поэтому я и не могу иметь ее хотя бы на мгновение. Я ненавижу смерть. Моя ненависть сильнее самой смерти. Поэтому я и не могу избежать горя. Но если любовь у людей не будет сильнее самой жизни, то пусть люди и имеют эту жизнь, на что они годны? Если ненависть у людей не будет сильнее смерти, то пусть они и живя не будут ни на что годны. Выйдет так, что они и, избежав горя, ничего не смогут сделать. Поэтому-то причины нашей любви и сильнее жизни, наша ненависть и сильнее смерти. И таково не только сердце одного мудреца. У всех людей так. Мудрец только умеет не терять его".

Совершенно на противоположной позиции в учении о человеческой природе, чем Мэн-цзы, стоял Сюнь-цзы, считавший тем не менее, что именно он излагает подлинное учение Конфуция. Мэн-цзы и Сюнь-цзы — два полюса китайской общественно-философской мысли того времени. Разительную противоположность представляют они и по общему складу своей личности.

Мэн-цзы — яркий талант, человек воли, энергии, чувства. Сюнь-цзы — человек знания, науки, размышления, рассудка. Мэн-цзы — бывалый политик, Сюнь-цзы — спокойный ученый, Мэн-цзы думает о том, чтобы убедить, Сюнь-цзы заботится о том, чтобы думать. Поэтому и книга, носящая его имя, является в гораздо большей степени похожей на философский трактат, чем книга Мэн-цзы. Поэтому большинство его положений, в особенности учение о "ли" и политическая доктрина, достаточно тщательно разработаны и аргументированы, а не просто высказаны, как у Мэн-цзы. Но это делает его книгу куда менее яркой и убедительной по силе живости и воздействия на читателя, чем книга Мэн-цзы. Может быть, этим и объясняется то, что Сюнь-цзы всегда пользовался меньшим вниманием со стороны китайских ученых позднейших времен, чем Мэн-цзы. Но это отнюдь не означает, что его учение не столь значительно. Конечно, оно не может состязаться с учением Мэн-цзы по влиянию на последующее конфуцианство, но тем не менее, для этой эпохи, т.е. для периода Чжаньго, оно имеет значение едва ли не большее, чем учение Мэн-цзы.

Сюнь-цзы является младшим современником Мэн-цзы. Вначале он находился на службе в княжестве Ци при Сян-ване, затем — как это часто встречается в биографиях китайских деятелей — "будучи оклеветан", перешел в княжество Цинь. Затем мы находим его в Чу, на службе у Чуньшэнь-цзюня в качестве Ланьлин-лина. По-видимому, в этом княжестве по достоинству оценили его знания и ум, и он спокойно прожил там остаток своей жизни. Подобно Мэн-цзы, Сюнь-цзы считал, что главным злом его времени является тот хаос, который существовал тогда в умах населения, благодаря возникновению столь многочисленных и столь разноречивых учений. В целях борьбы с этим злом он и написал свою книгу, которая должна была внести ясность в умы общества. Можно предполагать, что то, что сейчас имеется под именем "Сюнь-цзы", является лишь частью его сочинения. Сейчас эта книга состоит из 32 глав, в то время как в начале Хань их было 322 главы. Кроме того, та редакция, в которой дошло до нас это сочинение, принадлежит ханьскому филологу Лю Сяну, и нам остается только верить, что старый комментатор отнесся с подобающим пиететом к древнему мыслителю и сохранил нам в основной мере его подлинный текст²².

Центральный стержень всей философии Сюнь-цзы составляет учение о зле человеческой природы. Этот тезис Сюнь-цзы противопоставляется прямо обратному тезису Мэн-цзы: "Природа человека — зла; ложь, что она добра", — говорит он.

В доказательство истинности своего положения он ссылается на мудрых правителей древности, введших законы (*ли и*) и наказания (*син чжэн*). Ему представляется, что если бы природа человека была добра, надобности в подобных установлениях не было бы. И тем более не ввели бы их просвещенные правители древности, не меньше обманутые в своих мероприятиях. Далее Сюнь-цзы указывает на то, что люди стремятся сделать добро; но если бы они по своей природе вообще были бы добры, им незачем было бы стремиться делать добро, каждое их действие было бы само по себе добром. Поэтому, поскольку они стремятся сделать добро, значит оно не было еще в них самих; в них самих заложено прямо противоположное начало. В качестве третьего аргумента в пользу своего тезиса Сюнь-цзы ссылается на тот, по его мнению, несомненный факт, что если человек в своих поступках всецело отдастся своим инстинктам, то неизбежно соскользнет в зло.

Как видно из этих рассуждений, Сюнь-цзы исходит из совершенно других позиций, чем Мэн-цзы. Мэн-цзы пришел к своему положению о добре человеческой природы, наблюдая те основные мотивы, которые руководят, по его мнению, деятельностью людей. Эти мотивы, как было приведено выше, — жалость (*цзинь чжи синь*), стыд (*сюу чжи синь*), осмотрительность (*гунцзин чжи синь*), чувство правды и неправды (*ши-фэй чжи синь*). Как считает Мэн-цзы, эти органически присущие человеку мотивы обуславливают наличие четырех основных свойств его природы: человечность (*жэнь*), чувство долга (*и*), чувство дисциплинированности (*ли*) и разумности (*чжи*). Сюнь-цзы подходит к вопросу иначе: он судит о человеческой природе по тем результатам, к которым приводит обычно деятельность человека; он судит по той картине человеческого общества, которая была у него перед глазами. И именно это заставляет его прийти к выводу, что в основе человеческой природы — зло.

В одном пункте Сюнь-цзы сходен с Мэн-цзы: в положении о всеобщности этого своего тезиса. Мэн-цзы утверждает, что природа всех людей — добро, Сюнь-цзы считает, что она также у всех людей без различия — зло: "Человеческой природе от рождения присуща любовь к выгоде. И она следует ей. Поэтому и рождается борьба за захват чего-нибудь и гибнет скромность и уступчивость. Ей от рождения присущи злоба и ненависть. И они следуют им. Поэтому и рождаются убийства и разбои и гибнет честность и правдивость (*чжун-синь* — правдивость и верность). Ей от рождения присущи страсти ушей и глаз; присуща любовь к голосу и цвету. И она следует ей. Поэтому и рождаются разврат и распущенность и гибнут дисциплина, справедливость, просвещение, закон. Таким

образом, когда подчиняются человеческой природе, следуют человеческому чувству, обязательно возникает борьба за захват: люди преступают свой удел, впадают в нарушение закона (*ли*) и предаются своеволию".

Так мрачно смотрит Сюнь-цзы на человека и его деятельность. Но он не был бы китайским мыслителем эпохи Чжаньго, если бы признавал полную невозможность преодолеть это зло и таким образом построить иную общественную жизнь. Все китайские мыслители этой бурной эпохи по существу ставят перед собой только одну цель: наметить пути к достижению наилучшего общественного устройства и благополучия для человека. Поэтому такая безысходность, казалось, в оценке человеческой природы и общественной жизни, обусловленной этой природой, не имела бы реального смысла; более того, была бы вредна, т.к. так сказать нормализовала бы существующие порядки, т.е. утверждала неизбежность зла в человеке и общественной жизни. Поэтому Сюнь-цзы не ограничивается только одной оценкой человеческой природы. Более того, она нужна ему только как исходный пункт, как база для положительной части его учения, для намечения пути, как преодолеть зло и как достигнуть благоденствия для людей: "Каждый человек, идущий по дороге, может стать Юем. Что это значит? Я говорю: Юя сделало Юем то, что он соблюдал человечность (*жэнь*), долг (*и*) и правду (*чжэн*). Это значит, что человечность, долг и правда есть законы (*ли*), которые можно познать, которыми можно владеть. Но если люди, идущие по дороге, обладают способностью познать эту человечность и долг, прямоту и правду, все они обладают орудием для того, чтобы владеть человечностью и долгом, прямотой и правдой. Следовательно, ясно, что они могут стать Юями. В настоящее время как будто считается, что человечность и долг, прямота и правда не являются тем законом, который можно познать, которым можно владеть. Но если так, то даже будучи Юем, не будешь знать человечность и долг, прямоту и правду, не будешь владеть человечностью и долгом, прямотой и правдой. В настоящее время как будто считается, что никто из людей, идущих по дороге, не обладает способностью познать человечность и долг, прямоту и правду, не обладает орудием для того, что бы владеть ими. Но если так, то всякий человек у себя в семье не сможет познать дом отца и сына, в обществе не сможет познать правильные отношения (*чжэн*) государя и подданного. Нет, это не так".

Таким образом, Сюнь-цзы считает, что исправлять положение можно. "Создать природу мы не можем, но исправить (*хуа*) ее можно", — говорит он. "Чувства мы не имеем, а создаем. Природа исправляется надлежащими ... упражнениями". Чем же конкретно можно исцелить эту ... природу? Сюнь-цзы отвечает: законом (*ли*) и музыкой.

Он так говорит о законах: "Из чего возникает закон? Отвечаю: у человека от рождения существуют желания. Но когда желают и не име-

ют, не могут не добиваться желаемого. Но когда добиваются и не знают в том меры и предела, не могут не вступать в распри. Когда же проявляются распри, возникают смуты (*луань*). Когда возникают смуты, все пропадает. Прежние цари ненавидели смуту. Поэтому они установили закон и долг, установили их для каждого, высказавшего человеческие желания, и удостоверили их стремления людей. Они не допускали, чтобы желания приводили к уничтожению вещей, чтобы вещи насильствовали желания: и то, и другое растет поддерживая друг друга. Вот откуда и возникают законы". О музыке Сюнь-цзы говорит следующим образом: «Радость есть музыка. Человеческое чувство не может существовать без радости. Поэтому человек не может существовать без музыки. Радость проявляется в звуках голоса, выражается в движениях. И путь человека есть голос и движения: в них находят все свое выражение все изменения его природы (*син шу*)". Поэтому человек не может не радоваться. Если он радуется, то это не может не проявляться. Но когда эта радость, проявляясь, не идет по надлежащему пути, не может не получиться смуты. Прежние цари ненавидели смуту. Поэтому они установили музыку "од" (*я*) и гимнов (*син*) и руководят ею. Они сделали так, что голос мог выражать радость и свободно литься, что слова могли выражать мысли и свободно развиваться... Они сделали так, что эта музыка могла пробуждать в человеке доброе сердце...».

Понятие "закона" (*ли*) у Сюнь-цзы очень широко. Оно имеет и этический, и политический, и социальный смысл. Как этическое понятие оно означает "моральный закон" (*жэнь дао*); как политическое — "закон государственный"; как социальное понятие — общественные нормы (*дянь ли и ши*). Именно таким тройным рычагом Сюнь-цзы и думает преодолеть прирожденное зло человеческой природы. Но он полагал, что законами нельзя совладать с чувственной, эмоциональной стороной человеческой природы, и для управления ею и выставил как средство музыки.

Рассуждая о воспитании человеческого сердца, Сюнь-цзы говорил о "пустоте и покое" — в духе Лао-цзы и Чжун-цзы. Говоря о "Небе", он разъяснял, что "Небо" — это "природа" (*цзы жань*) — естественность, т.е. боролся со всякими религиозными представлениями о Небе. Из этого учения о природе и естественности (естественном законе) он выводил положение об определенном месте и роли борьбы природы и человека в системе природы, говорил об устоях общества и государства. В своих политических взглядах Сюнь-цзы, подобно Мэн-цзы, исходит из идеи приоритета народа и двумя орудиями управления считает закон и музыку. Любопытны устанавливаемые им четыре признака государства: 1) территория, 2) население, 3) закон, 4) государь, при этом особенное значение он придавал последнему — государю.

Стиль Сюнь-цзы, как это видно из приведенных отрывков, очень точен: он развивает свои мысли последовательно, логически. Это — стиль

ученого. Но при всем этом он не сух, не холоден; за его рассуждениями чувствуется сила убежденного человека. Конечно, в нем нет того воодушевления, экспансивности и горячности, которые составляли отличительный признак стиля Мэн-цзы.

Мо-цзы

С легкой руки Мэн-цзы для конфуцианцев установилось отношение к Мо-цзы как к "еретику". Это верно только в том смысле, что идеи Мо-цзы представляют оригинальное явление. По общему же направлению своей философии он целиком укладывается в общее русло китайской общественной мысли того времени: он также ищет наилучших способов разрешения проблем наилучшего общественного и государственного устройства.

О том, кто такой был Мо-цзы, нам не известно²³. Известно только, что в свое время он был очень влиятельным идеологом. Это видно из слов Мэн-цзы: "Все слова в Поднебесной — если не отходят к Ян, от отходят к Мо".

Мо-цзы критикует конфуцианство. Он отвергает конфуцианство за то, что оно отрицает существование бога и души; за то, что оно в смерти видит только один обряд, занято только внешним устройством явления — предписанием о похоронных обрядах, о трауре; за то, что оно в управлении народом видит главное в законе (*ли*) и музыке; за то, что оно — своей идеей судьбы (*мин*) устанавливает фатальную обреченность судьбы каждого человека: «Благодаря "велению" (*мин*) богатство и бедность, долголетие и ранняя смерть, порядок и беспорядок в государстве, спокойствие и опасность — все определяется установлением и не подлежит изменению ни в сторону уменьшения, ни в сторону увеличения». Этих четырех недостатков (*сы чжэн*) конфуцианства, по мнению Мо-цзы, достаточно, чтобы оно оказалось несостоятельным в деле руководства общественной и государственной жизнью. При этих недостатках можно "потерять Поднебесную", как говорит Мо-цзы. Мо-цзы признает существование Бога, которого он называет *тянь гуй*. Для него этот Бог есть и творец мира, и его управитель: он воплощает в себе справедливость (*чжэн и*) и любовь; он награждает за добро и наказывает за зло; он принимает моления людей.

Основное свойство божества — любовь. Это свойство он являет в своем отношении к миру и людям; оно же одновременно является обязанностью человека. Мо-цзы выдвигает идею о всеобщей любви как средстве преодолеть зло, которое господствовало в мире в виде борьбы, смут. Этим способом он думает достичь мира и покоя. При этом он утверждает, что нельзя различать два вида любви — к себе и к другим: нужно, чтобы это была одна и та же любовь. Из этой мысли идет отрицание Мо-цзы войны.

Язык книги Мо-цзы прост и ясен; изложение, однако, страдает повторами и многословием.

"Да сюэ" и "Чжун юн"

Нет никаких сколько-нибудь основательных данных для суждения о том, кому принадлежат эти два сочинения²⁴. С точки зрения содержащихся в них идей, можно думать, что они появились в ханьское время. Дело в том, что "Да сюэ" первоначально входило в состав "Ли цзи", но "Ли цзи" отражает в себе идеи ханьского времени. Это распространялось, правда, не на все сочинения, но некоторые части, как например, глава "Ли юнь" несомненно ханьского происхождения. Целиком в духе ханьского идеала являются поставленные "жэнь" и "и" рядом друг с другом; в духе Хань утверждается, что человек есть результат скрещения *инь* и *ян*, сочетание демонов и духов, есть наилучшая эманация (*сю ци*) пяти стихий. В "Ли цзи" несомненно присутствуют части, созданные в период Хань, и "Да сюэ", вероятно, одну из таких частей и представляет, тем более, что оно представляет стройно развитое, точное по формулировке рассуждение. Те же сомнения относятся и к "Чжун юну". Правда, "Ивэнь чжи" Ханьской истории говорит только о существовании особой книги, именуемой "Чжун юн"; автором которой называет Цзы-сы. Если присмотреться к содержанию, то мы увидим какие-то следы буддийских идей. Так, например, основное название книги — "Чжун" в одном случае трактуется не в духе ...понятия "золотой середины", как это было в доцинский период. "Чжун" — это понятие абсолютного состояния, в котором примиряются все различия и противоречия, состояние скрытой борьбы всех свойств и явлений; в нем заложены бедное и низкое, добро и зло. Еще Су Цзыю [Су Чже, 1039-1112 — Г.Т.] заметил, что такая концепция носит вполне буддийский характер; подобного рода концепции невозможны для конфуцианства, тем более доцинского. К тому же и самое сочинение представляет подобно "Да сюэ" стройный трактат, резко отличающийся по форме от официального типа книг доцинского времени. Поэтому и относительно "Чжун юна" возникает сомнение, не возникла ли и эта книга в ханьское время, когда уже проник буддизм и когда ученые были заняты именно систематизацией философского наследия минувшей эпохи.

Мы имеем три варианта текста "Да сюэ": т[ак] наз[ываемые] "Мин дао бэнь", "Ичуань бэнь", "Гао-ши бэнь" [Гао Паньлун, 1562-1626 — Г.Т.]. Порядок разделов в этих вариантах различен, но в целом — как книги, один. В ней было три основных положения — "раскрытие своих свойств", "обновление народа", "пребывание в высшем добре". Эти три основных положения сопряжены с важным положением — практической деятельностью человека. Положения эти развиваются строго последовательно, формулируются точно, мысль формулируется даже систематически. Изложение идет внешне лаконично, ни одного лишнего,

ненужного слова. Дано только то, что нужно. Таков же и трактат "Чжун юн". Трактат "Чжун юн" также имеет варианты. Известны разногласия Чжу-цзы [Чжу Си — Г.Т.], Чэн Ичуаня [Чэн И — Г.Т.] и Ван Бо на последовательность абзацев этого трактата. Но в целом и это — образец строгого, систематического рассуждения.

Чжуан-цзы

Идеи Чжуан-цзы двойственны. В своей концепции мира он следует за Лао-цзы, выставляет ту же теорию *у вэй цзи жань*²⁵, что и тот, даже еще в более обозначенной форме. Но в своей концепции человеческой природы и жизни он высказывает мысли, очень близкие к буддийским. Таковы его мысли о единстве жизни и смерти, о равенстве всего существующего, о судьбе и предопределении. Также буддизм напоминают его призывы к уничтожению всех страстей и желаний, к отказу от привязанностей, к созерцанию. Но буддийским только является тот общий план самоутверждения личности, в котором ведутся рассуждения Чжуан-цзы.

Книга, носящая имя Чжуан-цзы, состоит из 33 глав. Однако лишь только первая часть ее, так называемые "*нэй пянь*", может считаться принадлежащей Чжуан-цзы; прочие же части — "*вай пянь*" и "*цза пянь*" — написаны, вероятно, последователями Чжуан-цзы, может быть, его непосредственными учениками.

Книга Чжуан-цзы — это книга символов и аллегорий, книга притч. С этой стороны она приближается к буддийским сочинениям. Таким образом, если говорят, что книга Лао-цзы имеет известный отпечаток буддизма в своем содержании, то книга Чжуан-цзы имеет этот отпечаток и в содержании, и в форме. Трудно, конечно, сказать, действительно ли повлияло на автора какое-нибудь буддийское сочинение, и если да, то какое; но бесспорно то, что для китайской литературы этот стиль, эта манера изложения, этот жанр — нов. Новизна его особенно бросается в глаза при сопоставлении книги Чжуан-цзы с книгой Ле-цзы, весьма близкой к ней по содержанию: Ле-цзы написана в совершенно иной манере — простой и примитивной. Так что приходится сказать, что литературный жанр Чжуан-цзы — в плане индийской буддийской литературы.

Замечательным образцом этого литературного жанра является первая глава из отдела "*Нэй пянь*" — "Сяо яо ю". В ней говорится о преодолении в себе, в жизни всех различий, о пребывании "по ту сторону добра и зла", о слиянии с абсолютным, о преодолении "малого разума" (*сяо чжи*) и приходе к "большому знанию" или "незнанию знаний", об отрешении от "внешнего я" и прихода к "внутреннему я". Таким путем человек приходит в царство абсолютной духовной свободы и "гуляет" в нем.

Эти мысли подаются автором в аллегорических образах. Так, например, "большое" или "истинное" знание дано в виде образа "гигантской

рыбы" (*гунь*) и "гигантской птицы" (*пэн*). "Малое знание" — в образе [цикады] (*тяо*) и [перепелки] (*чиянь*). Те же образы символически изображают соответственно величие мира абсолютного и мелочность мира относительного (различий). Примеры, приведенные тут же, вроде Сун Жун-цзы и Ле-цзы, знаменуют людей, перешедших за грань этого относительного мира, но еще не вошедших в царство абсолюта. Ле-цзы "летает на ветре", то есть хотя и летает по Поднебесной, но нуждается в материальном средстве — ветре; тот же, кто окончательно слился с абсолютном, тот "летает в безграничности, оседлав путь неба и земли, правя шестью стихиями (*лю цзи*)", то есть светом, мраком, ветром, дождем, инь и ян. Именно такого рода аллегоричность и характерна для книги Чжуан-цзы.

В главе "Ци у лунь" Чжуан-цзы предупреждает против того, чтобы за различным мнением забывать о единстве пути вселенной; против того, чтобы, находясь в плену "малого знания", погрязать в сфере своего "малого я" и забывать о внутреннем единстве с жизнью; он говорит о необходимости "многое" свести к "единому". В главе "Да цзун ши" Чжуан-цзы говорит о необходимости перешагнуть грань бедности и богатства, жизни и смерти. Замечательно его рассуждение также в форме притчи о единстве (сединоподобии — *жу*) жизни и смерти. Также исключительно по остроте доказательства положения: "ненужное есть самое нужное" (*у юн и да юн*), приводимое в главе "Жэнь цзянь ши".

Все же наилучшей по литературным качествам является первая глава. Она представляет нечто вроде поэмы в прозе, эпической песни. Некоторые из современных знатоков Чжуан-цзы даже говорят, что книга Чжуан-цзы, особенно эта глава, вполне может — и по силе мысли, и по яркости образов, и по глубине символов — выдержать сравнение с "Так говорил Заратустра"²⁶.

Чжуан-цзы и Ле-цзы

Книга, известная под именем "Ле-цзы", загадочна. Считается обычно, что Ле-цзы жил раньше Чжуан-цзы, но сказать, кто это был, когда он жил, мы не можем: никаких данных не сохранилось. Вполне допустимо, что вообще это имя — вымышлено²⁷.

Бесспорно одно. Книга Чжуан-цзы и Ле-цзы почти совпадают полностью в стиле, в манере изложения; в очень многих случаях они совпадают и в содержании, иногда чуть ли не повторяя друг друга. Если считать, что Ле-цзы был действительно предшественником Чжуан-цзы, придется допустить, что в книгу Чжуан-цзы попали вставки из Ле-цзы. Но, с другой стороны, имеет место и следующее: в книге Ле-цзы особенно много мест, близких по тематике к тем главам Чжуан-цзы, которые считаются продолжением его учения. Если так, то напрашивается предположение: не является ли книга "Ле-цзы" произведением, вышедшим из школы Чжуан-цзы и поданным от лица вымышленного персонажа?

Чрезвычайно интересно и поучительно сравнительное изучение сходных или совсем одинаковых мест "Чжуан-цзы" и "Ле-цзы". Они позволяют сделать такой вывод: одно и то же у Чжуан-цзы изложено короче и проще, чем у Ле-цзы, у которого можно найти некоторое многословие и длинноты там, где Чжуан-цзы ограничивается сжатым и точным выражением. Как известно, многословие и растянutosть есть характерный признак ханьской литературы. Не значит ли это, что "Ле-цзы" возник где-то возле Хань или во времена Хань? Во всяком случае эти подробности стиля свидетельствуют, что "Ле-цзы" появился позже, чем "Чжуан-цзы". Но сказать что-либо определенное нельзя. Можно только строить различные предположения.

Хань Фэй-цзы

Самостоятельное явление представляет Хань Фэй-цзы. Он сочетает в себе элементы и конфуцианства, и учения Лао-цзы, но сумел создать на этой основе оригинальную теорию, теорию "закона" как всемогущего принципа организации общества и государства.

Хань Фэй-цзы больше всего обязан своими взглядами Сюнь-цзы, учеником которого он был вместе с известным Ли Сы. Исходя из положений своего учителя, что природа человека в основе зла, он считал, что морально сделать что-либо нельзя, а нужен твердый закон, нужны наказания. Однако, в учении о "пустоте и покое сердца" как необходимом свойстве правителя, он зависит от Лао-цзы. О жизни Хань Фэй-цзы известно следующее. Он происходил из знатного рода в княжестве Хань. С горечью наблюдая упадок своего княжества, он написал три сочинения "Гу фэнь", "Шо нань", "У ду", в которых изложил те способы, которыми можно было, по его мнению, построить государство. Однако, его князь не оценил Хань Фэй-цзы. Оценил его циньский Шихуан, которому на глаза попалось первое сочинение. Он призвал автора к себе. Дело кончилось печально для Хань Фэй-цзы: Ли Сы, его бывший коллега по школе, завидуя восходящей звезде своего собрата, оклеветал его и добился того, что тот был убит.

Лучшими главами в книге Хань Фэй-цзы являются "Гу фэнь" и "У ду". В первой автор негодует на то, что прямота в свете не признается; во второй он выступает против преклонения перед стариной, древностью, что является чуть ли не единственным примером мыслителя, осмелившегося это сказать. Во второй главе он затрагивает тему о народонаселении, высказывает мысль, отчасти напоминавшую Мальтуса: он указывает, что население непрерывно растет, что трудности жизни вследствие этого возрастают, т.к. продуктов питания не хватает; что на этой почве развивается борьба, преступность и что единственным средством справиться с этим является нападение. Любопытно его представление о ходе истории: "В древности соперничали друг перед другом в добродетели; в средние века гнались за умом; в настоящее время ссорятся из-за семьи".

В главе "Шо нань" автор полемизирует с распространенными в его время разными учениями. Эта полемика дана в очень острой форме, полной сарказма.

Современником Хань Фэй-цзы был Ли Сы. Как писатель по политическим вопросам он стоит — по стилю, по искусству — не ниже своего знаменитого собрата по учебе у Сюнь-цзы. Образцом его литературного стиля является его докладная записка циньскому князю "Об изгнании гостей". Дело в том, что в те времена в княжество Цинь стекалась масса всякого народа из других мест Китая, всяких ученых эмигрантов из других княжеств, авантюристов, ораторов и т.п. Ли Сы видел опасность от такого скопления беспокойных элементов и советовал князю разогнать их. Его литературный стиль оказал известное влияние на публицистику ханьского периода и времен Лю-чао.

Чуньцю Цзо чжуань

Летопись Конфуция уже в древности породила своего рода комментарии. Конфуций в сущности дает хронологию событий и важных, и неважных. Ход истории, смысл событий в этой летописи прочесть нельзя. Комментарий на нее и представляет по сути дела развернутую прагматическую историю в соединении с философией истории. Это есть самостоятельные исторические труды.

Этих комментариев три: "Чуньцю Цзо чжуань", "Чуньцю Гунъян чжуань" и "Чуньцю Гулян чжуань". Первый считается принадлежащим Цзо Цюмину, второй — Гунъян Гао, уроженцу княжества Ци; третий — Гулян-Чи, уроженцу княжеству Лу. Последние две работы появились, как полагают, в начале периода Чжаньго; "Цзо чжуань" — несколько раньше, в конце Чуньцю. Впрочем, это — не более, чем предположение.

Совершенно неизвестно ничего и о Цзо Цюмине. Его называют Сыма Цянь и Бань Гу, но ничего кроме простого упоминания у них нет. Поэтому даже возможны сомнения в историчности этого лица. Но споры по этому вопросу бесполезны, т.к. весь спор будет вестись только в области догадок. Несомненно только то, что "Цзо чжуань" — произведение очень талантливого писателя. Конфуцианцы поздних времен отрицательно относились к "Цзо чжуань", выставляя на первый план и разбирая недостатки этого сочинения и отдавая предпочтение "Гунъян чжуань" и "Гу лянь чжунь". Но это типично конфуцианская оценка. Действительно, с точки зрения философствования в конфуцианском стиле, последние два трактата ближе к конфуцианским взглядам, но как исторический трактат "Цзо чжуань" неизмеримо выше тех двух.

Конфуций в своей "Летописи" охватил период в 242 года, отметив образование и падение 102 княжеств, упомянул о 36 случаях убийства государей и снабдил эти факты, особенно последние, краткими оценками, и все. Цзо Цюмин рассказал историю этого времени.

Среди китайских ученых существует убеждение, что факты, сообщенные Цзо Цюмином, верны. Чжу-цзы прямо говорит, что все, что рассказывает Цзо, на 8-9 десятых соответствует истине. Кроме того, считается, что Цзо сумел хорошо передать сущность конфуцианских взглядов. Минский "Ван на цзянь" говорит: "Что не утрачена мысль Конфуция, подлинный дух Конфуция, это — книга Цзо".

О литературном стиле "Цзо чжуань" существуют разные мнения, но большинство критиков согласно в том, что как историческое произведение — эта книга безупречна. Лучшую и правдивую, хотя, может, несколько чересчур восторженную оценку этой книги дал Фэн Лихуа.

На взгляд современного читателя, изложение Цзо Цюмином просто, но не примитивно. В повествовании нет ничего лишнего, нет и сухости. В этой сжатости и простоте — вся ценность литературного стиля "Цзо чжуань".

Цзо Цюмину приписывают еще сочинение под названием "Го юй". Это нечто вроде подготовительной работы для "Цзо чжуань": истории отдельных княжеств. Ценность его и историческая, и литературная — гораздо ниже, чем "Цзо чжуань". Рядом с "Цзо чжуань" ставят другой исторический памятник этой эпохи — книгу, названную "Чжаньго цэ" (иначе: "Го цэ", "Го ши"). Под этим названием мы имеем ту редакцию книги, которая вышла из-под рук ханьского Лю Сяна. Эта книга написана каким-то политиком времени Чжаньго, который ездил по княжествам с предложением всяких планов и проектов по управлению государством. Среди ортодоксальных китайских ученых существует отрицательное отношение к этой книге, как к *цзунхэн чжи шу*²⁸, но она именно ценна тем, что превосходно отражает ту эпоху с ее странствующим политиком-"софистом" того времени. Содержание книги является историей Китая за 945 лет, от чжоуского Ань-вана до циньского Шихуана. Сначала автор повествует о Западном Чжоу, затем о Восточном Чжоу, затем переходит к отдельным княжествам — Цинь, Ци, Чу, Чжао, Вэй, Хань и Янь. В этой книге прекрасно описана борьба княжеств между собой за гегемонию, появление "ба" — гегемонов. Историческая ценность этой книги настолько серьезна, что рассказ Сыма Цяня о периоде Чжаньго построен главным образом на материале "Чжаньго цэ". Очень ценно в этой книге то, что он побывав на службе в 12-ти княжествах, узнал многих деятелей и о многих деятелях и оставил о них всякие данные. Это также использовал Сыма Цянь. С литературной точки зрения это произведение ниже сымацзяневских, но заслуживает полного внимания. Особенно хорошо даны в этом произведении портреты деятелей эпохи: некоторые из них предстают перед нами как живые, как, например, известный политик и дипломат Су Цинь, служивший циньскому Хуэй-вану. Сыма Цянь в своей биографии Су Циня недалеко ушел от "Чжаньго цэ".

Прочие произведения доциньской литературы

Из других произведений доциньского периода следует выделить трактат по военному искусству, принадлежащий Сунь-цзы²⁹, и "Люйши чуньцзю", приписываемый Люй Бувэю. Из них особенно интересна с литературно-исторической стороны последняя книга. Эта книга — собрание легенд и преданий. Рассказывают, что Люй Бувэй, собравший вокруг себя около 3000 клиентов (кэ), заставлял каждого рассказывать то, что он знал или слышал примечательного, и записывал этот рассказ. Однако в книгу вошли не только легенды и предания, но и всякого рода сведения, что делает ее своего рода энциклопедией. Так, например, "Шиэр цзы" содержит в себе полный текст "Юэ лина"; "Ли цзи" в литературной форме дает описание каждого из 12 сезонов года (по три сезона на весну, лето, осень и зиму); даются описания астрономические, метеорологические, географические, устройство животного и растительного мира. Этот текст, кстати сказать, имел очень большое значение, как база для календаря. Он пришел в Японию, где все учение о судьбах было основано на нем. По идейному содержанию эта книга в общем принадлежит к конфуцианству, т.к. в ней явно присутствует если не прямая конфуцианская доктрина, то конфуцианский дух. Но это не превратило ее в сухую проповедь конфуцианских идей. Стиль изложения — сверхразнообразный. Одна часть была в чисто повествовательном плане, другая — в описательном, третьи — представляют законченные рассуждения. Так, например, хорошо известно рассуждение о музыке, содержащееся в гл. "Чжунся цзи", в котором автор анализирует воздействие музыки на психологию человека.

Вообще говоря, это сочинение можно считать предшественником и прообразом знаменитой книги ханьской эпохи — "Хуайнань-цзы".

Цюй Юань

Собственно говоря, история китайской художественной литературы в области поэзии начинается с "Ши цзина"; за ним следует "Чу цы", в особенности творчество Цюй Юаня, его "Цы фу". В области прозы она начинается с элементов художественной литературной прозы, данных в книгах "Чжуан-цзы" и "Ле-цзы", отчасти — в книге "Хань Фэй-цзы". В некоторой степени должны приниматься и те легенды и предания, которые записаны в "Люйши чуньцзю". Все прочее, возникшее в доциньский период, собственно к художественной литературе отношения не имеют. Эта литература — публицистика, прежде всего философия, история, которая может иметь свое художественное достоинство — больше или меньше, но которая от самих этих достоинств становится не художественной литературой, беллетристикой в точном смысле этого слова. Поэтому ее следует рассматривать в истории китайской общественной мыс-

ли, оценивая прежде всего ее содержание, идеологию и только попутно отмечая наличие или отсутствие в ней тех или иных присмыв чисто литературной обработки.

Цюй Юань появился в княжестве Чу. Это — не случайно, что первый китайский поэт родился в этом царстве: там давно уже процветало поэтическое искусство и вообще литература. "Согласно Ивэнь чжи" Ханьской истории, основатель чуского государства Юй-цзы [Юй Цюань (?-675 г. до н.э.) — Г.Т.], подражая чжоускому Вэнь-вану, покровительствовал наукам и литературе и будто бы сам даже написал книгу "Юй-цзы". Она до нас не дошла; имеющиеся под таким названием сочинения — позднейшие подделки. Традиция эта продолжалась и далее, и поэтому в царстве Чу раньше, чем в других местах Китая, стала процветать художественная литература.

Цюй Юань сам принадлежал к одной из ветвей царского рода. Живя в царствование Хуай-вана, он одно время достиг большого влияния в государстве, но потом — как это регулярно случается в китайской истории — был "оклеветан" перед своим правителем и был удален от двора, а затем сослан в Цзяннань. Однако даже в изгнании он оставался патриотом своего отечества, беспокоился за его судьбу и не оставлял надежды, что его правитель снова призовет его к себе. Надеждам этим, однако, не суждено было сбыться: чуский ван попал в плен к Цинь и умер в плену. Цюй Юань, узнав об этом, потерял всякие надежды и бросился в реку. Как жизнь Цюй Юаня, так и его потрясение превосходно отражены в его произведениях.

При упоминании имени Цюй Юаня сейчас же вспоминается "Чу цы". Иногда употребляют это название как обозначение произведения Цюй Юаня. Это неверно. "Чу цы" есть общее название поэтических произведений как самого Цюй Юаня, так и других последующих поэтов царства Чу, в большинстве случаев — последователей его. "Ивэнь чжи" Ханьской истории упоминает о 25 произведениях Цюй Юаня. Это следующие: "Ли сао" (1), "Цзю гэ" (11), "Тянь вэнь" (1), "Цзю чжан" (9), "Юань ю" (1), "Бу цзю" (1), "Юй фу" (1). Принадлежность последних двух "цы" Цюй Юаню подвергается сомнению. Лучшей из всех этих вещей является "Ли сао".

Существуют различные предположения относительно того, когда написана эта поэма. Ясно только то, что она создана в тот момент, когда положение поэта при дворе пошатнулось, когда он был удален от своего поста. Это произведение проникнуто глубоким горьким чувством, написано богатым и красивым языком, свидетельствует о могучей творческой фантазии поэта, о его большом искусстве мыслить символами, аллегориями, метафорами. В нем рассказывается, как поэт принужден покинуть свою страну и искать себе по свету пристанище; как он хочет найти правителя, которому мог бы служить, но в то же время неотступно думает о своей работе. Поэт этот переведен на английский, немецкий и французский языки.

Первым памятником кит[айской] поэзии являются песни "Ши цзин". За ними следуют поэмы Цюй Юаня. Что можно усмотреть из сопоставления этих двух эпох? Поэмы Цюй Юаня свидетельствуют об огромном развитии поэзии. Прежде всего появилась большая поэтическая форма — поэма; на место простого ритма и мелодии (*инь люй, и-ян*) появился сложный ритм и мелодия; появились плавные рифмы на месте условных. Изменилось и идейное содержание поэзии: стихи Цюй Юаня полны мотивов конфуцианских и даосских. Видны и примеры положительного знания. Об этом свидетельствуют такие произведения, как "Ли сао цао му шу", "Ли сао бянь чжэн".

Из других поэтов почти современников Цюй Юаня, также писавших в жанре "фу", следует упомянуть: Сун Юй, Цзин Ча, Тан Лэ. Эти поэты могут считаться принадлежащими к его школе — отдельно стоит Сюнь Цин. От него сохранилось пять произведений из 10-ти. Широко известны поэмы Сун Юя. Он был мл[адшим] братом Цюй Юаня. Он также находился на службе у своего правителя (в качестве дафу). Смерть своего брата он оплакал в поэме "Цзю бянь". Лучшие из его поэм следующие: "Шэнь нью фу", "Фэн фу", "Гао Тан фу", "[Дэнтун-цзы] хао сь фу".

Произведения Сун Юя не богаты так метафорами и символами, как поэмы его брата. Но при всем этом он достигает высокой поэтичности другими средствами — выбором слов, образов, нахождения лучших выражений. Ввиду этого они и оказали большое влияние на ханьскую литературу, очень много работавшую над поэтическим языком, над всеми сторонами поэтического произведения. Так, в поэме о "ветре" он сумел найти удивительно яркие слова и образы для описания ветра; в поэме "Богиня" — нарисованный образ кажется совершенно живым. Под его непосредственным влиянием находились Сыма Сянжу, Цзя И, Мэй Чен. Лучшей из его поэм все же, пожалуй, является "Поэма о ветре".

Таким образом, китайская литературная поэзия создана Цюй Юанем и Сун Юем. Они не только при этом дали замечательные произведения, но и открыли пути для дальнейшего развития. В этом огромная историческая ценность их творчества.

1-го августа 1941

Около 2 ч. дня

Москва

Внутренняя тюрьма НКГБ

Кам. 52

Да будет успешна и эта работа!

ОБ ИЗДАНИИ "ИСПОВЕДЕЙ" АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА, Ж.-Ж. РУССО И Л.Н. ТОЛСТОГО

В настоящем выпуске серии "Литературные памятники"¹ мы предлагаем читателям три произведения — "Исповеди" Аврелия Августина, Жан-Жака Руссо и Льва Николаевича Толстого.

Произведения эти давно и хорошо известны. Их не забывают и в наше время; то и дело появляются их новые издания; на их родине — в оригинальном виде, в других странах — в переводе. И это — несмотря на то, что со времени написания (1879 г.) третьей, последней, прошло уже почти столетие, со времени выхода в свет (1782 г.) второй — около двух столетий, а от первой (400 г.) нас отделяет уже более полутора тысяч лет.

Сейчас мы снова издаем эти три "Исповеди"². Отчасти потому, что они у нас давно не издавались, а напомнить нашему читателю в наше время об этих своеобразнейших, можно сказать — уникальных произведениях следует; отчасти потому, что "Исповедь" Августина мы можем предложить в новом, специально для данного выпуска сделанном переводе³, который, по нашему мнению, гораздо лучше передает оригинал, чем прежние переводы; отчасти потому, что эти "Исповеди" мы даем с новыми комментариями, а к "Исповеди" Толстого присоединяем некоторые материалы из наследия великого писателя, связанные с "Исповедью" и помогающие нам лучше понять автора. Но все же главным образом потому, что, издавая их вместе в одном выпуске, мы хотим, чтобы читатель в этих трех "Исповедях" трех великих людей, принадлежащих столь разным векам и народам, усмотрел некую "Трилогию", составленную издателем особым и весьма компетентным: историей. Именно она, история, на наш взгляд, соединила произведения латинизированного африканца-бербера IV-V вв., швейцарца-француза XVIII-го века, русского XIX-го века.

Мы издаем три "Исповеди" в нашей серии потому, что они — литературные памятники. Их часто зачисляют в состав того, что называют "литературой мемуарной", — в раздел "автобиографий". "Исповедь" же Августина склонны при этом даже несколько обособлять, определяя ее как "автобиографический роман" — первый по времени во всей истории литературы, а такое определение уже прямо указывает на принадлежность этой "Исповеди" к литературе в привычном для нас понимании. Но бесспорно литературным произведением является каждая из этих трех "Исповедей": в ней есть свой литературный герой, своя литературная тема, свой сюжет, свои приемы разработки сюжета и трактовки темы.

Разумеется, это требует пояснения; однако, с начала — необходимое предварительное замечание.

Толстой назвал свое произведение "Исповедью"; так же и вполне обосновано — мы передаем по-русски французское название произведения Руссо, латинское — Августина. Слово "Исповедь" встречается в обиходе религии; оно есть в христианстве, есть в буддизме. В христианстве это — обозначение акта одного из так называемых "таинств" — таинства покаяния; совершающий этот акт не просто рассказывает о том, что он считает своими прегрешениями, а кается в них в надежде получить прощение. Рассказ о своих прегрешениях — таково единственное содержание исповеди; покаяние — единственный ее смысл; отпущение грехов — единственная ее цель.

Иной характер имеют рассматриваемые "Исповеди". У них — иное содержание: авторы рассказывают и о таких своих поступках, которые они считают дурными, и о таких, которые им кажутся хорошими; короче говоря, -- обо всей своей жизни. Тут они действительно близки к автобиографии. Они рассказывают, далсе, и о своих современниках, об обществе своего времени, о событиях. В этом они близки к мемуарам. Однако, даже тогда, когда они, говоря о своих поступках, которые им представляются дурными, осуждают их, сокрушаются о них, все равно это — не покаяние в религиозном смысле понятия. Все три "Исповеди" — произведения литературы и литературы светской. И предназначались они для того, чтобы их читали. Многим современникам Августина была известна его "Исповедь"; он сам способствовал ее распространению. Руссо не решился опубликовать это свое произведение, но совсем не по соображениям его глубокой интимности; избранным он охотно давал ее читать, а о том как он заботился, чтобы она стала известной, видно уже из того, как тщательно он готовил списки своей "Исповеди" и заботился о надежном их хранении.

Толстой же, долго крепившийся, все же пошел на публикацию своей "Исповеди".

Но все же они названы авторами "Исповедями" — словом, идущим из религиозного обихода. И это — неспроста: они построены на том же приеме, что и исповеди религиозные: автор обязательно к кому-то обращается — открыто или замаскированно. У каждого есть свой "собеседник", с которым, собственно, и ведется разговор. У Августина это — бог, у Руссо — общество, у Толстого — совесть.

Однако, когда читаешь эти "Исповеди", видишь, что собеседник у каждого весьма своеобразный. Он не появился откуда-то извне, он найден или создан самим автором, найден и создан именно таким, в разговоре с кем автор может максимально свободно и полно раскрыться. Августину нужен был собеседник, который все понимал бы, все знал, и при этом мог бы отнести к нему, как судья, но судья благой, милостивый. В образе кого же -- во времена Августина и для человека его склада — можно было представить себе такого собеседника, как не в образе всеведущего и всемилостивого бога? Для Руссо требовался собеседник, с которым он постоянно общался, с которым протекала его жизнь, но собеседник так сказать обобщенный. Кто же мог быть им для человека эпохи Руссо, как не современное ему общество? Толстому нужен был собеседник-судья, --

суровый, бескомпромиссный. А кто же — для человека типа Толстого — мог быть им, как не человеческая совесть?

Но странно! Присутствие в каждой из "Исповедей" таких "собеседников" несомненно; они чувствуются очень явственно, но действительно яркими образами они становятся тогда, когда в них всмотришься внимательнее. Кто такой бог у Августина? Он — бесконечно-великий, неизмеримо-мудрый, но он — в человеке, а человек — в нем: они неотделимы. Поэтому-то автор и обращается к своему собеседнику как к самому себе. Но не означает ли это, что собеседник Августина, одного из деятелей Западной Церкви, в данном случае — просто он сам в сублимированном образе? А кто такой собеседник Руссо, как не сам он, только представленный в разных обликах, вернее — с разных сторон? И разве совесть у Толстого не просто он сам — его гений. Все три писателя сумели построить свое самораскрытие на приеме обращения к самому себе в сублимированном, — конечно, в духе каждого, — образе.

Все же, пусть и сублимированный, но собеседник этот вполне конкретен; и конкретен прежде всего — исторически: он — человек своего времени. Невозможно представить себе Августина вне его эллинистически-римского мира IV-V вв., Руссо — вне Франции XVIII в., Толстого — вне России второй половины XIX в. Понять же, каким мог быть человек каждой из этих эпох, можно только вспомнив, что это были за эпохи.

Можно сказать об этом кратко: это были великие "кануны". Великие потому, что поистине великим было то, что последовало, когда наступил самый "день", IV-V вв. — время перелома всей истории того географического и культурно-исторического мира, который включал в себя старые культурные народы присредиземноморской зоны европо-афро-азиатского континента и вместе с ними народы исторически молодые, составлявшие до этого "варварскую периферию" римского круга земель. Все эти народы переходили от "Древности", которая у старых народов была своя, у молодых — иная, к "Средневековью", соединившему их вместе. Это был перелом экономический, социальный, политический, культурный, но все, самое кризисное в нем, сконцентрировалось в идеологии — религии, философии. Время Августина — та полоса, когда перелом этот уже начался. Уже позади был 325 год — год создания своего рода идейного манифеста будущей эпохи Никейского Символа. В 410 г. под ударами Алариха пал сам "Вечный город" — этот символ величия Древнего мира. Но разбушевавшийся поток истории еще только разливался. "День" еще не настал. Был все еще "канун".

Великим кануном было и время Руссо. Европа, а тогда она шла впереди всех прочих частей света, переживала свой переломный момент: формировался Новый мир — тот, первые камни в фундамент которого заложили первые буржуазные революции — нидерландская и английская. Впереди же предстояла революция во Франции, окончательно поведшая мировой исторический процесс по новой колее. Перелом этот, разумеется, захватил все стороны общественной жизни, но его критические элементы и тут наиболее ярко проявились в области идей. Мы называем эти идеи "Просвещением". Руссо не только воплотил в себя дух этого "Просвещения", но сам очень многое в нем определил.

Кануном была и эпоха Толстого: это было время, когда уже шла подготовка к новому решительному повороту истории. Еще в 1848 г. симптомы надвигавшегося поворота подметили Маркс и Энгельс в их "Манифесте Коммунистической партии". О назревавшем катаклизме громким голосом заговорил 1871 год — языком Парижской Коммуны. Может быть, Толстой и не обратил особенного внимания на Коммунистический манифест, прошел мимо сигнала, поданного коммунарами Парижа, но то, что по Европе уже бродил "Призрак коммунизма" -- предвестие чего-то огромного, критического для человечества, он -- пусть и по-своему — не чувствовать не мог. Не мог как великий художник, обладавший мощным и безошибочным присматривателем — своим гением. Что же значил тогда его гений, продиктовавший ему ряд произведений, сказал Ленин: "Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества"². Ленин сказал о художественном развитии, но разве оно отделимо от всего прочего, особенно этического и социального, когда его направляет такой гений, как Толстой? Таким образом каждая из "Исповедей" принадлежит кануну трех великих исторических эпох и родилась именно в той стране, где этот канун особенно чувствовался: "Исповедь" Августина — в позднеримской империи, Руссо — в королевской Франции, Толстого -- в царской России. Три "Исповеди" потому не только выдающиеся памятники литературы, но и выразительные документы истории.

О них можно сказать, однако, еще одно: они — яркие человеческие документы. Может быть, даже именно эта их сторона делает чтение их таким волнующим. Они — человеческие документы, потому что сами исполнены беспредельным волнением. Оно прямо бушует у Августина; скрытой, туго сжатой пружиной заложено в строках Руссо; вырывается из каждого слова Толстого. Они — человеческие документы, потому что в них авторы предельно раскрываются, не щадя ни себя, ни читателя. Они — человеческие документы, потому что в них авторы вызывают к себе, к своему обществу, к Провидению.

Что же заставило этих трех великих людей написать свои "Исповеди"? Не их ли время — время кануна, которое всегда полно конфликтами и многое требует от человека? Не означает ли это, что такое время требует от человека обращения к себе с вопросом: делал ли все так, как это нужно было для построения того нового мира, наступление которого он чувствовал всем своим разумом, всей своей душой? Был ли он сам таким, кто имел право принимать участие в этом великом труде? Достоин ли, наконец, он, как человек, этого грядущего мира?

Чтобы поставить перед собой все эти вопросы, нужно было обладать большим умом и сердцем. И еще одним: острым чувством своей ответственности не только за свое время, но и за будущее, пусть и отдаленное. Именно такими людьми и были три великих автора трех великих "Исповедей".

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Из истории науки

Я не мыслю своей работы без участия коммунистов

(Выступление Н.И. Конрада на собрании партзвена Японо-корейского кабинета ИВ АН СССР)*

Не позднее 10 сентября 1933 г.

Мне, как и всем сотрудникам, чрезвычайно приятно и радостно, что подготовка к чистке¹ с самого начала поставлена так, чтобы в полной мере прислушаться к голосу беспартийных трудящихся, строящих новую жизнь. С самого начала она обставлена так, чтобы привлечь широкие массы трудящихся к чистке, т. к. эта чрезвычайной важности задача интересует всех нас.

Совершенно ясно, что ни один научный работник не может стоять в стороне от участия в очищении партрядов от всего непригодного как в АН, в целом, так и в ИВ².

Я хочу конкретнее сказать. Я хочу высказаться в данном случае о наших партийцах, об их роли во всей производственной работе нашего кабинета. Прежде всего, я не мыслю себе работы без участия в ней коммунистов. Это — та сила, которая, хочу прямо сказать, помогла мне и всем нашим сотрудникам в их общем научном росте. Если принять во внимание роль и значение качества во всякой научной работе советского научного работника, то будет понятно, что я хочу сказать. Именно в этом, прежде всего, помогали нам наши товарищи партийцы. Тщательное глубокое исследование научных материалов, методологически правильное их осмысливание — вот чего требовали от нас товарищи.

Надо сказать, что успехи, которые мы имеем в этом смысле в нашей производственной работе, связаны только с ростом успехов активной работы наших партийцев, с их участием в работе кабинета.

Второе. В нашем кабинете мы не знаем ни дразг, ни малейших неполадок на основе личных недовольств. Более того, все, что понимается

под единоначалием, товарищи до "шепетильности" проводили. Приведу маленький, но для меня крайне отрадный факт. Недавно я попросил т. Корияна³, находящегося в отпуске, провести занятия со студентами-практикантами. У т. Корияна, кроме того, были еще свои дела, но он ответил: "Если это нужно, Николай Иосифович, обязательно сделаю."

Третье. Товарищи аспиранты, — а они у нас все партийные, — уверенно работают над собой, давая неплохие производственные показатели.

Четвертое. Мне радостно видеть, что наши партийцы ведут большую общественную работу на самых передовых участках в ИВ.

Пятое. Застрельщиками в организации ленинградской ассоциации японоведения и активными участниками в ней являются те же наши партийцы⁴.

Хочу отметить один дефект в работе части наших товарищей-аспирантов. Они изучают тот японский текст, который может им служить материалом для их работы, но меньше работают над языком вообще, а ведь это — основное в работе япониста, с чем они должны справиться в первую очередь, если хотят быть японистами.

Докладная записка директору ИВ АН СССР академику А. Н. Самойлову¹ о работе Японо-корейского кабинета Института * 2 апреля 1936 г.

Японский кабинет ведет работу по изучению Японии в следующих направлениях: история, идеология, литература, лингвистика².

1. Работа по истории ведется по следующему плану:

1) Изучение первоисточников — в порядке составления критико-библиографических обзоров и исторических описаний в порядке перевода и исследования отдельных памятников. Так, на ближайший период в 5-7 лет намечены к изданию в виде переводов и комментариев к ним главные памятники феодального законодательства и историографические труды, могущие создать прочную основу для дальнейшего изучения истории феодальной Японии.

2) Издание исторических документов и материалов-переводов и комментариев. Так, на ближайший период намечено издание сборников материалов и документов по истории аграрных отношений феодальной и современной Японии, по истории крестьянских восстаний как в феодальную эпоху, так и в новой истории, по гражданской войне в революцию Мэйдзи³, по истории японского империализма, по рабочему движению и по революционному движению. Развитие работы в этом направлении объясняется настоятельной необходимостью ввести в научный оборот советского востоковедения новый и аутентичный материал для создания базы для монографических исследований.

3) Монографические исследования, из которых на ближайший период намечены исследования аграрного строя эпохи Токугава⁴, изучение революции Мэйдзи, изучение рабочего движения, изучение истории японской внешней политики в новое время, истории японского парламентаризма.

В настоящее время кабинет располагает лишь двумя сотрудниками, работающими по истории, тт. Жуковым Д.П. и Гольдбергом Д.И.⁵ Для осуществления хотя бы части намеченного плана необходимо увеличение состава сотрудников по этой специальности не менее чем на одного человека, и широкое привлечение сотрудников, работающих по договору.

II. Работа по философии и религии в настоящее время только начинается ввиду того, что единственным работником в данной области является заканчивающий ныне свой курс аспирант т. Радуль-Затуловский Я.Б.⁶ Тем не менее, развитие работы в этой области представляется настоятельно необходимым не только ввиду общей важности и политической актуальности вопросов, связанных с идеологией, но и потому, что философией и религией Японии никто не занимается. Особенно важно и поэтому намечено на ближайший период изучение политических и экономических учений, появившихся в эпоху, предшествующую революции Мэйдзи, а также системы военно-феодальной морали, современного буддизма и синтоизма. Для того чтобы начать изучение этих вопросов, кабинет нуждается в привлечении одного сотрудника и двух аспирантов.

III. Наша работа по литературе ведется по следующему плану:

1) Изучение литературных памятников — в порядке составления критико-библиографических обзоров и описаний памятников, издания комментированных переводов и монографических работ. На ближайший период намечено издание антологии классической поэзии — "Манъёсю", феодальной эпохи — "Хайкё-моногатари" и некоторых избранных памятников феодальной драмы. Этого рода работа имеет своей задачей не только создать возможность для монографических исследований отдельных вопросов, связанных с этими памятниками, но и послужить материалом для истории мировой литературы.

2) Издание монографических работ, посвященных отдельным магистральным линиям истории японской литературы. На ближайший период намечены работы по истории классической поэзии, по истории феодального романа, эпоса, по истории поэзии и повествовательной прозы эпохи Токугава, а также ряд монографий, посвященных классикам буржуазного романа; одновременно запроектирована и история пролетарской литературы.

3) Издание художественных переводов отдельных памятников японской литературы для запроектированных Институтом востоковедения литературных сборников.

В настоящее время кабинет располагает лишь одним сотрудником, специально работающим по литературе, — т. Глускиной А.Е.⁷ Для развития работы в дальнейшем потребуются привлечение двух новых сотрудников, в особенности для изучения новой литературы, которая до сих пор планом не затрагивалась. Кроме того, необходимо широкое привлечение работников на договорных началах. Эту часть работы кабинета развивать необходимо и по той причине, что нигде в другом месте в СССР изучение японской литературы не ведется.

IV. Работа по лингвистике намечена по следующему плану:

1) Изучение современного японского языка -- как буржуазного литературного языка, языка публицистического, так и современных форм феодального языка. Работа в этом направлении вызывается не только научными соображениями, но и чисто педагогическими потребностями, поскольку в настоящее время с совершенной очевидностью выявилась необходимость упорядочения преподавания японского языка в вузах.

2) Изучение современных диалектов, необходимое для постановки общих проблем японского языкознания и для объяснения ряда явлений национального языка.

3) Словарная работа — как по созданию японо-русского, так и русско-японского словарей, которая ведется в настоящее время совместно с Большой советской энциклопедией.

4) Работа над созданием исторической грамматики японского языка -- пока в отдельных монографических исследованиях.

В настоящее время кабинет не имеет ни одного сотрудника, работающего по японской лингвистике, кроме частично ведущих эту работу Конрада Н.И. и Невского Н.А.⁸, занятых в настоящее время составлением словаря. Ввиду ухода т. Невского в основном на работу по изучению тангутского языка, кабинет может оказаться в будущем без сотрудников-лингвистов. Поэтому решительно необходимо привлечь хотя бы двух таких сотрудников.

Обращая Ваше внимание на то, что в японском кабинете, носящем официальное название Японо-корейского кабинета, изучение Кореи совершенно не поставлено. Это является тем более нетерпимым, что ни в системе Академии, ни вообще в СССР, — научное изучение Кореи не ведется. Необходимо положить начало научному корсведению и привлечь не менее двух сотрудников и двух аспирантов — по лингвистике и истории⁹.

Зав. японским кабинетом Н. Конрад

Записка о работах Н.А. Невского

Не позднее 15 ноября 1937 г.¹

Предметами научного внимания Н.А. Невского являются: 1) тангутский язык и письменность 2) японское языкознание 3) японская этнография.

Огромное значение имеют работы Н.А. Невского по тангутоведению. Являясь одним из очень немногих тангутоведов вообще, т. Невский хорошо известен тангутоведам Китая, Японии и Европы, как исключительно плодотворно работающий над проблемой расшифровки не раскрытой еще тангутской письменности и восстановления тангутского языка.

Тов. Невским ведется в этом направлении большая работа, и уже в настоящее время им составлена значительная часть будущего тангутского словаря, в котором тангутская письменность получит не только свою смысловую расшифровку, но и свое фонетическое выражение. Одновременно т. Невским устанавливается и грамматический строй тангутского языка. Этот труд по окончании откроет мировой науке богатейший фонд тангутских письменных памятников, хранящийся в ИВ АН [СССР] и создаст возможность проследить исторические судьбы тангутского народа². Работая над этим фондом, Н.А. Невский успел уже описать очень большое количество памятников тангутской письменности.

Серьезнейшее значение имеют лингвистические работы т. Невского. Здесь он отмежевал себе область японской и рюкюсской диалектологии, сосредоточиваясь преимущественно на изучении говоров о. Мияко — из группы Рюкюсских островов³. В этом направлении т. Невский является пионером, впервые обратившем научное внимание на эти неизвестные науке говоры. Работая в основе над формальным описанием этих говоров, т. Невский, тем не менее, успел найти путь для привлечения данных этих говоров к объяснению многих явлений, наличествующих в японских диалектах, поставив таким образом вопрос о сравнительном изучении японских и рюкюсских диалектов.

Материал, собранный т. Невским лично, нов, свеж и сам по себе уже представляет большой интерес.

Из лингвистических работ Н.А. Невского необходимо выделить работы по изучению языка одного из племён Центр[альной] Формозы — цоу⁴. Собрав на месте большой материал, т. Невский успел дать очень важные для лингвистов "Материалы по говорам языка цоу Центр[альной] Формозы", являющиеся основными в этой области.

По линии этнографии т. Невский в начале своей деятельности работал в духе школы Фрезера⁵, изучая явления первобытной магии в японском ритуале. В последнее время, работая над языком цоу, он постепенно переходит на путь социологического изучения, дав, в частности, в связи со своими лингвистическими штудиями, очерк социального строя цоу. В значительной мере по линии этнографии идет и его работа над памятниками древней японской ритуальной поэзии — норито.

Таким образом, т. Невский является совершенно самостоятельным исследователем, работающим над неизвестными материалами, в значительной части добытыми им самим и обладающим всей полнотой знаний, нужных исследователю наивысшей квалификации.

К тридцатилетию советского востоковедения¹

Прошло тридцать лет существования нашего нового — советского — общественного и государственного строя и вместе с тем — тридцать лет новой, зародившейся в боях Октябрьской революции всемирно-исторической эпохи. Минуло тридцать лет и нашей советской науке. Сложную и знаменательную историю прожило за этот период и наше востоковедение. Многие из нас являются свидетелями этой истории и — в той или иной мере — ее участниками. Поэтому вполне естественно желание в юбилейные дни дать себе отчет в том в каком направлении развивалась за это время наша востоковедная наука и с чем мы пришли к нашему тридцатилетнему юбилею.

Мне кажется, что наиболее характерным — за истекшее время — явлением в нашем востоковедении была его дифференциация. Еще до революции мы наблюдали, как в составе единого комплексного востоковедения, понимавшегося, впрочем, главным образом, как восточная филология, обособились отдельные отрасли — языкознание, история, философия, литературоведение. Иначе как историком нельзя было назвать еще тогда В.В. Бартольда²; историком философии и никем иным был индианист Ф.И. Щербатской³; из представителей более молодого для тех времен поколения именно как языковед определялся тогда монголист Б.Я. Владимирцов⁴.

Этот процесс после революции развился с особой силой. И это было неизбежно. Дифференциация вызывалась, прежде всего, огромным увеличением материала, вводимого в науку, его крайним разнообразием, требовавшим — для надлежащей его разработки — специализации в той или иной области исследования. Особенно важную роль сыграло в этом смысле широкое введение в нашу науку проблем Нового Востока, сразу сделавшее совершенно отчетливым и просто необходимым существование в нашем востоковедении самостоятельных областей — экономики, истории, литературы, языка.

Но как бы ни были могучи сами по себе эти факторы, процесс дифференциации никогда не развернулся бы так широко, если бы в нашей науке не произошла кардинальная перестройка самой постановки вопросов экономики, истории, литературы и языка, коренного изменения методов их изучения; если бы перед нами не предстала задача решительного углубления нашего исследования. Эту перестройку и это углубление принес с собой марксизм, ставший основой вообще всей исследовательской работы и поставивший нашу науку на совершенно иную почву, принципиально отличную от всего, что было раньше. Именно марксизм-ленинизм научил нас стремиться к подлинному раскрытию самого существа изучаемых нами общественных явлений и процессов, в их связи и в их значении для жизни отдельных народов и всего человечества. Поэтому сейчас мы видим в нашей среде — как правило — уже не просто "востоковедов", а экономистов, историков, литературоведов, языкове-

дов и т.д., добавляющих к такому своему определению приставки "китаист", "иранист" и т. п. в том смысле, в каком эти приставки звучат в таких обозначениях, как "литературовед-романист", "языковед-германист", т. е. в смысле указания на материал исследования, а не на научную дисциплину.

Такая дифференциация уже возымела большие и благотворные последствия. Распавшись на ряд областей, востоковедение стало неуклонно сближаться с теми же дисциплинами, построенными на другом материале. Так шло сближение историков Востока с историками Запада, историков восточных литератур с историками литератур народов Запада и т. д. Это сближение вызывалось разными причинами. Прежде всего, сближал увеличивавшийся материал исследования: он открывал новые исторические и культурные связи между странами Востока и Запада, расширял рамки прежде известных связей, устанавливал их новое значение в истории этих стран.

Далее, на такое же сближение с "западниками" наталкивала "восточников" и частная методология соответствующих наук. Благодаря исторически значительно ранее развившимся и гораздо более разработанным отраслям науки, построенным на западном материале, в соответствующие области востоковедения стали проникать многие приемы научного исследования, практикуемые среди "западников".

Конечно, и та, и другая линии сближения "восточников" с "западниками" обозначились отнюдь не в последнее время. Среди наших крупнейших востоковедов старшего поколения было в прошлом и существует сейчас не мало ученых, знающих и материал, и методы работы соответствующих отраслей западоведения. Достаточно назвать, например, одного И.Ю. Крачковского⁵, бывшего в свое время естественно, прежде всего, близким к арабисту В.Р. Розену⁶, но вместе с тем ставшего вполне "своим" и для испаниста-литературоведа Д.К. Петрова⁷ и остающегося таким для всех литературоведов и сейчас. Крупнейшие востоковеды старшего поколения вообще обычно стояли и стоят на уровне науки своего времени. Более того, некоторые из них по широте своего научного охвата были в свое время значительно выше многих "западников", обычно не выходивших за рамки Европы. Достаточно назвать для примера хотя бы одного Ф.Е. Корша⁸, с научным кругозором которого в свое время лишь очень немногие могли состязаться.

Таким образом, уже в прошлом были заложены в пределах отдельных отраслей науки основы такого сближения востоковедения и западоведения. Но в послеоктябрьское время под влиянием вышеуказанных причин такое сближение развилось с особой интенсивностью, распространилось на все области востоковедения и — что самое главное — стало естественным и необходимым. Знание материала и методов исследования в пределах своей специальности в возможной полноте не только в рамках одного "Востока", но и "Запада", стало обязательным условием

работы всякого востоковеда, если он претендует на какое-либо серьезное место в науке. Таким путем был снят — если не всегда в практике исследования, то, во всяком случае, в научном сознании — пресловутый рубеж между Востоком и Западом, снят также, как он был ликвидирован для нас, воспитанных в идеях Октябрьской революции, во всем нашем отношении к народам Востока и Запада.

Нужно, однако, сказать, что этот рубеж в науке оказался снятым главным образом для востоковедов, и мы, востоковеды, желали бы большего участия в этом деле "западников". К сожалению, встречное "движение на Восток" со стороны этих последних наблюдается не столь часто. Тем более мы должны ценить таких выдающихся представителей нашего "западоведения" в прошлом, как упомянутый выше романист-литературовед Д.К. Петров. Из работ наших современников большое внимание в этом смысле привлекают сравнительно-литературоведческие штудии германиста В. М. Жирмунского⁹.

Таким образом, указанное сближение привело у нас в востоковедении к сознанию единства науки, и это уже само по себе должно быть признано важнейшим принципиальным достижением нашего послеоктябрьского востоковедения. Но это сознание в свою очередь имело одно первостепенной важности последствие. Мы на деле, на практике нашей работы убедились в истинности общего положения нашей исторической теории — положения об единстве исторического процесса.

Разумеется, наши исследования не привели бы нас к этому убеждению, если бы мы работали не на основе марксистско-ленинской теории общественного развития, если бы не изучали работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Именно эта теория, построенная на прочной базе диалектического материализма, теория действительно всеохватывающая, позволила нам увидеть воочию в самом процессе нашего научного изучения Востока это единство исторического процесса.

Это новое историческое мировоззрение изменило весь ход нашей исследовательской работы. Исследователю средневекового поместья в Китае и Японии, например, стало не только полезно, но и необходимо знать историю английского манора, и такой исследователь, японист или китаист, несомненно, обратится — именно для своей проблемы — хотя бы к трудам П.Г. Виноградова¹⁰ и его современных продолжателей. Исследователь японской поэзии раннего средневековья, обнаруживший в ней массу стихов на тему "разлуки на утренней заре", уже не из простого любопытства, а по необходимости обратится к провансальской поэзии и станет изучать хотя бы работы В. Ф. Шишмарева¹¹. Грамматист, изучающий вопрос о частях речи в каком-либо восточном языке, с большой пользой для своего исследования прочтет, например, хотя бы одну статью о частях речи в русском языке Л. В. Щербы¹². И таких примеров можно было бы привести множество. И опять-таки приходится сказать: так делают "восточники" и далеко не так поступают пока "западники". А ведь историкам западного феодализма, например, не мешало бы по-

мнить слова Маркса, что "Япония (XVIII- начала XIX в. — Н. К.) с ее чисто феодальной организацией землевладения и с ее широко развитым мелкокрестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги, проникнутые по большей части буржуазными предрассудками" [Маркс К. Капитал. Т.1. М., 1969. С.729 - *Сост.*]

Такой пристальный интерес к "Западу" возник у нас, восточников, именно вследствие осознанного единства исторического процесса. Мы увидели, что для лучшего понимания исследуемых нами явлений нам следует изучать аналогичные явления, возникшие на такой же -- с точки зрения общих законов общественного развития -- почве на Западе. В одних случаях мы увидим там это явление в широком своем развитии, гораздо более полном и ярком, чем в той восточной стране, которую мы изучаем, и тогда яснее станет для нас и изучаемое нами явление; в других случаях мы столкнемся с обратной картиной, и это заставит нас с особой внимательностью проследить причины столь полного развития этого явления именно на Востоке; такое же сопоставление в третьих случаях раскроет нам специфику изучаемого нами исторического факта. Марксистско-ленинская теория общественного процесса поистине кардинально перестраивает весь ход нашего исследования и открывает для нас такие просторы, которые прежде мы себе и не представляли.

Здесь опять необходимо сказать что сопоставление отдельных исторических "восточных" фактов с "западными", конечно, делалось и раньше. Но следует в то же время напомнить, что делалось оно обычно в плане предполагаемых исторических связей или в порядке простого указания на сходные явления. Сопоставление же как метод исследования в плане стадийальных аналогий, метод, покоящийся на определенной исторической теории, стало существовать для нас только в послеоктябрьскую эпоху.

Марксистско-ленинское положение об единстве исторического процесса, по новому привлечшее внимание востоковедов к истории и культуре Запада, применение марксистско-ленинской теории общественного развития к конкретному "восточному" материалу, сделало возможным широкое и в некоторых случаях весьма влиятельное участие востоковедов в строительстве нашей новой советской науки. Мы стали осознавать значение изучаемых нами явлений поднимаемых нами вопросов не только для "своих" целей для целей изучения данной восточной страны, но и для изучения сходных явлений в других странах, в том числе и западных. Иначе говоря, мы стали стремиться к тому, чтобы наши исследования входили в общий состав науки и улучшали нашу научную теорию в данной области вообще.

Приведу лишь один пример такого участия востоковедения в создании новой научной теории, но участия поистине решающего: в создании нового учения о языке. Теперь мы ясно видим, что возникновение этого учения явилось в первую очередь необходимым выражением и следстви-

ем применения принципа единства и закономерности исторического процесса к истории языка, но могло ли появиться это новое учение -- в своей хотя бы первоначальной фазе -- без развития в нашем востоковедении исследования яфетических языков Кавказа, хотя бы в дальнейшем этот "яфетический этап" и был пройден? Можно даже сказать коротко: могло ли это новое "общее языкознание" появиться без востоковеда Н.Я. Марра¹³? Огромная роль востоковедения вообще в создании теоретических основ нашего нового языкознания является общепризнанной. Сошлюсь лишь на одно самое последнее свидетельство, тем более показательное, что оно исходит не от востоковеда.

"Оригинальная и единственная в своем роде, глубокая и смелая грамматическая концепция А.А. Потебни¹⁴, ясные и продуманные воззрения основанной Ф.Ф. Фортунатовым "Московской школы"...¹⁵ тонкие взгляды И.А. Бодуэна и его последователей из так называемой "Казанской школы"...¹⁶ безмерная широта и разносторонность русского востоковедения, исторические заслуги которого далеко еще не оценены в должной мере -- вот те источники специальных знаний и теоретических суждений о языке которые подготовили и сделали возможным советское языкознание". (С.Д. Кацнельсон. 30 лет советского общего языкознания // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1947. Т.VI. Вып.5. С.383)¹⁷.

Вот именно такое участие в создании большой научной теории мне и представляется важным достижением нашего востоковедения. И то что произошло в языкознании, должно произойти и в прочих научных областях. Марксистская теория истории, марксистское литературоведение должны разрабатываться при широком участии востоковедов, работающих на своем, восточном материале, но с полным знанием и западного материала и, что -- самое важное, -- с постоянным вниманием к общетеоретической стороне дела. И это мы уже наблюдаем на деле. Всем известно, например, какое значение для нашей исторической науки, в частности -- для учения о формациях имеют работы В.В. Струве¹⁸, посвященные рабовладельчеству в странах Древнего Востока, особенно в свете борьбы с теорией так называемого азиатского способа производства¹⁹. Известно также, какой новый и важный отдел в нашем общем учении о феодальной формации открыла работа Б.Я. Владимирцова о конечном феодализме²⁰. Значение востоковедных работ для построения науки о литературе хорошо сознают сами западники. Приведу лишь одно, самое последнее по времени свидетельство с их стороны.

"...Постановка проблемы мировой литературы, действительно "всеобщей", с выходом за узкие рамки западно-европейских литератур, с неизбежностью и обязательностью подсказывается всем нашим общественным и культурным опытом. Традиции русской филологической науки в области востоковедения и романо-германистики создали необходимые предпосылки для научной работы в этом направлении // (В.М. Жирмунский. К вопросу о литературных отношениях Востока и Запада // Вестник ЛГУ. 1947. № 4. С.101).

Должны ли мы в свете приведенных соображений сказать, что "востоковедению" как таковому, пришел конец? Что оно без остатка растворилось в экономике, истории, истории философии, литературоведении, языкознании, и востоковедам отныне место в соответствующих общих исследовательских учреждениях? Ни в каком случае. Наши "междувостоковедные" связи не только не порвались, но укрепились и расширились, только в значительной мере — на новой основе. Перестройка произошла и здесь. Что объединяло востоковедов раньше? Известная общность истории, культуры и языков тех или иных народов Востока. Невозможно было историкам средневековой Персии не знать во всех подробностях истории арабского халифата; невозможно было историкам всего Среднего, Ближнего и Дальнего Востока в XIII-XIV вв. не знать истории монголов времен Чингисхана и его пресмников; изучающий китайскую драму времен Юаньской империи²¹ не мог не знать индийский театр этого времени; специалист по турецкому языку не мог работать научно без знания прочих тюркских языков; невозможно было изучать религию, мораль, политическую идеологию, литературу, язык японского народа без основательного знания китайского языка, истории и культуры Китая. Таких примеров — и по отношению к "большим планам" исследования и по отношению к отдельным явлениям и частным проблемам -- можно было бы привести сколько угодно и они общеизвестны.

Отпала ли у нас эта почва нашего объединения? Конечно, нет. Исторические, культурные, языковые связи различных народов Востока, связи, во многом определявшие их историю, культуру и даже языки, — несомненный факт не только прошлого, но и настоящего. Можно ли изучать, например, новейшую историю Китая без истории Японии в этот же период?

Таким образом, такая почва для нашего специально "востоковедного" объединения у нас осталась и осталась во всем своем значении. Более того, развитие нашей науки все время открывает новые связи и расширяет сферу и историческую роль уже известных.

Но в наше время эти межвостоковедные связи получили новый смысл: нас сближают друг с другом не только исторические связи изучаемых нами явлений, но и стадиальные аналогии. Поясню это одним-двумя примерами. Ранее монголовед-лингвист вряд ли думал об обращении к японскому языку, а если бы и стал об этом думать, то побудило бы его к этому постулируемое им генетическое родство языков монгольского и японского; иначе говоря, это случилось бы, если бы он признавал существование урало-алтайской семьи языков и считал японский язык членом этой семьи. Сейчас монголовед-лингвист обращается к японскому языку, а японовед-лингвист — к монгольскому потому, что видят структурную близость монгольского и японского языков, близость, обусловленную не их "родством", а единством или близостью той стадии, кото-

рую проходят эти языки на пути своего развития. Короче говоря, мы стали интересоваться другими языками не только в свете вполне возможных и реально существующих генетических связей, но и в свете идеи единства глоттогонического процесса — этого центрального положения нашего языкознания.

И еще один пример. Изучающий историю Японии начала XVII в. найдет там огромное крестьянское движение, переросшее в определенном районе в большое восстание, потрясшее всю государственную систему того времени²². И тот же историк-японист обратится при изучении этого восстания к большой крестьянской войне начала XVII в. в Китае, войне, приведшей к падению Минской династии²³; он обратится к Китаю не потому, что между этими двумя восстаниями существовала конкретная историческая связь, а потому что оба восстания представляют примеры той характерной формы крестьянского движения, которую оно принимает на определенной ступени развития феодализма. Для более углубленного раскрытия этой формы он обратится даже к подобному же восстанию, развернувшемуся приблизительно в то же время в Турции²⁴.

Таким образом мы видим, что идея единства исторического процесса, реализуемая в практике нашей исследовательской работы, не только представляет нам в совершенно новом свете уже известные нам межвостоковедные связи, но и колоссальным образом расширяет их сферу. Поистине в настоящее время мы, востоковеды, еще более нужны друг другу, чем раньше, ибо и наиболее близкие по структуре явления мы — в силу известных исторических условий — находим, прежде всего, на Востоке.

Но все сказанное приложимо не только к востоковедению. Как мне кажется, все это можно было бы приложить с соответствующими изменениями в формулировках и к западоведению. Есть ли в нашей работе все же нечто, касающееся только нас, востоковедов, и объединяющее нас именно как востоковедов? Мне кажется есть. И это следует искать, как мне думается, в сфере того, что я выше назвал нашим участием в строительстве общей науки в нашей стране.

Существует ряд важнейших проблем общего значения, разрешить которые могут именно востоковеды. Особенности исторического развития многих народов Востока обусловили либо появление особых, не представленных на Западе, фактов истории и культуры, либо появление таких же фактов, но со своей особой исторической жизнью — или крайне застойных, или исключительно развившихся.

Приведу несколько примеров. Уже выше было указано, какое значение для общего учения о формациях имеет история древних восточных рабовладельческих обществ. История Запада не поставила и не могла поставить вопрос о феодализме у кочевников; этот вопрос поставлен в советское время на материалах истории монголов и с тех пор проблема

кочевого феодализма входит в состав соответствующего раздела нашей марксистской исторической науки.

В Китае, Корее и Японии в определенное историческое время развивалась особая форма феодализма, известная под наименованием надельной системы. Раскрытие этой формы в полной мере может быть произведено только на материале истории этих восточных стран. Важность такого раскрытия для разработки нашей теории феодализма несомненна.

Японский империализм новейшего времени у нас называют "военно-феодальным империализмом", следуя в этом отношении за его характеристикой, данное ему Лениным. Вряд ли можно было в какой-либо другой стране — и на Востоке и на Западе — видеть эту форму империализма с такой отчетливостью и в таком развитии как в Японии. Поэтому в этом пункте разработка нашего общего учения об империализме неминуемо требует участия востоковедов.

Точно также именно востоковеды — в своих совместных усилиях — могут больше, чем кто-либо другой, осветить проблему колониальной зависимости в ее разных степенях и формах. Вместе с тем востоковеды, опять-таки в совместном труде, могут дать очень многое для разработки вопроса о национально-освободительном движении в колониальных, полуколониальных и зависимых странах.

И, наконец, последний пример. Марксистская историческая теория говорит о формациях, об их смене. Разве не Восток — в лице Монгольской Народной республики, если не брать убедительнейших и наглядных примеров из новейшей истории народов советского Востока, показал возможность перехода от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию? И этот путь на Востоке возможен не только для одного монгольского народа. Поэтому кто же, как не востоковеды — и именно объединенными усилиями — могут разработать эту проблему?

Таким образом дифференциация востоковедения и специализация в связи с этим в рамках отдельных дисциплин ни в какой мере не подрывают правильно понятого единства востоковедения, конечно, — в нужных научных пределах. Нет более востоковедения как какой-то особой научной дисциплины; на его место стали языковедение, литературоведение, философия, история, экономика, работающие на материалах той или иной страны или ряда стран Востока. Нет какой-то особой методологии востоковедных исследований; есть одна общая и для "западников", и для "восточников" марксистско-ленинская методология. Но есть востоковедение, как изучение комплекса стран, длительно связанных между собой многочисленными и разнообразными нитями, комплекса стран, историческая жизнь которых протекала в особых, во многом отличных от Запада исторических условиях и имеет поэтому свою специфику, раскрыть которую возможно только в совместном труде ряда востоковедов-специалистов.

Кроме того, не следует забывать, что единство исторического процесса для нас реализуется в своеобразном единстве общего и частного, универсального и индивидуального. Процесс исторического развития — един, но раскрывается он в индивидуальных формах. Мы, востоковеды, всегда помня об этом единстве, раскрываем именно индивидуальные формы, те, которые мы обнаруживаем на Востоке, и тем самым помогаем раскрывать ту диалектику общего и частного, универсального и индивидуального в историческом процессе, которая, в конечном счете, и составляет его внутреннюю пружину.

Есть однако еще одна сторона нашего востоковедения, которая также с полной ясностью и силой предстала перед нами после Октября. Это — само направление нашего исследования.

Всем хорошо известно, что исторический процесс для нас не простая смена бесконечно разнообразных общественных явлений и форм. В этой смене мы видим борьбу за построение свободного общества, где нет угнетаемых и угнетателей. Поэтому всякое наше исследование, в конечном счете, должно служить целям раскрытия именно этой борьбы, поступательного движения к подлинно человеческому обществу. Особенно отчетливо обязательность именно такого направления наших работ была формулирована по отношению к историко-философским исследованиям в речи А. А. Жданова на недавней философской дискуссии²⁵. Но эта же идея может быть и должна быть распространена и на прочие отрасли науки. В свете этой идеи призвано работать и наше востоковедение — во всех своих областях. Это же в свою очередь ведет к решительной перестройке самих задач нашей работы и ее конкретного содержания. Так, например, если мы наблюдаем, как в различных странах Востока в последний исторический период складываются и развиваются общенациональные языки, если мы видим при этом, насколько тесно связан процесс развития и укрепления этих языков с процессом развития демократии в общественном строе, естественно перестраивается наше изучение истории этих языков: за многочисленными и разнообразными фактами этой истории мы должны увидеть единый, определенно направленный процесс. Еще пример: мы хорошо знаем, какое место в истории феодального Востока занимает борьба крестьян против феодалов; анализируя эту борьбу, мы всегда должны иметь в виду, к чему она, в конечном счете, ведет, в чем ее сильные и слабые стороны в ее роли движущей силы социального развития. И, наконец, еще один пример: наше изучение истории мысли на Востоке должно раскрывать картину постепенного движения человека к подлинному познанию мира и общества и борьбы за это познание. С полным сознанием необходимости именно подобной перестройки и должно идти в своем дальнейшем развитии наше востоковедение.

1947

**По поводу оценки монографии Я. Б.
Радуль-Затуловского "Конфуцианство и его
распространение в Японии" (М.-Л., 1947) в журнале
"Вопросы философии"***

I

Рецензент совершенно правильно считает, что в советской работе, посвященной конфуцианству и затрагивающей, между прочим, и вопрос о его возникновении, должна быть дана историческая характеристика эпохи этого возникновения, без чего немислимо подлинно-научное историческое понимание и самого факта возникновения этого учения и его содержания. Рецензент прав также и в том, что современное состояние исторической науки в этой области характеризуется борьбой различных взглядов на эпоху Конфуция, что проблема общественного строя в древнем Китае не разрешена (с.325 [рецензии]). Всецело прав рецензент и в том, что "Мы, разумеется, не можем требовать, чтобы Я.Б. Радуль-Затуловский окончательно разрешил проблему [общественного строя в древнем Китае]" (с.325 [рецензии]). Очевидно рецензент не считает себя вправе предъявлять такое требование к автору по той причине, что тот - не историк древнего Китая и вообще не специалист-историк в собственном смысле этого слова. Ввиду этого рецензент — опять-таки вполне справедливо — указывает, что автор мог в своей характеристике эпохи Конфуция² опереться на результаты исследований авторитетных специалистов по древней истории Китая, т. е. на то лучшее, что имеется в науке в этой области. Рецензент даже точно указывает, на чьи труды должен был опереться автор: это — во-первых, "ряд современных передовых китайских историков — историков демократического направления (Го Можо³, Хоу Вайлу⁴ и др.)", во-вторых, "советских историков" (с. 325 [рецензии]). Таким образом, исходные положения для критической оценки труда Я.Б. Радуль-Затуловского в этой его части сформулированы рецензентом ясно — и с моей точки зрения — правильно. Единственный пункт, оставленный неясным, это — вопрос об именах и работах тех "советских историков", очевидно, — древнего Китая, на которых должен был бы ориентироваться автор. Неясность этого пункта тем самым лишает это положение рецензента какой-либо силы. Исходя из указанных выше бесспорных положений, рецензент находит, что автор "подошел к освещению эпохи Конфуция недостаточно серьезно, неправильно" (с.325 [рецензии]), что "читатель вправе требовать у него серьезного освещения этого вопроса по китайским источникам...", что "автору следовало бы более внимательно прислушаться к голосу советских историков и представителей современной китайской передовой исторической науки" (с.325 [рецензии]), т. е. — согласно предыдущему заявлению рецензента — Го Можо и Хоу Вайлу. "Вместо этого", — продолжает рецензент, — "автор предпочитает говорить языком японских

историков"; конкретно — "эпоху Конфуция он излагает по японцу Оикэёсио" (с.325-326 [рецензии]), научный уровень которого, — по цитатам, приведенным в труде Я.Б. Радуль-Затуловского — рецензент считает чрезвычайно низким.

Таким образом, читатель рецензии, не прочитавший предварительно труда Я.Б. Радуль-Затуловского или прочитавший его недостаточно внимательно, выводит заключение, что автор не опирался в своем освещении исторического содержания эпохи Конфуция на передовую китайскую историческую науку, а повторил только негодные, по мнению рецензента, оценки японского историка. Такое же заключение приводит — и этого хочет рецензент — к необходимости признать эту часть работы Я. Б. Радуль-Затуловского научно-неудовлетворительной, что рецензент и делает в заключительных словах этого раздела своей рецензии (с.326 [рецензии]).

Обратимся, однако, к самой работе Я.Б. Радуль-Затуловского. Характеристике эпохи Конфуция, автор посвящает десять страниц (с.80-90 [работы]) и действительно начинает ее с изложения взглядов на эту эпоху современного японского историка Оикэ Ёсио. Востоковеду, знакомому с новейшими китайскими и японскими работами по древней истории Китая, вполне понятно, почему автор так поступил. Сам рецензент указал, — и указал, как сказано выше, вполне справедливо, — что в последнее время идет борьба между двумя точками зрения на эту эпоху. Одна точка зрения, — а ее рецензент называет "господствующей", — считает, что это — эпоха феодализма; другая, — и ее рецензент именует "новой", "передовой" -- полагает, что эпоха Конфуция — либо период рабовладельчества, либо перехода от рабовладельчества к феодализму (с. 325 [рецензии]). Если так, — а эти утверждения рецензента опять-таки справедливы, — то автор должен был показать на наиболее наглядном примере "господствующую", как говорит рецензент, точку зрения, указать на ее слабые стороны и тем самым сделать убедительный переход к изложению мнений современных передовых китайских историков. Именно так автор и сделал. Для ознакомления читателя с первой точкой зрения он взял весьма показательную для новейших японских работ по древней истории Китая статью Оикэ, утверждающую, что "эпоха Чжоу -- это эпоха феодализма"⁵ (с.80 [работы]), и тут же отметил: 1) фактическую несобоснованность одного из важнейших положений автора: признания существования так называемой "колодезной системы" в традиционной интерпретации последней (с.82,90 [работы]), 2) серьезнейшее фактическое упущение автора, подрывающее всю его концепцию: не учитывание им одного из самых действенных источников, порождающих рабов (с.87-88 [работы]); 3) методологическую беспомощность автора, не понимающего подлинного различия между феодализмом и рабовладельчеством (с.86 [работы]).

Этим самым Я.Б. Радуль-Затуловский сделал то, что нужно: показал слабость аргументов "господствующей" по выражению рецензента, и не-

правильной, по его же мнению, точки зрения и получил таким образом возможность и право обоснованно перейти к изложению противоположной точки зрения. И здесь он делает как раз то, что от него требует и что у него почему-то не находит рецензент: приводит мнения как раз тех современных китайских историков, которых рецензент назвал передовыми представителями демократического направления, — Хоу Вайлу и Го Можо. Следовательно, этот пункт обвинения со стороны рецензента полностью рушится.

Но может быть рецензент прав в том, что Я.Б. Радуль-Затуловский, зная и цитируя в своей работе мысли и взгляды Хоу Вайлу и Го Можо, "считает возможным игнорировать совершенно определенные достижения современных китайских историков и продолжает считать, что в эпоху Конфуция господствующей общественной формой был феодализм" (с.325 [рецензии])? Посмотрим, не ошибается ли рецензент и здесь. Прежде всего, следует сказать, что — если бы Я.Б. Радуль-Затуловский действительно считал, что в эпоху Конфуция был феодализм -- без всякой оговорки, то он в таком своем утверждении как раз следовал бы рекомендованному рецензентом Го Можо: как известно, этот китайский историк в своей работе "Древнекитайское общество" (Шанхай, 1934), т. е. посвященной именно этому древнему периоду, заявляет, что с периода — уньцю⁶ в Китае начинается феодализм (указ. работа с.23).

Однако Я.Б. Радуль-Затуловский отнесся, — как и полагается советскому ученому, — к работам даже передовых китайских историков критически, очевидно, зная, как часто они сами колеблются в своих оценках. Поэтому он в своем изложении точки зрения Го Можо остановился не на этой оценке периода Чуньцю как феодального, оценке, высказанной в работе 1934 г., а на его новейших взглядах, высказанных им в беседе с автором в июле 1945 г. Сейчас Го Можо после новых изысканий — пришел к мысли, что "период жизни Конфуция есть период переходный от рабовладельческого общества к обществу феодальному" (с.87 [работы]). Так сейчас считает Го Можо. Как считает Я. Б. Радуль-Затуловский? Он заявляет, что в этот период "мы имеем дело с зарождением, установлением и развитием феодального строя" [с.86 работы]. Что такое "период переходный от рабовладельческого общества к обществу феодальному"? Это и есть, как нам думается, период зарождения и первого развития феодализма. Иначе говоря, оценка Я. Б. Радуль-Затуловского и новейшая точка зрения Го Можо в общих чертах совпадают. А это значит, что рецензент не прав и в этом пункте своей критики: автор не игнорировал мнения этих китайских историков, а осветил их в своей книге, разобрался в них и выбрал те положения, которые являются у них результатом последних изысканий, и в общем присоединился к последней точке зрения Го Можо. Таким образом, автор сделал как раз то, что от него требует рецензент, и, следовательно, весь этот раздел его критики полностью отпадает, как не имеющий под собой никакой почвы.

Второй раздел критики рецензента направлен на ошибочную, по его мнению, оценку автором "И цзина"⁷. Рецензент приводит слова автора, что состав "И цзина" представляет собой произвольный подбор случайных текстов гадательной практики и различных комментаторских доксий" (с.326 рецензии). Приведя эти слова, рецензент заявляет, что из них следует, что, по мнению автора "древнейший "И цзин" является только гадательным текстом" (с.326 рецензии), а это, как можно вывести из рассуждений рецензента, очевидно, по его мнению, не верно. Но следует спросить рецензента, где в приведенных им словах автора содержится утверждение, что древний "И цзин" является только гадательным текстом? В этих словах указывается, что "И цзин" есть соединение гадательных текстов и "комментаторских доксий". В другом месте своей книги автор указывает, что древний или основной текст "И цзин" представляет специальную схему гаданья (с. 22 работы); еще в одном месте он говорит о принципе, лежащем в основе этой гадательной книги (с.12 работы). Таким образом, становится совершенно ясно, что автор считает, что в этом древнем гадательном "И-цзине" есть своя система, есть свой принцип и именно эти "принципы... стали истолковываться философски" (с.12 работы). Таким образом, рецензент подменяет подлинную оценку "И цзина", данную автором, своей оценкой, произвольно приписанной ему на основе случайно выявленной из общего контекста фразы, произвольно при этом истолкованной. И вся ошибочность этого обвинения рецензента, предъявленного им автору, превосходно демонстрируется самим рецензентом: в дальнейшем он, подчиняясь фактам, приводит целый ряд цитат из работы Я. Б. Радуль-Затуловского, где развивается оценка древнего "И цзина" с точки зрения философской. Сам рецензент должен, в конце концов, признать, что эта мысль автора -- правильная и что она по мере изложения доказывается им все ясней (с.326 рецензии)

Однако принужденный под давлением фактов отдать должное автору, рецензент в конце этого раздела своей рецензии снова упрекает автора в противоречивости его оценок "И цзина" даже "в пределах одного абзаца". В доказательство он приводит цитату автора из работы японского историка конфуцианства — Нинагава, в которой Нинагава говорит о философской стороне "И цзина" (с.326 рецензии) и с которой, как полагает рецензент, автор как-будто бы согласен⁸. И далее цитирует самого автора, который, действительно, через две строчки пишет: "Таким образом, эта книга для гаданий ничего не имела общего с философией" (с.326 рецензии). Но рецензент не понял, что эти слова являются изложением другого места в разбираемой автором книге Нинагава. Автор, излагая взгляды Нинагава, иногда дает цитаты из его книги, иногда передает только содержание его высказываний. Но общий контекст и само содержание этой части работы Я. Б. Радуль-Затуловского (изложе-

ние взглядов Нинагава) никого не может ввести в заблуждение. Очевидно, автор в приведенных словах имеет в виду следующее место из книги Нинагава: "Сущность "И цзина" заключается в том, чтобы отобразить в шести гексаграммах все мировое бытие для чисто практических целей: для того, чтобы разгадывать счастье и несчастье" (см. разбираемую книгу Нинагава, с.87).

Совершенно верно, это место в работе Нинагава противоречит мысли, выраженной в приведенной автором цитате; противоречит, добавим от себя, и такому прямому заявлению этого японского историка конфуцианства: "И цзин" излагает монистический взгляд на мир древней эпохи и вместе с тем взгляд на человеческую жизнь" (там же, [Нинагава Тацуо. Указ.соч. -- *Сост.*] с.91). Таким образом, если и упрекать кого-либо в противоречиях, то это следует сделать по отношению к Нинагава, а не к Я. Б. Радуль-Затуловскому. И это ясно при сколько-нибудь внимательном чтении его работы. Но это опять означает, что и этот раздел критики рецензента оказывается необоснованным и должен отпасть, как и разобранный выше. В конце этого раздела рецензент делает упрек автору в том, что тот якобы "пытается возвести китайскую стену между древним "И цзином" и комментарисм-трактатом к нему "Си цы чжуань" (с.326 рецензии)⁹. Допустим на минуту, что автор действительно так поступает. В таком случае он прямо следует концепции самого рецензента, заявляющего: "Этот текст (т.е. основной текст "И цзина" — *Н.К.*) и "Си цы чжуань" -- памятники различных и хронологически далеко друг от друга отстоящих этапов развития китайской мысли" (с.326 рецензии). Разве отнесение основного текста "И цзина" и текста "Си цы чжуань" к двум различным и хронологически далеко друг от друга отстоящим этапам развития китайской мысли не напоминает ту "китайскую стену" между этими двумя текстами, в возведении которой рецензент упрекнул автора? Поэтому прежде, чем упрекать в этом автора, рецензенту следовало бы постараться не подать повода к обращению точно такого же упрека к себе самому.

Но, к счастью, автор не поступает согласно концепции рецензента. Он заявляет: "Си цы чжуань", представляющий собою наиболее молодую часть текста, является в общем самостоятельным произведением, в котором сделана попытка философской интерпретации основной части "И цзина" (с.36 работы). Разве указание на то, что произведение, возникшее, как полагают, в III-II вв. является "в общем самостоятельным" по отношению к произведению, возникшему вероятно к IX-VII вв., можно принять за возведение "китайской стены" между ними? А неоднократно указания автора на то, что в последующие времена философскому истолкованию стал подвергаться именно "принцип, лежащий в основе" древнего текста И-цзина, не свидетельствует именно о том, что автор не отрывает "Си цы чжуань" от основного текста "И цзина"? Нет "китайской стены" и в очень уместном предупреждении автора об опас-

ности другого порядка: не видеть различия между этими двумя памятниками. Это было бы так же ошибочно, как и полностью отрывать их друг от друга. Поэтому Я.Б.Радуль-Затуловский очень правильно предостерегает от опасности смешивать представления, отраженные в основном тексте "Ицзина", относящемся к IX-VII в., с мыслями, выраженными в комментарии, относящемся к III-II вв. И не являются ли приведенные выше слова рецензента о том, что основной текст "И цзина" и текст "Си цы чжуань" — "памятники различных, и хронологически далеко друг от друга отстоящих этапов развития китайской мысли", в сущности повторением мысли автора? В таком случае, где же основания для упрека в возведении "китайской стены"? Их нет в этом случае так же, как их нет и для критических замечаний рецензента в разобранных этих двух разделах рецензии в их целом.

3

Очень неблагоприятно рецензент оценивает ту часть книги Я.Б.Радуль-Затуловского, которую тот посвящает конфуцианству в Японии.

Как видно из книги, автор больше всего говорит о конфуцианстве в Японии в период Токугава и в период, наступивший после свержения сёгуната в 1868 г., т. е. в период развития буржуазной, капиталистической Японии. Касаясь изложения автором японского конфуцианства во времена Токугава, рецензент делает только одно, но крайне суровое для советского ученого критическое замечание: он обвиняет автора в том, что тот, упрекая "буржуазных историков японской философии за то, что они слепо следуют за традиционной классификацией... сам... по существу, не рискнул отойти от нее" (с.324 рецензии). В доказательство справедливости этого своего обвинения рецензент ссылается на то, что автор помещает Ито Дзинсай¹⁰ и Ито Тогай¹¹ в главу, посвященную "школе классического конфуцианства", к каковой их отнесли, как, очевидно, думает рецензент, буржуазные историки философии в Японии, в то время как сам же автор показал, что учение этих двух мыслителей феодальной Японии можно считать материалистическим. Отсюда и вывод: автор последовал за этими буржуазными историками.

Это обвинение основано на незнании происхождения названий тех или иных философских школ в Японии, с одной стороны, и на невнимательном чтении текста книги, с другой. Всем, знающим историю философии в Японии в период Токугава, совершенно ясно, что автор, употребляя наименование "школа классического конфуцианства", берет общепринятое обозначение того направления, к которому принадлежали Ито Дзинсай и Ито Тогай, то самое обозначение, которое придумали не буржуазные историки философии в Японии, а сами представители этого направления, демонстративно противопоставлявшие себя таким обозначением двум другим, существовавшим тогда школам конфуцианства — Чжусианской и Ванъянминовской. Обозначение "когакуха" — "школоу

древнего учения" или, как вполне вправе передавать по смыслу этот японский термин автор "школа классического конфуцианства" -- является давно, еще в период Токугава сложившимся наименованием, "собственным именем" этой школы. Поэтому автор вправе и даже обязан этим наименованием, именно как собственным именем, пользоваться. Но интерпретировать содержание учения отдельных представителей этого направления, он обязан, конечно, так, как раскрывает сущность этих учений подход к ним с наших научных позиций. Это автор и делает, стремясь показать Ито Дзинсай и Ито Тогай материалистами. И рецензент такую оценку не оспаривает. А в ней же и заключено все то, что можно потребовать от автора. Однако автор, очевидно, предвидел, что его книгу могут прочитать люди, не знающие истории философии в Японии. Он допускал, по-видимому, что могут найтись и такие читатели, которые, прочтя в его книге, что Ито Дзинсай и Ито Тогай, с одной стороны, являются материалистами, а, с другой, олицетворяют собой "школу классического конфуцианства", выведут отсюда заключение, что и сам основатель "классического конфуцианства", т.е. Конфуций, был... материалистом! И вот специально для того, чтобы показать, во-первых, условность самого термина "школа классического конфуцианства", а во-вторых, его характер "собственного имени", а не реального обозначения, автор и берет в названии главы слова "школа классического конфуцианства" в кавычки. Неужели рецензент их не заметил? Что же можно еще требовать от автора? Следовательно, и это обвинение - обвинение в следовании за буржуазными историками полностью рушится.

Так получается с критическим замечанием рецензента, относящимся к изложению автором токугавского конфуцианства. Как же получается с теми замечаниями, которые направлены на изложение автором японского конфуцианства в буржуазно-капиталистической Японии?

Главные обвинения рецензента в этом разделе его рецензии состоят в том, что автор, во-первых, слишком много места уделил представителям японского конфуцианства в новейшее время и, во-вторых, изложил их взгляды недостаточно критически. Все прочие критические замечания вытекают из этих двух основных положений рецензента.

Да, следует согласиться с рецензентом в том, что Я.Б. Радуль-Затуловский очень много места в своей книге отвел обширным выдержкам из работ различных японских авторов по вопросам конфуцианства и его истории; количество и размеры этих выдержек, действительно, превышают то, что мы находим в работах по истории философии в Англии, Германии и т.д. Но тут необходимо принять во внимание следующее: нужно ли — для истории конфуцианства вообще и для этой истории в новейшее время в особенности — показать, что в современной Японии существует обширнейшая и разнообразнейшая литература, посвященная этому учению? Полагаю, что ответ на этот вопрос может быть только утвердительным, если, конечно, отвечающий хотя бы в самых общих

чертах знает, какое значение это учение имеет в странах Дальнего Востока в новейшую эпоху.

Позволительно, далее, спросить: известно ли у нас, да и не только у нас, но и на Западе, какая литература в этой области имеется в Японии? Думаю, что не ошибусь, если скажу, что о ней знают у нас, кроме Я.Б. Радуль-Затуловского, двое-трое из востоковедов, а, может быть, и того меньше. Печатных же работ по этому вопросу (да и остающихся пока в рукописи) пока нет ни одной, кроме разбираемой книги автора. Можно дальше спросить: доступны ли эти японские авторы кому-нибудь кроме японистов; в частности, доступны ли они китаистам, как правило, не знающим японского языка? Доступны ли они всему обширному кругу людей у нас, интересующихся вопросами философии и работающих в этой отрасли? Полагаю, что ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Но если признавать желательность освещения конфуцианства в современной Японии не только из одних соображений построения полной истории этого учения, но и из соображений политических, то что же оставалось делать Я.Б.Радуль-Затуловскому? Говорить о каких-то никому неведомых Нинагава, Хаттори¹², Уно¹³ и т.д., оставляя читателей в полном неведении насчет того, что же эти люди думают и говорят и почему, следовательно, нам следить за ними нужно? Разве мог Я.Б.Радуль-Затуловский дать в своей книге только одну критику их взглядов, отослав читателя, желающего познакомиться с этими критикуемыми авторами к соответствующим страницам их работ? Я.Б.Радуль-Затуловский сделал необычное в нашей практике: дал очень много выдержек из этих работ. Но это означает только, что он поступил подлинно добросовестно, вынужденный к этому пониманием того, что он не имеет права отсылать к трудно доступным с точки зрения языка материалам. Поэтому теперь всякий, кто захочет узнать, какие существуют в новейшей Японии писатели по вопросам конфуцианства и что они пишут, очень многое найдет в книге Я.Б.Радуль-Затуловского. В этом ее особая ценность и нужно не упрекать автора за эти выдержки, но быть ему благодарным. Рецензент особенно нападает на автора за чрезмерно большие цитаты из работы Хаттори. Но рецензент просмотрел одно серьезное обстоятельство из изложения автора видно, что, во-первых, это - одна из наиболее видных фигур в Японии в этой области, а во-вторых, что автор цитирует ту работу Хаттори, которая озаглавлена "Учение Конфуция"¹⁴. Для знающих положение в этой области в Японии этого одного достаточно, чтобы оценить особое внимание автора к этой работе: огромное большинство книг, посвященных конфуцианству, вышедших в современной Японии, обычно являются историями либо китайской философии в целом, либо конфуцианства в отдельности. Книга же Хаттори резко выделяется среди этой литературы только тем.

что она не историко-философская, а систематическая, претендующая на построение системы первоначального конфуцианства, причем эта система строится автором отнюдь не для раскрытия подлинного исторического содержания учения Конфуция, а в целях апологетических и пропагандистских. И Я.Б.Радуль-Затуловский вполне прав, когда, учитывая именно это значение и направление работы Хатори, уделит ему больше места, чем другим. Рецензент находит эти выдержки "скучными", но если бы он видел, какую роль в создании идеологии предвоенной Японии сыграли эти и им подобные писания, каким трамплином послужили они для японского внедрения в Китай, он не нашел бы их "скучными". Найти их скучными это значит забыть все то, что сотворила японская реакция - в первую очередь в том же Китае. А забывать это нельзя. Так отводится первое обвинение рецензента, упрекающего автора в чрезмерно обильном цитировании японских авторов.

Второе обвинение состоит в указании на "академичность" автора, на отсутствие у него надлежащей критики всех рассмотренных им японских писателей. Но разве всякий, прочитавший книгу Я.Б.Радуль-Затуловского, не видит со всей ясностью, что автор рассматривает взгляды всех цитируемых им писателей в аспекте постепенного развития реакционной идеологии милитаристической и империалистической Японии предвоенных десятилетий? Именно этой задаче подчинено все изложение автора и это явствует и из его прямых высказываний по этому поводу, и из всего его изложения. Эту часть работы Я.Б.Радуль-Затуловского никак нельзя назвать "академической" историей конфуцианства в Японии в новейшее время: она целиком посвящена указанной выше цели. И сам рецензент это видит, поскольку он сам же приводит в своей рецензии красноречивую с этой точки зрения цитату из книги Я.Б. Радуль-Затуловского. Поэтому и обвинение в отсутствии надлежащего острого критического освещения взглядов цитируемых японских авторов никак не оправдано.

В заключение своих замечаний на этот раздел рецензии укажу на одно ее место, могущее служить хорошей иллюстрацией того, как можно ошибаться в оценке какого-либо места в чужой работе, если сам при этом недостаточно знаком с материалом этой работы.

Вот эта иллюстрация: рецензент осуждает автора за то, что тот привел высказывания японского императора по вопросам народного образования, сделанные им в октябре 1886 г. (у автора — с.376-377). Единственно, в чем тут можно упрекнуть Я.Б. Радуль-Затуловского, это в том, что он не учел, что не все обязаны знать историю Японии за последние 70-80 лет и не пояснил, почему он сообщил о самом факте этих высказываний и изложил их.

Все историки Японии знают, как быстро затух первоначальный радикализм молодой японской буржуазии, как скоро она стала сдавать реак-

ции одну позицию за другой. Мы хорошо знаем, как складывался блок реакционной части буржуазии с помещиками, как этот блок стал опорой реакционной монархии. Мы в общих чертах знаем также, как складывалась идеология этой реакции. Благодаря работе Я.Б. Радуль-Затуловского мы знаем теперь, какую роль сыграло в этом процессе конфуцианство — в специально препарированном японскими авторами виде. Нам известно также, что эта реакционная идеология проникла и в систему японского образования и стала в японской школе основой всего идейно-политического воспитания. При этом излагая этот процесс в читаемых нами курсах по истории Японии, мы обычно связываем факт окончательного оформления этой идеологии с широко известным "Манифестом о воспитании" 30 октября 1890 г.¹⁵ Всем, хоть немного изучавшим жизнь предвоенной эпохи, хорошо известно, что именно этот манифест до самой капитуляции лежал в основе воспитания в духе реакции всего подрастающего поколения в Японии.

Теперь с появлением работы Я.Б. Радуль-Затуловского мы узнаем, что вмешательство японской реакции, мобилизовавшей для этого даже императора, в дело воспитания нации имело место гораздо раньше — не в 1890 г., а в 1886 г. Иначе говоря, мы должны отнести активное внедрение этой реакции в школу к более раннему сроку. И это сразу разъясняет многие факты, которые без этого оставались неясными. Придется теперь перестроить соответствующие места наших курсов. Таково значение этого места работы Я.Б. Радуль-Затуловского. Но винить рецензента за его упрек автору в помещении этих высказываний тоже не приходится: он, видимо, просто этого не знает. Но тем более нужно быть осторожным в критике того, что не очень хорошо известно.

4

Последнее замечание — относительно обвинения, предъявленного рецензентом автору в том, что тот, широко ссылаясь на иностранную литературу, молчит об отечественных востоковедах (с.328 рецензии). Надо думать, что речь тут идет не о востоковедах вообще, а об историках философии в Китае и Японии, особенно — историках конфуцианства в этих странах. На кого здесь мог сослаться наш автор?

Нам известно, что у нас, кроме Я.Б. Радуль-Затуловского, имеется лишь один специалист по истории философии в Китае. Это — А.А. Петров¹⁶. Но он не только не забыт автором, но ему даже выражена в предисловии особая благодарность автора, тем самым признающего, что, А.А.Петров принимал близкое участие в работе автора во время ее написания. Некоторых вопросов китайской философии вообще и конфуцианства, в частности, касается в своих отдельных статьях В.М.Алексеев¹⁷. В работе Я.Б. Радуль-Затуловского есть ссылки и на работы В.М.Алексеева, разумеется, на те, которые ему нужны по ходу исследования. В наше

время философией в Китае и Японии занимался еще Ю.К. Щуцкий, но его работы остались в рукописях, притом неизвестно, где находящихся; по крайней мере, в архиве ИВ [АН СССР] их нет¹⁸. Мог ли, следовательно, автор ссылаться на эти работы? Не думаю, чтобы рецензент этого потребовал бы.

Кого же еще мог упомянуть автор? Может быть кого-либо из писавших по вопросам философии в Китае в дореволюционную эпоху? От тех времен осталась книга А.И. Иванова — "Материалы по китайской философии. Введение. Школа Фа" [Спб., 1912]¹⁹. Но если рецензент знаком с этой книгой, он без всяких объяснений поймет, почему Я.Б. Радуль-Затуловский ее не использовал в своей работе. Может быть, следовало бы опереться в чем-нибудь на старую работу В.П. Васильева "Религия Китая"²⁰? Но разве можно возвращаться к ней в наше время после того, что написано о конфуцианстве хотя бы В.М. Алексеевым и А.А. Петровым? Поэтому я и считаю, что упрек в забвении отечественного востоковедения не обоснован. Все, что есть мало-мальски ценного в нашей литературе, автором не забыто. Не забыл он даже упомянуть о курсе лекций по истории Китая Л.И. Думана²¹! Поэтому упрек автора в забвении наших работ мне просто не понятен. Если бы автор даже почему-либо не упомянул о какой-нибудь одной статье по философии Китая и Японии, из числа появившихся у нас, то, ведь, право каждого автора пользоваться тем в существующей литературе, что может оказаться ему необходимым — либо для подкрепления собственных взглядов, либо для разъяснения ошибочности взглядов других авторов. Могу только сказать, что хорошо было бы, если бы все японисты так же внимательно и с таким же уважением отнеслись к тому, что писали по интересующим их вопросам их коллеги до них, как это сделал Я.Б. Радуль-Затуловский.

Заканчиваю свое письмо. Мне кажется, изложенное выше должно убедительно показать необоснованность критики А.П. Александрова во всех ее важнейших разделах. При ближайшей проверке все выдвинутые им обвинения — из числа существующих — рушатся. При этом в настоящем своем разборе рецензии я оставался всецело в кругу тех сторон работы, которых коснулся рецензент и старался показать необоснованность его критики с его же собственных позиций, не переходя в критику его положений по существу, что следует сделать самому Я.Б. Радуль-Затуловскому. Если бы начать разбирать рецензию с точки зрения существа дела, то, вероятно, можно было бы написать вдвое больше, чем написано сейчас.

Должен вместе с тем предупредить своих коллег по сектору, что вышеприведенные доказательства необоснованности критики, А.П. Александрова отнюдь не снимают вопроса о действительной критике работы Я.Б. Радуль-Затуловского. В его работе несомненно есть ряд и прямых ошибок, и упущений, и неточностей в характеристиках. Если позволит здоровье и время, я при случае постараюсь у нас в кабинете показать и

самому автору, и его товарищам, в чем слабые стороны его труда. Но эта вполне возможная критика никак не должна отодвинуть на задний план самого главного, о чем следует говорить всякому критику труда Я.Б. Радуль-Затуловского в первую очередь, а именно:

1. Работа Я.Б. Радуль-Затуловского является первым у нас капитальным трудом по истории конфуцианства в Японии, впервые в нашей научной литературе дающим подробное изложение учений важнейших представителей конфуцианских школ эпохи Токугава — нередко, как, например, в случае с учением Ито Дзинсай — в совершенно новом для науки освещении; все же то, что он дает о работах по конфуцианству в новейшее время, вообще впервые появляется в науке и притом в очень подробном изложении.

2. Автор — в противоположность всякого рода "академическим подходам" к материалу подобного рода — сумел открыть в своем исследовании подлинное содержание важнейших работ современных японских авторов, писавших по вопросам конфуцианства: он раскрыл политическое направление их работ, причем показал зависимость этого направления от общего хода исторического развития Японии в последние десятилетия перед войной, показал связь этих работ с развитием идеологии японского национализма, империализма и милитаризма. Тем самым, его работа получила полное современное звучание и, поскольку японский народ отнюдь не гарантирован от возможных рецидивов этой идеологии и в будущем, эта актуальность работы будет сохраняться и далее.

3. Автор в своей работе коснулся многих сторон истории конфуцианства и в Китае. Я считаю, что в этой части автор дал очень много нового и свежего для науки и ни один историк китайской философии отныне не сможет пройти мимо труда Я.Б. Радуль-Затуловского.

Именно это нужно сказать всякому рецензенту труда Я.Б. Радуль-Затуловского в первую очередь и только затем, дав эту общую оценку его работы, перейти к разбору содержащихся в ней конкретных научных достижений и недостатков.

В заключение скажу, что мне хотелось бы, чтобы такая точка зрения была общим мнением нашего кабинета²².

С приветом всем товарищам *Н. Конрад*
7 декабря 1948. Кисловодск.

Отзыв на монографию Д.И. Гольдберга "Рабочее движение в Японии до 1917 года"¹

Прежде всего, я хотел бы сказать, что в настоящее время стало совершенно ясно, что допустима лишь такая работа, которая чем-либо нужна нашей стране, нашему государству -- в свете стоящих перед ним всемирно-исторических задач. Это значит, что она должна иметь точно осознанные практические цели.

Наилучший способ приблизиться к осознанию этих целей -- представить себе тот круг лиц, для которых работа пишется. Нельзя писать работу "вообще"; нужно писать для кого-то, точно представляя себе, для кого именно, и как бы адресуясь к нему.

Д.И. Гольдберг, как мне кажется, пишет свою работу, прежде всего, для наших десятелей рабочего и профсоюзного движения, для тех из них, кто изучает мировое рабочее движение, определяет наше отношение к нему, устанавливает нашу политику в этой области и кто эту политику осуществляет. Далее, Д.И. Гольдберг пишет свою работу и для тех наших политических деятелей, которые определяют наше отношение к Японии, ко всему происходящему в этой стране, а также для тех, кто с ней непосредственно соприкасается в своей практической работе. Таковы, по моему мнению, те круги, которые могут быть заинтересованы в работе по истории рабочего движения в Японии.

Но здесь необходимо сделать существенную оговорку. Речь идет не только об удовлетворении непосредственных требований и запросов этих кругов; это было бы недопустимым ограничением, сужением значения нашей работы и вообще роли в нашем государстве: мы призваны не только отвечать на вопросы, но и ставить их, не только удовлетворять запросам, но и вызывать эти запросы. Не надо забывать, что мы являемся специалистами в отдельных областях японоведения, т.е. людьми, знающими свою область во всех деталях и при этом рассматривающими изучаемые нами процессы и явления не только как исследователи, но и как граждане Советского Союза, с полным пониманием стоящих перед нами на данном историческом этапе задач. Поэтому наши исследовательские работы призваны играть и самостоятельную роль. Мы все хорошо знаем, что вся политика нашего государства строится на научной основе -- марксистско-ленинской теории общественно-го развития, а это значит, что наши научные работы имеют, должны иметь серьезнейшее значение для нашего государства.

Но тут следует помнить об одном важнейшем условии: такое значение наши работы могут получить только в том случае, если они написаны строго научно, т.е. на основании первоисточников, взятых в нужной полноте, с учетом необходимой предшествующей литературы по данному вопросу, воспринятой критически, с тщательным анализом исследуемого материала, основанном на марксистско-ленинской общественной теории. Мы пишем не оперативные, ведомственные работы, не публицистические статьи и книги. Этого никто от нас не требует. И было бы не только упрощением, но и просто вредным для дела представлять себе, что с реорганизацией Института мы должны перейти к такого рода работам². Ведомственные, оперативные работы пишут и будут писать практические работники-специалисты; публицистические статьи и книги пишут и будут писать журналисты. При этом и те, и другие дадут здесь то, что большинству из нас вообще недоступно. Но мы должны

создавать такие работы, чтобы и ведомственные специалисты, и публицисты находили в них то, что может помочь им в их работе. От нас ждут авторитетных научных исследований в тех областях, отдельными практическими вопросами которых занимаются практические работники. И как будут нам благодарны за такие работы! И как разочаровывали именно с этой стороны в своей большей части выходявшие до сих пор выпуски "Советского востоковедения" — этого единственного у нас научного востоковедного журнала³. Может быть, Вам, в Ленинграде, даже и неизвестно в полной мере то острое чувство неудовлетворенности, которое питают по нашему адресу наши государственные органы. Создалось впечатление, что наши работы — сами по себе, потребности государства — сами по себе. Вы понимаете, что дальше так продолжаться не может: мы, ведь, — с разными непосредственными задачами, с разным характером работ, — все же два отряда одной и той же армии, действующие каждый в пределах своей сферы совершенно самостоятельно, но с одной и той же общей целью.

Но, повторяю еще раз: как вреден отрыв нас, научных работников от специалистов-практиков, так же недопустимо и смешение функций: мы были и остаемся научными работниками, а не работниками ведомств и прессы, и чем ближе мы к практическим задачам в своей работе, тем больше требований предъявляется именно к научной стороне наших работ. Вот это-то и надлежит понять.

Но здесь может возникнуть еще одно недоразумение. Могут сказать: ведь, при такой общей установке, — необходимости связи нашей работы с текущими задачами нашего государства, — нам, занимающимся зарубежным Востоком, остается писать только на современные темы.

Да, конечно, изучать современность нам нужно. В этой области наше востоковедение настолько отстало, что такое отставание уже обратило на себя внимание и вызвало справедливые упреки. Мы недопустимо мало занимаемся современным Востоком, тем самым Востоком, где в настоящее время разворачиваются события мирового значения. И почему-то важнейшие процессы, от которых зависит будущее восточных стран, вызывает у нас меньший интерес, чем что-либо из далекого прошлого. Поэтому всячески развивать изучение современного Востока — наша первоочередная, насущная задача.

Наше японоведение в этом отношении заслуживает относительно меньше упреков, чем другие отрасли востоковедения. Нельзя сказать, что мы совсем не занимаемся новейшей Японией. Но и нам придется резко усилить эту часть своей работы. Я считаю, что каждый из нас, — независимо от своего основного научного профиля, — должен наряду с основной работой, если она касается прошлого, одновременно работать и над какой-либо современной темой, конечно, из своей области. Это не только необходимо для того, чтобы расширить изучение современной Японии, но и важно для улучшения нашего изучения старой Японии:

именно этим путем мы сможем развить в себе обязательное для всякой исторической работы чувство исторического реализма, а лишь это чувство может обеспечить ту конкретность и актуальность, которые необходимы во всяком исследовании, — даже посвященном чему-либо имевшему место в отдаленные времена. Но занятия современностью нужны и для другого: для обеспечения плодотворности работы даже над прошедшим. Зная, как развиваются те или иные процессы в настоящее время, мы лучше поймем многое из того в прошлом, что эти процессы когда-то подготовило. Именно это положение очень отчетливо приложимо к работе Д.И. Гольдберга. Она касается рабочего движения в Японии до 1917 г., т.е. в его ранний период. Следовательно, она как будто бы не имеет никакого отношения к современности. На это можно сказать только, что возможны работы на ультра-современную тему, которые в то же время не будут иметь никакого отношения к современности; и наоборот, возможны работы на историческую тему, которые в то же время будут звучать вполне современно. Актуальность и современное звучание работы зависит не столько от материала и темы, сколько от того, как направит свое исследование автор. А направление это для нас ясно: мы живем в эпоху грандиозной борьбы двух систем, — одной, обреченной на уход, другой, создающей новый мир, в этой борьбе участвует — на своем участке, по-своему — и каждый из нас. Поэтому наша исследовательская работа должна быть вкладом в эту борьбу.

Что может дать работа Д.И. Гольдберга в этом направлении? Она должна раскрыть борьбу старого и нового, реакционного и передового в рабочем движении в эпоху его первоначального созревания так, чтобы ясны были те силы, которые обеспечивали его дальнейшее развитие, и те препятствия, которые стояли на его пути. Такого рода исследование может пролить свет на многое из того, что наблюдается в Японии сейчас в этой области, где идет борьба нового со старым. Но это может быть только в том случае, если работа будет пронизана активным отношением к исследуемому материалу, отношением, диктуемым пониманием борьбы, происходящей в Японии сейчас. И это будет именно подлинной наукой, ибо целью исторической науки и является раскрытие движущих сил истории в их борьбе с тем, что мешает поступательному движению человечества вперед. Ввиду этого я и считаю, что работа Д.И. Гольдберга о прошлом рабочего движения в Японии не только может быть актуальной, но и прямо необходимой. Я, конечно, уверен, что все эти соображения Д.И. Гольдбергу хорошо известны, и что он все это имел в виду и тогда, когда писал свою работу, но полагаю вместе с тем, что история последних лет должна была обострить в нем такое осознание целей и направления его работы. И в этом именно смысле должен быть, в первую очередь, произведен пересмотр работы. Необходимо, далее, учитывать и еще одно обстоятельство. Все мы хорошо знаем, что все, происходящее в нашей стране, самым внимательным образом изучается за рубе-

жом. Наш опыт, наша работа является тем, на чем учатся представители подлинной демократии. Поэтому и всякая наша научная работа логикой вещей существует не только для нас, но и для тех, кто борется за передовой общественный строй за пределами нашей страны.

Представьте теперь, что работа Д.И. Гольдберга выходит из печати. Представьте себе, что в Японии передовые общественные круги узнают о ее существовании. Вы представляете, с каким интересом она будет встречена? И интересом притом не отвлеченным, а чисто-практическим? В ней будут искать не только действительную историю рабочего движения в прошлом, но и уроки для текущей борьбы.

Именно такое отношение к нашим работам в Японии неизбежно. И не только в области истории. В Японии знают, что в Советском Союзе расцветает новое языкознание. Поэтому любая наша работа по японскому языку должна создаваться так, чтобы читающие ее японцы сразу увидели, что они имеют дело с новым словом в науке, что эта работа действительно раскрывает им какое-то явление в языке и учит, как над японским языком следует работать. Вот именно об этом значении наших работ и о нашей огромной ответственности за них мы должны всегда помнить. Но и здесь необходимо учитывать одно крайне важное обстоятельство. Не надо забывать о том, что всякая наша работа в Японии — на любую тему, в любой области — попадает не на девственную почву: она сталкивается с целым рядом работ японских авторов, большей частью — огромной литературой по этому предмету. Следовательно, японский читатель наших работ будет неизбежно воспринимать их на фоне своего знания этого предмета, почерпнутого из своей литературы. И, естественно, будет каждое наше положение проверять этим своим знанием и сопоставлять с тем, что есть в японской науке. Поэтому, если мы хотим, чтобы наши работы были авторитетны, мы обязаны не только хорошо знать соответствующую научную литературу в Японии, но и выявить свое к ней отношение: принимая одно и отвергая другое, причем не голословно, а убедительно-критически. Я доподлинно знаю, что те из наших лингвистических работ, в которых нет учета японской языковой науки — как общетеоретической, так и конкретной, в которых нет критического разбора ее, никаким авторитетом не пользуются. И это, конечно, можно сказать о работах, и по истории, и по литературе. Д.И. Гольдберг должен и это обстоятельство учесть при пересмотре своей работы.

Наконец, последнее. Выше я говорил о практических целях работы Д.И. Гольдберга. И тогда же я указывал на то, что эти практические цели у нас, научных работников, достигаются в полной мере только тогда, когда работа наша стоит на высоком теоретическом уровне и преследует чисто-теоретические цели. В чем заключаются эти теоретические цели работы? В содействии улучшению и развитию нашей теории данного вопроса. Мы должны думать не только о том, чтобы осветить

какой-либо вопрос, но и о том, чтобы этим освещением дать новый материал для проверки, подтверждения или улучшения общих теоретических концепций в данной области. В приложении к работе Д.И. Гольдберга это означает, что он должен выявить специфику рабочего движения в такой стране, как Япония, обрисовать историческую форму этого движения, в различных странах Востока. Работа должна быть написана так, чтобы она — именно своей теоретической частью — была нужна любому специалисту по рабочему движению.

Таковы общие соображения, вызванные размышлением о работе Д.И. Гольдберга. Есть у меня и некоторые конкретные положения. Мне кажется желательным при характеристике рабочего движения в Японии в первую половину 90-х гг. учесть ту общественную атмосферу, которая образовалась тогда под влиянием вышедшей в 1901 г. книги Накаэ Тёмин⁴ — "Ити нэн юхан" ["Полтора года" — *Сост.*] и вышедшей в 1902 г. книги Яно Рюкэй⁵ — "Синсякай" ["Новое общество" — *Сост.*]. Хорошо известно то огромное впечатление, которое произвели эти два произведения на все передовое японское общество. Обе книги — каждая по-своему: первая — в форме заметок, вторая — в форме утопической повести — говорили о самых злободневных вопросах, волновавших тогда передовые круги японской общественности. Первый тираж книги Накаэ Тёмин, — и так уже для Японии небывало большой (10 000 экз.), — был распродан в три дня; в течение месяца были распроданы два дополнительных тиража. А тираж работы Яно Рюкэй побил даже этот рекорд! Не нужно забывать, что вся японская пресса в течение долгого времени была заполнена отзвуками этих книг. Пройти мимо этих явлений нельзя. Это будет значить оторвать рабочее движение от общего хода общественного развития Японии.

Второе пожелание состоит в том, чтобы в работе Д.И. Гольдберга центральное место занял тот момент истории рабочего движения, который связан с "движением простых людей" (Хэймин ундо)⁶. История Японии в последнее десятилетие, как мне кажется, заставляет нас с особым вниманием присмотреться к этому движению. Я считаю даже, что специальная работа по "Хэймин ундо" должна быть нашими японистами-историками обязательно написана. Без этого — соответствующие разделы читаемых у нас курсов новейшей истории Японии будут не совершенны. Д.И. Гольдберг неминуемо должен этого движения коснуться. Конечно, требовать от него специального исследования этого явления нельзя, но вдуматься в него и оценить его значение для истории рабочего движения в Японии он должен.

В связи с этим движением необходимо очень внимательно остановиться и на взглядах Котоку⁷. Думая о работе Д.И. Гольдберга, я перечитал известную работу Котоку о социализме — "Сякайсюги синдазуй" [Сущность социализма. Токио, 1903. — *Сост.*] и пришел к выводу, что, разбирая "Хэймин ундо", просто нельзя обойтись без рассмотрения того,

как представлял себе социализм этот крупнейший руководитель и идеолог [этого] движения. Исключительно интересны его статьи, как, например, его полемика с Толстым по вопросу о причинах войн, где он критикует Толстого с марксистских позиций. Представляются мне также важными работы Сакаи Юсабуро — этого первого японского представителя в Интернационале, в частности, его статьи о 1-ом Мая и всеобщей забастовке⁸. Я не думаю, что Д.И. Гольдберг все это упустил из виду, но считаю необходимым только подчеркнуть важность всего этого материала для его работы.

Но, рассматривая "Хэймин ундо", необходимо, как мне кажется, со всей полнотой учесть значение русско-японской войны и русской революции 1905 г. для общественного развития Японии, для развертывания в ней классовой борьбы. Не могу не сказать в связи с этим, что мы до сих пор плохо знаем о значении для Японии русского передового общественного движения, русской передовой общественной мысли вообще. К нашему стыду, мы только из японских работ узнаем, что в годы первоначального развития рабочего движения в Японии было не только хорошо известно наше народничество, но даже существовало в языковом обиходе русское слово "в народ". И как широко оно было распространено, свидетельствует хотя бы такой факт, как наименование известным поэтом — Исикава Такубоку⁹ одного своего стихотворения именно этим русским словом!

Мы очень плохо знаем об огромном влиянии русской культуры в Японии. А факты между тем настолько ясны и убедительны, что заставляют даже японских ученых все чаще и чаще признавать это. Ведь, вынужден же был даже такой далекий от нас по своим умонастроениям историк литературы, как проф. Фудзимуря в своей работе по истории литературы в период Мэйдзи признать, что теоретическим учителем Фтабатэя был не Цубоути, а Белинский¹⁰. А составители многотомной серии основных документов по истории Японии в период Мэйдзи принуждены были в разделе литературы в ряд важнейших основополагающих документов, направлявших ход развития литературы, поместить статью Белинского в переводе Фтабатэя¹¹. И это единственный иностранный документ в этой серии! Подумайте, как много говорит этот факт. И если под давлением объективной действительности сами японцы принуждены все чаще и чаще говорить о решающем влиянии нашей культуры на них, то не наша ли обязанность раскрыть этот факт во всей его полноте, и в разных областях? Поэтому Д.И. Гольдберг должен быть особо внимательным к этой стороне дела и сделать своим трудом некоторый вклад в эту область.

Таковы соображения, которые возникли у меня, когда я стал думать, что мы должны ожидать от работы Д.И. Гольдберга. Повторяю, что это — мои личные взгляды и Д.И. Гольдберг вправе с ними не считаться, если он найдет их неверными или не убедительными. Я хотел лишь этим

способом принять участие в обсуждении его работы в Кабинете, которое, полагаю, будет произведено, ибо передача работы в издательство должна сопровождаться заключением научного учреждения, ответственного за свою научную продукцию¹².

17 февраля 1949 г.

О состоянии и задачах восточной филологии

В настоящее время положение, создавшееся в восточной филологии, совершенно неудовлетворительно¹.

1. Прежде всего, в неудовлетворительном состоянии находится сама материальная база для развития этой филологии: рукописные и ксилографические фонды.

Хорошо известно, что библиотека Института востоковедения Академии наук располагает рукописными и ксилографическими собраниями поистине мирового значения. Достаточно указать на обширные собрания рукописей на языках тюркских, иранских, арабском, сирийском. Уникальное значение имеют собрания тангутских и тибетских ксилографов, а также ксилографов с киданьским письмом. Огромное значение имеют монгольские и маньчжурские фонды. Даже небольшой по размерам фонд корейских ксилографов, и тот содержит, как теперь оказалось благодаря работе О.П. Петровой, уникальные материалы по корейской историографии, литературе, языку².

Для всех этих в полном смысле слова бесценных сокровищ нет соответствующего места. Ранее они хранились в специально приспособленном помещении в здании библиотеки Академии наук в Ленинграде и только именно в специально приспособленном просторном помещении они и должны храниться. Но некоторое время назад эти фонды из такого специального помещения были вывезены и перенесены в залы старого дворца, предназначенного в свое время для парадных приемов, а не для хранения рукописей. Теперь они снова переносятся на старое место, но уже в гораздо худшие условия хранения.

2. Совершенно недостаточно ведется работа над этими фондами — по их каталогизации, описанию. Издание же этих каталогов и описаний совершенно прекратилось, а оно должно вестись неуклонно и систематически. Надлежащему развертыванию этой работы мешает и отсутствие помещения, и то, что эти фонды при переездах перепутались. Кроме того, явно неблагополучно обстоит дело с надлежаще подготовленными специальными кадрами работников: лиц, обладающих необходимой и притом высокой квалификацией для описания этих рукописей и ксилографов, крайне мало и число их не увеличивается, а уменьшается.

Это касается общей — филологической, палеографической, текстологической подготовленности к такой работе. Положение с восточной

палеографией и текстологией у нас неудовлетворительное: никакого развития эти отрасли востоковедения уже давно не получают.

Более того, по некоторым разделам нет даже лиц, знающих языки и письменность некоторых фондов. Так после смерти Н.А. Невского, ведшего огромную и далеко продвинувшуюся работу по расшифровке тангутского письма даже в его скорописи, дальнейшая работа по расшифровке этого письма и, конечно, по описанию тангутского фонда, прекратилась. В составе рукописного отдела тибетский язык знает один Б.И. Панкратов³, но он по своей специальности, прежде всего, китаевед и монголовед, почему и не может заниматься еще тибетскими ксилографами. Никакой подготовки же новых кадров, которые могли бы работать с памятниками на тибетском языке, не ведется⁴. После смерти Л.Н. Рудова⁵, начавшего расшифровку киданьской письменности, нет никого, кто мог бы продолжать эту работу. Таковы отдельные примеры.

3. Но рукописи должны не только каталогизироваться и описываться, но и издаваться — со всем критическим аппаратом. Только тогда эти документы могут стать достоянием научного исследования. Следует сказать, что такое научное издание рукописей прекратилось и наша наука о древнем и средневековом Востоке не получает нового материала. Прекратилось такое издание потому, что буквально единицами насчитываются люди, могущие это сделать, а они к тому же обычно заняты другого рода работой, а, кроме того, нет надлежащего внимания к этому делу. Так, например, А.Н. Болдырев, один из бывших сотрудников ИВ [АН СССР], уже более десяти лет не может издать подготовленное им критическое издание рукописей, характеризующих общественную и литературную жизнь Герата в эпоху его расцвета⁶.

Таких примеров можно было бы привести не один.

4. Такое состояние с рукописными и ксилографическими фондами обусловило то, что в нашу эпоху о древнем и средневековом Востоке перестали поступать новые материалы, которые позволили бы открывать иногда даже просто до сих пор неизвестные страницы истории. Так, например, тангутский фонд мог бы создать основу для раскрытия целой истории одно время могущественного государства Азии. Многие рукописи средневекового фонда могли бы немало увеличить наши знания литературы различных народов Средней Азии и т. д.

5. Подобное положение в равной степени наблюдается, по-видимому, и в других крупных хранилищах рукописных фондов: в библиотеке Ленинградского университета, Государственной Публичной библиотеке Ленинграда, Государственной библиотеке СССР им. Ленина в Москве и др.

В связи с таким общим положением необходимо создать авторитетную комиссию специалистов, которым поручить ознакомиться с состоянием хранения рукописных и ксилографических фондов всех важнейших учреждений, где такие фонды имеются, а также работой над этими

фондами, и выработать положение о мерах, которые должны быть приняты для того, чтобы обеспечить должное состояние этого участка нашей науки.

Неблагополучно обстоит дело и с восточными книжными фондами.

1. В последнее время получено большое количество книг по Востоку на восточных языках. Часть этих фондов хранится в местах, востоковедам неизвестных, часть — в учреждениях, не имеющих отношения к востоковедению. Необходимо эти вновь полученные фонды выявить и поместить туда, где они должны быть.

2. Однако неудовлетворительно положение и с теми книжными фондами, которые попали в востоковедные учреждения: они не только не разобраны, не каталогизированы, но и не размещены как полагается. Так обстоит дело, например, с большим собранием книг, привезенных с Сахалина, и переданных библиотеке Института востоковедения Академии наук. Так обстоит дело с книгами переданными Московскому институту востоковедения: они где-то свалены, не разобраны, и к ним не пускают даже специалистов⁷.

3. Очень плохо обстоит дело с каталогизацией книг на восточных языках: существующие каталоги полны ошибок, зачастую просто безграмотны и нередко не соответствуют самому материалу. Так в Библиотеке им. Ленина бывали случаи получения совсем другой книги, чем затребованная согласно существующей карточке.

4. Такое положение с каталогизацией объясняется полным отсутствием заботы о воспитании действительно квалифицированных кадров библиотечных работников. Для такой работы нужны люди, очень хорошо владеющие восточными языками, хорошо знающие состояние науки в какой-либо области. Таких людей у нас — буквально единицы. Кроме того, их и явно недостаточно. Так, например, в библиотеке ИВ АН [СССР] должны быть квалифицированные арабисты, иранисты, японисты, китаисты и т. д., прекрасно знающие свою книгу, состояние науки в своих областях, обладающие большими библиографическими знаниями. И таких работников должно быть по каждому языку не один. Сейчас же так подготовленных работников нет.

5. Необходимо безотлагательно и резко улучшить положение дела на этом участке, а именно: обеспечить надлежащую подготовку квалифицированных кадров библиотекарей; поднять значение востоковедной библиотечной работы — как в смысле общего положения востоковедов — библиотечных работников, так и в смысле оплаты их труда; вдвое-втрое увеличить их число — со введением специальности каждого: по истории, по литературе, по языку, по экономике каждой данной страны.

6. Необходимо произвести подготовку каталогов всего книжного фонда, разобрать и закаталогизировать новые фонды; это относится ко всем востоковедным библиотекам.

7. Необходимо создать единый сводный каталог книг на восточных языках, хранящихся в библиотеках Москвы. Создать такой же единый каталог и для Ленинграда⁸.

1952 г.

Выступление на годичном собрании ОЛЯ АН СССР 31 января 1955 *

Поскольку в докладе Виктора Владимировича [Виноградова]¹ о востоковедении говорилось два раза — в начале и конце доклада, постольку мы, востоковеды, имеем право два раза выступить по востоковедческим вопросам и поэтому я и просил разрешения выступить после моего коллеги Е.Э. Бертельса². Положение, которое заставило создать оргкомитет по организации всесоюзного совещания по вопросам состояния нашей востоковедческой филологии таково, что оставаться дольше в этой обстановке уже невозможно³. Я не буду говорить лишних слов о том, в какой мере у нас этот участок работы востоковедения отошел на задний план. Это стало общим местом. Я должен только сказать, что дело заключается не только в том, что в научно-исследовательских учреждениях, в частности, в Институте востоковедения АН [СССР] в первую очередь, ослабло изучение этого участка работы — восточной филологии, но такое же положение захватило, к сожалению, и вузы, а это всегда было связано. Я сам знаю по личному опыту и студента, и оставленного при университете, и затем преподавателя, что такая связь всегда была плодотворной и совершенно нерасторжимой, — и не организационная связь, ее никогда не было, и она не нужна, если есть налицо договоренность и связь научная — между Институтом востоковедения, научным учреждением АН [СССР] и Ленинградским факультетом [Восточный факультет ЛГУ — *Сост.*]. Это всегда были учреждения взаимно связанные. Большая часть их состава работала в том и другом учреждениях, что было хорошо и для учреждения, и для самих работников, потому что совершенно необходимо было вести вузовские курсы.

И теперь, говоря об отставании востоковедной филологии в научно-исследовательском плане, необходимо громко говорить о том, что у нас подготовка востоковедных кадров в области филологии пришла в упадок и, прежде всего, как это ни грустно, в том месте, которое было историческим центром подготовки востоковедов-филологов, на Восточном факультете Ленинградского университета.

Я узнал, что вся история японской литературы до 1950 года подается в виде общего обзора, лётом, а все остальное время посвящается той литературе, которая вышла после войны, причем желательно в текущем году, не иначе.

Мне это особенно горько слышать по той причине, что впервые в нашей стране курс истории японской литературы был поставлен на этой же кафедре мною, и мы дошли до такого положения, что сейчас можем давать не только обширный курс японской литературы, но ставить специальные курсы по отдельным периодам, направлениям, писателям всех буквально веков. При наличии таких возможностей, при наличии такого развития, на том же самом факультете, в том месте, где все это разрабатывалось, сейчас получается такое положение!

Поэтому, следовательно, положение восточной филологии очень тесно связано с подготовкой кадров филологов, в частности, с тем основным местом, где эти кадры должны готовиться, с положением дел на Восточном факультете Ленинградского университета.

Все это было бы очень тяжело нам, старым работникам востоковедения, сознавать, если бы не было некоторой возможности утешиться чем-то. Одно утешение, правда, негативного порядка, то, что не мы первые, не мы последние. С филологией вообще обстоит дело в нашей стране не так блестяще. Даже сегодня представители русского языкознания говорили, что филологический участок весьма отстает от потребностей, которые сейчас выявлены. Нужно считаться с тем, что то, что произошло в востоковедении, это не изолировано, оно связано с однородными явлениями в других областях. Это первое своеобразное утешение. Вернее, это не утешение, но мы видим рядом собратьев по несчастью, переживающих в такой же степени это несчастье.

Второе утешение настоящее. Есть некоторое количество людей, которые связывают наше прошлое востоковедение с настоящим и являются замечательными филологами. И таков выступавший передо мной коллега. Затем мы имеем целый ряд талантливых людей, наших учеников, причем не такое малое количество. Их могло бы быть значительно больше, если бы такого рода знания поощрялись⁴.

Поэтому никаких мрачных перспектив на будущее у меня нет. Мы имеем людей, которые могут и готовы заниматься этим делом. Евгений Эдуардович указывал на то, что целый ряд работ уже подготовлен. Поэтому здесь пессимизма быть не может. Есть люди, есть знания, дело можно поставить, но мы должны для этого получить помощь Отделения языка и литературы. Эта помощь нам нужна в первую очередь. Этим и объясняются наши выступления здесь, потому что в полной мере мы говорили на нашем совещании. Поэтому я бы хотел, чтобы в постановлении было зафиксировано это наше обращение за помощью в Отделение литературы и языка с тем, чтобы Отделение со своим авторитетом могло помочь нам восстановить востоковедную филологию.

Я хотел, в связи с этим, коснуться одного вопроса, который попутно возникает и который не менее важен.

Востоковедная филология обычно имеется в виду в узком смысле слова: работа над памятниками материальными, памятниками письмен-

ности, издание, комментирование с исторической, литературоведческой стороны. Но одним из замечательных достижений нашей науки за советский период (я подчеркиваю — за советский период, — потому что это выявилось в полной мере после Октябрьской революции) является то, что у нас на базе востоковедной филологии развились, как самостоятельные дисциплины, литературоведение и языкознание. У нас есть языковеды-востоковеды, литературоведы-востоковеды, есть историки, экономисты. Тот сложный комплекс, который раньше составлял востоковедение, разделился. Сейчас мы имеем востоковедов, которым трудно в обстановке нашего Института работать, или даже в том институте, который будет заниматься только вопросами востоковедной филологии. Им нужна другая обстановка.

Нам нужно приветствовать те наметки, которые объявились здесь, чтобы доказать, скажем так, доказать необходимость постановки работ востоковедной тематики в Институте языкознания и в Институте мировой литературы. Это совершенно необходимо обоюдно. Как может специалист, работающий по истории китайской литературы, работать без контакта с историками литературы немецкой, французской, античной? Ему нужно это общество, нужна эта среда. Он может ее найти в том институте, который призван давать такую обстановку, в Институте мировой литературы.

С другой стороны (это мое давнишнее мнение, я стараюсь воспользоваться и этим случаем, чтобы о нем сказать), и мы, востоковеды, нужны нашим коллегам по другим областям. Мне пришлось довольно близко работать с некоторыми историками-западниками и русистами. Я видел, что привнесение восточного материала, заставляет в данном случае историков по-другому осмысливать некоторые явления, которые происходили во Франции или в империи Гогенцоллернов⁵. То же самое все основные, самые большие теоретические вопросы литературоведения и языкознания, они могут быть теперь решены не иначе как с привлечением обширного востоковедного материала. Это касается не только современности, того, как складывается литература в странах Востока сейчас, но это нужно и для всей прежней истории литератур.

Поэтому я бы считал необходимым, чтобы наше совещание зафиксировало это положение.

В. И. Борковский⁶ уже согласился, что надо положить конец такому положению, когда все тюркские языки могут изучаться в Институте языкознания, а турецкий язык должен изучаться в Институте востоковедения. Такой специалист по истории узбекского языка, как Боровков⁷, работающий в Институте востоковедения, не имеет права заниматься в Институте языковедения, где изучение тюркских языков Советского Союза составляет главную задачу.

Что это за перегородки — это зарубежный тюркский язык, а это тюркский язык Советского Союза.

Нужно воспользоваться тем, что здесь сказал Иван Иванович [Анисимов]⁸. Я думаю, что время Вашего Института мировой литературы, Иван Иванович, должно быть ознаменовано решительным переломом, когда Вы позволите востоковедам придти к Вам получить помощь от Вас, и помочь Вам.

И. И. Анисимов: Это зависит от Виктора Владимировича и от президента.

Н. И. Конрад: Это зависит от доброй воли. Вообще же работают лучше всего те организации, которые не получают денег ни за что. Я хотел бы это как раз и зафиксировать.

Должен сказать, что одна большая опасность угрожает развитию этой стороны такого восточного литературоведения и восточного языкознания — это то, что в этих двух важных отраслях у нас очень большое место стали занимать работы (воспользуюсь выражением Виктора Владимировича) гибридного характера.

В. В. Виноградов: Я хотел сказать -- лимфатические гибриды.

Н. И. Конрад: Словом, где соединяется наука и острая публицистика, причем ни в том, ни в другом не получается ничего серьезного. Классический гибрид — это овцебык. Очень много овцебыков. Овцебык состоит из равных долей овцы и быка. Но тот овцебык, который мы имеем в таких гибридных работах — не знаю, какой процент овцы и быка.

То, что говорил Виктор Владимирович — острота политическая гораздо больше, чем что-либо другое. Настолько больше, что эта острота политическая только и остается единой политической остротой.

Я только что ознакомился с одной диссертацией, которая посвящена драматургии Го Можо⁹. Тема самая интересная. Там, например, такие положения. Говорится о князе IV века: "Он грубо насилует всякие попытки своей жены иметь суждение об общественных делах"¹⁰. Или, например. Шань-Цзюань образ китайской девушки, собранной в кулак¹¹. И, наконец, научное открытие: что такое типическое литературное произведение? Господство страстей над разумом есть типическая черта всех классовых произведений. Не сомневаюсь, что эта диссертация будет канонизирована, а сам автор бенифицирован¹². Это большая опасность.

Нам сейчас самое важное — найти правильную линию для востоковедной филологии в узком смысле слова и для правильного развития нашего востоковедения по линии языкознания и литературоведения как самостоятельных совершенно научных дисциплин.

К двадцатипятилетию Государственного издательства художественной литературы¹

Я — востоковед, а мы, востоковеды, не только изучаем литературы народов Востока, но и любим эти литературы. Как не полюбить, например, Саади, если у него есть такие строки?

О, караванщик, не спеши! Покой души моей уходит.
Увозишь милую мою, и сердце вслед за ней уходит.
Хитря, лукавая, мнил я вновь от взоров утаить любовь.
Не утаишь ее! Ведь кровь из раны, как ручей, уходит...
(пер. Ц. Бану)

Как быть равнодушным к Ван Вэю — поэту и живописцу, у которого по давно сложившемуся у его народа мнению — "в стихах — картины, а в картинах — стихи"²?

Холмик северный зеленеет
Там на север от озера.
В роще смешанной — орхидеи,
Красота их горит, ярка.
Извиваясь и изгибаясь,
Воды с юга несет река,
То светлея, то исчезая
Там — за синей каймой леска.

(пер. Ю. Щуцкого)

Поэтому-то мы и не можем не отозваться на юбилей Государственного издательства художественной литературы, особо отметив одну область его многосторонней работы — деятельность его Восточной редакции³. Этой деятельности мы обязаны появлением у нас ряда "восточных" книг, и притом — книг для чтения, а не только для "почитания издали", как говорил Конфуций.

Надо осознать этот факт во всем его значении. До сих пор у нас появлялись отдельные издания переводов произведений писателей Востока; теперь у нас идет планомерный, непрерывный выпуск таких изданий. Издаётся собрание сочинений великого писателя Индии — Рабиндраната Тагора. Вышло уже несколько поэтических антологий: сборник японской поэзии, сборники поэзии афганской, вьетнамской. Издательство пошло даже дальше по пути ознакомления нашего читателя с литературой Востока: если до сих пор для нас существовала классическая китайская поэзия "вообще", то сейчас стали реальностью во всей своей творческой индивидуальности некоторые из творцов этой поэзии — Цюй Юань, Бо Цзюйи, Ду Фу⁴; изданы отдельные сборники их стихов. А это является настоящим событием в истории наших переводов китайских поэтов-классиков. Знаю, что в недалеком будущем станут известными и другие большие имена: Ван Вэй, Ли Бо — замечательных поэтов старого Китая⁵, Исикава Такубоку — чудесного поэта Японии новейшего времени и других⁶. Сейчас нам стали доступны и внушительные романы-эпопеи "Троецарствие", "Речные заводы". На их родине -- в Китае -- их знают все. Уже давно существуют переводы их и на ряд западноевро-

пейских языков. А за перевод на английский язык романа "Речные заводи" его переводчица известная писательница Гёрл Бак — даже получила Нобелевскую премию⁶.

Грустно было сознавать это наше — столь длительное — отставание. И то, что не сделали китаеведы в своих организациях, сумел сделать Гослитиздат, благодаря инициативе, настойчивости и смелости своей Восточной редакции, руководимой М.Н. Виташевской⁷. Восточная редакция не побоялась предложить нашему читателю эти эпические произведения средневековой китайской литературы, весьма и весьма нелегкие для восприятия нашего читателя, для которого так не привычны сюжеты, персонажи, образы классической китайской литературы; редакция не колебалась и привлечь к очень трудному делу перевода этих произведений начинающих переводчиков-китаистов. Это последнее — особенно важно. Именно благодаря этой смелости Гослитиздат сейчас обладает кадрами переводчиков по многим восточным языкам. Создание этих кадров — всецело заслуга Восточной редакции.

Много, очень много нужно еще сделать. Еще очень многие крупнейшие произведения литературы различных восточных народов ждут своего воплощения в русском языковом облике. Отставание в этой области у нас еще очень большое. Но, видя то, что уже сделано и притом — за краткий срок, зная дальнейший план изданий, успокаиваешься: ликвидация этого отставания уже идет быстрыми шагами. Очень хорошо, что задумано издание отдельных сборников — типа "Альманаха". В таких "Альманахах", периодически выпускаемых, может найти себе место многое замечательное из того, что не может появиться в виде отдельных книжек⁸. Обязанность нас, востоковедов, всячески помочь этому делу.

А что получит советский читатель от того, что уже есть и еще больше от того, что будет?

Одна очень умная, талантливая, пожалуй, даже гениальная японская женщина конца X-го века — начала XI века, Мурасаки Сикибу, автор замечательного романа "Повесть о Гэндзи", как-то сказала о "повестях", как тогда называли в Японии всякие произведения художественной повествовательной литературы: "Повести рассказывают нам обо всем, что есть на свете... Конечно, авторы не рассказывают в точности так, как было в действительности; они передают только то, что не могли оставить сокрытым в своем сердце — из того, что они видели и слышали в человеческой жизни — и хорошего, и плохого".

Вот и мы будем слушать — верю, все с возрастающим вниманием — эти как будто бы давно отзвучавшие голоса писателей-художников Востока, передающих нам то, что они не "могли оставить сокрытым в своем сердце", равно — и хорошее и плохое в жизни, в деяниях, в душах людей своего народа, своего времени. А то, что запечатлевается в сердце мудрого, глубокого поэта, писателя любого народа, любой эпохи всегда жизненно и действительно для нас. Лучшие из таких писателей понимали

это и сами. Разве не об этом говорят слова великого Фирдоуси, которыми он закончил свою грандиозную эпопею — "Шах-наме"?

Труд славный окончен. В родимой стране
Не смолкнет отныне молва обо мне.
Не умер я, жив, -- пусть бегут времена:
Недаром рассыпал я слов семена.
И каждый, в ком разум и мысли светлы
Почтит мою память словами хвалы.

17 января 1956 г.

Докладная записка о выявлении материалов научного наследия Н. А. Невского и Ю. К. Щуцкого в архиве ЛО ИВ АН СССР*

28 марта 1958 г.

По поручению Бюро Отделения исторических наук [АН СССР] я выезжал в Ленинград для изучения хранящегося в архиве Ленинградского отделения ИВ [АН СССР] научного наследия Н.А. Невского и Ю.К. Щуцкого и определения, совместно с руководством ЛО ИВ, возможности опубликования чего-либо из этого наследия. Настоящим докладываю о результате своей поездки.

1. В архиве Н.А. Невского имеется рукопись тангутского словаря. Ознакомление с этой рукописью показало, что в этой работе содержится около 6000 тангутских иероглифов, определить которые Н.А. Невский считал своей целью. По замыслу автора это означало определить: во-первых, "чтение" данного иероглифа, т. е. звучание того тангутского слова, которое этим иероглифом обозначалось; во-вторых, значение этого слова.

Как показало изучение рукописи, к этому автор стремился добавить примеры употребления данного слова во фразеологических сочетаниях и анализ структуры самого иероглифа. Сверх того в рукописи словаря оказались фонетические пометы, характеризующие начальные согласные данного тангутского слова, а также слова из других языков тибето-бирманской группы, являющиеся, по мнению автора, лексическими параллелями к тому тангутскому слову, которое определяется. Такие слова берутся более чем из 20 языков и диалектов.

При определении звучания тангутского слова автор исходил из имеющихся в тангутско-китайском словаре, бывшем в его распоряжении, определений этого звучания по способу так называемого "рассечения звуков", привлекая при этом данные, содержащиеся в обнаруженном им в фонде [Л. К.] Козлова тангутско-тибетском словаре¹.

При определении значения тангутского слова автор исходил из данных тангутско-китайского и тангутско-тибетского словарей, причем приводил в самом словаре соответствующее китайское слово — всегда и соответствующее тибетское слово — в ряде случаев.

Более 3000 из всего состава в 6000 иероглифов имеют полное определение со всеми добавочными данными. Более 2000 из оставшейся меньшей половины имеют лишь частичное определение и, наконец, небольшое количество осталось совсем неопределенным.

По моему мнению, одобренному на специальном совещании под председательством академика И.А. Орбели², сделанная работа имеет огромное научное значение и означает фактически расшифровку тангутского письма (в котором, как известно, до настоящего времени расшифрованы лишь несколько десятков знаков). По решению совещания, этот уникальный труд должен быть опубликован в том виде, какой он сейчас имеет. Сделать это не трудно офсетным способом, т. е. не прибегая к набору, который в данном случае и невозможен за отсутствием где бы то ни было тангутского шрифта. Опубликование таким способом можно осуществить в Ленинграде, где, в типографии АН имеются соответствующие машины. Полную возможность пользоваться фототипическим воспроизведением словаря обеспечивает исключительная каллиграфическая четкость и полная сохранность рукописи.

В дополнение к корпусу словаря должны быть даны следующие приложения: 1) Имеемаяся в архиве Н.А. Невского ключевая таблица, открывающая доступ к поискам нужного слова; 2) Обнаруженные в архиве Н.А. Невского материалы по фонетике тангутского языка, раскрывающие принципы его работы над определением звучания тангутских слов.

В издание словаря желательно включить две напечатанные статьи Н.А. Невского: "Очерк по истории тангутоведения" и "Тангутская письменность и ее фонды", а также одну неопубликованную статью, посвященную описанию некоторых частей тангутского фонда. Кроме того, необходимо небольшое редакторское предисловие, объясняющее состав и характер всего издания.

В таком виде все издание может показать всю ценность имеющихся в [ЛО] ИВ [АН СССР] уникального собрания тангутских ксилографов и рукописей и исключительное значение работы Н.А. Невского.

Составителем издания намечена З.И. Горбачева³, редактором — Б.И. Панкратов. По предложению И.А. Орбели срок окончания работы по подготовке к печати тангутского словаря — начало мая 1958 г.

II. Из научного наследия Ю. К. Щуцкого пока обнаружена одна работа — "И цзин". Эта работа содержит в себе: 1) Историю происхождения этого древнейшего памятника китайской письменности; 2) Подробнейший критический обзор комментаторской и исследовательской литера-

туры по "И цзину" на китайском, японском, маньчжурском, английском, французском и немецком языках; 3) Детальный филологический анализ текста; 4) Перевод самого памятника. В этом большом по размеру (около 40 п.л.) труде автор открывает наличие в "И цзине" по крайней мере трех слоев, принадлежащих к различному времени, предлагает датировку памятника и выясняет его значение в истории китайской философской мысли. В имеющейся обширной литературе на различных языках по "И цзину" такой работы пока не появлялось, и она свидетельствует о чрезвычайно высоком состоянии в то время советского китаеведения.

По моему мнению, одобренному на указанном совещании, работу Ю.К. Щуцкого необходимо издать в том виде, как она есть, с некоторыми редакционными примечаниями. Работа Ю.К. Щуцкого, законченная в 1935 г., была принята к напечатанию в Изд[ательств]е АН [СССР] и тогда же прошла издательскую редактуру, так что в имеющемся экземпляре автором учтены все предложенные в то время редактором поправки. Окончательную подготовку работы к печати намечено поручить Н.А. Петрову⁴. Редактором издания совещанием намечен Н.И. Конрад.

При сем прилагаю протокол совещания по вопросу об издании трудов ряда покойных востоковедов, состоявшегося в ЛО ИВ АН СССР 11 марта 1958 г.⁵

Докладная записка директору ИНА АН СССР Б. Г. Гафурову об итогах и перспективах работы по обработке фонда тангутских рукописей ЛО ИНА АН СССР¹*

2 января 1961 г.

Глубокоуважаемый Бободжан Гафурович!

В начале прошлого года я получил от З.И. Горбачевой, сотрудника Ленинградского отделения Института народов Азии, сообщение, что она вместе с другим сотрудником ЛО института Е.И. Кычановым², работает над составлением первого списка отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Лен[инградского] отделения нашего института. При этом З.И. Горбачева выражала свое и Е.И. Кычанова желание посвятить эту работу памяти Н.А. Невского и издать ее в 1962 году, чтобы этим отметить исполняющееся в 1962 году семидесятилетие со дня рождения покойного ученого.

Я мог только приветствовать такую работу и обещал свое содействие этому начинанию, так как издание такого списка составляет естественное продолжение нашей работы по изучению тангутского фонда, так хорошо начатой опубликованием посвященных тангутским памятникам работ Н.А. Невского.

Вскоре мне был прислан и самый "Список". Ознакомление с ним показало мне, что работа исполнена в общем хорошо, но для оконча-

тельного суждения о ней необходимо знать мнение специалистов. Заведующий Ленинградским отделением института А.Н. Кононов³, к которому я обратился, распорядился организовать особую комиссию для рассмотрения "Списка". В нее вошли: заведующий Д[альне] в [восточном] Кабинетом ЛО Института В.М. Штейн⁴ и сотрудники кабинета — О.П. Петрова, Б.Б. Вахтин⁵, Л.Н. Меньшиков⁶. К участию в работе этой компании А.Н. Кононов пригласил и меня. Детальное изучение работы З.И. Горбачевой и Е.И. Кычанова было поручено О.П. Петровой, имеющей большой опыт работы по описанию японских и корейских рукописей, хранящихся в наших фондах.

26-го ноября прошлого года состоялось заседание Комиссии, для участия в котором я выезжал в Ленинград.

О.П. Петрова представила обстоятельный доклад, в котором подробно и с полным знанием дела разобрала работу З.И. Горбачевой и Е.И. Кычанова. После обмена мнений, составителям "Списка" было предложено внести в текст "Списка" необходимые улучшения и написать более подробную вступительную статью. Срок исполнения был намечен 15.12.1961 г.

15-го декабря, т. е. точно в срок, работа была закончена и в 2-х экземплярах прислана мне, поскольку мне было поручено просмотреть "Список" в его исправленном и дополненном виде, а также посылить содействовать его опубликованию. Ознакомившись с этой второй редакцией "Списка", я нашел, что все указания Комиссии были составителями учтены и "Список" вполне готов к печати. В связи с этим я и внес соответствующее предложение директору Издательства восточной литературы — О.К. Дрейсеру⁷.

Докладывая Вам об этом, позволю себе обратить Ваше внимание на следующее: возобновление планомерной работы по разбору и описанию тангутского фонда, прервавшейся со смертью Н.А. Невского, началось у нас подготовкой к изданию, а затем и изданием работ по тангутоведению самого Н. А. Невского. В 1960 году были изданы 2 тома "Тангутской филологии". О значении этого издания можно судить уже по тому, что оно выставлено Институтом народов Азии на Ленинскую премию.

Но выпуск в свет работ естественно требовал и другого.

Тангутоведам и китаеведам всего мира Н.А. Невский даст сведения об имеющемся у нас богатейшем тангутском фонде, своими размерами и содержанием во много раз превосходящем все, что есть в других собраниях (Китая, Японии, Франции, Англии и др.) вместе взятое. Необходимо, следовательно, было довести до сведения мировой науки что именно есть в нашем фонде, хотя бы в той части, которая определена. Это и сделано в виде представленного "Списка": в нем даны краткие, пока еще единственно возможные сведения о 431 памятнике на основе той работы, которая была проделана в этой области всеми, кто внес какой-либо вклад в это дело. Во вступительной статье даются точные сведения о всей

работе по разбору тангутского фонда с указанием, кто и когда этим разбором занимался и что успел сделать. Таким образом приведена в известность вся история работы над фондом и названы все ее участники. Уже это одно я считаю ценным вкладом в тангутоведение.

Но "Список" свидетельствует о гораздо большем: как явствует из сообщения составителей З.И. Горбачевой и Е.И. Кычанова, закончена работа по разбору и инвентаризации всего тангутского фонда. Оказывается, что в нем насчитывается 8090 единиц хранения. Таким образом, работа, которая с перерывами велась около пятидесяти лет, завершена. Это факт означает благополучное окончание первого этапа работы над тангутским фондом, абсолютно необходимого. Не могу не отметить, что из 8090 единиц хранения наибольшее число заинвентаризировано Н.А. Невским (955 единиц) и Е.И. Кычановым (4242 ед.).

Положено начало и второго этапа: составлен "Список" уже отождествленных и определенных рукописей и ксилографов. Число их для начала достаточно велико: 431.

Докладывая Вам об этом, я прошу Вас санкционировать рекомендацию комиссии об издании "Списка"⁸. Хочу также поддержать рекомендацию комиссии, сделанную по просьбе составителей "Списка" З.И. Горбачевой и Е.И. Кычанова, посвятить это издание памяти Н.А. Невского в связи с исполняющимся в 1962 году семидесятилетием со дня его рождения. Мы все хорошо знаем, что Н.А. Невский выполнил самую важную часть работы над фондом и своими трудами сделал возможным ее плодотворное продолжение.

К этому позволю сделать еще одно добавление: помимо продолжения работы по отождествлению и определению тангутского фонда и подготовки к печати следующих "Списков", необходимо наметить хотя бы самый краткий план издания некоторых памятников фонда, так как состав нашего фонда — уникальный и развитие мирового тангутоведения целиком зависит от работы над имеющимися у нас материалами. И срочно нужна еще одна работа: необходимо принять меры по сохранению и реставрированию фонда, часть которого ныне находится в неудовлетворительном состоянии.

О проспекте средневекового тома "Истории мировой культуры"¹

Не позднее 1 марта 1965 г.²

Том назван "Культура средневекового мира"; "средневекового", а не "феодалного", как можно было ожидать, прочитав в самом начале проспекта, что предметом исследования является "духовное производство" в условиях феодальной общественно-экономической формации. Проспект объясняет выбор такого наименования двумя соображениями: во-

первых, тем, что понятие "Средневековье" в исторической науке отнюдь не равнозначно понятию "феодализм", поскольку в Средневековье входят и две переходных эпохи, одна — от рабовладельческого общества к феодальному, другая — от феодального к капиталистическому; во-вторых, тем, что культура в феодальных обществах Востока и Запада отличается разноукладностью и многообразием.

Мне кажется, что второе соображение не столь убедительно: если культурные явления на Востоке и на Западе, — пусть и отличающиеся разноукладностью и многообразием, — имеют место в феодальном обществе, то тем самым наименование "Культура феодального мира" вместо "Культура средневекового мира" было бы вполне допустимо. Но первое соображение мне представляется убедительным и, в сущности, решающим: наличие двух указанных переходных эпох — факт несомненный и не считаться с ним нельзя.

Все же хотелось бы добавить в пользу наименования культура "средневекового", а не "феодального" мира еще один довод. Рассматриваемая большая историческая эпоха, как, впрочем, и всякая иная того же масштаба, представляет собою процесс: процесс постепенного складывания феодального способа производства, превращения его в господствующий; образование на его основе особого общественного строя, а затем — его разложения и упадка. Процесс этот захватил весь известный тогда культурный мир, и в аспекте этого процесса мир тогда был единым. Он был единым, но не одним: отдельные части его находились на разных ступенях этого процесса: одни были еще рабовладельческими — на поздних этапах исторического бытия рабовладельческого общества, другие — на разных этапах бытия феодального общества. Поэтому общим наименованием исторической эпохи, когда шел этот единый в своей направленности и общем содержании процесс, может быть именно "Средневековье", а не "феодализм".

Следует, однако, быть очень осторожным в употреблении термина "Средневековье". Как явствует из концепции проспекта в орбиту Средневековья входят все этапы упомянутого процесса, т. е. и начальный — складывающийся еще в обстановке распада рабовладельческого способа производства, и конечный, когда еще в обстановке феодализма начал складываться и развиваться капиталистический способ производства. Иначе говоря, в историю средневекового мира входит и то, что в истории Европы мы называем "эпохой Возрождения". Но обычно, когда говорят об этой эпохе, ее не соединяют со Средневековьем, а противопоставляют ему. Некоторые следы такого противопоставления есть и в проспекте. Тем самым наименование "Средние века" употребляются в двояком смысле: как общее название указанного большого периода мировой истории и как название одной части этого периода — этапа всестороннего развития феодального общества, т. е. средней, классической поры его

истории. Оба смысла — вполне законны; во всяком случае — они существуют, и не считаются с этим нельзя. Но только необходимо всегда делать ясным, именно в каком смысле в каждом данном случае термин "Средневековье" употреблен.

В наименовании "Культура средневекового мира" проспект объясняет не только понятие "Средневековье", но и понятие "культура". Культура мыслится как процесс духовного производства.

Мне кажется, что такое понимание обеспечивает действительно адекватное описание явлений культуры.

Этим обеспечивается, прежде всего, сохранение специфики истории культуры: она не растворяется в общей истории общества, а выделяется в ней как явление *sui generis*³. Вместе с тем культура и не отрывается от общества. Проспект называет трактовку культуры средних веков "социологией" этой культуры. Само по себе это пояснение могло бы несколько насторожить, так как можно было бы опасаться как бы культура не растворилась на этот раз в социологии, но опасение это, однако, снимается разъяснениями проспекта, что под "социологией культуры" в данном случае подразумевается рассмотрение культуры как духовного производства общества, а в ней — индивида. Тем самым создателем, деятелем культуры в проспекте усматривается, как это и следует, человек.

Этот человек в проспекте рассматривается, однако, не в отрыве от общества, а в "системе конкретных производственных и внепроизводственных связей, в которых реализовалось общественное бытие индивида и которые наиболее непосредственно формировали его общественное сознание, идеологию и психологию". В этой связи в высшей степени многообещающим оказывается прокламируемое проспектом обращение к такому явлению, как "инфраструктура общества", присутствующая во всяком классовом обществе, но в феодальном играющая особо важную роль. Может быть, только следовало бы при рассмотрении институтов, в которых осуществлялись тогда связи индивида с обществом, различать такие, которые не связаны с феодальным строем принципиально, как, например, семья, община, каста, и такие, которые характерны именно для феодального строя, как, например, цех, гильдия, братство.

Обращает на себя внимание положение проспекта, что в создании культуры средневекового мира участвуют разные социальные группы феодального общества, из чего вытекает утверждение о двух культурах феодального общества -- народной и господствующего класса. Мне кажется, что лучше такого противопоставления не делать. Во-первых, это несколько неудобно терминологически: под "народной" культурой в любую эпоху следует разумеать весь комплекс культуры, созданный данным народом в данное историческое время; поэтому, если говорить о "культуре господствующего класса" в данном случае — класса феодалов. Противопоставлять ей следует культуру подчиненного класса, в данном случае -- крестьянства, как основного антагониста класса феодалов. Но

главное все же в том, что при всех различиях культурного существования отдельных классов и групп феодального общества, культура этого общества представляет собою единый комплекс — единый в своей исторической специфике, раскрывающейся при сопоставлении культуры феодального общества с культурой двух исторически примыкающих обществ — рабовладельческого и капиталистического. При всей внутренней сложности и противоречивости культурный комплекс Средневековья — в таком сопоставлении — несомненно исторически един и именно в этом своем единстве и специфичен.

Следует особо оценить выставленное тут же в проспекте положение о "зарождении интеллигенции, как самостоятельной социальной прослойки". К сожалению, это положение не развито, но по всему содержанию этой части проспекта видно, что оно — одно из самых важных. С этим необходимо согласиться; желательно только, как мне кажется, устранить возможность понять эти слова, как указание на то, что интеллигенция, как особая социальная прослойка, появляется только в феодальную эпоху: свою интеллигенцию знал и рабовладельческий мир, знает и мир капиталистический. Также желательно было бы указать и на роль этой прослойки в создании вообще всей культуры данного общества. Как сказал Ленин, "интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе" [Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7 С. 343 — *Сочт.*].

Особое значение имеет определение того, что именно входит в состав культуры, т. е. что является как бы продуктом духовного производства общества. Прямого определения этого в проспекте не дано, но судить об этом можно по той части проспекта, в которой излагаются планы изучения культуры в отдельных регионах средневекового мира.

Планы эти по своему содержанию не однородны, но все же четыре рубрики повторяются почти в каждом: 1. Религия и философия, 2. Естественно-научные знания, 3. Эстетическая культура, 4. Быт, мораль, система образования и воспитания. Думаю, что эти четыре сферы культуры принять можно, но при наличии их объяснения. Оно могло бы быть таким: религия и философия как сфера общих мировоззренческих представлений — о мире, природе, человеке, обществе; естественно-научные знания как комплекс эмпирических знаний о природе, ее ресурсах и силах и о средствах их использования; наименование "быт, мораль, система образования и воспитания" мне не кажется удачным; лучше заменить, как и в предыдущих случаях, эти перечисления более общим выражением — "культура общественной жизни"; наименование третьей рубрики — "эстетическая культура" пригодно для сферы искусства — зодчества, ваяния, живописи, музыки, танца, театра, но не для литературы, так как понятие литературы в Средние века глубоко своеобразно и по содержанию, и по объему и многое, что принадлежит сфере литерату-

ры, не укладывается в рамки искусства; ввиду этого я предложил бы литературу выделить в особую рубрику. Разумеется, необходимо учитывать и взаимопроникновение различных сфер культуры друг в друга, их взаимодействие и взаимовлияние. Без этого культура не представляла бы собою сложный, но единый комплекс.

Проспект уделяет особое место определению того, что составляет основу такого единства, что объединяет столь различные сферы культуры. Эту основу проспект усматривает в больших идеологических системах средневекового мира.

Вполне разделяю это мнение. И притом — в той интерпретации, которая в проспекте дана роли идеологических систем: они трактуются как концептуальные рамки господствующих культур. Именно — как "концептуальные рамки". Вместе с тем некоторые положения проспекта в этом разделе мне хотелось бы видеть несколько измененными.

Под основными идеологическими системами Средневековья проспект разумеет христианство, буддизм, ислам. В проспекте они вполне правильно рассматриваются и как явления одной какой-либо части средневекового мира, и как явления этого мира в целом. Равным образом так же правильно, на мой взгляд, проспект видит в этих системах комплекс идей — космологических, антропологических, социальных и этических. Я добавил бы еще — и эстетических. Известно, какое, например, место эстетические учения занимают в буддизме. Таким образом, в идеологической системе Средневековья — весь комплекс идейных основ "духовного производства" общества, т. е. всего культурного творчества. Но мне кажется, что не следует при этом утверждать, что эти концептуальные рамки неуклонно сужаются в теологические доктрины. Теологизм для того времени — условие как раз обратного: огромного расширения рамок миропредставления, возможности представить себе любой воображаемый мир, в какой только может заводить человека его мысль, его желание, его стремления. Ведь ни в одну какую-либо эпоху, кроме Средневековья, не была построена — и притом в поражающей конкретности — такая универсальнейшая картина бытия — во всех его мыслимых сферах, какая дана в "Божественной комедии".

Мне кажется, что в проспекте содержатся положения, которые именно эту мысль и выражают. При характеристике общих черт средневекового мировоззрения говорится о дуализме "небесного" и "земного", причем отмечается чувственно-эмпирическая интерпретация "небесного" и путей к нему. Не следует ли из этого вывести заключение, что "небесное" в мировоззрении человека средневекового общества — просто обозначение желаемого и ожидаемого, а желаемое и ожидаемое представляется при этом весьма конкретно, чуть ли не натуралистически-материально?

Один из лучших разделов проспекта — тот, в котором характеризуется роль основных религий Средневековья во всей истории средневеко-

вого мира. Справедливо отмечена роль мировых религий в расширении культурного ареала при переходе от Античности к Средневековью. Правильно оценена роль в этом деле церковных организаций. Думаю, что под такими организациями следует подразумевать всякие их виды и формы, т. е. и монашеские ордена, еретические братства и т. п. Ведь хорошо известно, что христианизация Ближнего Востока была произведена усилиями "еретиков" — несторианами, манихеями⁴. Великие мировые религии Средневековья — комплекс часто очень и очень разных и по форме, и по идеологии -- организаций. Об этом хорошо сказано в проспекте.

Следует, однако, отметить, что оценка вероисповедных связей буддизма, христианства и ислама как внесетнических верна, но оценка их как внесязыковых вряд ли справедлива. Буддизм утвердился в Китае на китайском языке, на который был переведен весь состав Св[ященного] писания и огромная примыкающая к нему литература, в том числе и принадлежащая разным буддийским вероисповеданиям и сектам. В этом китайском языковом выражении буддизм утвердился в Корее и в Японии. Ислам утвердился у тюркских и иранских народностей в арабском языковом выражении. Можно также говорить об особой роли греческого языка в одной части христианского мира Европы, латинского языка — в другой части. Проспект предусматривает наличие в средневековом мире пяти культурных регионов и обоснованно связывает их с определенными идеологическими системами; не следовало ли также учитывать и существование в каждом регионе своего общего языка — санскрита, китайского, арабского, греческого, латинского? В эпоху Средневековья наряду с мировыми религиями мы вправе говорить и о мировых языках — языках мировой культуры. Каждый из пяти указанных языков долгое время был в своей зоне главным языком образованности и просвещения.

Проспект, разумеется, предполагает изучение культуры средних веков в движении. В связи с этим, движение отмечается и в истории указанных всеобъемлющих идеологических систем. Особенно ценным считаю указание на то, что неизбежное ослабление господствующего положения этих систем в сознании общества происходило на началах материализма, пантеизма, деизма, рационализма, индивидуализма. Это — очень точное перечисление идейных факторов, под действием которых Средневековый мир переходил к Новому миру.

В проспекте дан целый ряд положений, которые должны быть отмечены как весьма многообещающие. Разобрать их значило бы пересказать значительную часть проспекта. Ввиду этого могу только в заключение сказать следующее.

Если удастся создать историю средневековой культуры и дать ее общую историческую характеристику на основе положений, предложенных в проспекте, это будет новое изложение материала и новая его интерпретация; новая и, как мне кажется, наиболее адекватная истори-

ческой действительности. Хотелось бы, чтобы эта работа была бы осуществлена: она составила бы новую веху в исторической науке у нас.

Выступление на заседании Ученого совета ИНА АН СССР 9 июня 1966г. "О мерах развития изучения культуры народов Востока в Институте народов Азии" *

Дирекция Института обратила внимание на недостаточность развития у нас изучения культуры народов Востока. Сделано это вполне обоснованно: эта область исследований представлена у нас слабо. Важность же ее несомненна. Причем не только в чисто научном плане, но, как мне кажется, и в практическом. О последнем я скажу в конце своего сообщения.

Впрочем, мои слова, что эта область исследований представлена у нас еще слабо, могут вызвать возражения. Позвольте, как же так? Разве литература — не часть культуры? И разве она изучается у нас слабо? Наши филологи весьма интенсивно изучают письменные памятники различных народов Востока, а разве эти письменные памятники не составляют часть культуры? То же можно сказать и о философии, религии, театре, искусстве и т. д.

Не значит ли все это, что мы, в сущности, только культурой и занимаемся? Не сводится ли весь вопрос, строго говоря, лишь к тому, чтобы поднять несколько выше изучение тех явлений культуры, которые у нас до сего времени изучаются плохо или совсем не изучаются? Например, религии, искусства, театра?

Думаю, что с таким подходом к рассматриваемому вопросу согласиться нельзя. Нельзя считать, что всякая литературоведческая работа и есть в то же время и работа по культуре, что всякая работа по искусству есть работа по культуре. Изучение литературных произведений, литературного процесса — есть литературоведение, т. е. особая самостоятельная научная дисциплина. Изучение памятников искусства и их история — есть искусствоведение, т. е. особая самостоятельная научная дисциплина. Есть филология, есть историческая наука, есть философская наука и т. д. И есть наука о культуре — особая научная дисциплина. Подменять эту дисциплину какой-то суммой других наук нельзя: это привело бы к ликвидации культуроведения, как области научных исследований, [которая] имеет свой предмет и свою собственную методику. Распространять на литературоведение, искусствоведение и прочие перечисленные науки общее обозначение культуроведения также нельзя: это привело бы к ликвидации их как самостоятельных научных дисциплин.

Если рассуждать именно так, то и окажется вполне справедливым наблюдение, что изучение культуры, культуроведение Востока далеко не достаточно.

И тут же встает неизбежный вопрос. Если культура не есть литература, театр, искусство, философия, религия, школа и образование и т. д. ни в отдельности, ни в их совокупности, то что же это такое? Вопрос вполне законный. Ответить на него должно, и думать можно. Но для меня он, этот ответ, состоял бы в сущности в сообщении о том, как определяют культуру различные ученые, различные направления в науке. Работ по этому вопросу, особенно возникших в последние десятилетия, чрезвычайно много. Вопрос о культуре, как явлении *sui generis*, о ее роли в жизни современного общества, о ее судьбах как для нее самой, так и для человечества, для нашей эпохи в настоящее время поставлен с особой силой. Он поставлен даже в сопровождении интенсивного подъема общественных эмоций — противоречивых, даже прямо противоположных, но всегда очень острых. Может быть даже появление темы культуры на заседании Ученого совета нашего Института в какой-то степени — осознанно или неосознанно — связано с этими эмоциями, что, впрочем, было бы, по-моему, понятным и законным.

Повторяю, ответ на вопрос, что же такое культура, как особый предмет научного исследования, в изложенном содержании, т. е. сообщении о различиях существующих концепции я дать бы мог.

Но делать такое — совершенно особое сообщение на данном этапе — неуместно: мы обсуждаем вопрос о том, как продвинуть вперед изучение культуры на всех уровнях, т. е. научно-организационные мероприятия, а не научную проблему. В плане именно научно-организационном я и буду говорить.

Все же на одном пункте общетеоретического значения я остановиться должен — для того, чтобы очертить хотя бы возможный круг наших работ по культуроведению. Пункт этот — вопрос о "культуре" и "цивилизации", о самих этих понятиях, об их соотношении.

Здесь я коснусь только одного решения вопроса об них и их соотношении: того решения, которое считает, что "цивилизация" это — все, что относится к области техники, материальному производству в широком смысле этого слова; "культура" — все, что относится к сфере ценностей, к производству духовному. Поскольку такая концепция весьма распространена и на ней основано разделение элементов нашей жизни на кумулятивные и некумулятивные, на личностные и неличностные и т. д., а такое разделение не видеть нельзя, постольку просто необходимо с самого же начала определить наше отношение к ней, этой концепции, так как от этого зависит определение круга предметов нашего изучения.

Не входя сейчас в рассмотрение существа этой концепции, считаю твердо, что, во всяком случае, исходить из такого противопоставления цивилизации и культуры нельзя. То, что относится к технике, и то, что принадлежит сфере ценностей, лучше рассматривать как два плана одной и той же структуры, имя которой "культура". И эти два плана не изолированы друг от друга. Технический план культуры устанавливается и развивается через изобретение орудий, и чем шире этот процесс

развивается, тем устойчивее и богаче становится экономическая основа жизни человеческого коллектива; тем обширнее становится сфера соединения людей в различные формы и масштабы сообщества, в связи же со всем этим все сложнее становятся отношения между людьми, составляющими это сообщество. Вместе с тем все явственнее становится значение силы, направляющей ценностное сознание, и определяющей действия людей, принадлежащих к данному сообществу; силы, определяющей все — от нравов и обычаев до морали, правовых институтов, религиозных верований, философских построений, искусства. Основными инструментами, объединяющими этот сложный процесс, являются язык и форма данной социальной структуры. Так и создается особая — сложная и многосторонняя — но целостная в своем существе структура, которую мы обозначаем словом "культура". То, что называют этнической национальной культурой и т. д. всего лишь отдельные типы таких структур.

Мне кажется, что именно из единого представления о культуре и следует нам исходить, не предпрешая заранее конечный результат исследования. На это нас наводит общее учение о базисе и надстройке в их существе и взаимоотношениях, как о ключевой позиции при анализе духовного производства вообще.

Такое, как мне кажется, единственное принципиальное положение, принимаемое нами *a priori*, из которого нам следует исходить при определении этого круга предметов изучения.

Однако для определения этого круга нужно ввести еще одно рабочее понятие: понятие материала культуры.

Несомненно, когда говорят, что литературное произведение, театральная форма, архитектурное сооружение, философская концепция и т. д. относятся к культуре, за этим скрывается своя истина. Если же считать, что это — не культура, как явление особого порядка, а материал культуры, это будет уже совсем верно. И это позволяет нам с самого же начала очертить круг этого материала.

Сопоставляя различные концепции состава культуры мы видим, что наиболее устойчивым оказывается мнение, что материал культуры составляют следующие области:

1. Общественная жизнь с ее укладом — быт, мораль, образование;
2. Естественно-научные знания — комплекс эмпирических наблюдений над природой, ее ресурсами, силами и средствами их использования;
3. Сфера эстетических ценностей — искусство, театр, литература;
4. Сфера общемировоззренческих представлений, относящихся к природе, человеку и обществу.

Конечно, все эти области проникают друг в друга и взаимодействуют, образуя своего рода целое; но различать их необходимо, так как при всем взаимопроникновении и взаимосвязанности каждая из них имеет свое собственное содержание.

Именно эти области дают материал для исследования культуры. И многие из этих областей у нас представлены; некоторые, как было сказано, даже довольно обстоятельно. Но для исследования культуры нужен весь материал. Поэтому мы обязаны установить то, что нам недостает — именно для изучения культуры какого-нибудь народа и призвать к заполнению этих лакун. Оказывается, лакун этих немало! Институт наш комплексный, а у нас почти выпали из внимания такие области, как религия, искусство, об этом я уже сказал; слабо представлена философия. Не изучаются, скольконибудь обстоятельно и, главным образом, специально, право и правовые институты, законодательство и институты управления. Можно назвать и еще многое другое, но эти лакуны заполнить сравнительно легко: достаточно только призвать к этому и я не сомневаюсь, соответствующие работы появятся.

Труднее другое: восполнить лакуны в тематике, вернее даже в проблематике исследований. Назову в качестве примера, некоторые темы и проблемы из области мне более знакомой, из области медиэвистики.

У нас очень редко изучаются, именно в плане особого, самостоятельного предмета исследования, такие общественные институты, как семья, община — сельская и городская, как цехи, гильдии и другие корпорации, основанные на производственной деятельности или связанные с нею; такие, как братство, орден, союз, секта и другие объединения непромышленного характера; а эти — производственные и непромышленные — ячейки непосредственно, самым ближайшим образом влияют на формирование общественного сознания, идеологии и психологии своих членов, а это все, в свою очередь раскрывает особенности духовного производства в целом.

Совершенно не затронут исследованием процесс выделения быта в обособленную от производства сферу жизни, а эта сфера общественного существования имеет исключительно важное значение именно в условиях Средневековья. Наконец, если идти по этой же линии дальше, придется установить, что совершенно не исследован на материале Востока процесс отчуждения общественной стороны человеческой деятельности от личной жизни индивида, а без этого трудно понять во всей полноте не только культуру средневекового общества, но и капиталистического.

Переходя в несколько иную сферу, можно сказать, что не изучается явление нерасчлененности или неполной дифференциации различных областей общественной деятельности — материального и художественного производства, управления, права, религии, философии. Не исследуется роль различных социальных слоев в духовном производстве. Не изучаются социально-психологические уклады разных классов и слоев общества, как создателей ценностной стороны культуры. Не изучаются социально-психологические структуры, соотношения и взаимодействие идеологии и социальной психологии. Необходимо, наконец, изучать

кругозор средневекового человека — его пространственные и временные представления в условиях, с одной стороны, разобщенности микромиров, составляющих общество, неразвитости средств сообщения и передачи информации — при обязательном наличии вселенской идеи, представляемой в образе вселенской церкви и вселенского государства. Исключительную важность для понимания многих институтов культуры Средневековья имеют именно эти вселенские концепции в их стыковании с разобщенностью и сепаратизмом отдельных микромиров.

Необходимо обратиться ко всему этому и ко многому другому, иначе мы не только не будем двигаться вперед в научном исследовании, но будем даже деградировать. А все это ведь в западной медиевистике широко изучается, и нам следует с подобными работами широко знакомиться.

Перечисленные темы и проблемы очень важны, но они относятся к исторической науке, социологии, науке о философии, о религии. Там их и нужно оставить. Однако они дают и материал для исследователя культуры. Но при каком условии? В каком случае? Когда данные, полученные от отдельных наук, предстанут перед нами как элементы структуры высшего порядка. Культура каждого народа в каждую эпоху его исторической жизни представляет именно структуру... Несомненно, движущуюся во времени, меняющуюся, но в каждый момент своей истории представляющую своеобразное целое. Культуроведческим исследованием будет та работа по литературе, которая будет раскрывать в каждом литературном факте качества системы литературы данной эпохи. Культуроведческим исследованием будет та работа по изучению феодального поместья, его производственной деятельности, его жизненного уклада, его социальных отношений, его быта, которое будет видеть во всем этом черты общественно-экономической системы эпохи. Культуроведческой будет та работа по описанию чеканки по металлу или резьбы по дереву, которая сумеет показать место искусства чеканки или резьбы в общей системе искусства эпохи. И, разумеется, следующим шагом на почве культуроведения будет изучение всех этих и им подобных систем как структурных элементов единого большого целого.

И это большое целое и именуется культурой. Но культура все же — не все в мире. Поэтому существуют разные определения ее места в общей структуре нашей действительности. Считается, что бытие состоит из сферы неорганической природы, затем возникшей на ней сферы органической жизни, культуру называют третьей сферой бытия, возникшей над второй... Эту третью сферу называют поэтому то суперорганической, то "третьим царством"...

Однако простого введения фактов, извлеченных из разных областей духовного производства, в состав культуры с определением места каждого факта в ее структуре и его роли в ней еще недостаточно. Структура не есть просто соединение — так или иначе упорядоченное. Структура есть нечто означающее.

Позволю себе для пояснения своей мысли прибегнуть к лингвистике. Мы знаем, что звуки языка, представленные в виде фонетической системы, есть одно, а они же представленные в виде фонологической системы, другое.

Фонетическая система языка есть структура акустических знаков, фонологическая система есть структура смысловнесущих знаков. Первая структура принадлежит наукам о природе, вторая — наукам об обществе. Структура культуры есть знаковая система, система семиотическая по своей природе. Семиотика, как мне кажется, открывает наиболее адекватные приметы того, что мы называем культурой. Таковы, как мне кажется, общие принципиальные предпосылки плодотворного варианта изучения культуры в нашем Институте. Но, помимо научных задач, при нем в нашей работе могут встать задачи практические. Но об этом коротко. Изучая культуры отдельных народов, как структуры, мы вступим, в сущности, в сферу структурной типологии. Структурная типология, как известно, в настоящее время чрезвычайно интересует исследователей языка. Почему? Потому что в современном высокоиндустриальном обществе в условиях массовой коммуникации происходит невероятно интересный и исключительно важный процесс структурных сдвигов в семантической сфере языка: в языках, охваченных такой массовой коммуникацией, идет процесс стандартизации значений — диалектически, т. е. в смысле полных схождений и резких расхождений. На этой основе вполне естественно возникает идея нормализаторской работы — сохранить воздействие на процесс языковой деятельности, т. е. идея уже чисто практического плана.

В области культуры мы также можем найти ту же массовую коммуникацию. Я считаю, что этот термин мы можем с полным правом употреблять не только в языкознании, но и в культуроведении. Если эта массовая коммуникация в сфере культуры существует, если она также, как в языке, вызывает свои сдвиги в сфере культурной семантики — пересмотр в оценке различных культурных фактов, если все это так, то не возникает [ли] та же мысль о возможности сознательной нормализаторской работы и в сфере культуры?

Структурная типология в области культуры полностью может быть развита в нашей стране с ее национальными культурами; и наша же страна даст замечательную картину массовых культурных коммуникаций. А если так, то не обязана [ли] и тут сыграть свою роль наша наука?

Что же в связи со всем этим я предложил бы сделать, чтобы изменить существующее положение с изучением культуры народов Востока?

1. Внести ясность в сущность самого предмета работы, т. е. в его специфику. Для этого устроить осенью научную сессию, которая, во-первых, ознакомила бы ее участников с существующим положением в науке в этой области вообще; наметила бы пути исследовательской работы в приложении к культуре народов Востока и применительно к нашим

возможностям; во-вторых, способствовала бы созданию нужной научной атмосферы, препятствующей проникновению в нее дилетантизма или даже просто невежества.

Это я считаю не только первоочередным, но даже самым главным для начала. И если дело разовьется, то подобные сессии следует проводить регулярно для того, чтобы держать нашу работу на необходимом уровне.

2. Ознакомиться с работами, которые ведутся в разных отделах Института — с теми, что прямо или косвенно — могут служить целям изучения культуры. Установить наиболее перспективные в этом отношении, включить их в орбиту изучения именно культуры и способствовать их должному выполнению. Это означало бы может быть даже не столько создание собственно специальной литературы по культуроведению, сейчас говорить об этом, по-моему, преждевременно, сколько материалов для него в том смысле. [как] в общем я вам об этом говорил.

3. Установить, что можно бы еще в наших условиях сделать и попытаться привлечь к такой работе исследователей.

Конечной целью этих мер могло бы быть то, что я назвал бы созданием кадров культуроведов, занимающихся этой отраслью науки не в порядке научной самостоятельности, а вполне профессиональных теоретиков.

4. Вступить в контакт с другими учреждениями, работающими по Востоку, в первую очередь с Восточным отделом Государственного Эрмитажа и с Институтом этнографии АН на предмет конкретного сотрудничества.

5. Войти в контакт с сектором культурных проблем Института философии [АН СССР] на предмет обоюдной помощи в работе.

6. Учредить рабочую коллегию, которая могла бы рассматривать появляющиеся работы, по культуроведению и намечать их к изданию, создав для этого особую серию "Материалы к исследованию по культурам народов Востока"².

Проект докладной записки в ОЛЯ АН СССР о необходимости создания журнала "Сравнительное литературоведение" * ¹

1967 г.

Настоящим обращаем внимание членов Отделения литературы и языка на нижеследующее.

Обе области науки, представленные в нашем Отделении, — литературоведение и языкознание — обслуживаются не только отдельными изданиями — монографиями и сборниками, но и периодическими органами — журналами как теоретического, так и исторического направления. Общим в этом смысле органом, обслуживающим при этом обе ука-

занные научные области, служат "Известия" ОЛЯ. Однако при современном состоянии науки обойтись одним только журналом нельзя. Наука о языке уже потребовала для себя специальный научно-теоретический журнал — "Вопросы языкознания", и уже более чем десятилетнее существование этого журнала и приобретенная им высокая научная репутация подтвердили его необходимость. Столь же нужен подобный журнал и по литературоведению. Существующие в настоящее время журналы — "Вопросы литературы" и "Русская литература" — заменить его не могут: "Вопросы литературы" — орган литературной критики и, кроме того, посвящен почти полностью современной литературе, при этом преимущественно — советской; "Русская литература", как это видно из самого названия, есть журнал отраслевой. Органа, в котором рассматривались бы явления и вопросы всей литературы, т. е. литературы всех народов и времен у нас нет. А он нужен, так как при нынешних запросах литературной науки именно в таком органе могут рассматриваться вопросы как общей теории литературы, так и истории.

Нам кажется, что весь сложный и разнообразный комплекс таких вопросов удобнее всего вместить в орбиту того, что мы называем "Сравнительным литературоведением". Под таким названием и мог бы издаваться предлагаемый нами новый литературоведческий журнал, одновременно — теоретический и исторический.

Сравнительное изучение литератур различных народов и времен в последнее десятилетие — со времени ставшей в известном смысле исторической — дискуссии по вопросам реализма в мировой литературе, проведенной в 1957 г., получило у нас заметное развитие². Разумеется исследования подобного рода велись в нашей стране и раньше и на очень высоком для того времени научном уровне, с привлечением довольно обширного, известного тогда, материала: вспомним хотя бы работы Александра Веселовского и его школы³. Однако, позднее — в связи с тем, что всякого рода сравнительное исследование литературных явлений стало огульно причисляться к так называемому "формализму", а последний был сочтен неприемлемым для советского литературоведения, сравнительно-исторические штудии в литературоведении стали затухать, после же пресловутой кампании по так называемой "борьбе с космополитизмом в науке" и совсем прекратились — вплоть до упомянутой выше дискуссии 1957 г. Тем самым наше литературоведение на этом участке решительно отстало от мировой науки, особенно — от французской *littérature comparée*, начавшей свой путь еще в конце 19 в. — во времена Жозефа Текста⁴, и в 30-ые гг. нашего века занявшей ведущее положение в этой сфере во всем литературоведческом мире. Со второй же четверти нашего столетия сравнительное изучение литератур быстро пошло вперед и в США. Поскольку оно в первое время было многим обязано Ф. Балдансперже, вождю французских компаративистов 30-х гг. в годы Второй мировой войны работавшему в некоторых американ-

ских университетах⁵, американское сравнительное литературоведение сначала шло под знаком французской компаративистики, но постепенно, особенно благодаря Фридриху⁶, первоначально -- ученику Балдана -- стало приобретать собственные черты, что и позволяет в настоящее время говорить о двух школах сравнительного литературоведения -- французской и американской.

В таких общих условиях не может не представляться даже несколько неожиданным столь быстрое восстановление у нас этой линии литературоведения. Свидетельством этого являются хотя бы следующие специальные сборники, появившиеся у нас после дискуссии 1957 г.: 1. Проблемы реализма: Материалы дискуссии о реализме в мировой литературе 12-18 апреля 1957 г. (М., 1959); 2. Взаимосвязи литератур Востока и Запада (М., 1961); 3. Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур: Материалы дискуссии 11-15 января 1960 г. (М., 1961)⁷ 4. Из истории литературных связей XIX века (М., 1962); 5. Международные связи русской литературы (М.-Л., 1963); 6. Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы (М., 1967); 7. Данте и всемирная литература (М., 1967).

Эти сборники, а также большое число статей сравнительно-литературного содержания, помещенных в различных изданиях, показали не только оживление интереса к сравнительно-литературным исследованиям, но и наличие большой группы литературоведов, весьма плодотворно работающих в этой сфере и притом -- в широком диапазоне, с необходимым знанием соответствующей обстановки в мировой науке и с неуклонным стремлением найти свои собственные исследовательские пути. Именно потому мы и считаем возможным уже сейчас говорить о зарождении новой, советской, школы сравнительного литературоведения, отличной как от французской и американской, так и от прежней русской литературоведческой компаративистики. С декларации о новых сравнительно-литературоведческих исследованиях, собственно, весь процесс и начался: в 1957 г. в серии "Вопросы советской науки" была опубликована специальная теоретическая записка на эту тему, составленная сотрудниками двух литературоведческих Институтов нашего Отделения -- Института мировой литературы и Института русской литературы⁸.

Некоторые отличительные черты сравнительного литературоведения у нас обнаруживаются при первом же сопоставлении общих задач наших исследований с задачами, которые ставит перед собой французская и американская школа.

Основной задачей французского сравнительного литературоведения является, как известно, изучение связей между отдельными литературами. Работа в этом направлении привела к установлению огромного масштаба таких связей, их чрезвычайного разнообразия и многогранности, к выяснению самого их механизма и их огромной роли в жизни

литературы. Все это в свою очередь открыло ряд новых черт в истории каждой отдельной литературы, вне этих связей либо понимаемых недостаточно, либо вовсе незамечаемых. В общеисторическом плане это привело к мысли о существовании — наряду с литературами национальными — литератур зональных или региональных, охватывающих группу литератур, особо тесно связанных друг с другом в своей истории, но не как простой их совокупности, а как особого самостоятельного литературно-исторического явления.

Главной задачей американского сравнительного литературоведения является раскрытие понятия и явления "мировая литература", понимаемого не как совокупность отдельных литератур, пусть и переплетенных разнообразными отношениями, а как явления в своей природе — специфического и самостоятельного. Такое представление о мировой литературе, строго говоря, образовалось путем распространения понятия региональной литературы на всю сумму литератур мира, а это означает, что принцип связей, лежащий в основе представления о региональных литературах, остается краеугольным камнем и концепции мировой литературы. Именно этим и объясняется, что понятие "мировая литература" оказалось примененным практически к литературе только новейшего времени. При таком подходе стало не только возможным, но и необходимым рассматривать явления, возникшие за этот период в отдельных литературах, в общем контексте мировой литературы и тем самым яснее понять как самое возникновение этих явлений, так и их место в общей системе литературы мира.

Следует отметить, однако, что общезначимости выводов и положений как французского, так и американского сравнительного литературоведения препятствует свойственная им ограниченность — как в историческом времени, так и в историческом пространстве: дальше Ренессанса дело, собственно, не идет; за пределы литератур народов Европы, даже преимущественно — западной, и литературы американской [исследования] выходят крайне редко и фрагментарно.

Отличительной чертой сравнительного литературоведения у нас служит, прежде всего, преодоление этой пространственной и временной ограниченности: в орбиту наших исследований мы включаем литературы всех народов и на всем протяжении их истории.

Уже в этом одном выражена особая черта советского сравнительного литературоведения; но еще большее значение имеет самое понимание задач изучения и его методов.

Общей задачей нашего сравнительного литературоведения является: раскрытие путей общеисторического процесса литературы, как особой сферы творческой деятельности человечества, и определение действующих на этом пути социально-значимых литературно-исторических закономерностей — как общих, т. е. проявляющихся в литературе человечества в целом, так и частных, т. е. обнаруживающихся в отдельных

литературах. Средством для этого служит не сравнение в собственном смысле, а сопоставление отдельных литератур при учете исторического качества сопоставляемых эпох — их идентичности, в одних случаях, их разнородности, в других, с пониманием при этом известной самостоятельности эпох литературно-исторических в ряду эпох другого порядка, в первую очередь — социально-экономических. Тем самым эта линия исследования приобретает некоторые черты литературно-исторической типологии.

В свете такой общей концепции понятие "мировая литература" выступает как обозначение субстанционального единства самого явления "литература" — в его специфике, обеспечивающей ему свое собственное место в культуре и свою роль в общественной жизни. Проявлением этого субстанционального единства служит и единство — в больших линиях — исторического пути, по которому в известное нам время истории проходили все известные нам отдельные литературы.

В настоящее время у нас ведется работа по созданию большой "Истории мировой литературы"⁹. Уже сама эта работа, которая будет продолжаться еще достаточно долгое время, ставит перед ее участниками, а это значит -- перед нашими литературоведением, ряд совершенно новых вопросов, могущих быть удовлетворительно решенными только на основе сравнительно-исторического исследования. В то же время эта работа сама по себе наталкивает на такие решения, которые самым непосредственным образом влияют на теорию и практику сравнительного литературоведения. Несомненно, возникающие вопросы будут так или иначе решаться, но этому может наилучшим образом содействовать специальный орган, — журнал, который воздействует на активность литературоведов уже самим своим существованием и особенно — своей периодичностью. Поэтому мы и рассматриваем создание такого журнала одним из самых мощных средств стимулирования научной литературоведческой мысли.

Не можем не указать, что в рамках сравнительного литературоведения могут найти свое освещение и такие общие вопросы теории и истории литератур, как, например, вопрос о монаде литературного процесса на разных этапах истории, языкового и этнического ареала этой монады; вопрос о составе каждой исторической монады, о соотношениях образующих ее элементов; вопрос о движении как внутри монад, т. е. отдельных литератур, так и в их взаимоотношениях; вопрос об эпохах "классических" для каждого исторического типа литератур и об эпохах переходных и т. п.

Понимание общих задач, стоящих перед сравнительным литературоведением в нашей науке, наличие уже довольно большой группы литературоведов, работающих в этой сфере, несомненные перспективы увеличения их числа, наконец, чрезвычайно широкая материальная база сравнительно-исторических исследований -- выросшее у нас знание ли-

тератур всех народов, -- все это делает, как нам кажется, создание такого журнала вполне возможным. Поэтому мы и просим общее собрание Отделения литературы и языка признать издание с 1968 г. журнала "Сравнительное литературоведение" в составе... кн[ижек] в год, размером в ... п. л. каждой желательным и осуществимым и возбудить в надлежащих инстанциях соответствующее ходатайство¹⁰.

**Отзыв на статью А. Я. Гуревича "Феодализм
(историко-социологическая характеристика)" для
"Философской энциклопедии" *1**

[1969 г.]

Прочитал статью с большим удовлетворением; в ней нет и следа того социологического примитивизма, к которому мы так привыкли в энциклопедических статьях подобного рода на "рапповском" этапе истории общественных наук в нашей стране². Я не знаю, кто автор статьи и, признаюсь, даже не предполагаю, кто бы им мог быть, но, если бы я это знал, я поздравил бы его с такой работой.

Статью можно напечатать даже в том виде, в каком она представлена, придав ей только большую композиционную четкость и точность в формулировках главных положений, а также устранив некоторые излишние разделы. То, что я скажу, либо — обращения к автору с просьбой сделать свою мысль более точной, либо — предложения некоторых возможных, как мне кажется, дополнений, либо — совет устранить некоторые темы, с моей точки зрения, прямо к предмету не относящиеся.

1. Первая и важнейшая проблема феодализма -- отношение человека к земле. Автор пишет "... из этого отношения вытекает специфическая структура земельной собственности... Земля не является частной собственностью феодала..." Мне кажется, что следует с самого же начала совершенно отчетливо сказать: по отношению к земле при феодализме само представление о собственности не существует. Это важно сказать для того, чтобы сразу же резко отделить феодализм от капитализма: ведь, именно милейшая буржуазия, устанавливая порядок, по которому все можно покупать и продавать, распространила понятие собственности на землю. Поэтому, оговорив все это, слова "собственность" в приложении к земле в работе о феодализме лучше вообще не употреблять. Да и сам язык того времени этого не допускает: тогда говорили — "занимать" землю, "владеть" (в смысле "распоряжаться") землей, но не "иметь" землю как собственность.

Мне кажется, что при феодализме применять понятие собственности нельзя не только по отношению к земле, но и вообще к имуществу тех двух групп феодального общества, которые целиком или главным образом живут за счет земли и ее даров: крестьян и феодалов. Автор очень

хорошо подмстил, что "накопленные и спрятанные сокровища в глазах феодала не имели цены; их следовало тратить, дарить..." Разве к "собственности" так относятся? "Собственность", если это — богатство, ценность, либо прячут в "кубышку", либо пускают "в дело". Так поступают люди в капиталистическом мире; феодалам и крестьянам это было чуждо.

2. Вторая — из важнейших — проблема феодализма — личная свобода. Автор пишет: "Внеэкономическое принуждение выражается в подвластности и подсудности крестьян феодалам, в ограничении личной свободы непосредственных производителей". Думаю, что о "личной свободе" в условиях феодализма вообще говорить нельзя: ею, такой свободой, не обладал никто. Если личную свободу крестьян ограничивала подвластность и подсудность их феодалам, то такая же подвластность и подсудность феодала одного уровня феодалу более высокого уровня ограничивала личную свободу и феодала. Если крестьянин, пока он оставался крестьянином, всегда был ограничен в личной свободе, так как "свобода" переходить к другому господину ничего не изменяла в общественном существовании, то в такой же мере и феодал любого уровня всегда оставался ограничен в личной свободе, так как переход к другому господину также ничего не изменял в его общественном существовании.

И такое же положение наблюдалось и в общественном существовании других групп феодального общества — ремесленников и торговцев: тот "корпоративный конформизм", о котором правильно упоминает автор, исключал личную свободу и для них. Да кроме того и язык того времени не знал слова "свобода" (лат. *libertas*; кит. цзю — беру два наиболее распространенных в феодальном мире "языка терминов") в том "гражданском" аспекте, в каком оно воспринималось в буржуазном обществе — в первую пору ("весну") его исторической жизни.

Таким образом для феодального общества неприменимо выражение "ограничение личной свободы", т. к. нельзя ограничивать то, чего вообще нет. Следует сказать другое: о всеобщей связанности всех отношений между людьми, всех групп населения и по "вертикальной" линии и по "горизонтальной", как говорит автор. При этом нужно тут же учесть и то, о чем автор правильно говорит: о том, что в эту общую связанность вовлечены и "неодушевленные предметы", а также — и это самое важное — земля! Ведь, недаром тогда же был найден и высший теоретический принцип этой всеобщей связанности — религия: ведь, "religio" именно и значит "связь".

В этом аспекте очень хорошо бы прозвучало то, о чем автор правильно говорит: о том, что "неправомерно ставить знак равенства между феодальной зависимостью и крепостничеством". Автор тут уместно вспоминает слова Ленина о том, что крепостное право мало чем отличается от рабства³. Автор прав и в том, что случаи крепостничества относятся либо к поздней поре Древнего общества, либо ко времени кризиса

феодалных отношений; иначе говоря — к переходным эпохам, а не к эпохе собственно феодализма в его наиболее цельном выражении.

3. Третий признак феодализма — оформление общественных отношений в категориях права. Автор оценивает общественные отношения в феодальном обществе как правовые: это явствует из всего его изложения. Но надо сказать об этом прямо и притом — как об одном из самых важных признаков феодального строя: все отношения между людьми определялись и регулировались определенными постановлениями (законами, статутами, уставами и т. д.), т. е., правовыми категориями. Но тут же надлежит отметить, что из этого следовало слияние понятия права с понятием обязанности. Право феодала получать с крестьянина налог имело и другую сторону: обязанность защищать "своего" крестьянина от всяких посягательств на него и его достояние со стороны. Обязанность крестьянина уплатить ренту оборачивалось его правом иметь землю для ее обработки.

Важно отметить эту слиянность права и обязанности, т. е. указать не только на всеобщность правового оформления общественных отношений, но и органическую двусторонность этих оформлений.

Кстати сказать, тем самым станет понятной та огромная правотворческая работа, которая так отличает эпоху расцвета феодализма: приобретает конкретность то самое "коренное переосмысление общественных отношений", которое, как правильно указывает автор, произошло при переходе от рабовладельческого строя к феодальному. Разумеется, такое переосмысление имело положительное значение только до тех пор, пока "дух закона" не превратился в "букву закона", т. е. пока жизнетворное начало не оказалось замененным своим фальшивым подобием — догматизмом.

4. Четвертый признак феодализма — соединение идеи права с идеей нравственности. У автора об этом говорится, и мое пожелание сводится лишь к тому, чтобы об этом было сказано со всей ясностью и превращено в самостоятельный пункт. Крестьянин платил налог своему феодалу потому, что это было обусловлено определенным правовым установлением, но он нес свой налог безоговорочно только тогда, когда считал и самый налог и его размер "справедливыми". Ведь, все крестьянские бунты времен феодализма возникали не потому, что вообще не хотели платить налог, а потому, что считали несправедливым то, что от них требовалось. Крестьяне времен феодализма протестовали против несправедливости, а не против права.

Вассал был обязан своему сеньору службой, но эта служба понималась как "долг", т. е. императивность обязанности вытекала из восприятия ее в моральном плане. Именно в этом плане воспринималось тогда все, в том числе и трудовая деятельность: и она, как правильно пишет автор, "возводилась в этическую ценность".

Попутно сделаю одно замечание. Автор пишет, что "установки христианства относительно богатства и собственности... возникли еще в

Древности, но находили широкое соответствие в феодальной действительности". Но, во-первых, почему говорится только о христианстве? А буддизм? Разве нельзя сказать то же самое и о нем? Следует говорить не о христианстве, а вообще о религии — той, которая характерна для феодальных времен, а буддизм как раз и является такой религией. Во-вторых, идеи этих двух всемирных религий действительно в первоначальной форме сложились еще в Древнем мире, но они сложились тогда не как элемент общественного строя Древнего мира, а как сила, взрывающаяся устоем этого строя, т. е. эти религии были рассчитаны на совсем другой строй.

5. Пятый признак феодализма — особая роль религии. Тут автору следует сказать — опять с полной ясностью — какую огромную роль именно религия сыграла в том, отмеченном автором, "коренном переосмыслении общественных отношений", которым сопровождался переход от рабовладельческого строя к феодальному. Именно религия стала той сферой, в которой соединились право с нравственностью. Именно религия обусловила права и обязанности высшими ценностями человеческой природы и человеческого общества. Но она сделала и еще больше: укрепила убеждение во всеобщей связанности не только всех членов общества, но и всех "вещных" категорий, т. е. создала высшее обобщение мира человека и природы.

6. Шестой принцип феодализма — сведение всего к человеку. У автора об этом говорится, но так, что сама природа этого факта остается не раскрытой. Он говорит о "преобладании личного момента над вещным в социальных отношениях феодализма". Но что такое этот "личный" момент? Это, ведь, ни что иное, как отношение к другому лицу, как к человеку. Общественные отношения как они воспринимались при феодализме, были основаны на отношении людей друг к другу, как человека к человеку. Именно в этом все дело, а не в "личном" моменте, каковой может быть понят иначе и который в другие времена и понимался иначе. Если отношения эти в обществе понимаются как отношения человека к человеку, это с полным правом может быть названо гуманизмом. Пора, наконец, перестать приписывать гуманизм одним лишь деятелям Ренессанса. Гуманизм — вечный спутник человечества, но в разные эпохи в нем на первый план выступали различные стороны. Для феодализма важна именно та сторона гуманизма, которая выражается в общественном признании человека человеком, независимо от положения, состояния; это был первый шаг на пути развития гуманистической идеи, но самый важный, поистине — основополагающий.

7. Седьмой принцип феодализма — цельность мировоззрения. Элементы этой мысли в статье автора присутствуют, но точного высказывания нет. А это — совершенно необходимо.

Автору следовало бы вспомнить про знаменитую формулу: философия — служанка богословия. Ее обычно приводят только как свидетель-

ство подчинения светской науки богословию, как пример приемов, которыми церковь стремились укреплять свое преобладание. Такая оценка — верна, но только для другого времени: для того времени, когда цельность знания стала исчезать, т. е. когда началась дифференциация знания на отдельные науки. Для своего этапа истории это было необходимо, так как такая дифференциация обеспечивала необходимое развитие знаний, но для эпохи феодализма в ее наиболее "чистом" и полном выражении — с ее представлением о всеобщей обоюдной связанности всех людей, их отношений, всех явлений общественной жизни и даже жизни природы — органичной была именно цельность всего знания.

Не следует забывать, что именно при феодализме возникли "Университеты", а "Университет" был, ведь, именно *Universitas Litterarum*, т. е. совокупностью всех наук, совокупностью, воспринимаемой как "универсальность", как цельность всего и вся. Поскольку же для создания такой универсалистической цельности совершенно необходимы были именно какие-то высшие категории, высшие ценности, высшие универсалистические по своему существу, принципы, постольку и понадобилась наука об этих высших принципах. Тогда ее называли теологией. И совершенно естественно все прочие отрасли знания, прочие науки стали "служанками" этой высшей науки. Факт — самый обычный для любой эпохи: человечеству всегда свойственно стремление соединить все знания в один какой-то комплекс, объединенный некоторыми "высшими принципами". Только эти "высшие принципы" понимались по-разному и считались прерогативой то теоретической философии, то естествознания... Для феодального общества такой прерогативой обладала теология. Но только — на Западе! В Китае все науки об обществе, да и вообще все научное знание было подчинено не теологии, а философии. Так что там была бы (если бы она была!) совсем другая формула: богословие — служанка философии.

Кстати сказать, в буддизме вся его религиозная сторона целиком подчинена именно философии. Но все это — лишь разные формы выражения одной и той же мысли: мысли о цельности знания, достигаемой сведением всей совокупности знаний к некоторым высшим принципам. Мысль глубоко верная.

В связи с этим я обратил бы внимание автора на два места в его статье. Первое — там, где он говорит о монотеизме, как господствующем элементе религии феодального мира, который при этом как бы соответствует "монархическому принципу в политической деятельности". На это я скажу следующее: буддизм, как это всем известно, религия, столь же "показательная" для феодального мира, как и христианство, а философский буддизм, как также хорошо известно, не знает ни бога, ни души, ни бессмертия, буддизм же религиозный никак не может быть отнесен к разряду монотеистических религий, так как в нем нет единого высшего божества, а существует целый пантеон божеств разного вос-

хождения к "небытию". Да и христианство, как действующая религия, имела дело не столько с верховным божеством, сколько с целым сонмом божеств разных "уровней" и разных общественных функций. Дело не в монотеизме, а все в том же: в связанности всего того, что относится к миру божеств, связанности такого порядка, какой превращает этот "постуторонний" мир в такую же цельность, как и мир "земной".

Второе, на что я хотел бы обратить внимание автора, относится к его утверждению, что лишь "священнослужители представляют собой главный образованный слой общества". Это — неверно. В Китае, например, образованный слой общества был совершенно светским и духовенство (буддийское и даосское) отнюдь не играло в нем заметную роль. Неверно это даже для средневековой Европы: носители знания ходили не только в сутанах, а и в докторских тогах. В Университетах преподавали не только представители духовенства, но и лица вполне "светские". Да и сама сутана отнюдь не означала обязательно, что ее носитель — представитель духовенства, служитель религии; нередко это была просто некая униформа, которой прикрывались и носители вполне светских профессий. Нужно, наконец, позволить себе сказать о том, что образованным общественным слоем всегда была интеллигенция, а в каком внешнем облике она представала — дело третьестепенное. Надо смело говорить об интеллигенции и в феодальном обществе.

На этом я кончаю свои советы автору, т. к. большая часть всего остального, что содержится в его статье, к предмету статьи не относится. То, что говорится о возникновении феодализма, о его становлении, о его упадке — предмет статьи для исторической энциклопедии, а не для философской. Задача статьи "Феодализм" в философской энциклопедии — обрисовать социологическую модель феодального общества, не более. Это — очень нелегко, так как такую модель приходится строить из материала, поступающем из всех, хотя бы и важнейших, образцов феодальных обществ, как они проявились в истории. Строить из материала, даваемого одним "Западом" или одним "Востоком" — нельзя, и это надо было бы уже давно понять. Ссылаться на то, что феодализм на "Западе" т. е. в Западной Европе, лучше изучен, чем на "Востоке", также нельзя: за последнее столетие образовалась научная литература по феодализму в Китае и Японии; издано огромное число письменных памятников и документов феодальной эпохи. Словом, картина — мало уступающая тому, что есть на Западе. Поэтому социологическую "модель" феодализма на общемировом материале не только нужно построить, но и можно. Если автор согласится с теми уточнениями, которые я предложил, его "модель" будет, как мне кажется, действительной для "Запада" и "Востока".

Но истории лучше не касаться. Пусть все это найдет себе место в "Исторической энциклопедии".

Заканчивая свой разбор статьи, я хотел бы обратить внимание автора на то, что ему необходимо сказать: его "модель" относится к феодализму

не во все его историческое время, а лишь к той его эпохе, которая является как бы репрезентативной для этой общественной формации, т. е. когда она выявилась во всей своей полноте и исторической ценности. Все переходные эпохи — как подводящие к феодализму, так и увольящие от него — из этой модели исключаются. Таким образом "репрезентативной", своего рода "классической" эпохой феодализма была та, которая лежит между "Поздней Античностью" и "Ренессансом".

Записка академиков Н.И. Конрада, Е.М. Жукова¹ и А.А. Губера² директору ИВ АН СССР Б.Г. Гафурову о желательности присвоения А.Е. Глускиной ученой степени доктора филологических наук по общей совокупности работ

25 июня 1969 г.³

Председателю Ученого Совета Института востоковедения Академии наук СССР академику Б.Г. Гафурову

Анна Евгеньевна Глускина работает в системе Академии наук в качестве научного сотрудника более 40 лет — с 1926 г., сначала — в течение нескольких лет — в Музее антропологии и этнографии, в дальнейшем — с организацией в Ленинграде Института востоковедения — в этом институте; в нем она и работает непрерывно до настоящего момента. За время нахождения в Институте востоковедения в Ленинграде она перенесла блокаду, от последствий которой оправилась нескоро.

Еще до войны А.Е. Глускина побывала в длительной командировке в Японии, из которой вывезла материал, определивший одно из двух направлений ее исследовательских интересов: изучение японского театрального искусства. Материал этот тогда был уникален: побывав в разных районах страны, она на месте — первая из иностранных японистов — изучала разнообразные и крайне распространенные в народной, особенно крестьянской, среде обряды и игры, собрав материал, в подавляющей части не описанный тогда и в японской литературе. Этот материал лег в основу ее обширной работы — "Народный театр Японии", которая затем и была представлена ею в качестве диссертации на степень кандидата филологических наук. Разумеется, она принесла ей эту степень, по существу далеко превосходя те требования, которые обычно предъявляются к кандидатским диссертациям.

Следуя этой линии своих научных интересов, А.Е. Глускина затем от народного театра перешла к средневековому, так называемому "Театру Но", сохраняющемуся в Японии и считающемуся драгоценным наследием национального театрального искусства. Несколько пьес этого театра она перевела на русский язык, для чего требовалось очень хорошее зна-

ние языка той эпохи. Театру Но и, особенно, его связям с народным театром она посвятила ряд исследовательских статей, которые до сих пор остаются у нас единственными в этой сфере.

Этот круг интересов связал А.Е. Глускину с изучением японского поэтического искусства, что стало другой линией ее исследовательской работы. От народной песни, составляющей необходимый элемент народного театрального представления, А.Е. Глускина перешла к изучению литературной поэзии, в первую очередь — средневековой, т.е. ближайшей по характеру к древней. И тут она сделала работу, которая одна могла бы составить материал для нескольких диссертаций докторского уровня. Она дала перевод — и притом художественный — величайшего памятника древней японской поэзии — поэтического свода "Манъёсю"³, считающегося в Японии "национальным сокровищем" (кокухо), так же, как и у германских народов, только в области эпоса, считается "Песнь о Нибелунгах". Об объеме этого памятника говорит хотя бы то, что в нем, составленном в VIII веке, содержится 4615 песен различных размеров: от пятистиший до стихотворений в несколько десятков строк.

Уже самый перевод такого памятника и соседнившая с ним исследовательская работа представляют настоящий научный подвиг. Надо помнить, что песни и стихи, вошедшие в этот свод, выражены японским языком VII-VIII вв., что каждая строка для ее понимания требует самых различных по содержанию и глубоким по уровню знаний — от лингвистических и литературоведческих до этнографических и исторических. Об этом, впрочем, наглядно свидетельствует обширный комментарий, присоединенный к переводу, и ряд исследовательских экскурсов в различные вопросы, связанные с изучением этого памятника. Эта работа, составляющая три объемистых тома, находится в издательстве и вполне подготовлена к печати.

Такая линия исследовательских интересов А.Е. Глускиной привела ее к изучению средневековой поэзии вообще. Ей принадлежит ряд переводов из антологий — Кокинсю (X в.) и Синкокинсю (XIII в.), этих лучших памятников японской куртуазной лирики. Переводы снабжены комментарием и разъяснительными статьями. Можно без всякого преувеличения сказать, что в нашем японоведении А.Е. Глускина — лучший знаток этой части истории японской поэзии. Ею составлена даже своеобразная своя "Антология" этой поэзии — уже с позиции современного ценителя поэтического искусства. Эта "Антология", сопровождаемая пояснительной статьей и комментариями, также находится в печати.

Однако А.Е. Глускина не остановилась на изучении древней и средневековой поэзии: она написала несколько работ по современной японской поэзии, в частности по той, которая в Японии рассматривается как революционная. Она впервые ввела в наш научный обиход изучение

творчества таких крупнейших прогрессивных поэтов последнего времени, как Исикава Такубоку и Накано Сигэхару⁴.

На основании всего этого мы, нижеподписавшиеся, считаем возможным, должным, справедливым и своевременным присвоить А.Е. Глускиной давно заслуженную ею ученую степень доктора филологических наук по общей совокупности работ, без защиты диссертации и этим достойно отметить ее сорокалетнюю, непрерывную и подлинно преданную работу по развитию японоведения в нашей стране⁵.

Н. Конрад, Е. Жуков, А. Губер

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ПИСЬМА

1

Д. М. Позднееву

[Киев. Не позднее 1 декабря 1913 г.]¹

Многоуважаемый Дмитрий Матвсевич.

Позволяю себе одновременно с настоящим письмом послать Вам от-тиск моей статьи в Ж[урнале] М[инистерства] нар[одного] прос[веще-ния] о начальной школе в Японии². Покорнейше прошу не отказать принять этот экземпляр как знак уважения от Вашего бывшего ученика, обязанного некоторыми своими познаниями в области японоведения единственно Вашей школе³. Вместе с тем рискую просить Вас указать мне хотя бы наиболее грубые недостатки моей статьи, ибо мне хочется знать, много ли я нагрешил там против истины и в чем именно, а Вы являетесь для меня единственным лицом, к которому я смею обратиться и чьих суждений я могу спокойно послушаться.

Затем очень прошу Вас уведомить меня, могу ли я рассчитывать на получение от Вас или через Ваше посредство 10 экземпляров Вашей грамматики разговорного языка⁴. Если таковое число экземпляров имеется в Вашем распоряжении свободными, то очень прошу в возможно непродолжительном времени выслать мне их наложенным платежом. Крайне нужна какая-нибудь грамматика, и мне думается, что состав-ленная Вами как раз окажется подходящей. Если же это невозможно, то прошу Вас все-таки не отказать известить меня, чтобы я мог озаботиться своевременным приобретением какого-либо другого подобного пособия.

Примите и пр. Н. Конрад.

11 сентября 1916 г.¹

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Простите, что так поздно приношу Вам свою искреннюю благодарность за то письмо², которым Вы были так добры ответить на мое столь — как мне теперь кажется — несурзное послание. Я был очень обрадован тем, что Вы все же не отнесли а priori отрицательно к некоторым высказанным мною тогда мыслям, но одобрили их и одобрением своим дали возможность надеяться, что по возвращении в Петроград можно будет встретить сочувствие и поддержку. Уклон мой в сторону китаизма неизменно продолжается по причинам и чисто логическим, и чисто принципиальным, многое "надумалось" снова, многое "передумалось" — а все больше планы и планы. Много работал над разработкой общей схемы грядущих занятий, вдумывался в начатое, пробовал найти наиболее рациональные и подходящие методы, словом, проделывал ту работу, которая должна быть у всякого собирающегося стать ученым в самом начале его деятельности, а не появляться впоследствии. Ведь так ясно и очевидно: нужно знать, почему в данный момент делаешь именно то, что делаешь, почему делаешь именно так, как делаешь, что должно идти следующим номером и следующим за вторым, в каком направлении должно идти исследование вообще и какого типа будут те выводы, к которым придется прийти. Это ведь аксиома научной работы, а ее мне и не доставало. Не хватало ясной осознанности плана и системы работы, плана, рассчитанного не на определенный момент, а на долгий срок времени, словом, всего того периода, в котором может в грядущем протекать так наз[ываемая] научная деятельность. К сожалению, решать эти вопросы приходится одному и я с большой надеждой смотрю на свое будущее возвращение в Петроград, ожидая от Ваших указаний очень многое для себя. Нельзя не вспомнить той радости, которую почувствовал я, прочитав Вашу фразу относительно возможного будущего сотрудничества, т. е. просто о возможности выработать план того, что нужно делать в синологии вообще в первую голову, установить проблемы и порядок их, выбрать методы и распределить всю работу, так чтобы выводы одного могли быть почвой для другого, или же, чтобы одна проблема была бы выяснена обоюдными усилиями. Ведь школа так и создается, а в Петрограде надо создать школу. С огромным интересом жду того момента, когда у Ник. Ал. [Невского] будет Ваша работа по Шипинь³. Пока удалось немножко просмотреть ее урывками, ибо Серг. Гр. Елисеев⁴ все время был ею занят. Она вызвала ужасно много толков, Елисеев несколько раз обсуждал ее со мной и с японцами, говорили, говорили... "Исканье ошибок" шло во всю: впрочем ведь это обязанность оппонента⁵

— что другое ему делать? Особенный шум вызвала злополучная фраза: *мэй жи цзай гуй*, где Вы действительно приняли второй знак "жи" за "юэ", а не за "жи" — солнце, день, как это значится в первоисточнике этой фразы и даже в некоторых изданиях Шипинь, а знак "Цзай" за "класть, погружать", в то время, как он является здесь несомненно синонимом "цзэ", что значится во всех словарях. Этот пункт вызвал положительно восторг Вашего официального оппонента и его постоянного слушателя Ник[олая] Ал[ександровича], который так восторгался этим, что готовит Вам, кажется специальный трактат относительно этой фразы, равно как и относительно злополучного сочетания *жо вэй* в смысле *жу хэ*, которое Вы тем не менее переводите по знакам. Эти два листа в сочетании с другими менее "замечательными" будут — готовьтесь — "чемоданами" в будущем диспуте, чемоданами, пущенными из вражеского лагеря⁶. Меня же собственно интересуют больше другие стороны Вашей работы. более всего та сторона, которая отвечает на два таких вопроса: 1) каково место Вашей работы в синологии и 2) и каково это место среди Ваших прежних и грядущих исследований? Наряду с этим меня уже лично интересуют две следующих проблемы: 1) *Ваши методы* и 2) что Ваша работа даст *школе*, если бы — предположим — кто-нибудь захотел работать в этой области с Вами. Судя по отрывочному чтению, хочется очень мне поговорить с Вами обо всем этом, но придется, видимо, дожидаться получения здесь Вашей книги. Разрешите впоследствии написать Вам обстоятельно и детально, пока же позвольте ограничиться этим — и просить Вас сохранить ко мне и впредь то отношение, которым я пользовался до сих пор.

Искренне уважающий Вас *Н. Конрад*.

3

Н.А. Невскому¹

[Не позднее мая 1917 г.]

Дорогой мой, милый Николай Александрович.

Действительно только теперь почувствовал я, что за время нашего совместного житья мы перестали быть чужими друг другу². По крайней мере я, прочитав Ваше письмо, ясно это понял — и увидел то же и из Вашего письма. Оно сожжено — так, как Вы и сказали... Сегодня пришло второе письмо — и я, наконец, получил возможность писать, ибо доселе — верьте — не мог от нервного возбуждения — не только писать, но даже спать и как следует есть... Дорогой мой, из-за всего этого Вашего инцидента я застрял в Сеуле³ — ибо не мог, органически не мог уехать куда-то вдаль, не зная о Вашей судьбе ничего. Все-таки Сеул кажется как-то ближе, знаешь, что не так в конце концов трудно и приехать

вновь к Вам, если это понадобится... Затем я беспокоился и за себя... Но начну все по порядку:

Начать с того, что я ровно ничего не понял из Вашей телеграммы — слово туберкулез было искажено до неузнаваемости — и я понял, что речь идет о какой-то операции — но что это за штука — не имел понятия. На другой день пришло Ваше письмо... Господи, я не желал бы никому никогда переживать то, что пережил я, — вернее, что я начал переживать с этого момента вплоть до получения Вашего второго письма. Это был такой удар, от которого еще долго придется оправляться. Вы знаете — я положительно не спал как следует — ночь это сплошные кошмары. Не дай Бог... Но, что мои переживания, что было с Вами... Милый, дорогой Ник [олай] Александрович, и дернула Вас нелегкая заболеть после моего отъезда — могли бы при мне, ведь, я сам из вечно болящих разными насморками, астмами и т. под. — поэтому мог бы помочь Вам если хоть не фактически, то хоть сочувствием. Дай Бог здоровья Хосою, — он кажется нравственно поддерживал Вас, — есть добрые люди на свете.

Но слушайте дальше. К неопisanному страху за Вас присоединилось чисто эгоистическое чувство за себя — и я помчался делать себе реакцию. Она сделана только сегодня — и результата еще нужно ждать, но сегодняшнее письмо Ваше сняло и с моей души это бремя, поверьте такого сорта, которое не дай Бог, не дай Бог, каждому. Конечно, думаю, что все это было напрасно, и доктор, которому я сейчас же позвонил по телефону, тоже находит, что только напрасно вспорол себе вену на левой руке. Но раз уже кровь взята -- все равно пусть делают — посмотрим, что получится. А Вашего Накано следует повесить — не разобрал в чем дело — и заставил человека мучиться и терзаться. Туберкулеза же Вы не бойтесь, начиная с того, что он захвачен в начальной стадии и операция — самая надежная из медийн — действительно спасет Вас, — будьте мужественны, настоятель Корейской Миссии, у которого я живу — 30 лет от роду был совсем плох — палочки у него обнаружили в огромном количестве, но операция и режим спасли его: — ему ныне 53 года и он так здоров, как дай Бог нам с Вами. И Вас спасет режим от опасности возобновления. Будьте покойны. Поезжайте на неделю в Ата-ми после выздоровления и главное будьте уверены, что Бог милостив, а мы с Вами не такие большие грешники, которых нужно было бы карать немилосердно. Телеграфируйте мне о результатах операции, — я все еще буду здесь, пока не дождусь окончательного выяснения положения. Будьте мужественны и если нужно призовите меня, — сейчас же приеду, несмотря ни на что. На Университет — плевать, подождет. Вот Вам прекрасная Япония — Вы пожали туберкулез, я — астму. Что еще лучше другого — неизвестно. Но Бог милостив — и мы оба будем еще "двигать японологию" и прочие вещи... Скоро приедет Елисеев к Вам и

Вы будете чувствовать около Вашего "друга Сережи" — славно. Целую Вас крепко, телеграфируйте, телеграфируйте и пишите.

Ваш Н. К.

О Хацу не бойтесь, если Вы оставите ее, она останется у Вас. Это все нервы — которые у нас троих были эти дни не на месте.

4

Н. А. Невскому

26 мая 1917 г.

Дорогой Николай Александрович.

Наконец — завтра вечером я собираюсь продолжать свое путешествие. Что-то будет, не знаю. Слышу о всем, но только ни о чем хорошем в России. Вы, конечно, знаете, что Гучков и Милюков, наиболее одаренные и умные люди в Кабинете, ушли, вернее их ушли¹... Создалось коалиционное Министерство² — а на фронте поголовное братание с немцами — и положение фактического перемирия. Ужасно, стыдно за Россию. Но это политика, а вот дело, более близко меня касающееся — это путь. Говорят, плац-карт уже нет и придется чуть ли не до самого Питера ехать стоя, рискуя своим багажом и тем, что какой-нибудь сознательный товарищ или "депутат" — выставит из вагона на полотно. Не знаю, что будет; авось и здесь оправдается пословица: "не так страшен черт, как его малюют". Буду писать Вам с дороги. Пишите и Вы. А Мейеровичу накажу скорее собираться в Японию.

Рад за Вашу операцию. Оправляйтесь и при первой возможности поезжайте в Атами или еще куда-нибудь. Пейте ovaltin и тому подобную питательную дрянь.

Анализ моей крови дал, конечно, чистейший минус, полный негатив и мы оба с доктором вдоволь посмеялись над моими тогдашними страхами. Слава Богу, хорошо все, что хорошо кончается. Желаю Вам всего наилучшего. Живите мирно с Хацу, она хоть и с норовом, но по существу очень преданна и заботлива.

Поклон Хосою. Надеюсь, он доволен моим подарком?

Н. К.

5

Н. А. Невскому

Петроград, 10 июля 1917 г.

Дорогой Николай Александрович!

Вы сердитесь? И нормально: прошел целый месяц, я сижу в Питере и ничего не пишу, кроме одной незначительной открытки... Если разозле-

ны — правильно. Но читайте это письмо и перестаньте. Дорогой мой, неужели Вы думаете, что очутиться в Питере, в России, плюс еще в такое время, является вполне безопасным "психологическим экспериментом" — особенно для такой неуравновешенной психики, какая обретается у Вашего несчастного друга? Если бы Вы — даже Вы — перенеслись из наших токиоских дебрей сюда, и Вы бы почувствовали у себя "внутри" то пресловутое *муи тэмизн*¹, которое в глазах японцев является общим коэффициентом ко всем российским явлениям. Вот я пишу, у Адмиралтейской набережной раздается тра-та-та пулеметов, — и если я уже могу писать, то это в силу того опять-таки психологического фокуса, который именуется *mutatis mutandis**, иммунитетом, революционным иммунитетом. Впрочем, это почтенное качество иными именуется иначе: "обывательской тупостью" или притуплением окончательно чувствительности того места, по которому регулярно и систематически бьют в продолжении, напр[имер] месяца, а для некоторых и долее. Сегодня десятое, а Вы знаете из газет про то, что у нас было 3, 4, 5-го и т. д. и что еще не кончилось². Сейчас, только что в Главном Штабе прочел ужасную кошмарную радиотелеграмму, которая, вероятно, уже дошла и до Вас, только в каком виде, не знаю. На фронте развал. Но только, дорогой Николай Александрович, если Вы волнуетесь еще не только одними индивидуальными процессами, а процессами и надъиндивидуальными, — верьте в Россию. Я всегда верил в чудо, верю и теперь — и оно спасет нас. Слушайте: я уже успокоился, за месяц своего пребывания в столице, в этом пекле и котле всего, что делается в мире, — я сумел отделаться от той психологии "испуганных интеллигентов", которые наполняют у нас улицы, трамваи etc, и которые являются самым пакостным, самым ужасным, самым печальным из всего того, что имеется у нас сейчас в России, ужаснее разнузданных солдат, удушья провокации и шпионства, ужаснее наступающих германских полчищ. Почему? Сейчас скажу: потому что это все последнее было и есть, но пройдет, это все то, что обречено разрушать и разрушиться, а ведь никто, как в конце концов идейная интеллигенция будет творить. И если в ней эти творческие элементы иссякнут, конец. Знаете, живя в Японии, все кажется гораздо лучшим, чем есть, только живя здесь можно постигнуть весь тот трагизм, в котором корчится теперь Россия, и я скажу: бывают минуты отчаяния, и эти дни -- эти ужасные, нелепые дни, окончившиеся полным отступлением — не боевым, а дезорганизованным — наших войск, полным нежеланием сражаться, массовыми сдачами в плен и т. д. были действительно такими, которые лучше пережить где-нибудь вдали. Восстание в Петрограде, как будто бы кончается, прибывшие с фронта, верные правительству войска разоружают восставших и только кое-где еще такают пулеметы и разъезжают броневики, но осадок на душе ужасный. И вовсе не оттого, что было восстание: пусть будет даже грандиозная война, — все это ничего, пока налицо борьба двух партийных

* Внеся необходимые изменения (лат.)

или идейных течений, но раз это все оказывается германской провокацией, организованной продажностью, позором и дикой нелепостью, ничем не оправдываемой нелепостью, жестокостью и непроходимой глупостью, — это уже нестерпимо³. Бывают минуты полного отчаяния в этом пресловутом "русском человеке", l'ame slave, которое обманно изобразили нам наши писатели. В недрах этой l'ame slave сидит дикая, нелепая, жестокая глупость и мерзость... Так очень часто все кажется, и только временами вспыхивает вера, вера в чудо, и я верю. Верьте и Вы, и спасетесь. Вам Елисей будет говорить иначе: он человек партийный, он смотрит на явления с партийной точки зрения⁴. Плетнер⁵ — "испуганный интеллигент" — слава Богу, что хоть отчасти только. Мне же удастся, кажется, смотреть на вещи с надпартийной вышки, — и я думаю, что буду прав. Блажен Вы, сидящий на Хаяси-тё, могущий заниматься, работать и думать, как здоровый человек. Продолжайте, и да поможет Вам Бог!

Дорогой Николай Александрович, — надеюсь, Вы вполне здоровы? Елисей писал Алексею о Вас, как о совсем здоровом человеке. Мы оба страшно радовались за Вас, а то Вы не можете себе представить, как его ужаснул столь внезапно открывшийся у Вас туберкулез. Он брался несколько раз писать Вам, — и поверьте, перо выпадало из рук. Берегите себя, Вы наша надежда и спасение. Вы стоите на правильном пути, Вы много работаете, сознательно и продуманно, что я всем и каждому здесь твержу, — и будете нашим представителем. Ибо останетесь только Вы — попомните мое слово... Розенберг не в счет. Плетнера и Рамминга⁶ уже нет, не будет и Елисея... Что касается меня? Авантюристические наклонности во мне пожалуй одержат верх, а то возможен и конец. Осенью — ранней или поздней — я приседу к Вам, приседу обязательно.

Будьте здоровы, ждите писем. Буду писать Вам об Алексее, Иванове⁷ — etc. Всех видел, все знаю и обо всем напишу.

Ваш Н. К.

Пишите: Орел, Ситниковская ул. дом Н. Иванова.

6

Н. А. Невскому

16 июля [1917г.]

Адрес: Орел. Ситниковская ул. дом Иванова
(еду на днях в свое "имение")¹

Дорогой Николай Александрович.

Пишу Вам и грустно на душе. Грустно не почему-либо конкретному, а вообще...: тут и "Weltschmerz"*; тут и индивидуальная печаль, печаль о самом себе. Вы видели Ореста [Плетнера], прочитали мое письмо; не знаю, как Вы его нашли, но не удивляйтесь, может быть, контрасту меж-

* Мировая скорбь (нем.).

ду тем письмом и этим. Скажу еще раз — счастливы Вы, оставшиеся в Японии, счастливы по многим причинам. Но одно отнято у Вас, одного у Вас там нет и быть не может: это широты и полета оценочной способности разума. Не Вы — лично, конечно, виноваты, — этим страдают все живущие в наше время вне России и очень многие в самой России; виновата отдаленность от тех проблем, которые перед нами стали, отдаленность и территориальная, и духовная.

Поверьте, дорогой Николай Александрович, и не обижайтесь, если я скажу: как в сущности было незначительно все то, что составляло наше в Вами существование там, в Японии, — а у меня лично еще сугубо — в те моменты, когда я бывал в Сеуле. Незначительность эта кроется не в том, что было предметом наших работ, — нет, это остается всегда на высоте, потому что это вне нас; но вот то, что лежало в нас, т. е. во-первых, наше отношение к работе, а затем, в особенности все то, что лежало за работой и вокруг нее, т. е. остальное наше существование. Мне кошмаром представляется сейчас вся мейеровичская эпопея, и многое, многое в нашей жизни. Да что Мейерович с/с, ведь дело в том, что было в нас самих.

И действительно только омелечанием нашей "внутренности" можно объяснить то иногда (слава Богу, редкое) возникавшее недовольство мною у Вас и Вами у меня. Вы писали во время оно: "Тлен и срунда". Заимствую эти слова и паки их повторяю: тлен и срунда. И как ничтожна была вся окружавшая нас среда, начиная с утренней "Asahi" и кончая "sensei" ями**. И мне хочется сказать Вам все это, Николай Александрович, в надежде, что Вы постараетесь отделаться от многого, от чего можно отделаться, несмотря на давление самого японского воздуха.

И вновь повторяю: Вы счастливы, потому что у Вас есть время и возможность жить не так, как живем мы в России и в частности в Питере, есть время и возможность стать шире, окрыленнее, а главное, аристократичнее во всем, что составляет нашу духовную оценку, Вы счастливы опять-таки потому, что живете в Японии, где можете над собой это проделать. Мы же можем, увы, только сознавать, что нужно делать, но не проделывать: нет времени — пропасть нас уже захватывает. Представьте себе человека, который схвачен водоворотом и мчится к пучине: он сознает, что нужно спастись — но уж этого сделать не в состоянии. Таковы и мы, и таков, в частности, Ваш друг.

Сейчас (через 1/2 часа) иду к Василию Михайловичу [Алексееву]. Мы с ним встречаемся аккуратно каждый день и проводим вместе 5-6 часов. Говорим, говорим... Вначале говорили четверо: он, Владимирцов, Широкогоров² и я. Потом Владимирцов (доцент) уехал читать калмыкам их грамматику; через неделю уехал Широкогоров (антрополог из А.Н.) и остались мы двое. Тао Цянь etc³. Но, увы, и здесь мало просвета.

** Учитель (яп.).

С одной стороны, все окружающие нас условия, с другой же, паки и паки мы сами и то, что в нас существует.

Напишу Вам про него. Алексеев был поражен известием о Вашей болезни и высказывал это совершенно в своем духе: беспочвенной энергии. Скоро это прошло (т. е. пораженность), отчасти под влиянием письма Елисеева, где [он] о Вас пишет, как о совсем здоровом — в чем я уверен — человеке. Он воспрянул духом и ... принял за конкорданс⁴. Конкорданс — это смысл и суть Алексеевского существования, это *alfa* и *omega* его ретивой энергичности. Встретились мы с ним на третий или четвертый день после моего приезда. Пришел я в [Азиатский] Музей, спросил Алексеева, служитель позвал его — и в результате пылкое радушие, глубоко меня тронувшее. Это единственная сердечная встреча в Петрограде, единственное радушие в этом ужасном, кошмарном городе. Через день я был у него и в результате я примкнул к их обеденному кооперативу (упомянутые 4-ро). Жены его здесь нет, она в Одессе; он хозяйничает один в квартире, этой милой, светлой квартире, и вот вечером в 6 часов к нему сходятся (вернее сходились) молодые "ученые". Обед, а после обеда чай, — чай до 12 часов ночи. И все время разговоры. И вот тут-то выяснилось, как, с одной стороны, только китайцы могут понять друг друга, и как китаистика, даже у Алексеева, далека от науки.

Разговоры — само собой разумеется — только научные; часто участвуют гости — доценты филологического и математического факультетов — и льется российское разглагольствование. Мы с ним договорились до очень многого, причем он очень внимателен и мило относится к моим "словесным исторжениям" по части китайской философии.

Есть здесь новоявленный китайский гений: — это некий Лебедев⁵, — вновь оставленный по китайской кафедре юноша. В[асилий] М[ихайлович] от него в упоении, со свойственной ему пылкостью он поет ему панегирики и кадит фамию. Оставлен он, по мысли В[асилия] М[ихайловича] для занятий конфуцианством и должен "вплотную" подойти к проблеме этого учения". Я с этим юношей познакомился, говорил с ним (ему принадлежит перевод Чжун-юна) — и не вынес впечатления, что он скоро "вплотную" подойдет к этим проблемам, прежде всего потому, что он не точно и не ясно себе представляет, что такое все эти "проблемы" и как к ним нужно подходить. Но тут виновато влияние вообще всей школы и отчасти самого В[асилия] М[ихайловича], который, если и вышел во многом из тины европейской синологии, то все же кое в чем традиционен. Алексеев толкает Лебедева ко мне, но тот упирается... Вообще В[асилий] М[ихайлович] убежден, что я китаист-конфуцианист, причем, кажется, не вполне уясняет себе, несмотря на мою болтовню, с какой стороны я подхожу к этому вопросу. А более того — совершенно не может понять, что конфуцианство для меня только частность, этап, деталь в том миропонимании, которое стало моей целью (вернее востокопонимание).

За время своего пребывания в Петрограде я успел немного углубить и метаморфозировать свои размышления — и об этом Вам сообщу в свое время. В то же самое время я, кажется, уяснил себе точку зрения В[асилия] М[ихайловича] на его работу в прошлом и работы in spe***. Помните, как мы оба были немного в недоумении перед рядом: Сыкун Ту — Тао Цянь — Ли Бо — Хань Юй. Теперь же я немного понимаю, хотя остаюсь при убеждении, что путь этот великолепен; но в самом начале неточен и собственно та работа, о которой В[асилий] М[ихайлович] говорит и которую он хочет дать синологии, — эта работа начнется только с Тао Цяня. Сыкун Ту же останется только эпизодом, — эпизодом, правда, имеющим огромное значение для самого автора (главным образом воспитательное), но без особого значения для науки вообще и пути (dao) Алексеева в частности. В этой его работе — залог неисчислимых возможностей для многих работ, она может послужить отправным пунктом, родоначальником для многих, но для него она — воспитательный эпизод. Я думаю, Вам без моих объяснений будет понятно почему. Пока Алексеев весь в будущем, и я твердо надеюсь, что он будет настоящим ученым "en grand"****, только при одном условии: если он сбросит с себя то несколько мешанское отношение к своим исследованиям (разве "конкорданс" не нечто мешанское, если он возведен почти в самоцель?), которое у него в настоящее время несколько имеется, если он приобретет ту широту и крыленность оценки и воззрения на вещи, о которой я Вам только что говорил. В нем огромные возможности и дай Бог нам, дай Бог всей синологии дожидаться от него то, что он — верю — в силах дать. И какой это хороший, милый, свежий человек! Я ему очень благодарен за его огромное радушие.

Как Вы живете, друг мой? Не поленитесь описать мне все детали, все мелочи, которые мне — Вы знаете — дороги, как воспоминания, в отделении ставшие еще ближе к сердцу, чем тогда, когда все это было перед глазами. Опишите мне Ваше внешнее времяпровождение и Ваши работы, занятия и "умозаключения". Что поделяет Ваш "друг Сережа", и его семья и та пленительная m-lle, которую он уготовил для Вас? Сми-луйтесь, друг, напишите о каждой мелочи на Хаяси-тё, о Оно, о Такаха-си⁶, о Хигаси; даже о нем я буду слушать с наслаждением. Пишите и ждите моих писем; буду писать Вам о всем и помногу. Ладно? Беликов (в Министерстве) просит Вам кланяться. Я до сих пор не могу понять, как это Розенберг мог написать эту ерунду: "все о Вас забыли". Здесь даже вице-директор Департамента Палечек⁷, которого Вы не знаете, освещаясь у меня, как Вы поживаете. Поэтому не беспокойтесь, все прекрасно. Будьте бодры и неустанно шествуйте не только вперед, но и ввысь.

Ваш Н. К.

*** В замысле (лат.)

**** Крупный масштаб (фр.).

Привет Такахаси, Сергею Григорьевичу [Елисееву] с семьей и Оресту [Плетнеру].

7

Н. А. Невскому

11 сентября [1917 г.]

Дорогой Николай Александрович.

Не знаю, почему Вы мне ничего не пишете, до сих пор ни одной строчки. Или Вы так заняты науками, женщинами и Вашими приятелями, в частности, Сергеем Григорьевичем [Елисеевым], что не уделите минутки черкнуть мне. Не знаю ничего, что у Вас в Японии, с самого дня отъезда оттуда ничего не знаю. Писал два раза Воробьеву¹ — и тоже ничего. Да что это вообще с Вами приключилось. Уму непостижимо. Как Ваше здоровье наконец.

Вы встретились с Орестом [Плетнером], проводили Олега [Плетнера]². От Ореста Вы знаете все о Петрограде и в частности обо мне, так что писать Вам о себе собственно нечего. Я вот уже 1 1/2 месяца, как сижу на хуторе у отца в 10 верстах от г. Орла. Пресловутое "имение", о котором Вы знаете, оказалось 400 десятинами леса и пахотной земли, которую мой отец взял на аренду, а не купил у города. Благодаря этому ни мои старики, ни я теперь не знаем, что такое продовольственный кризис, за исключением разве сахара. Это значит, что мы пьем молока, едим сметаны, творога, масла — сколько угодно. Чай пьем, если и с ограниченным количеством сахара, то зато с белым пшеничным хлебом. — роскошь в Петрограде и Москве совершенно невиданная. На обед имеем — если не говядину, то всегда домашнюю птицу и почти каждый день не то зайца, не то утку, благодаря охотничьему искусству моего папеньки, который, несмотря на свои неизменные очки, бьет наверняка и, не смущаясь своими 59 годами, уходит со сторожем своим в 3 часа утра за тридевять земель, возвращаясь к 10 часовому утреннему чаю. Словом, идиллия и желудочная, и нервная, — и то, и другое совершенно неизвестные в Петрограде, где существование, предупреждаю Вас, ужасное. Прежде всего — цены. Образцы: извозчик с вокзала к Поливанову 8 рублей, к Алексееву 6-7. Курица от 8-10 рублей. Обед в ресторане Лейнера и ему подобных 4 р. 50 — из двух блюд. Яичница из трех яиц без ветчины у Филиппова 2 рубля. Кофе без молока (ибо молока нет) — 60 коп., и когда бывает молоко (раз в неделю) — 1 р. etc, etc, etc. И все же, верьте мне, хочется жить в Петрограде, несмотря на все это, несмотря на сжесекундные циклоны, налетающие на нервную систему. Ведь Вы и понятия не имеете, что такое нынешняя жизнь в России, особенно в Петрограде. Поливанов — член Исполнительного Комитета Крестьянских депутатов — меньшевик-интернационалист группы Мартова, поч-

ти примыкающий к большевикам, ныне Комиссар Совета Крестьянских Депутатов при Министерстве Иностр. Дел — яркий показатель того, что творится ныне с российскими гражданами³. Ваш покорный слуга, несмотря на свое милуюковствующее и кадетствующее сердце, ныне склоняющийся в сторону социал-революционеров, но не группы "Дела Народа", т. е. черновцев, а партии "Воли Народа"⁴ — тоже может служить кое-каким показателем нынешних настроений. Падение Риги со всем, что было для меня дорого, мило, близко и привычно, заставило ухнуть куда-то в безысходное..., а что еще предстоит. Ужас...

Можете себе легко представить, что рядом со всем этим общероссийским свое личное совершенно исчезает. Исчезает наполовину или кажется совсем мелким и университетское. Вы, конечно, знаете, что Петроградский университет закрыт на целый год, т. е. до 1918 года (осени). Может быть, мне не удастся и экзаменов держать (Университет закрыт и неизвестно, что "вообще" будет с Петроградом), может быть придется идти в революционную армию — и это возможно, ибо мне отсрочили всего лишь до 1 января, а там ввиду закрытия университета и "вообще" — ничего неизвестно. По всей вероятности преподаватели разъедутся, кто куда. Поливанов вообще уже со дня на день собирается в Японию в командировку от Бюро Фронтальной Печати при Исполнительном Комитета Р. С. и Кр. Депутатов. Не исключена возможность появления в Японии Василия Михайловича [Алексеева], Алексея Ивановича [Иванова]⁵. Что еще Крупенский на своем месте... А может быть, что ничего не будет, и вообще "ничего" не будет, не исключая и России... хотя я и не могу верить, чтобы мы не справились со всем, чтобы мы не перенесли этой ужасной болезни. Даст Бог, еще с гордостью будем говорить, что наша республика — передовая в мире. Россия — страна парадоксов и в ней все возможно.

Дорогой мой, что думаете делать Вы. Боюсь, что университету некогда будет заниматься оставленными, да и не будет к этому возможности, при фактическом его несуществовании. Попробуйте ходатайствовать и во всяком случае раньше мая будущего года не приезжайте, потому что в Петрограде во 1-х замерзнет от недостатка топлива и неимения квартир. Ищите себе занятия — это будет самое лучшее. Мейеровича, кажется, забирают в солдаты и вообще его дело и дела фирмы, выражаясь мягко, "не допускают дальнейшего расширения".

Мечтаю о нашем домике на Хаяси-тё, о всем нашем мирном и славном существовании. Хорошо было, но нужно было и хлебнуть от "русской революции". Вам кланяется Венцлавович, будущий наш коллега: он перешел на Восточный и занят санскритом, собираясь посвятить себя индийскому искусству. Он все таков же: сосредоточен и вдумчив, нет в нем ни капли разгильдяйства, какового хоть отбавляй у его приятеля, пишущего сии строки. Привет Вам, привет Такахаси, Вашему доми-

ку и всем... Не бросайте пока Хаяси-тё, может мне и суждено будет опять туда приехать, хотя это больше, чем вероятно.

Привет С. Гр. [Елисееву] с супругой. Живите и бодрствуйте.

Ваш Н. К.

Пишите по адресу: Екатеринбургский кан. 158.

8

Н. А. Невскому

[Орел]. 19 сентября 1917 г.

Хотел было засесть за очередную порцию ежедневного печения "статей", да черт с ней, опротивело и надосло, тем более, что сегодня пришло Ваше письмо -- первое, по моему отъезду в Россию. Так и потянуло оттуда всем тем, что для меня стало привычным в течении почти трех лет, так и пахло привычной атмосферой, родными интересами, злобами дня etc. etc, etc... Рад прежде всего, что вся ваша болезнь оказалась bluff'ом, да еще таким гомерическим. А задали же Вы жару — и себе, и мне. Дело ведь дошло до сомнений, касательно меня, до поездки в Симоноэски, до вызова Hatsu -- ибо я хотел знать все детально и дать инструкции относительно Вас. А вышла-то какая-то ангина, да еще Вансан-си или еще кого-то, не помню, как Вы пишете. Ну, что же, и я, и Вы лишний раз убедились в том, что у нас в крови этого прекрасного зелья нет — и слава Богу. И дай Бог, чтобы не было! Остерегайтесь, дорогой мой! Вы знаете, что за удовольствие иметь кое-что даже несравненно легкое, пустяковое. Еще раз слава Богу, рад за Вас. Если Вас интересует и мое физическое состояние, то успокойтесь, продовольственная идиллия на хуторе у папеньки способствует образованию таких запасов жира, что его с избытком должно хватить даже на мое будущее пребывание в Петрограде, куда я отправляюсь через несколько дней. Это письмо — последнее из Орловских дебрей. Впрочем, что это за дебри... и у нас появились броневые автомобили, и у нас творятся разные штуки..., о которых писать во 1-х не хочется, во 2-х — не полагается. Поэтому — умолчу.

Из Вашего письма, дорогой мой, усматриваю, что Вы — в курсе Ваших прежних интересов. Благо Вам, но все же я — находясь здесь, — я знающий даже, как живут российские граждане в Японии, несмотря на все удивляюсь, как Вы можете жить нераздельно этими интересами. oshirasama, shishi-odori etc¹. Я не увлекаюсь, не бойтесь, и по-прежнему готов подписаться под своим заявлением Попову²: "Мне гораздо важнее вопрос о даосском влиянии на японское пепго, чем экономическая будущность России и Японии". Да, я готов утверждать это и теперь, но все же не могу не утверждать, утверждать и по логическим соображениям. и как очевидный факт, то, что мы ведь теперь живем в стадии творчества. творчества не только государственной жизни, но и личного индивидуального бытия, поскольку оно теснейшим образом связано с государст-

вом. И вот в этом творческом процессе необходимо, если участвовать и не активно, то мыслью, ибо в конце концов только она и творит действительное, действительное для всего своего существа. Без преувеличения могу сказать, что мы перерождаемся и я в том числе. Смейтесь, называйте увлечением. Как хотите, но я категоричен в одном: Вы в Японии, не только Вы лично, но и все без исключения там долго живущие, ничего не понимаете, что делается с Россией и ее жителями. Что газеты!: нужно читать их все, чтобы знать хоть приблизительно, чем мы живем. И как далеки от понимания России японцы. Воображаю, что пишет наша "Asahi", какую чушь и ерунду.

Но довольно об этом: это помещает Вам читать новую рукопись г-на Яманака или крестьянина из Тохо. Ведь Вы, в конце концов правы: Вы ведете определенную линию, равняетесь по Вашему личному фронту — и Вы, повторяю, бесконечно правы и счастливы. Дай Вам Бог только бодрости и терпения!

Сообщу Вам новость: факультет пока, несмотря на закрытие университета, остается в Петербурге. К чему — неизвестно, надолго ли — тоже. Не позже ноября я собираюсь стать Министром Инстр[анных] Дел, а не позже декабря приехать в Токио в качестве полномочного посла... "для проповеди" мира без аннексий и контрибуций. Будет успех, думаете Вы? Тогда и свижусь с милыми m-mes Maekawa, M-lles Opo etc. Жалко, что не будет Пампушки, но раз она стала коза — делать нечего. Так или иначе надюсь увидеть домик на Хаяси-тё и вновь пообитать в нем, среди книг и Такахаси, и надеюсь еще с Вами...

Все на меня, вероятно, сердятся: никому не пишу. Но с другой стороны: писал Магидсону (1 письмо), писал Воробьеву (2 письма) — и ни звука в ответ. Обложите их, если увидите...

Привет Елисесву. Почему же Вы не напишете, что он и что с ним? Что подслышает Вера Петровна? Верно опять ее комната — не комната, а выставка ее работ? Пишите. Кланяйтесь Такахаси и Хосою. Получил ли он через Хацу мой портсигар? Напишу ему на днях. Привет нашему милому домику и Вам, его хозяину. Из Питера напишу о тамошних делах. Пока же жму Вашу руку, желаю здоровья и дальнейших успехов. Вы — надежда факультета.

Н. К.

Пишите по адресу — Екатерининский кан., 158 СПб.

9

В. М. Алексееву

11 декабря [1917 г.]¹

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Простите, Бога ради, за задержание Вашей корректуры. Читал очень внимательно и с большим удовольствием и все собирался сам отнести,

отчего и задержка. Сегодня пришла Ваша открытка, сегодня же возвращаю и еще раз прошу простить.

Делать свои замечания на полях в сим [считаю] неудобным, потому что у меня гадкая привычка расписываться в таких случаях (когда я до этого дохожу!) без удержу. Притом эти замечания были бы скорее характера вопросов и обращений к Вам, чем каких-либо указаний. Поэтому предпочтиту оставить до беседы с Вами. Здесь же только обращаю Ваше внимание на два-три пустяка, исключительно пустяка²...

1) Стр. 10 примечание в самом низу. Мне кажется, что в ссылке на издание следует указать не только год, но и место. Так что Ваша ссылка "Кит[айская] поэма о поэте", 1916 г., стр 36-37 должна быть пополнена "Кит[айская] поэма о поэте", *Петроград*, 1916 г., стр. 36-37.

2) Стр. 14 71 стр[ока] сверху. Не лучше ли вместо "привыкши" — "привыкнув". Первое будет несколько "по-белорусски"...

3) Стр. 14 11-12 строка. Здесь уже не замечание, а вопрос. обнаруживающий, может быть, скорее всего мое незнание кит[айской] грамматики. Скажите, разве *юй* (во фразе *хэ дэ юй шан* и *хэ хэ юй ся*) вообще не значит *casus relationis**? Если это так, то не будет ли точнее перевести так: "Повелитель людей доблести свою ставит в состояние согласованности относительно Неба (проще: "согласует доблесть свою с Небом"), народ же пребывает в состоянии согласия и единения относительно Поднебесной". Это сопоставление *шан* и *ся*, *чту* и *байсин* не базируется ли на теме градации достижений (*сянь си шэн*, *шэн си тянь*), где совершенные и высшие руководятся — соотнобразуются (глагол *фа*) с Небом, низшие же с тем, что служит мерилom для них, т. е. там, где находится в мире земном, мире явлений (*сян*) Поднебесной (*ся*)? Затем я хотел бы представить, воспользовавшись случаем, на Ваш суд мою формулу — определение термина *хэ* в Чжун-юне — из моей коллекции определений: "Термином *хэ* Чжун-юн называет *согласованность* проявлений психической (ближайшее) и всякой иной деятельности человека (в дальнейшем), деятельности, имеющей своим *нравственным объектом* — внешние предметы и явления — 1) с истинной природой этих предметов, составляющей их атрибут, как "вещей в себе", равно как и с 2) объективными условиями, в которых эта деятельность протекает в смысле времени и *пространства*, качества и количества".

Мое неожиданное (теперь *pro domo sua***) оставление и командировка оказались для меня также неожиданными, как и для Вас³. В воскресенье я был у Вас, а на следующий день разговор с Н. Я. Марром⁴ и А. И. Ивановым заставил меня признать целесообразность их точки зрения на мои дальнейшие занятия. В результате прошение — и я не знаю до сих пор, хуже ли это или лучше. Не премину перед отъездом в Орел на

* Здесь: относительный падеж 9лат.).

** Про себя (лат.).

Рождество заглянуть к Вам и вновь отнять у Вас часок **Вашего времени**, в надежде, что Вы, как всегда, не рассердитесь за это.

С искренним уважением

Н. Конрад

10

Н. А. Невскому

1 апреля ст. ст. [1918 г.]

Дорогой Николай Александрович.

Писать много обо всем не буду по следующим причинам:

- 1) Нельзя (объективно)
- 2) нельзя (субъективно)
- 3) не могу
- 4) некогда
- 5) не к чему, пока...

Пишу лишь затем, чтобы предупредить Вас, если Вы вздумаете уехать в Россию:

1) Ваши и мои вещи (обстановку, как есть и утварь) оставьте, не распродавая для меня, т. е. в упаковке на мое имя, или на хранение с поручением передать на мое имя, когда я заявлюсь за ними, или заявится мой уполномоченный. Кому — все равно. Можно — Тодоровичу, Накаяма, Naikoku Tsuun-gaisha (через Nakamiga). Словом, все равно, кому Вы найдете удобным. О них мы с Вами столкнемся (финансово).

2) С книгами моими и Вашими (потому что везти их с собою Вам абсолютно нельзя, по условиям современного странствования по желез[ным] дорогам Российской Советской Федеративной Крестьянско-Пролетариатской Республики) поступите так же.

В том же случае, если Вы в Россию не поедете, но не останетесь на Хаяси-тё — меняйте квартиру, как пожелаете, не имея меня в виду. Обстоятельства изменились¹ и

1) я неизвестно, когда приеду: может быть завтра, может быть через год

2) могу иметь новое местопребывание.

Пока на этом кончаю. Живите и благодарите ежедневно, ежеминутно судьбу, что остаетесь пока целы и пережили самое страшное там, а не здесь.

Всегда Ваш Н. К.

P.S. Послал письмо Хосою. Поливанов в отставке. Народным Комиссаром по Иност[ранным] Делах назначен Чичерин (вместо Троцкого), товарищем Карахан². Арс. Вознесенский (Шанхайский)³ заведует Востоком. Отставка Поливанова — политическая.

В. М. Алексееву

[Ленинград. Не позднее 5 октября 1926г.]¹

Дорогой Василий Михайлович.

Думаю, что не только та часть Вашего путешествия, о которой мы по сей день знаем, но и все остальное совершится в таком же благополучии, как и предыдущая². Уверен в этом и хочется сказать уже теперь -- слава Богу! Вы — в Париже (будете!) и мне хочется, чтобы Вас там встретил привет не только от Вашей жены, но и от Вашего преданного друга, который очень любит Вас сяньшэн'а³ и как человека. Искренно, искренно приветствую Вас и всячески радуюсь тому исключительному путешествию, которое выпало Вам на долю. Надеюсь, что Вы увидите и Лондон, как того желаете. Хотя с другой стороны, Вам пора и домой. Наталья Михайловна⁴ давно пора быть с Вами. Как она ни крепится, как ни держится, поистине, молодцом, все же ей, кажется, довольно тоскливо без Вас. А она у Вас такая исключительно хорошая, что Вам следовало бы немножко поспешить. Да и Вашим друзьям пора уже повидать Вас. Словом, дорогой Василий Михайлович, сокращайте если возможно Ваше пребывание в Западной Европе. Она от Вас не уйдет и Вы всегда сможете приехать туда еще и еще.

Здесь у Вас все благополучно. Наталья Михайловна и детки Ваши совершенно здоровы. Вид у них самый отличный. Н[аталья] М[ихайловна] пополнела очень заметно, у ней прекрасный цвет лица; очень бодра и энергична. Детки — тоже. Так что с этой стороны Вам беспокоиться абсолютно, кажется, нечего. В квартире у Вас все по-старому. Около 10 часов вечера в столовой на столе самовар и [я] иногда спускаюсь вниз повидать Н[аталью] М[ихайловну] и потолковать о том, о сем. Не хватает только Вас. Но теперь уже недолго ждать.

Что делается здесь у нас, Вам, конечно, хорошо известно из писем Н[атальи] М[ихайловны]. Я же могу добавить только немного и то больше об институте⁵. Может быть, Вы знаете, что мне пришлось стать в этом учреждении проректором по уч[ебной] части. Почему и как это случилось, расскажу при встрече. Пока же скажу только одно: учреждение наше — поскольку я теперь невольно ближе узнал его, — странная, необычайно странная смесь хорошего и дурацкого. Великолепные условия и колоссальные возможности развития в самых заманчивых направлениях. Но с другой стороны — столько личного и неустойчивого, что иногда диву даешься, как все это существует сравнительно благообразно. Единственное утешение, что *само дело*, как таковое, невольно выпрямляет линию и вместе с тем все то часто нехорошее, что тут есть. Во всяком случае, есть о чем поговорить, когда мы это, наконец, сможем.

У нас — четырехгодичный учебный план. Работа растягивается на 4 года. Впрочем, в этом году третькурсникам дается право кончать по-старому. Вся эта штука с 4-мя годами обставлена также всяческими побочными мотивами, но о них — лично. Общественное мнение — все-таки за, а не против. Учебный год начинается. Наплыв изрядный. У Вас на разряде около 30 человек. Г.Ф. Смыкалов⁶ — "представительствует" "Введение в изучение кит[айского] языка" и "ф[онетическую] студию" взял на себя до Вашего приезда Щуцкий⁷. Кстати сказать, студенты на разрядном совещании усиленно настаивали на увеличении числа фонетических занятий! И представьте, единогласно и весьма бурно протестовали против Ходорова...⁸ Что причиняет институту достаточно хлопот... Вам известна, ведь, закулисная сторона этого вопроса.

Не знаю, как Вы отнесетесь к новому уч[ебному] плану кит[айского] разряда: мы ввели (предположительно, до Вашей санкции) на *целый* год (III курс) Гувэнь! План по страноведению построен таким образом, что есть возможность объявить курс "Истории кит[айской] философии", не говоря о литературе. Простора сейчас много, но... всемо препятствуют финансы. Предложение ввести в этом году жесткую норму для профессоров — не более 12 часов в неделю. Впрочем, с одновременным повышением оплаты: 100 р. за 6 часов. Удастся ли это сделать доцентам, сказать еще очень трудно, т. к. общественные науки (9 предметов) поглощают (при делении на группы) массу часов, и, следовательно, и денег.

Вообще с деньгами неважно. Ваше поручение я исполнил наполовину: письмо в ход не пустил. Об этом Вы знаете от Н[аталии] М[ихайловны]. Так было лучше: обстановка так осложнилась. П.И. Воробьев безоговорочно признает долг Карахану и Вам 100 рублей все собирается отдать Н[аталье] М[ихайловне]; что же касается 400 — то это он считает возможным сделать по приезде Карахана сюда. Иначе неизвестно, куда и как посылать. Карахан же, как Вам известно, уже на пути сюда. Я думаю, что 100 рублей будут Н[аталей] М[ихайловной] получены, как только откроют нам кредиты (не раньше 10 октября). Должен несколько заступиться за П.И. [Воробьева]. Правда, с деньгами у нас все время было очень туго. До сих пор ждут совершенно неотложные расходы. И не будь это Вы, к которому П.И. чувствует большой личный пиетет, не видать бы никому ни 400 отосланных, ни других. Настолько трудно было Вам их послать. Так что здесь, насколько я знаю, не только обычная неустойчивость, но и фактические затруднения. Так или иначе, но я уверен, что все будет уплачено сполна.

Ваше извещение о том, что Вам удалось получить 300 рублей для библиотеки — произвело буквально фурор. Ваше имя славилось по всему институту. Вот Вы приседте и сразу это увидите. Институт страшно сильно реагирует на всякий знак внимания к нему... Ведь, обычно его только бранят. П.И. [Воробьев] буквально сиял и чувствует большую благодарность Вам за все это. Кстати сказать, Ваш авторитет здесь до-

стиг теперь невероятных размеров! За Вашим путешествием и успехами следят внимательно и отзывчиво. По приезде Вы застанете и в правлении, и в студенчестве самое восторженное отношение к себе. Маленький штрих, но очень характерный: студенч[еская] организация, обсуждая расписание и делая различные передвижки в часах, не посмела и коснуться часов, заявленных некоторыми. И кто же эти "некоторые"? Бартольд⁹, Марр и Вы (предположительно)... В университете — наплыв. У Вас что-то больше 10 человек (Щуцкий видел даже около 20). "Куда их гонит?" Смету япфака сократили здорово, так что Дзиревич не знает, что и делать.

Знаю, что Вам все это неинтересно. Вы всегда не особенно любили преподавание, а теперь, наверно, совершенно отошли от этих интересов. Но знаю, что Вы всегда все же неуклонно делали, и это было, все-таки немножко напоминаем Вам... А то Вы совершенно забудете о себе как преподавателе посреди новой научной обстановки, в которой Вы сейчас находитесь. Воображаю, сколько любопытного Вы привезете! Ждем докладов. Думаю, что в Коллегии востоковедов все второе полугодие придется отдать Вам... Не так ли? А кроме этого жажду Ваших рассказов вообще. Вообще приезжайте. Все-таки здесь — Ваши друзья, и, правда, все очень искренне и тепло к Вам относятся.

Приветствую Вас еще раз и крепко жму руку.

Ваш *Н. Конрад*.

P.S. Скажите С. Г. Е[лиссеву], что по-прежнему люблю и помню о нем. Жажду послать ему свои новые опис[ания] (статейки), дойдут ли до него? *Н. К.*

12

В. М. Алексееву

[1926 г.]¹

Дорогой Василий Михайлович.

Нахожусь под впечатлением кошмарного известия: мой приятель Рипс (дело Военного порта) приговорен к расстрелу. Буду делать в Москве, что можно. Совершенно порядочный, абсолютно достойный человек.

К тому же — немного температуру и еду в Москву полубольной и с ужасным чувством в душе.

Жму крепко Вашу руку. Ваш *Н. Конрад*.

Хотел повидать перед отъездом Вас и Нат[алью] Мих[айловну] — но не успел и слишком скверно себя чувствую. *Н. К.*

В. Э. Мейерхольду

3 января 1927 г.

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич!

Задержался с ответом потому, что только вчера вернулся в Ленинград и только вчера, следовательно, ознакомился с Вашим письмом¹. Спешу ответить.

Разумеется, я вышлю Вам "Ода Нобунага"², как только перспечатаю на машинке: кроме рукописи у меня ничего нет. Иначе говоря, через день-два Вы эту пьесу получите. Ваши предупреждения — принимаю и со своей стороны очень прошу этой пьесы никому, кроме совершенно доверенных лиц, не давать. Мне крайне нежелательно, чтобы она стала известной. Это — моя очень серьезная к Вам просьба.

Далее еще одно и самое главное: мне очень не хочется, чтобы Вы ставили эту пьесу. Прошу Вас только не понять меня ложным образом. Никаких обязательств перед кем-либо не имею. Давать эту пьесу могу с полной свободой кому угодно. Но я *не хочу ее видеть больше на сцене вообще*. Как только она пройдет у Радлова в студии Акдра[мы]³, — пусть ей и будет тут конец! Таково мое горячее желание.

Поэтому я и прошу Вас: *если Вы захотите эту пьесу поставить у себя, сделайте это только после специального разговора со мной*, в котором я изложу Вам полностью все причины, которые меня заставляют желать эту пьесу засунуть в дальний ящик письменного стола. Это — моя настойчивая просьба. Я уверен, что Вы ее исполните. В Москве я бываю часто; буду в середине января — и тогда найду случай повидаться с Вами.

Теперь о другом. Я невероятно рад Вашему желанию взяться за японскую пьесу. И рад служить Вам в этом деле, чем только Вы захотите. И на первых порах хочу Вас просить: если "Нобунага" Вам не понравится, или если Вы согласитесь со мной, что ее ставить не стоит, разрешите предложить Вам *ряд других пьес*, никому не известных ни в Ленинграде, ни в Москве. Я готов даже специально перевести для Вас то, что по нашему обоюдному соглашению будет интересно. Словом, я готов предложить Вам все, что у меня есть, и готов засесть за работу специально для Вашего театра. Прошу иметь это в виду.

Уважающий Вас Н. Конрад.

В. А. Гурко-Кряжину

Ленинград. 30 апреля 1927 г.

Многоуважаемый Владимир Александрович.

Только что прочитал Ваше письмо, адресованное Павлу Ивановичу [Воробьеву]. П[авел] И[ванович] счел необходимым показать его мне.

Признаюсь, я мог многого ожидать от Москвы, но подобного не ожидал. Протестую всеми силами против того безобразного вовлечения меня в те интриги, которые, по-видимому, плетутся против Вас в некоторых кругах московских востоковедов¹. Протестую всячески против такого использования моего имени в кампании против Вас. Думаю, что мне нечего уверять Вас в том, что все приписываемое мне является сплошным вздором. Никаких заявлений приписываемого мне свойства я не имел ни случая, ни возможности, ни оснований делать.

Прошу Вас принять мои искренние извинения в том, что мое имя невольно сыграло какую-то роль в этой некрасивой истории. Поверьте, это мне неприятно также, как и Вам. Надеюсь, что Вы сохраните по-прежнему Ваше дружеское и обязательное отношение ко мне, я же приму меры к тому, чтобы в будущем пресечь всякие попытки к подобного рода наветам, направленным к тому, чтобы обязательно испортить наши отношения как Вам, так и мне.

Уважающий Вас *Н. Конрад*

P.S. Считаю Вас в праве, если это нужно, считать это письмо не конфиденциальным, *Н. К.*

P.S.S. Надеюсь Вас вскоре увидеть у нас и тогда поговорим обо всем подробнее.

15

В. М. Алексееву

[Нара]. 13 сентября 1927 г.

Дорогой Василий Михайлович.

Шлю Вам очень большой и самый искренний привет, равно как и многоуважаемой Наталии Михайловне. Сижу, как видите, в Нара¹. Почему в Нара, спросите Вы? Принужден был приехать сюда из Осака -- отдохнуть и полечиться: Осака (в связи с предыдущим Сеулом) подарила меня такой астмой, которой у меня уже давно не бывало. И в Сеуле, и особенно в Осака еще сильная летняя жара плюс остатки дождливого сезона. Следовательно, ужасно сыро и жарко. Пребываешь в состоянии хронического парения — что в твоей бане на полке. Это одно. А с другой стороны — чрезвычайно нервная жизнь: сутолока, беганье, спешка, разговоры — все это не очень для меня полезно. Поэтому после недели в Сеуле и 10 дней в Осака, прежде, чем ехать дальше в Токио, — принужден был взяться за набирание новых сил и вот — в Нара.

Дорогой Василий Михайлович! Вы, наверно, уже знаете, что перед отъездом я решил покончить со своим одиночеством. Наталия Исаевна Фельдман теперь — моя жена. Думаю, что лучше отдать кому-нибудь, кому это нужно, оставшиеся искры душевной теплоты, чем давать им бесплодно загаснуть. А сй это — как будто — нужно. Да и мне тоже. Все

это происходит, правда, — на фоне какой-то великой грусти и душевной усталости, но ощущение какой-то целесообразности и морального, и житейского порядка — существует очень внятно. Мне очень грустно ходить по Нара; совсем не хочется говорить с толпой всякого люда; при всем этом какое-то чувство спокойствия не оставляет ни на минуту. Я сделал то, что, как мне кажется, кому-то нужно. А это уже хорошо. Мне будет очень больно, дорогой Василий Михайлович, если Вы и Наталия Михайловна, которую я так люблю почитаю, меня за что-нибудь осудите. Напишите ласковое письмо — все будет очень хорошо. Ведь Вы — единственные — с которыми я чувствую себя совсем иначе, чем с прочими. Поэтому Ваше слово будет иметь значение совершенно особое.

Странное ощущение у меня все время от Японии. Даже затрудняюсь пока его формулировать. Основное, кажется, — все та же печаль. Мне очень хорошо стоять перед Нарским Буддой, хорошо бродить среди храмов — древнейших в Японии, седых, вековых, плотно въевшихся в эту землю; но в то же самое время — все же сердце от чего-то шемит. Это — основной фон всех впечатлений. Не думайте, что это есть просто хандра. О, нет. Я — не хандрю, не кисну, — но мне почему-то немного грустно смотреть и на нарскую тишину, и на осакскую суматоху. Хорошо встретить Николая Александровича [Невского], но опять-таки грустно на него смотреть. Как будто бы в мире зазвучала какая-то нота и продолжает печально звучать все время.

А работа моя идет своим порядком. Делаю все, что могу — при условии такого путешествия "сломя голову"... Ведь срок такой короткий, времени так мало, а хочется вырвать у окружающего как можно больше! И притом — во всем приходится полагаться на одного себя, т. е. не только получать, но и добывать, но и ориентироваться... Руководителей у меня не оказалось. Поэтому вместо готового я сталкиваюсь с неизвестным. Отсюда сравнительная мизерность — качественная и количественная — результатов.

Больше всего мне хочется писать Вам о Николае Александровиче. С той минуты, как я увидел его на пристани в Осака, пришедшего меня встречать, он не переставал занимать мои мысли. Скажу прямо: мне тяжело будет прощаться с ним; будет необычайно тяжело расставаться с ним; будет очень, очень тяжело его тут бросать. Он, конечно, здесь запис. Правда, живет он неплохо (материально); жена у него очень славная, культурная, умная и очень к нему (искренно) привязанная; он сам к ней, видимо, привязан очень; работает много и хорошо, но... Что стоят, например, одни его слова: "Ну вот! Напишу я, скажем, эскиз фонетики говора мяку и думаю: ведь я мог бы также не писать, как и написать. Или написать до половины, или написать две строчки..." Больно слушать его в таких случаях. Так явственно ощущается вся бессцельность и недоделанность его работы. Вся его работа ни на что не наматывается. Он — один в своей работе, и в своей научной жизни. А Вы знаете,

как у нас, т. е. у таких людей, как Вы, как я, научная активность переплетена с простой жизненностью, с самим существованием. Знания у Н[иколая] А[лександровича] — огромные. Сейчас он, вероятно, самый крупный японовед из нашей среды, но — это все, все его знания, требуют притока целеустремленности, живой бодрой энергии; притока интереса со стороны. Словом, ему нужно возвращаться и я приложу все усилия уговорить его. Гражданство СССР он еще не получил, но, вероятно, получит. Контракт его кончается весной — и к лету мы должны с Вами, Василий Михайлович, его отсюда (с женою) вытащить². Это будет просто исполнением нашего дружеского долга к этому милому, талантливому человеку и великолепному работнику.

Встретились мы с ним как самые лучшие друзья. Он поселил нас у себя. Говорить с ним — одно наслаждение. И ужасно горько будет его оставлять опять одного. Орест Плетнер — в другом районе. Он сам устроит свою судьбу; Н[иколай] А[лександрович] же — без вмешательства со стороны — не обойдется. Орест [Плетнер] — превосходно работает в области фонетики: он прямо прирожденный лингвист. Вообще мне стыдно за себя и свои знания, когда я вижу таких великолепных японоведов, как эти двое. И ко всему этому прибавляется чувство: как бы полезнее они оба были у нас!

Кончаю письмо. Всем сердцем приветствую Вас, дорогой Василий Михайлович, Наталье Михайловне хочется издала пожелать всего наилучшего так, чтобы и она почувствовала искренность этого пожелания. Не забывайте мою старушку.

Ваш НК.

16

В.Э.Мейерхольду

3 декабря [1928 г.]

Многоуважаемый Всеволod Эмильевич.

Прочитав в газетах о Вашем возвращении из-за границы, позволяю себе обратиться к Вам со следующим: когда-то вы интересовались японскими пьесами и писали мне об этом. С "Ода Нобунага" тогда ничего не вышло. Но вот теперь у меня есть в готовом виде одна пьеса современного — и считаемого в Японии пролетарским — японского драматурга Наканиси: "Бунт Будзаэмона"¹. Эпоха — XVIII век, сюжет — крестьянское восстание; тема — очень остро революционная. Если Вы захотели бы с ней ознакомиться, я готов Вам ее прислать по первому Вашему требованию. Я же — как японовед и немного театровед — считаю, что постановка этой пьесы, нигде еще не шедшей в Японии, сыграла бы в Японии — новой, пролетарской и лево-интеллигентской — роль события.

С искренним приветом Н. Конрад.

В. Э. Мейерхольду

12 января 1929 г.

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич.

Вчера я послал Вам пьесу¹, а сегодня вспомнил, что необходимо предупредить Вас, что V-я картина "Перед амбарами клена" — не закончена переводом. Конец сцены дан таким: издали показывается странствующий певец Будзаэмон, который поет старинную балладу, повествующую о борьбе... Крестьяне воодушевляются словами баллады и готовы разгромить амбары, но Будзаэмон искусно вкладывает в балладу совет сначала подготовиться, объединиться и затем начать борьбу. Крестьяне его понимают и расходятся. Сцена представляет собою непрерывное пение проходящего Будзаэмона, прерываемое репликами толпы, переходящей от настроения к настроению.

Я оставил пока это место без перевода, потому что здесь нужен песенный размер и форма перемежающегося хора с соло, т.е. несколько трудно (формально) для перевода. Я работаю над этой сценой понемногу и сделаю ее, конечно, в любой момент, когда это будет нужно.

Повторяю, что постановка "Бунта Будзаэмона" в СССР будет праздником для японской революционной драматургии. Все объяснения об авторе, о пьесе, о ее содержании и тому подобном я всегда готов дать по первому Вашему требованию.

С искренним уважением Н. Коппад.

Н. А. Невскому

[Ленинград]. 6 июля [1929 г.]¹

Дорогой Николай Александрович.

Вероятно, это будет последнее мое письмо Вам в Японию до Вашего отъезда сюда. Пишу это затем, чтобы дать Вам последние советы.

Сначала только скажу, что Ф.И. Щербатской готов Вас в любую минуту взять в свой Буддологический институт (официальное наименование: "Институт будд[ийской] культуры при Академии наук СССР" -- сокращ[енно] "ИНБУК")². Я с ним говорил еще раз, и он заявил, что Вас "хорошо знает и ценит". Заниматься там будете над буд[дийскими] текстами, причем можете совместить сие с langutic'ой, которая ведь сплошь, кажется, буддийская, так что не оторветесь от Ваших работ и интересов.

В ун[иверситете] Вы прошли и часы ждут Вас. По приезде все разрешится конкретно, т. е. сколько часов будете иметь. Во всяком случае не

менее 6, т. е. ставки полной (рублей 120, а в Институте буд[дийской] культуры — должность секретаря японской секции — 150 р. Итого 270 рублей — у нас среднее преподавательское жалование). Если понадобится, прикинем часы и в Институте³.

Теперь о преподавании. У нас в университете сейчас существуют два т[ак] наз[ываемых] "уклона": лингвистический и литературоведческий. Я предполагал, что Вы будете вести гл[авным] обр[азом] лингвистические курсы, т. е. на I курсе — совр[еменный] яп[онский] язык и грамматика (разговорного языка) — 2 часа курс и 2 часа просеминарий (хотя, конечно, это распределение условно: ведите занятия, как хотите); на II курсе — диалектология — 2 часа. Ввиду того, что сейчас II курса нет, можно временно взять какие-нибудь другие курсы, в частности, на III -- чтение Monzaemon или Saikaku⁴ — как лингвистический материал. Все это мы решим у меня за столом, только я хотел бы закрепить за Вами как Ваши постоянные курсы: современный язык (на первом курсе) и диалектологию (на II). Остальное же — в зависимости от меняющихся обстоятельств. В этом году Вам, вероятно, придется взять на себя немножко более обычного, т. е. часов 9 (полторы ставки). Все это должно Вас убедить, что материально все будет — для одного — вполне благополучно, почему денег иных, кроме жалования, не понадобится (кроме первых двух месяцев, да и то — не беспокойтесь: я Вам должен и кроме того могу ссудить). Но вот книг привезите побольше: в частности, для Вашего преподавания. Привезите с собою те тексты для I-го курса, которые Вы будете читать со студентами, в нужном количестве (экземпляров 10). Продадите в библиотеку, т. к. у нас совсем нет пособий для начинающих. Точно также прошу Вас для меня: привезите экземпляров 10 каких-либо книжиц, годных для чтения на первом курсе в Институте, т. е. ультра-легких, но не детских, а с более или менее серьезным содержанием (лучше описательным). Словом, возите с собою пособия для преподавания (тексты для всяких курсов), причем обязательно в 10 экземплярах. Все это Вы продадите в Библиотеку, где с радостью это возьмут. Не забудьте!

Приезжайте прямо ко мне. Возможно, что я не буду (еду в Орел и буду числа 20 августа обратно), но Вы вваливайтесь в квартиру, где прислуга будет предупреждена, располагайтесь в той комнате, которая будет Вам предоставлена. Это обязательно. Прямо ко мне — Церковная ул. (ул. Блохина). 17/1, кв. 7. Вас будут здесь ждать и все сделают. Если же Вы приедете в конце августа (после 20), то и мы будем уже дома.

Вот и все. Дайте по приезду на территорию СССР телеграмму. Если до 15 августа, то по адресу: Орел, Берг Орлика, 6, мне. Если после 15 августа — в Ленинград. Это — обязательно.

Кстати: Ваше место в Осаке занято⁵? Если нет, то не посоветуете ли Вы мне аспирировать на него? Хорошо бы годика 2-3 прожить в Японии. А тем временем Вы бы меня тут заменили, а потом я бы Вас... Если что-нибудь будет интересное в этом смысле, не напишите ли?

Искренний привет Исоко-сан⁶. Я (и Н|аталя | И|саевна) ее не забываем, часто вспоминаем с большой симпатией и признательностью за радушие. Вашей дочурке — привет.

Ваш НК.

19

В. М. Алексееву

[Ленинград]. 31 октября 1930 г.

Дорогой Василий Михайлович.

Мои мысли, вызванные Вашим сообщением насчет плана книги о словаре, сводятся к следующему¹:

I. Думаю, что Ваша будущая книга — не должна быть *только* руководством для студентов или преподавателей. Она, ведь, дает в сущности разбор основной аппаратуры синологии, разбор — научный и педагогический, это — правда, но с центром на научной стороне дела. Поэтому она имеет чисто синологическое значение и поскольку это так, постольку необходимо, как мне кажется, придать ей не только характер обзора (пусть и критического), но и *подведения итогов* (научного) *определенного этапа синологии*. Это — возможно, т. к. вся лексикографическая работа до сих пор — за всеми индивидуальными отклонениями и особенностями — все-таки развивалась в одном и том же направлении. я бы назвал — *некритической лексикографией*. Были люди более знающие, у них выходило лучше; менее знающие, у них — хуже; но все они отличались, как мне кажется, отсутствием критицизма в отношении своем к 1) задачам лексикографии как таковой 2) к задачам лексикографии специально синологической 3) к материалу, к тому материалу, который они регистрировали, — как с точки зрения языковой, так и культурной. Так как по этой линии лексикографическая работа, по-моему, уже дошла до своего конца (а что она дошла до этого показывает, по-моему, тот факт, что словари уже в сущности повторяют прежние образцы или друг друга), значит, пришла пора дать ей научную оценку, поставить на ней точку и тем самым *открыть возможности перехода к другого порядка лексикографии и наметить ее пути*. Это Ваш план и предвидит, но мне хотелось бы, чтобы в книге это не вытекало из изложения. а было на первом месте среди целей книги.

II. Ваш рассказ об источнике Палладиевого словаря² навел меня на мысль, не подметили ли Вы этим *самое основное, самое главное, самую суть всей прежней лексикографии*, как китайской, так (вслед за нею) и европейской? При свете Вашего рассказа мне как-то сразу представилось, что мы можем дать действительно исчерпывающую формулу этой лексикографии. Старый китайский словарь *не* имел своей целью I) ни зафиксировать языковой материал своего времени, т. е. выяснить языко-

вой состав данной эпохи, 2) ни выяснить общеязыковые ресурсы своего народа (общий свод лексического творчества), 3) ни дать специальный культурно-идеологический фонд, независимый от времени и условий обстановки. И та, и другая, и третья цель частично, конечно, достигалась, поскольку в словарях можно найти и то, и другое, и третье, но ориентировка составителей и цель словаря практически были другие: *дать пособие к экзамену*, понимая под этим не только фактический школьный экзамен, но и более широкий *общественный* экзамен, выдающий патент на так называемую культуристость — в специфическом китайском этого времени, т. е. схоластическом смысле. Это — главная цель словаря и этим предопределялось его содержание. Все прочее — только приатки, для сути словаря не имеющие значения. В самом деле, для кого был нужен, скажем, Кан-си лзы-длан³? Для чиновника, если понимать опять-таки не только фактического чиновника, но "чиновника от культуры". Для чего он был ему нужен? Для схоластического вооружения, необходимого в условиях тогдашнего понимания культуристости, и для поступления на гос[ударственную] службу. Какой материал был нужен для такого вооружения? Набор *условно трактуемых, трафаретных*, но т[ак] ск[азать] "высокультуристых" понятий — как в виде отдельных слов, так и целых фраз. Не думаете ли Вы, Вас[илий] Мих[айлович], что в этом коренится, в частности, и первопричина 1) такого огромного развития всяческих и 2) невероятной банальности (блестящее доказательство — дублированная банальность Куврера)⁴ их трактовок?

III. Вашу трактовку проблемы расположения иероглифов в словаре, по-моему, следовало бы несколько перестроить, введя в нее известный *историзм*, т. е. сопоставив и связав разные системы размещения иероглифов с историей самой иероглифической письменности как таковой. Ведь не исключена возможность рядом с историей иероглифов как неких носителей понятийного содержания, построить историю их чисто графическую. И тогда каждая из существующих систем окажется (*может оказаться*, ибо я говорю все это предположительно) соединенной с определенной стадией в этой графической эволюции иероглиф[ической] письменности, имеющей *свои законы*, отличные от законов их эволюции как понятийных символов. 1) Предметная система тогда будет восходить к иероглифической стадии, базироваться на представленном иероглифе, в котором еще не разделены (для сознания воспринимающего), не разграничены понятийная и графическая сторона. Ее идейные источники будут там. 2) Ключевая система соединена с самой длительной (совершенно естественно!) фазой графической эволюции иероглифов — промежуточной, когда уже намечено отграничение понятийной и графической сторон, но не произведено (в сознании воспринимающего) полностью (и не могло быть произведено, конечно, по условиям развития иероглиф[ической] письма). 3) Графическая система появляется тогда, когда иероглиф становится *только графической фигурой*, когда ключевые знаки уже начинают восприниматься также, как чисто гра-

фические символы, т. е. механически (как это, между прочим, для нас с Вами), когда они нужны только для отыскивания иероглифа в словаре. И когда этот факт налицо (а он налицо для европейцев и, я думаю, для китайцев), естественно возникает мысль, почему бы не избрать другой более удобный и еще более механический признак для таких поисков в словаре? — Если рассуждать так, то каждая из трех систем будет *вполне научной*, так как будет связана с определенной базой в историческом материале. Каждая из этих систем получит органическое объяснение своего возникновения и своего существа.

IV. Последнее мое замечание сводилось к пожеланию, чтобы Ваша книга учла и специфический *идеологический момент* китайской лексикографии. Он — несомненен. Об этом говорит и само содержание словаря, и история его составления, и его применение. Идеологическая целеустремленность словаря — конечно, разная, в зависимости от эпохи, и по-моему не всегда обязательно конфуцианская (впрочем, не берусь это утверждать). Отсюда и некоторое различие в трактовке одних и тех же сюжетов — в духе господствовавшего тогда *направления* конфуцианства. Это — очень интересный пункт, и по-моему очень важный даже практически — для правильной ориентировки в словарных объяснениях. (Пример: трактовка словарем Кан-си конфуцианских терминов в духе Минского конфуцианства?).

V. Замечание относительно того, что история с Кувреровским объяснением (в словаре — так, в переводе — иначе) целиком подтверждает современную точку зрения, говорящую о невозможности понять слово иначе, чем через *весь контекст* (фразы, произведения в целом, идейной школы, исторической эпохи), было сделано только попутно.

Буду рад, дорогой Василий Михайлович, если эти замечания не покажутся Вам чересчур банальными, каковыми они в известной мере, конечно, являются. Это — первое, что пришло в голову при ознакомлении с планом Вашей работы. Готов послужить и в дальнейшем, когда Ваша работа будет уже реализована на страницах.

Ваш Н. Конрад.

20

С. Ф. Ольденбургу

Ленинград. 10 июня 1931 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович.

Евг[ений] Мих[айлович] Жуков¹, вероятно, передал Вам мое заявление, поданное на Ваше имя через него, как и. о. секретаря ИВ'а. В нем я прошу дирекцию освободить меня от обязанностей по этому учреждению². Я хотел об этом поговорить лично с Вами 9-го, но обстановка была неудобная для этого и мне приходится обращаться к Вам письменно.

Мне очень хочется просить Вас, глубокоуважаемый Сергей Федорович, согласиться на мое ходатайство. Я это стремился сделать давно и не хотел только уходить в разгаре года. Теперь, когда наступает некоторое затишье, я думаю, это сделать легче. Причины, почему я об этом прошу, Вы легко поймете. Главное — исключительная перегрузка, предстоящая мне в будущем году. Мне придется иметь дополнительные, сверх этого года, часы и в ЛВИ, и в Ун[иверситете]. В этом году в ЛВИ будут все четыре курса, когда до сих пор было всего только три; в этом году мне предстоит вести курс истории; по-видимому, будет поручен корейский язык, который придется ставить заново. Если еще добавится работа над словарем³, которой — если она состоится — избежать нельзя, — будет ли у меня время для чего-нибудь вообще? Несомненно, надо чем-то, временно хотя бы, поступиться. Я думаю, что пока, в данный момент я более всего ценен, как преподаватель. Работа здесь пока еще неотложная, и здесь пока меня еще трудно заменить, говоря объективно. В ИВ'е же сейчас моя работа не может иметь такое значение — по многим, Вам хорошо известным причинам. Поэтому я и думаю, что объективно наибольшую пользу моя работа может — на данном этапе — принести именно по линии подготовки кадров, частично для того же Института востоковедения. Японоведение с моим уходом в нем не останется без наблюдения. Останется Н.А. Невский, которого хоть частично можно будет на эту работу направить, останется Е.М. Жуков, который, видимо, хочет исключительно сосредоточиться на работе в ИВ'е. Если понадобится работать с аспирантами, я могу, как и пишу в заявлении, взять это на себя, но от официальной службы меня очень прошу освободить. Работу о рабстве я сохраняю за ИВ'ом и обязуюсь ее представить в письменном виде⁴. Равным образом за мной сохраняется обязательство вместе со всей группой отчитаться в ударной теме "Происхождение японского капитализма".

Евг. М. Жуков, говоря со мной о моем возможном уходе, высказывал всякие соображения о возможности предоставления мне всяких служебных льгот. Мне очень не хочется этим пользоваться, если бы это и оказалось возможным. Исключительное положение должно быть чем-нибудь оправдано, а моя работа вряд ли может это оправдать. Поэтому я еще раз очень прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Федорович, согласиться на мою просьбу. Мне очень хочется при этом просить Вашего дозволения сказать Вам, что — как и раньше, так и в особенности во время службы под Вашим руководством, я всегда с величайшей благодарностью ощущал Вашу исключительную внимательность к моей работе и к себе лично, такое доброжелательство, равное которому я вряд ли где-нибудь могу найти. Я это очень хорошо знаю и, преклоняясь перед Вашей работой и энергией вообще, всегда приспосабливаюсь к Вам чувством искренней признательности.

Уважающий Вас Н. Конрад⁵

В. М. Алексееву

[Ленинград]. 11 июля 1935 г.

Дорогой Василий Михайлович.

Когда-то, в эпоху "Всемирной литературы"¹ я готовил перевод одного японского романа, выпущенного автором с эпиграфом из Сюнь-цзы: "Сердце — это властитель человеческой судьбы". Сейчас мне удалось устроить печатание этой вещи. Сегодня я получил авторские. Позвольте просить Вас принять один экземпляр — на память о "Всемирной литературе" и о той — хорошей — эпохе.

Ваш Н. Конрад.

Е. М. Коростелевой

Ленинград. 30 июня 1936 г.

Уважаемая т. Коростелева!

Вчера я получил Ваше письмо с сообщением об отклонении редакцией альманаха "Год XIX-ый" посланных нами статей о Токутоми Рока и Акутагава с приложением переводов¹.

Вы пишете, что переводы "не нуждаются в критике и не вызывают никаких замечаний". Очевидно, оказалась нужна критика для статей и именно они вызвали замечания. Делаю такой вывод потому, что о статьях, которые по-моему представляют все же *главное*, в частности, в моем материале, Вы этого не пишете. Делаю вывод, что отклонение материала имело место ввиду непригодности статей, в частности моей статьи о Токутоми. Из Вашего письма ("материал должен отвечать не только литературным условиям") заключаю, что эта непригодность — не литературного порядка, а значит научного или политического, или того и другого вместе. Принужден заявить, что в моей научной и общественной практике это первый случай, когда моя работа было признана настолько неверной по содержанию или настолько недопустимой политически, что ее *даже нельзя исправить*, а можно только вернуть. Это настолько серьезное для меня обстоятельство, затрагивающее мою научную и общественную честь, что я не могу не попросить Вас сообщить мне точно и конкретно, по каким основаниям моя статья полностью непригодна. Я этим вовсе не настаиваю на ее напечатании у Вас (после такой оценки редакции об этом не может быть и речи — как для Вас, так и для меня), право каждой редакции отвергать непригодный материал, — хотя не могу не выразить удивления, что отклонение произошло через три меся-

ца после представления статей, после того, как мне было сообщено через М.М. Шкапскую², что материал одобрен, и это обстоятельство было подтверждено мне лично, при моем посещении редакции, и затем в третий раз, — опять через М.М. Шкапскую — в ответ на мое письмо. Я не считаю это нормальным, но все же сейчас подымаю вопрос не об этом, а о компрометирующем меня факте отклонения мое статьи как научно-несостоятельной или политически ошибочной — не в частностях, а в целом.

Позвольте считать, что Ваш ответ последует в самом ближайшем времени. Заодно прошу Вас немедленно выслать мне обратно обе статьи и все переводы, причем выражаю свою уверенность, что редакция стоит на страже доверенного ей матерьяла и гарантирует невозможность использования его в *каком бы то ни было* виде или отношении другими лицами.

С приветом Н. Конрад

23

П. А. Павленко

21 июля 1936 г.

Многоуважаемый т. Павленко!

Я очень признателен Вам за Ваше письмо, убедившее меня в том, что отклонение моей работы Вашим журналом не вызвано ее непригодностью¹. Прошу считать, что я, а также другие японоведы, мои друзья, всегда в распоряжении Вашего журнала, когда время и обстоятельства окажутся для "японской темы" более благоприятными, чем сейчас.

С тов[аришеским] приветом Н. Конрад.

P.S. Рукопись моей работы, а также работы т. Фельдман получены.

24

В. Л. Комарову

Москва. 22 сентября 1941 г.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич!

Считаю своим долгом сообщить Вам, как своему Президенту, что с 6-го сего сентября я освобожден с прекращением дела¹. Таким образом, моя всегдашняя уверенность в том, что истина в конечном счете должна восторжествовать, полностью оправдалась.

Вместе с тем приношу Вам свою глубокую благодарность за Ваше содействие в деле облегчения моего положения, когда я был в лагере. Я получил Ваш ответ на мое ходатайство, обращенное к Вам, как к депута-

ту Верховного Совета Союза, вскоре после чего я был переведен в Москву, где сразу же, еще до окончания дела, получил возможность возобновить свою научную работу. Таким образом, ныне я могу вернуться к работе в нашей Академии с двумя готовыми и одним законченным вчерне научными трудами, а именно: мне захотелось помочь, чем я могу, как филолог, делу нашей обороны. В связи с этим я сделал перевод и комментировал два классических китайских трактата по военному искусству, лежащие в основе всей теории и практики войны как в Китае, так и в Японии. Это — трактаты китайских стратегов — Сунь-цзы и У-цзы². Насколько мне известно, они изучаются, не говоря уже о Китае, во всех высших военных учебных заведениях в Японии. Мне удалось дать не только широкий филологический и исторический комментарий, но и проиллюстрировать отдельные положения трактатов примерами из военной истории Китая и Японии. Думается, что знакомство с основами классической стратегии Востока может быть небесполезными и у нас. Размер этих работ — 35 п. л. и 15 п. л.

Наряду с этими готовыми работами я закончил вчерне историю японской литературы, подводящую итог моему университетскому курсу³. Мне была предоставлена, далее, возможность вернуться к работе над японо-русским словарем, оборвавшейся в 1938 г. За это время я сделал следующее: систематически читая современную японскую газетную и журнальную прессу, я собрал весьма значительный материал по лексике 1939-1941 гг., весьма специфической, в соответствии со спецификой исторической обстановки этих лет. Это даст возможность вооружить словарь словами новейшего происхождения, что я и намерен сделать вместе с просмотром того, что было сделано без меня⁴.

Все это позволяет мне, глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич, надеяться, что я смогу с честью снова включиться в работу нашей Академии и оправдать ту поддержку, которую Вы мне оказали и которой я в первую очередь обязан тем, что мог указанные работы сделать. Ныне я нахожусь в Москве и работаю в ВУЗ'е — Институте востоковедения им. Нариманова. Считаю своей обязанностью пока работать в нем, так как в настоящей обстановке это — один из важнейших участков педагогической работы японоведа. К сожалению, за нахождением Института востоковедения Академии наук в Ленинграде, я не могу пока найти себе место в системе Академии в Москве, что было бы мне очень нужно для продолжения своей научной работы.

С искренним уважением *Н. Конрад.*

Москва, 34, Кропоткинская наб. 3

Дом приезжих Академии наук

Николаю Иосифовичу Конраду

Фергана. 6 сентября 1942 г.

Дорогой Василий Михайлович!

Мне давно и от сердца хотелось написать Вам. Собственно сразу же после того, как я стал ходить по улицам Москвы¹. Но меня задерживала мысль — та мысль, которая руководила мною во всех аналогичных случаях: мне казалось, что написать я имсю право лишь тому, кто даст мне тем или иным способом знать, что это ему желательно. При этом это — не только в отношении тех людей, в чувствах которых к себе я сомневался... Нет, я понимал хорошо, что можно относиться ко мне самым сердечным, самым наилучшим образом, но не очень быть довольным фактом получения от меня письма... Я очень хорошо знаю, что Вы все время проявляли ко мне такое отношение, за которое я могу быть Вам только глубоко признателен. А.Е. Глускина², которая приехала сюда, вырвалась, — буквально вырвалась — из когтей смерти — рассказала мне с каким сочувствием Вы всегда осведомлялись у ней обо мне. И вообще мне известно более или менее все. Поэтому я не смел, не мог сомневаться в Вашем сочувствии и расположении. Но написать Вам несколько затруднялся. Не забывайте, что я мог вынести из всего пережитого многое, что не сразу отлетало.

Теперь прошел ровно год с того момента, как я появился на улицах Москвы. За этот год очень многое изменилось. Но по-прежнему хочется написать Вам. Вот и решаюсь это сделать. Здравствуйте, дорогой Василий Михайлович! Если в чем виноват перед Вами, простите! Если вспомните что-либо хорошее и с моей стороны, не забывайте. А я никогда не забываю ни Вас, ни Вашей дружбы.

Многое мы выдержали с Вами. Вас Бог уберег от самого ужасного. Меня не пощадил ни от этого, ни от того, что в свое время пережили Вы³. Но Вы имели блистательную компенсацию: я хорошо знаю о Вашем юбилее, и о том, какой характер был ему придан⁴. Конечно, прекрасно понимаю, что он мог только усилить в Вас чувство презрения к некоторым людям и чувство тщеты и горечи вообще. Конечно, настроение у Вас было не то, что при первом праздновании Вашего юбилея, когда около Вас были другие люди. Но все же, что можно было сделать, что *могли* сделать, то, кто в этом во всем виноват, они сделали. Мне постарались полностью воссоздать то положение, которое было до всего. Полностью. И я это очень ощущаю. Никто и ничто мне не напоминает, не смеет напомнить о чем-нибудь. Так что в этом отношении сделано все. Но во втором, в отношении той компенсации, которая повелась в том же ИВ АН'е и частично в ЛГУ, моими ближайшими учениками с попустительского дирекции, то, что произвели с моим детищем — словарем и с моим именем вокруг него, все это — осталось до сих пор, и никто, никто даже

не подумал о том, что следовало бы сделать. ИВ АН — в лице нынешнего уч[еного] секретаря А.А. Драгунова⁵ месяца полтора назад позволил себе пригласить меня переехать в Ташкент и работать там в восстановленном там ИВ АН'е. Пригласил, ни слова не обмолвившись ни о чем... Как будто бы ничего не было. Я ответил, что первым шагом ИВ АН'а, если он хочет видеть меня в числе своих сотрудников, должно быть возвращение мне рукописи словаря с восстановлением моего доброго имени как редактора. Ответа, конечно, никакого нет. Почтенный В.В. Струве⁶ либо не понимает своего долга, либо боится. Ну, что же, делать нечего!

Немного знаю о Вас. Всякого узнал о Вашем местопребывании⁷ от Е. Д. Плетнер, обитающей неподалеку от Вас — в Щучинском районе Акмолинской области. Слышал, что Вы не вполне здоровы, слышал о нездоровье Люси...⁸ Господи, да какая же она теперь "Люся"? Ведь я ее теперь и не узнал бы, вероятно? Передайте мой горячий привет глубокоуважаемой Наталье Михайловне, я был бы так рад увидеть ее и поговорить с ней, как иногда приходилось когда-то. И Люсе мой теплый привет и пожелания здоровья. Миша, знаю, не с Вами⁹. Как он?

Я вот уже три месяца болею. По определению проф[ессора] Сперанского (москвич. Он тоже здесь), у меня "астенический синдром" и "спастический колит". Весил в марте 74 кг, сейчас — 50. Из этого одного можете увидеть, в каком я состоянии. Больше лежу. Но год провел интенсивно. Напряженно. Работы было очень много и нужной. И главное — сразу. 6-го сент[ября] я был "дома", т. е. в Москве, с 8-го уже на работе. Следовательно, никакого "восстановительного периода" не было, а он был бы очень уместен. Нервный подъем, созданный обстановкой, держал долго. Но потом наступил срыв. А тут еще желудок. Сейчас здесь — тихо и работы меньше, но худо то, что тянут в Ставрополь, куда уехал отделившийся от нас факультет, превратившийся в самостоятельный вуз. Хочется прямо крикнуть: дайте хоть немного покоя...

Дорогой Василий Михайлович, слышал, что Вас ожидают в Ташкенте. Так писал Драгунов. Не знаю, поседете ли Вы на самом деле. Штейн¹⁰ не поехал. Условия жизни там, знаю, несовершенные. Да и работа-то какая? Ведь книг-то нет? Библиотека ИВ АН'а вся осталась в Ленинграде. Здесь, в Фергане, хоть что-нибудь да есть. Да, не думал, что все мои книги, рукописи будут недоступны: ведь у меня все осталось в Ленинграде, все — до последнего носового платка. Нат[алия] Ис[аевна] уехала из Лен[инград]а весною в Орел на лето и захватила минимум летних вещей. И с этим осталась. А я остался с тем, что было с собой там, т. е. ни с чем... Хорошо, что один костюм был в запасе. Ни одной лишней смены белья, ни одной теплой вещи (пальто и т. под.) — ни у меня, ни у жены. Хорошо, что мы в Фергане. Здесь сегодня в тени в 2 ч[аса] дня было 35⁰ и если и придется померзнуть, то месяца два. Да что значит померзнуть? Ну будет в комнате 8⁰ тепла. Ниже навряд ли. А от Анны Евгеньевны [Глускиной] мы знаем, что у ней зимой в Ленинграде было 8⁰ холода.

Бог нам послал исключительное счастье: мы вместе с Нат[альей] Ис[аевной]. Ей прямо чудом удалось в сентябре пробраться в Москву и встретить меня. Омрачает только мысль о ее стариках, оставшихся в Орле. Тем более, что до нас дошли кошмарные слухи... Вполне вероятные. И это ее все время грызет. А так — живем и много работаем. У ней не маленькая преподавательская работа. Из Ленинграда здесь еще А. Е. Глускина с детьми (тоже чудо!), Даут Али Датт с семьей (переехал из Елабуги), одна из моих моск[овских] — учениц по ун[иверситету] -- Маркова (из пары "Иваненко-Маркова")¹¹. Из бывших коллег по ЛВИ -- К.К. Юдахин, Г.Д. Санжеев¹². Живем дружно и хорошо.

Познакомился здесь с Вашим аспирантом Эйдлиным¹³ ...Давно не видел такого китаиста. И где... в МИВ'е! Поразительно, что Вам удалось из него сделать. Ведь здесь, конечно, верх науки — газета! И вдруг — человек совершенно иных знаний, иных вкусов, иной складки! Было страшно приятно встретить такого! Я не мог поэтому не взять на себя смелой задачи провести его защиту. Как Вы, вероятно, знаете от него, я выступил оппонентом, хотя мне и было это трудно. Но я не считал себя в праве уклониться, потому что такая достойная -- действительно достойная кандидатура! — не смогла бы быть проведенной. Но зато защита вылилась в подлинный триумф. И что самое удивительное -- триумф темы, материала, работы. Насквозь литературная работа, работа, посвященная четверостишиям Бо Цзю — и... И вдруг — в МИВ'е! Да как проходит, с каким блеском! Не могу не чувствовать с удовлетворением, что частично способствовал успеху, — действительному успеху! — и я не постеснявшийся более 2-х часов говорить только о литературе... Но главное, что обеспечило успех, это то, что дали Эйдлину Вы. Так прочитать текст Бо Эйдлин смог только потому, что читал его с Вами, что общался с Вами. И я это и сказал на защите. Так что — первоисточник всей этой победы старой кит[айской] литературы — Вы, Василий Михайлович!

Я, конечно, поругал — и местами здорово — Эйдлина. В работе много незрелого, многое — *ниже его самого*. Видно, что он не во всем сумел выразить то лучшее, что есть в нем, в его знаниях. Но в целом это — первая работа такого плана и уровня, исшедшая от аспиранта новой формации. И он знает, что всем обязан Вам.

Василий Михайлович, я уже много и длинно написал. И — очень неразборчиво. Боюсь, что создал Вам большие трудности по части разбора моего почерка. Простите, но я, право, сейчас совершенно не в состоянии писать лучше.

Будем ли мы еще когда-нибудь на улице Блохина¹⁴? От племянницы своей знаю, что до сих пор (т. е. до даты ее последнего письма — середины июля) дом был цел. Впрочем, извините, забыл: ведь Вы жили уже не на Блохинской... Ну, будем ли в Ленинграде? И кстати ли будет? И что будем мы? Кто ответит на эти вопросы? Я очень постарел от всего — и

телесно, и — особенно — душевно. Мы с Нат[альей] Ис[аевной] часто ощущаем себя как глубокие старики, у которых одно чувство: усталость... усталость от жизни.

А вот детишки Анны Евгеньевны так радуются теплу, постоянному солнцу, журчащему арыку под окном, бесконечной земле вокруг, персикам, винограду. И нет, как будто, ничего другого. Счастливые...

Ну, дорогой Василий Михайлович, позвольте обнять Вас и просить не сердиться за это письмо. Очень хочется получить от Вас прежнее теплое письмо.

Ваш Н. Конрад.

26

И. Ю. Крачковскому

Москва. 12 июня 1944 г.

Глубокоуважаемый Игнатий Юлианович!

Пользуюсь случаем сообщить Вам о наших делах. В субботу состоялось заседание Бюро¹, на котором был заслушан отчет О.И. Никитниковой. Был В.А. Гордлевский и А.Ф. Миллер². Ее отчетный доклад носил, конечно, другой характер, чем доклад Е.Л. Наврон³: она ведь только начинает свой аспирантский путь, а та уже работает над диссертацией... Поэтому дело свелось к демонстрации того, какую литературу она успела изучить и как ее усвоила. Мы вынесли впечатление, что та со своей такой учебной работой вполне справилась. Отнеслась она к своему выступлению очень серьезно, что также можно засчитать ей в плюс.

Сегодня было очередное научное собрание. Сообщения Л.З. Эйшлина и Е.А. Беляева⁴ достигли своей цели: оба докладчика дали полное представление о реферируемых ими работах. Был довольно оживленный обмен мнениями, который помог установить, как мне кажется, правильное представление о сильных и слабых сторонах этих работ. Выступали Т.И. Райнов, А.К. Бергер, В.М. Лавровский, В.И. Авдиев⁵. Я пытался было просить В. А. Гордлевского провести собрание, но он и слушать не захотел. По мере уменьшения провел сам. Народу было мало — видимо, лето и библиографическая тема сыграли свою роль. На следующие понедельники мы наметили: сообщение А.М. Ладыженского "Значение сев[е]ро-кавказских адатов для истории общественных отношений" (19-го VI)⁶ и "Новое об эллинистическом Востоке" А. К. Бергера (26. VI). Таким образом, июнь у нас обеспечен.

Очень сожалею, что пришлось Вас беспокоить во время отдыха и лечения делами. Положительно, нельзя никогда быть уверенным в том, что не впоследствии какого-нибудь распоряжения свыше совершенно неожиданного характера. И всегда — спешно, срочно...

Желаю Вам, дорогой Игнатий Юлианович, окончательно восстановить свои силы. Будем ждать Вас совершенно здоровым и бодрым. А за группу не тревожьтесь: постараемся, чтобы все было в обычном порядке.

С искренним приветом и глубоким уважением Н. Конрад.

Р.С. Разрешите просить Вас передать мой почтительный привет многоуважаемой Вере Александровне.

Н. К.

27

И.Ю.Крачковскому

Москва. 7 сентября 1944 г.

Глубокоуважаемый Игнатий Юлианович!

Я так огорчен, что мне не удалось повидать Вас еще раз перед Вашим отъездом, не удалось проводить Вас и пожелать Вам и доброго пути, и спокойного, мирного и плодотворного для науки существования в Ленинграде. Думаю, что такое существование теперь станет вполне возможным: я имею в виду — мир и спокойствие; а то, что каждый Ваш день где бы то ни было и в какой бы то ни было обстановке всегда бывал и будет плодотворным для науки, удостоверяет, как мне кажется, вся Ваша жизнь и особенно — последние годы.

Хотелось бы мне поблагодарить Вас за Ваше столь доброе отношение ко мне, которое я ощущал во все время нашего совместного пребывания в Москве. Мне это было особенно дорого, т.к. после всего перенесенного я особенно нуждаюсь в хорошем чувстве к себе со стороны других, и очень такое чувство ценю. К счастью, за исключением очень немногих, может быть, двух-трех человек, все отнеслись ко мне очень хорошо. Но Ваше теплос отношение было мне особенно дорогим и важным. Позвольте от всего сердца поблагодарить Вас.

С 10 сентября по 10 октября я буду в "Узком", хотя группа наша требует большого к себе внимания и, собственно говоря, сейчас уезжать и не следовало бы. Но с другой стороны, я должен немножко и отдохнуть (от сутолоки главным образом) и поработать. Это нужно в интересах той же группы в будущем. Поэтому я и решаюсь уехать и отложить, по существу, возобновление работы группы до октября. Очень надеюсь, что это произойдет под Вашим руководством: ведь Вы, конечно, будете на сессии 14.X. Позвольте же передать Вам и многоуважаемой Вере Александровне наилучшего здоровья и всяческого благополучия.

Преданный Вам Н. Конрад.

28

Н. В. Пигулевской

Москва. 25 марта 1945 г.

Дорогая Нина Викторовна!

Искреннее Вам спасибо за Ваше письмо, которое для меня дорого как знак нашей с Вами полной солидарности — товарищеской, по научной линии, и дружеской, как это почувствовалось еще в Москве.

Да, тема "наше востоковедение" (и в Москве, и в Ленинграде) одна из самых волнующих сейчас всех, кто принимает к сердцу интересы нашей востоковедческой науки и востоковедного образования. И, конечно, далеко не все наши востоковеды взвешивают все обстоятельства и правильно представляют себе наши пути. А пути могут быть самые чудесные. Нужно только мобилизовать и направить силы туда, куда это нужно, и так, как это нужно.

Спасибо Вам и за постоянную готовность уделить часы Вашего внимания и времени и нам. Византийская сессия перенесена на апрель. Я спрашивал, когда она состоится. Мне ответили (у В.П. Волгина¹): пока еще неизвестно. Следовательно, Ваш приезд состоится теперь в апреле. И тогда, конечно, услышим Вашего "Индикоплова"². Уверен, что это будет — как всегда у Вас — свежо, оригинально и строго научно. Слушать же Ваше изложение — такое всегда согретое подлинно живым отношением к делу — для меня одно наслаждение. Итак — ждем. Наша жизнь — усложняется. Уж очень много народу стало. Труднее стало поддерживать дисциплину. Ведь некоторые ташкентцы привезли с собой ташкентские привычки (да только ли "ташкентские"?), а они — эти привычки — в нашей группе не ко двору. Очень большую опору — в частности для меня — представляют Б.Н. [Заходер]³ и В.И. [Авдиев]. Без них было бы совсем трудно. Тимофей Иванович [Райнов] очень, очень нужен — не только как член коллектива, но и как уч[еный] секретарь, но он привлечен сейчас во вновь организованный (вернее организуемый) Институт истории естествознания и практически является там единственным человеком, который может дело наладить⁴. Очень угнетает отсутствие собственного угла: положение "условного жильца" в "Литературном наследстве" неудачно во всех отношениях. А по этой части я не искусен: "добиваться" комнат, столов, стульев, да ордеров и т. п. не умею... Вот и прозябаем кое-как.

Была серия выступлений "иногородних" востоковедов. Так, например, выступал с докладом Массон⁵, который, между прочим, упомянул о Вас, сказав, что Ваши работы по Сирии открывают совершенно новые перспективы для науки, в частности, для истории той же Средней Азии... Было приятно это слышать — как новое проявление общего отношения к Вашей научной деятельности.

У меня лично не так важно: очень страдаю от "рассеянной" (но отнюдь не в смысле "удовольствия") жизни, почти не оставляющей времени для подлинно научной работы; очень тяготит вопрос с квартирой: ведь в той комнате, где я живу, я дальше жить не могу — и по состоянию здоровья, и в силу прокурорского постановления о моем выселении (нашелся полковник, которому эта комната принадлежит), а Академия в квартире отказала (с неопределенным общанием Ив. Ив. [Мещанинова]⁶ дать квартиру "после сессии"...). Пересезжать же в I комнату в

Лефортово к Биязи я никак не хочу: это не решение вопроса... Вот это все и мешает жизни... Ну, извините, что кончаю жалобами.

Всегда Ваш *Н. Конрад*,

29

В. М. Алексееву

Москва. 5 мая 1945 г.

Дорогой Василий Михайлович!

Зная, что в Ваш последний приезд в Москву Вы будете очень заняты, я не надеялся встретиться с Вами и лично поблагодарить Вас за письмо с сообщением о новом англ[ийском] переводе Сунь-цзы¹. Просил сделать это — за меня — Льва Залмановича [Эйдлина], который — по его словам — и выполнил это поручение. Все же позвольте еще раз сердечно поблагодарить Вас за сообщение, за то, что Вы сейчас же написали мне о существовании этого перевода, как только увидели объявление о нем.

Вы не ошиблись: о существовании такого перевода я знал, но, увы! — это и все. Буду ли я его иметь когда-нибудь, совершенно неизвестно. Неужели будут всегда верны слова Тютчева о том, что русские ученые пользуются только обломками, которые случайно волны прибывают к их берегу? А свою работу над Сунь-цзы я всегда мечтал показать Вам, ибо кроме Вас компетентно судить о ней некому. Очень жалко, что Вы в прошлый приезд не смогли побывать у нас в группе. Прошу Вас, Василий Михайлович, в будущем — по возможности — оставлять хотя бы один день для нас: мы будем рады всякому Вашему сообщению.

К сожалению, я ничего не получил из того, о чем Вы пишете, а очень хотелось бы. Ведь по-настоящему оценить Вашу работу можно только самолично увидев тот материал, с которым Вы имели дело, и самолично — на собственной шкуре — почувствовав, *что* это за материал... Вообще говоря, наблюдая Вашу работу, работу последних лет, я вижу, что Вы остаетесь верны Вашему всегдашнему правилу в науке: идти по линии *наибольшего* сопротивления.

У меня все по-старому, если не считать того, что вчера выяснилось, что Академия никакой квартиры (т. е. комнаты) мне предоставить не может. Итак: в той комнате, что я сейчас живу, я дальше оставаться не могу — по состоянию здоровья и в силу прокурорского постановления о моем выселении (комната оказалась принадлежащей одному полковнику — с медалью за Сталинград к тому же); ин[ститу]т (МИВ) имеет две летние комнатки (обе вместе — около 25 метров) без воды и уборной, что меня устроить не может. Больше здесь ничего нет. В Ленинграде — в сущности, то же: ведь от всего, что я имел в Ленинграде, остались две самые маленькие комнатки, да еще полуразрушенные. А очень хочется опять иметь хотя бы какой-нибудь свой отдельный угол! Уж очень много

лет я веду скитальческую жизнь. Печально, что надежда на Академию не оправдалась. Вероятно, квартиры получают там другие и действующие другими путями.

Надеюсь на сессии (уже близкой) увидеть Вас. Пока же позвольте еще раз поблагодарить Вас за Сунь-цзы и пожелать Вам здоровья и спокойствия. Мой самый искренний привет многоуважаемой Наталье Михайловне — от нас обоих.

Ваш Н. Конрад.

30

И. Ю. Крачковскому

Москва. 5 мая 1945 г.

Глубокоуважаемый Игнатий Юлианович!

Я знаю, что Тимофей Иванович [Райнов] все время держит Вас в курсе наших здешних дел, но и мне хочется самому кое о чем поговорить с Вами. Давно этого хотелось, но боялся Вас беспокоить. К тому же и дела-то наши не столь уж значительные.

Сейчас мне хочется посоветоваться с Вами вот о чем.

Нина Викторовна [Пигулевская] в один из своих последних приездов в Москву неожиданно заговорила с нами о востоковедной конференции. Ее готовность — вообще и увлеченность этой идеей, в частности, возымела свое действие и мы приняли ее соображения очень хорошо. Должен сказать, что и мне показалось, что какое-то востоковедное предприятие — вроде конференции или сессии — очень желательно по многим соображениям и вполне возможно. Поэтому я и отнесся к идее Н[ины] В[икторовны] одобрительно, но просил всех коллег отнестись к нашему разговору как к совершенно частному обмену мыслями, просил пока эти разговоры не муслировать, отложить все до возвращения Ин[ститу]та в Ленинград. Со мной согласились и мы решили вернуться к этому вопросу, когда появится В. В. Струве, который единственно и может решить этот вопрос как директор ин[ститу]та. До этого мы решили просто продумать этот вопрос с тем, чтобы — когда снова зайдет речь — иметь какую-то точку зрения. Об одном условились даже с самого начала: что такая сессия может быть не раньше сентября-октября.

При встрече с И. И. Мещаниновым я осторожно попробовал прозондировать почву и у него и встретил самое благоприятное отношение.

В свой последний приезд Нина Викторовна рассказала мне о разговоре с Вами и Василием Михайловичем [Алексеевым] на эту тему и о Вашем благожелательном отношении к этой идее. Очень рад этому, Игнатий Юлианович, потому что Ваше отношение к этому делу для меня именно играет решающую роль вообще во всем этом предприятии. Приезд Нины Викторовны снова подогрел интерес к конференции (или сессии), причем оказалось, что Н[ина] В[икторовна] совместно с Бори-

сом Николаевичем [Заходером] даже набросала план "исторической секции" конференции... После ее отъезда мы опять совещались и я опять настоял на том — на этот раз весьма решительно, что до возвращения ин[ститута] в Ленинград вообще об этом деле не говорить.

Вот об этом я и хотел довести до Вашего сведения, Игнатий Юлианович. Я считаю, что — хорошо, пусть первые разговоры о таком предприятии пошли — по почину Н[ины] В[икторовны] — у нас, здесь: но нужно, во-первых, помнить, что есть общее постановление востоков[едного] совещания 1943 г.¹ о конференции или даже съезде и что есть план конференции, выработанный под Вашим руководством у нас в группе и посланный В. В. Струве; а во-вторых, организатором всего должен быть институт и никто иной. Поэтому — неплохо, если в умах работников ин[ститу]та будет созреть идея конференции и будут обсуждаться возможные формы ее осуществления, но заниматься ею — в отдельных группах — вплотную, по-моему, никак не следует. Поэтому я дал возможность "выговориться" (мы беседовали об этом 2 раза) и затем просил на этом пока вопрос оставить до поры до времени.

Не знаю, одобряете ли Вы, Игнатий Юлианович, эти мои действия и очень беспокоюсь на этот счет. Я всегда считал, что Вы — как руководитель — всегда находите наилучшие формы и пути, и надеюсь, что и в данном случае Вы — когда это будет нужно — направите все дело по самому правильному руслу.

С самой искренней преданностью Вам *Н. Конрад.*

31

В. М. Алексееву

Москва. 14 июня 1945 г.

Дорогой Василий Михайлович!

Говорят, сегодня Вы приезжаете в Москву. Не мог встретить Вас, как хотелось бы, лично: к сожалению, болезнь все время держит в комнате... Поэтому хочется хоть этими строками приветствовать Вас и сказать Вам, что я — и Наталья Исаевна — очень, очень рады тому, что Ваше награждение¹, во-первых, сделало то, что давно следовало бы сделать по отношению к Вам, во-вторых, сделало именинниками всех китаистов — Ваших учеников. Я же, как Вы знаете, при всем своем официальном звании "япониста", вообще говоря, всегда был и остаюсь китаистом. Этим меня сделали Ваши лекции в 1910-11 учебном году (Цзо-чжуань-Лунь Юй, Лань тойцзы, Тэн ван гэ и пр.)². Их я не забываю и не забуду.

Н. Конрад.

В. М. Алексееву*Москва. 8 июля 1945 г.*

Дорогой Василий Михайлович!

Спасибо Вам за письмо. Я был несказанно огорчен тем, что снова не удалось услышать Вас и повидаться с Вами. Скриплю я как-то в последнее время, Василий Михайлович! Даже когда числюсь здоровым, живу наполовину: если первую половину дня работаю, вторую — лежу. Ваш доклад о истории нашей синологии¹, конечно, событие, т. к. кроме Вас никто не может не просто знать так эту историю, ни — и это главное — понимать ее. Вообще, думаю, что среди Ваших слушателей вряд ли кто-либо понял Вас полностью. А кроме того, ведь, так мало людей у нас придает значение истории науки: предпочитает начинать ее с себя, хотя его самого-то эта история, может быть, и не запомнит. Жалею очень, что не слышал Вас.

Спасибо за добрые слова у Бруевича². Сегодня — первый день нормальной³. Поэтому и пишу.

Ваш Н. Конрад.

И. Ю. Крачковскому*Москва. 3 сентября 1945 г.*

Глубокоуважаемый Игнатий Юлианович!

Быть может, Вы уже слышали кое-что от В.В. Струве о здешних московских делах, но все же мне хочется самому сообщить Вам обо всем происшедшем. К тому же после отъезда В[асилия] В[асильевича] из Москвы "события" получили, как говорят, дальнейшее развитие.

Дело в следующем: недели две тому назад ЦК созвал совещание представителей востоковедных учреждений для обсуждения вопроса о мерах к развитию нашего научного востоковедения. От И[нститута] в[остоковедения] был приглашен В[асилий] В[асильевич], тогда находившийся здесь, и я. В[асилий] В[асильевич] не пришел, т. к. его не могли найти: его целый день до позднего вечера не было в "Якоре". Пришлось выступать одному мне. Совещание носило чисто консультативный характер; по заявлению председательствующего т. Ковтуна (кажется, заместитель Г. Александрова по научной части¹), задачей совещания было: собрать мнения о состоянии востоковедной работы в данное время и о мерах к ее развитию. Обо всем происшедшем на этом заседании я подробно рассказал В[асилию] В[асильевичу] и Т[имофею] Ив[ановичу] Р[айнову], так что В[асилий] В[асильевич] мог бы

Вам передать это. Я же сейчас сообщу Вам только содержание своей "записки"², которую мне пришлось подать через несколько дней после отъезда В[асилия] В[асильевича] в Ленинград и в которой я более подробно изложил то, о чем устно говорил на заседании.

Насколько я мог понять, возник вопрос: не нужен ли какой-то объединяющий научный востоковедный центр для координации с направлением всей работы по востоковедению в СССР. Я занял в этом вопросе такую позицию: да, нужен, но не административный, а чисто научный, и таким центром должен быть И[нститут] в[остоковедения]. Если же он сейчас роль такого центра не играет (доказывать обратное я не мог), то его нужно укрепить, прежде всего обеспечить ему условия работы, а именно: широкое пополнение научных фондов, бесперебойное снабжение литературой, удовлетворение личных заявок на литературу, широкое участие в международной научной жизни, далее, обеспечить ему планомерную связь со всеми учреждениями в Союзе, где ведется научная востоковедная работа; и наконец, обеспечить ему планомерное печатание работ, особенно — его органов "Сов[етского] в[остоковедения]" и "Библиографии Востока". На заседании раздавались голоса за передачу сектора новой истории Востока Ин[ститу]та истории и И[нститут] в[остоковедения], а также чуть ли не вообще о концентрации всего академического востоковедения в И[нститут]е в[остоковедения]. Я занял прямо противоположную позицию: заявил, что наличие востоковедения в Ин[ституте] истории и в других институтах АН должно быть признано отрядным фактом, свидетельствующим именно о *развитии* нашего востоковедения, и следует все это не ликвидировать, а укреплять, с сохранением, однако, специфики работ в каждом из этих учреждений. Сказал даже, что может быть, следовало бы даже передать в эти другие и[нститу]ты кое-кого из работников И[нститута] в[остоковедения], по своему "профилю" более подходящих к тем и[нститу]там.

По вопросу об общем развитии нашего востоковедения я сказал, что первое, с чего следует начать, это — издательская деятельность: нужно интенсивно издать то, что уже есть, скоординировав для этого усилия всех издательств, имеющих типографии с восточным шрифтом, т. е. АН, МИВ, Восн[ного] ин[ститу]та. Сказал, что нужно создать крупную востоковедную типографию, играющую роль центра и превратить в такой центр академическую типографию в Ленинграде (чем, кажется, весьма задел московских "патриотов"); сказал, что нужно укреплять и эти маленькие типографии при МИВ'е, Вост[очном] ин[ститу]те; нужно сделать выпуск их "трудов" таким же планомерным как и (в идеале!) "Советского востоковедения"; наконец, сказал о необходимости создания широкого общественно-научного востоковедного журнала типа "Восток"³. В качестве же мероприятия, могущего сильно двинуть востоковедную работу вперед, предложил созвать, наконец, всесоюзный востоковедный съезд или конференцию.

Вот — основное, что я изложил в своей "записке", Игнатий Юлианович. Во всем этом деле плохо то, что опять — в который раз! — пришлось выступать в сущности за И[нститут] в[остокovedения]. К несчастью, на совещании В[асилий] В[асильевич] не был, а потом уехал. Но содержание своего выступления я ему рассказал и он все полностью одобрил, "записку" же свою я обсуждал с Тимофеем Ивановичем, внесшим целый ряд деталей, так что мы подали ее за совместной подписью.

Мне очень хотелось бы, дорогой Игнатий Юлианович, узнать Ваше мнение о моей позиции: нужно ли было ставить именно эти вопросы и именно так? Не упустил ли я чего-либо? Не сказал ли что-нибудь неосторожного или просто неправильного?

Конечно, никому не ведомо, что выйдет из всего этого (ведь существуют и другие точки зрения; вероятно, поданы и другие "записки"; и что из этого всего примут — неизвестно). Мне говорили, что результатом будет постановление... Но будет ли оно и, если будет, то когда, — никто не знает. Вот те "события", о которых я хотел известить Вас, Игнатий Юлианович, и очень жду Вашего ответа. Очень, очень прошу Вас, дорогой Игнатий Юлианович, не отказать мне не только в оценке того, что я тут наговорил, но и в Ваших указаниях на будущее: мало ли что еще может потребоваться... Пока же позвольте пожелать Вам и уважаемой Вере Александровне всего наилучшего — здоровья, спокойствия и беспрепятственного продолжения Ваших работ.

С искренней преданностью Н. Конрад.

34

В. М. Алексееву

Москва. 12 сентября 1945 г.

Дорогой Василий Михайлович!

Сегодня получил Вашу открытку, сразу же сажусь отвечать. Вопрос, поднятый Вами, исключительно важен. До меня со всех сторон доносятся вести о том, что творится в этой области, и эти вести ничего кроме тревоги не вызывают¹. Очень боюсь, что это дело уже делается, но делается теми, кто стоит поближе к самым источникам, независимо от степени своей компетентности. Мне рассказывали о таких случаях (правда, на Западе), которые едва-едва не привели к потере для науки ценнейших вещей. Сам я ничего не предпринимал и поэтому буду очень рад, если Вы возьмете на себя инициативу в этом деле — как относительно материалов, находящихся на Западе, так и относительно материалов на Востоке. Я думаю, Ваш демарш перед Президиумом АН будет своевременен и абсолютно необходим, и — если Вы сочтете желательным — с величайшей готовностью в той или иной форме, в какой Вы укажете, присоединюсь к Вам. Но, повторяю, делать это нужно скорее, ибо уже посланы люди на местах для соответствующих изъятий... Жду от Вас

сообщения по этому вопросу. Сам сделаю все, что будет нужно. Теперь — о другом деле. Мы хотим здесь, в Москве — еще в этом году (ноябрь — начало декабря) устроить научную сессию И[нститута] в[остоковедения], посвященную Китаю². Полагаю, что это своевременно и важно со всех точек зрения. Участниками могли бы быть, кроме, конечно, Вас — как руководителя сессии -- Драгунов, Ошанин, Эйдлин, Позднесва³. Очень хорошо, если бы мог принять участие и В. М. Штейн. Можно было бы поднять вопрос изучения истории кит[айской] литературы — с демонстрацией того, что у нас сделано за последнее время. Можно было бы устроить дискуссию по вопросам грамматики: ведь этот вопрос так близко касается и преподавания. Можно было бы поднять вопрос истории философии — в разных областях... Аудитория у нас здесь нашлась бы и — очень заинтересованная.

Но все это можно осуществить лишь при одном условии: если Вы согласитесь не только участвовать, но и руководить сессией. Иначе это — немыслимо. Если Вы, Василий Михайлович, отнесетесь благожелательно к этому проекту, не откажите написать. Тогда обсудим подробности. Жду от Вас весточки и по этому вопросу.

У нас здесь скоро возобновляются заседания группы. Очень хотим провести еще сессию "Восток и античность". Тут очень бы пригодилась работа В.М. Штейна по Гуань-цзы⁴. Имеем в виду работу Т.И. Райнова по связи аль-Фараби с неоплатониками⁵, Н.В. Пигулевой — с ее восточно-византийскими темами. Надеемся на участие И.Ю. Крачковского (он обнадежил всех в этом направлении своей статьей о Гомере и аль-Бируни)⁶. Уверен, что и Вы — с Вашими компаративными штудиями — также нас не оставите. Словом, было бы здоровье и условия, можно сделать много интересного и живого.

Шлю Вам и многоуважаемой Наталье Михайловне свой искренний привет. Наталья Исаевна благодарит за помощь и просит передать ее наилучшие пожелания.

Я — остался без квартиры на зиму... В "Тупик" я не вернусь, ибо жить там не могу. Приходится оставаться здесь, в Сокольниках, где чудесно летом, но зимой — в полудачном доме, без водопровода и канализации — труднонато.

Ваш Н. Конрад.

35

В. М. Алексееву

Москва. 7 октября 1945 г.

Дорогой Василий Михайлович!

Вчера получил Ваше письмо и спешу ответить. Прежде всего позвольте благодарить Вас и многоуважаемую Наталью Михайловну за добрый привет нам обоим и со своей стороны шлем Вам с Натальей

Михайловной самые сердечные пожелания здоровья и мира — спокойствия, что так сейчас трудно достижимо, но что так хочется иметь и что так нужно! Очень рад был узнать, что Вы уже обращались к президенту¹ и надеюсь, что он даст ход делу... Должен Вам сказать, что за время, истекшее после отправления Вам предыдущего письма, до меня снова дошли тревожные вести — и с Востока, и с Запада. Нужно действовать и притом весьма энергично. Воспользуюсь Вашим советом и постараюсь также со своей стороны подействовать на президента.

Теперь о другом — о китайской сессии². Василий Михайлович, я все же очень хотел, чтобы Вы согласились на этот раз ограничиться одними китайскими темами. Я представляю себе такой план: устраиваются три заседания: одно, посвященное литературе, — с Вашим основным докладом и содокладами Эйдлина и Позднесвой; второе — языкознанию, на котором основное сообщение сделал бы А.А. Драгунов (по вопросам грамматики), а Ошанин и Коротков³ (если Вы не возражаете) выступили бы с дополнительными сообщениями; третье заседание можно было бы посвятить вопросам идеологии, где основным докладчиком был бы В.М. Штейн, а кроме него было бы очень желательно и Ваше сообщение. Само собой разумеется, что Ваше руководящее участие необходимо вообще во всех темах, так что говоря об "основных докладчиках", я имел в виду только тех, кто выступает с большим докладом *помимо* Вас (я говорю о заседаниях "лингвистическом" и "идеологическом"). Никого, кроме указанных лиц, я приглашать не собираюсь и думаю, что и Вы одобрите этот состав, так как хочется слышать лишь тех, кто действительно имеет, что сказать и имеет это — как добытое собственным трудом. Но если бы Вы нашли нужным присоединить к этому списку еще кого-либо, я, конечно, постараюсь обеспечить участие в деле и этого лица.

Думаю, Василий Михайлович, что Вы одобрите этот план. Устраивать нечто большее, с большим количеством участников, было бы просто невозможно. Не так легко будет добиться права пригласить из Ленинграда и надлежащим образом устроить здесь даже двух лиц — А.А. Драгунова и В.М. Штейна (о Вас, конечно, вопрос ставится проще: Вы, как академик, вообще можете приезжать сюда, когда Вы найдете это нужным). Но я заручился обещанием помощи со стороны И.И. Мещанинова, да и В.П. Волгин поможет. Так что Вас троих *одновременно*, я уверен, мы сможем здесь видеть, большее же число лиц — нельзя. Поэтому и лучше ограничиться одним Китаем. Кроме того, в пользу именно Китая, как отдельной темы, говорят и некоторые общие соображения. Могу Вас уверить, что подобная сессия будет встречена весьма благожелательно и в политических сферах. Поэтому я и очень прошу Вас согласиться на такое ограничение и разрешить мне обратиться с приглашением к В.М. Штейну и А.А. Драгунову, а также начать подготовку и здесь. По

получении от Вас согласия я сейчас же напишу им, а Вам представлю на усмотрение несколько более разработанный план.

Наилучшим сроком начала такой сессии для нас было бы 12-ое ноября, т. е. сейчас же после октябрьских праздников. О том, как мы проведем сессию: все ли подряд, т. е. 12-13-14 ноября или с некоторыми промежутками между отдельными заседаниями — говорить сейчас трудно: для этого надо знать прежде всего время, которым будут располагать ленинградцы. Во всяком случае мы сможем сделать и так, и этак.

Теперь я буду ждать Вашего ответа, Василий Михайлович, от которого будет зависеть все, и очень надеюсь, что ответ будет благоприятный.

А наша китаистическая аудитория относится к возможности услышать научное слово по столь разнообразным вопросам китаистики весьма энтузиастически.

С сердечным приветом *Н. Конрад*.

P.S. Я все еще пока без постоянной квартиры и продолжаю оставаться в Сокольниках, так что пишите по адресу: Сокольники, Ростокинский проезд, 13а, Московский институт востоковедения.

36

В. М. Алексееву

[Москва] 11 ноября 1945 г.

Дорогой Василий Михайлович.

Получил Вашу телеграмму уже давно, но не отвечал, так как ждал обещанного письма. Письмо пропало, а ведь по адресу группы пришло еще Ваших три письма. Отвечаю на все сразу.

Спасибо Вам за предложение прочитать доклад на нашей сессии. Я с большим удовольствием прочитаю, если смогу что-либо подготовить действительно заслуживающее внимания. Вашу тему — "японская синология" я сам очень ценю, она, действительно, очень важна, но, к сожалению, здесь у меня ничего нет в этой области, остатки собственной библиотеки в Ленинграде, и там же ИВ АН'овское собрание... Поэтому трудно будет что-либо сделать в этой области сейчас. Все же посмотрю, и, если удастся, выступлю с каким-либо сообщением. Только сейчас еще не могу сказать, с чем именно¹.

На днях здесь выяснится окончательно, с чем может выступить московская группа китаистов — Ваших докторантов и аспирантов. и я сейчас же Вам дам знать, чтобы Вы могли выбрать и утвердить. Совершенно согласен с Вами, что нужно подготовить тезисы и послать их Вам. Скажу больше: нужно, чтобы они *написали* свои доклады. Это увеличит чувство ответственности и послужит стимулом к лучшей работе. Чего мне хотелось бы решительно избежать это — наспех сколоченных докладов... Я хочу поставить здешней публике требование: выступить только с тем, над чем долго работали, только с тем, на счет чего имеется сло-

жившаяся концепция, за чем стоит оригинальный китайский материал серьезного качества... И все это — здесь изложить в письменном докладе. Как Вы к этому относитесь? Такие сессии, как задуманная, не каждый день бывают и нужно отнестись к этому делу весьма серьезно.

Очень, очень жаль, что А.А. Драгунов отказался. Мне хотелось, чтобы его доклад "О системе грамматики современного кит[айского] языка", именно о *системе*, т. е. о органической взаимосвязи всех грамматических категорий, был бы центральным сообщением на нашем специальном "лингвистическом" заседании и вокруг этого доклада можно было бы развернуть дискуссию по вопросам, близким каждому китаисту, особенно преподающему кит[айский] язык, а ведь таковы все... А без Драгунова я не вижу, *на ком* можно будет построить именно лингвистическую часть, ибо выступления Ошанина, во-первых, весьма далеки по теме от интересов большинства, весьма спорны, во-вторых, по мыслям, и не всегда продуманы как следует. Придется подумать, как тут лучше поступить. И. М. Ошанину можно дать место для *специального* сообщения — в плане его индивидуальных интересов, — но не для *основного* — имеющего общий интерес — доклада. Так мне кажется. И так выйдете ему, ибо тут он может оставаться полностью самим собой, т. е. выступить в полную силу и с наибольшим блеском. Но, повторяю, я еще подумаю над этим делом и еще Вам напишу. Предложенный Вами приезд С.М. Кочетовой, конечно, желателен, тем более, что тема искусства очень нужна. По поводу приезда Ваших аспиранток поговорю с Ив. Ив. Мещаниновым: дело, ведь, в материально-хозяйственной стороне...

Ваше распоряжение Ошанину, Эйдлину, Позднесовой, Шелепасову и Торсуеву передам. Совершенно правильно. Вообще нужно их немножко подстегивать время от времени. С Торсуевым пока вызов не ясен, т.к. его институт не хочет его отпускать, а без их согласия перевести его к нам нельзя. Постараюсь как-нибудь уладить. Вот пока все, Василий Михайлович; о дальнейшем сейчас же поставлю Вас в известность. Шлю Вам самый сердечный привет.

Ваш Н. Конрад.

37

И. Ю. Крачковскому

Москва. 26 марта 1946 г.

Глубокоуважаемый Игнатий Юлианович!

Все вести, дошедшие до нас из Ленинграда, говорят нам, что на двух последних заседаниях Ученого совета И[нститута] в[остоковедения] наша группа имела в Вашем лице своего, верного, авторитетного и последовательного защитника¹. Мы и надеялись на это. Спасибо Вам! — от лица всех нас.

Посылаю Вам выпуск "Трудов" здешнего ин|ститу|та востоковедения. Признаюсь, мне было очень приятно видеть в Москве три востоковедных сборника, вышедших в течение одного года (2 выпуска "Трудов" Воснного ин|ститу|та, выпуск нашего ин|ститу|та)². Конечно, научный уровень материала в этом новом сборнике не высок, но это — то, что удалось собрать в первое время, а новых людей привлечь нужно. Думаю, что следующий выпуск будет лучше.

Напечатан этот сборник буквально вручную... — без надлежащего оборудования в типографии, без редакционно-издательского аппарата. В частности, — не было корректоров. Поэтому в нем столько дефектов — и типографских, и издательских, помимо — редакционных. Но в будущем, как я надеюсь, и эта сторона улучшится.

Поскольку ведение выпусков по языку и литературе поручено мне, очень прошу Вас, Игнатий Юлианович, не отказать преподавать мне несколько советов по части и редакционной, и издательской. Буду крайне признателен. Хочется новое издание укрепить и сделать действительно ценным.

И прежде всего — позвольте попросить Вас поддержать это издание своим участием. Сейчас я начал готовить следующий выпуск. Пока запроктированы статьи Гордлевского, Бертельса, Санжеева, Яковлева, Короткова, моя. Будут еще и другие. В информационном отделе будет статья о востоковедной работе Туркменского филиала и о ташкентских востоковедных учреждениях. Если Вы пришлете нам статью, она немедленно будет сдана в набор. Очень надеюсь на Ваш благоприятный ответ.

1-го апреля у нас в группе начнется индийская сессия, рассчитанная на пять понедельников³. Удалось собрать всех серьезных индианистов Москвы и привлечь из Ленинграда Бескровного⁴ и Штейна. Алексей Петрович [Баранников]⁵, к сожалению, болел, а то вероятно и он не отказал бы приехать. На днях мы вышлем Вам печатное приглашение, из которого Вы увидите программу сессии. Кажется, на заседаниях будет большая и серьезная аудитория. Конечно, дело это и трудное, и деликатное, ибо сессия посвящена современной Индии. Я побывал у Лозовского⁶ в НКВД и встретил у него самое благожелательное отношение. Самое важное — обеспечить надлежащий научный уровень. Надо, чтобы это было серьезным вкладом в дело изучения современной Индии. А с точки зрения общих интересов Ин|ститута| в|остоковедения| важно, как мне кажется — и именно теперь — показать, что мы — ИВАН — можем говорить в тонах настоящей науки и о новом Востоке. По всему этому жду сессии с некоторым беспокойством.

Таковы наши дела, Игнатий Юлианович. Очень хочется, чтобы Ваше начинание в Москве мы сумели бы довести до конца: обеспечить наличие в Москве подлинного представительства нашего института. Позвольте же надеяться на Вашу и дальнейшую столь дорогую для нас помощь. Пока же приношу Вам еще раз свою благодарность и самые

искренние пожелания доброго здоровья. Многоуважаемой Версе Александровне — мой почтительный привет.

Преданный Вам Н. Конрад.

38

В. М. Алексееву

Москва. 13 июня 1946 г.

Дорогой Василий Михайлович!

Мне стало известно, что ИВ АН в числе прочих кандидатур на предстоящих выборах в действительные члены Академии назвал и мою¹. Я узнал также, что эту мою кандидатуру первый выдвинули Вы. Во всем этом деле для меня важно только одно: проявление ко мне определенного отношения со стороны моих коллег по востоковедной работе и в первую очередь, конечно, Ваше.

Поэтому мне хочется сказать Вам: я очень хорошо понимаю значение для себя такого выдвижения — и притом независимо от конечного результата, и глубоко Вам благодарен за него. Теперь о другом.

В.В. Струве и В.М. Штейн не раз советовали мне познакомить Вас со своими работами по Сунь-цзы и У-цзы. Та небольшая выдержка из написанного когда-то предисловия к "Сунь-цзы", которую я послал Вам, должна сказать Вам, что уже в те времена, когда я писал вообще "в пространство" — ибо что мог я тогда знать о своей судьбе?² — я закончил работу с мыслью о Вас и желанием показать ее Вам, если это станет когда-нибудь возможным. С тех пор прошло много времени. Вы понимаете сами, Василий Михайлович, что не все укрепляло во мне веру в то, что Вы захотите посмотреть эти мои работы. А кроме того я прекрасно знал, что нельзя же загружать Вас, занятого своими трудами, еще чужими рукописями: и так Вы слишком много их читали. Тем более, что мои работы весьма объемисты. Поэтому до сих пор я не решался просить Вас взглянуть на эти мои работы, как мне этого ни хотелось. Но теперь мне кажется, что я это сделать могу. Посылаю Вам пока только работу о Сунь-цзы. Просто не решаюсь затруднять А.К. Боровкова³ еще одним увесистым томом! Если захотите и будет оказия, всегда могу выслать и У-цзы. Прошу Вас, взгляните хоть мельком! Вам достаточно ведь только поглядеть, чтобы сразу понять, что есть в работе. Не могу не сказать, что в этой работе для меня важно не только то, что я попытался оценить и рассказать всю систему взглядов Сунь-цзы, но и широкое привлечение всех прочих трактатов Семикнижия, которыми в такой мере никто не занимался — ни в Западной Европе, ни в Японии.

Написал в последние годы еще "Краткую историю китайской литературы" (около 8 п. л.)⁴. Происхождение этой работы таково: я собираюсь остаток жизни посвятить созданию большой истории японской литера-

туры. И мне захотелось предварительно еще до этого суммировать и обобщить свои знания истории кит[айской] литературы, осознать весь процесс. Поэтому я взялся и написал эту работу — для себя. Больше я этим сюжетом заниматься не буду: дай Бог написать историю яп[онской] литературы³! Но если бы когда-нибудь была возможность показать Вам и эту работу, был бы счастлив. К сожалению, она еще не переписана на машинке, ибо я ею совершенно не интересуюсь. Вот все, что я хотел сказать Вам в этом письме, дорогой Василий Михайлович. Я совершенно уверен, что встречу с Вашей стороны совершенно правильное и справедливое отношение к этим моим работам.

Преданный Вам Н. Коппад.

39

В. М. Алексееву

[Москва]. 19 декабря 1946 г.

Дорогой Василий Михайлович!

Считаю своим долгом сообщить Вам о том, как прошла защита диссертации Вашей ученицы и аспирантки Л.Д. Позднеевой¹.

Состоялась эта защита вчера. Результат — единогласное присуждение ей степени, как того и следовало ожидать. В нашем заседании ученый секретарь Совета огласил Ваш отзыв, и это, конечно, предопределило все последующее.

Вся процедура диспута, по общему — и притом крайне единодушно — мнению, произвела на всех самое хорошее впечатление. Было очень много народу, почти все здешние китаисты и всем было ясно, какую огромную работу провела Л[юбовь] Д[митрисвна]. Аплодисменты по ее адресу были и очень горячие, и очень единодушные. Таким образом я считаю, что цель достигнута: показано, что только такие диссертации могут проходить у нас, за которыми скрывается огромный, добросовестный, честный труд и большие знания языка. Сегодня об этой защите говорят всюду: и в Воен[ном] ин[ституте] те, и в ун[иверсите] те, и в нашем ин[ституте] те. Поэтому то воспитательное значение защиты, на которое я рассчитывал, она — эта защита — получила.

Я указал ей на следующие недостатки: 1) неумение в обзоре литературы отделить действительное ценное от того, что не заслуживает внимания (напр[имер] статейка Эми Сю в Мал. Сов. лит-ре, писания о кит[айской] лит[ературе] Кара-Мурзы и т. п.)². 2) Местами излишнюю авторитетность в критике существующей литературы; 3) неумение справиться с приобретенным и изученным материалом: она, ведь, все, что ей было нужно, перевела и все это включила в диссертацию, так что самая коротенькая повесть буквально была завалена всяким материалом; 4) излишняя быстрота в характеристиках. Например, в объявлении

Юань Чжэнь атеистом, материалистом... И постарался доказать, что сближать с Ван Чун'ом не следовало бы. А также, что судить о Ван Чуне только по статье Петрова³ недостаточно, ибо у него не освещены крайне важные стороны учения Ван Чуна (я это показал на диспуте). Но тут же, конечно, указал на то многое, что представляется очень большим достоинством работы.

Л.З. Эйлин — напал на переводы (и по-моему, не всегда справедливо: она знает китайский язык не хуже, а лучше его). Говорил он интересно, остроумно.

Вот, Василий Михайлович, что я хотел Вам сообщить. Считаю, что устройство защиты в Москве оказалось оправданным. Все только отмечали — с великим сожалением — что нет Вас, ее руководителя. Это создало бы полную авторитетность обсуждения работы.

Л.Д. Позднеева держалось прекрасно, хотя волновалась необыкновенно. Я рад за нее. Она заслужила свою степень.

Шлю Вам искренние пожелания к Новому году. Почтительный привет Наталье Михайловне.

Ваш Н. Конрад.

40

**Президенту Академии наук СССР академику С.И.
Вавилову**

10 ноября 1947 г.

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Позволяю себе обратиться к Вам по следующему делу.

Ст[арший] научный сотрудник Института востоковедения (по Московской группе института), доктор исторических наук Тимофей Иванович Райнов в связи с переездом отчислен из состава работников Института. Бюро Отделения литературы и языка, вполне отдавая должное Т.И. Райнову как крупному ученому, сочло в то же время его пребывание в составе Института востоковедения нецелесообразным, поскольку он не является востоковедом по образованию и по характеру прежних работ (история науки). Должен сказать, что Институт востоковедения в свое время сам пригласил Т.И. Райнова, и тот уже давно ведет плодотворную работу по истории науки на Среднем и Ближнем Востоке, успев собрать большую монографию о средневековом среднеазиатском ученом и философе аль-Фараби¹.

Как председатель московской группы Института востоковедения я, наблюдая работу Т.И. Райнова, считаю отчисление его большой потерей для группы, вполне соглашаясь с оценкой, данной Т.И. Райнову основателем группы — академиком И.Ю. Крачковским, который в своей ха-

рактеристике деятельности Т.И. Райнова, написанной в связи с персаттестацией, назвал его незаменимым сотрудником И[нститута] в[остоковедения].

Считаю своим долгом обратить Ваше внимание на этот факт, в частности в связи с тем, что Т.И. Райнов, не имеющий никакого совместительства, по отчислении оказывается без работы.

Н. Конрад (Председатель Московской группы Института востоковедения, член-корр. АН СССР).

41

Ф. А. Тодер

8 декабря 1947 г.

Дорогая Фанни Александровна!

Я очень сожалею, что произошло, по-видимому, неприятное недоразумение. Я всегда считал, что Вы поняли меня в том смысле, что я с готовностью прочту Вашу работу, скажу Вам свои замечания, если такие будут, и даже выступлю на защите с некоторым мнением о ней¹.

Но быть официальным оппонентом я никогда не собирался и не могу быть им по существу. Новая история никогда не была предметом моих занятий, а тем более -- история японской колониальной политики. Я не знаю ни материала, ни литературы и было бы просто неприличным перед всеми, кто меня знает, браться судить о работе, судить о которой у меня нет никакого права. Не забывайте, что времена сейчас не те, когда приходилось многим из нас выступать по неизвестным темам только потому, что *никого* (буквально) не было. Сейчас же -- положение другое. У нас есть ряд специалистов по новой истории -- Жуков, Эйбус, Вайнцвайг, Талызин (все -- доктора), Файнберг². Поэтому оппонентов у Вас -- сколько угодно и я остановился бы на Гальперине³ и Эйбусе. Повторяю, я с удовольствием выступлю на диспуте "*из публики*", -- как японист, занимавшийся вообще историей, -- с некоторыми замечаниями, но только не как оппонент. Мое выступление в качестве такового требовало бы только самого сурового осуждения и просто отвода.

Вы ошибаетесь, если думаете, что я буду выступать оппонентом по диссертации Родова⁴. *Ни мне, ни ему, ни кафедре* даже в голову не приходило, что я могу быть оппонентом по его теме. И, как Вы знаете, я уже с 1935 года не выступаю оппонентом на исторические темы. И если когда-либо и буду выступать, то только по древней и средневековой истории, да и то вряд ли. Вот, дорогая Ф[анни] А[лександровна], что я обязан Вам сказать, и поверьте, что иначе и быть не может.

Ваш *Н. Конрад*.

[P.S.] О том, что Ваша работа не вызывает никаких сомнений в своей ценности, важности, что она дает Вам право на степень, двух мнений быть не может.

В. М. Алексееву

Москва. 25 января 1948 г.

Дорогой Василий Михайлович!

Пользуюсь случаем — поездкой Нелли¹, чтобы переслать письмо Вам с нею, т.к. она хочет обязательно побывать у Вас — повидаться с Муссей². Шлю Вам свой искренний привет и благодарность за присылку оттиска Вашей заметки в "Вестнике"³. Не знаю, как идет дело сейчас в организованном Вами лектории... Думаю, что теперь стало труднее.

Очень хочется отметить статьи Ваши последние работы. Особенно -- относительно "синтеза"⁴. Эта работа Ваша мне лично наиболее близка по теме и кроме того, как мне кажется, особенно значительна. Кажется мне также, что вряд ли кроме меня в настоящее время эту значительность кто-нибудь может понять: никого, ведь, эти сюжеты более не интересуют. Ошанин, Драгунов — лингвисты и ничего кроме своей области не признают. Эйшлин и Позднеева — литературоведы и никогда не изучали этих материй. Поэтому и приходится с немалой грустью констатировать, что кроме Вас, — пожалуй, лишь я один этими вопросами интересуюсь и их более или менее знаю. И еще грустнее думать, что с нашим уходом в этой сфере наступит пустота, может быть надолго. Нужна была, ведь, и для Вас, и для меня очень большая и длительная работа по освоению этого сюжета. А кто теперь им занимается? Кто интересуется? Грустно это все.

А вдобавок и обстановка сейчас очень сложная и трудная, настолько трудная, что я жду только Ив. Ив. Мещанинова, чтобы добиться возможности отойти от активной работы в Академии и укрыться в своем кабинете, благо он у меня теперь — хоть и маленький — но есть. Стало невмоготу.

Извините за жалобы! Собственно я не имею права изливать их кому бы то ни было: дело, ведь, личное...

С наилучшими пожеланиями Ваш Н. Конрад.

И. И. Мещанинову

12 февраля 1948 г.

Многоуважаемый Иван Иванович!

К сожалению, болезнь мешает мне повидать Вас и переговорить с Вами. Несоизданно вернулся мой старый враг — астма в очень тяжелой форме, потребовавшей постоянного камфарного вмешательства. Сказались тревожения последнего времени. Надеюсь, дней через 7-10 поправлюсь.

Если будет рассмотрение жалоб лиц, отчисленных при переаттестации, прошу Вас иметь в виду, что Т.И. Райнов уже отчислен по собственному желанию. Я не мог этому препятствовать, т. к. последний разговор с зам. директора И[нститута] в[Остокоеведения] ясно показал мне, что дирекция И[нститута] в[Остокоеведения] не переменил своего отношения к Т.И. Райнову, а без этого, как мне казалось, рассчитывать на изменение прежнего постановления Бюро Отделения нельзя. Очень огорчен, что все мои стремления доказать, что Т.И. Райнов крайне важный, может быть, более важный, чем многие так называемые востоковеды со знанием языка, член Группы, не возымели действия.

Остается Н.М. Гольдберг¹. Позволяю себе еще раз настаивать на его восстановлении. В его деле есть авторитетный документ, удостоверяющий его знание нужного ему восточного языка. По-моему, этот документ имеет решающее значение и Н.М. Гольдберг имеет все права продолжать свою работу.

Теперь о себе. Я очень прошу Вас, многоуважаемый Иван Иванович, освободить меня от должности председателя Группы, согласно тому заявлению, которое я вручил Вам в Ленинграде². На эту должность я был назначен не директором ин[ститута], а Бюро Отделения, почему и освободить меня может Бюро. Впрочем, В.В. Струве все это хорошо известно. Просить Вас об этом побуждают меня разные причины, из которых основная — абсолютная двусмысленность моего положения, неясность функций, предел прав и полномочий. Мне крайне тяжело также все время чувствовать неприязненное отношение к Группе со стороны определенной части дирекции и других инстанций И[нститута] в[Остокоеведения]. Совершенно невыносимым стало и общее положение Группы: с этого года мы не имеем самостоятельного финансирования и принуждены зарплату получать почтовыми переводами из Ленинграда, а на прочие расходы — вообще нет никаких средств. Мне очень это все трудно и я очень прошу Вас именно в этот Ваш приезд освободить меня — хотя бы по состоянию здоровья.

Преданный Вам *Н. Конрад*.

44

В. М. Жирмунскому

16 марта 1948 г.

Дорогой Виктор Максимович!

Только моя длительная — вот уже 1 1/2 месяца — болезнь, связанная с пребыванием в больнице и операцией, помешала мне своевременно от души поблагодарить Вас за те отписки Ваших статей, которые Вы мне любезно прислали. А на днях, вернувшись из больницы, я нашел у себя книгу об узбекском эпосе¹. Поэтому, первое, за что я взялся, встав

с постели, это — письмо к Вам. Хочу выразить Вам самую искреннюю благодарность за память и внимание и за возможность иметь у себя работы, автора которых я так высоко ценю. Тем более, что эти последние Ваши работы по материалу очень близки мне. Линия работ Ваших, представленных в статьях, давно близка мне, т. к. я на опыте своей работы по яп[онской] и кит[айской] литературе убедился не только в возможности, но и прямой необходимости сравнительных штудий и притом — даже не для целей сравнительного литературоведения, а именно для истории национальной литературы. Мне даже захотелось предложить нашей науке несколько этюдов из этой области, идя по Вашему пути, и только ощущение незрелости этих opus'ов мешает мне это сделать. Ваш же труд (с т. Юлдаш оглы) об эпосе для меня — полезнейшая книга при работе над японским героическим эпосом. Вообще, как это свойственно всем Вашим работам, эти последние труды Ваши характерны именно тем, что их значение далеко выступает за пределы определенной специальности. Позвольте же пожелать Вам и в дальнейшем плодотворной работы в этой области. У Вас всегда будут настоящие, серьезные, видящие то, что нужно видеть в научном труде, читатели, высоко ценящие то, что Вы делаете.

Преданный Вам *Н. Конрад*

45

В. А. Крачковской

4 сентября 1948 г.

Многоуважаемая Вера Александровна!

Позволяю себе обратиться к Вам с просьбой о содействии в одном очень важном для меня деле, — если только это вообще возможно для Вас и Вас не очень затруднит. Речь идет о дочери Николая Александровича Невского — Елене, или, как мы ее зовем, — Нелли.

В первое время она, как Вы, вероятно, слышали, она жила у нас. Но затем — по понятным Вам причинам¹ перешла к родственникам Н[иколая] А[лександровича] и все последние годы жила у его двоюродного брата — Виктора Леонтьевича Афросимова и его жены, Мэри Константиновны, — исключительно добрых и хороших людей. Последнее их — и нынешнее — местожительство — г. Таллин. Два года назад Нелли кончила в Таллине среднюю школу и приехала к нам, в Москву, поступать в медицинский институт, о чем она давно уже мечтала. Поступить тогда ей, однако, не удалось, т. к. конкурс был очень большой. Через год она снова пыталась попасть туда же — и тоже безрезультатно. Тогда она решила поступать на педагогическое отделение института физической культуры, куда ее приняли и где она проучилась весь прошлый учебный год.

Выяснилось, однако, что с физкультурными предметами она справиться не может и перед нею и нами снова встал вопрос об ее высшем образовании. Она решила снова попробовать счастье в медицинском институте на этот раз — в Ленинграде и ныне принята в 2-ой Ленинградский медицинский институт. Конечно, и она этому рада, и мы: исполнился ее мечта. Но встал вопрос о ее проживании в Ленинграде. И вот я хочу просить Вас, Вера Александровна, и об этом просит и Наталья Исаевна, помочь нам в ее устройстве. Она очень хорошая девушка, очень воспитанная, добрая, с очень легким характером. Нет ли среди Ваших знакомых какой-нибудь дамы, которая согласилась бы предоставить ей приют в квартире — не комнату, конечно, об этом думать трудно, но хоть место в комнате? Для нас важно не только помещение, но и общая обстановка, ибо оставить ее без всякого хорошего воздействия мы не хотели бы. Само собой разумеется, что вся материальная сторона ее жизни будет предметом нашей заботы и не эта сторона нас беспокоит. Важно, чтобы она оказалась в хорошей среде.

В прошлом году, когда у ней получилась неудача с медицинским институтом, мы стали думать о Ленинграде, и я обратился с запросом к Василию Михайловичу [Алексееву], не сможет ли он ей там помочь. Тогда он ответил мне, что этой возможности у него нет. Но сейчас, когда она уже поступила и временно приютилась у одних знакомых своего дяди В.Л. Афросимова, устроить ей помещение совершенно необходимо. Вот поэтому я и обращаюсь к Вам.

Во вторник в Ленинград придет ее дядя, Виктор Леонтьевич, который ее устраивает. Я позволил себе дать ему Ваш телефон и он по приезде позвонит Вам, чтобы узнать, сможете ли Вы что-либо сделать в этом вопросе. Очень прошу Вас, Вера Александровна, ответить ему и если Вы найдете возможным что-либо посоветовать, принять его.

Простите, ради Бога, за такое обременение Вас, но — Вы сами, конечно, понимаете, как важен для нас этот вопрос.

С самым искренним приветом Вам и многоуважаемому Игнатию Юлиановичу.

Н. Конрад.

46

Б.Н.Заходеру

19 октября 1948 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Приходится сообщить Вам, что я все же оказался вынужденным сделать очень серьезный шаг: несколько дней тому назад я, повинувшись категорическому предписанию врачей, подал прошение о шестимесячном отпуске. У меня была авторитетная комиссия, которая и запретила на

длительное время всякую работу. кроме чисто научной, производимой за собственным письменным столом. Цель этого — обеспечить мне хоть через некоторое время возможность снова вернуться к активной работе. По правде сказать, как это мне ни тяжело, так лучше: мне все это время было очень неприятно быть неполноценным, не то работать, не то не работать... Неприятно было и перед самим собой, и перед своими товарищами. Теперь в положение внесена ясность и — делу конец! Через полгода, а может быть и раньше, я твердо надеюсь стать самим собой. А пока Вас прошу принять мою самую искреннюю благодарность за Вашу постоянную дружескую снисходительность ко мне за это время и внимание, которое Вы уделяли моим неприятностям.

С МИВ'ом я уже дело покончил, осталась Академия. Как они там решат, не знаю; но у них есть справка из нашего лечебного отдела — совершенно категорическая. Да и без нее я все равно к работе не вернусь. Ну, допустим, через неделю я смогу выходить и даже лекции читать... Пройдет две недели, месяц — и опять та же волянка. Это — уже удостоверено опытом. Поэтому и врачебная комиссия и постановила о длительном лечении.

Разумется, научную работу я не брошу. И в первую очередь буду продолжать работу над "учебником". Надеюсь скоро послать Вам стопку перепечатанных листов для просмотра и указаний. Этой работой я занимаюсь с увлечением. С удовольствием предвкушаю перспективу научно-дружеских бесед с Вами на эти "сюжеты", как любит говорить Игнатий Юлианович [Крачковский]. И это будет куда интереснее, чем та "злоба", которая уже давно "довлест дневы" и которой мы невольно поддаемся. Надо Вам сказать, дорогой Борис Николаевич, что мне очень не нравится, как все пошло. Мне не нравится и как себя повела одна сторона и что думает делать другая сторона. Вы знаете мое мнение: востоковедение наше нельзя оставить в прежнем положении; оно требует самого серьезного внимания к себе. Но нужно видеть *далее* сегодняшнего дня. Нужно понимать *все* ценности, а не только одни. Нужно, наконец, делать все необходимое так, чтобы это приводило к расцвету, а не к упадку. В частности, мне не нравится то, как хотят сейчас обсуждать работу ИВ и его отдельных сотрудников. Обсуждать и *крепко* — нужно, но надо правильно определить направление "главного удара", как учит наша стратегия, и не разводить ненужную драчку. А о том, как у нас можно понимать критику, свидетельствует выступление у нас в группе. И, к сожалению, я вижу, что в этом роде пойдет и дальше: без продуманного плана, который бы учитывал *все* последствия; без заранее выработанной тактики и т.д. Не нравится мне и как пошло дело с дальнейшим обсуждением судеб нашей науки. Так мечтается иногда — в те часы ночи, когда дыхание не позволяет спать — поговорить с хозяином... На чистоту.

Извините, дорогой Борис Николаевич, за такие lamentации. Но я все время об этом думаю.

Остаюсь Ваш Н. Конрад.

Я был потрясен полученными мною сведениями о том, как обсуждалась в ИВ АН работа С.А. Козин¹! Надо же уметь...

47

Б.Н. Заходеру

7 июня 1950 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Мне передали, что Вы хотите устроить собрание памяти [В.П.] Васильева и огласить на нем мое письмо. Думаю, что Вы приняли это последнее решение, не успев — в свете нашего понедельника — как следует ознакомиться с содержанием моего письма. Полагаю также, что по прочтении его Вы сами увидите, что оглашать его не стоит¹.

Все, что я Вам написал, касается собственно только того, что следует, по моему мнению, отметить в деятельности Васильева и под каким углом зрения. Но, поскольку я понимаю, докладчики у Вас — Эйлин и Горбачева² — будут выступать независимо от того, что я писал, а возможно даже — и в разрез с теми точками зрения, которые я предложил. Почти уверен, что верно будет именно последнее. В этом случае оглашение моего письма, в котором нет конкретного разбора отдельных работ Васильева и которое излагает только общую программу работы над изучением васьильевского наследия, просто вызовет недоумение, а скорее всего даже протест — по разным поводам и соображениям, протест (и злословие) — если и не открытые, на собрании, то во всяком случае кулуарный и далее — письменный (в очередных "донесениях" в Ленинград). Я ни в коем случае не отрекаюсь от своих оценок и суждений: я считаю их правильными. Но если с ними выступать, надлежало бы написать не общую программу, а статью по одному конкретному вопросу.

Ввиду всего этого я и прошу Вас, дорогой Борис Николаевич, мое письмо не оглашать. Не следует портить собрание. Эйлин и Горбачева прочтут свои доклады и с теми характеристиками, которые им... покажутся нужными и без тех касаний современного состояния китайцеведения, которые у меня имеются. А если они и коснутся этого состояния, то — уверен в этом! — совершенно в другом плане.

Если что-нибудь в моем письме может послужить материалом для Вас лично — как председателя собрания, для Вашего вступительного или заключительного слова, буду очень рад и прошу всем этим воспользоваться. По миновании же надобности не откажите переслать это письмо ко мне или оставить его у себя лично.

Искренне Ваш Н. Конрад.

В. М. Алексееву

Узкое. 18 января 1951 г.

Дорогой Василий Михайлович!

Только сегодня я получил авторские экземпляры недавно вышедшего "Сунь-цзы"¹. Посылаю Вам один из них.

Прошу Вас, дорогой Василий Михайлович, принять эту мою китаистическую работу в знак моей всегда неизменной благодарности за то, что именно от Вас первого я услышал о Китае живое слово, от Вас первого узнал, что китайская культура -- не экзотика, а великое достояние человечества.

Конечно, работа эта скорее повлечет на меня и на "старый" Институт востоковедения задним числом нареkania: "Вот еще доказательство, что востоковеды занимаются одной древностью..." Пусть говорят! Вы же, верю, скажете: "А когда нас всех не станет, кто сможет писать такие работы и вообще разбираться в этих сюжетах?" Поэтому-то я и решил -- в своем уединении, в "беседке из пырея". -- пока есть силы, делать то, что могу, к чему подготовила вся предыдущая работа, и что другие сделать не могут.

Примите мои пожелания здоровья и возможно полного мира и спокойствия -- жизненного и душевного.

Ваш Н. Конрад.

В. М. Алексееву

[Москва]. 5 марта 1951 г.

Дорогой Василий Михайлович!

Ваше письмо с хорошими словами о моем "Сунь-цзы" меня очень ободрило¹. Ведь, никто, кроме Вас, не может ни оценить труд, вложенный в эту мою работу, ни судить о ее недостатках. Для того, чтобы быть в состоянии это сделать, надо самому немало посидеть над классиками. А кто у нас ими занимается? Может быть, во многих других отношениях наша китаистика идет вперед и идет хорошо, но над этими памятниками, кажется, не сидит никто. И это -- грустно... Тем более, что -- уйдем сарены мы с Вами, и кто подхватит эту эстафету? Я, конечно, не сравниваю свои знания с Вашими несравненными знаниями этих памятников, но все же, как Вам известно, немало поработал над ними и я. Хочется еще сделать своих сунцев и тогда -- довольно.

А сейчас я обращаюсь к Вам с одной просьбой: не можете ли Вы прислать мне на несколько дней Ваше вступительное слово при защите

диссертации²? Оно было посвящено теме "вэнь", насколько я помню. У меня этого оттиска нет. Он же мне сейчас нужен для цитирования Вас в одной намечаемой статье по литературе. Вы же первый разобрали, насколько я помню, предисловие к "Вэнь сюань". Не откажите выслать, очень прошу Вас! Верну незамедлительно.

Позвольте пожелать Вам доброго здоровья. Хотелось бы мне приехать в Ленинград — давно, ведь, там не был! — да не знаю, смогу ли. Ведь, хотя я сейчас и дома, но держусь только тем, что буквально никуда не выхожу.

Ваш Н. Конрад.

50

Н. В. Пигулевской

5 июня 1951 г.

Дорогая Нина Викторовна!

Присхав из Узкого к себе на Калужскую, я нашел на столе Вашу книгу "Византия на путях в Индию" — с чрезвычайно тронувшей меня надписью. Очень, очень благодарю Вас за этот новый знак внимания и доброго расположения -- давнего и неизменного. От души поздравляю Вас с выходом нового Вашего труда — этим убедительным и превосходным свидетельством Вашего научного энтузиазма, Вашей неустанной работы и Вашей поразительной эрудиции. Пока я только просмотрел этот Ваш труд, но уже вижу, что те историки, которые знают цену исследованию, которые не подгоняют свои мнения всякого рода посторонним веяниям, которые думают о науке, будут рады этой Вашей книге.

Мне она близка уже по своей основной направленности, по своему основному, как мне кажется, смыслу. Эту Вашу работу, как и предыдущую -- "Византия и Иран", пронизывает одно, я бы сказал, чисто историческое чувство: чувство неразрывной связанности истории народов Старого света, той связанности, которую я — в своих занятиях историей "с другого конца" — с китайского — так ощущаю. Это настоящая связанность, подлинная общность, ведь, не только социологическая, но и конкретно-историческая, фактическая. Поэтому мне так дорого все, что эту связанность истории на деле, на фактах вскрывает. С этой точки зрения меня очень радует даже само название Вашей книги: "Византия на путях в Индию". Вы связали историю Византии с Ираном, теперь Вы связываете с арабскими странами; очень определенно тянется эта связь в дальнейшем — пусть и опосредованно — и в Индию. Я вижу, кроме того, контуры мостика в Африку — к эфиопам. А, ведь к ним есть еще и другой ход: через Египет. Ваши данные о ходе через Аравию так важны! И Вы правы: торговля дает хорошие и *прямые* указания на эти связи; ее

изучить следует прежде всего. Вы правы и в другом, в том, что "значение и роль торговли во всем ее объеме могут быть изучены лишь при целостном изучении экономических и социальных явлений..." Словом, буду читать Вашу работу как близкую себе. [...] ¹. Крепко жму Вашу руку, дорогая Нина Викторовна! Еще раз -- спасибо.

Ваш Н. Конрад.

51

Н. А. Сыромятникову

5 декабря 1951 г.

Многоуважаемый Николай Александрович!

Как Вам известно, Институт просил меня просмотреть Вашу работу о "Системе фонем японского языка"¹. О том же просили и Вы сами. Эту просьбу я и выполняю.

В Институт я уже в прошлую пятницу послал письмо, в котором сообщил, что печатать в "Лингвистическом сборнике" можно, о необходимых же исправлениях сообщу Вам *непосредственно*. Это я сейчас и делаю.

Как Вы увидите, мои замечания касаются главным образом общих принципов Вашей работы, ее методологии и приемов. Наряду с этим отмечены и отдельные конкретные ошибки или недостатки. В Вашей работе есть много интересного и полезного материала, ряд полезных наблюдений и некоторые правильные положения. Если бы этого всего не было, я не мог бы работу рекомендовать к печати.

Это отнюдь не означает, однако, что я согласен со всем тем, что я оставил без замечаний. Нет, многое я считаю неверным и полагаю, что в будущем либо кто-нибудь Вас поправит, либо Вы сами сделаете это. Но при нынешнем состоянии нашего исследования в этой области можно допускать изложение мыслей по научным вопросам и высказывание положений спорных. Что же, пусть кто-либо и поспорит с Вами. Так движется наука.

Но в части общих положений у Вас много такого, что я пропустить не мог. В работе ярко сказались и Ваши достоинства, и Ваши недостатки, как научного работника. Достоинства — хорошее (хотя и неполное) знание материала и готовность всегда это знание пополнять, общая лингвистическая образованность и "вкус" к лингвистическим вопросам. Недостатки — неопытность (впрочем, естественная) в исследовательской работе, недостаточная дисциплинированность мысли и упорство в ошибках, которых у Вас очень много и которые очень портят Ваши работы и очень мешают Вашему научному развитию — именно из-за упрямства, с которым Вы за них держитесь. Это Вам необходимо преодолеть в первую очередь ради будущего.

Конечно, переделывать работу сейчас невозможно. Учтите то, что я Вам написал, для будущего. Тут же только исправьте отдельные места и придайте всей работе тот характер, о котором я пишу в своих замечаниях. Это — не "Система фонем японского языка"; это и не "Описание звукового состава японского языка". Это — очерки по отдельным вопросам японской фонетики. Поэтому уберите все то, что мешает этому возможному определенному и четкому профилю работы, а оставшееся сконструируйте так, чтобы виден был характер работы. Таков мой совет. Последовать или не последовать ему — дело Ваше. Но помните только, что исполнение моего совета будет на пользу Вашей работе и притом — на большую пользу.

Разумеется, эти замечания предназначены только Вам, как автору, и не в моих правилах разносить свои замечания по всем "градам и весям", где ими интересуются и даже где ими никто не интересуется, что иногда кое-кем делается.

Желаю успеха в исправлении работы. Н. Конрад.

52

О. Л. Фишман

1 февраля 1952 г.

Дорогая Ольга Лазаревна.

1. [...] ¹ Повесть времен Тан² должна звучать для нашего читателя именно повестью времен "Там", т. е. чем-то *отдаленным* от нашей современности, отдаленным — по содержанию и по форме, и в то же время близким по думам и чувствам людей. По-моему, эту трудную задачу можно решить только языковыми средствами, средствами русского языка. И вот тут-то и следует, как мне кажется, соблюсти два правила:

а) решительно избегать всякого рода "экзотичности" ("языковой"), т. е. той условной якобы красочности, "сладостности", которую у нас до сих пор не разучились принимать за "восточный колорит". Эти "восточные сладости" — всякого рода цветистые, пышные выражения и слова нужно беспощадно изгонять. Надо давать простой, обычный русский классический литературный язык.

б) Но также избегать — как огня! — всех тех слов и выражений, которые заполняют нашу сегодняшнюю речь. Нельзя танскую повесть передавать сегодняшним русским языком — в его сегодняшней специфике. Нельзя, чтобы герои говорили языком нашей прессы или собрания. А у Вас этот грех есть...

2. Местами Вы передаете характерную для китайского языка конструкцию: без личных местоимений. Я считаю это допустимым: русскому языку такой прием свойственен (в некоторых случаях), а в целом — он создаст некоторое своеобразие языка, что желательно, т. к. дело идет все

же о танской повести. Но если Вы этот прием принимаете, соблюдайте его всюду, где это возможно и не портите русский язык.

3. Кое-где я у Вас почувствовал хорошо схваченный синтаксический оригинал. Передача этого ритма создала бы большое стилистическое своеобразие оригинала. Только без навязчивости и нарочитости! А то получится "экзотика".

4. С переводом стихов дело обстоит плохо. [...] Нужно эти стихи обработать с русским поэтом. "Песнь о бесконечной тоске" перевести лучше, чем это сделал Б. А. Васильев³, можно, но давать безусловно худший в художественном отношении перевод нельзя. Кроме того, я решительно протестую против отсутствия рифмы! Рифма в китайском стихе — *конструктивный* элемент стиха (один из них); такую же роль она играет в русском стихе. Что же может оправдать отсутствие рифмы в русском переводе? Только одно: *невладение* рифмой (утаиваемое — как у Л.З. Эйшлина⁴). Я могу допустить рифму в переводе с японского, где рифм нет, ибо по-русски стих — прежде всего рифма; и не могу допустить отсутствие русской рифмы в переводе с тех языков, где стих строится на рифме [...]. У нас часто можно слышать, что существующие великолепные переводы Щуцкого и Васильева (не все) опровергают себя тем, что уж очень отдают акмеистами... Об этом можно поговорить. Но можно и не быть похожим на акмеистов (если даже это такой "позор"); это зависит от искусства переводчиков. Прокуроры, обвиняющие старые переводы в "акмеизме", не понимают вот чего: стихи танских поэтов (а речь идет о них) это образцы — точного, лаконического языка, точных, ясных образов. А *точность* слова — основной принцип акмеизма. Ведь не "под Бальмонта", или "под Северянина", или "под Надсона" переводить Бо Цзюй-и! Поэтому "акмеистическое" впечатление от старых переводов идет отсюда и ругатели просто ничего не понимают. Я не отрицаю, конечно, наличия некоторых *прямых влияний* акмеистов. С этим надо бороться. Это — плохо. Но "акмеизм" в смысле *простоты и точности* слова — как раз то, что нужно для танских стихов. О принципиальном содержании поэзии я, разумеется, не говорю. Это — ясно...

Ваш Н. Конрад.

53

О. Л. Фишман

9 февраля 1952 г.

[...] Танские новеллы — жемчужины. Это — замечательный памятник мировой литературы.

Представьте себе эпоху, когда начинает обновляться все, все вокруг. Представьте себе группу людей (все увеличивающуюся в числе), которая начинает ощущать, что мрачное средневековье проходит, что начинается светлая пора разума и чувства — свободного, искреннего и глав-

ное — человеческого, идущего от самых глубин подлинно-человеческой природы. Всей своей душой они обращались к человеку, к его природе. Стали пытаться эту природу, что оно такое?

И получилось: наверху — Небо, внизу — земля, но между ними обоими — человек.

Получилось: небо, это — солнце, луна и звезды; земля, это — трава, деревья, горы, реки. А то, что между ними, посреди них, — люди природы, птицы, животные, все это "человек". Так сказал Хань Юй в "Юань жэнь" — в трактате "О человеке". Что это, по-Вашему? Божество "тянь", Провидение "тянь", как у Конфуция? Мистическое существо — как у даосов? Нет, "Небо" это — солнце, луна, звезды... это — материальный мир. А "ди" — земля? Тот же материальный мир. И человек: он — в нем, в этом *сверху донизу* материальном мире. И в конце концов все живое — "человек", т. е. по своей физической и духовной природе он, человек, — то же, что и животные, птицы, "дикири", люди природы.

И в то же время: он, человек, *господин* всего этого. Нужно ли Вам большее по силе превознесения человека и в то же время "низведение" его до единства с миром материи? Человек, как господин бытия (материального и всякого; особого духовного бытия для них — нет), должен быть гармоничен, иначе он не "обретет свой путь человека-господина". Вот Вам материалистическая концепция человека и вместе с тем "введение" его в общее целое с материальным миром — превознесение его — как человека.

Вспомните и еще об одном; о том, что главное в человеке — его человеческое чувство, а оно должно быть гармоничным, ибо, если оно не гармонично, "нарушается весь человеческий путь". Так говорится в "Юань жэнь". Гармоничский человек — как часть природы и в то же время господин ее — такова точка зрения этой группы людей.

Что же должен делать этот гармонический человек? Его основное правило, его основное свойство это — любовь к людям. Прочтите гимн этой любви в "Юань дао" того же Хань Юя.

Мы называем это мировоззрение на Западе — *гуманизмом*. И это есть подлинный гуманизм и на Востоке. Подлинный.

Подлинный... это значит не простая всепрощающая благость. Вспомните гневные слова: "В древности люди делились на четыре группы, теперь их — шесть... Возделывает землю один двор, а наживаются на этом шесть дворов"... Смотрите "Юань дао". Это ли не обличение тунеядцев, паразитов, — тех, кто живет за счет других — труженников? Нет, это — гуманизм подлинный.

Эти люди, поставившие перед собой идеал гармонического человека, человека земного, материального с его человеческим чувством, с его любовью ко всем и в то же время с его гневом к тунеядцам, были людьми *китайского Возрождения*.

Да, Возрождения. Не пугайтесь! Они видели за собой позади "Средние века". Это — та смутная полоса, которая наступила после крушения древней великой империи — Хань, которая ознаменовалась варварски-

ми вторжениями, которая вызвала к жизни мудреца с его печатью, лежащей на всем, с его потусторонними идеалами... Но вот все как будто кончается и — да здравствует Древность! Да здравствует Античность с ее светлым разумом (так они думали). Да здравствует "древнее просвещение", гувэнь. Это ли не Ренессанс? Это ли не гуманизм? Это ли не новая эра?

А кто представители этой новой эры? Новые люди, о которых было не слышно в период Наньбэйчао — эти "средние века" китайской истории. Это — новая интеллигенция, свободомыслящая, образованная, яростно отстаивающая свои идеалы, яростно восставшая против всякого проявления "средневековья" и варварства — хотя бы в форме "мошей Будды". Помните гневный, язвительный памфлет Хань Юя?

Конечно, их "древность" была такой же "новой" древностью, какой была "античность" и для итальянских гуманистов XIV-XVI вв. Они брали ее как опору себе, видели в ней то, что сами строили: учение о человеке, о его разуме и чувстве, о его свободе, о его гармоничном развитии.

И в литературе: — свобода! А не "пяньливэнь", не все ухищрения средневековых схоластов от поэзии и прозы. И "введем в литературу человека — свободного, с его чувством, простым, но подлинным!" — сказали они.

Вот Вам танская новелла. Читая Ваши переводы, я как бы ощущал это великое движение эпохи, это подлинное начало нового мира. Конечно, для нас — все еще феодального, как феодальным оставался и Запад в эпоху Петрарки и Ульриха фон-Гуттона. Но уже не феодализм Фомы Аквинского.

Прочитайте новеллы итальянского Треченто и Кватроченто. Хотя бы по переводам Муратова — "Новеллы итальянского Возрождения"¹. И Вы увидите, что такое танская новелла! Как она *больше, значительнее* этих итальянских новелл — при всей однородности самого явления. Прочитайте в словаре Гранат статью "Гуманизм" Дживиллегова² — умную. И Вы, уверен, снова обратитесь к танской новелле ... с великой любовью, как к подлинным проявлениям свободного человеческого духа.

Ваш Н. Конрад.

54

Н. А. Сыромятникову

26 августа 1952 г.

Многоуважаемый Николай Александрович!

Задержался с ответом на Ваше письмо, так как только на днях закончил одну работу, очень меня затруднявшую. Думаю, однако, что эта

задержка не имеет значения, поскольку решение Вами принято¹. Скажу прямо: сожалею об этом. Но Вы — человек самостоятельный и вольны поступать, как находите нужным.

По вопросам, затронутым в Вашем письме:

Прежде всего прошу Вас не думать, что наличие работы И.В. Головнина побудило меня посоветовать Вам вернуться к прежней теме². Я считаю (и так считают все, кто знает, что такое наука), что по одному и тому же вопросу может быть (и обычно бывает) сколько угодно работ. Поэтому работа И.В. Головнина о временах не может служить препятствием к тому, чтобы кто-нибудь стал и у нас тут же писать работу о временах же. Вы такую работу написали и, если она научно доброкачественна, она может быть напечатана как особая статья. Я говорил Вам об этом и говорю снова. Поэтому вопрос о диссертации И.В. Головнина давайте снимем с обсуждения: он не имеет значения для решения вопроса о теме Вашей диссертации.

Следует снять также и Ваше соображение о том, что эту работу (о временах) напечатают, а ту — нет. Прежде всего еще неизвестно, напечатают ли эту Вашу работу: ведь, столько работ у нас сделаны и лежат ненапечатанными... С другой стороны, нельзя заранее утверждать, что работу на Вашу прежнюю тему не напечатают. Если она будет научно доброкачественна, ее могут напечатать и я сам буду ходатайствовать об этом. А кроме того, когда пишут диссертацию, думают о диссертации, а не о напечатании ее. Так поступали все Ваши старые товарищи — авторы очень хороших диссертаций, так поступают вообще все. Так что и это соображение следует снять.

Остается, в сущности, одно: Ваше *сомнение* в самой возможности написать работу диссертационного характера на Вашу прежнюю тему.

Скажу прежде всего, что это сомнение несколько запоздалое и едва ли не выставленное *ad hoc**. Когда-то Вы сами эту тему выбрали, надо полагать, думая о чем-нибудь... Когда-то ее одобрила Ваша первая руководительница — Е.М. Колпакчи³. Надо полагать, что она сделала это, также понимая дело. Наконец, когда мне захотелось помочь Вам довести Вашу работу до конца и я предложил Вам во второй раз вступить в аспирантуру, я также счел такую тему возможным...

Теперь Вы подвергаете эту тему сомнению... Не разделяю это сомнение. Сделать хорошую и нужную работу по фонетике языка XVI- начала XVII ст. по тем материалам, над которыми Вы работали, можно. Но для этого не нужно заходить далеко — брать *язык* того времени в целом. Эта тенденция у Вас проявлялась и тогда, когда Вы еще работали под моим руководством. Я тогда еще предостерегал Вас от такого расширения ра-

* К случаю (лат.).

боты. Писать о языке XVI в. Вам еще трудно (как, впрочем, и всем другим). Поэтому и тогда я эту часть Вашей работы, как не могущую быть научно-полноценной и ненужную по существу для Вашей темы, постарался бы устранить. Было бы в высшей степени ценно проанализировать те памятники японского языка. Просто *установить — без ответственных и далеко идущих выводов*, для которых нужна работа другого масштаба. Но для такой работы — очень крупных масштабов — работа, которую могли бы проделать Вы, просто необходима. Не нужно только громких названий, звонких утверждений... Если мы тогда говорили о значении исследования языка XVI в. и начала XVII в. для раскрытия истории складывания фонетической системы современного японского языка, — то это было бы необходимым общим внутренним фильтром работы и только. Без такого внутреннего ориентира ничего писать нельзя. Но это не значит, что Вы должны были дать ответ на все вопросы... Брать на себя такое обязательство было бы просто научно недобросовестным.

Вы пишете, что Вам трудно было бы сказать что-либо об ударении, так как Collado⁴ не даст для всего этого того, что нужно. Ну и что же? Установите, *что* он дает и *чего* не даст! Ведь, как Вы сами пишете, грамматика Collado — первый памятник, в котором есть указание на ударение. Скажите, может ли любой исследователь ударения в японском языке — как оно формировалось в истории языка — пройти мимо этого памятника? И если Вы дадите описание всего, что в нем есть, не будет ли это заслугой для японоведения?

Таким образом я считаю, что если Вы научно грамотно и с *известными перспективами* дадите просто отчет в том, что для фонетики можно извлечь из столь важных памятников, — Вы будете иметь все права представить эту работу как диссертационную. Именно в таком направлении я и хотел довести ее с Вами до конца, когда Вы еще работали под моим наблюдением.

Но, повторяю, дело — Ваше. Раз Вы решили оставить ту тему и взять новую, я не могу в это дело вмешиваться, поскольку Вы более не мой аспирант. Если я сейчас вмешался, то только, поверьте, хорошо понимая (вероятно, лучше Вас!), то, что было бы лучше всего для Вас лично, и для нашего общего дела. При этом — из самых лучших побуждений, т. к. я очень отрицательно отношусь к тем Вашим выступлениям, которые основаны на ложно понятых своих потенциях, но в то же время очень ценю в Вас способного и знающего лингвиста, могущего дать много полезного для нас, если только строго держать Вас на том пути, на котором Вы можете дать свое лучшее. Будьте здоровы.

Н. Конрад.

P.S. Имейте на всякий случай в виду, что к Вашей работе о временах я не буду иметь отношения ни как рецензент, ни как редактор: у меня свыше всякой меры работы.

В. И. Авдиеву

Рижское взморье. 23 июля 1953 г.

Дорогой Всеволод Игоревич!

Примите мой сердечный привет с Рижского взморья! Надеюсь, что и Вы с многоуважаемой Зинаидой Стефановной, — которой покорнейше прошу передать мой низкий поклон, — отдохнете за городом на Вашей даче.

Должен, Всеволод Игоревич, обратить Ваше доброе внимание на один, в сущности, говоря, вопиющий факт. Он — следующий:

Ольга Петровна Петрова, работающая в Ленинграде, уже 11 (!) лет состоит в звании *младшего* научного сотрудника. Она уже давно (лет 6-7 назад) защитила кандидатскую диссертацию, получила степень, а все еще пребывает в звании младшего сотрудника, в то время как у нас иногда принимаются в старшие научные сотрудники только что защитившие кандидатские диссертации, да еще с не особенно высоким знанием восточных языков. О.П. Петрова же прекрасно знает японский, достаточно овладела корейским, в нужных ей пределах справляется и с китайским. За это время она составила (одна!) большой японо-русский словарь морских терминов, буквально открыла для нас ценнейший корейский фонд (за что и была премирована), составляет — и уже в основной части закончила — *первое* в истории нашего востоковедения описание этого фонда¹. Надо, давно надо ее перевести из младших научных сотрудников в старшие. Она — очень скромный человек и сама о себе не будет говорить. Позвольте же мне сказать об этом! Обращаясь к Вам, я уверен, что Вы — как ученый — оцените работу О.П. Петровой, а как директор Института исправите эту несправедливость².

Позвольте пожелать Вам крепкого здоровья и всяческого благополучия.

Ваш Н. Конрад.

Председателю Исполкома Общества Красного Креста и
Красного Полумесяца СССР

Москва. 4 ноября 1953 г.

2 сего ноября переводчик при делегации японского Красного Креста тов. Ушаков доставил мне письмо от одного из японских литературных деятелей проф. Нобори¹, которое тот вручил в Японии одному из членов этой делегации при ее отъезде в СССР для передачи мне.

Я лично незнаком с профессором Нобори и никогда с ним не встречался, но знаю его, как известного в Японии переводчика русской литературы и автора многих работ по русской литературе. Со своей стороны и профессор Нобори, как и многие из японских литературоведов и языковедов, знает меня как советского специалиста по японскому языку и литературе. Видимо, этим и объясняется его обращение ко мне.

В своем письме профессор Нобори просит меня помочь, в деле разрешения его сыну Риюти (или: Риючи) Нобори, оказавшемуся при капитуляции Квантунской армии в числе японских военнопленных, вернуться на Родину в той группе, о которой в настоящее время, согласно газетным сообщениям, идут переговоры с прибывшей в СССР делегацией японского Красного Креста. Я могу откликнуться на это его обращение ко мне только обращением к Вам с просьбой обратиться на ходатайство профессора Нобори доброжелательное внимание. Профессор Нобори, которому сейчас 75 лет, более 50-ти лет занимается переводом на японский язык многих произведений старой русской и современной советской русской литературы, всегда внимательно следил за нашей литературной и культурной жизнью и правдиво освещал ее в своих многочисленных статьях и книгах. Поэтому, он был принят в Советском посольстве в Японии и в течение ряда лет давал уроки японского языка ряду сотрудников посольства и торгового представительства. Во время празднования у нас в 1928 г. 100-летия со дня рождения Л.Н. Толстого он в числе других зарубежных специалистов по русской литературе был приглашен Советским Правительством в СССР для участия в юбилейных торжествах. Как он пишет в своем письме, эта его долголетняя деятельность по ознакомлению японского народа с лучшими произведениями русской и советской литературы, даст ему право просить о добром внимании к его ходатайству о разрешении его сыну вернуться на Родину.

В своем письме он сообщает некоторые сведения о своем сыне, которых не привожу, так как полагаю, что соответствующие советские органы имеют исчерпывающие сведения о Риюти (Риючи) Нобори, которому, как пишет отец, сейчас 41 год.

Н. И. Конрад

57

Б. В. Ржевину

25 ноября 1953 г.

Многоуважаемый Борис Васильевич!

Возвращаю работу Е.М. Колпакчи "Очерки по истории японского языка. Морфология глагола"¹.

Поскольку автора уже нет на свете, постольку вносить какие-либо существенные замечания в текст нельзя. Редакционную обработку про-

вел А.А. Холодович², ближе всех других знающий течение мыслей покойного автора. Поэтому по получении от него намеченных примечаний, оговаривающих спорные места (как это было постановлено), работу нужно направить в издательство. Если же он откажется такие примечания сделать, следует направить работу в издательство и *без них*, снабдив *кратким* предисловием от Ин[ститу]та, сообщающим читателю историю этой работы (последняя работа Е.М. Колпакчи, законченная ею незадолго до кончины).

Вот все, что я могу по этому вопросу Вам сказать. С приветом *Н. Конрад* (член-корр. АН СССР).

P.S. Подготовку (редакционную) рукописи к печати наилучшим образом проведет Н.А. Сыромятников. *Н.К.*

58

В. М. Константинову

30 июля 1954 г.

Уважаемый Владимир Михайлович!

Ваше письмо от 26-го июня получил с большим опозданием. так как оно пришло в Москву в мое отсутствие, когда в моей квартире никого не было, и только после того, как там кто-то появился, было переслано мне на Рижское взморье, где я провожу свой отпуск.

Нет надобности Вам напоминать мне о себе: я очень хорошо Вас помню. Должен сказать и что Ваше письмо обрадовало меня, так как я не знал ничего о Вашей судьбе. Рад и тому, что Вы продолжаете работать, как японист¹. А о том, что Вы были хорошим японистом, тоже помню. Не сомневаюсь, что таким же Вы и остались.

Конечно, я готов удостоверить факт окончания Вами Московского института востоковедения. Напишите мне только, в каком году это было, т. е. я этого (т. е. года) не помню. В начале сентября я вернусь в Москву и оттуда вышлю Вам свое подтверждение, с надлежащим образом заверенной подписью. Здесь, на Рижском взморье, это сделать (т. е. заверить подпись) труднее. Напишите мне по московскому адресу: письмо от Вас придет как раз тогда, когда я вернусь домой.

Радует меня и то, что Вы хотите заняться диссертацией². Несколько удивляет, что Вы думаете избрать тему по языку или иероглифике, а не по прежней линии — по истории. Что Вас заставляет это сделать? Наше языковедение в области изучения японского языка так далеко ушло вперед по *принципиальной* линии, что до того, как за что-нибудь браться, Вам совершенно необходимо внимательно изучить те работы, которые созданы в последние годы. Подавляющая часть их еще *не напечатана* и существует только в рукописях, но рукописи здесь эти вполне доступны. Существуют две работы (больших) о временах японского гла-

гола (Головнина и Сыромятникова); работа о сложном предложении (Игоря Вардуля), о модальных словах (Часовитиной), о словообразовании в яп[онском] языке (фундаментальная работа Пашковского, за которую ему сразу дали степень доктора, работа о том же — кандидатская диссертация — Лаврентьева); работа о порядке слов как грамматическом явлении (Романюк), о языковых стилях в японском языке (Шемонаева). Среди ненапечатанных работ еще и большая работа по истории японского языка покойной Е.М. Колпакчи, докторская диссертация А.А. Холодовича по вопросам грамматического строя яп[онского] языка; о грамматическом лице в яп[онских] говорах (Е.Л. Наврон) есть работа; работа о лексико-грамматических категориях в истории японского языкознания (канд[идатская] диссертация покойного А.Н. Фомина). Это — все крупные монографии, мелких же работ еще больше³.

Изучение всего этого материала абсолютно необходимо, так как в этих работах разрабатывается *наш* путь лингвистических исследований, далекий от японских языковедов (при *полном*, однако, знании их) и еще более далекий от языковедов Западной Европы (весьма для нас примитивных!). Кроме того, важно изучение *общих работ* — по теоретическим вопросам языкознания. Поэтому я и считал бы более правильным не решать так быстро вопрос относительно области Ваших работ. Много у нас сделано и по истории, но почти исключительно — по *новейшей*, а тут принципиальная, теоретическая сторона в общем *осталась та же*, что и раньше, так что переучиваться, строго говоря, не нужно. Во всяком случае — прежде, чем что-либо решать, — напишите мне Ваши соображения и тогда я буду лучше вооружен для совета Вам. Что же касается моей помощи в работе (неофициальной или официальной), то тут я готов всячески помочь Вам, если это окажется нужным — как по линии языкознания, так и истории; в последнем случае — по древней, средневековой и новой; новейшей историей (т. е. с начала XX в.) я не занимаюсь. Тут Вашим руководителем может быть либо Е.М. Жуков, либо А.Л. Гальперин — очень компетентные в вопросах новейшей истории ученые.

Вы упоминаете о возможной теме по иероглифике... Откровенно говоря, я несколько затрудняюсь принять Вас. Вопросы об иероглифике могут ставиться в двух плоскостях: 1) об иероглифической письменности в ее отношении к *языку* (конечно, *китайскому*) и 2) об истории иероглиф[ического] письма — как известного типа письменности. Любая тема в круге этих двух областей очень сложна и требует совершенно самостоятельного исследования *истории китайского языка и истории письма вообще*. В приложении к языковедению изучение иероглифики может быть проведено в двух направлениях: 1) вопрос о *применении* иероглиф[ического] письма к японскому языку; 2) вопрос о самостоятельном иероглифическом творчестве японцев.

Конечно, иероглифика может изучаться и в свете истории японской письменности. Первый (и очень хороший!) шаг в этой области сделал А.Н. Соколов, написавший канд[идатскую] диссертацию по истории японской письменности (тоже пока — в рукописи)⁴. В этой диссертации он впервые совершенно по-новому поставил вопрос и о понимании *самого* *существа* иероглифического знака, показав полную лингвистическую ошибочность традиционного взгляда на иероглифы как на "идеографическое" письмо, т. е. "письмо идеями (понятиями)". Сейчас пересмотр этого старого взгляда (в корне не состоятельного) идет полным ходом.

Чем больше я пишу, Владимир Михайлович, тем более я вижу, что Вам следует сначала *подробно* посоветоваться со мной и с другими японистами. Может быть, лучше всего Вам приехать в Москву, если это возможно.

Кончаю свое письмо на этом и повторяю: я очень рад Вашему намерению вернуться к научной работе и готов всячески этому содействовать⁵.

Ваш Н. Конрад

[P.S.] Конечно, китаисты поддаются с большим трудом: их очень заела традиция.

59

Т. И. Райнову

Дубулы. 8 августа 1954 г.

Дорогой Тимофей Иванович!

[...] стал ездить в Ригу — в библиотеку университета. Просил показать мне иностранную литературу по языкознанию за 30-ые гг. Разрешили сразу же. Несколько раз ездил и провел много интересных часов за просмотром совершенно неизвестных мне книг. Очень много интересного. Просмотрел все издания Пражского лингвистического кружка с работами Трубецкого². Убедился, что это — один из самых крупных лингвистов 1-ой половины XX в. (он умер в 1938 г.). И его влияние действительно огромно (главным образом в области, названной им "фонологией"). Не знать его работ и тем более игнорировать их — просто глупо. Очень интересен и Ван Гиннекен. С удовольствием просмотрел материалы лингвистических съездов 30-х гг. Интересно и со стороны содержания, и со стороны "общего" "стиля" ведения подобных съездов. Вообще следовало бы нам на год-два отложить все дела и запастись образованием: изучением мировой науки — по крайней мере с начала 20-х годов. Изучением — систематическим, дотошливым. Таков мой вывод — для себя по крайней мере... И уж совершенно необходимо покончить со всем зазнайством и односторонне-критиканским отношением к мировой науке.

Сейчас вдруг облака стали рассеиваться и показалось солнце. Когда здесь, на Взморье, солнце — как тут хорошо! Это — замечательный, прозрачный, свежий, чистый, легкий воздух! Жалею, что Вам в этом году было "не показано" Взморье. Может быть, будет "показано" в будущем году? Может быть, доживем и снова очутимся одновременно здесь? Хорошо бы!

Шлем Вам, аббат дорогой, наши самые хорошие чувства и "магические" (как Вы пишете) пожелания.

Ваш Н. К.

60

Х. Отакэ

24 сентября 1954 г.

Дорогой т. Отакэ!

Спешу сообщить Вам, что грамматика японского языка проф. Киэда мною получена. Приношу Вам свою благодарность за эту добрую услугу. Сейчас мы принимаемся за ее перевод. Думаю, что и японские языковеды с интересом отнесутся к факту изданий в Советском Союзе этой грамматики в русском переводе¹.

Вчера послал Вам "Третьяковскую галерею", которую Вы хотели иметь. Книгу о Репине пока достать не мог, но достать все же надеюсь. Пока же послал Вам (обыкновенной почтой) две других книги по искусству: "Русский музей" и "Русский лубок" (народные картинки XVIII в.). Думаю, что они будут Вам интересны.

Получил и Ваше письмо от 3.IX.54 г. То, что Вы пишете о возможности собрать в Японии наиболее важные издания по японскому языку и преподнести их в дар нашей Академии наук — очень меня порадовало. Несомненно, наше Академия будет благодарна за этот дар и ответит за него поднесением в дар японским ученым наших изданий по языкознанию. Только прошу Вас иметь в виду, что для нас важны не только отдельные труды, но и журналы, как, например, издававшийся некоторое время назад журнал "Ниппонго", или такие энциклопедии как "Кокую кагаку кодза" и др.

Вы совершенно правы, когда пишете, что сейчас наступило время, когда желательно вссмерное развитие культурного обмена между нашими странами. Своим участием Вы можете очень многим помочь этому важному делу; со своей стороны и я, чем смогу, готов содействовать ему². Конечно, если Вы сами сможете приехать сюда, это будет наиболее удобный практический шаг для подготовки такого культурного обмена. Крайне интересно Ваше сообщение о детских сочинениях в Японии, где проявляется такая ненависть к войне и жажда мира. Этот материал, конечно, будет с большим интересом встречен у нас.

Министру иностранных дел СССР В. М. Молотову

Москва. 31 июля 1955 г.

В июне с. г. профессор Намбара, бывший ректор Токийского университета, прибывший в Москву в составе делегации японских ученых, приглашенных в СССР Академией наук, передал мне при личном свидании письмо от японского профессора Нобори мне. В этом письме профессор Нобори просит меня помочь, насколько это в моих силах, в деле разрешения его сыну Рюити Нобори, оказавшемуся при капитуляции Квантунской армии в числе военнопленных, вернуться на Родину.

Профессор Нобори в течение более 50-ти лет своими переводами и научными работами знакомил японский народ со старой русской и современной советской литературой; в своих многочисленных статьях он правдиво освещал нашу литературную и культурную жизнь. Он был принят в Советском посольстве и в течение ряда лет давал уроки японского языка многим сотрудникам посольства и торгового представительства. Во время празднования 100-летия со дня рождения Л.Н. Толстого профессор Нобори в числе других зарубежных специалистов был приглашен Советским Правительством в СССР. Профессор Нобори пишет в своем письме, что эта его деятельность даст ему право надеяться на доброе внимание к его ходатайству о разрешении его сыну вернуться на Родину.

К этому могу только добавить, что профессор Нобори пользуется в Японии большой и заслуженной известностью, для празднования в этом году его юбилея (ему исполнилось 77 лет, что в Японии считается юбилейной датой) образован специальный общественный комитет, так что проявление внимания к его просьбе было бы очень высоко оценено широкими кругами японской научной и литературной общественности. Это и побуждает меня обратиться к Вам с просьбой оказать ходатайству профессора Нобори доброжелательное внимание.

Н. К.

В. М. Молотову

1 сентября 1955 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович!

30-го августа мне сказали, что мое обращение к Вам с просьбой рассмотреть вопрос о возможности освобождения одного из японских военнопленных Рюити Нобори, сына престарелого японского литературове-

да Сёму Нобори, известного в Японии специалиста по русской классической и советской литературе, найдено Вами заслуживающим внимания и что этот вопрос сейчас благополучно разрешен. Прошу Вас, Вячеслав Михайлович принять мою глубокую искреннюю благодарность.

63

О. Л. Фишман

16 декабря 1955 г.

Дорогая Ольга Лазаревна!

Письмо от ленинградских товарищей я получил через Вас. Поэтому позвольте мне и ответить всем товарищам, обратившимся ко мне, также через Вас.

В своем письме Вы спрашиваете меня, как я отношусь к замыслу создать "Очерки по истории китайской классической литературы"¹.

Из моего краткого ответа Вам, посланного сейчас же, как только я получил пересланное мне в Сочи письмо, Вы уже знаете о моем отношении к вашему замыслу. Я могу сейчас только подтвердить то, что я писал тогда: могу только радоваться возникновению такого замысла и желать, чтобы он получил воплощение в виде серьезной коллективной работы. Подобная книга нужна нашему читателю и нужна уже давно... [...] особенно нужна у нас серьезная, настоящая работа по истории китайской литературы, не боящаяся предложить читателю как *действительно* великое то, что ему с первого взгляда и не покажется таковым, не боящаяся и войти в столкновение с распространенными оценками и взглядами.

Таково основное мое мнение о важности и своевременности вашего замысла. Вы спрашиваете, далее, какого я мнения о вашем плане.

Больше всего меня привлекает в вашем замысле то, что вы хотите создать не систематическую историю китайской литературы — от Фу Си до Мао Дуня, — а *очерки* по истории этой литературы. До возможности, до *права* писать систематическую историю китайской литературы мы еще не дошли. Конечно, я имею при этом в виду такую историю литературы, которую можем написать мы в Советском Союзе — с нашим общетеоретическим научным уровнем, с нашим историческим и человеческим кругозором, с нашей свободой от догматизма и конъюктурности, с нашим уважением к великому духовному и материальному достоянию китайского народа, восхищением его историческим подвигом в наши дни. Переложить на русский язык какую-нибудь более или менее серьезную и обстоятельную работу какого-либо из новейших историков литературы в Китае, или сделать "микст" из нескольких работ — не трудно. Это — вопрос только времени, а не знания, эрудиции, научного

труда. Но я полагаю, что, задумав "Очерки", вы меньше всего думали о таком переложении. Писать "Очерки" — значит писать только о том, что изучено, на что сложились определенные взгляды — свои, а не некритически заимствованные от других; писать о том, что кажется важным и значительным. Думаю, что вы именно так и хотите делать!

Но в таком случае план может быть выявлен только на основе того, что уже сделано или делается сейчас. Допускаю, конечно, что будет необходимо включить кое-какие темы, сейчас и не разрабатываемые кем-либо из вас, но которые надо будет разработать. Это выяснится, как мне кажется, после внимательного обсуждения того, что уже есть и что сейчас делается; тогда могут выявиться лакуны, которые необходимо будет ликвидировать. Но и в таком случае вы заранее должны идти на то, что *очень многое* у вас будет отсутствовать. И смущаться этого нечего. Такое положение вполне нормально.

Из этих моих слов Вы можете заключить, что приведенный Вами в Вашем письме план я считаю преждевременным. Но о некоторых деталях вашего плана мне все же хотелось бы сказать.

Я очень приветствую включение таких разделов, как "Международное значение китайской классической литературы", "Традиции классической литературы в Новом Китае" (вероятно, точнее — "в современной китайской литературе"?), "Литература братских народов Китая". Это — очень важные стороны истории китайской литературы, очень плохо освещенные наукой. Участие Виктора Морицовича [Штейна] позволяет мне думать, что вы стремитесь включить в "Очерки" и вопросы истории теоретической мысли в Китае, как она проявлена в философских трудах, исторических трактатах, публицистике. Очень приветствую это, так как такое включение просто необходимо. Литература всегда развивается в общеинтеллектуальной сфере деятельности народа и неотделима от нее, особенно -- от философских воззрений, от политической и общественной мысли, от эстетических взглядов. Я уверен при этом, что все, что будет написано по этой линии Виктором Морицовичем, будет новым и оригинальным. А кроме того, разве в Китае, — как может быть, с такой ясностью более нигде, — не продемонстрирован великолепный захват художественной литературой областей философии и публицистики? Разве "Юань дао" Хань Юя не художественное произведение? Разве "Там лунь" Су Дун-по не перл художественной литературы? Поэтому включение в историю китайской литературы и многого из философских и публицистических работ просто необходимо; необходимо даже как материал *самой* литературы.

Таково мое мнение по поводу вашего плана [...]. Примите, дорогие товарищи, мой самый искренний привет.

Н. Конрад.

13 февраля 1956 г.

Многоуважаемый Хасимото-сан!

Получил Ваше письмо от 26 января 1956 г. Рад был узнать, что Вы здоровы и по-прежнему много работаете над изучением китайского языка. Рад и тому, что высланные мною книги благополучно дошли до Вас. Я также получил от Вас три номера 6/1955, 7/1955 и 8/1955 журнала "Китайский язык". Приношу Вам за это свою благодарность. С большим интересом ознакомился с ними. Если не трудно, хотел бы получить и следующие номера.

Благодарю Вас за благожелательное мнение о моих скромных работах. Вы оценили их совершенно правильно: действительно меня интересует прежде всего язык как целое, как система. Очень интересует также и специфика истории языка в Японии и Китае, во многом отличная от того, что мы наблюдаем в истории языков народов Европы. Одной из таких специфических черт является выделение и обособление в период феодализма письменно-литературного языка. Это и заставило меня написать ту работу, которую я Вам послал¹. В этой работе я хотел выяснить ту историческую и лингвистическую природу этого явления. У нас сейчас проблема "литературного языка" в эпоху народности и в эпоху нации привлекает внимание многих лингвистов и в журнале "Вопросы языкознания" уже появился ряд статей на эту тему. Получаете ли Вы этот журнал?

Ваше замечание о том, что Фтабатэй² сыграл гораздо большую роль в истории современного японского языка ("языка нации" или "национального языка" — в марксистском понимании этого термина), чем Бёме, конечно, правильно. Я тоже так считаю. В своей статье я упомянул Бёме потому, что известную роль сыграл и он.

Интересно Ваше замечание, что японские китасведы-лингвисты считают, что слово современного китайского языка "тайян" неразложимо. Действительно, на синтаксические части оно неразложимо. Может быть, я недостаточно ясно написал об этом. Я хотел сказать, что оно разложимо только на структурно-морфологические части.

Постараюсь послать Вам какой-нибудь дополнительный материал для Ваших статей об изучении китайского языка в России и СССР и о китайско-русских и русско-китайских словарях. Вы предлагаете послать мне какие-нибудь японские научные работы в обмен. Буду очень благодарен, если Вы пришлете мне следующие издания "Института японского языка".

Примите мой привет и наилучшие пожелания.

Н. Конрад.

А. А. Ахматовой

6 мая 1956 г.

Глубокоуважаемая Анна Андреевна!

От души благодарю Вас за "Корейскую поэзию"¹. Этот Ваш подарок мне дорог вдвойне: поэзия эта создана народом, среди которого я прожил несколько очень хороших лет² и который я очень люблю, русский же облик этой поэзии создан Вами, творчество которой уже давно и прочно вошло в мое сознание, как, вероятно, и очень, очень многих людей, особенно — тех, кому выпало счастье быть Вашим современником.

Спасибо. Н. Конрад.

Б. Б. Вахтину

3 апреля 1958 г.

Дорогой Борис Борисович!

Автореферат прочитал¹. Возражений не имею. Кое-где предложил некоторые добавления, сокращения и редакционные изменения. Все это увидите в самом тексте.

Я не очень хорошо представляю себе обстановку у Вас, в Ленинграде, особенно, — в университете. Вернее — даже совсем не представляю. Впечатления, полученные во время моего кратковременного пребывания в Ленинграде, очень противоречивы и неясны. Поэтому я не знаю, в какой мере автореферат будет соответствовать общей атмосфере, господствующей у Вас, особенно — в университете. Считайтесь поэтому прежде всего не со мной, а с этой атмосферой. Тем более, что я могу, не желая этого, подтолкнуть Вас к тому, что "не принимается" в Вашей среде. А мне никак не хотелось бы, чтобы я чем-нибудь осложнил общую обстановку, в которой будет происходить защита диссертации. Я не говорю о "приспособленчестве", Боже сохрани! Я имею в виду только необходимые меры для предотвращения ненужных осложнений. Поэтому, я, например, не совсем уверен в том, что упоминание о провансальской поэзии (с моей точки зрения, совершенно законное по существу и исторически) не вызовет иронической реакции или даже протеста. Другим из Ваших слушателей может показаться недостаточным Ваше раскрытие социальной природы и общественного звучания этих стихов. Третьи потребуют общей исторической "характеристики эпохи"... Боюсь, что даже то обстоятельство, что Вашим руководителем считаюсь я, настроит некоторых а priori против Вашей работы... Поэтому, дорогой Борис Бо-

рисович, я очень прошу Вас при окончательной отработке автореферата пойти навстречу хотя бы наиболее сильным "течениям" в Вашей среде. Ко многим из моих идей и взглядов относятся, как к "чуждачествам" — в лучшем случае. И Вам незачем чем-нибудь показывать, что Вы как-то подпали под влияние чего-либо из этих "чуждачеств". Это только осложнит всю процедуру. Это — не призыв к оппортунизму, отнюдь нет; это просто призыв к тому, чтобы не забывать окружения, в котором Вы находитесь и в котором Вы будете работать и дальше.

Ну, вот и все. А главное — "в добрый час!"

Ваш Н. Конрад.

67

И. А. Орбели

6 июня [не позднее 1958 г.]¹

Глубокоуважаемый Иосиф Абгарович!

Полоса тяжелых приступов астмы снова почти на месяц отвлекла меня от всяких дел. Сейчас я чувствую себя значительно лучше и понемногу возвращаюсь к работе.

Во время болезни я получил Ваше — совместное с Виктором Морицовичем [Штейном] — письмо, в котором Вы предложили мне взять на себя редактуру одного из томов избранных работ В.М. Алексеева. Я не мог тогда ответить Вам непосредственно, но в дни пребывания в Москве Виктора Морицовича я высказал ему свои соображения по этому делу. Полагаю, поэтому, что Виктор Морицович сообщил Вам мою точку зрения. Считаю необходимым обратиться к Вам и непосредственно.

Как Вы знаете, дело издания работ Василия Михайловича с самого начала было Наталией Михайловной² вверено попечению Льва Залмановича Эйшлина. Это право и эта обязанность были в дальнейшем официально закреплены за ним дирекцией Института востоковедения. Поэтому поручение кому-либо другому издания хотя бы какой-то части работ Василия Михайловича формально является нарушением прав Л.З. Эйшлина и идет вразрез с постановлением дирекции. Насколько же сам Л.З. Эйшлин оберегает свои права, свидетельствует его обращение к Наталии Михайловне немедленно же после того, как до него дошли сведения о возможности издания [работ] Василия Михайловича помимо него. Как, вероятно, и Вы знаете, он протестовал перед Наталией Михайловной против такого нарушения его прав, заявив при этом, что, по его мнению, право на редактирование работ Василия Михайловича имеют только ближайшие ученики Василия Михайловича, а ими он считает себя и Н.Т. Федоренко³. Обо всем этом мне рассказал Виктор Морицович.

Согласитесь, Иосиф Абгарович, что в такой обстановке мне невозможно принять какое-либо участие в деле издания работ Василия Михайловича. К тому же важно одно: чтобы работы Василия Михайловича были изданы.

Ввиду этого я и предложил Виктору Морицовичу другую постановку дела: ввести издание избранных работ Василия Михайловича в круг ведения той комиссии под Вашим председательством, которая наблюдает за изданием работ Н.А. Невского и Ю.К. Щуцкого⁴, а также — может быть, и других наших ушедших коллег и учителей. Тогда мы сможем осуществить издание и этого тома, сохранив редакторство того же Л.З. Эйлина, но поставив это дело под наблюдение и контроль нашей комиссии.

Иосиф Абгарович, 6-го июня в Ленинграде состоится заседание Бюро Отделения литературы и языка. В.В. Виноградов⁵ считает желательным, чтобы на нем присутствовал и я. Думаю, что здоровье теперь позволит мне поехать в Ленинград. Насколько я могу судить, к тому времени будет закончена подготовка всех материалов по тангутике: З.И. Горбачева все время сообщает мне о ходе работы по подбору материалов. Полагаю, что будет также подготовлена и работа Ю.К. Щуцкого. Таким образом, я смог бы в этот приезд помочь довести это дело до конца. Если Вы считаете это возможным, прошу Вас разрешить мне этой работой заняться.

68

А. А. Ахматовой

23 июня 1958 г.

Глубокоуважаемая Анна Андреевна.

Я получил Вашу — совместную с Львом Николаевичем [Гумилевым]¹ телеграмму с поздравлением по случаю моего избрания в действительные члены Академии наук СССР. Поверьте, я очень тронут таким знаком Вашего внимания и Вашего доброго расположения.

Спасибо Вам обоим. С наилучшими пожеланиями

Н. Конрад.

69

Ю.Г. Оксману

27 июня 1958 г.

Многоуважаемый Юлиан Григорьевич!

Не знаю, можно ли поздравлять Академию¹, но себя я поздравить могу: более волнующего поздравления, чем Ваше, я не получил ни от кого. Глубокое Вам спасибо!

Не могу не сказать, — ибо Вы меня поймете, — что все это время я переживал очень сложное чувство. В нем есть что-то от того, что выразил Тютчев в одном из самых проникновенных своих стихотворений. Думаю, что мне не нужно говорить Вам — какое именно. И кажется мне, что было бы плохо с моей стороны, что я не заслуживал бы такого отношения, какое проявили Вы ко мне, если бы прежде всего не почувствовал это "тютчевское".

Спасибо Вам! Н. Конрад.

70

И. А. Орбели

7 июля 1958 г.

Глубокоуважаемый Иосиф Абгарович!

Несмотря на кратковременность пребывания в Ленинграде, я все же успел ознакомиться с положением дела по подготовке к изданию научного наследия Н.А. Невского и Ю.К. Щуцкого.

Совместно с Б.И. Панкратовым¹ и В.М. Штейном мы ознакомились с работой З.И. Горбачевой по отбору из наследия Н.А. Невского тех материалов, которые следует присоединить к словарю². По общему мнению, отобранные ею статьи и фрагменты статей Н.А. Невского нужны и значительно повысят ценность издания. Все материалы переписаны на машинке и готовы к сдаче. Таким образом, работа по собранию материалов закончена. Иначе обстоит дело с основным корпусом издания: со словарем. По совершенно правильному решению, принятому Вами, в издательство должна быть передана не рукопись словаря, а ее фотокопии. Б.И. Панкратов показывал нам произведенные в фотолаборатории у Вас снимки и мы все признали, что они выполнены превосходно и могут стать той основой, с которой издательство будет переснимать словарь. Однако процесс фотографирования — очень затяжной. Как говорят, имеют место и затруднения с получением фотоматериалов. Боюсь, что все это задержит издание, а всякая задержка в данном случае *исключительно нежелательна*. З.И. Горбачева советует передать всю пересъемку в ЛАФОКИ, но я боюсь, что там встретят этот заказ не очень приветливо: ведь у них есть, вероятно, свой план, свои сметы на материалы. Переснять же нужно около 600 страниц! Поэтому я и думаю: нельзя ли сделать это у Вас в фотолаборатории или в ЛАФОКИ в порядке *особого заказа* с оплатой тут же на месте? Дело настолько важное, что можно было бы взять расходы на себя. Я, Иосиф Абгарович, готов представить ту сумму, которую Вы мне указали бы, если бы Вы нашли этот способ возможным. Надо вырвать это дело из пут всевозможных сметных расходов, плановых наметок и т. под. Так хотелось бы, чтобы за лето все 600 снимков были бы сделаны, и тогда, в сентябре, мы могли бы утвердить весь материал к сдаче в производство. Я, конечно, приехал бы в Ленинг-

рад, чтобы участвовать в этом последнем акте, если Вы найдете это нужным. Никто не посмеет осудить нас за такое участие в этом общем деле. Я пишу Вам об этом потому, что слышал, что *Вы были первым*, который со всей решительностью выразил готовность поставить дело именно так, и я был бы счастлив, если бы Вы согласились и на мое участие в необходимых расходах. Тогда в конце года мы, может быть, и смогли бы увидеть тангутский словарь напечатанным. Издание 600 страниц фототипией не может занять много времени, а набора будет не более 4-5 листов.

Не откажите, Иосиф Абгарович, сообщить мне Ваше решение — хотя бы через Виктора Морицовича [Штейна]. Сейчас я — на Рижском взморье, в отпуску, но стараюсь и отсюда следить за делами, с которыми имсю соприкосновение. Адрес мой известен В.М. Штейну и написан на конверте этого письма.

Позвольте пожелать Вам всего наилучшего.

Преданный Вам *Н. Конрад*.

71

Н.В. Пигулевской

[Москва]. 24 октября 1958 г.

Дорогая Нина Викторовна!

Вы никак не можете представить себе, что Вы сделали со мной, прислав мне Вашу книгу о раббан Саума...¹ Сейчас расскажу. Слушайте!

Когда была во всем разгаре работа над 3-м томом "Всемирной истории", случилось так, что я написал всю главу о монголах... Не потому, что меня об этом просили; мне достаточно было написать только о монголах в связи с Китаем, Корсеей и Японией. И не потому, что знал что-либо о монголах. А просто потому, что, работая над "своей" частью, я увидел, что события, развернувшиеся в Китае, Корее и Японии, *неотделимы* от истории монголов, в частности — от истории монголов периода завоеваний, что понять то, что произошло с чжурчженями, тангутами и затем с самими китайцами, без понимания того, что произошло с Хорезмом, Ираном и т. д. просто невозможно. Поэтому я и решил написать *все* сам — хотя бы для себя: чтобы иметь представление о *всем* процессе, чтобы усвоить нужный *общий аспект* всей этой сложнейшей эпохи, охватившей два континента. Потом сей мой "опус" был, конечно, признан неприемлемым и в конце концов в 3-м томе появилась глава, в которой сообщались элементы, шедшие от Якубовского², немного — от меня, а в основном — от Ильи Павловича [Петрушевского]³.

Но это так — для "введения". Сообщаю об этом, чтобы Вы поняли дальнейшее. Работая над "монголами", я увидел, какой жадный (и вполне исторически и политически понятный) интерес вызвали монголы в

Западной Европе. В монгольские земли потянулись путешественники — купцы, дипломаты, эмиссары, авантюристы... Ну, а монголы, подумал я? Ведь, произошло — только в больших масштабах — то, что раз произошло при Александре: соединение Востока и Запада. Что же, неужели "Запад" более любопытен, более инициативен, более предприимчив, наконец, чем "Восток"? Я стал искать путешественников — эмиссаров, дипломатов, авантюристов — и на Запад. И тут-то я столкнулся с раббан Саумой. Признаюсь, я ничего не знал о нем до этого. И впервые прочитал о нем у японцев-историков. От них же я узнал и историю обнаружения записок о путешествии раббан Саумы в Рим и Францию... Конечно, я разыскал тогда издание Беджана⁴. И подумал тогда с горестью: а вот наша наука прошла мимо этого памятника, а значение его — огромно. Огромно именно в аспекте исторических связей "Востока" и "Запада". И не только как свидетельство интереса "Востока" к "Западу"... Интерес в данном случае связан с политическим моментом — с этой вековой *проблемой Среднего Востока* в борьбе двух миров... В факте "раббан Саума" важно еще другое: кто он, этот человек? Человек Востока? Человек Запада? Он — сириец, т. е. принадлежит Востоку, но он же — христианин и говорит *как равный*, говорит *общим языком* с кардиналами в Риме... Что же такое Сирия и сирийцы? Тут я вспомнил и Селевкидов, и Византию, и... Ваш доклад о Духовной Академии в этой стране⁵. И даже Иоанна Дамаскина... Но он, этот Иоанн, ведь мой! Он вошел и в мое сознание. Хотя бы через изумительную поэму А. Толстого и столь же изумительную музыку Тансева. И опять встал тот же вопрос: где Восток, где Запад?

Теперь Вы понимаете, дорогая Нина Викторовна, что со мной случилось, когда я увидел Вашу книжку. Думаю, что понимаете: иначе Вы не написали бы того, о чем написали в дарственной надписи. Спасибо Вам! И за присылку книжки, и за то направление в ней, которое мне особенно близко. Если бы я смел (а сместь я не вправе), я написал бы самую горячую рецензию на эту книгу или — вернее — по поводу ее. Но научные приличия этого не позволяют: они, эти приличия, допускают лишь то, что "вместно"; а писать о раббан Саума — *мне* — никто не разрешил бы; прежде всего я сам. Пусть же это письмо будет моим откликом на Вашу работу.

Будьте здоровы, дорогая Нина Викторовна, и пусть у Вас будет все хорошо.

Ваш Н. Конрад.

72

Б. Б. Вахтину

27 мая 1959 г.

Дорогой Борис Борисович!

Только что получил автореферат и письмо. Автореферат еще не прочитал, но письмо прочитал. И хочу задать Вам один вопрос: кто Вам

сказал, что я вот — чуть ли не завтра! — уезжаю в Ригу? И Вы желаете даже мне "светлого пути"! Конечно, пожелать мне это можете, но почему это следует делать *сейчас*? Во-первых, я раньше "самых последних дней июня" в Ригу не поеду. Во-вторых, а вдруг я возьму да и появлюсь на Вашей защите — на манер "сяня"?.. т. е. из облаков? Когда-то мы с Ю.К. Щуцким и Б.А. Васильевым умели летать: прямо из верхнего этажа академической библиотеки (там помещался тогда китайский кабинет с окнами на Неву) на золотую шапку Исаакия... и летали... С той поры я, правда, летать не пробовал, но, вдруг, постараюсь? Так что подождите желать хорошего лета... Еще успеете.

Словом, когда Вы будете на "заставе Хань", смотрите... не движется ли из глубины страны "фиолетовое облако"...

НК

73

Е. Б. Райновой

Москва. [Не позднее 29 декабря 1959 г.]¹

Примите, многоуважаемая Евгения Борисовна, мои самые лучшие пожелания к Новому году! Никогда не забываю о дорогом Тимофее Ивановиче — последнем моем друге в жизни. Очень надеюсь, что в предстоящем году добьемся издания его замечательной работы².

Ваш Н. Конрад.

74

Ф. А. Тодер

11 февраля 1960 г.

Дорогая Фанни Александровна!

Я рад тому, что Вы отметили мои упоминания о Версе Дмитриевне Позднесвой¹. Очень немногие ее помнят. А помнить ее надо. Она была такой хороший человек! А японисткой она была прямо "золотой". Это была чуть ли не первая моя аспирантка. Я не забываю ее. И рад, что она провела с нами целый год в Фергане, уже совсем больная. Помню, как трудно было доставать ей *тогда и там* инсулин, без которого она не могла существовать. По возвращении в Москву она очень скоро ушла от нас. Спасти ее уже было невозможно. Да, мы лишились очень хорошего члена нашего японистического содружества, а наука — добросовестнейшего научного работника, замечательно хорошо работавшего. Я не забываю ее. И ее отца, судьба которого тоже была трагической — по-другому². Трагична была и судьба его работы "Воззрения на историю Северной Японии"³: *некому* было тогда ее оценить.

Я не знал, что Вы были в курсе работы Владимира Михайловича [Константинова]⁴. В таком случае Вам было особенно приятно видеть, с каким дружелюбием была встречена присутствующими его работа. Я давно не наблюдал такого единодушного и отчетливо выраженного доброжелательства. Думаю, что он должен быть вполне удовлетворен.

С наилучшими пожеланиями

Н. Конрад.

75

Б. Б. Вахтину

16 марта 1960 г.

Дорогой Борис Борисович.

Благодарю Вас и Ирину Владимировну за добрую память. Хотя, признаться сказать, наступление новой годовщины "дня рождения" в моем возрасте имеет лишь смысл напоминания, что дни летят как "листки календаря".

Рад был узнать, что Роулснд Вам понравился¹. Я так и думал. В этой книге много очень интересного, неожиданного. И сказано об этом языком, от которого мы отвыкли и который многие, может быть, и не поймут. И многое — близко к нам.

Ваше предположение о трудностях на пути к изданию этой книги справедливо. Одна из причин, по которой я взялся за это дело, состояла именно в желании способствовать устранению этих трудностей. И книга издана теперь точно в таком виде, в каком она вышла из-под пера автора. Думаю, что мое "послесловие" не лишнее. Думаю, что и ему (автору) будет прочесть небезынтересно. Ему направлено три экземпляра. Один — с моей подписью.

Ваши слова в последнем письме идут еще дальше мыслей моего "послесловия". Слова о "понимании единства" и — особенно — об "утверждении единства" как некой исторической миссии. Не только, впрочем, исторической; главное — *человеческой* миссии. И за такое понимание нужно бороться. Это и есть наш путь. Очень большой путь. Рад, что Вы так почувствовали.

Не легко это. Разные, ведь, и люди существуют. Разные проявляются и тенденции. Но появление "Роулснда" у нас все-таки замечательно: оно означает, что не те, другие, которые не видят пути в будущее, все же в *конечном счете* решают, а те, кто как-то видит это магистральное направление нашей судьбы.

Есть еще один любопытный факт. Статья В.И. Абасва в последнем номере "Вопросов языкознания" (№ 1 за 1960 г.). Статья о Н.Я. Марре². Если Вы еще не прочитали, обязательно прочтите. Когда прочитаете, поймете, почему я Вам об этом пишу. Кстати, между нами говоря, в

появлении этой статьи известную роль сыграл и я. Сейчас об этой статье говорят буквально все лингвисты... И представьте: огромное большинство — с радостью! И я тоже рад этой радости. Потому что радуются *настоящему*. Те, кто негодует (есть и такие, но их меньшинство), относятся к тем, кто мешает идти вперед. И когда посмотришь на них, чувствуешь: нет, это не люди нашей очень, очень требовательной и взыскательной, ответственной эпохи! [...]

Ну, будьте здоровы и да будет у Вас все хорошо.

Ваш Н. Конрад.

76

Б. Б. Вахтину

Лиелупе. 21 июня 1960 г.

Дорогой Борис Борисович!

Ваше письмо получил. Спасибо! Все же "предисловие" следует писать Вам¹. Вы так много работали над сборником, так хорошо знаете все его статьи, так ясно представляете себе его характер и его место в процессе развития нашего китаеведения... К тому же Вы и есть действительный редактор.

Пишите только не "увертюру", а "интродукцию". Увертюра к "Тангейзеру" излагает суммарно и обобщенно содержание всего того, что за ней следует; интродукция к "Лоэнгрину" только предвещает, "вводит" в то, что потом развертывается. Мне кажется, что в данном случае "предисловие" должно быть именно "интродукцией".

Ваше письмо навело меня на некоторые мысли о сборнике — насколько я с ним знаком, конечно. И кажется мне, что он кое о чем свидетельствует, кое-что обещает. Свидетельствует и о хорошем, и о плохом. Хорошее — резко возросшее знание материала; плохое — уж слишком часто наблюдающаяся зависимость от него. Обещает же сборник освобождение от "двух зол": родных штампов и заимствованных догм. Впрочем, может быть, вернее говорить не о "двух", а об "одном" — гораздо более страшном: о *соединении* своих штампов и чужих догм. Как ни крепко все это держится, думаю, что освобождение наступит. Пусть Ваша "интродукция" возвестит, что мы — "на подступах" к настоящей науке о китайской литературе. "На подступах" — к настоящему *отбору* материала и к пониманию общечеловеческого и исторически-специфического в том, что составляет содержание каждого литературного факта и что является движущей силой литературного процесса. Впрочем, дорогой Борис Борисович, пишите, как найдете нужным. Уверен, что Вы напишете то, что в данном случае уместно.

О своей статье (в ее нынешнем виде), вернее — о ее некоторых особенностях, в частности, о том, что я написал во второй (новой) части, я мог бы (и, пожалуй, должен был бы) Вам кое-что сказать. Но сейчас я еще не очень к этому способен. Сегодня исполнилась неделя, как мы тут, на Взморье, но усталость еще не прошла. В Москве еще все как-то держалось на нервах, на возбуждении, тут идет отдача. Не хочется и думать, что около 20-го июля придется снова возвращаться в Москву: в связи с подготовкой к "Конгрессу".

Превосходно, что Вы подметили наличие определенного замысла в "Юй тай синь юн"...² В Вашей будущей работе этот замысел должен быть раскрыт всесторонне — и в свете *истории китайской поэзии*, и в свете *истории* китайской поэтики, и в свете *текущей* литературы *действительности* того времени, и... в свете мировой поэзии этого этапа поэтического творчества. Я очень рад, дорогой Борис Борисович, что Вы натолкнулись на этот замысел, почувствовали его! А как много еще Вы откроете! Вы — на очень большом пути. Только это — отнюдь не "дорога Никуда", а прямой, широкий путь в "Блестящий мир". И идете Вы по этому пути и как исследователь, и как поэт, *воссоздающий* поэтическое содержание исследуемого: ведь, переложение стихами поэтического материала памятника есть творческое освоение и творческое воспроизведение его средствами другого языка и другого поэтического мышления. Но это "другое" не есть "чужое": оно только раскрывает *общечеловеческое*, а это значит — самое глубинное. Это и переводите! Переводить *далекое* и рожденное в *другом* историческом и поэтическом мире не значит *подставлять слова* одного языка XX в. под *слова* другого языка VI в. Допускаю даже, что *подлинный* перевод (*адекватный*) в таком случае может даже не содержать *ни одного слова* (в буквальном соответствии) оригинала... Это — может быть, слишком парадоксально, но это -- может быть. Но *звучание* (поэтическое) должно быть *тем же*. Должна быть той же и *эмоция*, поэтическая мысль. Мы не можем стать людьми Китая VI в. в их *оболочке*, не можем понять все, что те переживали в своем *душевном мире*, понять и даже пережить.

Будьте здоровы. работайте с воодушевлением. Сердечный привет Вашей милой светловолосой жене. От нас обоих. У Натальи Исасны есть еще одно стихотворение на ту же тему, принадлежащее той, кого мы считаем чуть ли не самым глубоким поэтом наших лет и которую "открывают" также не скоро, как открыли Dickinson в английской поэзии³. Но это уже — при встрече.

Сообщите мне, что Вам написал С.Л. Тихвинский⁴. Думаю, что он обязательно посоветуется еще кое с кем. Знаю к тому же, что ему сейчас не до литературы и всяких рецензий. В дни моего отъезда положение было сложное. Впрочем, это, кажется, явление хроническое...

Ваш Н. Конрад.

2 июля 1960 г.

Дорогой Борис Борисович!

Рецензия Ваша и по форме, и по тону, и по целенаправленности, по-моему, как раз такая, какая в данном случае нужна¹. Для Роуланда будут, думаю, поучительны Ваши соображения, что надо сопоставлять и ряды явлений. Действительно, близость или даже единство, как и своеобразие, могут раскрываться не на единичных вещах, а на потоке их. "Молли Фландер" Д. Дефо и "Жизнь одинокой женщины" Сайкаку очень непохожи друг на друга, но общий ряд литературных явлений этого типа, *широкий план* литературы и культуры тех эпох утверждает их близость — именно в широком плане, т. е. *исторически* гораздо более реальном. Будет для него важна и та Ваша мысль, что художнику нужно знать мировой процесс развития искусства именно для того, чтобы вырабатывать или выразить национальные черты своего искусства... Я добавил бы: и черты *своей* эпохи, свою индивидуальность. Это важно, впрочем, и для ученого: нужно знать мировую науку, чтобы занять в ней *свою* позицию, свою — и как определенной личности, и как человека своего времени. Не могу не сказать, что *Ваша рецензия* отражает именно *Вас* и именно в этом сложном аспекте. С моей точки зрения, Вы — именно *современный* человек, и притом в том именно плане, который и является глубоко современным и действенным.

Думаю, что просьба о срочной рецензии появилась не без влияния одного обстоятельства, о котором Вы, возможно, еще не знаете. Я Вам, кажется, говорил, что получил письмо от Роуланда, в котором он выражает восторг по случаю появления его работы у нас, т. е. рассматривает это как "признание" нашими учеными его работы; выражает мне благодарность за доброжелательное отношение к его труду, за понимание его стремлений и т. д. Видно, однако, что он действительно был совершенно ошеломлен фактом появления его работы в СССР, да еще с таким, как он пишет, "понимающим" и "поучительным" для него послесловием: он написал письмо и министру культуры — сначала тому, кто был раньше, а затем, как только узнал, что тот заменен новым, — и новому². В письме он выражает свою радость по случаю издания в СССР его работы, благодарит за этот знак научного внимания, весьма высоко отзываясь о моем "послесловии" и просит передать мне благодарность; пишет, что хочет приехать к нам, чтобы познакомиться с сокровищами искусства, имеющимися у нас, о чем он хорошо знает, познакомиться с нашими учеными, из которых он, кроме меня (а если ему станет известна Ваша

рецензия — и, конечно, Вас!) называет Камиллу Васильевну Тревер (о чем Вы можете ей сказать, кстати, с приветом от меня) и С.П. Толстова (он знает его "Хорезм")³. Е.А. Фурцева, которой было доложено это письмо, отнеслась ко всему этому факту очень благожелательно и распорядилась послать копию его письма в Издательство и мне с указанием, что ничто не препятствует всячески развивать научные и культурные связи со страной Роуланда и что это даже важно. Думаю, что сведения об этом просочились и в редакцию "Культуры и жизнь" и она заторопилась с рецензией. Должен сказать, что руководство Издательства иностр[анной] лит[ературы] очень довольны, а для отдела филологии и искусства это очень важно: ведь, Вы знаете, что мое участие в этом издании было на 90 % вызвано необходимостью помочь отделу преодолеть препоны, стоявшие на пути этого издания.

Будьте здоровы и пишите, пожалуйста! Ваш *Н. Конрад*.

Р. С. Между прочим, заголовок, данный Вами, — "На двух разных концах Земли" (очень удачное!), совпадает с тем, что мне написал Роулэнд. Отвечая на упрек, что у него выпало искусство Вост[очной] Евро[пы] и Среднего Востока, он пишет, что взял специально именно *крайние* точки "Запада и Востока".

78

С.Л.Тихвинскому

8 июля 1960 г.

Дорогой Сергей Леонидович!

Вчера получил Ваше письмо. Спешу ответить. Все, о чем Вы мне написали, для меня — ново. Конечно, я слышал о всяких планах, но считал, что всерьез к ним приступят только после Конгресса¹.

Намеченный Вами план Отдела мне кажется вполне рациональным. Я предложил бы Вам только такие необходимые изменения.

Насколько я понимаю, исторических секторов у Вас намечено *два*: 1. Сектор древней и средневековой истории и 2. Сектор новой и новейшей истории. Я полностью согласен, что последний нужно ограничить временем — так, как Вы думаете: до КНР.

Сектор литературы у Вас является одновременно и сектором *культуры*. Вот тут я предложил бы *культуру перенести в Сектор истории*: конечно, не в название, а в проблематику. История культуры лучше укладывается в *общем русле "истории"*, чем в частном русле "литературы". А вот в сектор литературы нужно ввести и театр: ведь, своей *текстовой* частью, т.е. как драма, театр входит именно в литературу. Это можно отразить и в названии, т.е. назвать сектор литературы "*сектором литературы и театра*". Я добавил бы еще один сектор — отдельный: *сектор фольклора*. Это — огромная область; в Китае усиленно ею зани-

маются; есть студенты и у нас. Если такой *особый* сектор сейчас сделать трудно — хотя бы потому, что нет достаточно многочисленной и компактной группы работников, фольклор следует ввести в программу "сектора литературы и театра".

Я считаю, что нужны два особых сектора: 1. Сектор китайского языка и 2. Сектор языков нацменьшинств Китая. Это следует сделать и в силу необъятности и *специфичности* изучения явлений, и по другим соображениям — Вам понятным. Выделение словарной работы в особую организационную единицу оправдывается только тактическими и практическими соображениями; научно же словарная работа может занимать место "автономной группы" сектора китайского языка. Но все же я назвал бы этот сектор не "словарным", а "*Сектором лексикологии и лексикографии*". Это наименование может быть побудит заняться не только составлением словаря, но и всей проблематикой, связанной с таким составлением. А проблематика эта — сложнейшая. И она самым непосредственным образом влияет и на саму словарную работу. "Библиотеку" Вы превращаете в "сектор". Это — хорошо, но при одном условии: пусть это будет "*сектор библиографии и книговедения*". Пусть в этом секторе занимаются и изучением бесконечной китайской библиографической и справочно-книговедческой литературы. Одно изучение библиографических отделов династических историй чего стоит! А изучение "сыкууаньшу цзунму"? Ведь, это — целая особая область. Пусть изучают и деятельность новейших издательств! Пусть этот сектор издаст бюллетени и превратится в организованный, культурный, квалифицированный центр по научной библиографии (а это значит — и *по истории науки*!), а также в центр по изучению этой стороны *истории культуры Китая*. стороны — нигде, ни в одной стране! — так широко не представленной. Тогда и работники этого отдела (сектора) должны будут стать научными сотрудниками с полноценной научной нагрузкой, а не регистраторами получаемых книг и только.

Вот, Сергей Леонидович, мои соображения. Если что-либо покажется Вам заслуживающим внимания, буду рад.

Меня интересует вопрос о Ленинградском Отделении. Останется ли оно в прежнем виде — только с переменной названия или будет как-нибудь реорганизовано? Может быть, уместно сделать его "Отделом восточной филологии"? Уйдет ли из нового Института вообще *вся экономика* и то, что Вы называете "текущей политикой", в другие институты, т.е. не только в запланированный новый, но и существующий?

Спасибо Вам, дорогой Сергей Леонидович, за Ваши добрые пожелания. Не могу не сказать, что, кажется, настало время, когда я стал чувствовать свой возраст. Это лето впервые у меня проходит почти в постоянно ощущаемом упадке сил. А это очень остро сталкивается с вполне еще (во всяком случае — пока) четкой, ясной мыслью и желанием воплотить ее, эту мысль, в слово и фразы. И, право, кое-что в этих мыслях есть достойного такого воплощения. А вот сил-то (физических)

слишком часто для этого не бывает. Начнешь работать — то то, то другое. То — в "сосудистой системе", как учено говорят врачи, то еще в какой-нибудь "системе". Похоже, что эти "системы" стали работать весьма не "систематически"...

Очень занимает меня (уже давно) проблема рационализма в китайской философии времен Сун. Это — одна из проблем китайского "Возрождения". И совсем не днях я натолкнулся на традиционное проявление *духа рационализма в поэзии*... на полную аналогию с тем, что было в истории европейского Возрождения. Это — в части "цзюэцзюй" (танских и сунских). Хочется написать об этом — да, вот, не выходит. Словом, вспоминаю Щуцкого, который как-то раз при виде стола, уставленного разными яствами, воскликнул: "Боже, как грустно сознавать, что *имеешь возможность съесть* так много вкусного, да не можешь — в силу ограниченности известных возможностей!" А "вкусного", дорогой Сергей Леонидович, во всех областях изучения Китая *так много, так много*, что, действительно, обидно, что не можешь за это вкусное как следует приняться. Отщепнешь кусочек — и все! Да еще кусочек-то от чего-нибудь одного...

Ну, вот и все. Крепко жму Вашу руку и желаю Вам со всем справиться как можно удачнее.

Ваш Н. Конрад.

P.S. Наталья Исаевна сердечно благодарит за привет. Она, по обыкновению, вся в делах — хозяйственных и "ученых". Даже на "Агату Кристи" особенно нет времени. Да и новых "Агат" нет.

79

Р. В. Вяткину

16 июля 1960 г.

Дорогой Рудольф Всеславович!

Весьма признателен Вам за сообщенные сведения. Как Вы обещали, так и сделали.

Итак, теперь — "ИНАЗ"? Наряду с "ИНАФ"¹? А как же быть с арабами? Они ведь и в Азии, и в Африке. Как эта география бестактна! Никак не считается с тем, что она должна покоряться схеме...

То, что Вы посвящаете себя Сыма Цяню, — очень хорошо. Надо, наконец, разобраться в этом сложном и противоречивом явлении. Пора, пора освободиться от взглядов и оценок, навязанных традицией! И тем более от взглядов Шаванна², который всецело был во власти традиции китайской исторической науки, не обладая при этом теми знаниями, которыми обладали китайские представители традиции. Пора сказать новое. А сказать — есть что! Особенно — по части общей *исторической*

концепции Сыма Цяня, т. е. о его понимании исторического процесса... О его *творчестве, творческом вмешательстве* в изображение исторических явлений — одновременно безудержно фальсифицирующем историю со стороны реального содержания и по-настоящему раскрывающем его суть со стороны ее образов. Ничего подобного этому памятнику не было в европейской древности... Один Плутарх вспоминается, но — только при чтении Ле-жукай... Вспоминается в некоторых других частях Тацит, иногда Геродот, иногда Фукидид, иногда Тит Ливий. Но в своем комплексе "Ши-цзи" — неповторима. Работа над Ши-цзи может удивительно интересно пополнить наше представление о исторической науке в Древности, в мировой Античности; конечно, поздней, т. е. когда во всей своей широте и красочности развернулся процесс синкретизма — верования, представлений о существе жизни общества, о судьбах народов.

Вообще, Рудольф Всеволодович, нам всем нужно, наконец, приняться за *раскрытие* Китая. А это можно сделать, только взглянув на него свежими, научно вооруженными глазами. И не сводить дело к одной филологии! Тут мы — менее сильны, чем китайские специалисты по Сыма Цяню. И никогда не сможем быть так же сильны, как они. Но можем и должны быть *современными* и в филологии.

Желаю Вам самого большого удовлетворения в намеренной работе.

Ваш Н. Конрад.

80

Е. Б. Райновой

Москва. 21 ноября 1961 г.

Дорогая Евгения Борисовна.

Нет, ни в каком случае не следует приходить к такому выводу, который Вы сделали¹. И я не собираюсь сдаваться. Я ждал 8 лет, пока добился издания посмертного труда двух своих погибших товарищей, но дождался². Надо зорко следить за ситуацией и действовать *только* тогда, когда можно рассчитывать на успех. Могу Вас, Евгения Борисовна, заверить, что я буду неусыпно следить за этим делом и воспользуюсь каждым моментом, который мне покажется благоприятным. И я *уверен*, что замечательная работа Тимофея Ивановича будет лежать в *напечатанном* виде у Вас и у меня на столе. Если я Вам написал пессимистическое письмо, то в нем отражено положение последних лет: оно было именно таким, как я его представил. Но все меняется, изменится и в этой области. Таким образом, дорогая Евгения Борисовна, не нужно думать, что все уже кончено. Отнюдь нет.

С глубоким уважением и сердечным чувством Н. Конрад.

Б. Б. Вахтину

31 января 1962 г.

Дорогой Борис Борисович!

Ваши письма получил. Думаю, дорогой Борис Борисович, что ни Вам, ни мне незачем ждать появления какого-либо "предлога" для того, чтобы написать письмо. "Предлог" ведь всегда есть и, уверен, всегда будет. Это — наша с Вами обоюдная сердечная привязанность. Так ведь?

Не писал я Вам — даже, когда посылал книгу, — по многим причинам. Одно время мы оба с Натальей Исаевной лежали в гриппе. Сначала заболела она, через несколько дней — я. И грипп был, как выражаются доктора, "двугорбый", т.е. возвратный. Говорят, сейчас это — распространенная его форма. Анна Ивановна, к счастью, уцелела, так что кто-то о нас мог позаботиться. Сейчас мы уже оба вполне здоровы и успели уже побывать на Николиной горе, где, как обычно, целиком отдавались работе. Но заболевание — не главное. Главное — исключительная заваленность работами. Не буду перечислять, что я уже сделал и что мне еще предстоит сделать. Главное — пять больших работ очень различных по темам, которые я должен разобрать, некоторые — отредактировать, некоторые — прорецензировать. В числе их — большая монография Г.И. Неупокосвой — "Взаимосвязи и взаимовлияния национальных литератур" главным образом *на современном этапе*. Институт мировой литературы поручил просмотр этой работы мне, надо думать, как некоему "специалисту" в этой области. Очень просила меня об этом и она сама. Стараюсь сделать то, что возможно — так, чтобы как можно меньше было специфической нарочитости, пока еще очень свойственной ей и другим в Институте мировой литературы, кто этими вопросами занимается.

Но это — только одна из работ, которые я веду. Из других упомяну только об одной, совершенно неожиданной для меня. Мне пришлось выступить оппонентом на докторской диссертации на *философском факультете* Московского университета. Диссертация эта — "Мировоззрение и литература"¹. Оппонентов было три. Два из них — доктора философских наук: один — по диалекту, другой — по эстетике. Третьим был я. Почему я взялся за это — объяснять долго. Скажу только одно: автор диссертации — один из моих бывших учеников (ему сейчас 50 лет), но после своего востоковедного вуза закончивший *философский факультет* университета. Более 10 лет он пробыл *в отъезде*². В последние годы заведует кафедрой философии в Саратовском университете. Он нашел меня и попросил согласиться на просьбу факультета. Почему они

(я никого там, кроме Асмуса³, не знаю) *пригласили меня*, не знаю. Но т. к. в этом деле были свои особые моменты, я согласился. На защиту собралось множество народу. Говорят — небывалое. Прослушав "вопросы" диссертанту (целый град!) и выступление первого оппонента (диа-мат), я пришел в сомнение: надо ли было мне соглашаться? Вторым выступал я и выступал *полностью* в своем стиле, т. е. далеко не в стиле задаваемых вопросов и первого оппонента. После меня выступали двое: третий официальный оппонент и один из неофициальных. Я очень опасался, что окажу плохую услугу диссертанту, т. к. разбирал те черты его работы, которые не затронули другие, и упрекал его за то, что он не сказал того-то и того-то, о чем из других выступавших никто и не говорил. И что же? Голосование было единогласным "за". А в перерыве ко мне подошла большая группа сидевших в зале и выразила мне, как они сказали, "глубокую благодарность от всей присутствовавшей молодежи". Мне потом говорили, что такое голосование вообще не бывает на философском факультете, и две предыдущие диссертации вообще провалили. Более всего меня удивляют в этом деле именно результаты "голосования": ведь голосовала-то не "молодежь". Не знаю, вызвано ли это моим выступлением в университете, но вчера я получил от Федосеева⁴, директора Ин[ститу]та философии Академии наук, просьбу выступить оппонентом на одной диссертации у них. Но тут я начисто отказался. Никаких привходящих моментов тут не было.

Но наряду с этим, довольно любопытным фактом, был *целый ряд* других, любопытных тоже, но уже с *другой стороны*. Одного из них я коснусь — потому, что речь пойдет о том, что *Вы уже знаете*: это — финал истории с моей статьей "История" для философской энциклопедии.

Как Вы знаете, статья эта в полном виде напечатана в "Вестнике истории мировой культуры"⁵. Сокращенный (вдвое) вариант был мною написан для "Энциклопедии". Там — обработан в должном для энциклопедии стиле — *без нарушения* идеологической стороны, т. е. с сохранением всей концепции. Одобрено редакцией. Но... надо было послать на рецензии. Получились две: одна написана известным Вам Ф. Константиновым, гл[авным] редактором журнала "Коммунист" (ЦК)⁶, ко всей философской энциклопедии; другая также, вероятно, известным Вам — М. Д. Каммари⁷, одним из ведущих философов Ин[ститу]та философии АН. Оба высокоавторитетные в своих кругах рецензенты *забраковали* мою статью. Предложили в корне переработать, учитывая классовую борьбу, революции и т. д. Что такое это "и т. д.", надеюсь, Вам понятно. Когда *редакция* энциклопедии, щадя меня, *не пославшая* мне эти рецензии, сообщила мне только их содержание (в тихой ярости), я наотрез отказался от всякой переработки и сказал: либо пусть идет так, как подготовлено редакцией, либо пусть заказывают новую статью. Мой отказ был принят явно с одобрением. Прошло несколько дней. И ко мне

обратились с вопросом: позволю ли я в *новой* статье использовать кое-что из моей статьи? Я сказал, что моя статья в полном виде напечатана и из нее могут брать все что угодно и кто угодно, разумеется, со ссылкой. Тогда меня спросили: так как заимствований может быть очень много, не соглашусь ли я на то, чтобы статья была подписана двумя авторами. Я сказал: *нет*. Пусть будет чья угодно подпись, но не моя.

Вот, дорогой Борис Борисович, и финал: ровно через год, когда я услышал первый отклик на эту свою работу — известный Вам. Признаюсь, я предвидел этот конец с самого начала, почему и отказывался так долго и упорно.

Вот — один из фактов "*другого порядка*", о которых я заговорил. Их — довольно много. И они не способствовали хорошему настроению. Не скажу, что это все меня огорчает. Не в этом дело. Что же можно ожидать было другого? Но — с моей несколько повышенной в последние годы нервозностью — все это отражалось на душевном состоянии. Повторяю, это — не единичный факт.

И тут же — новый факт, уже другого порядка. И это — последнее, что я напишу в этом затянувшемся своем письме. "Международная комиссия по истории научного и культурного развития человечества" (орган ЮНЕСКО) издаст "Историю науч[ого] и культ[урного] развития человечества" (многотомную). Она заготовлена. "Введение" к этому огромному труду написал не кто иной, как "сэр Джулиан Хаксли", как мне сообщили, т. е. один из крупнейших мировых биологов-философов, член Королевского Общества, лауреат Нобелевской премии. Это "Введение" прислали нам (мы участвуем в этом издании как рецензенты) с тем, чтобы мы высказали свои замечания и пожелания сэру Джулиану или, если захотим, *дали бы свое "Введение"*, если сочтем, что "Введение" Хаксли для нас неприемлемо в целом. И вот я *получил поручение* написать *наше "Введение"*, которое будет помещено после "Введения" Хаксли.

Как Вам это нравится? Я еще не дал ответа; пока думаю. И кажется мне, что откажусь — начисто⁸. Пусть попросят написать Ф. Константинова или Каммари. Главное — мне это не по силам. И слишком много понадобится бы сил и труда, чтобы на протяжении одного листа дать "Введение", могущее стоять рядом с "Введением" Хаксли и даже конкурировать с ним. А сил у меня не так много и то я их очень неэкономно трачу.

Вот Вам — *немногое* из того, что в последний месяц у меня было.

Не буду пока писать на темы, затронутые Вами в последнем письме. В особенности мне хочется написать Вам кое-что по вопросу о переводе. Но на этот раз, дорогой Борис Борисович, позвольте ограничиться только этим.

До следующего письма.

Ваш Н. Конрад.

Р. С. Сегодня мы уезжаем на Николину гору. Возвращаемся 5-го -- начинается сессия АН. Не очень увлекательная перспектива. Н. К.

82

Б. Б. Вахтину

27 апреля 1962 г.

Дорогой Борис Борисович!

Чувствую, что уже накопилось многое, о чем нам с Вами стоило бы поговорить. Но приеду я в Ленинград, вероятно, не раньше конца мая. Если приеду, конечно, т.е. если все будет идти и дальше так, как идет сейчас. А числа 5-6 мы с Натальей Исаевной собираемся улететь в Ереван — дней на пять-шесть. Отчасти — для того, чтобы провести вместе, вдвоем, среди "незнающих гор" день 8-го мая, когда Наталья Исаевна исполнится 60 лет. Но, конечно, и для того, чтобы поговорить с тамошними историками на тему о "восточном Ренессансе", к идеи которого они отнеслись весьма сочувственно. Они меня там сейчас ждут.

По всему этому мне и приходится пока обращаться к письму — для того, чтобы немного поговорить о Вас и о себе.

На днях я получил письмо от А.И. Гитовича¹, в котором содержалось два его новых стихотворения. В одном из них есть такие строки — о его труде как переводчика:

Он [т. е. труд переводчика. — Н. К.] был моей свободой и волей,
моею добровольною тюрьмой,
Моим блаженством и мою болью,
сердечной болью, а не головной.
Пытаюсь современными словами
Перевести китайский старый стих,
Я как бы видел древними глазами
тревогу современников своих.

Строки очень хорошие. Если придется, попросите его показать Вам эти два стихотворения.

Я ответил ему большим письмом. Не уверен, поймет ли он меня во всем... Ведь он меня знает очень мало.

Написал Вам я эти строки потому, что мысль о том, что мы, занимаясь старыми китайскими, "как бы видим древними глазами тревогу современников своих", мысль эта — понятна и Вам, и мне. И даже очень понятна. Только я сказал бы, что дело не ограничивается одной "тревогой". Вы жили в атмосфере Юэфу; сейчас живете в мире "Яшмовой башни". И Вы прикасаетесь там с прекрасным. Чувствуете "древним сердцем" прекрасное у "современников своих". Впрочем, может быть, правильнее сказать *прямо наоборот*: чувствуете современным сердцем то, что было когда-то. Чувствуете же потому, что это *есть и сейчас*.

Не думайте, дорогой Борис Борисович, что я — во власти той самой "необходимой иллюзии Разума", о которой так кстати вспомнил автор "Достоевского и Канта"². Нет, я — во власти реальности, а не иллюзии: реальности подлинной, а не мнимой; реальности великой жизни, а не "сегодняшней газеты", хотя бы именно от "сегодняшней газеты" весьма реально зависит и наша собственная жизнь. Тут действительно что-то вроде "антиномии", но антиномии не космологической, о которой говорил мудрейший и хитроумнейший из софистов, а антиномии "землянской", которую ставят перед нами создатели "необходимой иллюзии авторитета", тоже по-своему хитроумные. Даже, пожалуй, хитроумнейшие, но уж никак не мудрейшие.

Вы писали об освобождении от "груза иллюзий". Я принимаю это — в плане реальности мнимой. С мнимым надо и обращаться как с мнимым; понимать, что это — "мнимое". Но с перенесением этого Вашего чувства в план настоящей реальности я не согласен: нельзя действительно реальное принимать за иллюзорное. Впрочем, писать Вам об этом — излишне. Кто, как не Вы, это хорошо понимает? Я успел достаточно узнать Вас, чтобы это видеть и очень-очень ценить.

А кроме этого — нужно всегда, как мне кажется, помнить о том, о чем по-своему сказал Тикамацу Мондзаэмон³, томик драм которого я Вам все-таки добуду. Говоря о своем искусстве, он сказал, что оно лежит на тонкой грани между "тем, что есть", и "тем, чего нет". Я знаю источник этой формулы, а ее основной смысл — что подлинная реальность находится на грани между реальностью видимой и реальностью невидимой, между существующим и несуществующим. Японский драматург тонко видел эту "невидимую", "несуществующую" реальность в той реальности, которая создается творцом, в данном случае — драматургом, писателем, художником, и это есть — несомненная, абсолютно реальная реальность. Вы, Борис Борисович, и это — одно из того в Вас, за что я Вас так люблю, — Вы не просто "научный работник". Вы — из тех, кто превращает науку в творчество. Вам ли поэтому сомневаться в правде того, о чем я написал?

Ваш Н. Конрад.

83

Ю. В. Ионовой

4 июня 1962 г.

Многоуважаемая Юндвига Васильевна!

Думаю, что тот мой отчет, в котором содержались сведения о шаманстве, просто не дошел до Л.Я. Штернберга¹. Он был, как я думаю, направлен вместе с некоторыми предметами этнографического характера из Токио в г. Цуруга — в агентство русского Добровольного флота.

которое должно было отправить все в Петербург. Но была уже война (1-я мировая) и все пароходы Добровольного флота стали пересвозить только военные грузы, все же прочие были положены на длительное хранение в склады в г. Цуруга. По возвращении домой я осенью 1917 г. передал все документы на отправку груза Л.Я. Штернбергу. Через несколько лет он поехал на этнографический съезд в Японию² и взял с собою все документы, чтобы получить этот груз, если он найдется. Конечно, после 1925 г., т. е. через 11-12 лет, никакого не только груза, но и самого агентства Добровольного флота в Цуруге не было. Так и пропало все, в чем убедился сам Л.Я. Штернберг. Поэтому продолжать поиски бесполезно. Вероятно, отчет был отправлен вместе с коллекцией.

С приветом Н. Конрад.

P.S. Спасибо за сведения о японских этнографических журналах. Только меня больше интересует комплект (должен быть полный) журнала "Кёдо кэнкю".

84

Б. Б. Вахтину

Рижское взморье. 6 сентября 1962 г.

Милый, милый Борис Борисович!

Вы меня не поняли. Боже мой, *Вас* ли я могу считать "махнувшим рукою" на все? И *так* ли писал бы я Вам, если бы не знал, кому пишу?

Нет, тут дело было проще. В своем письме, ответом на которое было мое предыдущее письмо, *Вы с такой определенностью* изложили Ваш "план" по официальным Вашим обязанностям в Институте, что я увидел, как тут у Вас все ясно и как тут сложились Ваши решения. Но помимо этого официального плана у Вас, ведь, есть и другой... И вот о нем-то я и не прочел ничего такого, что звучало бы *такой же определенностью*, но в мажорном ключе... А Вы знаете, как я отношусь и к Вашему официальному бытию и к Вашему неофициальному. И то, и другое мне дорого и важно. Видите, теперь, в чем дело?

И, конечно, в этот второй план входит не только "Юй тай" или, вернее, эта линия Вашей деятельности, Вашего существования. Как я полагаю, "Юй тай" у Вас только вещественное проявление (или: одно из проявлений) той жизненной деятельности, о которой Вы пишете. Тут я счастлив видеть в Вас совсем близкого мне человека. Как Вы знаете, и у меня мои "Юй тай" (у каждого, ведь, свое), т. е. главные стороны деятельности, тоже только вещественные выражения существа этой деятельности, осуществляемой, конечно, в доступном и возможном для меня плане. Несколько ином, сравнительно с Вашим, но ином больше в смысле орудий и средств, чем в смысле существа. На этом-то, ведь, и

основано наше такое с Вами полное и хорошее взаимопонимание. Милый Борис Борисович, я никогда и в мыслях не имел, что Вы "сдаете" "по этой линии", выражаясь штампованным языком нашей интеллигенции. "Вы" и "сдаете"?! Эти две категории несовместны, выражаясь языком Пушкина. Нет, никак! Поэтому то, что в моем письме показалось Вам чем-то в этом роде, относится совсем к другому.

Да, я не знаю другой стороны Вашей жизни. Я только подозреваю, что она существует. Ничего из Ваших работ из "той стороны" жизни я не знаю. Я только чувствую, что за тем, написанным Вами, что я читал, пусть это даже будет простое предисловие к "Юэфу", скрывается что-то — не иное, а то же, но уже другого масштаба. Вероятно, нечто в этом роде Вы видите и в моих писаниях, с той только разницей, что кроме этого у меня ничего нет. У Вас, по-видимому, есть что-то вещественное, отложившееся в написанных страницах, у меня есть только что-то в душе, в мыслях. Кое-что из этого, вероятно, прорывается в моих письмах к Вам. Если Вы захотите познакомиться меня с тем, о чем Вы пишете, Вы встретите во мне человека, умеющего слушать, особенно — Вас, которого я очень высоко ценю как человека. О чем даже как-то написал Вашей матушке¹, когда она почтила меня своим приветом по случаю семидесятилетия. Думаю, что осенью случай такой представится.

Может быть, кое-что в моем письме и Вы почувствовали. У меня в минувшую весну было два происшествия. После очень долгого перерыва я решил попробовать почитать лекции. Состояние здоровья сейчас мне позволяет небольшой цикл прочесть, а сказать есть что... посредством лекций о Востоке. Поэтому я и согласился приехать в Тарту, откуда до меня доходили очень заинтересовавшие меня вести². Вы пишете, что Р.Ф. Итс³ говорил Вам, что мои лекции прошли там с успехом. Нет, не верно. Он знает только по газетным (маленьким) извещениям, а в них абсолютно ничего, кроме нажима на мои "звания", нет. Я прочитал три лекции — для публики совершенно неопределенной: студенты историко-филолог[ического] факультета, преподаватели этого же факультета, люди из города, вероятно, кое-кто из учителей. Словом, человек 20-30. Первая лекция была о Ду Фу. То самое "Слово" к нему, которое было намечено для ленинградского [отд[еления] Гослитиздата и отвергнуто ими. Это послание "через века" я немного отделал, оно стало, как я думаю, лучше. Скажу Вам и вот что: я показал это послание И.С. Брагинскому⁴; и оказалось, что он ходил с ним в "инстанции", как у нас выражаются, и там ему сказали, что жалекот, что не знали о существовании этого "послания" тогда, когда готовили общегородское собрание, посвященное Ду Фу. И что они считают особенно важным, — что в "послании" сильно звучит "антивоенная нота", которая особенно должна быть направлена к той стране, которой принадлежит Ду Фу.

Вторая лекция была на тему: Восток и Запад в общем деле создания и укрепления концепции гуманизма как движущей силы исторического и

человеческого прогресса. Третья: Что дает история стран Востока для улучшения нашей *общей теории* исторического процесса. И вот, от лекции к лекции я все сильнее и сильнее чувствовал *непущность* моих выступлений... Не то, чтобы я что-либо услышал. Если я что-либо и услышал, то это — только молчание. И молчание не одобрения или порицания, а, как мне показалось, недоумения. "Что это такое он там говорит?" Поэтому я уехал из Тарту порядком расстроенным.

Второй мой неожиданный демарш был уже в Москве. Я согласился прочитать в ГИТИСе (Гос[ударственный] ин[ститу]т театр[ального] искусства) цикл из 6 лекций по истории японского театра. Это приглашение было вызвано стремлением кафедры зарубежного театра поставить у них курсы по истории восточных театров. До меня там кто-то прочитал курс по истории театра в Индии.

Прочитал я не 6, а только 5 лекций. Не мог больше. И пятую я уже читал с трудом. Не потому, что мне было трудно физически; было невозможно морально. Я читал... в пустоту... Ощущение пустоты нарастало от лекции к лекции.

Не думаю, что эти два одинаковых результата объясняются тем, что я плохо стал читать лекции. Думаю, что этого тут еще не было. В чем же дело? Не *тот* материал давал? Или давал не *так*? Но я давал и *тот* и *так*, как я сейчас могу; значит, то, что я считаю "*тем*" и "*так*", для других — и не "*то*", и не "*так*". Словом, я понял, что возвращаться к публичным выступлениям мне не следует. И сделал уже настоящие выводы.

Только не думайте, что меня все это очень расстроило. Поверьте, что нет. Но это было поучительно: я узнал еще один отрезок действительности. А я ее плохо знаю. Не так, как Вы; особенно после Вашего путешествия, о котором я все-таки еще ничего не знаю.

Кончаю письмо. Не потому, что нет более, о чем писать, а потому, что его слишком много. Поэтому, дорогой Борис Борисович, милый друг, заканчиваю. И шлю Вам свой неизменный, действительно сердечный, привет.

Ваш Н. Конрад.

85

О. Л. Фишман

17 августа 1963 г.

[...] Литература изучаемой Вами эпохи должна рассматриваться как некое диалектическое целое: то, с чем она борется, и то, за что она борется. И главное, против чего она, сама того, может быть, не сознавая, борется, это — искаженность душ господствующего слоя того времени. Это важнее, чем всякое взяточничество, произвол, карьеризм, корыстность и т. под. Искаженность душ есть одновременно и искаженность

мышления. И в самом опасном смысле: не в смысле ошибочности, а в смысле — стандартизации... Хуже всего то, что, как это обычно бывает, происходящее в господствующем слое переходит и на тех, над кем он господствует. По-моему, великое значение изучаемой Вами линии литературы именно в том, что она эту глубинную духовную порчу раскрывает.

В эту эпоху произошло нечто в высшей степени характерное для истории всякой общественной теории: превращение ее в неподвижный догмат. Когда-то Сунцы и прежде всего Чжу Си, которого я безоговорочно считаю крупнейшим из всех представителей мировой рационалистической философии эпохи Ренессанса, сделали великое дело: создали гибкую, поистине диалектическую, всеобъемлющую философию, охватывающую природу, человека, историю, жизнь. Это была умственная революция — по сравнению со Средними веками — с Кун Ин-да и прочими. Впоследствии, когда наступило "Новое время", последний этап феодализма, правящий класс не мог отказаться от этого уже получившего огромное развитие учения, но выхолостил его, начисто убрав элементы диалектики и выделив все схематичное, а это последнее превратив в догму. И эта выродившаяся философия стала главным препятствием на пути истории, почему на нее так и обрушились с разных сторон -- и "справа", и "слева". Словом, интеллект, мысль были закованы в схему неподвижных догм, а это — и привело к "искажению душ", догматичности — страшного врага человеческой мысли. Конечно, в борьбе с этой догматичностью появилась и новая догматичность, но это — явление неизбежное. Прорваться к истинной свободе мысли не так легко и просто.

Теперь учтите, что традиции в этой стране сильнее, чем во многих других. В том числе и традиции мышления. Не мысли, а мышления... Достаточно вспомнить хотя бы появление "трех зол" и тому подобных "формул". [...]

[Н. Конрад].

86

Б. Б. Вахтину

3 декабря 1963 г.

Дорогой Борис Борисович!

В пятницу у меня был "консультант", после чего мне предложили 10 дней лежать. Заявили, что могли бы направить опять в больницу, но не хотят "дополнительно травмировать". А я и не знаю, что лучше: так мы с Анной Ивановной ходили бы друг к другу в гости... Причина всего переполоха — две последние (с промежутками в неделю) электрокардиограммы, показавшие, что "что-то" произошло. Что — мне не говорят.

Да я и не справляюсь. Не все ли равно? Все равно я знаю, что ничего серьезного не произошло и все скоро войдет в норму. Это мне говорит мой "демон"... Кстати, о "демоны"... Мне пришлось полторы недели тому назад все-таки пойти на заседание РИСО: надо было отстаивать план новых изданий... по линии "Памятников литературы"¹. Я знал, что этот план вызвал в лучшем случае недоумение и вряд ли будет принят. В нем значились, между прочим, такие произведения: "Уайя" Марии Французской, цикл "Тристан и Изольда" (включая поэму Готфрида Страсбургского), Иосиф Флавий "Иудейская война". Дион Кассий, стихи Г. Аполлинера, весь Бодлер... и другое в этом же роде. Совет на 3/4 состоит из "физиков", а "лирики" там, это — философы из разряда "классиков", экономисты, занимающиеся конъюнктурой и преданные ей: был один языковед, два историка (русских); литературоведа — ни одного. Председатель — акад. Кириллин, наш новый "первый вице-президент"; он — теплотехник и бывший заведующий отделом науки в ЦК. Он сразу же мне предложил обосновать каждый памятник. Все сие моментально ввело меня "в форму", и я начал аргументировать. И вот, желая убедить почтеннейшую публику в полезности издания в русском переводе "Римской истории" Диона Кассия, я сказал: «Он, этот историк, обладал одним предрассудком, которого, разумеется, нет у современных историков: Дион Кассий считал, что историю нужно писать так, чтобы ее читали, т. е. попросту писать интересно. И это ему удалось... И он сам объясняет почему: в предисловии он говорит, что писал, повинаясь голосу своего "демона", сидящего в нем". К этому я добавил: о том, как важно прислушиваться к своему "демону", свидетельствует опыт Сократа, который, как он сам сказал, все, что он высказал, высказал, подчиняясь своему "демону". Вот для того, чтобы разоблачить античного историка, показать его предрассудок — несомненное следствие его классовой ограниченности, мы и хотим издать "Римскую историю"». В том же духе я аргументировал и дальше. Например, о Бодлере сказал так: «Да, он написал "Цветы Зла". Но надо понять — о цветах какого "зла" он говорил. А для того, чтобы это понять, надо вспомнить, как Бодлер, в красном жилете, вместе с друзьями шел в вечер премьеры "Эрнани" приступом на твердыни догматизма... А тогда догматизм рядился в тогу "классицизма"». Ну вот, так и о всем прочем. Кончилось неожиданно: Кириллин предложил принять... И было принято без единого возражения или вопроса. А разговоров среди "физиков", как мне сказали уже потом, было немало. В кулуарах. Вот Вам один момент, после которого я шел из Президиума домой пешком (это ведь очень близко) почти сорок минут... А до этого были волнения -- уже неприятные, связанные с В.В. Виноградовым; после пошли волнения, связанные с Ин[ститу] [том народов Азии, да и вообще гуманитарными институтами Академии. Вот и все. Но "демон" мой подсмеивается и только твердит: "Ничего, ничего... Все это — пройдет".

Дорогой Борис Борисович... От шуток (хотя все, что я написал, действительно было) я перейду к серьезному: не надо — из желания победить меня — отстраняться от меня своею жизнью. Я в течение всего этого времени не выключал себя из жизни. И все, что делается с теми, кого я люблю, кого ценю, меня касается. И я не хочу, чтобы не касалось. Я довольно много слышал о Вас. Всегда — хорошее. И от очень разных людей. Всегда в самом хорошем плане говорят о Вас как о человеке. Постоянно слышу, какой Вы умный, тактичный и в то же время уверенный руководитель довольно разношерстного "оркестра"². Да и оркестра ли? — во всяком случае — до Вас... А при Вас, как говорят, понемногу получается ансамбль. Все это я слышу от других. Знаю и о кое-каких трудностях на Вашем пути — в Лен[инградском] отделении... Правда, все это — очень смутно и бестолково. О Вас от Вас самих я знаю мало... Вы меня оберегаете, дорогой, я это очень хорошо понимаю, но Вы же знаете, что я не могу только лежать и прислушиваться — болит или не болит, да следить — пора или еще не пора принимать очередное лекарство. Я много думаю о Вас, о Вашем будущем... Поэтому не бойтесь писать мне обо всем, что Вас занимает, что Вас волнует. Писать я могу (я каждый день все же работаю часа два-три), так что и отвечу Вам, если что-нибудь придет в голову.

Сейчас тут — больше волнительного, особенно — по части будущего гуманитарных институтов и нашего, в частности. Я вовлечен в это дело. Как и почему — сейчас писать не буду. Недавно, еще до электрокардиограмм, мне прислали проект того раздела будущей "Истории мировой литературы", который будет посвящен литературе современной (после 1945 г.). Я не согласился с ним и написал большое "сочинение" на тему, что такое (конечно, в моем понимании) современная литература в масштабе мира и как ее нужно понимать и обрисовать. В свете 60-х гг. XX в., а не времен "классицизма". И, представьте себе, кажется, подсыпало! Все же 60-е гг. XX в. пробивают себе дорогу в извилинах мозгов даже "классиков". Не об этом ли говорит и факт появления в Ин[ститу]те философии, т. е. цитадели "классицизма", группы "философии истории"? Вот список докладов, которые они будут обсуждать в ближайшие 2-3 месяца: предмет исторической науки, метод исторической науки, точные методы исторического исследования, историческая наука и общественная психология, проблема доказательства в истории, историк и образное мышление, иррационалистические концепции истории, индивидуальность и исторический процесс, философия истории неотомизма... Не правда ли, заслуживает внимания? Я жалею, что пока все еще нигде не хожу (выход на заседание РИСО был пока единственным), так что не могу пока увидеть собственными глазами — что это такое... Но и то, что до меня пока дошло, заставляет думать, что это — что-то новое...

Ваш Н. Конрад.

Узкое. 4 апреля 1964 г.

Дорогой Виктор Владимирович!

Из полученной мною повестки я узнал, что 7-го апреля на очередном заседании Бюро ОЛЯ будет обсуждаться деятельность редколлегии журнала "Вопросы языкознания"¹. Как Вы, может быть, знаете, мне снова пришлось три недели пролежать в больнице. Меня отпустили оттуда только несколько дней тому назад, да и то с непременным условием "долечиваться" в санатории. Таким образом, я снова в Узком.

Как видите, я не могу присутствовать при обсуждении членами Бюро деятельности редколлегии нашего журнала, ответственность за который я несу в той же мере, как и прочие члены этой редколлегии. Судя по повестке, доклад о работе редколлегии сделаете Вы, Виктор Владимирович, как главный редактор. Вероятно, как это всегда наблюдалось до сих пор, Ваше освещение деятельности редколлегии будет общим для всех нас; во всяком случае — для меня. Все же я позволю себе еще раз высказать свое мнение о нашем журнале — о его пути за 12 лет его существования.

Как мне неоднократно приводилось говорить, я считаю, что за это время сделано большое дело: журнал "Вопросы языкознания" превратился в один из самых крупных и серьезных лингвистических журналов во всем мире; по количеству же номеров в год, по их объему, по регулярности выхода он занимает бесспорно первое место среди них.

Я считаю также, что журнал стал на правильный путь — превращения в орган теоретической мысли прежде всего. Лишь на этой основе он мог обрести свои собственные позиции, не вторгаясь в сферы компетенции лингвистических журналов, посвященных каким-либо отдельным языкам или языковым группам, и не повторяя работу журналов по практике языкознания.

Разумеется, добиться этого было нелегко. Да в полной мере это не достигнуто и сейчас. Но это — понятно. На нашем пути было много трудностей. Прежде всего для нас самих такая задача не сразу стала ясной. Далее, мы далеко не всегда встречали понимание таких задач со стороны наших коллег-языковедов, поскольку подавляющее большинство их более всего занималось и занимается работой по изучению отдельных языков, особенно языков народов Советского Союза; работой, конечно, крайне важной теоретически и первоочередно необходимой практически, но все же не совпадающей с работой по общей теории языкознания. Наконец, трудно было найти и ту научную почву, на которой можно было бы достигнуть превращения журнала главным образом

в орган теоретической языковедной мысли, поскольку обстановка в теоретическом языкознании — как в нашей стране, так и во всем мире — была и остается до сих пор крайне сложной и противоречивой. Все это и не могло не отразиться на нашем журнале: привело к неравномерности и даже известной противоречивости его движения по своему пути.

Я не склонен, однако, считать это крайним недостатком. Все мы живем в реальной обстановке и именно через нас проявляются ее трудности и противоречия. Было бы чистейшим доктринерством, если бы мы вообразили, что можем сразу же, с первого шага стать обладателями "лингвистического правосерия". К сожалению, некоторые тенденции к этому были, особенно в первые годы деятельности редколлегии, но, к счастью, в дальнейшем положение стало выправляться и единственным общетеоретическим положением, которое было и остается для нас неизблемым, стало отношение к языку как *явлению общественному*. При все общем характере этого положения, оно на деле предопределяет направленность всей конкретной теоретической работы в области языкознания.

Отказ от доктринерства побудил нас предоставить страницы журнала различным течениям мировой лингвистической мысли. Это было необходимо. Нет ничего вреднее для прогресса науки, как искусственная изоляция от того, что есть на свете, пусть даже кое-что из того, что есть, для нас по каким-либо причинам и неприемлемо. Поэтому я считал и считаю правильным этот шаг, сделанный нашей редколлегией, хотя он вызвал и вызовет возражения со стороны многих наших языковедов.

Мне кажется, что именно марксистское понимание явлений науки позволяет нам открыть дорогу в наш журнал представителям различных течений структурализма и математической лингвистики.

Думать, что эти течения как-то отменяют классическую лингвистику, как она сложилась со времен Гумбольдта, в высшей степени — наивно. Дело не в отмене одной линии исследования и замене ее другой, но в *различии объектов исследования*, а, следовательно, и его *методов*. В языкознании в последнее время по-своему воспроизводится то, что наблюдается, например, в физике. Существовала классическая физика, "общая и прикладная", как ее сейчас называют, занимающаяся физическими явлениями в их действии, но появилась физика, предметом которой стали сами явления как таковые, в их внутренней структуре; появилась физика элементарных частиц, "ядерная", как ее стали называть. Что же? Отменила эта физика — классическую? Думаю, что для физиков самый такой вопрос — нелеп.

Языкознание до сих пор изучало язык в действии, но пришло время погрузиться внутрь самого языка, понять его механизм, открыть в нем свои "элементарные частицы" и определить их функции. Что же? Отменяет такое языкознание — классическое? И тут подобный вопрос столь же нелеп. Повторяю: дело не в "двух лингвистиках", а в *двух аспектах языка* и соответственно этому в *двух путях его исследования*. Изучение

языка как механизма — вполне закономерный этап в развитии лингвистической теории, необходимое расширение языкознания. Потому мы и должны были в нашем журнале отразить и это направление лингвистического исследования.

Тут, однако, мы встретились с одним, вполне естественным, но не вполне оцененным фактом. Известно, что элементарные частицы становятся известными во все возрастающем числе. Но пока нет еще обобщающей теории этих элементарных частиц. Так было в свое время в химии: открывались все новые и новые химические элементы, их изучали. Но только Менделеев создал общую теорию химических элементов и определил место каждого в общей системе. Своего "Менделеева" в физике элементарных частиц пока нет.

Если так — в физике, то тем более так в языкознании. Открываются все новые и новые "модели" в языке, свои "элементарные частицы", но общей теории их нет. Конечно, существуют различные концепции, претендующие на значение такой общей теории, но они далеки от "однозначности", как выражаются сейчас математики и естественники, т. е. от научной общезначимости. Отсюда и все противоречия в лингвистическом структурализме, случаи взаимного отрицания, даже самоотрицания; отсюда — неустанные поиски. Журнал — не трактат, не работа какого-нибудь одного автора. Журнал — отражение научной жизни — многообразной и сложной. Поэтому обрисованное положение в языкознании отразилось и на нем.

Однако, это не должно превращаться в какое-то беспринципное отражательство. Ни в коем случае! Но как этого достигнуть? Подчинением линии журнала какой-либо доктрине с отсечением а priori всего того, что не укладывается в ее схему? Также — ни в коем случае! Мне кажется, что существо марксизма даст возможность найти нужный путь: он — ни в огульном отрицании одного и догматическом превознесении другого, а в понимании каждого явления науки, понимании причин его возникновения, его смысла и в определении на основе этого его места в науке. При таком понимании и применении этого понимания в отборе и подаче материала — все станет на свои места и будет не расшатывать создающееся у нас здание советской лингвистической науки, а помогать его строить. Это — не легко и не может быть легким, но этой стороне дела в журнале должно отводиться все большее место. Тем самым будет создано кардинальное отличие теоретических позиций нашего журнала от лингвистических журналов других стран.

К числу принципиально важных сторон деятельности журнала я отношу публикацию материалов по истории науки в нашей стране². Нам удалось найти и опубликовать ряд оставшихся неизвестными или недостаточно в свое время оцененных работ языковедов нашего прошлого. Этот раздел журнала я считаю важным по причине, что этим путем мы восстанавливаем подлинное лицо языкознания в нашей стране; напоминаем о том, что история его была поистине блестящей, что мы имеем

право гордиться рядом языковедов крупнейшего масштаба. Этим путем окончательно снимаются с наших глаз шоры, которые многие из нас сами на себя надели, неосмотрительно оперируя взглядами то Н.Я. Марра, то И.В. Сталина. Поскольку наш журнал имеет широкое распространение за рубежом, постольку этот раздел журнала имеет и крупное международное значение.

Несколько конкретных пожеланий организационного характера. Журнал наш должен всемерно *усилить свою информационную часть*. Необходимо самым широким образом и притом — *своевременно* — освещать научную жизнь в области языкознания в нашей стране и за рубежом. В нашей стране идет ведь огромная, разносторонняя работа — в Академиях наук союзных республик, в местных научно-исследовательских учреждениях, высших учебных заведениях. Все это свидетельствует о невидимом до сих пор размахе языковедческой работы в нашей стране — и по части числа языков, и по части задач, которые ставит сама жизнь. Все это нужно освещать так, как есть, ибо именно таким способом можно будет установить то, что следует поддерживать, и то, что следует исправлять.

Столь же необходима подробная информация о происходящем в лингвистической области в зарубежных странах. И также — широко и, главное, *своевременно*. Должен с сожалением отметить, что многие течения лингвистической мысли в этих странах не отражены, не освещены у нас. Например, американская этнолингвистика, течение, связанное с бихевиоризмом... Может быть, следовало бы иметь на местах своих *постоянных корреспондентов*, своевременно доставляющих интересующую нас информацию. Постоянных корреспондентов у нас, на местах, и в граничных научных центрах.

Таково мое мнение о нашем журнале и о работе редколлегии, Виктор Владимирович. Буду счастлив, если я этим смогу чем-нибудь помочь Вам.

Ваш Н. Конрад.

88

В. М. Жирмунскому

22 сентября 1964 г.

Дорогой Виктор Максимович!

Вернувшись с Рижского взморья, где я провел, как обычно в последние годы, два летних месяца, нашел у себя на столе прибывшие в мое отсутствие два Ваших дружеских дара: "Розу и Крест" и "Введение..."¹. А в последнем номере "В[опросов] я[зыкознания]" прочитал Вашу статью о тюркском стихе².

Виктор Максимович! Разумеется, я прежде всего благодарен Вам, благодарен от всей души за Ваше неизменное доброе внимание ко мне. Но не могу тут же не сказать, что я испытываю настоящее восхищение Вами. Написать одновременно три столь разных — по теме, по методу работы, по манере изложения, по языковому стилю — научных работы и написать их так, как Вы это умеете — поистине достойно восхищения. Горжусь, что у меня есть такой "современник"... А мы ведь действительно современники.

Признаюсь Вам, что "Роза и Крест" — то, *что* Вы написали о ней, этой драме, *как* о ней написали — взволновало меня не на шутку. Почувствовались какие-то "зовы" той эпохи, когда мы были именно теми, для кого Блок создавал эту драму... Да и вообще писал стихи. Конечно. Ваша книга написана через 50 лет "после того", но в ней есть кое-что и "от того". Или это мне только так показалось? Во всяком случае — я думаю, что это так! — я прочитал эту Вашу книгу иначе, чем прочитае-ет тот, кому сейчас 20–30 лет.

В Вашем "Введении" для меня, конечно, наиболее интересна глава 8 — "От племенных наречий к языкам народности". Я, кажется, в первый раз вижу не отвлеченное рассуждение о движении языка от времен племенного "языкового существования" к временам "языкового существования" народности, а совершенно конкретное, исторически прослеженное на реальных фактах этнического процесса раскрытие этого движения в самом языке. Думаю, что на этой главе будут учиться — как этот процесс следует показывать в других исторических случаях.

Перехожу к другому: к делам наших "Лит[ературных] памятников". Виктор Максимович, мне как-то не нравится, как "подается" у нас редколлегия на обороте титульного листа. Посмотрите последнее издание — "Манон Леско". Какой-то ранговый список! Очень мне не нравится. И как это строго выведено по "чинам"! Не лучше ли сделать так, как в "В[опросах] я[зыкознания]"? Перечислить весь состав по алфавиту (фамилии с инициалами имени и отчества) с добавлением — в скобках — в двух случаях: (председатель) и (уч[еный] секретарь). Как Вы думаете? Если бы Вы сочли это лучшим, мы могли бы на следующем заседании редколлегии предложить такое изменение нашим коллегам.

Надеюсь, Вы и Нина Александровна в добром здравии? Прошу передать сй мой самый теплый привет. Хотелось бы, да и нужно, приехать в Ленинград, но дела не позволяют. Преданный Вам *Н. Коппрад*.

89

Б. Б. Вахтину

20 января 1965 г.

Дорогой Борис Борисович!

Отдельной бандеролью посылаю Вам два оттиска — своей статьи, помещенной в "Новом мире", и рецензии, помещенной в "Русской лите-

ратуре"¹. Хотя первая Вам хорошо известна, а вторая вряд ли представит какой-либо интерес для Вас, так как написана была о всах, не очень Вам (да и мне) близких, все же пусть эти оттиски будут у Вас — ну, для коллегции, что ли. Больше я никому посылать оттиски не намерен.

А рецензия на работы В.В. Виноградова имеет свою историю. Это — мой отзыв, направленный при представлении этих работ на Ленинскую премию (что, как Вы знаете, не прошло). Отказаться я не мог, так как мой отказ сразу же был бы истолкован как отрицание ценности этих работ. А.С. Бушмин² тем не менее настоял на том, чтобы эта рецензия стала известной, и взял ее, чтобы напечатать в "Русской литературе". Она появилась в канун юбилея В.В. Виноградова (он отмечался 13-го января собранием в Доме ученых) и, кажется, доставила рецензируемому удовольствие. Но у меня — в связи с этим юбилеем -- получилась целая серия opus'ов о В.В. Виноградове. К его 7-летию издали сборник в его честь и в нем есть моя — уже большая — статья на ту же тему³. В ней идет разговор о том же, но значительно подробнее и с добавлением новой темы: "литературное произведение" и "литература". Если получу оттиски, пришлю Вам. Эта статья — мой второй opus о Виноградове. А третий — доклад о нем на самом юбилее. По ряду причин, о которых писать было бы долго, академические "сферы" просили сделать этот доклад именно меня. И вот последние две недели я сидел над книгами и статьями юбиляра и готовил доклад. Не судите о нем по тому, что напечатано в "Литературной газете": это — набор вступительных фраз из разных разделов моего доклада в соединении с концовкой (цитата из Пушкина), которую они все же решили дать⁴. Доклад совершенно не похож на то, о чем я писал в статье, и был завершен четверостишием из "Незнакомки" Блока...

Я не жалею времени, потраченного на эту работу. В.В. Виноградов — один из трех пока еще живущих представителей моего поколения — "геттингенских" юношей петербургской формации начала XX в. Мы трое вышли из Петербургского университета, воспитывались духом Петербурга Пушкина, Достоевского и Блока; прошли через полосу Института истории искусств ("Зубовского института на Исаакиевской площади", как мы тогда говорили). Эти трое — русист (Виноградов), западник (Жирмунский), восточник (Конрад). Больше уже нет никого. Все мы — отнюдь не близки друг к другу, личными друзьями никак не являемся, но все же нас объединяет эпоха юности — студенческой и "доцентальной"... И я прочитал доклад об одном из трех ради него, ради себя, ради того времени.

Готовиться к докладу мне пришлось в довольно тревожные дни. У Натальи Исаевны появились тревожные явления в правой руке — той, где у нее лимфостаз (после операции), а это всегда вызывает и не может не вызывать тревогу. К счастью, все как будто бы обошлось. Ночь сегодня прошла вполне благополучно (это — первая такая ночь) и вот я пишу

(с утра) это письмо Вам. Но не думайте, что она лежала. Нет, работала, как всегда (словарь); даже была на юбилейном собрании и банкете. Она умеет справляться с собой. Сегодня я возвращаюсь к текущим делам, из коих первоочередное — диссертации двух японистов, моих аспирантов. И словарь заждался... Надо сдавать очередные папки рукописи.

Все же — в Малеевке, ликвидируя некоторые явления "сердечно-судистой системы", как у нас говорят, и успешно ликвидировав их, я написал работу: "Полибий и Сыма Цянь"⁵. Мне хочется показать ее двум специалистам: античнику и китаисту. И вот, о чем я подумал: можно мне просить прочитать эту статью Вас? Античника, который тут необходим, я найду в Москве. Если у Вас есть время и эта тема (этюд по философии истории) Вас как-нибудь заинтересует, я был бы рад, если бы Вы прочли и дали бы мне какис-нибудь советы. Напишите мне, пожалуйста, но, право, если Вы заняты чем-то другим, не утруждайте себя!

Не буду писать о всем прочем, хотя и есть кое-что интересное. Об этом для следующего письма. Пока же — будьте здоровы, дорогой, Борис Борисович, и да будет у Вас все хорошо.

Ваш Н. Конрад.

90

П. Н. Беркову

3 мая 1966 г.

Дорогой Павел Наумович!

Сегодня утром пришло Ваше письмо. Спешу ответить. Прежде всего знайте, что я — в стороне от всех этих выборных дел¹. Чувствую я себя ничего, но этого "ничего" хватает только на работу за письменным столом, а она, эта работа, меня очень беспокоит. Я участвую в 1-м томе "Истории мировой литературы", а в подобных "плановых" предприятиях действуют "сроки", "графики" и т. п. Я же не в состоянии "укладываться" в эти "графики" — т. к. не так легка сама задача, да и бывают дни, когда мне работать трудно по состоянию здоровья, кроме того — у меня бывают многие, с которыми я не могу оборвать деловые и дружеские отношения.

Пишу Вам об этом только для того, чтобы Вы поняли — почему я в стороне от выборных дел. Конечно, потом наступит момент, когда придется "включаться" в кампанию. Да отчасти она уже затронула и меня: у меня был один претендент на звание академика по литературоведению, который может оттеснить абсолютно всех других. Он уже заручился поддержкой К.А. Федина. Говорил с П.Н. Федосеевым, кажется, даже с президентом. Кандидат этот — из очень высоких правительственных сфер и думаю, что они, эти сферы, не будут тут инертны. Никаких обещаний я ему не дал, но сказал, что ему, вероятно, придется столк-

нуться с очень серьезными конкурентами, не поддерживать которых (во всяком случае, некоторых из них) я не могу. Должен Вам сказать, Павел Наумович, подобного рода личные демарши претендентов мне как-то непонятны... Несомненно, своего рода "демаршем" является и статья Овчаренко², о которой Вы пишете. Но все же это — хоть не так прямо, открыто. Сколько будет выставлено претендентов — не знаю; вероятно — много; особенно — на звание членов-корреспондентов и будет борьба.

Меня более беспокоит другое: вопрос о согласии *внутри группы выборщиков в Академии*... Мне кажется, что у кое-кого не встретит сочувствия даже кандидатура В.М. Жирмунского... Не говоря уже о М.Б. Храпченко³. Он, кстати сказать, держится исключительно честно и порядочно. Со мной он *ни разу ни словом* не обмолвился о выборах. Не только о себе, но даже о ком-либо другом. И я знаю, что и не заговорит. Насколько я знаю, тут его поведение безупречно. Но кое-кто из будущих выбощиков готов назвать даже А.С. Бушмина, но не М.Б. Храпченко, Г.В. Церетели⁴, но не В.М. Жирмунского. Я собираюсь твердо свою линию отстаивать, но, вероятно, останусь в меньшинстве. Что думают "сферы" (академические) пока не знаю: нас еще не созывали на предварительные разговоры...

А вообще говоря, Павел Наумович, Вы в Вашем проекте "практического" разрешения вопроса, вероятно, правы. Так же, как были правы, предложив в прошлый раз "компромиссное" решение, которое и оказалось верным, хотя Вас сначала и не поддерживали. Надо *две* вакансии действительных членов. Я согласен с Вами. Только помните, что *кандидаты на эти два места могут быть совсем не те*, о которых Вы думаете.

Вот что я пока могу Вам написать. Тяжелая предстоит история, но делать нечего.

Ваш Н. Конрад.

91

В. М. Жирмунскому

19 июля 1966 г.

Дорогой Виктор Максимович!

Мне также понадобилось две недели, чтобы придти в нормальное состояние. Этим и объясняется, что я отвечаю Вам с некоторым запозданием.

Наша минувшая сессия — и тем, что произошло в Отделениях (не только у нас), и тем, что случилось на Общем собрании, — несомненно, займет особое место в истории нашей Академии¹. Мне еще в Москве пришлось — в очень разных местах — слышать самую высокую оценку

всему происшедшему. Мелькало даже слово "историческая"... В высшей степени примечательно мнение нашей научной молодежи, как Вы знаете, в своей значительной части — очень образованной, умной, мыслящей широко и свободно. Приведу лишь одно высказывание, но открывающее самое существо их оценки случившегося: "Наконец-то старшее поколение показало себя принципиальным, мужественным и действительно думающим о науке в нашей стране! А то мы, к сожалению, уже думали, что у него все эти качества уже давно исчезли".

Эти слова меня радуют, но с другой стороны и огорчают. До чего же, оказывается, дошла репутация "старшего поколения"..., т. е. *нашего* поколения, дорогой Виктор Максимович.

Я лично доволен. Особенно — Вашим поистине триумфом². 153 на 3 это — невиданный до сих пор результат; во всяком случае — для ученых-гуманитариев! И это голосование — *блестательный ответ* общественного мнения на "сомнения" некоторых, отдельных людей.

Но вместе с тем я не могу и не чувствовать грусти. Мне грустно видеть тех, которые относились ко мне всегда хорошо, к которым я также всегда относился в высшей степени дружески, своими открытыми недругами. Мне тяжело это сознавать. И в то же время я знаю, что вести себя иначе, чем вел, я не мог бы.

Мне грустно, что, кажется, даже Дмитрий Сергеевич [Лихачев] задал не то обиду, не то некоторое негодование именно на меня. Может быть, тут сыграли роль не совсем правильно переданные ему мои выступления. Но у *него-то* я всегда рассчитывал найти во всяком случае полное понимание ситуации. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь. Хотелось бы этого...

Спасибо за заботу о нашем будущем "проспекте"³. Выпустить его необходимо и Д.В. Ознобишин⁴ прав, считая, что такой "проспект" внесет ясность в наши отношения с Гослитиздатом. В нем говорит действительно трогательная забота о нашем деле, которому он бескорыстно служит уже столько лет. Но, конечно, подготовить этот "проспект" нужно очень обдуманно и спешить с этим нельзя. Сейчас никто из нас вплотную этим делом заняться не может. Но если к сентябрю мы будем иметь все замечания и пожелания, в сентябре же я возьмусь за окончательное редактирование и подготовку вступительной статьи. До этого, к сожалению, сделать что-либо я не могу.

А Вы, дорогой Виктор Максимович, первым делом восстановите свое здоровье; у Вас была двойная и очень тяжелая нагрузка на нервную систему, да и на простую физическую выносливость.

Сердечный привет Нине Александровне — от нас обоих.

Ваш Н. Конрад.

О. Л. Фишман

21 октября 1966 г.

[...] Теперь — о другом: о Вашей статье "Просвещение"¹. Посылаю Вам копию своей "официальной рецензии". Очень прошу Вас и Ахилла Григорьевича не сердиться на меня. Когда я имею перед собой действительно серьезную и по-настоящему новую работу, я всегда отношусь к ней не безразлично. И если мне кажется, что она в чем-то может быть еще лучше, я об этом говорю. Мне хочется, чтобы Ваша статья была подлинно новаторской: ведь это — первый случай, когда можно будет дать характеристику Просвещения как факта всемирно-исторического. И кому же, как не Вам, Ольга Лазаревна, это сделать? Ведь Вы обосновали Просвещение в Китае.

Я, конечно, может быть, мог бы кое о чем и не писать в официальной рецензии; написать только Вам. Я не поступил так только потому, что хотел облегчить Вам продвижение Вашей статьи в несколько переработанном виде... Если, конечно, Вы захотите ее переработать. Для издательства это будет именно то, чего они всегда требуют: "учет замечаний рецензента". Иначе некоторые новшества, которые Вы, может быть, согласитесь внести в текст, рискуют вызвать неправильное отношение.

После такого "предисловия" перехожу к некоторым дополнительным пожеланиям.

В начале статьи Вы даете 1) взгляд на Просвещение самих деятелей Просвещения; 2) оценку Просвещения последующих поколений, "буржуазных историков и философов", как Вы пишете. Я внес бы в этот абзац большую четкость: для первого взял бы формулу Канта, который завершил собою Просвещение в Европе, для второго — формулу Гегеля, который начинал новую эпоху. Привожу эти формулы по памяти, не ругаясь за текстуальную точность:

Кант: "Просвещение это — выход человека из состояния незрелости, которое он *сам навлек на себя*". Подчеркнутые слова особенно важны: за ними скрывается мысль, что сам по себе человек, в своей природе, вполне "зрел", т. е. мысль — общая для всего Просвещения о преимуществе "естественного состояния" человека.

Гегель: "Просвещение это — выражение особенности рассудка (Verstand), выражение самоуверенной постановки рассудка над разумом (Vernunft)". Эти, уничтожающие у Гегеля, слова красноречиво говорят о наступлении новой эпохи; во всяком случае — в человеческом мышлении.

Маркса и Энгельса никак нельзя ставить в один ряд с Кантом и Гегелем: у них не новая оценка Просвещения, а *перевод оценки в совершенно другой план — социально-исторический*. Это все — так сказать, "преамбула": о существовании Просвещения.

Далее у Вас идет речь — и только так и должно быть — о составе явлений, входящих в орбиту Просвещения. Вы назвали: 1) общественную мысль — в форме философских сочинений, публицистических произведений, исторических трактатов и т. п.; 2) художественное творчество — художественную литературу. Необходимо добавить: 3) естествознание и математику: это — не менее важный ингредиент Просвещения, чем философия и литература. Тем более, что оба философских столпа Просвещения — Декарт и Лейбниц — были и математиками, да еще самого высокого уровня! А Ньютон прямо входит в Просвещение. Имейте в виду, что эта отрасль Вам очень понадобится для Просвещения в Китае и Японии.

Далее Вы определяете географический диапазон Просвещения. Тут я очень прошу Вас подумать о моем предложении различать страны, *создавшие* Просвещение, и страны, отразившие его. Создавали арсенал мирового Просвещения далеко не все... И уж совсем, простите, невозможно говорить в ряду с Англией и Францией... о "республиках Советского Союза"!

После этого я сказал бы о предложенном мною в рецензии разделении явлений "Просвещения" и "просветительства". Как я их различаю, сказано в рецензии. Такое разделение сразу внесет ясность в то, чем были "просветители" в XIX в. у грузин или "казахов"... Да и чем был Фукудзава Юкити и др. в Японии после революции Мэйдзи... Да и те, кто переводил в начале XX в. в Китае трактаты Руссо... Иной план, иная историческая роль, иной масштаб, иное историческое место.

Последним разделом этой вступительной части статьи должно быть, как мне кажется, сопоставление Просвещения не с революцией как таковой, а *со всем процессом* перехода к капитализму. Я об этом написал в рецензии, потому что это — ново и продвинуть эту концепцию можно только совместными усилиями... Если, конечно, Вы с Ахиллом Григорьевичем, как авторы, согласитесь с этим. Думаю, что Вы согласитесь, так как у Вас в работе об Англии эта мысль (в начале стр. 8) проскользнула. Да и как же ей не проскользнуть!

На этом заканчивается вступительная часть. Далее идет основная. Она у Вас построена так: 1) общее изложение Просвещения — что это такое в разных планах; 2) изложение Просвещения в отдельных странах. Конечно, можно строить и так. Но трудно... Трудно избежать двух опасностей: 1) в первом разделе — опасности европоцентризма (у Вас так невольно и получилось) — все основывается на европейском материале; 2) во втором разделе — опасности либо повторения того же, либо не упоминания очень важных вещей, поскольку о них говорится в 1-м (общем) разделе. Не лучше ли перейти прямо ко 2-му разделу? К Просвещению 1) как оно проявилось в основных странах мира, т. е. в Англии, Франции, отчасти Германии — в Европе, в Китае, отчасти Японии — в Азии; 2) как оно отразилось в отстававших странах... Причем, честное

слово, стоит ли упоминать о Болгарии, Югославии, Корсес [...] Я не говорю уже о "казахских просветителях"... Это — не отражение, пусть и запоздалое, мирового Просвещения, а совершенно *особое явление распространения русской культуры среди народов, входивших в Российскую империю*. Да и Фукудзава в Японии — не Просвещение, а именно распространение уже *готовой буржуазной культуры* на Японию. т. е. Просветительство, а не Просвещение... Другое историческое место и другое историческое качество!

Если Вы примете этот план, т. е. после "Вступительной (общей) части" перейдете прямо к Просвещению в отдельных странах, у Вас не получатся такие неожиданные вещи, как отсутствие в разделе "Англия"... Локка (я не говорю уже о Фр. Бэконе, который проложил путь к Просвещению в Англии); как отсутствие в разделе "Франция"... Декарта; в разделе "Германия" — М. Мендельсона!

Вы хорошо сумели показать разные этапы Просвещения — внутри самого Просвещения в каждой отдельной стране. И это — необходимо, т. к. Просвещение, как и все в истории, — движение. Только нужно при этом учитывать, что не все случаи критики существовавшего тогда строя следует относить к Просвещению, как не все в истории Италии XIV-XVI вв. — к Ренессансу! Будьте тут осторожны!

Остановлюсь на разделе "Япония". Тут — дело сложное: тема Просвещения в Японии у нас и у европейских авторов не разработана совсем. То, что Вы нашли в моей статье о "Первом этапе японской буржуазной литературы"², относится не к Просвещению, а к Просветительству, т. е. к стремлению *подтянуть свою отставшую страну* к уровню ушедших вперед стран (то же было и в России...). Но были ли в Японии "просвещенцы", т. е. мыслители, выковавшие свои орудия для борьбы с феодальным режимом, это — еще вопрос. Я склонен видеть таких "просвещенцев" в представителях *естествознания и математики*. О них Вы можете прочесть у меня в статье "О романе Т. Такакура..." ("Запад и Восток", стр. 390 и след., особенно стр. 396-403) и в книге К.М. Попова "Япония" (изд. "Мысль", М., 1964, гл. III). К этому могу добавить, что японцы, ставшие заниматься этим вопросом только в *самые последние годы*, склонны относить к "просвещенцам" Андо Сёэки (1701—?) и Ямагата Банто (1746—1821), подчеркивая две стороны их работы: 1) антитеологизм и даже прямую критику религиозных представлений и 2) увлеченность "положительными знаниями", т. е. естествознанием. О первом Вы найдете сведения в специальной монографии Я. Б. Радуля-Затуловского³, о втором — на европейских языках — нигде.

Итак, если Вы признаете возможным последовать моему совету: после вступительной (общей) части перейти к самому материалу по странам, просмотрите еще раз Ваш текст, его можно сократить, вернее — сжать за счет изъятия подробностей. Это сделает его более выразительным и точным.

Теперь остается последний раздел: общий — *заключение*. Его тема — уже *Ваша* концепция Просвещения, построенная на *всем* материале, т. е. на западном и восточном, изложенном в предыдущем разделе. Тут Вам придется дать в *сжатом виде* то, что у Вас есть на стр. 2-5, добавив к этому то, что даст для этого общего заключения Китай и Япония.

Милая Ляля, я не могу подсказывать Вам эти конечные выводы. Вы знаете, что на западном материале конечную характеристику Просвещения сводят к 4 пунктам: 1) окончательное утверждение рационализма как основного метода мышления; 2) отход от мистической или этической концепции религии к концепции религии "положительной"; 3) провозглашение суверенности общества и индивидуума; 4) исповедание идеи "прогресса". Не знаю, выдерживают ли эти положения проверку восточным материалом. Вот это и есть *Ваша основная научная задача*... Она — увлекательна, но трудна. Предложите на первых порах что-то вроде обоснованного постулата. Если позволите высказать свое мнение, — по-моему, только два момента выдерживают и "западную", и "восточную" проверку: 1) рационализм мышления и 2) переход к "положительным знаниям". Это все проявлено в разных степенях, на разных уровнях; в разных странах и даже в разных выражениях, но в своей сути — одно и то же. Но и у меня лишь очень смутно все это... Буду рад прочитать у Вас что-нибудь более обоснованное.

Еще раз: не сердитесь за грубое вмешательство в Вашу работу! Я, право, делаю это из настоящей привязанности к Вам. Для других я этого бы не сделал.

Ваш Н. Конрад.

93

В. М. Жирмунскому

27 декабря 1966 г.

Дорогой Виктор Максимович!

Вчера я имел беседы по вопросу о журнале с А.М. Самсоновым и М.Б. Храпченко и, вот, спешу сообщить Вам их мнения!

А. М. С[амсонов] сказал мне, что думать о новом журнале еще в 1967г. — невозможно: все уже утверждено. Предстоит издавать *16 новых* журналов, а несколько уже издающихся будут выходить одни — в увеличенном объеме, другие — в большем числе номеров. А.М. С[амсонов] предвидит огромные трудности в реализации этих изданий — из-за бумаги и типографских условий. Предвидит и неприятности: 1) штрафы, которые платит издательство за невыход номера в срок; 2) недовольства редакторов запаздыванием выхода сданных номеров; 3) недовольство издательства неполучением от редакций номеров в положенный срок и т. д. Кстати, он показал мне данные, говорящие о том, что уже имеющаяся в издательстве продукция, представленная института-

ми, в 2 1/2 раза превышает бумажные и типографские возможности издательства, т. е. эта масса работ может быть издана только в последующих годах... Исходя из всего этого, он считает, что поднимать разговор о новом журнале можно только в приложении к 1968 г.

Того же мнения придерживается и М.Б. Х[рапченко], добавляя к аргументам А.М. С[амсонова] еще и то соображение, что *на подготовку* материала для нового журнала потребуются не меньше года, да и то при очень интенсивной работе редколлегии и редакционного аппарата, а, ведь, их только можно будет создать по утверждению нового журнала...

Все это — по части так сказать "издательской", т. е. возможностей реализации издания нового журнала. Теперь — по части *существа* дела. Александр Михайлович [Самсонов] *не стал вдаваться в обсуждение этой стороны* дела и я вполне оценил его такт. Михаил Борисович [Храпченко], разумеется, должен был коснуться этого вопроса и свою точку зрения высказал. Думаю, что изложу ее точно. Он хорошо понимает и научную ценность такого журнала, и его общественно-научное значение. Вместе с тем он предвидит и немалые затруднения на пути получения санкции на его издание. Прежде всего само название: "Сравнительное литературоведение" или "Сравнительная литература" или еще как-нибудь в этом роде... Преодолеть известную настороженность некоторых кругов в подобной проблематике можно, но не так просто. Во всяком случае — при нынешней ситуации (он, в частности, сослался на то, что в 10-м номере "Нового мира" *нет* романа Симонова, а в 11-м *нет* "Ракового корпуса" Солженицына, хотя редактор и остался, и даже отказался от "совета" обновить редколлегию...) Легче было бы встретить благожелательное отношение к журналу, посвященному *семиотике* (в особенности — приложению к литературе), т. к. в соответствующие инстанции пришли сведения, что в *социалистических странах* считают, что семиотика в *нашей стране* — наиболее весомая по своему размаху и научному значению. В частности, высоко оценена работа В.В. Иванова и Топорова о славянской мифологии...²

Все же Михаил Борисович полагает, что поднять разговор о журнале, посвященном сравнительному литературоведению, *следует*; и сделать это можно на годичной сессии Отделения лит[ературы] и языка. Он полагает, что хорошо, если бы соответствующий проект изложили Вы, Виктор Максимович, как инициатор этого дела. Я также так думаю. А мы (в частности, я) могли бы поддержать этот проект. На данном этапе достаточно было бы получить одобрение Общего собрания.

Виктор Максимович, Вы знаете не хуже, чем я, что положение всегда может измениться. Правда, в ту или другую сторону... Может получиться и самая благоприятная конъюнктура, т. е. возможность получить разрешение на журнал с 1968 г. Поэтому первый шаг нужно сделать теперь и я очень надеюсь, что Вы возьмете на себя этот труд. Уверен, что М.Б.

[Храпченко] со своей стороны будет содействовать этому начинанию. Он понимает его важность именно для ОЛЯ...

Вот, что я могу Вам пока сообщить. Закончу же словами "С Новым годом".

Ваш Н. Конрад.

94

Б. Б. Вахтину

30 марта 1967 г.

Дорогой Борис Борисович!

[...] ¹ А.Л. Монгайт, написавший рецензию в "Новом мире", которого я познакомил с письмом А. Тойнби и со своим "ответом" на это письмо, показал и то, и другое в редакции "Нового мира"². Следствием этого была немедленная просьба дать им этот материал для помещения в первом же возможном № их журнала. Т. к. 5-й номер уже набирается, намереваются дать в № 6-м. Материал же настолько воодушевил, что они даже обеспокоены, услышав, что я колеблюсь, и тут же стали убеждать меня не отказываться. Их особенно привлекли два обстоятельства: 1) новизна в нашей практике именно *такого* контакта советского ученого с "капиталистическим", 2) острота затронутых в моем "ответе" тем... Они особенно просили не смягчать ничего. Я тогда решил дать, но переработал свой прежний текст, устранив все то, что было рассчитано на обстановку, в которой этот текст был прочитан. А кое-что даже заострил. Получилось по мнению редакции даже вразумительнее. Кстати сказать, они — в редакции — торжествуют победу и рвутся ... в бой. В редакцию вошел Ефим Дорош... Словом, редакция укрепилась.

Перерабатывал я первоначальный текст не без некоторой горечи. Мне сказали, что приехавшие из Ленинграда сотрудники Ин[ститу]та, в ответ на вопрос о моем докладе, говорили: "Бодяга..." Вы знаете, что в нашем просторечии это означает то же, что "трепатья". Признаться, это было для меня неожиданностью. Я вполне допускал, что может быть недовольство моим докладом, даже возмущение, могло быть резкое несогласие с тем, о чем я говорил, но считать, что я просто "трепался", мне показалось невозможным... Все же, все, о чем я ни говорил, было *для меня* в высшей степени серьезным и, если хотите, даже "кровным"... Ну, да все равно. Грустно, что даже те, кто ко мне в высшей степени доброжелателен, не оспаривают это осуждение. Поэтому редакция "Нового мира" меня несколько утешила. Хотя, в общем, мне теперь все почти что безразлично. Думаю я о другом... Невеселом, но другом, совсем другом. [...]

Перечитал "Мастера и Маргариту" и еще раз реально почувствовал, что родилось великое произведение... Оно теперь даже представилось

мне в новом свете. Жалко, что мы не успели с Вами поговорить и об этом. Да вообще почти ни о чем не поговорили. Суматошливо всегда бывает в Ленинграде... Во всяком случае, для меня!

Доклад Петросяна³ в Президиуме был на редкость удачным. Только не знаю, принесет ли он что-либо *реальное* Ленинградскому отделению... Кроме ободрительной резолюции. Но моральный эффект произведен.

Ваш Н. Конрад.

95

П. Н. Беркову

Юрмала. 6 августа 1967 г.

Дорогой Павел Наумович!

Ваше письмо дошло до меня только вчера: мы все еще на Рижском взморье. И корреспонденцию, пришедшую по моему московскому адресу, мне пересылают сюда лишь изредка. Письма от Виктора Максимовича [Жирмунского], о котором Вы упоминаете, в числе пересланной корреспонденции, не оказалось. Надеюсь, что оно не пропало, что было бы крайне прискорбно, а только осталось в Москве и ждет меня там. Возвращаемся мы в Москву 11-го сентября.

Думаю, дорогой Павел Наумович, что Вы мне поверите, если я скажу Вам, как мне дорого отношение к моим работам со стороны такого человека и ученого, как Вы! Я мог бы тут многое сказать на эту тему, так как дело это — очень меня волнующее, но не хочу давать волю эмоциям. Спасибо Вам. Я чувствую себя крепче после Вашего письма... А "переписка" с Тойнби уже доставила мне такие волнения. Она совсем не так просто прошла. Среди членов редакции было несколько человек, категорически возражавших против опубликования и письма (оно, ведь, исходит от историка, единодушно осужденного нашей исторической наукой) и ответа — особенно ответа! Вот, например, одно из возражений. В конце я пишу, что "мы достигнем того единства человечества, о котором говорили Вы, о котором в своей книге говорю я..." На моей рукописи, которую мне показали после прочтения ее рецензентом, против этого места была гневная приписка: "А на какой основе мыслится автором это единство? Вместо того, чтобы противопоставить нашу концепцию единства реакционной концепции английского буржуазного историка, автор идет на соглашение с ним!" Поэтому, Павел Наумович, следует высоко оценить *самый факт* опубликования переписки, а некоторые нотки в "Предисловии" от редакции, которые резанули Вам слух, — то отражение критических суждений, которого нельзя было избежать. Добавлю еще, что ни одного слова в моем ответе не было изменено: напечатано так, как было написано еще до разговора о печатании. Знаю, что в

решении печатать основную роль сыграло категорическое мнение А.Т. Твардовского.

Признаюсь Вам, что меня более всего беспокоило, *как* отнесутся вообще к моему этому поступку и к содержанию, и к тону ответа *моих товарищи* — те, отношение которых я очень ценю. Поэтому то, что сказали Вы и, по-видимому, Виктор Максимович, меня так радует.

С огромным интересом жду момента, когда прочту, что Вы написали в DLZ¹. Конечно, это будет только по возвращении в Москву. Там ждет меня, видимо, и Ваша новая книга². Я ее тут же прочту и напишу Вам о ней. Пока же только — благодарность за доброе внимание.

Не знаю, когда дойдет до Вас это письмо. Ведь, Вы и Виктор Максимович, как и кто-то еще, должны уехать (или уже уехали) на международную конференцию в Болгарию? Может быть, уже уехали? С чем Вы туда поехали (поедете)?

Итак — до встречи в Москве; надеюсь — в недалеком будущем: ведь, кажется, престоят всякие юбилейные сессии... Признаюсь, что все, что до меня доходит из Москвы, не радует.

Еще раз спасибо за добрые и в нужную минуту сказанные слова!

Ваш Н. Конрад.

96

М. Е. Сергеевко.

Москва. 23 сентября 1967 г.

Многоуважаемая Мария Ефимовна!

Получил Ваше письмо от 19-го сентября. Разумеется, сообщение, что у Вас есть готовый перевод половины "Исповеди" бл. Августина и что в самом близком будущем может появиться перевод и другой половины, представляет для нас исключительный интерес.

Как видно из Вашего письма, Вы хорошо понимаете трудности, лежащие на пути издания у нас этого памятника — даже в "контексте" с теми двумя другими "Исповедями", о которых сказано в изданном нами "проспекте"¹. Но я все же надеюсь, что мы эту замечательную трилогию издадим. Поэтому я и хочу просить Вас прежде всего продолжать Вашу работу, если только Вы готовы *пока* делать ее хотя бы для того, чтобы у Вас был готов перевод всего этого изумительного произведения. А вторая просьба — не отказать прислать нам (на мое имя и по моему адресу) хотя бы небольшую часть уже готового перевода. Повторяю, сейчас я не могу сказать ничего более определенного, т. к. в этом деле есть много *различных* трудностей, — не только таких, какие Вы справедливо предполагаете, но мне хотелось бы располагать *всеми* данными для того, чтобы в нужный момент действовать во всеоружии.

С уважением Н. Конрад.

И. М. Майскому

Москва, 7 октября 1967 г.

Дорогой Иван Михайлович!

Большая благодарность Вам за любезную присылку вырезки из "Observer"¹. Мне кажется, освещение дано в общем правильное. Боюсь только, что вывод корреспондента: "Konrad's letter ... reflect the change which has come over the style of Soviet polemics with outside world..." несколько преждевременен. Во всяком случае, дошедшая до меня весьма резкая отрицательная и лично для меня даже прямо оскорбительная оценка моего письма к А. Тойнби, сделанная — в публичной обстановке — чл.-корр. Трухановским², говорит о наличии сторонников старой манеры полемики с западными учеными.

Вы спрашиваете, как мы провели лето... Все так же, Иван Михайлович! Все на том же Рижском взморье... Для моего здоровья это лучшее место. Побывали мы, конечно, и в Кемери. Вспомнил я, что когда-то в санатории тамошнем лечились Вы и М.М. Литвинов³. Замечательное здание этого санатория также высится среди лесов, как и раньше. А у самого взморья уже совсем в лесу построено новое здание санатория — не менее замечательное... А в Кяхе мы были еще в "ленинградский период" нашей жизни. Но очень стремимся попасть туда еще раз.

Рад был получить весточку от Вас. Шлем Вам с Агнией Александровной наш самый сердечный привет.

Ваш Н. Конрад.

Б. Б. Вахтину

Москва, 25 января 1968 г.

Дорогой Борис Борисович!

Сейчас получил экземпляры Ваших статей. Рад! Так как было бы очень обидно, если бы они не оказались в сборнике: они важны по сути дела и свидетельствуют, что среди авторов статей, вошедших в сборник ("Литература китайской древности"), есть и такие китаисты, которых интересуют большие литературоведческие проблемы, а не одни эмпирики. Рад, что Вы успели подготовить обе статьи¹.

Пока — коротко и только об этом. О всем прочем — писать не буду: морозы меня угнетают, но еще больше — обилие работы (всегда — срочной и почти всегда — не моей собственной). К тому же — ряд вещей, которые мне очень не нравятся. Достаточно сказать, что вчера я позволил себе чрезвычайно резкое выступление, а это мне — не свойственно — не внешне, а внутренне, почему тяжело угнетает.

Больше всего меня сейчас раздражает — *невежество* — причем — *самоуверенное, непробиваемое*. Хорошо хоть то, что мне приходится иметь дело с цветом молодежи (относительно, конечно) на фронте литературоведения, искусствознания и философии: это меня очень поддерживает духовно. Да и несказанно радует такая вещь, как, например, поступивший ко мне новый перевод "Исповеди" бл. Августина, перевод *поразительный* по проникновенности и литературному мастерству... Буду пытаться его издать в серии "Литературных памятников". Хотя и знаю все трудности этого дела. Если Вы будете в Москве, покажу Вам: пока этот перевод известен только двум: переводчице (ей 75 лет, она — ученейший античник) и мне. Словом, в "Содоме" есть праведники, ради которых Господь терпит и сам "Содом".

Дорогой Борис Борисович, Вы в моих глазах — один из них... Это — безусловно. И пусть Вас хранит Судьба.

Ваш Н. Конрад.

99

С. Л. Тихвинскому

20 марта 1968 г.

Дорогой Сергей Леонидович!

Сердечно благодарю Вас за доброе внимание ко мне! Наличие хороших друзей часто очень помогает мне жить и работать, а сейчас, в мои нынешние годы, особенно важно для меня.

В "Узкое" меня загнала необходимость приостановить приступы "загрудинных болей", как сие официально именуется, а еще более — необходимость поработать над докторской диссертацией Р.Ф. Итса (Этническая история юго-восточных нацменьшинств Китая — Ицзу, Чжуан, Мяо): в Москве, в ежедневной суете, проработать 600 страниц труднейшего материала было невозможно, а отказать Р.Ф. Итсу в его просьбе быть оппонентом я не мог. Вот и просидел тут в тишине три недели. Вчера съездил в город, выступил.

Теперь, вернувшись в Москву, примусь за не менее трудную работу: диссертацию Л.З. Эйдлина — "Тао Юань мин"¹. Это — мне ближе, чем всякие "мяо-яо", но тоже — нелегко: Китайское Средневековье я знаю гораздо хуже, чем Древность и Ренессанс. Впрочем, еще хуже — Новое время... Думаю, что книга Л.З. Эйдлина потребует месяц работы (защита — 25 апреля).

Все же успел написать короткую, но очень емкую, статью "Столетие японской революции"². Пока ее участь — "в подвешенном состоянии", как тут говорят, главным образом — о нынешнем состоянии Института истории... Любопытное определение! По-моему, его можно приложить к нынешнему положению во всем мире. Не займетесь ли Вы в Вашем

комитете этой проблемой — "проблемой подвешенного состояния мира"? 22-го мы возвращаемся в Москву и я, конечно, буду очень рад увидеть Вас (только — без шоколада!) и побеседовать с Вами — о Шиллере, о славе, о любви... и о Ваших нынешних работах, жизни. А пока Вам с милой Верой Никитичной — самый дружеский привет от нас обоих.

Ваш Н. Конрад

100

М. Е. Сергеев

20 апреля 1968 г.

Дорогая Мария Ефимовна!

Сейчас получил Ваше письмо от 18-го апреля. И немедленно отвечаю. Сейчас же и брошу в почтовый ящик: пойду на улицу слушать первый удар колокола. Я очень люблю этот момент.

Конечно, я все, посланное Вами, получил. И, конечно, виноват в том, что своевременно не извещал Вас об этом. Но если бы Вы только знали, в какой напряженной работе проходят мои дни! Да что дни — годы! И не видно просвета. А мне уже пошел 78-ой год. Устал. Да и хочется подумать о чем-то другом. Итак, "исполнен долг, завещанный от Бога..." Я рад, что получил это известие в ожидании удара колокола.

Вы совершили подвиг. Далеско выходящий за пределы научной или литературной работы. Ваш перевод — подвиг. И труда, и вдохновения. Я рад за нашу культуру. Она теперь будет иметь это удивительное произведение. Вы дали именно Августина... Будьте довольны, Мария Ефимовна, и будьте рады духом! И с этой радостью и встретьте завтрашний день, который наступит через час¹... С ударом колокола.

Я сказал, чтобы в договоре Вам написали и вступительную статью... Потому что думал, что *только Вы, пройдя через Августина* — от первого слова до последнего — сможете написать нужную статью. Я никакой статьи писать не буду — для того, чтобы надо мной смеялись? Или просто обвиняли в шарлатанстве? Если я что-нибудь и напишу, то только *общее* вступление к "Трем великим исповедям"², как я мечтаю назвать это наше издание. И можете ли Вы назвать кого-нибудь, кто мог бы написать вступительную статью к Августину, кроме Вас? Если можете, назовите.

Я не вполне понимаю, почему Вам сказали: "Посмотрите на расценки!" Видимо, Вам предложили скудную оплату? Напишите, пожалуйста, в чем дело. Вмешаюсь, если нужно. Я надеялся, что факт договора доставит Вам некое удовлетворение. Неужели получилось как раз обратное?

На этом кончаю письмо. И тем же, чем кончили Ваше письмо Вы — с праздником!

Н. Конрад.

101

М. Е. Сергеев

Москва. 3 июня 1968 г.

Многоуважаемая Мария Ефимовна!

Несколько дней назад пришло Ваше письмо, а вчера — последняя глава "Исповеди". Рад был очень увидеть это завершение Вашего огромного и замечательного труда.

Рад был узнать и о том, что своим порядком идут примечания. Вполне понимаю, что временами у Вас появляется потребность что-то сделать и в переводе. Эта потребность, впрочем, будет ощущаться и дальше. Но нужно иметь мужество в какой-то момент не поддаваться ей. Поставить точку — не только над текстом, но и на своем отношении к нему.

Весь июнь — числа до 25-го — я буду в Москве, а затем — если только ничего не случится — уеду, как обычно, на Рижское взморье. Своевременно извещу Вас об этом и дам свой адрес на всякий случай.

То, что Вы написали о своих переговорах с разными людьми, меня не удивляет. Взяться за статью об Августине может прежде всего тот отважный человек, который пережил на своем языке его "Исповедь". Прийти же к нему "со стороны" — трудно. Если Вы сами не захотите писать статью, может быть, следует подумать об Аверинцеве¹, о котором Вы писали. Он, к счастью, сохраняет еще, кажется, ту степень непосредственности, которая создает храбрость, а "настрой" его мысли, насколько я могу судить, поможет ему войти в мир Августина. Только хватит ли знаний! Но об этом — потом.

Извещение о том, что Ваш перевод получен и принят, я Вам вышлю. Только поскольку это требуется с официальной целью, постольку это извещение должно быть официальным — "на бланке" и т. д. Иначе говоря, требуется "выписка из протокола заседания редколлегии", а созвать заседание сразу — нелегко. Но в течение июня я это смогу сделать. Постараюсь не позднее 15-20-го. Устраивает ли это Вас? Конечно, *от себя* лично, как председателя редколлегии, я могу написать Вам и сейчас, но достаточно ли это будет для издательства?

Ваш Н. Конрад.

P.S. Вашу усталость понимаю... Такой труд! Ведь для этой работы нужна не только профессиональная выносливость, а и духовная крепость.

Ваш Н.К.

Б. Б. Вахтину

Юрмала. 3 июня 1968 г.

Дорогой Борис Борисович!

Давно, уже очень давно, я ничего не знаю о Вас, кроме скудных сообщений Ольги Лазаревны [Фишман], утверждающих, что Вы живете обычной жизнью, усиленно работаете и что вокруг Вас — все спокойно. Анна Ивановна сообщила мне о своем разговоре с Вами по телефону, из которого также как будто бы следовало, что у Вас все идет более или менее "нормально". Очень хочу надеяться, что Ваше долгое молчание не означает, что у Вас что-то случилось такое, о чем Вы не хотели бы мне писать.

Ольга Лазаревна писала мне, что Вы прочитали лекцию о китайском стихе для не-китаистов, т.е. для людей, не отягощенных искаженными представлениями о китайском стихе как о сочетании пяти или семисловных (alios: сложных) строк и видящих в китайском стихе одни ... иероглифические знаки... Полагаю, что Вы даже самой обстановкой вынуждены были говорить о китайском стихе общечеловеческим, а не "синологическим" языком... Мне кажется, что у всей нашей фаланги китаистов-литературоведов лишь Вы один можете говорить именно так. Ольга Лазаревна добавила, что лекция Ваша прошла очень хорошо. Кстати, сообщу Вам, что мы только что сдали в издательство том избранных работ Е.Д. Поливанова, в который вошла коротенькая, но замечательная работа о китайском стихе (конечно, как о звуковой системе)¹. Об этой работе все забыли, хотя она давно уже была напечатана. Я настоял на ее перепечатке не потому, что мне кажется, что Поливанов полностью прав (он считает старый китайский стих аналогичным стиху древнегреческому), а потому, что он показывает, что и китайский стих, как и вообще всякий стих, прежде всего в своей основе — звуковая организация и его законы — законы этой организации. Все, что сделал Шэнь Юэ, именно это и открывает.

О себе скажу коротко: 1-го июня вернулись в Москву из Дома отдыха "Известий" в Пахре (50 км от Москвы — красивейшее место). Там работал над редакторским просмотром большой рукописи Сыромятникова — по истории японского языка². Без всякого энтузиазма. Но работа эта лежит у меня уже более года. Не сделать ее я не мог: пока подобные вещи — еще моя "профессиональная" обязанность.

Статья в "Известиях" не пойдет³: ее оценки и мэйдзинской революции, и современной Японии расходятся с оценками К[оммунистической] П[артии] Я[понии]. Тому, что они расходятся, я — рад; а тому, что мы боимся разойтись со взглядами КПЯ, — не рад.

Пока — на этом кончаю. Будьте здоровы, мой дорогой, и пусть у Вас не будет больше никаких потрясений.

Ваш НК.

103

В. М. Жирмунскому

Москва. 17 сентября 1968 г.

Дорогой Виктор Максимович!

[...] ¹ Пока сообщу Вам только следующее: Вице-президент, с которым мы беседовали, не мог изменить для нашего Отделения принятый для предстоящих выборов порядок: вакансии для академика-литературоведа у нас нет; вакансии для академика-писателя — *есть* (мы потеряли М. Рыльского²). Вакансия для академика-языковеда — *есть*. Есть и вакансии чл[ена]-корреспондента по *литературоведению* (мы потеряли Александра Арнольдовича Фреймана³). Вот и все, что мне было сказано. Никаких *новых* "единиц" для этих выборов не будет. Это мне подтвердил и Президент⁴, с которым у меня произошел неожиданный разговор на неожиданную (и не касающуюся меня самого) тему.

Я тут же сообщил М.Б. Храпченко, что очень сожалею, что такое решение принято, но что твердо надеюсь, что при следующих выборах место для Д.С. Лихачева будет обеспечено и что *до избрания академиком его и речи не может быть об избрании кого-нибудь другого*⁵. Как и сейчас — *никого, кроме Г.В. Церетели, сейчас избрать на имеющуюся вакансию академика-языковеда — нельзя*. Что касается академика-писателя, то я сказал ему, что у нас числятся академиками *два русских писателя* и поэтому *и речи не может о добавлении к ним третьего*. У нас есть писатель-украинец. И — довольно. Следовательно, если уж выбирать писателя, то кого-либо из писателей других литератур Советского Союза — Армении, Грузии, может быть, среднеазиатских республик. По поводу одной вакансии чл[ена]-корр[еспондента] по *литературоведению* я сказал, что — тут решать будут голоса членов-корреспондентов, но мое мнение таково: если следовать принятому порядку — *заменять ушедших*, то, потеряв *ираниста*, мы должны выбрать *ираниста*. Ираниста же *литературоведа* (не филолога, а именно *литературоведа*) я знаю одного: И.С. Брагинского.

Пока я — по упомянутой причине — не видел еще Михаила Борисовича [Храпченко] и не знаю конъюнктуры. Знаю только, что мой Институт востоковедения "*поддержал*" кандидатуру Г.В. Церетели. Из этого я заключаю, что его кандидатура была *вовремя* кем-то предложена. И это меня успокоило.

Вот пока все, что я могу сообщить. Надеюсь через два-три дня мне позволят "войти в жизнь". А Вам спасибо за письмо и примите мой самый сердечный привет.

Ваш Н. Конрад.

104

В. М. Жирмунскому

Малеевка. 13 декабря 1968 г.

Дорогой Виктор Максимович!

Ваше письмо дошло до меня только третьего дня. Дело в том, что я сразу же после Общего собрания уехал с женой в писательский санаторий "Малеевка" — в 120 км от Москвы. Надо было побыть на воздухе: у меня в последний месяц очень участились приступы стенокардии. А кроме того ждала работа, как всегда, — срочная, в Москве же ничего серьезного делать нельзя. И вот только третьего дня моя жена, ездившая в Москву, привезла мне оттуда Ваше письмо.

Из того, о чем я Вам рассказал, Вы видите, что я совершенно потерял связь с Москвой и не в курсе тамошних дел. Но я разделяю Ваше мнение, что М.Б. [Храпченко] должен чувствовать себя не очень хорошо. Мысль о Леонове¹ — всецело его, и чем бы он не руководствовался, неудача должна его очень задеть. Боюсь, что это несколько отразится на его влиянии на очень разную и по-разному к нему относящуюся группу членов-корреспондентов, а это — плохо, т.к. может повести ко всяким внутренним конфликтам. Но он понял, что решать вопрос следует, принимая во внимание не столько ближайшие факторы, сколько более отдаленные, но действительно решающие.

Для меня теперь ясно одно: надо обязательно дожить до следующих выборов, добиться (*заранее* проведя кампанию) одного места для литературоведа и провести Д.С. Лихачева. И — *до него никого другого*. И вообще к рассмотрению состава действительных членов следует отнестись в высшей мере осторожно. Так, например, у меня нет бесспорного кандидата ни по части языкознания, ни по части литературоведения. А с писателями-академиками, думаю, уже все покончено. Вряд ли можно будет на следующих выборах предложить кого-либо еще. Впрочем, два года еще могут показать нам кого-нибудь у языковедов и литературоведов вполне желательным и достойным. И Вы глубоко правы, когда написали, что надо помнить, что придется иметь дело не только с ученым, но и с человеком!

Сучкова² я знаю очень мало, но убедился на деле, как важно сейчас во главе ИМЛИИ иметь специалиста (пусть и не глубокого) по новейшей западной литературе, относящегося при этом к ней так, как она этого требует, а он знает, что она такое, но только далеко не всегда может свои

взгляды провести: Вы знаете, что это — очень трудно как по внутренним (институтским, отделенческим), соображениям, так и по внешним. Вообще же меня моя научная и человеческая совесть ни в чем не упрекает; и меня радует, что мы с Вами оба шли по одному и тому же пути. Надеюсь, дорогой Виктор Максимович, что так будет и дальше, пока мы с Вами еще действуем, а действуем мы, слава Богу, еще в полную силу. Приезжайте с Ниной Александровной в "Узкое", отдохните: Вы безумно много работаете. Может быть, в Узком мы навестим Вас на часок...

Всегда преданный и любящий Вас Н. Конрад.

105

Б. Б. Вахтину

Москва. 9 марта 1969 г.

Дорогой Борис Борисович!

Сейчас Наталья Исаевна послала Вам "Иосиф и его братья" Т. Манна. Послала она по моей просьбе, т.к. роман этот достоин того, чтобы его иметь в своей библиотеке, а достать его — по крайней мере, у нас — почти невозможно. Если он Вам не будет нужен, всегда найдется кто-нибудь, кто будет рад его иметь, ему и отдайте.

Роман (впрочем, это — меньше всего "роман"!) — очень трудный и странный. Я его не могу еще разгадать. Видимо, надо читать и читать. Но такой, какой тянет читать. Даже частями. А невозможность понять его скрытую суть даже немного раздражает. Но вместе с тем и влечет к нему.

Знаю, что Вам сейчас — не до подобных произведений. И мне не хотелось бы, чтобы он выбил Вас из так счастливо сложившегося русла Вашей мысли. А это, ведь, самое нужное для вдохновенной работы. У Вас же всякая работа должна быть вдохновенной и бывает такой. Но по собственному опыту знаю, что временный "зигзаг" бывает иногда очень нужен. Хотя бы для того, чтобы углубить и еще более одухотворить тот поток мысли, который струится по руслу. Ну, а самое главное, почему я Вам эту книгу (эти книги) посылаю, не нуждается в столь сложных объяснениях: просто, чтобы хоть так послать Вам привет и напомнить Вам о себе. Пожалуй, это — даже не "самое главное", а просто единственное.

В четверг 6-го состоялась "церемония", как это тут зовется, вручения Ордена¹. В японском посольстве. "Знающие" люди поздравляют меня не с тем, что такой орден я получил, а с тем, что *об этом напечатано* и в "Правде", и в "Известиях", да еще заметным порядком. К Ордену приложен диплом, на котором написано: "Мы, император Японии, настоящим жалуем..." и т. д. А сам орден — на белой с красным муаровой лентой золотая звезда с гербом "Вистерин" (один из императорских) на шею и

золотая большая двойная звезда (солнечный диск с расходящимися лучами) на правую сторону груди... Говорят, что кроме военных "маршальского уровня" в нашей стране я в этом смысле — "уникальное явление". Иностраннный отдел Академии (его глава присутствовал на этой церемонии), говорят, был потрясен. Во всяком случае, — не знал, как меня поздравить... Другие судят иначе: "пусть он (т. с. я) будет благодарен, что сейчас не 1937 год!" А третьи — стараются делать вид, что ничего не знают; наконец некоторые (напр[имер], Е.М. Жуков) в ответ на приглашение присутствовать на "церемонии" с негодованием заявил: "Что? Чтобы я пошел в посольство?!" И даже не выдавил из себя хотя бы сквозь зубы двух слов поздравления. Так что обстановка у нас раскрылась во всей своей противоречивости. Я с любопытством за всем этим слежу.

Во вторник мы уезжаем на 20 дней в Узкос. Мне нужен воздух и прогулки: я, ведь весь январь и февраль не мог выходить из дому. Из "Узкого" напишу Вам письмо и на другие темы.

Ваш Н. Конрад.

106

Б. Б. Вахтину

Москва. 6 июня 1969 г.

Дорогой Борис Борисович!

[...]¹. О Вашем первом письме — по вопросу о том, что я Вам написал о "коптских юэфу"...

Сначала скажу прямо: те мысли, наблюдения и соображения, которые Вы высказали, *должны войти в научно-теоретическую сторону Вашей работы*². Все это — очень ценно, во многом — ново: никто у нас этих вопросов *так, как это сделали Вы*, не касался. А кто касался, — чуть-чуть — то совсем не на той принципиально-конкретной основе, на которой высказались Вы. Это — хорошо, важно и нужно. Я, ведь, также писал Вам не без "задней мысли" — может быть, намекнуть Вам на мысль — посмотреть на то, что было у *других* народов, и подумать — не может ли это "чужое" лучше понять все свое, т. с. китайское. Все дело в наличии возможности стиха на *двойкой* (конечно, одной из двух) *просодической основе*: мелодической и метрической (говоря, конечно, обобщающе). Совершенно ясно, что на *первой* основе (сказать о ней только "мелодическая", конечно, мало: надо дать *позтологический* анализ) построены песни юэфу, во всяком случае — многие (я не увидел одинаковости происхождения *всех* этих песен); к тому же — и Вы, как я думаю, глубоко правы, говоря: мелос Севера был другой, чем мелос Юга. Этот факт даже ставит один важный — *для истории китайской литературы* вопрос: не существовало ли какое-то время в Китае *двух* особых литера-

турных *регионов*? И не следует ли "Чу цы" рассматривать не в одной линии с тем, что известно до этого и в это время, а *отдельно* — как признак, как явление другого, назовем его условно "Южного", региона? Ведь, это даже номенклатурно — словеса "Чу"... А господа "чусун" чувствовали себя другими китайцами, чем те — из Шаньсен, Хэньбан, Шэньди... Мне кажется, Вы затронули очень важную *историко-литературную* тему и я очень прошу Вас — даже то, что Вы сказали в письме, *вести в Вашу работу*.

Второе: я бурно приветствую то, что Вы сказали о стихах Ши-цзина... Я думал об этом и собирался (и собираюсь) даже переделать то, что написал о Ши-цзине в макете 1-го тома³. Вы правы: запись не передаст их суть — поэтологическую, *стиховую*. Уже самый "перевод" на письмо — в условиях китайского типа письма — скрывает истинный облик поэтического слова, как в *песенной* поэзии вообще, искажает этот облик... Потому что убирает самое главное — *напевность* шицизиновского стиха. Она исчезает, а она — *душа* стиха, суть его поэтической формы. И пресловутая четырехстопность шицизиновского стиха — результат *записи*. Не умысла, "злого" умысла записывавших, а просто потому, что *иначе записать было нельзя*, не пожертвовав тем, что записать знаками письма нельзя вообще... "Свет Тихий" — чистейшая поэзия, это — *стихи*, но стихи, которые звучат стихами тогда, когда они звучат, например, в "Киевском распеве", как это сделал в своей гениальной "Всенощной" Рахманинов. "Хвалите имя Господне" — поразительные *стихи*! Но Вы видите, что это стихи (именно не просто поэзия, а именно "*стихи*"), *только тогда*, когда слышите их в "знаменном распеве" (как это сделал тот же Рахманинов). Перевод на письмо все убивает (стиховое). Почему и "Свет Тихий" в записи — просто проза! А тут еще — в китайском случае — записывавшие захотели "упорядочить" стих Ши-цзина — ... метрикой! Запись часто либо скрывает подлинную стиховую природу записываемого, либо прямо уничтожает ее в ее первозданном виде.

Вы удивительно уместно напомнили, что китайцы говорят о *янь*, а не о *цзы*! *Звуковой облик* — принадлежность именно *янь*, а не *цзы*... И кто знает, может быть, появление "сүйцзы" есть только результат желания дать полную звуковую картину "янь"... Пожалуйста, напишите обо всем этом! Все Ваши соображения помогут выйти нам всем из этого непонимания многих элементов китайского стиха.

Но, дорогой Борис Борисович, помните о *полноценности и метрике* — во всей ее полноте, т. е. с включением ритма, интонации; вообще — всего того, что создает "размер", как *просодическую основу стиха*. А такая основа столь же реальна, как и мелодическая.

Хорошо, что Вы пытались "залезать в душу" тексту "Юй тай", изучая природу и смысл "разночтений и удвоенный", как Вы пишете. Это — один из путей проникновения в *просодическую основу* стиха. Делайте и это! Только учитывайте, как я поясню, и то, что "гудение", о котором говори-

ли Мандельштам и Маяковский, у них в стихе сливается с метрикой, превращается в музыкальную сторону метрически организованного стиха. Это — не то, что "гудение" (или лучше "напевность") стихов юэфу, и, вероятно, Ши-цзина; вернее, не "Ши-цзина", а тех песен, которые были просто "Ши". Когда они превратились в "Ши-цзин", это были уже не те песни, которые когда-то звучали... Вам предстоит издать юэфу, чему я был страшно рад, когда узнал об этом; скажите хоть немного об этой *принципиальной* стороне этих стихов! Тогда станут понятны и "заголовки", под которыми они фигурируют и которые Вы даёте. Иначе эти заголовки не скажут всего того, что они должны сказать. И подумайте над *этой же* стороной при раскрытии стиховой природы того, что помещено в "Юй тай"...

А перевод? Как это все переводить? Так, как о Вас сказано во втором номере за 1969 г. журнала "Народы Азии и Африки" (стр. 214): "Б. Вахтин переводит не только вдохновенно, но и добросовестно". Именно так и переводите! Добросовестно и вдохновенно! Вдохновенно и добросовестно. Как исследователь и поэт, как поэт и исследователь. У Вас это получиться может (у меня, например, не может, почему я и не берусь переводить стихи... "Стансы об осени" Ду Фу⁴ я переводил просто построчной прозой). Дорогой мой! Вы меня радуете. Как только смогу, стану читать Ваши "Цзюани". И напишу, что о них стану думать. Отвечу (*и это нужно*) и на Ваше второе письмо в Боржом. А пока от нас обоих душевный привет Вам обоим. Весь июнь мы будем в Москве. В "Юрмала" поедем в первых числах июля. Разумеется, если будем существовать и при этом еще будем здоровы.

Ваш Н. К.

107

А. Я. Гуревичу

Юрмала. 28 июля 1969 г.

Дорогой Арон Яковлевич!

"Не принимать такие вещи к сердцу", как советуете Вы, я не могу. Я чувствовал, что именно этим и кончится¹. Поэтому я и говорил (перед отъездом) по телефону с секретарем Отделения истории очень резким тоном, мне совершенно несвойственным. Накопилось уж очень много! Надеюсь, впрочем, что он тут не при чем, так что, разобравшись в этом, я должен был даже извиниться (в письме) перед ним, сказав ему, что мое возмущение было "не по адресу". И тут же *написал письмо Е.М. Жукову* — *подробно и "отчетливо"*, а он знает хорошо, сколько нужно всего, чтобы довести меня до такого состояния. Конечно, я *не получил ответа*. Впрочем, ответ — то, что Вы сообщили.

Я тут чувствую себя неважно. Во-первых, морально совсем не могу ни работать, ни отдыхать. Во-вторых, физически какая-то слабость и боли там, где им быть не полагается. Если бы лучше себя чувствовал, может быть, и надумал что-нибудь. Сейчас — ничего не могу. Знаю только одно: когда *вернусь, устрою грандиозный скандал у Румянцевы² и, конечно, никакого "председательствования" в научном совете по культуре дальше не будет³*. Мне это не под силу. Даже и без нынешних "репримандов"... Хватит! Конечно, все это как-нибудь "образуется". В этом Вы правы. Вообще все на свете чем-то кончается... Только "пока выйдут сомнения, роса очи выест". И так может быть и тут.

Пока я не могу написать Вам ничего кроме этого, дорогой Арон Яковлевич! Но у Вас впереди — еще вся жизнь. Вы только начали. И все пойдет у Вас как следует. А мне уже все подобное надоело.

Ваш Н. Конрад.

108

Б. Б. Вахтину

Юрмала. 1 августа 1969 г.

Дорогой Борис Борисович!

[...]¹. Исключительно важно то, что Вы написали о комплексном восприятии явлений, о том, что тогда понимали поэзию (музыку и просодию) в связи со вселенной... Знаете, дорогой мой, что это — такое? Для нашей китаеведческой науки это — *открытие*. Об этом у нас никто не писал. Я знал только о связи просодии с музыкой; мелодики поэтической речи с пентатоникой, а через них — со всей *звучащей* вселенной, но о том, что эта связь идет дальше и заводит в *другие сферы* жизни, бытия, я не знал. Но, ведь, это — замечательно! Ведь, это и есть то, чем так грандиозно Средневековье! Ведь, оно, Средневековье, родилось в атмосфере *вселенских* религий. Этого никогда не следует забывать. А вселенские религии это — прежде всего ощущение связи (religio) всех явлений бытия, всех миров бытия — "этого" и "того"; ощущение универсализма... всякого. Начиная с Ренессанса это стало бледнеть и теряться. На первое место вступило другое — тоже *великое*, но иное. Поэтому подлинно универсалистскими были также "Средние века" с их религиями: христианством, манихейством, буддизмом. Ислам — уже другое... Он и сложился позднее.

Вы правы, когда ставите в связь с этим "комплексным" восприятием мира спор о уничтожаемости или неуничтожаемости души. Но поймите, что самый этот спор — скорее предвестье будущего краха религиозного универсализма, далекие зарницы будущего рационализма в его ранней, ренессансной степени. Этот спор — прямое доказательство *историче-*

ского движения в сознании человечества, т. е. свидетельство самой "истории", которая и есть движение, и движение — целенаправленное.

Да, дорогой Борис Борисович, эта часть Вашего письма показала мне, что, в сущности, заключительная глава истории чисто средневековой литературы — ее зенита и вместе с тем ее кризиса, потребовавшего Ренессанса, готова. И *как* готова! На уровне, о котором я могу только мечтать: чтобы авторы *учили* своего редактора! Вы уже многому меня научили. Вижу, как полезно было Вам обратиться именно к "Юй тай", к этой эпохе, к этим людям. Это — удивительно красочное время! И оно покажет, что оно *дало* Ренессансу... Будет не только противопоставление двух эпох, но и их сосединение, т. е. то, что бывает в истории всегда. [...]

Ваш Н. Конрад.

109

Л. Д. Опульской

Москва, 15 сентября 1969 г.

Многоуважаемая Лидия Дмитриевна!

Вернувшись в Москву, увидел у себя на столе "Исповедь" со всеми приложениями¹. Спасибо. Теперь — дело за статьей. В связи со статьей у меня к Вам одна просьба, вернее — несколько просьб.

Совершенно необходимо коротко, но вполне отчетливо охарактеризовать время, в которое писалась "Исповедь", время — и общественное, и личное. Словом, нужно сказать: когда, почему и в каких условиях своей и общественной жизни возникло у автора стремление написать эту вещь. И что — написана она "после" или "во-время" пережитого кризиса? К чему она привела — в жизни, творчестве? Вы сказали, что "Исповедь" и "человеческий документ". Это верно, но нужно это показать. Но, разумеется, надо показать, что это — и "литературное произведение". Вы это также видите и хорошо, если Вы свое такое "видение" покажете в сопроводительной статье.

Я несколько разочарован "текстуальными приложениями": я полагал, что материал будет больше и что он будет выразительнее опубликованного текста. Неужели больше ничего нет?

Да, забыл и еще одно: что хотелось бы узнать из Вашей статьи: что заставило Толстого через три года перечитать написанное и решить его придать гласности? И каков он сам был в этот момент?

Извините за все эти непрошенные пожелания, но, думаю, Вы поймете — откуда, из чего они у меня идут.

Да, и как литературное произведение, и как человеческий документ, и как общественное явление эта "Исповедь" в высшей степени яркий и —

не Удивляйтесь! — самый современный по звучанию, своей проблематике — памятник.

Всего Вам доброго.

Н. Конрад

110

Т. П. Григорьевой

Москва, 29 октября 1969 г.

Многоуважаемая Тамара Прокофьевна!

В своем письме от 21 октября с. г. Вы просили меня ознакомиться с работой А.Е. Глускиной "Японские пятистишия" и дать отзыв об этом сборнике переводов¹. Исполняю Вашу просьбу.

Прежде всего — о переводе. Именно — о переводе, как таковом, т. е. об отношении японского и русского текстов.

Вероятно, мне не нужно напоминать Вам, что А.Е. Глускина отдала японской классической — "хэйанской", как говорим мы, японисты, — поэзии очень много лет напряженного труда; что среди нас нет никого, кто знал бы эту поэзию так же, как знает ее она. При этом она не просто "знает" ее: она вжилась в нее, вчувствовалась в ее эмоции, ее образы. И вот — первое, что я могу сказать с полной определенностью: в переводах А.Е. Глускиной дана правда этих эмоций и образов; в них нет ни одной фальшивой нотки. Причем — не только в смысле точности: у А.Е. Глускиной нет ни поэтического "завышения" образа, что нередко — невольно или сознательно — бывает у переводчиков, ни "занижения" его. Переводам А.Е. Глускиной можно верить. Да, такова "хэйанская" поэзия! И в своей простоте, и в своей изысканности.

Но, конечно, есть и другая сторона перевода: его русский поэтический облик. Это уже проявление поэтического искусства переводчика. его профессионального мастерства.

А.Е. Глускина — не профессиональный переводчик. Но от этого проистекают равным образом как некоторые недостатки и неровности в переводах, несомненно кое-где у нее имеющиеся, особенно — в размерах, так и одно очень важное достоинство: у ней нет в переводах ничего "сделанного" для красоты, силы, впечатляемости русского поэтического текста. Думаю, что Вы знаете не хуже меня, что у самых прославленных наших переводчиков стихов бывают — и нередко! — отступления от оригинала: то опускаются целые строки, то они добавляются как бы для "раскрытия" заложенного в оригинале смысла или образа; бывают даже случаи, что налицо в сущности не перевод, а собственные стихи на тему данного стихотворения. И иногда это бывает сделано блистательно. Читатель очарован и — забывает об оригинале. Это ли не высшая "победа" переводчика?

У А.Е. Глускиной таких "побед" нет. Она стремится даже к тому, к чему, может быть, так настойчиво и стремиться не следовало бы: к тому, чтобы в ее русском стихе были те же слова, что в японском, и в том же числе... Допускаю, что временами это может влиять на поэтический эффект русского стиха, но, в конце концов можно задуматься: не следует ли это ценить в переводе не меньше, чем внешнюю эффектность? А кроме того, не могу не указать Вам, что поэтическое достоинство многих переводов А.Е. Глускиной удостоверено очень компетентными судьями: музыкантами-композиторами. Я знаю не менее пяти-шести известных у нас композиторов, положивших переводы А.Е. Глускиной на музыку. А среди них есть такие знатоки музыкальности и поэтичности слова, как Таривердиев и Слонимский.

Исходя из этого, я и позволяю себе сказать Вам, что, издав образцы японской поэтической лирики в переводах А.Е. Глускиной, Вы не ошибетесь: "Японские пятистишия" заслужат такую же добрую славу среди наших читателей, как и ее переводы в изданном когда-то Вами же сборнике "Японская поэзия".

Н. Конрад.

111

В. М. Жирмунскому

20 января 1970 г.

Дорогой Виктор Максимович!

Решаюсь обратиться к Вам с просьбой: прочтите, пожалуйста, проект небольшого редакционного "предисловия" к "Трем Исповедям". Каждая имеет свою сопроводительную статью, но *абсолютно* необходимо общее "вступление". Издание это, ведь, очень сложное. Но может составить событие! Вспомним о том, что такое был выпуск Вашей книги о Фаусте, вспомним, о выходе в свет "малых произведений" Данте¹. Тут род "события" — иной, но все же оно возможно. Только надо суметь это издание "сделать". Завтра мы будем об этом говорить². Будем говорить и об этом "предисловии" (проекте): я попрошу Вас предварительно прочитать и больше всего полагаюсь на Вашу дружескую помощь — как лучше это предисловие написать.

Ваш Н. Конрад.

P.S. Надеюсь, мы оба завтра покажем нашей "молодежи" (в том числе и "пятидесятилетней" — как Н.И. Балашов³, что значим мы, старики.

НК.

31 января 1970 г.

Милый Витя!

Анна Ивановна только что передала мне разговор с Вами. Я хотел тут же позвонить Вам, но разговаривать по телефону мне сейчас немного трудно (хриплю), да и чувствую себя сегодня не очень ладно. Опять пришлось лежать.

Итак, Вы отказались от поездки в Ленинград, так как Вам показалось, что я — против этой поездки.

Почему Вы так подумали? Вероятно, — из-за *тона*, с которым я с Вами говорил? Он был, действительно, угрюмый и может быть ворчливый. Но вернее сказать — он был просто мрачным. Часа за два до разговора с Вами я получил из Японии телеграмму, что скончался Орест Викторович Плетнер — профессор Ин-та иностранных языков в Кобе. Плетнер был одним из последней тройки японистов моего времени: Елисеев (старше меня на 3 года), я (средний по возрасту), Плетнер (моложе меня на 3 года). И все мы невольно думали (мы переписывались): "Ну, кто начнет? Уход из этого мира?" Начал самый младший. Кто следующий? Согласитесь, что в возрасте 79 лет, — а мне через полтора месяца, если буду жив, стукнет ровно столько, — дума эта вполне естественна. И настроение мое, видимо, и отразилось на тоне, с которым я с Вами разговаривал. Тем более, что последние два месяца я чувствую себя невесело из-за новых вещей, вошедших (со стороны здоровья) в мое самочувствие.

Что же касается Вашей поездки в Ленинград, то тут — я никогда не позволил бы себе как-либо влиять на Вас. То, что может позволить себе молодой человек, полный жизни и энергии; то, что ему даже *нужно делать*, — никак не совпадает с тем, что может позволить себе, что нужно ему, — старик, даже — глубокий. Я это хорошо понимаю и не стал бы отговаривать Вас, так как мое вторжение в Ваши поступки — совершенно недопустимо. А кроме того, Вы должны знать, что и на научные взгляды своих учеников я никогда не хотел влиять, предоставляя им идти своим путем и понимая, что моя обязанность — только помочь им ступить на этот путь. И, как Вы знаете, я никому не мешаю: даже если они, выражаясь фигурально, «периодизируют историю китайской литературы по "династиям"», да еще считая это... наукой. Подобное окостенение меня удручает, но я не хочу даже и в этом случае как-либо вмешиваться. Так что — не только в своих поступках, но и в своей работе Вы не должны считать себя обязанным сообразоваться с тем — нравится ли мне это или нет. Но вот с чем я хотел бы просить Вас сообразоваться: с моим горячим желанием видеть Вашу работу закон-

ченной. Вы, вероятно, будете последним в моей жизни аспирантом и я хочу видеть эту Вашу работу. Затягивать ее не стоит...

А работа у Вас может быть не просто добросовестной, но и талантливой! Свежей, новой по проблематике. У Вас есть все данные для того, чтобы именно такая работа и получилась. Она стоит того, чтоб на время отодвинуть в сторону *все* не-необходимое. Да и общая обстановка предрепреждает: не задерживаться!

Вот то, о чем я хотел сказать Вам. Жду Вашего извещения о работе.

Ваш Н. Конрад.

113

Б. Б. Вахтину

Москва. 6 марта 1970 г.

Дорогой Борис Борисович!

Вы, вероятно, увидели в газетах некое заявление, под которым значится ряд фамилий, а в их числе — моя¹. Так вот, знайте следующее: никакого текста — ни этого, ни другого какого-нибудь в этом роде — я в глаза не видел и, естественно, и подписать не мог.

Ваш Н. Конрад.

114

М. Е. Сергеенко

Москва. 4 апреля 1970 г.

Дорогая Мария Ефимовна!

Вчера на заседании редколлегии "Литературных памятников" *был принят* окончательный (для нас, т. е. редколлегии) текст всего издания "Трех великих "Исповедей", после чего весь материал был передан издательству¹. На заседании присутствовал новый директор издательства — Камков (Геннадий Данилович), сменивший А.М. Самсонова. Я обратился к нему лишь с *одной* просьбой, но — категорической. Издать все три "Исповеди" *одновременно и совместно — тремя отдельными* книжками, но с порядковыми номерами (1, 2, 3) и с *общим* титульным листом в каждой книжке (примерно: Три великих "Исповеди"), при особом титульном листе в каждой (примерно: 1. Августин. "Исповедь"); продавать также вместе (желательно — в одной картонной коробке).

Итак — "все кончено"... В *нашем* "плане бытия". Теперь все будет разворачиваться в совершенно *другом* плане того же бытия. Как там пойдет дело? — не знаю! Но почему-то думаю, что все выйдет в свет к моему 80-летию, т. е. к 13 марта 1971 г. Почему я и обязательно доживу до этого возраста.

Ну, вот, дорогая Мария Ефимовна, и все. Чудо уже развивается. Началось оно с Вашего письма мне, в котором Вы сообщали, что у Вас *есть* уже очень продвинутый перевод "Исповеди" Августина, который Вы готовы закончить для нашего издания, о котором Вы узнали из напечатанного проспекта. Вторым этапом чуда было заключение договоров... Третье — передача материала в издательство. Разве все это не достаточно для твердой веры в то, что издание осуществится? Можно и нужно в это верить! Было бы просто грешно сомневаться. Новый текст статьи я получил вчера 31 марта. "Канонический текст" — с примечаниями и статьей ныне в 2-х экземплярах — передан в издательство. У меня остались: 1-й вариант (не полный) и 2-ой — с исправлениями, внесенными Вашим учеником. Я могу и тот, и другой отослать Вам. Как прикажете? Интересно, сколько Вам стоила эта трехкратная переписка на машинке такого огромного материала! Нет, Вы не "Ротшильд"!

Спасибо Вам, дорогая Мария Ефимовна!

Ваш Н. Конрад.

115

М. Е. Сергеев

25 апреля 1970 г.

Дорогая Мария Ефимовна!

Сегодня вчера пришло Ваше письмо — с инструкцией по вопросу о судьбе рукописей Августина. Признаюсь Вам, что я потихоньку надеялся на то, что один экземпляр Вы позволите мне оставить у себя. Вот и вышло так... Сердечное спасибо. А другой экземпляр я направлю по указанному Вами адресу.

Не могу не сказать Вам, что есть и еще жаждущие иметь экземпляр Вашего перевода: преподаватели Загорской Академии. Они прослышали про существование этого перевода и окольными путями "зондировали почву"... Говорят, что об этом было сообщено даже самому Святейшему, как о факте первостепенного значения. Я же не писал Вам об этом, не желая — в период прохождения этих трех произведений в наших инстанциях — выводить их за пределы этих инстанций... И думаю, что так следует делать и дальше. А когда, даст Бог, все это появится на книжных полках магазинов, тогда — пусть сама судьба распоряжается их участью. Открою Вам еще и то, что я сказал работникам издательства, людям, прекрасно все понимающим, что я был бы счастлив, получив к своему 80-летию (13 марта 1971) такой подарок... И знаю, что *они* хотят, чтобы этот подарок мне был сделан. Но ... тут всякие "но" вполне возможны. Все же я обязуюсь уж до этого дня дожить!

Ваш Н. Конрад.

Жду первого удара в колокол!... Он тут около меня рядом — в переселке.

29 мая 1970 г.

Дорогой Борис Борисович!

Только что получил Ваше письмо. Рад был ему. А то уж слишком долго ничего не знал о Вас.

Вы совершенно правы: "Только в нашей стране возможно правильное понимание Китая, если такое понимание в принципе возможно". Именно об этом и я писал Вам в заключительной части своего третьего письма Вам, говоря, что мы — *мудрее* других, т. к. испытали и передумали очень многое такое, чего не испытали другие. Вы правы и в том, что такое понимание нужно *нам* — Вам, мне... Только не представителям КОСПАРА¹: они живут другими категориями — может быть и более страшными, но гораздо более простыми. Вы пишете, что не можете объяснить себе — почему Вам такое понимание нужно; пишете, что "это скорее внутренний императив, чем разумное решение". Но Вы этими словами и все объяснили: понимание нужно именно потому, что это — внутренний императив! А голос этого императива так зазвучал в Вас потому, что Вы — один из тех людей, которые *живут*, а не существуют. "Жить" же значит всегда быть в общении со всеми таинственными процессами, развертывающимися вокруг нас. Продолжайте, интересоваться "китайским случаем" человеческой истории: он, этот "случай" — очень глубок, сложен и странен. Если нужно понять — хоть как-нибудь, но помните, что понимание может приходить и из ... "КОСПАРА", и из Тейяр де Шардена, и из "Мастера и Маргариты", и из "Юй тай синь юн". Вообще, дорогой Борис Борисович, я уверен, что мы, именно мы можем понять происходящую всемирную сумятицу! Потому что — опять повторю — мы мудрее. И это — не заслуга наша, а результат "полученного образования", сознательно принятого. Вот Ольга Лазаревна [Фишман] как-то написала мне, что по ее мнению не понимают нас — наших историко-культурных и историко-литературных концепций в приложении к китайской культуре и литературе — только по той причине, что не дошли до нас. Может быть, эта мысль внешне и может показаться проявлением излишней самоуверенности и ложной гордыни, но она, эта мысль, — глубоко верна. Я устал сражаться не с аргументами "против", не с противопоставляемыми мне концепциями, а — как как-то выразился Б.Л. Сучков — "с пустыми безжизненными глазами", в которые и погрузиться нельзя. Я не писал Ольге Лазаревне, что считаю ее нашедшей совершенно правильное объяснение происходящей на наших глазах сцены в китаеведении; скажите ей об этом. И поезжайте в Новосибирск! Нужно знать *их* — тех, кто представляет так называемые "точные науки". Принимайте участие и в организации конгресса по экономической истории... Это — нужно. Мы *не имеем права* отклонять эти стороны жизни... Мы должны принимать и их. Только будьте Тао Цянем и здесь:

участвуйте во всем, но не давайте себя во власть всего этого... Всегда внутренне "возвращайтесь к себе домой"... В свою душу. И — в свою работу. То, что Вы написали, очень интересно и для меня звучит по-новому. И о "времени" Вы сказали хорошо. Помните — Э. Бенвенисто различал три времени: 1. психическое, которое каждый измеряет по своей внутренней жизни; 2. хронологическое — деление времени на дни, недели, месяцы, годы, столетия...; 3. лингвистическое, отрывающееся от настоящего и расходящееся от него в обе стороны — в прошлое и будущее. Я добавил бы третье, о котором написали Вы: время создания чего-либо и время, заключенное в созданное, причем *оба этих времени сосуществуют* неотделимо друг от друга. Будьте здоровы, дорогой!

Ваш Н. Конрад.

117

А. Я. Гуревичу

Юрмала. 24 августа 1970 г.

Дорогой Арон Яковлевич!

Ваше письмо получил своевременно, но до сих пор не откликнулся только потому, что знал, что Вы должны быть заняты конгрессом¹. Попали ли Вы на него или нет, все равно. Вы, уверен, знаете все главное о нем.

Я знаю о нем только то, о чем пишется в газетах и говорится вечером по радио; имею и официальную программу (на англ[ийском] языке). Вчера конгресс закончился докладом Лазарева² и вот я сегодня решил написать Вам несколько слов.

Из плана послесъездовских экскурсий я знаю, что одна из примечательных поездок намечена на Онегу, в Кижы... Учитывая замечательный доклад Лазарева — *для всех* и вступительный доклад Жукова — *также для всех*, слыша, что говорят по радио, я заключаю, что все мы ведем конгресс как-то между марксизмом и... иконами... А как ведут иностранные участники — этого я не знаю. И программа, которая у меня есть, не даст мне возможности ясно представить себе эту сторону дела.

К счастью, "150-ти летний юбилей" Ин{ститу}та востоковедения откладывается... Хотя я и не собираюсь принимать в нем участие, все равно: мне сейчас всякое нарушение жизненного трэна противопоказано. К сожалению, вот уже около 10 дней, как я — то лежу, то сижу в кресле: приступы стенокардии сильные и довольно длительные загрудинные боли. Известную роль в возбуждении этих явлений сыграла, конечно, статья Эйлина в № 8 "Иностранной литературы", направленная без всяких экивоков прямо против меня³. Научная сторона этой статьи меня не беспокоит: он просто не понимает, что такое научно-историческая периодизация и очень поверхностно знает те китайские ма-

териалы, о которых упоминает, не говоря уж о том, что также их не понимает. Баткин написал умнее и квалифицированнее⁴... Так что это меня никак не волнует. Волнует другое: *то, что скрывается за фактом этой статьи, помещенной в журнале, редактируемом Федоренко*. А это — настолько противно и, прямо скажу, неприемлемо с точки зрения человеческой морали и простой порядочности (если даже не хуже!), что меня, всегда *именно к этой стороне дела* чувствительного, это не могло не возмутить. *Ничего делать* я не буду. Вы знаете, надеюсь, меня настолько, чтобы поверить тому, что ни одной злой мысли у меня к ним обоим нет. Мне только грустно и горько: ведь тот же Эйдлин обе свои степени получил при моем решающем участии... И поддался на такое дело! Но о нем писать и не буду. Все же — и так уже несколько покалеченное сердце — отозвалось на это невольное волнение. Ведь 13 марта будущего года мне уже будет 80! Если, конечно, доживу... "Е. б. ж." — как всегда писал Толстой ("если буду жив"). Но буду, дорогой Арон Яковлевич, и буду еще долго радоваться Вашему умному и серьезнейшему научному пути.

Ваш Н. Конрад.

118

Б. Б. Вахтину

Юрмала. 3-4 сентября 1970 г.

Дорогой Борис Борисович!

То, что вы сделали, настолько значительно и важно для нашего китайистического литературоведения, что я откликаюсь, как Вы видите, весьма пространном письмом. Иначе — не могу. А Вы уж не взыщите!

1. Сначала — одно маленькое замечание о заголовке Вашей статьи. Вы написали: "Заметки о лирике Шэнь Юэ"¹; я добавил бы — "любовной". Дело не в простом уточнении заглавия: "любовная лирика" в Вашей статье — не простая принадлежность поэтического наследия Шэнь Юэ, а большое и совершенно до сих пор не учтенное исследователями истории китайской литературы направление художественно-словесного творчества. Иначе говоря, это — не простое наименование; это — литературно-исторический термин; в статье же — не просто заголовок, а своего рода тезис.

2. Своему разбору нескольких стихотворений поэта, — что и составляет саму статью, — Вы предпослали небольшую информацию о самом их авторе. Вообще говоря, знать — хотя бы в таких пределах — о Шэнь Юэ обязан всякий китаист-литературовед, получивший университетское образование. Но так как рассчитывать только на такого читателя Вы не можете, некоторые сведения о Шэнь Юэ дать, действительно, следует.

Однако, всего лишь одним замечанием Вы могли бы такую простую информацию также превратить в своеобразный научный тезис: Вы могли бы сказать, что такие люди, как Шэнь Юэ, — ученые эрудиты и художники слова, философы и поэты, любители старины и отдающиеся жизни, педанты и гурманы, люди, могущие верить во что угодно и вместе с тем в действительности верящие только в свою бессмертную ("не уничтожаемую") душу, — что *такие люди* весьма и весьма характерны для своего времени и для своей среды. В каком смысле характерны — пока не говорите, но уже одним этим замечанием Вы поставите приведенные Вами сведения на другой уровень, а само это замечание в дальнейшем войдет в состав Вашего научного заключения.

3. Перечисляя различные стороны деятельности Шэнь Юэ, Вы, естественно, особенно останавливаетесь на его *сышен пу и ба бин*². Не сделать этого Вы не могли: в любой книжке по истории китайской литературы о Шэнь Юэ говорится в первую очередь именно в связи с этими его двумя работами, а во многих книжках — только об этих работах и упоминается. Однако, тут Вы уже сами вышли из рамок простой информации: Вы эти сведения сопроводили Вашей собственной оценкой того, что этими работами Шэнь Юэ сделал: «На смену поэзии ритмически (я сказал бы шире — *эвфонически*) организованной главным образом рифмой, цезурой и музыкальным сопровождением (я сказал бы более точно — музыкальной *мелодией*) приходили стихи с внутренней интонационной (я сказал бы более специфично — "шэнь'овой", *тониической*) полифонией». Сказано хорошо! Вы поняли, в чем тут дело и нашли те слова, которые эту суть дела передали. Не думаю, чтобы можно было бы найти более выразительные! Но я посоветовал бы Вам внести в эту свою формулу один штрих, который придаст бы ей историческую конкретность, а такая конкретность — необходима. Послушайте меня немножко:

Вы знаете, что с середины III в. в Китае начала разворачиваться работа по изучению звуковой стороны своего языка. Вот Вам ряд: "Шэнь юнь" Вэйского Ли Дэна, "Юнь цзи" Цзиньского Люй Цина, "Сышэнь юнь-линь" Цзиньского Чжан Ляна, "Сышэнь це юнь" Цинского Чжоу Юна, "Сышэнь лунь" Лянского Ван Биня... Вы видите, что Шэнь Юэ отнюдь не был зачинателем. Даже в области особого внимания к "Тонам": о них много говорили до него; и даже — именно и 4-х. Не был он и завершителем: работа продолжалась и после него и, если видеть в чем-нибудь ее завершение, то, вероятнее всего — в появлении знаменитого Сунского свода "Це юнь". Кстати сказать, только он и дошел до нас; все предыдущее — пропало. В том числе и обе работы Шэнь Юэ. Но иметь некоторое представление о них мы можем: как по этому самому "Це юню", так и по упоминаниям о Шэнь Юэ в других материалах; да и по его биографиям.

Но..., если этот Шэнь Юэ и не начинал эту столь важную линию исследования, и не заканчивал ее, то *что же* дало ему право *так высоко*

оценить свою работу, как он сделал это в своих известных словах, приведенных и Вами? Вдумаемся в эти его слова: они того стоят!

Он сказал, что "уловил" (до) в стихе что-то такое, чего и "не заметили" (бу у) "поэты, громоздившие тысячи строк"; что "проник" (цюн) во что-то такое в стихе, до чего не дошел никто до него. Словом, и "уловил", и "проник" "только он один" (ду). Что же он "уловил", во что он — и *только он!* — "проник"?

Внимание к звуковой стороне китайского языка, с такой силой начавшее проявляться с середины III в., исторически нам понятно. В 286 г. в Китае появился "монах из Юэчи", получивший на своей новой родине имя Чжу Фаху, и — родилась сутра "Фахуа цзин"... Вскоре же появилась и сутра "Амито цзин". А это — только отдельные факты из большого ряда им подобных. Мы знаем, что переводили на китайский язык не только сутры, а и все, что входило в орбиту буддизма; в том числе и "песнопения", т. е. далеко не одну "прозу". Да и в сутрах — сколько там ритмизованных мест, прямых стихов! Недаром же китайским переводчикам так часто приходилось обращаться к стиховой речи, особенно — к размеру "у янь". Да, изучение индийской фонологии, знание которой было тогда просто необходимым для китайцев, имевших дело с санскритом и пали, изучение этой фонологии — высшей тогда по уровню во всем мире! — привело китайцев не только к изучению фонологии своего собственного языка, но и к изучению звуковой стороны своей поэтической речи. Да, они ее изучали; изучал ее и Шэнь Юэ, но ему удалось уловить то, чего не уловили, просто не поняли его предшественники: что *звуковая сторона стиха есть... эвфония!* Слова этого у него, конечно, нет, но что же значит та "таинственная суть" (*мяо чжи*) стиха, в которую он — и "только он", т. е. он первый, — "уловил", — в *сюн цзинь* — во "внутренней интонационной полифонии" как перевели Вы на точный язык это образное выражение поэта? Разве можно после этого не согласиться с Вами, что это "была подлинная революция в китайском стихосложении"? Может быть, только прежде всего — "революция в науке об основах китайской стиховой речи"; но, конечно, она, надо думать, *сама вызывалась* или, во всяком случае, сопровождалась *революцией* в поэтической практике. Кажется, Вы открыли нам — в чем состоял подвиг Шэнь Юэ, но, думаю, внести в Вашу формулу небольшое уточнение исторического порядка следует. Но только очень коротко: нельзя отвлекаться *от предмета* своего исследования, а он у Вас — другой: *творческая практика* Шэнь Юэ, а не его теоретические выкладки.

4. Перехожу и я к этому "предмету"... только сначала — вопрос к Вам: скажите, рассмотренные Вами стихотворения это — *все*, что имеется в "Юй тай синь юн"? Ясно об этом у Вас не сказано, но думаю, что так. Скажите это! *Это обстоятельство само послужит* Вам основанием для защиты *своего права ограничиться* таким небольшим по объему материалом. Вы всегда можете сказать, что взяли из любовной лирики Шэнь

Юэ именно то, что получило "санкцию эпохи" — было отобрано для Антологии, а Антология эта была для составителей и "цветком" поэзии их времени, и "знаменем" ее. Нужно ли еще какое-нибудь основание? А приведенные Вами (стр. 5) различные аргументы прибергите для другого места: *тут* они и мало понятны неосведомленному читателю, и звучат голословием; *там же* они зазвучат! "Там" — это — в итоговой части статьи...

5. Приступая к разбору приведенных Вами стихотворений, Вы сразу же (стр.3) предупреждаете читателя, что дадите "поэтические тексты в прозаическом переводе". Я добавил бы: "подстрочном". Но, сказав это, Вы должны пояснить — *что* при таком переводе Вы читателю сообщаете, *чего* не сообщаете. По-моему, Вы могли бы сказать, что передали "строчковую" (стиховую) структуру стихотворений, а в строчке — ее лексико-смысловую сторону; об образной же ткани стихотворения читатель сможет судить по выбранной Вами русской лексике; что же касается *мелодики* стиха (может быть, можно употребить и это *технически-точное* слово?), т. е. того самого, что Шэнь Юэ чуть ли не считал самым важным в поэзии, то этого читатель в русских переводах не почувствует. Но Вы были вправе в *данной работе* этой стороной пренебречь: тема Ваша — *другая*, для *разработки* которой вопросы мелодики стиха — не существенны.

6. Признаюсь, Борис Борисович, что я не мог решить — что лучше: говорить ли Вам о Вашей теме *тут же* — *при разборе стихотворений*, так сказать, "по ходу материала", или же при переводах оставить одну чисто комментаторскую часть, всякие же соображения отложить "на потом"? В таких делах все определяется особенностями научного мышления автора, свойственными ему приемами исследовательской работы; наконец, — просто его литературной манерой. Поэтому в своих дальнейших заметках я буду идти вслед за Вами.

Первое стихотворение... Сказанное Вами относительно особенностей этого стихотворения (простота и конкретность, "буднично-прекрасные строки", "восхищение тем, как женщина ест, пьет, хмурится") мне представляется верным (кстати, сказать — и видимо, хорошо переданным в русском переводе, говорю "видимо", так как текста у меня тут нет). Но... ведь, все эти черты Вы могли подметить *только* при сравнении... И при сравнении с предшественниками, как Вы сказали ("нет ни единой цитаты из предшественников" — написали Вы). Кто же эти предшественники? Предшественников по эпохе самого Шэнь Юэ мы, естественно, оставим: эпоха эта — его "*современность*" (конечно, в большом плане). поэты этой его эпохи, в том числе — и жившие до него — его современники. "Предшественники" его это — вот кто: Тао Цянь, Юань Цзи (крупнейший из "Семи мудрецов бамбукового леса"), Цао Чжи (крупнейший поэт из "цзяньаньцев"). Кто дальше — в глубине истории? Сьма Сян-чжу? Но это — поэт другого жанрового плана и к лирической стихо-

вой поэзии отношения не имеет... Значит, остается еще Цюй Юань... *И — все!* Конечно, я говорю о больших поэтах — тех, кто определяет лицо поэзии своей эпохи.

Скажите, Борис Борисович, можете ли Вы у перечисленных поэтов найти что-либо общее с Шэнь Юэ? Темы, все содержание их поэзии — совершенно иные. Я хорошо знаю Тао Цяня и знаю, что *его* темы — человек в его жизни и в его смерти. "истина" (*чжэнь*) как проблема мира — в целом и человеческого сознания — в частности. Живет он, Тао Цянь, мыслит в сфере знаменитых "Сань сюань" — "Трех тайн", сокрытых в трех великих "откровениях" — в "И-цзине", "Лао-цзы", "Чжуан-цзы"... Мы теперь знаем, что и "Ле-цзы" в известном нам виде — создание эпохи Тао Цяня. Я немного знаю и поэзию "Семи мудрецов" и могу с уверенностью сказать, что все в ней идет из сферы "*цин тань*"³ — удивительно своеобразного отклика человеческого сознания на сложность мира, так реально ощущаемую в эпоху перелома; отклика своеобразного потому, что в нем сказалась и великая печаль, и реакция на нее — *гедонистические* настроения. Не буду продолжать дальше... Но не ясно ли, что с *этими* предшественниками сравнивать ни Шэнь Юэ, ни его коллег по эпохе, принадлежащих к представителям особого жанра лирической поэзии — *любовной лирики*, просто нельзя? А, ведь, других-то нет...

7. Чувствую, дорогой Борис Борисович, что Вы тут "взрываетесь"! "Да, разве я говорю об этих поэтах?" — скажете Вы мне. Знаю, знаю, кого (вернее: *что*) Вы тут имеете в виду... Вы имеете в виду *не литературу*, а... фольклор. В фольклоре любовная тема, конечно, представлена; даже больше: она — одна из самых продуктивных. Но, Борис Борисович, *творчество Шэнь Юэ принадлежит литературной поэзии*, а не фольклору; литературная же поэзия, как и вся вообще литература — *явление совершенно иного плана*, чем песенная поэзия, как и вообще все фольклорное. Фольклор принадлежит культуре, литература принадлежит цивилизации, т. е. "высшей" надстройке в культуре; фольклор всегда был и есть, литература — появляется с приходом человечества к организованному общественному состоянию, основанному на том начале, которое римляне называли *civitas* (откуда и само слово "цивилизация"); фольклор независим от письма, почему и возможен даже у бесписьменных народов; литература, как показывает *само это слово*, существует неотрывно от письма, почему и появляется только у народов, не только узнавших, что *есть* такое письмо, но и превративших его в орудие своего существования и творчества; вернее — в один из элементов самого существования и творчества.

8. Борис Борисович, занимаясь историей средневековой литературы, я в высшей степени ясно видел рождение литературы... *средневековой* по общему мировому историческому времени, *первой* у данного народа. Я писал об этом в своих заметках о средневековой литературе, в частности

— и в той статье, отосланной на конгресс в Бордо, которую Вы прочитали. Я увидел — как родилась литература у "молодых", как я назвал их, народов истории при выходе их на уровень цивилизации, т. е. вхождения их в историю в роли ее полноправных деятелей — у франков, арабов, японцев: первая литература у них был эпос и лирика; точнее — поэзия эпическая и поэзия лирическая; а в последней — именно любовная. Потому что это были *те самые жанры, которое латентно* присутствовали в давно существовавшей и у этих народов поэзии устной — повествовательно-сказовой и лирически-песенной. Вот они, *эти* жанры, первыми и "оформились в литературу"... Любовная поэзия провансальцев, арабов, японцев уже — *не фольклор*, хотя она и вышла из фольклора; она уже — *литература*.

Совершенно другой процесс наблюдается у *старых* народов. С наступления Средних веков литература у них не рождалась: она существовала — и полноценно! — у них давно; она только переходила к иным темам, к выражению иного мироощущения, к иному представлению о самой себе... И вот случилось, видимо, исторически закономерное: в душах людей наступившего нового мира — с его огромным вниманием к глубинам человеческого духа и жизни — с огромной силой зазвучала тема любви.

В *таком* своем звучании она в психике людей ушедшей "Древности" не существовала, почему ее — *в этом звучании* — *не было и в литературе*; но в фольклоре тема любви — в своем первозданном звучании: во всей своей "простоте" и "конкретности", о которых Вы сказали, — конечно, была. И продолжала существовать все время. Не значит ли это, что и тут любовная тема для литературы уже существовала, и притом — *именно латентно*? И лирические поэты, наконец, придали ей "литературную" плоть? Конечно, — как требовала этого их эпоха, их среда...

Борис Борисович, Вы видите, что это — *совсем не то*, что у франков, арабов, японцев: литературное воплощение любовной темы произошло на другом историко-культурном уровне, на другом "историческом возрасте" людей. Отсюда — и другое "литературное качество" этой любовной лирики... Простота и конкретность фольклорного выражения любовной темы, столь естественные для фольклора, в литературном воплощении превращаются в... *литературный прием*. Прямые заимствования из фольклорной поэзии, "цитаты", как Вы говорите, — не более, как литературные средства; персонажи — всего только литературные образы. Словом, любовная лирика, появившаяся в Средние века у всех народов, была одной — у "молодых", *совсем другой* — у "старых". Мощь исторической эры вызвала эту лирику у тех и других, но оформилась она у каждого народа соответственно его "историческому возрасту", его культурным ресурсам. Любовная лирика Цилян-Чжэньских поэтов Китая (это и есть "эпоха" Шэнь Юэ) — та же и вместе с тем совсем не такая, как любовная лирика VIII-IX вв. японцев, IX-X вв. — франков.

9. И как хорошо это отличие показано у Вас — при разборе второго стихотворения (стр. 6), когда Вы указываете на наличие в нем того, что Вы называете "традиционным" (я сказал бы: не "традиционным", а в своем генезисе — "принадлежащим фольклору" как сфере-источнику), и того, в чем Вы видите "отход от традиции" (я сказал бы: черты *литературной сферы*). Вы — как Вы хорошо чувствуете литературу! — даже сами сказали (стр. 6), что Чжао Фэй-янь и Цинь Ло-фу не более, чем "трамплин" для своей, совсем иной, интерпретирующей образ героини любовной темы. Кстати, как любопытно сообщенное Вами, что Хуан Гун-чжу изъясил это стихотворение из своего издания "Юй тай синь юн"! Только думаю, что это — не его "пуританизм": поверьте, по-настоящему до нравственности ему никакого дела не было; дело в том, что я называю самым осудительным в моем китасведческом лексиконе словом: дело в "сяньшэнизме", что по-русски значит прежде всего "заскорузлость мозгов". И подумать только! Ведь, все традиционное европейское китасведение свою науку получило прежде всего из рук "сяньшэнов" — реальных, физических или из созданной ими научной литературы... Увы, увы! Эта "традиция" у нас, даже у нас — еще так сильна! Рад, что Вы обо всем этом так ясно сказали! (стр. 12).

10. Позвольте мне, однако, обратить Ваше внимание на одно особое обстоятельство. Выход любовной лирики из латентного состояния у франков и японцев был... как это сказать? — "непосредственным", что ли? А вот у китайцев — "опосредственным"... Чем? *существованием* — и уже давно! — фольклорной поэзии в фиксированной форме. Этот — огромной важности — момент Вами же описан: в работе об "Юэфу". Что же эта фиксация означала? Как показали и Вы в свое время, — это было прежде всего *лишение фольклорной поэзии ее конститутивного элемента*: ее текучести, импровизационности, уживавшейся самым причудливым образом с прямо обратным: константностью, трафаретом. Фиксация, т. е. перевод на письмо, и внесла в песенную поэзию тот элемент стабильности, который ей органически чужд: константность и трафареты — другие, чем стабильность. Отсюда и то, что мы называем традиционными элементами в фольклорной поэзии. Конечно, штампы — всех видов — получались и при песенном воспроизведении материала, но, думаю, что они в таком, устном, существовании песенной поэзии не были так повелительны, как в существовании письменном, а мы, знающие фольклор, в сущности, именно по записям, принимаем "появившееся" за "данное". Опять-таки Вы же, Борис Борисович, сказали нам, что два вида "юэфу" — ханьский и времен Лю Чао — не только принадлежат *разным местам*, но и *различному времени*. Поэтому мы и вправе предполагать, что литераторы-гурманы, любители старины и письменности, — а именно таким был по Вашим словам Шэнь Юэ, — хорошо знали этот материал своего времени... Вероятно, он и появился в какой-то степени благодаря их же стараниям. Вот Вам и еще одна историческая специфика процесса

возникновения любовной поэзии в "Средние века" — специфика этого возникновения в истории старых народов.

Я, конечно, хорошо понимаю, что эту сторону процесса нужно особо и тщательно осознать, почему и позволяю себе сейчас на нее только указать: настоящее "слово" тут скажете, думаю, Вы. Во всяком случае, упускать из виду существование фольклорной любовной поэзии и в *фигурном состоянии* нельзя.

11. Как удивительно много говорит третье стихотворение Шэнь Юэ, разобранный Вами, — цикл "Воспеваю"... И опять скажу: очень много из подмеченного Вами мне кажется верным и сказанным, что важнее всего, по существу дела. Отмечу Ваши слова об "общем стиле эпохи, требовавшем иносказательности, своеобразной орнаментальности поэтического языка" (стр. 6-7); о "мире природы, вещей, окружающих человека, служащем поэту неисчерпаемым источником символов" (стр.7). И как эти Ваши слова хорошо характеризуют именно эту любовную поэзию, т. е. поэзию, возникшую у *старого* народа и совсем не на первом этапе даже *его средневековой* литературы, т. е. позднюю... Как Вы знаете, я говорю тут об исходе Средних веков. Да, иносказательность, *приводящая к символам*, этого и в помине нет в средневековой (ранней) любовной поэзии у молодых народов: "иносказательность" у них — всего только средство образности. То же можно сказать и об "орнаментальности" поэтического языка: ее не могло быть в только что родившейся литературной поэзии. Не знаю только — удобен ли тут самый термин — "орнаментальность"²? Вы знаете, что в критической литературе той эпохи были в ходу такие слова, как *сяньцяо*, *яньли*. Мне кажется, что слова эти, как термины, очень близки к тому, что мы выражаем словами "искусство" (мастерство) и "красота". Если эти понятия перенести в план *лексической* техники поэтического языка, может быть, они и дадут то, что Вы называли "орнаментальностью"?

Не могу не сказать Вам, что Ваш разбор третьего стихотворения — цикла "Воспеваю", я считаю блестящим доказательством того, что все в любовной лирике принадлежит прежде всего любви... Ей, любви, служит и природа, и музыка, деревья, цветы, все, все... Ничто из этого всего не принадлежит самому себе (стр. 10). И тут мне хочется сказать, что эта черта — обязательна для всякой подлинно любовной лирики: и той, которая родилась, как первая литература у молодого народа, и той, которая сложилась у старого народа, имевшего в прошлом огромную и высокую по качеству литературу, сложилась под могучим воздействием великого, *нового и для него*, века.

12. Не могу пропустить одно Ваше замечание (стр. 9). Вы написали: "Китайский поэт — не географ и не историк; поэтому и географические названия, и исторические персонажи служат для него лишь метафорами". Сказано и верно, и точно. Нужно ли еще добавлять что-нибудь, чтобы пояснить, что литературная поэзия совсем не фольклор! Даже и при внешне, и внутренне казалось бы одной и той же теме?

13. В итоговой части Вашей статьи (стр. 10-14) Вы касаетесь разговоров об "упадке", "формализме", ведущихся некоторыми историками литературы в приложении к литературе, особенно поэзии, этой эпохи. Вы эти разговоры категорически и аргументированно отводите, и я совершенно согласен с Вами. Напомню только Вам об одной аналогии, о которой я Вам, кажется, когда-то писал. Вы знаете, что средневековая поэзия у другого старого народа — у итальянцев закончилась также ... любовной поэзией. Очень своеобразной... и по форме выражения, и по языку. Она получила у *своих же представителей* наименование "поэзии Нового сладостного стиля" (*dolce styl nuovo*). Не свой ли — "китайский" — вариант этой поздне-средневековой (предренессансной) поэзии "Юй тай синь юн" — "Новые напевы (поэзия нового стиля) Яшмовой башни" (сладостного стиля)? Это название также дали сами эти поэты! А кто осмелится сказать, что стихи Гвидо Кавальканти — "формализм"? А за элигонов, которые были и у поэтов "*dolce styl nuovo*", и у поэтов "новых напевов Яшмовой башни", история не отвечает. Но и *они* показательны: возводя в догму то, что у поэтов-творцов было озарением, поэтическим открытием, они тем самым засвидетельствовали — как прекрасны были эти открытия! Да, имел свой исторический смысл и стиль "сылювэнь"...

Дорогой Борис Борисович! Я никак не возвожу эту аналогию в "догму"... И ни в коем случае не упускаю из виду *все различное* в этих двух фактах истории поэзии — итальянском и китайском. Надеюсь, Вы хорошо знаете, что говоря об "общем", я никогда не упускаю из поля зрения "специфическое". Эрудит Шэнь Юэ, как поэт, совсем не простодушный трувер. Кавальканти — никак не Шэнь Юэ. Но кажется мне, что чем выше исследователь, тем лучше он видит великое дыхание истории, проносящееся над *всем человечеством*, а оно, это дыхание, в своем направлении — *едино*: оно исходит из единого великого источника. И обращено оно также к единому во всех своих видах: к человеку. Вот и все! Кончаю. Спасибо Вам, дорогой, за то наслаждение, которое Вы мне доставили своей статьей. Мне оно — в настоящем состоянии — очень помогло. А если я уж слишком "разговорился", то скажу опять: "Уж не выщипте!" До свидания.

Ваш Н. Конрад.

Дорогие друзья! Приехали! Сидим дома. И вот пишу Вам. О чем? Не более, не менее, как о Вере, Надежде, Любви!

О "Вере": мы верим — очень хотим верить! — что сегодня у Вас — синес небо, сиянье солнца (у нас хмуро и холодно).

О "Надежде": мы надеемся — хотим надеяться! — что в эту первую ночь на новом месте Вы не замерзли и не ругаете нас за рекомендацию такой жилплощади.

О "Любви": о том, что мы очень любим Вас — и независимо от погоды и температуры! Зависимо только от одного: от сердца. Вот и все.

Да, еще одно! Вера, Надежда и Любовь, как известно, — дочери единой матери — Софии, а "София" по-гречески — "мудрость". Лейбниц же сказал, что мы живем "в лучшем из всех существующих миров". Не уверен, что это — так, но в одном уверен: без мудрости жить на белом свете — трудно.

Кстати, не кажется ли Вам, что Лейбниц ляпнул свою фразу после... основательного юбилейного банкета?

Ваш Н.И. Конрад

120

И. М. Ошанину

Узкое. 12 сентября 1970 г.

Дорогой Илья Михайлович!

Анна Ивановна сказала мне, что Вы звонили мне по телефону и передали нам Ваш дружеский привет. Сердечно благодарю Вас, дорогой старый друг! Меня так радует, что мы с Вами так хорошо пронесли нашу взаимную привязанность через столько лет!... Я так ценю и Ваше теплое участие в моих делах — научных и личных и очень-очень Вам благодарен за это, потому что ничто так не огорчает меня, как человеческая злоба. Поверьте, именно это и взволновало меня в выступлении Льва Залмановича Эйдлина... И откуда эта злоба, пронизывающая каждую его строчку? И откуда этот высокомерный, "учительский" тон, вообще непригодный и общении с людьми, и прямо оскорбительный по отношению ко мне, за плечами которого почти 60 лет честной научной работы и который на 30 лет старше его?

Поверьте, именно это меня и взволновало, а не научная сторона его статьи: абсолютно все можно было бы с легкостью отвести. Но я не разговариваю с тем человеком, который меня публично третировал как невежественного юнца... И буду продолжать работать так, как мне кажется правильным и научно плодотворным. Требуются только силы, как и Вам, дорогой друг! А силы у нас еще, слава Богу, есть, хотя "физика" наша скрипит... и даже очень! Вот и этим летом — не без участия нашего милого Льва Залмановича (и его друга — редактора журнала, в котором помещена его статья) у меня почти три недели ушли на борьбу с приступами стенокардии... Под конец пребывания на Рижском взморье я опять стал понемногу выходить и даже написал одну небольшую статью, но должен еще серьезно долечиваться. Вот и пришлось поспать в "Узкое".

Да и моей дорогой Наталье Исаевне все это мое заболевание доставило много волнений и ей нужно подлечиться... Словом, до 2 октября мы — в Узком, и я надеюсь, вернемся оттуда в нашей обычной форме. Но я, видимо, окончательно ограничу свое "внешнее" общение и сохраню связь с немногими друзьями, и прежде всего с Вами, дорогой Илья Михайлович! На пороге 80-ти лет иначе — трудно. Да и то приходится изумляться, что до этих лет еще, кажется, доживу. Во всяком случае, хочу! Крепко, крепко жму Вашу руку, дорогой Илья Михайлович, дружескую руку и примите мою благодарность за всегдашнюю теплоту и сердечность.

Ваш Н. Конрад.

121

В. С. Сановичу

Узкое, 15 сентября 1970 г.

Милый Виктор Соломонович!

Во-первых:

Здравствуйте! Очень жду Вашей работы. У меня сейчас два наибольших интереса: докторская диссертация Бориса Борисовича Вахтина — "Юй тай синь юн" (VI в.) и кандидатская диссертация Вити Сановича "Дневник Идзуми-сикибу Никки" (X-XI в.).

От первого и от второго я жду:

а) полностью *перевода* изучасмого памятника (а оба памятника великолепны).

б) Хорошего раскрытия — что это такое и — исторически, и — для *большой* науки, и — для нас, людей 2-ой половины XX в.

А главное — оба (и старший, и младший) — такие, что от них можно ждать не просто "диссертации на степень", а настоящей литературоведческой и литературной работы.

Во-вторых:

У меня припасен *для Вас* томик Бодлера (даже в переплете). Может быть, Вы не успели захватить. Томик стоящий. И я один экземпляр назначил для Вас. Если хотите, зайдите к Анне Ивановне и возьмите. В этом томике Вы найдете и еще одно свидетельство легкомыслия Вашего, позволившего себе писать (и печатать) не о Шэнь Юэ, не о Идзуми-сикибу, а о... Бодлере¹!

В-третьих:

Благодарю Вас за рецензию на японское издание моего "Востока и Запада"². Знаете что? Вы — единственный из всех рецензентов, который нашел то самое слово, которое все объясняет в моих думках и построениях. Слово это — поиски (и попытки наметить контуры) *метасистемы*. Точно и правильно.

Скажу Вам, что поиски "метасистемы" — отличительная черта умонастроений, по-моему, всех, кто не просто "научный работник". И без этого нам было бы не только трудно понять "единство во многообразии", но и просто как-то мириться с этим "лучшим из всех существующих миров". Кстати, не кажется ли Вам, что Лейбниц произнес эту свою знаменитую фразу после... ну, хотя бы, основательного юбилейного банкета?

Работайте, не покладая рук... Вернее — дум. Нужно, чтобы Вы сделали все и сделали хорошо. И я все scrupulously просмотрю.

Ваш Н. Конрад

ПЕРЕПИСКА Н.И. КОНРАДА И А. ТОЙНБИ

1

А. Тойнби — Н.И. Конраду

25 января 1967 г.

Дорогой д-р Конрад!

Мой коллега по институту любезно перевел мне рецензию в "*Новом мире*" (№ 10, 1966) на Вашу книгу "*Запад и Восток*"¹. В этой рецензии есть абзац, касающийся главы "О смысле истории", в котором Вы, между прочим, упоминаете о моем взгляде на этот предмет.

Конечно, это только косвенный способ ознакомления с Вашей книгой. Именно поэтому я сейчас и пишу Вам в надежде установить непосредственный личный контакт с Вами. По рецензии в "*Новом мире*" я ясно увидел, что в Вашем лице я встречаю благородно мыслящего критика.

Но у меня сложилось впечатление (возможно, что я ошибаюсь, так как пока что я знаком с Вашей критикой только из вторых рук), что мои взгляды дошли до Вас не вполне точно. Если бы они были именно такими, какими Вы их воспринимаете, я сам критиковал бы их, и притом в значительной степени, — в Вашем же духе. Однако мне представляется, что Вы и я сходимся во взглядах на дела человеческие в большей степени, чем Вы предполагаете, — если только я понял Вас правильно. Коснусь лишь нескольких пунктов. Я буду весьма признателен Вам, если Вы ознакомитесь с ними и в удобную минуту напишете мне, если у Вас найдется на это время.

1. Вы делаете мне честь, сопоставляя меня со Шпенглером. Я восхищаюсь им — смею сказать, как и Вы, — за гениальность, которая сказывается во многих вспышках его интуиции. Я также согласен с ним во взгляде на историю до ее нынешнего момента (это важная оговорка) как не на на единый поток, движущийся сквозь века и охватывающий все человечество, а как на ряд отдельных одновременных потоков. Я думаю — опять в согласии со Шпенглером, — что этот составной поток минувшей истории может быть понят только на основе синоптического взгляда — "сравнительного метода", — потому что до нашего времени эти отдельные, местные циклы событий не сливались в единый поток, который и мог бы стать предметом единого вссохватывающего повествования. В этом отношении и Шпенглер, и я, по-видимому, согласны с Вами, если

рецензия верно воспроизводит Вашу концепцию независимого возникновения идентичных явлений, например, Ренессанса, на идентичной ступени исторического развития различных обществ.

2. В то же время я кардинально расхожусь со Шпенглером в двух важных пунктах, впрочем, взаимосвязанных. В отличие от Шпенглера я — не детерминист и поэтому (я искренне убежден в этом) не догматик. Я полагаю, как и он, и, как я думаю, Вы, что, когда мы окидываем взором то, что мы знаем о прошлом, мы наблюдаем известные закономерности, единообразие и повторяемость (я называю их "моделями"). Я объясняю их (допускаю ради аргументации, что не ошибаюсь, обнаруживая такие "модели") как результат единообразия человеческой природы — особенно ее иррационального, эмоционального, подсознательного "слоя" — того самого, в котором столько новых открытий совершенно уже на протяжении нашей жизни. Однако я не думаю, что "модели" события, которые можно рассматривать как реально происшедшие в прошлом, были роковым образом predetermined некими свойствами человеческой природы. Я не думаю также, что им, "моделям", роковым образом суждено было повторяться — даже если действительно некоторые из них (например, война, возрождение, подъем и упадок цивилизации) и повторялись в прошлом много раз. И главное, я не думаю, что "модели", которые повторялись очень часто в прошлом (например, войны), в силу этого непременно должны повторяться и впредь — как ни трудно для человеческих существ изменять своим привычкам.

В этом решающем пункте — в том, что я не детерминист, — я расхожусь со Шпенглером и согласен с Вами (если я правильно воспринял Ваш взгляд на историю). В то время как подсознательный уровень человеческой природы общ для человечества и по крайней мере некоторых других разрядов живых существ, две отличительные способности принадлежат только человеческой природе (они взаимосвязаны) — это сознательность и способность, которую нам дает сознательность, сделать выбор. (Я прибегаю к терминологии нашего практического опыта, не вторгаясь в философский вопрос о свободе воли.) Конечно, мы, человеческие существа, только частично свободны. Например, мы, как и другие организмы, поднявшиеся над уровнем амебы, подвержены смерти и ограничены сроком своей жизни. Все-таки я думаю, что наша свобода выбора достаточно велика, чтобы быть решающей для судьбы нашего рода. Например, ныне вступив в атомный век, мы обладаем выбором между уничтожением нашего рода (и, может быть, даже и превращением нашей планеты в лишенную любых форм жизни) и улучшением нашего образа жизни на этой планете — улучшением и для личности, и для общества — на протяжении тех двух миллиардов лет, в течение которых наша планета, по предсказанию астрономов, будет пригодна для человеческого обитания.

Теперь я перехожу к тем единствам, в пределах которых я различаю отдельные, локальные потоки, какими протекала история вплоть до нашего времени.

Как Шпенглер, я думаю, что такие единства в масштабах цивилизации куда более важны, нежели единства в масштабах нации. Хотя моя работа начала печататься через целых шестнадцать лет после выхода в свет первого издания "*Der Untergang des Abendlandes*"*, я еще тогда пришел к мысли о необходимости думать в масштабах цивилизаций. Это была моя реакция на представление об истории в масштабах нации. Я пришел к заключению, что видеть историю в масштабах национальных объединений — значит видеть ее неправильно, потому что мне стало ясно, что ни одно национальное объединение не является самодовляющим. Цивилизации, как мне представлялось, более приближались к "монадам" в понимании Лейбница. Я пришел к способности мыслить в масштабах цивилизаций благодаря изучению истории древней Греции, которая заставляет нас думать о греческом обществе и цивилизации как о целом, а не как об отдельных греческих общинах — Спарте, Афинах и т. п. Предприняв попытку открыть, сколько существовало цивилизаций, я взял историю древнегреческой цивилизации как своего рода образцовую модель. Меня справедливо критиковали за то, что я втискивал факты истории других цивилизаций в это греческое прокрустово ложе, и я признал эту ошибку в двенадцатом томе своего труда "*A Study of History*". Я озаглавил этот том "*Reconsiderations*", он мог Вам не попасться на глаза.

Я также понял в процессе работы над этой большой книгой, что родословная "высших" религий — особенно религий проповеднических (например, буддизм, христианство, ислам) — включает в себя в каждом случае более чем одну цивилизацию, так что и цивилизации, как и нации, не были истинными монадами. Это заставило меня почувствовать, что структура даже прошлой человеческой истории менее "монадна", чем я предполагал, когда думал, что открыл действительные "монады" истории в форме цивилизаций.

Теперь я полагаю, что монадная структура прошлой истории человечества (настолько, насколько она действительно была монадной) обусловлена прежней недостаточностью человеческих связей. Человеческие существа нуждаются во взаимном общении, чтобы реально осознавать общую им человечность и, следовательно, быть способными жить вместе как члены одной семьи. Только на нашем веку так называемое "уничтожение расстояний", которое началось с приручения первого осла и постройки первой лодки, дошло до такой степени, что впервые открыло перед человечеством возможность слиться в единое общество.

Мы сумеем, смею надеяться, сохранить много из местного и культурного разнообразия (например, в области поэзии), даже подчиняясь всепоглощающей унификации, но достижение единства стало сейчас необходимым в таких вопросах жизни и смерти, как контроль над атомной

*О. Шпенглер. "Закат Европы"

энергией, организация производства и распределения продовольствия, необходимого, чтобы прокормить стремительно возрастающее народонаселение.

Впрочем, наука и техника сами по себе — силы морально нейтральные. Использование их и есть та сфера, в которой мы, человеческие существа, несомненно, обладаем свободой выбора. В атомный век в нашей власти сделать последний выбор — уничтожить себя или объединиться, впервые в истории, во всемирном масштабе. Со времени изобретения атомного оружия мы все еще вели себя так, как будто продолжаем существовать в доатомном веке. Мы все находились во власти своего национализма, и некоторые из нас не удержались от вступления в войну с так называемым "обычным" вооружением, несмотря на страшный риск "эскалации".

И тем не менее я оптимист, так же, как, насколько я понял из рецензии в *"Новом мире"*, и Вы. Я надеюсь, что мы не начнем мировой атомной войны и что шаг за шагом мы будем перерастать в единое человеческое общество. У нас уже были некоторые личности, которые стали героями для всего человечества: например, советские и американские космонавты (вызывающие всеобщее восхищение великолепным сочетанием смелости и мастерства), папа Иоанн XXIII, президент Кеннеди. Благодаря телевидению, радио и авиации человека теперь могут видеть и слышать его сородичи — люди на всем земном шаре.

Если мне удастся, как я надеюсь, вступить в контакт с Вами и если Вы сообщите мне наиболее удобный для Вас адрес, я pošлю Вам экземпляр своей книги *"Change and Habit"*, вышедшей в сентябре 1966 года, в ней я утверждаю практическую реальность того, что человечество обладает свободой выбора, включая сюда и силу, достаточную для того, чтобы покончить со старыми привычками в том случае и тогда, когда они становятся гибельными.

С наилучшими пожеланиями искренне Ваш А. Тойнби.

P. S. Могу ли я обратиться к Вам с личным вопросом? Мне бы очень хотелось вновь установить контакт с Вашим соотечественником, который был моим коллегой на мирной конференции в Париже в 1946 г. Мы оба несли временную военную службу для своих государств и подружились в надежде, что будем иметь возможность поддерживать отношения в дальнейшем. Мы потеряли контакт друг с другом, когда отношения между "Востоком" и "Западом" стали напряженными. Теперь, когда, к счастью, эти отношения снова становятся нормальными человеческими, мне бы очень хотелось снова установить с ним контакт. Его фамилия Иванов — без сомнения, столь же распространенная в России, как Джонсон в Англии, — но моего Иванова нетрудно идентифицировать, поскольку в то время после войны он был директором академии в Москве, в которой обучались кандидаты на поступление на советскую дипломатическую службу². Возобновить контакты с Ивановым было бы для меня большим счастьем.

А. Дж. Т.

Москва. Март 1967 г.³

Дорогой д-р Тойнби!

Ваше письмо доставило мне большую радость. И не только потому, что в нем содержатся важные для меня, как и для всех, кто занимается историей человеческого общества и созданной им культуры, разъяснения Ваших нынешних исторических взглядов, но и потому, что оно свидетельствует, что Вам не безразлично, как представляют ученые моей страны Ваши концепции мирового исторического процесса и как они их оценивают. Скажу, что и нам не все равно, как Вы, столь прославленный историк, относитесь к нашим мыслям по этим же вопросам. Время, в котором мы с Вами живем, важность вопросов, затронутых в Вашем письме, и дружеский тон самого письма побуждают меня ответить Вам и откровенно, и, может быть, несколько излишне пространно.

Но прежде всего прошу принять Вас к сведению, что я в своей работе, рецензию на которую Вы прочитали, вовсе не ставил своей задачей критиковать Вас. В своей книге я лишь один раз упомянул Ваше имя — только потому, что не мог не сказать о крупнейшей работе по интересующим меня вопросам, вышедшей в такой исключительный момент истории, как наше время. Точно так же я отнюдь не отождествлял Вас со Шпенглером. Говоря об эсхатологических настроениях, появившихся в последнее время у некоторых историков, я работу Шпенглера отнес к этим настроениям безоговорочно, Вашу же — с большими оговорками. Я тогда действительно, как Вы и предположили, еще не знал двенадцатого тома Вашего огромного труда, Ваших "Пересмотров", как Вы этот том назвали, но и в предшествующих частях я почувствовал, что Вы историк иного склада, чем Шпенглер. Теперь, после получения Вашего письма, я с удовлетворением увидел, что мое чутье тогда меня не обмануло.

Но оставим Шпенглера, перейдем к существу дела. В своем письме Вы сообразовали разъяснить нам Ваши нынешние научные позиции. Позвольте же и мне в ответ разъяснить Вам, почему я, как и многие мои коллеги в нашей стране, придаю такое большое значение вопросам изучения цивилизации, или, как мы говорим, культуры, поскольку она составляет основу того, что именуют цивилизацией. Мне кажется, что такое обоюдное разъяснение научных позиций позволит нам лучше понять друг друга, а в научном общении такое взаимное понимание — самое важное.

Историю культуры можно изучать, так сказать, "академически" — устанавливать, что было, когда и как возникло, когда и почему менялось или совсем исчезало; можно изучать и философски — размышляя над

всем этим процессом, над его смыслом. Разумеется, у нас, как и в других странах, делается и то, и другое. Но у нас есть еще и то, чего, может быть, нет — во всяком случае, с такой остротой, — у вас: нам нужно изучать историю мировой культуры, нужно — практически, жизненно.

Наша революция поставила перед нами задачу создания не только исторически нового общественного строя, но и соответствующей ему системы культуры. Эта система должна быть единой для всего нашего общества и в то же время учитывать, что каждый народ, входящий в наш Союз, имел и имеет свою собственную культурную традицию, а многие из этих народов имеют и свою особую, большую, длительную культурную историю.

Попробуем пройти по границам нашего Союза, останавливаясь при этом лишь на больших участках — отдельных республиках. На самом дальнем конце нашего Востока мы видим Бурятию, а культура бурятского народа в своем прошлом была самым непосредственным образом связана с культурой Монголии, а через нее — и с культурой Тибета. В Средней Азии находятся Таджикистан, Туркменистан, Киргизстан, Узбекистан. Культура этих республик в прежние времена, особенно в Средние века, входила в круг культур иранских и тюркских народов Среднего Востока, а через них переплеталась с культурой Кушанского царства, а через Бактрию — и с культурой эллинизма. Я не говорю уже о сложном переплетении культур иранцев и тюрков с культурой арабов.

Перейдем к Закавказью. Вот тюркский Азербайджан: кроме всех указанных связей, в его истории свою роль сыграли и связи с соседней Грузией и Арменией; что же касается культуры грузинского и армянского народов, то, как Вы знаете, она в прошлом неотделима, особенно в Армении, от культур иранской, тюркской, арабской, от культуры всего христианского Востока, а через него — и Византии, а в Древности — и латинского мира.

Передвинемся с Кавказа в Европу. Вот Украина, в прошлом Киевская Русь: в этом прошлом она в аспекте культуры была частью обширного региона, в который входили не только восточные славяне, но и славяне южные, а частично и западные. Культура Белоруссии, как и ее история, в прошлом переплеталась с историей и культурой Литвы и Польши. Культура Литвы исторически связана с культурой русского и польского народов. Латышский народ в своем культурном развитии связан как со славянскими, так и германскими народами. Эстонцы — с культурой и славян, и скандинавов. Я не говорю уже о культуре народа русского, которая и прямо, и опосредованно уже давно связана с культурой большей части мира. Таким образом, в русле культуры нашей страны сошлись самые различные культурные потоки. Может быть, отчасти и этому мы обязаны тем особо острым чувством единства человечества, которое, в частности, проявилось и в моей работе "Запад и Восток".

Учтите и еще одно обстоятельство: стихи, например, Рудаки или Саади для наших таджиков — совсем не принадлежность истории литературы или предмет снобистского смакования старой поэзии. Нет, эти стихи знают, знают как самый простой, обыденный факт, и знают не только историки литературы или снобы, но и простые люди. И не только знают: сами слагают стихи по образцам Рудаки и Саади. Вот в Грузии недавно, как Вы, полагаю, слышали, отмечалось восьмисотлетие "Витязя в тигровой шкуре". Я проехал в эти дни по многим местам этой страны и видел, что строфы из этой поэмы живут и сейчас. Этим я хочу сказать, что в русло нашей нынешней культуры не только влились многие культурные потоки, но и влились на очень различных уровнях. Именно поэтому построение единой культуры — культуры социалистического общества — в нашей стране стало задачей не только большой исторической важности, но и огромной трудности.

Мы с самого начала хорошо понимали, что единство культуры в стране, где столько различных народов со столь различными путями своих культур, не может выражаться в единообразии. Каждый народ должен иметь свою культуру — свою национальную культуру, но в то же время своя национальная культура у каждого народа должна составлять часть общей культуры советского общества — культуры социалистической.

Но для того, чтобы такую культуру создавать, необходимо было ответить на два вопроса: что понимать под национальным в культуре и что считать в ней социалистическим? И вот при изучении возможного ответа на первый вопрос мы обратились к истории культуры вообще и на этом пути, естественно, встретились и с Вашими работами в этой области. И не только потому, что в них дан огромный, тщательно обработанный фактический материал, но и потому, что в них чувствуется разум человека нашей сложной эпохи. Позвольте поэтому коснуться некоторых вопросов, особенно важных для нас, которые затронуты именно в Вашем письме.

Первый вопрос — о "единицах" истории. Мы знаем — и Вы напомним об этом в Вашем письме, — что Вы отказались от мысли видеть "единицы" истории, ее монады, как Вы удачно выразились, в "нациях". Отказаться от этой мысли заставила Вас, как Вы пишете, история Древней Греции: Вы увидели, что монадой истории тогда не могла быть история ни Афин, ни Спарты — никакого отдельного полиса. Не касаясь здесь вопроса о правомерности применения термина "нация" к обществу Афин или Спарты, я вполне согласен с Вами в том, что исторической монадой тогда была вся Эллада: она была тогда в целом единой. Это единство Вы называли "цивилизацией". Как востоковед, я мог бы сказать Вам, что так же должен поступить и историк Китая VIII--III веков до нашей эры. Класть в основу исторического процесса "нацию Ци", "нацию Цинь", "нацию Вэй", то есть китайских Афин, Спарты, Фив, Коринфа, видеть именно в этих "нациях", как сказали бы Вы, но не сказали

бы мы, монады истории, было бы ошибкой, хотя все эти китайские царства, как в Элладе отдельные полисы, разумеется, имели и свою собственную историю каждая. Но все они составляли некое сложное единство — единство цивилизации, если применить тут Ваш термин.

Вы пишете, что потом Вы обнаружили, что и единичность отдельных цивилизаций сомнительна. Вы усмотрели — и это было совершенно справедливо, — что такие великие миссионерские религии, как христианство, буддизм и ислам, охватывали целый ряд цивилизаций, то есть соединяли их в новом единстве. Так у Вас родилась мысль об иной монаде исторического процесса. Можно было бы продолжить Вашу мысль. Всматриваясь в ход мирового процесса, мы видим, что в некий момент этого процесса мир распался, как принято говорить, на два лагеря — капиталистический и социалистический. И каждый из них в какой-то мере также действует, как некая монада истории. Значит, признаком монадности в этом случае может служить и то, что мы называем социально-экономической системой. Не так ли?

В наше время известной исторической монадностью в какой-то мере обладают и так называемые "развивающиеся страны", что означает возможность видеть признаки монадности и в общем уровне социально-экономического и культурного развития.

Вы пишете, что Вас справедливо критиковали за то, что Вы в прокрустово ложе древнегреческой истории укладывали истории других обществ. Дорогой коллега, такая критика была бы справедлива только в том случае, если бы Вы историю какого-либо средневекового общества укладывали на ложе истории общества Древности или общества Нового времени. Историю средневековой Франции действительно нельзя сопоставлять с историей древней Греции, но с историей средневековой Японии сопоставлять можно. Не только можно, но и нужно: хотя бы для того, чтобы обнаружить то неповторимое, единичное, что было у каждого из этих двух народов и что можно увидеть и оценить только на фоне общего с кем-нибудь другим. Только общее это следует искать не вообще, а в рамках аналогий строго исторических. Мне кажется, что монадность существует, но она не дана раз и навсегда в какой-либо определенной сумме признаков; она меняется в ходе истории, то есть она сама глубоко исторична. В этом, кстати сказать, убеждает так обстоятельно обрисованная Вами история мировых цивилизаций, как Вы тогда — в годы написания своей "A Study of History" -- воспринимали историю человечества. Так не лучше ли нам именно в этой меняющейся истории и искать эти исторические монады, также меняющиеся?

Но если что-то меняется, то, значит, есть и это "что-то". Общество меняется, но оно всегда остается обществом.

Изучающий культуру не отделяет вещи от их хозяина; не может отделять то, что создано, от того, кто это создал; создал же все человек, общество. Поэтому первую задачу, которую я, как и Вы, вижу в исследо-

вании мировой культуры вообще, это поиски действительной культурно-исторической монады: этнической и вместе с тем общественной — своей для каждого этапа истории, то есть меняющейся в своей общественной природе и даже в какой-то мере и в этнической.

Вам, может быть, известно, что в наших исторических и социологических работах мы часто оперируем такими категориями, как племя, народность, нация. Мы тут имеем в виду три исторических облика, в которых выступает отдельная этническая единица в процессе своей исторической жизни, своего развития. В наше время господствующей формой такой этнической общности является нация.

Существовали раньше, существуют и теперь различные мнения о сути этих социологических категорий. Несомненно, природу их еще надо изучать. Но все же обратиться к этим категориям заставила нас сама история. Согласитесь, что германцы — те, которые описаны Тацитом, не те, что германцы Средних веков. Франки времен Карла Великого — не те, что французы времен Людовика XIV. А эти различия определяли многое и в культуре — во всяком случае, в ее сферах, ее границах, не говоря уже о содержании. Ведь даже языковые границы в Средние века были иные, чем в Новое время. Иной была и степень проницаемости сфер этих языков. Иными были и границы культуры, самый характер этих границ. Факт изменения социологической характеристики данного общества открывается, как нам кажется, самой историей. Культуру же создает общество, и понять то, что им создается, без понимания его собственной социальной природы невозможно. Вот поэтому-то я и считаю задачу определения для каждой большой поры культурной истории ее социальной монады поистине первостепенной.

А вот вторая задача — изучение человеческого состава каждой монады. Общество состоит из отдельных людей, и в каждом социологическом типе общества они, эти люди, — свои, особые, несущие в себе признаки этого типа. Возьму для примера общество средневековое, когда социологической монадой была, как многие у нас считают, народность. Человек этой эпохи предстанет перед нами как воин-дружинник, как рыцарь, как брат монастырской общины, как мастер цеха, член гильдии, синдик городской коммуны, как член сельской общины, общины местного божества, как молодец из разбойничьей шайки, как писец или хронист, как бакалавр, магистр и доктор университета, алхимик и астролог, лекарь и гадалка, как певец на поэтических состязаниях в Вартбургском замке или в Хэйанском дворце, в Нюрнберге и в Сакаи, как рапсод или шошуды. Один из моих коллег — историков Переднего Востока недавно обрисовал нам быт и нравы знаменитой Нисибийской академии, чем показал нам не только образованность того времени, но ее человеческую среду, ее представителей. Другой коллега некоторое время назад обрисовал нам литературный Герат того времени, когда этот город был одним из центров культуры в этой части мира, продемонстрировав этим, как нужно говорить о литературе — не отвлеченно, а человечески-конкретно.

Таковы первые две задачи исторического культуроведения. Третья — раскрытие в культуре каждой эпохи системности.

Конечно, Вы можете сказать: если вы говорите о раскрытии черт системы — значит, вы считаете а priori, что культура каждой эпохи представляет не сумму явлений, а их систему? Да, это так. Без каких-либо постулатов обойтись трудно. Все же этот постулат не выдуман: он сложился на основе вполне конкретных наблюдений. Поясню эту мысль лишь одним примером, причем из области, мне наиболее знакомой, — из области литературы, из эпохи Барокко, то есть той самой, когда Западная Европа выходила из царства Ренессанса и вступала в царство Просвещения. Возьму при этом лишь одну страну — Германию. Речь, таким образом, пойдет о немецкой литературе XVII века.

Даю сначала как бы инвентарную опись этой литературы: конечно, отмечая только наиболее показательное. Внесу в эту опись произведения Мартина Опитца и всей плеяды представителей его направления; внесу "Симплициссимуса" Гриммельсгаузена, "Аврору" Якоба Бёме; внесу романы Цезена, Циглера и их коллег по маньеризму; внесу и "Шельмуфского" Рейтера.

Что же эта опись нам дает? Во-первых, мы видим две линии: линию старого и линию нового. Старое — разумеется, в преображенном облике — предстанет перед нами в лице Опитца и его школы, новое — во всем прочем. Но в этом прочем мы также видим две линии: литературу бюргерскую и литературу аристократическую. Первая предстанет перед нами в лице Гриммельсгаузена и Якоба Бёме, вторая — Цезена и Рейтера. В каждой из этих двух литератур есть свои внутренние линии: в бюргерской линия сатиры — в "Симплициссимусе", и линия мистики — в "Авроре"; в аристократической — линия галантного романа Цезена, Циглера и их коллег и линия пародии на маньеристский роман — "Шельмуфский" Рейтера.

Разве это не система? Да еще постросная чисто диалектически? А именно в этой диалектике и состоит историческое и социологическое единство целого — целого системы.

Есть и еще одна задача — четвертая по счету, но далеко не четвертая по значению — та самая, которой Вы отдали свое главное внимание: освещение вопроса о судьбах культур.

Да, конечно, целые цивилизации гибнут. Так, от древней ахейской культуры, например, остались руины — Львиные ворота, Кносский дворец и немного другое. Но разве не осталось от нее и еще одно — и, пожалуй, бесконечно более важное — "Илиада"? "Илиада" — никак не начало новой литературы; она — итог всей предшествующей культуры. Но итог, подведенный новым народом, эту культуру унаследовавшим. Подлинное начало греческой литературы — та примитивная поэзия и проза, которую мы находим в "послегомеровскую" эпоху. Нет, культуры не исчезают бесследно, в какой-то части они передаются и возрождают-

ся. Один из моих друзей, историк европейской античности, говоря о гибели ахейской цивилизации, очень хорошо сказал: «В этом видимом упадке, в этом "спуске" к нижней части витка спиралевидного развития (истории культуры. — Н. К.) заложены основы возрождения... Совершается одно из величайших таинств истории — качественный скачок, момент перехода в иное качество в мучительном, прекрасном и неотвратимом процессе вечного обновления человека — человечества — бытия» ("Новый мир", № 7, 1962, стр. 172)⁴. Да, культуры могут возрождаться, возрождаться в идеях и образах. И в этих формах они могут представлять перед "наследниками" даже ярче, чем в своем вещественном виде. Разве щит Ахиллеса, как он изображен в "Илиаде", не выразительнее, не ярче, чем этот же щит, если бы мы увидели его в натуре?

Мне кажется, что так можно подойти и к другому загадочному памятнику литературы — индийской "Рамаяне". Пока ничего не было известно о существовании в Индии культуры более древней, чем та, которую мы знаем, пока не были сделаны открытия в Хараппе, в Мохенджо Даро, нам ничего другого не оставалось, как предполагать невероятную развитую мифотворческую фантазию, соединенную притом с поразительным искусством ее художественного выражения. Но, может быть, дело объясняется проще? И — чисто исторически? Может быть, и тут — такое же таинство истории, как и в случае с "Илиадой"? Во всяком случае, "Рамаяна" — не примитив. Не начало. Это великий культурный мир, ушедший в безвозвратную даль, но преображенно возродившийся через тех, кто его разрушил. Словом, случай, аналогичный с греческой "Илиадой".

Но, конечно, эти погибшие культуры возрождаются не только преображенными, но и соединенными с огромной массой нового, создаваемого уже своей современностью. В этом соединении протекает другой, столь же таинственный процесс — отбора нужного, необходимого для дальнейшего, для будущего. Потому что всякая современность есть стык прошлого и будущего. Раскрытие этого процесса я считаю одной из важнейших задач работы по изучению культуры.

Вот тут я возвращаюсь к тому, с чего начал — к нашей сегодняшней культурно-исторической задаче: к задаче построения культуры нашего многонационального социалистического общества. На мой взгляд, эта задача состоит в следующем: надо строить прежде всего культуру современную — это первое и главное. Только современную по-настоящему — в ее целом, а не в каком-либо одном ее облике. Если говорить об этом в аспекте общественного строя, мы должны всемерно учитывать не только те формы социализма, которые установились в нашей стране, но и те, которые сложились в других социалистических странах. История с величайшей убедительностью продемонстрировала, что социалистический строй — там, где он установился, — в каждой стране индивидуален.

причем эта индивидуальность определяется не только данной исторической конъюнктурой, но — в гораздо большей степени — и тем, в каком виде эту страну подвела к социализму ее история.

Впрочем, вопрос ставится даже шире: современность следует брать всю, то есть и ту, которая представлена в странах с иным социально-экономическим строем, особенно с тем, что в них обращено к будущему. К будущему же, как мне кажется, обращено все, что думает, волнуется, обуреваемо тревогой за мир, за человека, все это — в каком бы облике оно ни выступало, — все это современно и подлежит изучению. Поэтому современен для нас и экзистенциализм: ведь именно тревогой за будущее человечества вызвана его неудовлетворенность прежними прогрессистскими концепциями хода мировой истории, концепциями, столь характерными для позитивистских умонастроений XIX века, унаследованных нами от этого века и еще не преодоленных. Несовременно то, что инертно, косно, невежественно или олимпийски спокойно, самодовольно, вседовольно -- всюду, где это наблюдается.

Именно на таком подлинно живом чувстве современности мы и должны, как мне думается, строить нашу культуру. Этим мы сделаем ее социалистической, то есть, как мы понимаем, подлинно человеческой и общечеловеческой. Но мы в нашем обществе неодинаковы. Каждый из народов нашей страны унаследовал большую культуру, несет ее в себе, неотделим от нее. И, строя новое, он должен использовать и то, что ему дало старое. И, строя новое, он должен использовать и то, что ему дало старое. Но не просто восстанавливать прошлое! Восстановить мавританскую арку, конечно, можно. Но путем такого внешнего восстановления решить архитектурный облик портала современного здания нельзя. Это противостоестественно и безвкусно. Решать облик современного портала можно не мавританской аркой, а той системой эстетических представлений, которая идет от этой арки, системой исторически обогащенного и воспитанного художественного сознания. Вот в этом и будет состоять национальная форма. Что это не только возможно, но что так и бывает, свидетельствует сама история культуры. Возьму в пример опять то же Барокко, на этот раз в архитектуре. Барокко, как известно, — стиль определенной исторической эпохи, возникший в истории многих обществ. Для этих обществ в то время Барокко было современностью. Но как различно это самое Барокко в разных местах! Разве немецкое Барокко повторяет испанское? А украинское — немецкое? Да и у нас барочные церкви Москвы не повторяют Барокко старого Киева. Совершенно свое Барокко в Китае XVIII века, в архитектуре его дворцов и мавзолеев. И опять оно свое в Японии в эпоху Момояма, которую так прямо и называют эпохой японского Барокко. Достаточно посмотреть хотя бы на один лишь храм-мавзолей Тосёгу в Никко, чтобы сразу же почувствовать этот стиль Барокко. Хочется надеяться, что и в нашу эпоху не только появится или утвердится новый художественный стиль, но и будет дан в разных обликах.

Но тут неминуемо встанет вопрос, который Вы, дорогой коллега, затронули в Вашем письме: вопрос о "всепоглощающей унификации", как Вы выразились. Это действительно в наше время вопрос очень острый. Вероятно, я понимаю Вас правильно: говоря об опасности унификации, Вы имсете в виду опасность не внешнюю, а внутреннюю — заложенную в самой культуре. Да, такая опасность существует. Культура — то, что мы создаем, чем мы владеем, и в то же время она создает нас, нами владеет.

Характерно, что Вы заговорили об унификации в связи с нашим временем, когда, как Вы думаете, человечество впервые получило возможность стать единым обществом. Вы поставили такую возможность в связь с тем, что Вы назвали "уничтожением расстояний". Я поставил бы в связь с тем, что представляет собой наибольшее проявление этого уничтожения расстояния — с массовой коммуникацией.

Вы знаете, что уже не раз на различных международных форумах говорили об опасности, таящейся в современной системе массовой коммуникации — системе, образуемой радио, телевидением, кинопередачами, массовой газетной и журнальной печатью, массовой литературой — художественной, научно-популярной. Все мы в той или иной степени охвачены этой коммуникацией, находимся в ее власти. Например, меня может совсем не интересовать, как некая звезда фигурного катания метет своей взбитой швелюрой лед на катке в Любляне или в Вене, но я все-таки смотрю: действует гипноз телевизора. И это удивительнее всего — я даже начинаю привыкать к такому гипнозу.

Что, собственно, делают с нами все эти средства массовой коммуникации? Штампуют нас — наши интересы, наши вкусы, наш ум, наши души. Относимся мы ко многим вещам, конечно, по-разному, но сами категории этих разных отношений одни и те же; да и само отношение нередко привнесено в нас этой же массовой коммуникацией. Сейчас много говорят о создании думающих машин, определенным образом запрограммированных или даже самопрограммирующихся. Но разве мы не становимся этими запрограммированными машинами, сами того не сознавая? Может быть, мне только кажется, что я слушаю радиопередачу, на самом же деле в меня в этот момент закладывается перфорирующая лента?

Насколько я мог уловить, Вы как будто видите эту сторону нашей сегодняшней культуры, почему у Вас и чувствуется некоторая горечь, когда Вы говорите о своей вере в возможность избежать унификации "хотя бы в художественном творчестве". Боюсь, дорогой коллега, что и тут положение не столь обнадеживающее. Один Кафка еще не делает погоды — погоду делает "массовая литература", которая выпускается на рынок коммерческими издательствами, число коих легион. Прошу не понять меня неправильно: и в этих изданиях есть немало интересного, ценного и художественного. Но все это унифицировано вплоть до разме-

Вы пишете о надежде, что мы все-таки сохраним хоть свободу выбора. Я очень ценю, что Вы специально предупредили, что Вы этим не затрагиваете другую тему — тему свободы воли, как ее ставят и решают философы и теологи. Вы — историк и говорите о свободе исторического выбора. По-моему, вопрос следует ставить именно так. Только для меня этот вопрос соединяется с другим — более общим: с проблемой отчуждения личности, которую ставит сама история, и прежде всего именно история человеческой культуры.

В моей стране сейчас много говорят об этой проблеме. Говорят философы, историки, социологи, психологи, литературоведы. Для многих из тех, кому сейчас двадцать-сорок лет, даже нет более жгучей общественной и их личной проблемы. Они исходят при этом из Маркса, который ввел философскую проблему отчуждения вообще и отчуждения личности в плане истории.

Да, конечно, историк видит, что человек всегда создавал необходимые для жизни общества, для его собственного существования нормы. — создавал их, чтобы затем самому подчиниться им, а это значит — что-то утратить в самом себе, вернее — передать часть своего, часть самого себя в распоряжение этих норм. Вы употребили слово "привычка"... Можно сказать и так: появление привычки есть один из элементов отчуждения личности. Но историк видит и другое: как тот же человек разрушает эти нормы, рвет с этими привычками, когда они, как Вы выразились, становятся губительными.

Недавно я был очень занят одной работой по древней истории Китая. Имея дело с различными проявлениями общественного сознания, различными направлениями общественной мысли, я почувствовал что-то новое в своем отношении к тому, что западные синологи именуют конфуцианством и даосизмом, точнее говоря — к умонастроениям Конфуция и Мэн-цзы, с одной стороны, Лао-цзы и Чжуан-цзы, с другой. Мне вдруг показалось: разве это не удивительно ясная картина стремления, безудержного, самозабвенного, к производству всяких норм, — стремления, воодушевляемого самыми высокими человеческими и общественными побуждениями, и рядом столь же ясная картина яростного протеста против тех же норм и также во имя человека, для человека, во имя достижения им самим вершин в его внутреннем, да и внешнем развитии? Как будто бы Лао-цзы и Чжуан-цзы почувствовали, к чему эти нормы могут привести. Мне кажется, теперь я начал понимать, почему Сэлинджер читает Чжуан-цзы...

Но разве вся история человеческого общества и создаваемой им культуры не заполнена тем, что ведет к отчуждению личности и что устраняет это отчуждение? Достаточно пройти хотя бы по одной линии культуры — по изобразительному искусству, еще лучше — по литературе. А это значит, что свобода выбора у нас есть. Может быть, лучше сказать не есть, а появляется... Появляется, когда это становится необходимым. В

91) такой момент человек исполняет свой человеческий долг. Не об этом ли Вы и думали, когда создавали свою книгу "Перемены и привычки"?

Вы пишете, что сейчас человечество стоит перед необходимостью выбора. Согласен с Вами. Но Вы, как я понимаю Вас, отнюдь не считаете это дело простым. Вы, как мне кажется, с горечью говорите: вот мы вступили в атомный век, а живем все еще категориями доатомного века! Согласен и с этим. Могу даже эту Вашу мысль применить к другой сфере: вот мы вступили в социалистический век, а очень многие из нас все еще живут категориями досоциалистического века! Да, человек может обгонять историю, но люди обычно отстают от истории.

Вы написали о себе: "Я — не детерминист и, как смею думать, не догматик". Это очень ценное признание: это ведь признание одного из самых глубоких знатоков истории человеческой культуры, признание историка. Следовательно, Ваше собственное изучение истории человеческой культуры заставило Вас понять, что абсолютных законов хода истории нет. И очень хорошо, что Вы тут же сказали, что Вы, следовательно, не догматик. Вы правы: догматик всегда детерминист.

Вот у кого уж действительно нет свободы выбора! Ее нет даже тогда, когда он отказывается от одного догмата для другого. Вы сделали мне честь, сочтя меня оптимистом... Разумеется, оптимистом как историка. И обрадовали меня тем, что сказали, что и Вы в этом отношении со мною. Выходит, что два очень разных историка, работающих очень по-разному, независимо друг от друга пришли к историческому оптимизму. Иначе, впрочем, и быть не могло: история все-таки чему-то научает.

Только оптимизм у меня, как, вероятно, и у Вас, отнюдь не тот, которым отличался достославный доктор Панглосс. Мне запомнились слова одного нашего физика, сказанные им в речи памяти Резерфорда, произнесенной в вашем Королевском обществе 17 мая 1966 года и впоследствии напечатанной в "Новом мире": "Хотя мы все надеемся, что у людей хватит ума, чтобы в конечном счете повернуть научно-техническую революцию по правильному пути для счастья человечества, но все же в год смерти Резерфорда безвозвратно ушла та счастливая и свободная научная работа, которой мы так наслаждались в годы нашей молодости. Наука потеряла свою свободу. Она стала производительной силой. Она стала богатой, но она стала пленницей, и часть ее покрывается паранджой. Я не уверен, продолжал бы сейчас Резерфорд по-прежнему шутить и смеяться" ("Новый мир", № 8, 1966, стр. 215) 5. Слова достаточно горькие. Но я вспоминаю также и такие замечательные слова: "Первым и самым важным из прирожденных свойств материи является движение, — не только как механическое и математическое движение, но еще больше как стремление, жизненный дух, напряжение или, употребляя выражение Якоба Бёме, мука материи" (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 142).

Но если движение вещества есть стремление, которому присущи свои муки, то может ли не знать своих мук и движение человечества в его истории? Они были, есть и будут, но именно им мы и обязаны рождением всего того чудесного, что человечество создало в своей культуре. Этим путем мы достигнем и того единства человечества, о котором говорили Вы, о котором в своей книге говорю я, за которое борются все люди доброй воли на земле. И оно, это единство, придет. Может быть, даже скорее, чем мы предполагаем. Но его нельзя просто получить: его нужно не только выстрадать, но и заслужить собственными усилиями.

С искренним уважением Н. Конрад.

P. S. В своем письме Вы любезно предложили прислать мне Вашу книгу "Изменения и привычки". Буду очень благодарен, если Вы вышлете ее по нижеследующему адресу. Посылаю Вам мою книгу "Запад и Восток", которая была частично переведена на английский язык. Прошу Вас ознакомиться с ней. Одновременно посылаю Вам русское издание этой же книги для Вашего коллеги, который перевел для Вас рецензию, опубликованную в "Новом мире", и которому я, таким образом, обязан получением Вашего письма.

Надеюсь, что Вы простите мне задержку с ответом. Это произошло потому, что я ожидал появления моей книги на английском языке. Что касается Вашего запроса о некоем Иванове, с которым Вы однажды встречались, то у меня еще не было возможности его разыскать.

3

А. Тойнби — Н. Конраду

30 июня 1967 г.

Дорогой д-р Конрад,

Я вернулся в Лондон из Калифорнии и прочел Ваше любезнейшее и интереснейшее апрельское письмо, зарегистрированное моим секретарем в Лондоне 22-го мая. Я надеюсь, что экземпляр моей книги "*Change and Habits*", посланный Вам моим секретарем, Вами получен.

Естественно, мне не безразлично мнение советских исследователей. Вашу страну населяет столько различных народов, говорящих на столь разных языках, принадлежащих к столь различным культурам, что она может рассматриваться, как модель мира в целом, и, сочетая это культурное и лингвистическое разнообразие с экономическим, социальным и политическим единством на федеративной основе, вы, в Советском Союзе продемонстрировали, что может быть сделано в мире, как в целом, и что может, как я надеюсь, быть сделано в будущем. В Советском Союзе Восток и Запад вступили, по-видимому, в продолжительное сотрудничество, в то время, как в бывших западноевропейских империях Восток и Запад в настоящее время разделились. Я надеюсь, однако, что все части человечества в конечном итоге стремятся прийти к какой-то форме ми-

рового сообщества, на основе всеобщего равенства всех нас. Это, по-видимому, требуется коллективными достижениями человечества в технике и науке — и прежде всего "уничтожением пространства" посредством сенсационных современных усовершенствований средств связи.

Дружеский тон моего письма был откликом на Ваши дружественные комментарии к моей работе. В любом случае я бы не мог ощутить недружелюбие к представителю страны, которая является домом многих миллионов моих товарищей по человеческому роду.

Философии, как и религии, преодолевают национальные и культурные границы. Маркс и Энгельс родились и выросли в Рейнланде, работали в Англии, а первой страной, принявшей их философию — которая есть не только теоретическая, но и социальная система, — была бывшая Российская империя, которая теперь преобразовалась в Советский Союз.

Наиболее важным в человеческом существе — также и наиболее важным для него — есть его человеческая природа. Прежде, чем принадлежать к какой-либо расовой, лингвистической, национальной, экономической или культурной группе, он должен быть человеком — и наша человеческая природа есть то, что объединяет нас всех.

Кроме того, существуют еще и специфические связи, объединяющие всех нас, представителей человечества, которым довелось жить в настоящее время. Перед нами стоят одни и те же проблемы. Я уже затрагивал одну из них — ту, которую рассматривали и Вы в своем письме. Я говорю о проблеме нахождения действенного равновесия между разнообразием и единством. Еще одна общая проблема, с которой сталкиваются все представители нашего поколения, это задачи, возлагаемые на нас нашим общим человеческим талантом в области науки и техники, в области, в которой мы в наибольшей степени преуспели до сих пор, в гораздо большей степени, чем в области установления отношений друг с другом.

Например, прогресс в химии позволил нам заполучить в руки мощные наркотики, которые могут быть использованы либо как благотворные лекарственные средства, либо как деморализующие отравляющие вещества. Достижения атомной науки дали нам как средства массового убийства, так и возможность достижения беспрецедентных успехов в материальном благосостоянии человечества. Улучшение здравоохранения уменьшило уровень смертности и тем самым вызвало нынешний "демографический взрыв". Использование достижений науки для производства продуктов питания, возможно, позволит прокормить население такой численности, которая будет достигнута прежде, чем ее удастся снова стабилизировать добровольным уменьшением уровня рождаемости до уровня, соответствующего уже достигнутому уровню смертности.

Эти проблемы являются общими для всего поколения, ныне живущего на земле. Будущее человечества может зависеть от того, сможет или не сможет наше поколение разрешить эти проблемы. Все это налагает на наше поколение необычайно высокую ответственность, которая должна быть разделена между всеми нами.

То, что Вы пишете в своем письме относительно "отчуждения личности", особенно меня интересует. В результате триумфальных успехов нашей современной науки и технологий человек оказался запертым в им же созданной искусственной среде, в которой человеческая индивидуальность ощущает себя сведенной почти к нулю в результате возросшего в огромной степени давления общества на личность. Это цена нашего технического прогресса. За все достижения приходится платить в той или иной форме. И снова в этой области человеческих отношений — отношений между людьми в массивной и сложной социальной структуре — мы должны найти действенное равновесие между разнообразием и единством.

Я здесь смог затронуть лишь немногие из вопросов, поднятых Вами в Вашем письме, но я думаю над ними всеми, и я очень надеюсь прочесть Вашу книгу "*Запад и Восток*". Вы можете быть уверены, что я прочту ее не только "без гнева", но с пристрастием хладнокровным, а не предубежденным.

Я надеюсь, что теперь, когда мы установили личные контакты друг с другом благодаря моему коллеге с Чэтэм Хаус д-ру Маркусу Уилеру, мы сможем продолжить эту переписку.

С наилучшими пожеланиями,

искренне Ваш Арнольд Тойнби.

4

Н.И. Конрад — А. Тойнби

Москва. 16 декабря 1967 г.

Дорогой д-р Тойнби!

Приближается Рождество и за ним — Новый год. От души желаю Вам провести праздник мирно и весело и встретить Новый год в полном здоровье и во всей Вашей душевной бодрости. Вашу новую книгу прочитал. Она произвела на меня глубокое впечатление, а ее заключительный раздел прямо взволновал. Я много думаю о ней. Каждая Ваша работа ценна не только тем, что из нее узнается, но и тем, что она вызывает целый поток размышлений. Мне очень хочется написать Вам о многом в связи с этой Вашей книгой и я надеюсь сделать это, когда у меня станет несколько меньше всяких текущих дел.

С самыми лучшими пожеланиями Ваш Н. Конрад

5

А. Тойнби — Н.И. Конраду

31 января 1968 г.

Дорогой д-р Конрад,

Я только вернулся в Лондон после трехмесячного отсутствия (я был в университете в Японии) и нашел Ваше письмо от 17 декабря 1967 г. Я очень рад слышать Вас снова и я должен сказать, что то, что Вы любезно

написали мне в своем письме о моей книге, доставило мне большое удовольствие. Если и когда у Вас появится возможность и время написать мне более подробно, я буду Вам весьма признателен.

Насколько я могу планировать вперед, я буду находиться по этому адресу.

Еще раз примите мою благодарность и наилучшие пожелания в Новом году.

Искренне Ваш Арнольд Тойнби

6

Н.И. Конрад — А. Тойнби

Москва. [Не позднее 14 апреля 1969 г.]

Дорогой коллега!

Вам 80 лет. Это — не пункт, а перепутье. Я — востоковед и в данном случае мыслю по-восточному -- иероглифическому. А там — другие возрастные ориентиры: 60 лет — возраст "возвращения календаря", т. е. начало нового цикла времени; 70 лет — возраст "с Древности редкий"; 77 лет — "возраст радости"; 88 лет -- "возраст риса", лучшего злака на земле. А новый цикл времени на этом не кончается.

Так что Вы — в пути. Я искренне радуюсь, что Вы идете по Вашему пути с такой великой славой. Да продолжится Ваш путь так же и дальше и да будет он осиян Светом!

Может быть, Вы скажете: «какой же может быть "Свет" в наши трудные времена?» Но, дорогой коллега, Свет как раз в такие времена и сияет особенно ярко: Свет Разума. А это есть свет одновременно и человеческого, и божественный. И Вы, автор "A Study of History", знает это лучше, чем кто-либо другой. Давайте же и дальше жить уверенно, трудиться неустанно, отвечая, как мы можем, на "The Challenge of our Time"!

7

А. Тойнби — Н. И. Конраду

23 апреля 1969 г.

Мой дорогой д-р Конрад,

Вместо того, чтобы находиться в Нью-Йорке, я лежу в постели в Лондоне, поправляясь (благополучно) от коронарного тромбоза, случившегося со мной внезапно в прошлом месяце за несколько дней до того, как мы с женой должны были пересечь Атлантику. "Возраст повторения календаря", должно быть, стал благоприятным для меня; ибо 26 марта я был в состоянии работать и писать, почти как молодой человек.

Теперь природа заставляет меня лежать спокойно и предаваться медитациям, как китайского чиновника в отставке или брахмана в его последней и наилучшей поре жизни.

Мой старый друг Олвин Юрих, который, как Вам известно, организует для меня мероприятия в Нью-Йорке, переслал мне кипу писем от моих друзей, которые были присланы туда к 14-му апреля. Письма были разложены в алфавитном порядке, и когда я дошел до Вашего, сердце мое наполнилось радостью, а более всего по личным причинам, поскольку я высоко ценю Вашу дружбу, но также и потому, что это голос из России — и через Вас также из Китая — а я давно надеюсь увидеть все человеческие расы объединенными в одну семью.

Если я прав, то именно таков был подход Конфуция к политике. Как и все прочие идеалы человечества, он был достигнут только в очень незавершенной форме; но даже если так, такой взгляд на человеческие отношения в политической плоскости, которая часто бесчеловечно безлична, дал китайцам возможность объединять большое число различных народов в течение довольно продолжительного времени при сравнительно высоком уровне мира и порядка, в течение более долгого времени, чем кто-либо другой в этом мире мог это сделать.

Меня очень огорчает отчужденность в отношениях между странами Запада, с одной стороны, и Россией и Китаем, с другой стороны, но я еще более огорчен, как, должно быть, и Вы, тем, что Китай поссорился с Россией. Возможно, китайцы, имеющие столь много похвальных добродетелей, не столь хорошо умеют забывать и прощать. Это верно, что в девятнадцатом веке Россия, как и все остальные (кроме Америки до некоторой степени), воспользовалась временной слабостью Китая, но вы никогда не поступали с Китаем столь жестоко, как это делали мы, британцы, в Опиумной войне. Территории между Амуром и Уссури, которые вы заняли, в то время были почти необитаемы, и вы в них нуждались больше, чем Манчжу, для того, чтобы выращивать зерновые для прокорма остальной Сибири. Я посетил русский форт в Калифорнии, где однажды встретились две империи, Российская и Испанская. Вы должны были действовать таким образом, чтобы растить хлеб для Сибири.

Но с той поры вы возместили ущерб. Китай никогда бы не вернул себе Порт-Артур и Дальний (Дайрен), если бы Россия не отвоевала их вновь в 1945 году, и на этот раз она отдала их Китаю. Наконец, когда Россия все еще истекала кровью страшных ран, полученных во Второй мировой войне, в которой она приняла на себя главный удар, она посылала оборудование и технику, которую было не так просто выделить, в помощь Китаю, когда Китай оказался в еще большей нужде, чем Россия.

Так что я страстно желаю увидеть примирение Китая с Россией и примирение Запада с ними обоими.

Человеческие существа всегда действуют в свете своего прошлого (это единственный свет, освещающий наше будущее). Если бы я был

русским, то уверен, что относился бы с подозрением к Западу и занял против нас оборонительную позицию. Запад уверен в том, что Россия вынашивает проекты агрессии против нас, но будучи историком, я помню, что Россия подвергалась агрессии со стороны одной западной страны за другой: сначала поляки и шведы, затем французы, и, наконец, дважды за нашу жизнь немцы.

Одним из трагических результатов всего этого стало то, что Советский Союз до сих пор не решается отпустить из-под своей власти страны Восточной Европы, поскольку пути вторжения из Западной Европы и Америки проходят через их территории. Я здесь коснусь очень деликатного вопроса. Очень печально, что меры, принятые Советским Союзом — хотя и вполне естественные — для обеспечения военной безопасности, породили отчуждение между вами и чехами. В девятнадцатом веке Россия была великой надеждой Чехии, а в 1945 году Чехия была освобождена именно Россией. Существует ли что-нибудь, что мы здесь, на Западе, могли бы сделать, чтобы снять обеспокоенность России, которая была печальной реальностью прошлой истории, и тем самым облегчить для России способы ослабления давления на Восточную Европу? Возможны ли какие-нибудь практические действия, которые могли бы убедить вас, что никто из нас — и даже Германия — больше не хочет напасть на Россию?

Это отчуждение тем более печально, что наследство наших разных цивилизаций является общим сокровищем человечества, и это сокровище будет неполным, если какая-либо часть его пропадет.

Те сокровища России, с которыми я лучше всего знаком, это, конечно, русская литература нового времени: "Отцы и дети", "Война и мир", "Преступление и наказание" — я читаю и перечитываю и эти романы, и все другие, не по-русски, к сожалению, но их духовная мощь чувствуется и во французских и английских переводах. Однако, мои наиболее почитаемые русские герои — это два средневековых персонажа, Борис и Глеб, которые добровольно обрели себя на смерть вместо того, чтобы сражаться за свои права и свои жизни. Это была высшая степень кеносиса, а кеносис (если я правильно интерпретирую традиционное теологическое значение этого слова) есть добродетель, наиболее редкая на Западе. Мы дали поработить себя жажде богатства и силы, и, к несчастью, наша наука и технологии (в которых мы, как и вы, русские, добились блестящих успехов) предоставили нам средства для достижения этих ложных целей.

Как и многие люди моего поколения во всех частях мира, я отгорожен ото всех исторических религий интеллектуальными препятствиями — и моральными тоже. Но я отдаю должное Франциску Ассизскому. По моему мнению, это величайший из людей, рожденных на Западе, но он также и более всего похож на русского из всех нас, потому что он один из немногих людей Запады, достигший кеносиса до той степени, как рус-

ские: он полностью отвергал богатство и власть, и более всего гордыню. Поэтому он обладал необыкновенным даром жечь сердца людей. Если бы он мог дожить до наших дней и стать посланцем Запада в России, то я не сомневаюсь, что он примирил бы нас. Как бы то ни было, он является по крайней мере одним западным человеком, чью простоту и искренность, и любовь к ближнему русский народ мог бы оценить.

Я не верю в существование всемогущего бога иудейско-христианско-мусульманского толка, но я верю в реальность и силу любви, потому что я вижу, как она изливается из сердца Святого Франциска — и других близких мне человеческих существ, таких, как моя жена. Любовь всемогуща. Она все время борется в наших сердцах с ненавистью и жадностью, и гордостью, и страхом. Это нескончаемая битва — в этом смысле я зороастриец, если не считать того, что я не разделяю уверенности Заратустры в том, что Ахурамазда обязательно возьмет верх над Анхра-Майнью в конце времен. Но мы должны сражаться на стороне любви, даже если мы знаем, чем кончится битва. Я надеюсь, что это будет "Эпоха мира".

Письмо получилось длинным, но это из-за Вас: Ваше письмо расширило мой ум, и заставило меня захотеть поговорить с Вами.

С любовью и благодарностью;

искренне Ваш Арнольд Тойнби.

8

Н.И. Конрад — А. Тойнби

[Москва. 29 июня 1969 г.]

Дорогой д-р Тойнби!

Ваше письмо меня очень огорчило — из него я узнал, что Вы были больны. Но вместе с тем оно меня обрадовало: Вы сообщили, что уже поправились и притом, как Вы добавили в скобках — well! Очень желаю Вам крепнуть и дальше твердо надеюсь на это.

Меня очень тронули те слова Вашего письма, в которых Вы пишете о Вашем отношении к моему поздравлению, посланному Вам к Вашему 80-летию. Да, я писал Вам с самым дружеским чувством и рад, что Вы это увидели.

Но против одного, что содержится в Вашем письме, я горячо протестую. Вы пишете, что сейчас Вы — после перенесенной болезни — что-то вроде retired chinese civil servant or Brahman in the last and best stage of his life.

Дорогой коллега! Старые китайские мандарины, уходя в отставку, начинали заниматься каллиграфией — с любовью и тщанием выписывая замысловатые рисунки своих иероглифов и находя в этом высшее и единственное жизненное наслаждение. Индийские брахманы, удалив-

шись от мира, предавались самоуглублению и медитации. Ну, а Вы? Едва Вы успели сообщить мне о своей болезни, как тут же пришли к самым жгучим темам современной жизни. Вы написали, что до этого внезапного заболевания Вы работали и писали совсем как молодой человек. Но ведь Вы пишете так же и теперь! Доказательство — Ваше письмо. И как это хорошо!

Я очень немногим моложе Вас: 80 лет мне будет в марте 1971 г., т. е. через два года. Я уже несколько лет назад перенес болезнь почти такую же, как Вы (инфаркт миокарда), и уже не рискую не только путешествовать, но даже особенно бывать среди людей. Но в работе и в письменном общении с друзьями чувствую себя почти молодым человеком. Почему? Да потому, что я следую Вашему наставлению. Вы сказали, что есть "The Challenge of our Time", и я отвечаю на этот challenge. Конечно, по-своему, как я могу и умею: Вы это знаете по моим статьям, собранным в книге "Запад и Восток".

Что ж, будем продолжать жить и действовать! И я уверен, что мы с Вами еще не раз обменяемся письмами. Во всяком случае на это очень надеюсь.

Вот и сейчас мне хотелось бы написать Вам о тех вопросах, которые Вы затронули в Вашем письме. Они, эти вопросы, очень и очень серьезные и важны для судьбы всего человечества. Но сейчас я очень занят и к тому же не очень хорошо себя чувствую, так что пока письмо на эти темы откладываю. Но кое о чем я все же, хоть и коротко, скажу.

Меня поразило то, что Вы написали о Борисе и Глебе. Я раньше не думал об этом. Но теперь вижу, насколько правильно Вы оценили деяния этих двух юношей. И важно то, что древние называли словом *kenosis*. Вы замечательно написали о Франциске из Ассизи. И признаюсь Вам, что у меня даже появилась мысль. Мы тут издаем серию "Литературные памятники" (я руковожу этим изданием.) И мне представилось: как было бы замечательно, если бы у нас вышел русский перевод Fioretti... с Вашей статьей об ее авторе и этом произведении! Статьей, написанной специально для нас!⁶

Не могу не сказать Вам еще, как меня поразила Ваша пронизательность! Вы пишете, что читаете и перечитываете три самых старых русских романа — "Отцы и дети", "Войну и мир" и "Преступление и наказание" — а ведь это — романы на самые острые темы сегодняшней исторической жизни человечества и собственной жизни каждого из нас! Особенно — последний роман. Ведь он — о нашей совести.

Как видите, мне очень о многом хотелось бы написать Вам, но пока ограничиваюсь этим. Кончаю письмо самым сердечным пожеланием Вам полного возврата столь присущего Вам духа юности. Нет, Вы никогда не будете ни китайским мандарином в отставке, ни индийским брахманом на последнем этапе его жизни. Вы всегда останетесь самим собой — неповторимым Арнольдом Тойнби.

Сердечно Ваш Н. Конрад.

P.S. Мне хочется сделать Вам маленький подарок к Вашему 80-летию. Это — книга о моей стране. Прошу Вас принять ее как знак моего душевного расположения к Вам. *Н. К.*

9

А. Тойнби — Н.И. Конраду

Ganthorpe Hall, Terrington, York 16 июля 1969 г.

Дорогой профессор Конрад,

Все Ваши письма доставляют мне огромное удовольствие, и не в последнюю очередь Ваше письмо от 29 июня, которое только что пришло. Я еще не видел книги, которую Вы мне выслали; Вы говорите, что это маленькая книжка, но мне слышится, что она велика и прекрасна. Я жду возможности увидеть ее и прочитать, и рассмотреть иллюстрации, когда я вернусь в Лондон. Однажды я имел возможность бросить взгляд на СССР. В январе 1929 г. я путешествовал из Японии в Англию по транс-сибирской железнодорожной магистрали — по левому берегу реки Амур, а не коротким путем через Манчжурию.

Мы с женой сейчас находимся в деревне с одним из моих сыновей и его женой в доме, отстоящем на 16 миль к северо-востоку от исторического Йорка — города, в котором император Л. Септимий Север умер, а император Константин был поднят на щит. Я сам жил в этом доме в период между войнами. Теперь я рад видеть его заполненным внуками (шесть девочек) и одним большим внуком. Такие дома, как этот, принадлежат к исчезающему миру, об исчезновении которого я не сожалею. Я никогда не был частью этого мира. Земля, остававшаяся в небрежении, теперь снова хорошо возделывается после второй мировой войны, впервые после сельскохозяйственной депрессии 1870-х годов, и это доставляет мне радость. Я очень хорошо знаю этот уголок страны; здесь написана немалая часть моих работ; и я люблю здешний пейзаж — довольно необычный; это была южная оконечность ледника в последнее оледенение.

Да, Вы правы: я не могу перестать беспокоиться о настоящем и будущем: и я не могу перестать думать и писать о прошлом. Я работаю над книгой о византийском императоре Константине Багрянородном и его времени⁷. Я закончил первый черновой вариант, но мне еще много нужно прочесть, и болезнь застигла меня в самый разгар этих занятий. Моей задачей будет вернуться обратно в читальный зал Британского музея: утомительно работать здесь, но еще более утомительно ездить туда и обратно из нашей квартиры, но имеется несколько абсолютно необходимых книг — их можно найти только там, — из которых мне нужно сделать выписки.

Я вижу, что Вы уже примирились с тем, чтобы ограничить свою деятельность такими занятиями, которым можно предаваться без риска. Сочинение как писем, так и книг, делает человека моложе, и подобно Вам, я тоже концентрируюсь на этом занятии. Моя жена и я были счастливы тем, что нам удалось достаточно попутешествовать до нашей отставки в 1956 году, но для того, чтобы путешествовать, мне приходилось читать лекции, а теперь такое сочетание занятий стало слишком обременительным для меня. Теперь я вынужден жить за счет воспоминаний о разных местах и о встречах с близкими мне по духу людьми.

Я опечален Вашим нездоровьем, но рад, что Вы имеете занятие, поскольку я уверен, что эти занятия Вам помогут. Когда Вы сможете, пожалуйста, напишите мне, но ради Бога, не спешите с этим. Отложите это до той поры, когда у Вас действительно появится время.

Мои наилучшие пожелания,

искренне Ваш Арнольд Тойнби.

10

Н.И. Конрад — А. Тойнби

Москва. 30 ноября 1969 г.

Дорогой д-р Тойнби!

Шлю Вам свой сердечный привет и наилучшие пожелания. Надеюсь, что Ваше здоровье вернулось к прежней хорошей норме и Вы опять с присущим Вам научным воодушевлением заняты своим новым исследованием о Константине Багрянородном.

Может быть, Вам будет небезынтересно узнать, что наши письма, в свое время опубликованные в журнале "Новый мир", ныне появились в японском переводе в виде приложения к японскому изданию моей книги "Запад и Восток", только что вышедшему в Японии. Сделано это по инициативе издателя, хорошо знающего интерес японских читателей ко всему, что исходит от Вас. Даже до меня дошли Ваши статьи, которые Вы опубликовали в одной японской газете на английском языке во время своего последнего пребывания в Японии⁸; читал я и беседы с Вами, опубликованные в некоторых японских журналах. Не могу не признаться, что мне доставило большое удовольствие выступить вместе с Вами в газете "Асахи" в связи с отмечаемой недавно столетней годовщиной "Мэйдзи-исин".

На днях я получил от проф. Ямамото (знаете ли Вы его?) письмо, в котором он пишет о своих работах по изучению мировых цивилизаций и касается при этом некоторых взглядов Ваших и моих. Он прислал мне также две свои книги, из которых одна называется "Великие цивилизации -- их структура и их изменения", другая же прямо посвящена Ва-

шим взглядам на этот предмет. Вероятно, он сам или Ваши японские ученики и последователи уже сообщили Вам об этих книгах.

А теперь — совсем о другом.

Вместе с этим письмом посылаю Вам фотоснимки двух картин-икон, изображающих тех самых Бориса и Глеба, о которых Вы писали в Вашем прошлом письме. Эти картины написаны в 1890-1895 гг. художником Нестеровым для строившегося тогда собора св. Владимира в Киеве. К сожалению, снимки эти сделаны с репродукции в книге (А. Михайлов. Михаил Васильевич Нестеров. Жизнь и творчество. Москва, 1958), но все же, как мне кажется, и в таком виде они достаточно красноречивы.

Я посылаю их Вам потому, что меня поразило, как Вы проникновенно истолковали личности и подвиг этих двух прекрасных героев нашей старой истории, поняли их действия в свете именно кеносиса, как Вы написали. Мне показалось, что художник превосходно выразил именно эту черту этих двух светлых юношей. Я буду рад, если эти изображения привлекут Ваше внимание. Что же касается кеносиса, то мне кажется, вряд ли в настоящее время есть на свете что-либо, о чем людям следует больше всего вспоминать.

Сердечно Ваш *Н. Конрад*.

11

А. Тойнби — Н.И. Конраду

15 декабря 1969 г.

Дорогой д-р Конрад,

Ваше письмо от 30 ноября 1969 с репродукциями нестеровских портретов Бориса и Глеба доставило мне очень большое удовольствие. Я думаю, что художник уловил их дух. Этот тот дух, который, если я правильно понимаю, одушевлял сердца их современников и столь много значил для русского народа в течение многих веков порабощения. Я всем сердцем согласен с теми словами, которыми Вы заканчиваете свое письмо. Наши триумфы в науке и технике подчеркивают наши несудачи в установлении межчеловеческих отношений. Этот печальный контраст, возможно, не должен нас удивлять. Человеческая природа — и наша, и других людей — это наиболее сложная из всех материй, с которыми приходится иметь дело человеку. Так что я думаю, что Борису и Глебу было бы что сказать и нашему поколению. Я поставил нестеровские портреты на свой камин вместе с фотографиями своих друзей, убитых в Первую мировую войну.

Мне было также интересно узнать, что японское издательство опубликовало нашу переписку, ранее напечатанную в "Новом мире", в качестве дополнения к японскому изданию Вашей книги "Запад и Восток". Я

не знал о книгах профессора Ямамото. Я завидую Вашему знанию японского: надеюсь, что эти книги будут переведены.

Я все еще глубоко погружен в дела Константина Багрянородного. Я только что окончил главы, посвященные экономике: депопуляция и переселение, борьба за владение землей и т. д. Я очень рад тому, что большая часть работы завершена. В то же время у меня есть ощущение необходимости срочно ее закончить, пока я сохраняю свои способности. Физически я уже не могу сделать то, что мог сделать год назад, но к счастью я по-прежнему в состоянии думать, читать и писать.

Ну, что же, я буду думать о Вас, глядя на портреты, стоящие на каминной доске и видя Бориса и Глеба среди прочих изображений.

С наилучшими пожеланиями,

искренне Ваш Арнольд Тойнби.

12

Н.И. Конрад — А. Тойнби

[не позднее 24 июня 1970 г.]

Дорогой доктор Тойнби,

Я от всей души надеюсь, что Вы уже полностью оправились от своей болезни и забыли, что миновали верстовой столб восьмидесятилетия. Я тоже скоро окажусь в этой возрастной категории, но когда я работаю, я полностью об этом забываю. И в любом случае нет времени думать только о себе. Лично я часто вспоминаю то, что Вы в вашей книге "Change and Habit" так удачно назвали "вызовом нашего времени". Именно об одном из таких "вызовов", как он мне представляется, я хотел бы написать Вам здесь, пользуясь Вашим любезным приглашением поступать таким образом всегда, когда у меня появится предмет, который хотелось бы обсудить.

Предмет этот следующий:

Некоторое время назад в мои руки попала рукопись нового русского перевода "Исповеди" Августина⁹. Она была принесена переводчиком, в то время мне совершенно незнакомым. Она была специалистом по истории Рима и читала в течение многих лет лекции по этому предмету в Ленинградском университете. В связи с возрастом она прекратила преподавательскую деятельность, но не научную работу, частью которой был этот перевод "Исповеди" Св. Августина. Я также узнал, что она начала эту работу в Ленинграде, где она живет, во время Второй мировой войны, когда город был блокирован нацистской Германией.

Всем известно, что пережил Ленинград во время этой блокады; менее широко известно стойкое мужество ленинградцев, их сила духа и несгибаемое стремление выдержать, возобладаввшее над голодом, холодом, разрушениями и постоянной смертельной угрозой бомбардировок и об-

стрелов. Многие ученые и исследователи, остававшиеся в городе, продолжали при любых условиях, позволявших сидеть над своими книгами и рукописями, держать ручку или карандаш ослабевшими пальцами и писать на любых клочках бумаги, которые удастся раздобыть. Одним из них была Мария Сергеевна, принесяшая мне рукопись.

Ознакомившись с рукописью, я сразу почувствовал: это что-то новое. У нас было три русских перевода этой книги Августина. Но если не говорить о старом переводе восемнадцатого века — мощном и выразительном, но сделанном на церковнославянском языке древних книг, то остальные два перевода, напечатанные в конце девятнадцатого века и в начале двадцатого, всегда оставляли меня в некотором недоумении: что же в "Исповеди" Августина заставляет перечитывать ее в течение пятнадцати столетий такое множество людей? И не только читать, но и увлечься ею? Теперь я сам испытал нечто в этом роде. Я взял оригинал и прочитал несколько мест параллельно с переводом. И что же? Я почувствовал, что на современном русском языке могу слышать подлинный голос автора — прерывистый, пылкий и страстный. Теперь этот голос действовал и на меня. Но почему, почему? Тогда мне в голову пришла одна мысль: не потому ли это, что книга Августина содержала ответ на тот самый вызов, о котором Вы писали, ответ на вызов, который его эпоха бросила тогдашнему человечеству и ему самому? Не в этом ли заключалась действительная причина того, что в осажденном Ленинграде профессор, уже пожилая женщина, взялась за перевод этой древней "Исповеди", не был ли это ее ответ на вызов, брошенный ее временем, вызов, адресованный всем нам и ей лично?

Дальнейшие размышления привели меня к другой "Исповеди" — "Исповеди" Жан-Жака Руссо. Я перечитал ее, а затем и еще одну — "Исповедь" Льва Толстого. И возможно, это покажется неожиданным, но все три "Исповеди" выстроились в моем мозгу в ряд, образовали трилогию, протяженную в столетия и созданную столетиями — самой историей.

Это пробудило во мне историка, человека, который должен все интерпретировать. Каким образом эти три "Исповеди", столь далеко отстоящие одна от другой по времени, содержанию и личностям их авторов, могли показаться мне единой трилогией? И вот ответ, до которого я докопался. Каждая из этих "Исповедей" возникла в период, бывший кануном новой эпохи — эпохи, означавшей великий шаг человека вперед по его историческому пути. Период Августина был кануном поворотной точки, приведшей нас к одной великой стадии нашего исторического пути к другой, еще более великой. Период Руссо также был кануном. Это верно, что признаки новой эпохи появлялись и до него; "Рассуждения о методе" уже существовали, так же как и "Основания математики", а в Нидерландах и Англии уже произошли революции. Но грядущие события уже отбрасывали свою тень и во времена Августина. Символ

веры Никейского собора был провозглашен за целый век до него, и уже в его время сам вечный город пал под ударами Алариха. В том и состоит значение кануна, что будущее содержится в нем различными способами. Время Льва Толстого также было богато знамениями. Когда он писал свою "Исповедь", уже существовал с 1848 года "Коммунистический манифест"; в 1871 году Парижская Коммуна громко заявила о назревших социальных катаклизмах. Возможно, что Толстой не уделял достаточного внимания "Коммунистическому манифесту" и что он игнорировал указания Парижской Коммуны, но сам факт существования в Европе "призрака коммунизма", знаменующего некоторую критическую ситуацию для человечества, — этого он не мог не ощущать, хотя и своим сугубо индивидуальным способом — не мог, благодаря своим способностям гениального художника, обладающего мощным и чувствительным присматривателем, своим гением. Что означал гений Толстого не только для России, но и для всей мировой культуры, хорошо сформулировал Ленин. "Эпоха подготовки к революции в одной из стран, угнетенных феодализмом, выявилась благодаря блестящему освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества." Ленин, правда, говорил о "художественном развитии", но может ли оно быть оторвано от всего остального? Особенно, когда речь идет о таком гении, как Лев Толстой?

И мне показалось, что каждая из этих трех "Исповедей" не только принадлежит кануну новой великой эпохи, но и появилась в стране, в которой этот канун ощущается особенно остро: в поздней Римской Империи, в королевской Франции и царской России.

Такова "предыстория" вопроса; а теперь перейдем к "Истории". Чем больше я размышляю над этими тремя великими "Исповедями", тем более настоятельной становится мысль: не стоит ли нам в наши дни вернуться к ним вновь? Почему? Потому что мы все живем в эпоху "накануне". Признаки новой эпохи начали появляться, но тем не менее, в плане мировой истории ее формы пока неопределены, в настоящее время невозможно полностью предвидеть ее появление в будущем. Процесс все еще продолжается. Некоторое время назад я узнал из нашей прессы, что Вы со своей обычной прямоотой выразили свое неодобрение действиям американцев в Камбодже; но не являются ли эти действия, как и многие другие события в мире, симптомом формы и степени процесса перехода человечества на новый путь? Но если это так, если мы живем в "самый горячий момент" нашего исторического кануна, то нельзя ли сказать, что "вызов времени" адресован и нам? Нам, так же как и людям времен Августина, Жан-Жака или Льва Толстого? И не могут ли оставленные ими книги помочь нам найти свой ответ на вызов, стоящий перед нами?

Может возникнуть возражение: "возможно и могут, но тем не менее, ответы будут очень индивидуальными. В конце концов, исповедь — это

нечто, чрезвычайно личное — и более того, глубоко интимное." Это так. Но таким ли образом рассматривали свои "Исповеди" сами авторы? Августин совершенно определенным образом писал для своих современников. Он хотел, чтобы они прочли его "Confessiones" и делал все, чтобы это было возможно. Жан-Жак Руссо не рискнул опубликовать свои заметки при жизни, но не по личным причинам. Он даже распространял их среди тех, кого он знал, и очевидным образом предназначал их для читателя. Это видно и из той тщательности, с которой он готовил список своей "Исповеди", заботы, которую он проявил для ее сохранности. Лев Толстой долго воздерживался, но в конце концов тоже опубликовал свою "Исповедь". Нет, эти авторы писали свои "Исповеди" не только для себя, они предназначались для всех.

Почему? В первую очередь потому, что каждый из них, естественно, на свой манер, давал ответ на "вызов времени", то есть на вопрос, стоящий перед всеми людьми: каким станет человек в будущем, что будет с его жизнью? Именно об этом Августин, Руссо и Толстой думали больше всего. Первый из них написал "О граде божием", второй — "Общественный договор". Толстой, думая прежде всего как художник, не писал специальных историко-философских работ этого типа, но не показывает ли его "Воскресение", что именно он считал главным для человека, для всей общественной жизни? Это был его ответ на "вызов времени". Можно сказать, что этот ответ слишком "толстовский" и едва ли может иметь всеобщее значение. Но не был ли ответ гиппонского списка "чисто августиновским", а ответ швейцарского гражданина, писателя и музыканта "чисто руссоистским"? Личные оттенки в ответе и неизбежны, и существенны, поскольку они не только выражают личность отвечающего, что всегда наиболее привлекательно, но включают ее очарование. Но когда ответы даются людьми такого масштаба, как авторы трех "Исповедей", эти личные особенности выходят за пределы личности: ответы даются людьми, осознающими критический характер своего времени и раздумывающими над будущим и над человеком в этом будущем. Но это не единственная причина. Эти ответы подсказываются каждому из них его собеседником, и таким собеседником, в высшую мудрость которого он твердо верит. У них есть такие собеседники, иначе не было бы исповеди, исповедываться можно кому-то. И кто же были эти собеседники? Для Августина это был Бог, для Руссо — его общество, а для Толстого — его сознание.

Пусть так. Но не собственное ли сознание побудило Августина к столь откровенному разговору с Богом? И не с этим ли сознанием он разговаривает в конце? Не сознание ли заставило Руссо так безжалостно саморазоблачаться? А что до Толстого, то за его сознанием стояли и его Бог, и его общество. Следовательно, ответы, даваемые в этих трех работах, диктовались наивысшим из того, что знали их авторы. И высшее

положение этих авторов, как человеческих существ, делает все их декларации социально значимыми.

И здесь мне пришла в голову идея: что, если предложить одному из наших издательств переиздать эти три "Исповеди"? — Не как отдельные тома, независимые один от другого, а вместе, как индивидуальные, но неделимые части одного целого — иными словами, как великую трилогию?

Какую цель могло бы преследовать такое издание? Возможно, лучше понять, что представляет собой наше время в свете истории с его несчастьями, преступлениями и печалью, но и с его прекрасными действиями и блестящими надеждами. Более остро почувствовать, что наше время есть не что иное, как канун, и оно бросает свой вызов не только человечеству, не только обществу, но и каждому из нас индивидуально. Разъяснить каждому из нас, что этот "вызов" адресован каждому из нас не только, как общественному лидеру, но и как просто человеку. Для того, чтобы создать новый мир, новый человек должен быть достоин этой великой задачи. Потому что в конце концов будущее окажется тем, чем окажутся его люди.

Вы видите, к чему меня привело чтение нового перевода "Исповеди" Августина. Возможно, этому способствовало то, что перевод попал ко мне из Ленинграда, моего родного города. И выдержав три года тяжких испытаний, не склонившись и не сломавшись при этом, Ленинград стал для меня воплощением глубины и высоты человеческого духа; и в те годы эта глубина и высота были известны лучшей части человечества, тем, кто выдержал все испытания.

Могут сказать, что с той поры прошла уже четверть века. Не пора ли покончить с мыслями и настроениями тех лет? Нет, я думаю, что такого разрыва быть не может. Наоборот, об этом следует помнить всегда. И долг всех, испытавших это, сделать так, чтобы картины того, что вынесло человечество не исчезли.

Вот мысли, которыми я хотел поделиться прежде всего с Вами, дорогой коллега. Потому что именно Вы сказали мне о "вызове времени". Я был бы очень рад получить Ваш ответ на это письмо. Примите мои наилучшие пожелания, доброго Вам здоровья, здоровья, которое позволит Вам посетить Британский музей, так необходимый для Вашей работы.

Искренне Ваш, *Н. Конрад.*

P.S. Недавно в Киеве я зашел во Владимирский собор специально для того, чтобы поглядеть на нестеровских Бориса и Глеба. В цвете они производят еще большее впечатление. Глядя на них, я размышлял и загадке кеносиса, о которой Вы тоже напомнили мне. *Н. К.*

24 июня 1970 г.

Дорогой д-р Конрад,

Ваше письмо, пришедшее вчера, было для меня замечательным сюрпризом. Получить от Вас весть — всегда для меня большое удовольствие. Когда мои мысли и чувства устремляются навстречу к Вам, это для меня большое благо.

Я тоже хотел бы видеть эти три "исповеди" напечатанными в виде трилогии. Я хотел бы видеть их одновременно опубликованными на русском, французском, английском и немецком языках — а затем, конечно, переведенными на японский. Японцы, как Вы хорошо знаете, жадные читатели и усердные переводчики. Их умы теперь открыты мыслям, и чувствам, и опыту всего остального мира.

"Накануне". Когда я дошел до этих слов в Вашем письме, я повернулся к книжному шкафу и достал оттуда английский перевод романа Тургенева с этим названием. Это дешевое издание в бумажном переплете, что может служить указанием на широкую распространенность в сегодняшней Британии русской литературы девятнадцатого века.

Не была ли вся русская творческая литература после 1825 года литературой "накануне"? Не были ли сами декабристы "накануне", хотя они и не дожили до "события"?

В этом апреле Королевский институт международных отношений в Лондоне отмечал столетие со дня рождения Ленина организацией лекций о Ленине, за которыми последовала дискуссия. Я был лектором. (Моя жена и я состоим в штате этого института в течение тридцати трех лет).

Основным вопросом, который я поднял из неисчислимого множества вопросов, возникающих в связи с личностью и карьерой Ленина, был вопрос об его уверенности в себе — качестве, которое привело его к успеху в противовес очевидным вероятностям. Была ли это уверенность аристократа? Или это была убежденность верующего (и Ленин, воспитанный в православной вере, стал веровать вместо Бога в Маркса — вера другая, но убежденность, вызываемая верой, возможно, та же). Хотя Ленин формально был дворянином благодаря дворянству, полученному его отцом в награду за государственную службу, мой вывод состоял в том: что убежденность Ленина более походила на убежденность Св. Павла, чем на уверенность современного британского аристократа (например, лорда Солсбери или последнего лорда Рассела, если взять двух в равной степени самоуверенных британских аристократов, оказавшихся на противоположных полюсах по своим политическим взглядам). Я пришло Вам экземпляр своей статьи о Ленине. Она выйдет из печати в следующем месяце¹⁰.

Меня очень заинтересовала процитированная Вами похвала Ленина Толстому. Я читал, что любимым писателем Ленина среди авторов девятнадцатого века был Тургенев. Предчувствие "кануна" есть в *"Отцах и детях"*, хотя Базаров оказывается не в состоянии достигнуть другого берега реки, которую пытается пересечь. Но из всех трех титанов чувство "накануне" достигает наибольшей интенсивности у Достоевского.

Одним из симптомов состояния "накануне" является конвергенция. В то утро, когда пришло Ваше письмо, в еженедельном литературном приложении к лондонскому *"Таймс"* опубликован обзор двух книг о Руссо (книга о его философии, что, конечно, не есть его исповедь), а я только что окончил перепечатывать свои ответы на примерно 70 вопросов, заданных мне одним из моих японских друзей. Это были не его личные вопросы. (Как Вы говорите, и эти три исповеди не были только личными). Мой японский друг составил эти вопросы в результате консультаций со многими молодыми японцами в возрасте между 17 и 26 годами (возраст девяти моих внуков). Многие пункты в этом вопроснике совпадают с теми, которые Вы ставите в своем письме. Я думаю, что во всем мире молодые люди думают и чувствуют одинаково, и некоторые из нас, старших, разделяют эти чувства с ними. Молодые люди тоже ощущают себя "накануне". Это, конечно, одна из причин их беспокойства; а их нетерпимость к людям среднего возраста, как мне представляется, частично обусловлена их мнением (и я боюсь, правильным), что люди среднего возраста умышленно закрывают глаза на ту стадию, через которую проходят в настоящее время человеческие дела.

Во времена Святого Августина многие люди добровольно оставались слепы к знамениям времени, особенно в восточной части Римской империи, где основания греко-римского общества выглядели более твердыми, и где, следовательно, эти знамения не были столь очевидными. В нашем нынешнем мире немало людей находятся в том же состоянии ума.

Это напоминает мне, что Россия восприняла свое христианство и стимулы для своей культуры именно из восточной половины Римской империи, а не из западной, к которой принадлежал Августин. Я думаю о Владимире (первом Владимире, а не его тезке Владимире Ульянове). На запад вслед за "кануном" быстро наступило "событие". Когда Святой Августин лежал на смертном одре, вандалы стояли у ворот, и Запад рухнул и превратился (как это выглядело из Константинополя) в невосстановимые руины. Не потому ли Запад оказался в состоянии вновь подняться, что он пал в пятом веке? Это уже тема толстовского *"Воскресения"*, на которое Вы ссылаетесь.

Византийцы тоже были "накануне" во времена Св. Августина, но с помощью целого ряда усилий они сумели отсрочить "событие" еще на тысячу лет. Было бы весьма парадоксально предположить, что греки были освобождены турецким завоеванием — освобождены от порабощения своим собственным прошлым! Возрождение современных греков,

как мне кажется, берет свое начало именно от турецкого завоевания. Сперва наступило экономическое оживление, а затем культурное. Для них пятнадцатый век был тем же, чем для Запада оказался пятый век.

Ваш рассказ о Марии Сергеенко и ее работе в условиях ужасных страданий очень трогателен, как история индивидуальной жизни. Он также трогателен, как символ героизма Ленинграда во Второй мировой войне. Я согласен с Вами, что это не "древняя история". Это живая часть революции, переживаемой миром в наше время.

Меня не покидает все более и более сильное ощущение, что дела не могут идти так, как они шли до сих пор — ощущение, "что что-то должно случиться". Положение в Америке укрепляет это ощущение. Несколько лет назад это казалось неправдоподобным. Моя статья, упоминаемая Вами, была написана в ответ на предложение "Нью-Йорк Таймс". Она носит критический характер, но побудительным мотивом для меня была не враждебность, а беспокойство. Я беспокоюсь за молодых людей, столкнувшихся с мучительными вопросами сознания в столь раннем возрасте. У меня есть молодые друзья в Америке, и я сочувствую им. На самом деле я сочувствую всем молодым людям в мире, находящимся в возрасте моих внуков. Они увидят "событие", но его характер — добрый или злой — будет предрешен за них старшими.

К счастью, мне удастся оставаться в добром здравии. Я веду себя благоразумно. Я отказался от утомительных путешествий. Я закончил книгу "Константин Багрянородный и его мир" несколько недель тому назад. В моем возрасте очень утешительно чувствовать, что некоторая часть работы достигла стадии, на которой она может быть издана и опубликована посмертно.

Фоторепродукции нестеровских Бориса и Глеба, которые Вы мне прислали, стоят у меня на каминной полке вместе с фотографиями моих школьных друзей, убитых в 1915-1916 годах.

Ваши письма значат для меня так много.

Искренне Ваш Арнольд Тойнби.

14

А. Тойнби — Н.И. Конраду

Лондон 13 июля 1970 г.

Дорогой д-р Конрад,

В дополнение к моему письму от 24 июня 1970 г. прилагаю копии моей юбилейной статьи в связи со 100-летием Ленина.

Не знаю, сочтете ли Вы возможным прислать мне Ваши замечания на эту статью. Я бы хотел получить их побыстрее, т. к. издатели

"International Affairs", журнала Королевского института международных отношений, были бы рады опубликовать Ваш комментарий, если на то будет Ваше согласие.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш Арнольд Тойнби.

15

Н.И. Конрад — А. Тойнби

Москва. 16 сентября 1970 г.

Дорогой д-р Тойнби!

Июль и август этого года мы с женой провели, как обычно, на берегу Балтийского моря недалеко от Риги. Прохладный климат Балтики — как раз то, что нам обоим летом нужно. Там, в Риге, еще в июле я получил Ваше письмо от 24 июня, присланное мне из Москвы, куда оно пришло уже после нашего отъезда. Я тогда же собрался известить Вас о получении этого Вашего письма, но, к сожалению, здоровье мое ухудшилось и я вынужден был свой ответ отложить. Вернувшись в Москву, я нашел у себя на столе оттиск Вашей статьи в журнале "International Affairs", который Вы в своем письме от 24 июня обещали мне прислать. Итак, все посланное Вами своевременно и благополучно дошло до меня.

Состояние здоровья, однако, заставило меня почти сейчас же по возвращении в Москву направиться в санаторий с тем, чтобы окончательно поправиться. Санаторий этот находится совсем близко от Москвы, так что я могу оттуда поддерживать свои деловые и дружеские связи. И первое, что я делаю, — пишу Вам, дорогой коллега.

Прежде всего я хочу от души поблагодарить Вас за Ваше письмо. Оно очень ободрило меня в задуманном издании трех "Исповедей"; оно ода-рило меня важными мыслями о русской литературе XIX в. Особенно поразила меня Ваша мысль, что, в сущности, всю русскую литературу этого века, начиная со времени декабристов, следует считать "литературой кануна" (on the eve); разумеется, в ее высших достижениях и прежде всего у Тургенева, Достоевского и Толстого. Эта Ваша мысль позволяет, как мне кажется, по-новому прочитать некоторые произведения этих писателей. Теперь я вижу, что поступил правильно в одном своем недавнем решении. У нас издательство "Наука" (это — издательство Академии наук) издаст серию "Литературные памятники", председателем редакционной коллегии которой состою я. У нас намечено новое издание "Преступления и наказания", подготовленное на основе новых материалов, обнаруженных в архиве Достоевского, и я решил, что иллюстрировать это издание должен Эрнст Неизвестный, художник, имя которого может быть встречали и Вы: с его рисунками вышло последнее итальян-

ское издание знаменитого романа, и мне говорили, что рисунки Э. Неизвестного вызвали большой интерес в Италии и других странах Западной Европы. Художник предложил нам дать новые рисунки к этому произведению Достоевского, в которых он выразит то, что *современный* читатель прочтет в этом старом романе. Когда это издание выйдет в свет, я позволю себе прислать Вам экземпляр.

А теперь — несколько слов о Вашей статье в "International Affairs". Она, эта статья, достойна Вас — глубокого историка, умеющего подходить к велениям нашего времени с широких позиций — с позиций всемирной истории. Она, эта статья, достойна Вас оригинальностью суждений, неожиданными поворотами мысли. Она, эта статья, характерна для Вас своей литературной формой, публицистической остротой, не позволяющей читателю читать Вас равнодушно. Много поразило меня смелостью и правильностью суждений; кое в чем захотелось обратить Ваше внимание и на другие стороны тех же явлений, которых Вы коснулись. Словом, хотя я в своей научной деятельности очень далек от проблем современности, все же захотелось ответить Вам большим письмом. Пока сделать это я не могу: надо, чтобы здоровье окончательно восстановилось, но я надеюсь, что это произойдет скоро. Тогда мы с Вами совместно, если позволите, и решим — публиковать этот мой ответ Вам или нет.

В заключение позвольте и мне сказать, что я очень дорожу письменным общением с Вами, дорогой д-р Тойнби.

Желаю Вам крепкого здоровья и такого же энергичного, как и до сих пор, продолжения работы. Меня очень заинтересовало — что именно побудило Вас обратить внимание на Константина Багрянородного?

Сердечно Ваш Н. Конрад.

ПЕРЕПИСКА Н.И. КОНРАДА И Н.А. ПАВЛОВИЧ

1

Н.И.Конрад — Н.А.Павлович

[8 января 1929 г.]¹ [Ленинград].

Милая Надюша!

Я — в Ленинграде. Сегодня 20-й день со дня смерти моей мамы². Здесь я уже 3-й день. В Орле пробыл довольно долго, больше чем предполагал. Причина — отчасти нежелание быстро уезжать от тех мест, где у меня лежит много дорогих людей, отчасти — необходимость перескочить нездоровье (астма, простуда и т.д.). Из Орла проехал прямо в Ленинград. Так нужно было по условиям деловым. Не видел, значит, Вас, и не сделал того, что хотел и о чем говорил при встрече с Вами. Значит, не судья Бог. Наденька, милая. Спасибо Вам за Ваше хорошее сердце. Вы писали Нине Влад., что были рады, что в несчастье я вспомнил о Вас. Это так понятно. Потому что, хотя мы с Вами видимся и редко, переписываемся тоже не Бог весть как регулярно (особенно я), но для моего сердца Вы, моя милая, всегда чуть ли не самый ценный и близкий друг. Не "неверный", как пишете Вы, а именно "верный". Я "неверный" во всем — в частности в переписке, но сердце мое относится к Вам всегда неизменно — с любовью и дружбой. Я думаю, что Вы сами это чувствуете.

Нужно Вам сказать, что мое обращение к Вам было возможным еще и потому, что я всегда был убежден, что и Вы меня не отвергли в своем сестренском чувстве. Как видите, я не ошибся. Итак, Наденька, спасибо Вам и знайте, что моя душа неизменно Вас любит.

Наденька, попросите Вашего священника не отказать возносить молитвы за Марию до 40 дней. 40-ой день будет 28 января по н. ст. Пусть он отслужит в этот день обедню. А Вы мне, будьте добры, напишите, какую приблизительно сумму я должен Вам выслать для передачи за помин. Я, ведь, абсолютно не знаю, как и что. Напишите мне, не стесняйтесь. Деньги найдутся. Жду скорого ответа. А потом вот еще что. Если Вы захотите и будете иметь возможность приехать в Ленинград, напишите мне — не нужны ли Вам будут финансы. Я, по всей вероятности, смогу Вам ссудить на поездку. И, ради Бога, не церемоньтесь. Я лично буду в Москве в феврале (обязательно — читаю лекции неделю). Так что если не здесь, то в Москве (в феврале) встретимся. Целую Вас.

Ваш Н. Конрад.

Кстати, знаете ли Вы, что Нат [алья] Ис [аевна] моя жена уже 1 1/2 года?

2

Н.И. Конрад — Н.А. Павлович

5 июля [1929 г.]¹ [Ленинград].

Дорогая моя Надюша.

На этот раз я могу исполнить то, о чем Вы просите. И без особенного напряжения, так что Вы не думайте, что меня чем-либо затруднили. Дай Вам Бог все же поскорее выкрутиться. А то, вероятно, это все откладывает на душе некую досадную накипь.

Ваше письмо попало исключительно удачно: я в Ленинграде всего на несколько дней: вчера приехал и на днях уезжаю. Так что могло случиться, что я его прочел бы только месяца через полтора. Нюра² — у родителей. Мы с Натальей Исаевной едем в Орел — на манер дачи. Так что дома — никого. Этим и объясняется, что к телефону никто не подходил. К тому же исправляют крышу и все телефонные штуки временно — не то сняты, не то испорчены. Так что встречу с Вашей знакомой — придется отложить, по-видимому, до августа. А это мне интересно еще и потому, что я давно хочу научиться что-нибудь понимать в иконописи.

Вы нехорошо делаете, что пишете: "Кто Вас знает... м.б. Вы меня и знать не хотите". Нужно ли Вам говорить, Надюшенька, что Вы — одна из очень немногих, а для некоторых сторон моего существа и жизни — единственная, к которой я могу прийти в тех случаях, когда это нужно воистину, и которой я могу абсолютно верить — и в чистоту ее помощи и в готовность к ней? Думаю, что Вы и сами это немножко знаете.

Возможно, что мы поведем в Орел через Москву (возможно, что и через Витебск). Тогда — через несколько дней, может быть, и увидимся. Разыщу Вас непременно. А на похороны [Олега] Плетнера³ я приехал на два дня, и они ушли на все церемонии. В первый раз увидел гражданские похороны, и то, что я видел, произвело на меня тяжелое впечатление.

Как я живу? Знаю, что Вы спрашиваете не просто из простого любопытства. Об этом тоже лучше лично. Скажу только, что вполне здоров. Наталья Исаевна — то же; менее, чем я, но — удовлетворительно. Так что в этом смысле все обстоит благополучно.

Значит, возможно, до скорого свидания. А за маму Вам спасибо. И это тоже не просто говорю. Сохраните ее в сердце и еще немножко. Скучно мне без нее.

Ваш НК.

Наталья Исаевна шлет Вам большой привет.

Н.А. Павлович¹

Н. И. К.

Когда унесет меня вьюга,
Запомни мой голос, мой свет,
Найди уходящего друга
В ночи ускользящий свет.

Какие огромные годы
Легли вечеряющей мглой
За диким напевом свободы,
За голосом совести злой.

Колышется вьюжная нежить,
Таежные смертные сны —
Все реже, все реже, все реже
Сверканье и трепет струны,

Но где-то изломанной лире
Есть отдых, и сердцу дано
Уснуть в холодящей шири
И кануть на снежное дно.

4

Н.А.Павлович — Н.И.Конраду

20 июня [1947 г. Рижское взморье]

Дорогие Наташа и Николай Иосифович, здесь рай. Цветет шиповник, розы, каких-то диковинные поздние сорта сирени; на жасмине крупные бутоны. Вас ждет цветенье лип и целые плантации клубники. Дачников в этом году очень мало, даже в Майори. У нас пустой пляж, пустой парк. На весь "взрослый" Дом творч[ества] (семьи с детьми живут через дорогу, в своем саду, т.ч. и голосов не слышно) 12 человек (это на виллу и дом в парке). В столовой занято три столика — кормят опять отменно. (Бывают не зависящие от адм[министрации] перебои). Стол примерно такой: утром: омлет или яйца, масло (вместо яиц — котлета или ветчина), каша, чай, кофе. Обед: мяс[ной] суп, лососина, говядина или телятина, сладкое. Чай с пирожным или булочкой. Вечером: мясное или рыбное и пуддинг, чай, молоко. Прикупать приходится только молоко, зелень, сладкое. Повар какой-то знаменитый шеф. Но бывают дни, когда все из консервов. Думаю, это и во всех домах сейчас. Но больший % падает на "свежие" дни. Вот и весь отчет, чтобы Вы знали, что, примерно, ждет Вас, если приедете.

Я совсем поправилась, словно воскресла, сильна и весела, много хожу, чтобы не растолстеть. Беру теплые ванны, но хочу перейти на морские купания. Фурункулез прошел. Я просто удивляюсь, как могли меня скрутить те 3 м[есяца] недосадания, когда лишили лимита. Кстати, его и не вернули, но я надеюсь на общее улучшение положения писателей, которое ожидается к пленуму.

Со мной сейчас должны подписать договор на перевод 1000 строк, по 8 р. стр[ока], т.е. 8000 р., 60 % при сдаче. Но подстрочников еще нет. Поэтому изд[ательст]во договаривается со мной, чтобы я приехала на месяц 10-15 авг[уста] — 15 сент[ября] и работала с авторами. Бронируют мне путевку здешнего Литфонда, но за мой счет. Сможете ли Вы в начале августа выручить меня и дать мне 1000 р. до конца сент[ября] — начала окт[ября], когда я получу гонорар? Я боюсь, что за этот мес[яц] в Москве (я вернусь 2/VII) я не наберу 2 с лишн[им] тысяч, которые нужны, чтобы прожить июль и схать сюда. (Не забудьте еще kota, которого надо обеспечить уезжая). Хотя какие-то гонорары по "Октябрю". "Моск[овскому] комсом[ольцу]" и Совинформбюро меня ждут. Думаю, что 1000-1500 наберу за это время. А здесь, сдав работу в сент[ябре], я получу около 5000 (60 %). Я знаю, что если у Вас есть, Вы меня выручите, но сейчас я могу просить со спокойной совестью. Если я не застану Вас, скажите Нюте, можно ли рассчитывать. Стихи я у нее видела — много хорошего, настоящего, что с любовью можно переводить. Сама я здесь пишу стихи. Посылаю Вам, чтобы Вы видели, как здесь хорошо. Целую Вас обоих, жалею, что будем здесь в разное время. Я думаю, что за посл[едний] мес[яц] Вы оба особенно измучились. Адр[ес] — то я Ваш так и не взяла, вот и пишу то на ин[сти]тут, то наугад, и не знаю, что лучше — ин[сти]тут с его порядками или "угад". Ваша Н.Павлович.

Адр[есую] нарочно Ник[олаю] Иос[ифовичу], думаю, скорей найдут, чем Наташу, если путаю адр[ес]. Привет Нюточке и Анне Евг[еньевне] [Глускиной]¹.

...И откуда мне радость такая,
Что ты снова открылось мне,
Голубое от края до края,
В неохватной своей ширине.

Что опять расплываются дали
И теряется линия вод
В этом розово-лунном опале,
Что колышется, дышит, живет?

Для просушки развешаны сети,
И баркасы круты и черны;
Позабыли ушедшие дети
Свой кораблик у самой волны.

Все он хочет с рыбацкой бригадой
На морские просторы уйти,
Да и много ли малому надо
В очарованном этом пути!

— Только ветер и крепкие снасти,
Да глубинный внимательный лов,
— Только это суровое счастье
И художников, и рыбаков.

Надежда Павлович Июнь 1947 г. Риж[ское] взморье

5

Н.И. Конрад — Н.А. Павлович

8 октября 1949 г. [Москва].

Дорогая Надежда Александровна!

Очень Вы меня огорчили последними двумя Вашими открытками, пришедшими ко мне одновременно. Представляю себе, как всем этим огорчены Вы. Жду от Вас дальнейших известий, хотя, — принимая во внимание возраст, — ожидать полного восстановления жизнедеятельности — трудно. А ведь, он был до этого такой бодрый, живой, подвижный...¹ Грустно мне, что на Вашу долю выпало еще и это... Но вспомните, как много Вы получили за последнее время и что создали благодаря этому, и поблагодарите судьбу². А кроме того, если, не дай Бог! — и не сможет возобновиться прежнее состояние, то у Вас остается в сущности все то же, только в *новой* форме.

Рад, что удалось все же повидать его в расцвете бодрости — телесной и душевной. Не знаю, возможно ли это будет практически, но передайте ему от меня сыновний привет.

У нас — по-прежнему. Я, после некоторого ухудшения своего состояния, к счастью, кратковременного, — чувствую себя вполне прилично и снова на всех своих "постах"... Надежда Исаевна — молодцом! Работает исключительно много и хорошо. Нюра понемногу крепнет. Уже выходит из дому.

Крепко Ваш НК.

P.S. А Ваших бедных брошенных котят как будто вижу отсюда... Вообще говоря, это хороший символ человеческой жестокости, направленной не только на эти существа.

НК.

Все мои шлют Вам самый теплый привет. Будьте сами здоровы.

НК.

Н.И.Конрад — Н.А.Павлович

[28 декабря 1953 г.] [Москва].

Наилучшие пожелания к Новому году, дорогая Надежда Александровна, от всех нас!

Н. Конрад

Н.И. Конрад — Н.А. Павлович

4 апреля 1955 г. [Москва].

Дорогая Надежда Александровна!

Скоро Вы уезжаете и мне хочется напутствовать Вас своими самыми хорошими пожеланиями. Я не раз думал здесь о Вашей поездке и представлял себе, с каким хорошим чувством я сам совершил бы подобную поездку. В Москве иметь обстановку, позволяющую провести важнейшие недели в году так, как это следовало бы всякому, как Вы знаете, невозможно, особенно при моих силах; в Риге же — возможно. И что еще важно — в отдалении от ежедневной суеты. Душевно желаю Вам получить от этих недель хотя бы частицу того, что они могут дать и призваны дать: нам довольно и маленькой частицы; большего мы, может быть, и не достойны. Нам сказано: в определенные моменты надо "отложить всякое житейское попечение"¹. И мы этого не умеем.

Доброго пути, дорогая, счастливых недель там, на Взморье! И благополучного возвращения! Напишите оттуда пару строчек.

Душевно Ваш *НК.*

Н.И. Конрад — Н.А. Павлович

30 сентября 1955 г. [Москва].

Дорогая моя, пусть сегодня обновится почивающее на Вас Благословение Божие! Оно всегда обновляется, но сегодня пусть особо. И подумайте о нем — специально, внимательно! Оно, ведь, с Вами — и в Вашей вере, и в Вашей творческой душе.

Да оно и обновилось. Сегодня Вы, ведь, сподобились быть причастницей... Какое привычное слово и какое неизъяснимое! Радуйтесь всей душой, всем сознанием!

Ваш *НК.*

Н.И. Конрад — Н.А. Павлович*30 декабря 1956 г. [Москва].*

Все мы трое (а мои дамы утверждают, что не трое, а четверо!) от души шлем Вам свой новогодний привет и пожелания настоящего добра, настоящего спокойствия, настоящего здоровья.

Ваш *НК.***Н.И. Конрад — Н.А. Павлович***21 июня 1960 г. Москва*

Шлю Вам привет, дорогая Надежда Александровна. Вот отдохну немного серьезней и приеду к Вам в Кемери.

*НК.***Н.А.Павлович — Н.И.Конраду***13-14 марта 1961 г.¹*

Николаю Иосифовичу Конраду

Кукла

Красавица в парчевом оби²
 Пришла на славный юбилей;
 Мы пред тобой склонились обе,
 О, наш возлюбленный Сенсей!
 Набелена и черноброва,
 Смушает кончиком носка;
 Ударить в барабан готова
 Ее точеная рука.

Переливаются подвески,
 Сияет серебро венца...
 Что скрыто в этом лунном блеске
 И в тишине ее лица?

Не кукла, а душа чужая
 Иной, таинственной страны,
 К тебе приходит, погружая
 В воспоминания и сны.

Ты видишь, — молодой ученый
Вдали по берегу идет,
Ты слышишь, — на горе зеленой
Кукушка плачет и поет.

С любовью и радостью — Надежда Павлович, недостойный редактор "Мангёсю".

12

Н.И. Конрад — Н.А. Павлович

15 июля 1961 г. [Кемери].

Дорогая Надежда Александровна!

Мы постараемся навестить Вас скорее всего во вторник-среду на будущей неделе — так, к вечеру, часов в 6. Если эти дни не годятся для Вас, позвоните. Лучше всего либо утром — до 10 ч., либо в обеденные часы — 2-4.

Ваш НК.

13

Н.И. Конрад — Н.А. Павлович

30 сентября 1962 г. [Москва].

Дорогая Надежда Александровна!

Очень хочется, чтобы Вы, дорогой друг, почувствовали, что мое — и наше общее, конечно! — поздравление "дошло" до Вас. В сущности даже не поздравление, как таковое, а то чувство, с которым я Вам пишу эти строки в "Ваш" день. Впрочем, уверен, что "дойдет", т.к. мои чувства к Вам Вы хорошо знаете и знаете давно.

Ваш Н.Конрад.

14

Н.И. Конрад — Н.А. Павлович

6 июня 1964 г. [Москва].

Дорогая Надежда Александровна!

С Зиминым¹ дело обстояло так:

Собрались. Жуков (академик-секретарь) открыл заседание, но тут же взял слово академик Дружинин² (русский историк, исключительно порядочный человек) и сказал, что он получил письмо от Зимина, в котором тот пишет, что он болен, присутствовать не может и потому

просит отложить обсуждение. Жуков отверг это предложение. Дружинин все же попросил поставить его предложение на голосование. Жуков заявил, что обсуждение это — не судилище и голосовать нечего. Дружинин взглядом попросил вмешаться меня. Я встал и сказал, что голосовать, действительно, не нужно; но нельзя не согласиться, что говорить о работе *в отсутствие* ее автора трудно, почему я предлагаю отложить обсуждение, дав слово только приехавшим специально для этого заседания ленинградцам. Если же не откладывать, то предоставить москвичам самим решать: захотят ли они выступать *в отсутствие* автора. Так и было принято. И что же? Именно москвичи и начали... Не взирая на мое "моральное вето", как потом назвали мое предложение. И начал никто иной, как Н.К.Гудзий³, потом сказавший мне, что он просто был долгие не в силах переносить то нервное напряжение, в котором он находился все эти дни под влиянием готовящегося обсуждения работы Зимина.

И что же получилось? На следующий же день Зимин *явился!* И оказалось, что он совсем уже не так болен. Просидел два дня и даже произнес длинную речь в конце... Словом, обнаружилось, что "болезнь" была лишь приемом, которым он хотел оттянуть обсуждение. Этим он поставил в глупое положение своих доброжелателей — Дружинина и меня. Обсуждение превратилось в *разгром*. Корректно-сдержанный и с уважением к автору, как к ученому историку, — в выступлении Гудзия; резкий — в выступлении Лихачева⁴ (говорил 3 часа! разобрал всю работу по косточкам!). Прочие — академик Рыбаков⁵ и многие другие — отрицательно, но также корректно. По мере накаливания обстановки стал обнаруживаться и противоположный дух: в защиту Зимина. К сожалению, эти защитники вдохновлялись не научной стороной дела, а различными внутренними взаимоотношениями. Так с защитой Зимина (не полностью, а частичной) выступили некоторые из сотрудников сектора древней русской литературы в Пушкинском Доме, руководимого тем же Лихачевым. Они утверждали, что сам Лихачев в свое время говорил многое из того, что теперь сказал Зимин и на что теперь Лихачев нападает. Это порадовало недоброжелателей Лихачева, но не могло повлиять на общую тенденцию обсуждения — явно отрицательную.

Зимину дали слово для ответа и он говорил больше часа. Даже приятели его были неудовлетворены его ответом. Выступал и научно, и полемически неудачно. На этом все и закончилось. Никакой резолюции не вынесено. Жуков сказал, что тут имело место именно обсуждение, а не суд, почему никакого "вердикта" и быть не может.

Так — формально. Фактически же — работа научно отвергнута. Причем он сам ослабил свою позицию и многими неосторожными и плохо мотивированными утверждениями, и неудачными попытками самостраховки — в отжившем стиле.

Главный урок, который, как мне кажется, был тут нам всем преподан, таков: если хочешь идти *вразрез* с чем-то официально принятым, иди, не лавируя, не страхуясь.

Вот все, что я пока знаю. Как пойдет дело дальше, неизвестно. Только весть о книге Зиминой уже широко распространилась за рубежом. В США даже приостановили новое издание "Слова" до получения книги Зиминой.

Ваш Н. Конрад.

Пишу только об этом. Хотел быть в Риге в самых последних числах июня.

15

Н.И. Конрад — Н.А. Павлович

21 июня 1965 г. [Москва]

Дорогая Надежда Александровна!

Да, все никак не мог собраться написать Вам. Хотя бы — ответить Вам на Ваше письмо из Кемери. Поверьте, виною — вся эта суета! По возвращении (1-го июня утром) в Москву наступило именно то, что и намечалось: полоса чрезвычайной занятости и спешки. А тут еще разыгрался радикулит, с которым я приехал в Москву. С ним и сейчас еще не покончено. Наташа до сих пор не снимает бинт с ноги: она упала на пароходе с лестницы и очень ушиблась: ударилась лицом, боком и ногой. В Москве ей сделали противостолбнячную прививку, и это ее на целых три дня вывело из строя; потом же на ее руке, где у нее отек, началась жестокая экзема — следствие прививки. Только сейчас она стала исчезать. Нюре предстояла операция с ногами, но осложнения с миндалинами помешало ей сейчас лечь в больницу. Вероятно, придется отложить до осени. Все это — операция и послеоперационный период — должно занять месяца два.

Но "в общем и целом" жизнь течет нормально. Все мы работаем вовсю, стремясь сделать по возможности все, что необходимо сделать до отпуска, и очень надеюсь, что не позднее первых чисел июля мы будем в Риге. Мне нужно было съездить в Ленинград — по делам, но не удалось: помешала малая подвижность в связи с радикулитом и напряжение с работой. Очень хотелось повидать Ольгу Петровну [Петрову]¹. Жаль ее — невыразимо! Лежать ей придется еще долго — несколько месяцев. Сейчас ее должны перевести из городской больницы, куда ее отвезла скорая помощь, в академическую. Там ее товарищи по работе очень заботятся о ней. К сожалению, ее характер, как Вы знаете, — очень трудный для окружающих, мешая заботам о ней и даже отношению к ее болезни! Ничего, кроме громких сетований и жалоб на "обиды", на "не-

достаточную оценку" ее работы, на "несправедливость", от нее, как говорят, не слышат, а заботятся о ней очень. Только что узнал, что сиделка, которую ей устроили, через несколько дней не выдержала и отказалась от работы. Жалко бедную Ольгу Петровну очень! Она, ведь, по-настоящему хороший, добрый человек, добросовестный труженик, очень квалифицированный японовед, исключительно преданный делу. Но характер и чрезмерная активность мешают ей во многом. Как она выберется из всего этого — не знаю. Паралич левой стороны, говорят, со временем пройдет, позвонок срастется; сотрясение мозга не даст последствий, но процесс выздоровления займет очень много времени и как он у ней пройдет — сказать трудно. Да, тяжело об этом всем думать.

Если захочется написать ей, пишите на адрес института: Ленинград Д-41, Дворцовая набережная, 18. Институт народов Азии — О.П. Петровой. Ей почту доставляют оттуда.

Эта тяжелая история невольно вызвала целую цепь раздумий — невеселых и прежде всего мысль — как все, что у нас есть, непрочное. Ведь, Ольга Петровна, совершенно здоровая, вскарабкалась на свой подоконник, чтоб что-то сделать со своими цветами. И свалилась.

Но — довольно об этих тяжелых делах. Скажем "Слава Богу" за то, что он не отнимает от нас то, что он нам даровал. И даром этим нужно жить. Иначе это было бы неблагодарностью к Богу, а это — нельзя. И только просить — не отнимай и дальше.

Извините, дорогая Надежда Александровна, за такое письмо. Но как-то не пишется сейчас другое. В Кемери поговорим и о другом. Очень хочу, чтобы Вы были в меру здоровы и бодры — такой, какой я Вас всегда вижу и чему всегда радуюсь.

Наташа и Нюра шлют Вам привет. Надеюсь, скоро увидимся.

Ваш *Н. Конрад.*

16

Н.А. Павлович — Н.И. Конраду

[Начало марта 1966 г.]

Дорогой мой друг!

Сердечно поздравляю Вас с юбилеем. Все будет хорошо! Волна любви и признания дойдет и в Узкос. А именины мы отпразднуем вместе, как всегда.

И погода стала улыбаться. Будет тепло и солнечно.

И календарь, авось, найду. Пока в продаже его нет. Хворала я — стенокардия и безтемпературный грипп, но все обошлось. Выхожу. Настроение среднее: все новости мало радуют. Написала стихи. Прочтите в тихую, неюбилейную минуту.

Обнимаю, ожидаю II празднования — домашнего. Ваша Над[ежда] Алекс[андровна], — Ваша сестра. Правда? Стихи связаны с нашим последним разговором, посвящены Вам.

Н. И. К.

Воскресение

Тяжкий камень отвален от гроба,
Белый ангел камень отвалил.
Что теперь отчаянье и злоба
Ваших темных и безумных сил!

Там, где тело Господа лежало,
Светит чистым мрамором плита,
И сама земля не удержала
Смертью смерть поправшего Христа.

Оттого, что это в мире было,
Переплавились и ты, и я,
Молния навски осветила
Тайные истоки бытия.

И, опять прекрасна и невинна,
Нам с тобой возвращена весна...
Но у входа плачет Магдалина,
Солью слез своих ослеплена.

Февраль 66 г.

Магдалина — душа человеческая, из-за скорбей и даже высокой, но человеческой скорби своей — не видящей ни воскресенья, ни сего преображающего и вечно продолжающегося действия.

17

Н.И. Конрад — Н.А. Павлович

30 мая 1966 г. Узкое.

Дорогая Надежда Александровна!

Вчера, т.е. 29-го, пришла Ваша открыточка с извещением, что Вы читаете по радио 28-го... Впрочем, тут, в "Узком", где мы уже две недели, со здешними радиоприемниками слушать Ригу вряд ли возможно.

До этого получили Ваше письмо. Спасибо. Видимо, Вы живете спокойно. И это — самое существенное. Чего нет у нас — именно спокойствия! И работы неупорядоченной (у обоих), и неприятные осложнения с делом издания словаря¹, которое еще неизвестно, чем кончится. А для нас это — дело почти фатального значения. У меня уже была краткая мозговая спазма. Уехали мы в "Узкое", чтобы немного побыть на воздухе и поработать. Но работа у меня совсем не шла. Видимо, усталость за всю осень, зиму и весну уже дает о себе знать. Да и 75 лет тоже. Нюра уже почти месяц в больнице — гипертония в соединении с приступами стенокар-

дии. После больницы мы постараемся направить ее в кардиологический санаторий где-нибудь под Москвой. Наши же планы такие: завтра, 31-го, возвращаемся в Москву; 4-го июня поедem на 3-4 дня в Ленинград по делам; потом — весь июнь уйдет на последние попытки что-то закончить, а главное — на выборную кампанию в Академии (выборы академиков и членов-корреспондентов). Кампания трудная, так как страсти и вождения уже накалены. Борьба, интриги...² Словом, спокойствия не предвидится. А больше всего хочется именно спокойствия.

Анна Евгеньевна [Глускина] — в непрерывном шоке. Что у ней там, толком даже не знаю. Не могу ничего понять. Что-то еще все с тем же 1-м томом³. Неужели он уже *давно* не отработан? И понять ее просто невозможно. Безнадежный голос, печальные глаза, уныние... Жалобы на редакторшу. Тяжелое это дело. И кто тут виноват и в чем именно — просто понять не могу. Распрашивать просто боюсь.

В "Узком" эти две недели было хорошо: чудесное жаркое лето. Вчерашний Троицын день был, действительно, праздник благодатного лета. Днем почти все дни 25-30⁰. По ночам 15-16, так что спать можно хорошо. Если бы не тревога по вопросу о словаре. Наташа прямо извелась. Плохо спит, а сон ей нужен для дневной работы (она через день ездила в издательство). Было одно очень приятное происшествие. Один мой старый ленинградский ученик — Холодович⁴ захотел день своего 60-летия провести у нас, в Москве. Приехал. Мы, конечно, выехали на этот день в Москву и устроили обед в его честь с приглашением двух его старых друзей — Анны Евгеньевны и Марианны Самойловны Цын⁵. Это было приятно и волнующе трогательно. Он — доктор наук, профессор; ленинградец — и уехал сюда. На один день!

Хочется скорее поехать в Ригу. Вероятно, это будет в самом конце июня. Но хотелось бы поехать туда, уже что-то сделав тут, а иначе — настроение будет плохое. Надо и чтоб словарное дело решилось хорошо. Что будет — не знаю.

Как видите, дорогой друг, не очень все весело у нас, но мы — те же, и это — уже хорошо. Дай Бог такими и оставаться. Пишите! О Вас мы часто говорим и думаем.

Ваш Н. Конрад

18

Н.И. Конрад — Н.А. Павлович

16 июня 1966 г. [Москва]

Дорогая Надежда Александровна!

Что-то ничего от Вас нет. Как Вы там? В тишине и покое? Если это — так, цените! И очень. Говорю это потому, что живу отнюдь не в тишине

и покос. А хочется именно этого. Очень хочется. И — надо: и физически, и душевно.

Сложный, трудный и очень волнительный у меня период — по всем линиям моих дел. Даже странно думать сейчас, что когда-нибудь можно будет поехать на Рижское взморье... Вероятно, все-таки поедem, но без главного: ощущения некоей свободы от всего...

Нюра все еще в больнице. Никак не хотят ее отпустить. А толку от больничного лечения нет никакого: то же, что и дома. Хотим все же извлечь ее в ближайшее время, чтобы немного погода отправить в санаторий. Анна Евгеньевна [Глускина], конечно, продолжает мучиться со своей редакторшей. Все то же и то же. Побаиваюсь за Наташу: с этими словарными делами она очень переутомилась и очень плохо спит: мешает не только утомленность, но и тревога за судьбу словаря. А так в целом — все идет своим путем. Авось все перемелется.

Ваш Н. Конрад.

19

Н.А.Павлович — Н.И. Конраду

Дорогому другу

Николаю Иосифовичу

В белом облаке нарциссов
Пред Твоей иконой, Спасе,
Пламень розовой лампы
Чуть качнулся на ветру.

И казалось, с дальней горки
Яйца сами прикатились
На тарелку расписную,
В зелень легкую овса.

Это было не в деревне,
И не скинув пол-столетия,
А в московском переулке,
В шестьдесят седьмом году.

За окном качнулся тополь,
И подснежники синели
— Брызги неба на земле.
И спокойно, не старея,

В радости неизъяснимой
Пасху праздновали мы.

Надежда Павлович

Пасха 67 г

Н.И. Конрад — Н.А. Павлович

14 августа 1967 г. [Юрмала].

Дорогая Надежда Александровна!

Незнание обстановки привело к тому, что мы не смогли вчера зайти к Вам:

Во-первых, автобусы до Яун Кемери ходят редко — не чаще, чем через полчаса, и мы долго ждали на Тукумской улице, пока дождались машины.

Во-вторых: мы слезли в Яун Кемери у пляжа, а санаторий, который мы хотели осмотреть, оказался *далеко* оттуда — и не на побережье, а в лесу. Поэтому нам пришлось еще километра два идти пешком.

Словом, когда мы стали уходить оттуда, было уже около 6 часов, а надо было еще дожидаться автобуса, а народу было столько, что мы могли бы сесть даже не на второй, а только на третий автобус, т.е. приехать к Вам не раньше 7 часов. К тому же сказался возраст путешественников, особенно — одного из них: устали очень и было уже не до походов куда-нибудь. В результате мы сели в обратную сторону — до Слока и так добрались до дома — было уже около половины девятого — усталые и затихшие.

Жалко, что Вы утром в воскресенье не предупредили нас, что оказались заняты, а то мы, ведь, приехали так, как Вы сказали — пораньше.

Тогда мы переложили бы поездку на другой раз. Ну, что же делать! Соберемся еще как-нибудь. Сейчас на несколько дней я буду занят корректурой 1-го тома "Истории мировой литературы", которую мне присылают¹. Будьте здоровы, дорогой друг!

Ваш Н.Конрад.

P.S. А эта дама, которая была у Вас, — весьма строгая: как только мы вошли в Ваш садик, она весьма строго посмотрела на нас и отчеканила: "Надежда Александровна сказала, чтобы ее разбудить в 4 часа. А сейчас еще четырех нет!" Но, видимо, шум поднял Вас. Кто это? Ваша соседка или знакомая?

НК.

Н.И. Конрад — Н.А. Павлович

7 сентября 1970 г. Юрмала.

Дорогая Надежда Александровна!

Хочу хоть письмом послать Вам несколько слов — привет и надежды увидеть Вас бодрой и энергичной в Москве. Надеюсь, что после "Узкого",

куда мы, вероятно, уедем дней на 20, я буду более "в форме", чем тут. И — физически, и психически. А поэтому — и более "годен" для общения. Сейчас же надо расстаться со всеми немощами. Не сомневаюсь, что все это удастся: запаса "élan vital"¹ у меня еще много.

Будьте здоровы и пусть у Вас все ладится!

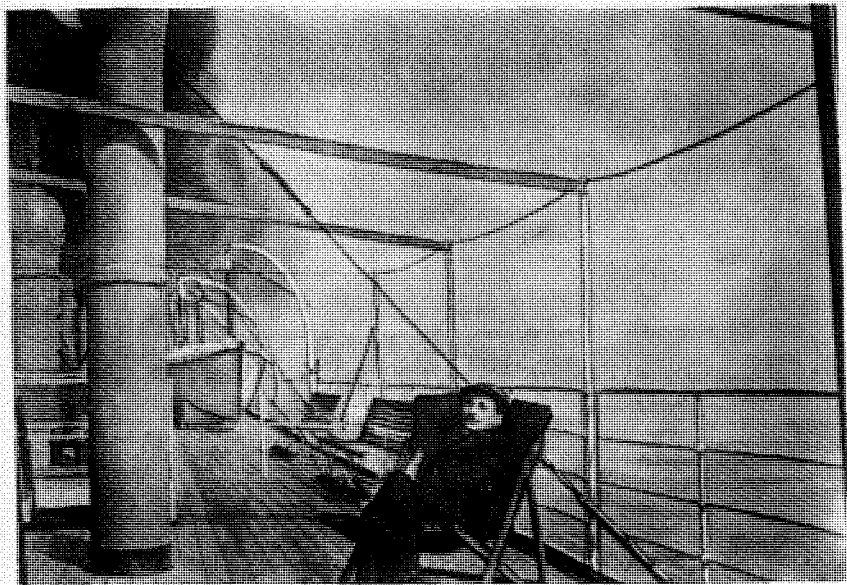
Ваш *Н. Конрад*.

22

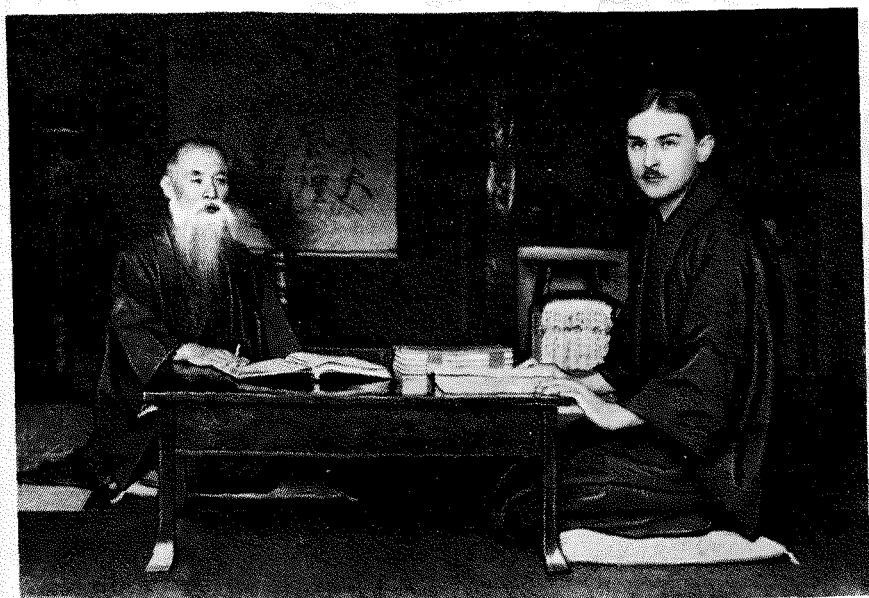
Н.А.Павлович — Н.И. Конраду¹

Н. И. К.

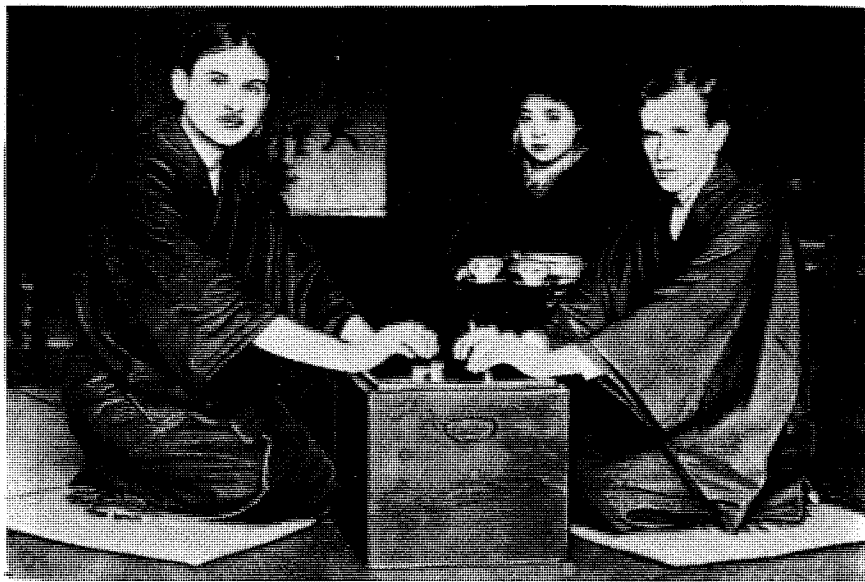
Райскую птицу держу я в руке,
Птица поет на твоём языке,
Слов не пойму, да и надо ль понять,
Страшно мне легкие перья измять.
Каждое перышко — тихий огонь.
Лучше не слушай! Лучше не тронь!

Н.И. Конрад по дороге в Японию. 1914—1915 гг. — ?
(Из собрания В.С. Сановича)

Н.И. Конрад и Такахаси Тэммин. Япония. 1914—1917 гг. — ?

Н.И. Конрад и Н.А. Невский. Япония. 1915—1917 гг. — ?

В Японии. 1915—1917 гг. — ? (Из собрания В.С. Сановича)

Н.А. Невский. Не позднее 1934 г.

Ю.К. Щуцкий. 20-е годы

Среди коллег-востоковедов. 2-й слева — Н.И. Конрад, далее — К.К. Юдакин,
В.А. Гурко-Кряжин, М.Н. Павлович, К.В. Оде-Васильева,
3-й справа — А.Н. Самойлович, крайний справа — Н.Я. Марр. 20-е годы

КОММЕНТАРИИ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX-XX веков

Данная работа Н.И. Конрада публикуется впервые. Она сохранилась в виде машинописи в фонде ученого в Архиве РАН (Ф.1675. Оп.1. Д.54) и представляет собой целостное законченное произведение, работа над которым проходила в несколько этапов на протяжении всей жизни ученого.

Будучи прежде всего японистом, Н.И. Конрад неоднократно обращался и к проблемам культуры, филологии, истории и этнографии корейского народа. Годы его учебы в Петербургском университете (1908-1912) на японо-китайском отделении Восточного факультета совпали с возросшим интересом русской общественности к культуре и истории стран Дальнего Востока, в том числе и Кореи, особенно в связи с политической Россией на Дальнем Востоке, соперничеством с Японией на Корейском полуострове, с трагическим периодом русско-японской войны 1905 г.

Можно предположить, что материалы о Корее собирались Н. Конрадом уже во время его первой научной командировки в Японию, по окончании Петербургского университета и японского отделения (раздела) Практической Восточной академии. Однако, несомненно, решающим моментом в познании Кореи, в приобщении к ее культуре и этнографии, были поездки Н. Конрада в Корею в 1914-1915 годах.

Весной 1914 г., когда Н. Конрад находился в Японии в командировке от Петербургского университета, руководители одного из крупнейших востоковедных центров России того времени — Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях — выдвинули его кандидатуру для командирования в Корею с целью проведения этнографических исследований. Кандидатура Н. Конрада была предложена известным русским синологом, проф. А.И. Ивановым и поддержана В.В. Радловым, Л.Я. Штернбергом*, В.Л. Котвичем (СПбФАРАИ. Ф.148. Оп.1. Д.76. Л.23, 23об.).

Характеризуя Н. Конрада, его старшие коллеги отмечали, что "зная практический японский и отчасти китайский язык, Н.И. Конрад занимался уже корейским языком и знаком с литературой о Корее. Лето текущего года (имеется в виду 1914 — *Р.Д.*) он

* Н.И. Конрад вспоминал: "Лев Яковлевич (Штернберг — *Р.Д.*) тогда чрезвычайно увлекался тотемизмом и шаманством, специально послал меня в Корею, чтобы я изучил корейское шаманство..." (СПбФАРАИ. Ф.152. Магнитофонная запись).

намерен провести в Японии для занятий корейским и японским языками, а осенью, получив надлежащие указания, он мог бы отправиться в Корею и приступить к историко-этнографическим исследованиям, занимаясь и изучением языка" (Там же. Л.23).

Определяя цели и задачи этнографической работы в Корее, руководство Русского комитета отмечало: "Наиболее важною в этнографическом, как и в археологическом, отношении областью следует считать Северную Корею, граничащую с Южной Маньчжурией и Приморской областью. Эта область входила в состав различных владений, со времени династии Хань и даже ранее, если основываться на сведениях китайских источников. Представляется поэтому весьма желательным начать исследование Кореи именно с северной ее части". В предварительном порядке определялся маршрут экспедиций и поездок Н. Конрада по Корее: "Прежде всего, ему надлежало бы отправиться в Сеул, где возможно получить необходимые справки и нужные сведения, а также подготовиться в практическом знании корейского языка. Затем могли бы быть намечены следующие пункты, представляющие этнографический и исторический интерес: Кайцзио (кор. *Кэсон* — Р.Д.) — место пребывания династии Гао-ли (кор. *Корё* — Р.Д.), Хэй-Нань (кор. *Ихеньян* — Р.Д.), Кай-сю (кор. *Хэчжу* — Р.Д.), Канко (кор. *Хамхен* — Р.Д.), Кай-сю (кор. *Кёнджу* — Р.Д.) — столица владения Синра (кор. *Силла* — Р.Д.).

Этнографические наблюдения желательно сосредоточить в одной из северных провинций: Хэй-янь (кор. *Ихён* — Р.Д.), Канкио (кор. *Хамхён* — Р.Д.), Кокай (кор. *Чолла* — Р.Д.). Вся командировка должна продолжаться около года" (Там же. Л.23, 23об.).

Перед Н.И. Конрадом ставилась также задача сбора этнографических материалов и составление коллекций этнографических предметов для Музея антропологии и этнографии при Академии наук. На это ему Музеем выделялись специальные средства (Там же. Д.81. Д.10).

Первый этап работы в Корее начинался 1 сентября 1914 г. Затем, очевидно, последовал небольшой перерыв и работы были продолжены в 1915 г. Есть основания предполагать, что существовали планы работы Н.Конрада в Корее и в 1916 г., но они по неизвестным нам пока причинам не осуществились.

Прибыв из Японии в Сеул и оформив соответствующие документы, Н. Конрад отправился на юг. Конечной точкой его экспедиции был город Пусан. "Теперь позволю себе, — писал Н.И. Конрад, — коснуться своей поездки по Корее. Оставляя подробные описания до следующего письма, я ныне укажу лишь главные пункты, которые я проехал: это Кванджу, Чхунджу, Чхонджу, Чонхивон, Конджу, Кунсан — я называю только крупные города. Все это пространство пройдено мною частью пешком, частью верхом. Во многих деревнях останавливался на более или менее продолжительные сроки. По пути старался делать возможные наблюдения и производить различные записи, вроде легенд, сказок, песен (?), поговорок, преданий исторического характера и т.под. Несмотря на то, что маршрут мой, по заранее намеченному плану, этим не заканчивался мне пришлось сесть в Пусане на поезд и вернуться в Сеул" (Там же. Д.16. Д.38). Наверняка можно сказать, что маршрут Н. Конрада проходил по территории провинций Кёнгидо, Чхунчхондо, Чолладо. Известно, что во время своего путешествия, да и вообще во время пребывания в Корее, Н.И. Конрад вел дневники, которые, к сожалению, не сохранились (или, может быть, пока не найдены).

Возвратившись в Сеул, Н.И. Конрад продолжил свои занятия корейским языком, а также сбор этнографического материала. Время, когда Н. Конрад посетил Корею, пришлось на трагический для этой страны период. В 1910 г. Корея лишилась своей государственности и стала колонией Японии. Годы 1910-1919 — характеризуются установлением японцами в Корее жесточайшего террора и национального порабощения; в истории этот период получил название "сабельного". Из фрагмента письма Н. Конрада А.И. Иванову видно, что японские власти в Корее недоброжелательно относились к его работе, препятствовали проникновению сведений за пределы страны. Так, пытались понять причины задержки своих писем в Россию, Н. Конрад упоминает о "цензуре", о сложности движения почты по Сибирской железной дороге. И далее пишет: "Но даже в этом последнем случае, я не понимаю причин, почему японское посольство вдруг заинтересовалось мною? По всей вероятности, вся эта история создана в Сеуле самим полицейским бюро и никем другим" (Там же. Д.38).

О ходе своей работы Н. Конрад сообщал в письмах. Его главными корреспондентами был проф. А.И. Иванов и один из руководителей Русского комитета Л.Я. Штернберг. Как следует из официальных документов Русского комитета, исследования Н.И. Конрада оценивались положительно. Более того, руководство Комитета решило продлить пребывание Н.И. Конрада в Корее и на 1915 г.: "Из культурных областей Дальнего Востока в отчетном году (1914 — *Р.Д*) в круг деятельности Комитета впервые была включена Корея, решение произвести этнографические исследования в этой области было вызвано быстрым исчезновением ее этнографических особенностей после присоединения страны к Японии. Производство исследований было возложено на Н.И. Конрада, причем имеется в виду продолжать эти работы до сентября 1915 года. О работах, уже выполненных исследователем, было доложено Комитету в заседании 22 ноября" (Там же. Д.81. Л.41).

Результатом первого этапа этнографической работы в Корее в течение 4-х последних месяцев 1914 г., а также, возможно, и первых (или первого) месяцев 1915 г. явился рукописный отчет Н.И. Конрада (Там же. Д.80. Л.22-41 об.), который был прислан им в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. Об этом отчете в протоколах Комитета за 2 мая 1913 г., под № 42, записано следующее: "Доложено о получении от Н.И. Конрада, через посредство Императорского Русского консульства в Корее и министерства иностранных дел, подробного письма на имя Л.Я. Штернберга о выполненных г. Конрадом работах и рукописи с изложением собранных им сведений о населении Кореи, его классовом составе, родовом строе, религиозных верованиях и обрядах" (Там же. Д.52).

Свои этнографические работы в Корее Н.И. Конрад продолжил и в 1915 г. В документах Русского комитета сохранились свидетельства о финансовом обеспечении его командировки до сентября 1915 г.: об отправлении ему фотоаппарата для сбора фотоматериалов. Часть иллюстративного материала, собранного Н.И. Конрадом, хранится в фотоархиве Музея антропологии и этнографии (колл. № 2663). Однако, отдельного отчета о работах за 1915 г. не сохранилось. Может быть, такой отчет специально и не составлялся, а вновь собранные материалы стали как бы продолжением, новыми разделами, главами, отчета за 1914 г. — начало 1915 г.

В 1915 г. Н.И. Конрад собирал материал по семейной обрядности и значительно расширил этот раздел. Новыми были данные по народной медицине, по корейским приметам, связанным со сновидениями. Значительно обогатились разделы по традиционным верованиям и культам. Все собранные материалы были систематизированы в большой обобщающей работе, записанной им в двух общих тетрадах (текст на обеих сторонах тетрадного листа). Эти тетради, длительное время хранившиеся в семье Н.И. Конрада, в настоящее время находятся в Архиве РАН (Ф.1675. Оп.1. Д.2). Знакомство с этой работой свидетельствует о том, что перед нами окончательный рукописный вариант Н.И. Конрада по исторической этнографии корейцев, включающий как составную, органическую часть и первоначальный отчет 1914-15 гг., и новые главы и разделы. Объем работы по сравнению с отчетом увеличился, по крайней мере, в три раза и по своему характеру принадлежит к исследовательскому, а не дневниковому жанру, хотя в работе немало упоминаний и ссылок на личные полевые наблюдения автора.

Несколько слов о судьбе этих двух основных рукописных сочинений Н.И. Конрада. Первый рукописный отчет Н.И. Конрада 1914-15 гг. (далее эта рукопись будет условно обозначаться как "Рукопись 1915. I") хранится в Санкт-Петербургском филиале РАН в фонде Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии среди материалов, относящихся к 1915 г. Текст не имеет заголовка, не названо имя автора, т.о. рукопись продолжает оставаться анонимной.

О том, что эта работа принадлежит Н.И. Конраду в послевоенные годы одной из первых написала О.П. Петрова. Во "Введении" к "Описанию письменных памятников корейской культуры" (Вып. I. М.—Л., 1956. С.12), при характеристике традиционной корейской антропологии О.П.Петрова цитировала небольшой фрагмент из этой рукописи Н.И. Конрада; Петрова определяла ее как "отчет за 1915 г. Н.И. Конрада Русскому комитету по изучению Средней и Восточной Азии о его командировке в Корею". В сноске к приведенному фрагменту о корейских именах О.П.Петрова обозначает цитируемую рабо-

ту как "рукопись Н.И. Конрада" (!). Таким образом было восстановлено, подтверждено авторство Н.И. Конрада.

С начала 60-х годов к этой работе Н.И. Конрада неоднократно обращалась Ю.В. Ионова, которая именует ее как "Заметки о народных обычаях корейцев на основании личных наблюдений 1914-1915 гг." (см.: Ионова Ю.В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX — начало XX вв. М., 1982. С. 216). В авторстве Н. И. Конрада Ю.В. Ионова уже не сомневалась. В 1974 г. по просьбе вдовы Н.И. Конрада — Н.И. Фельдман-Конрад с рукописи была снята ксерокопия, которая в настоящее время хранится в Москве в Архиве РАН в фонде ученого. Однако необходимо отметить, что хотя в ряде исследовательских работ эта рукопись Н.И. Конрада неоднократно цитируется, полностью она до сих пор не опубликована.

Рукопись-отчет Н.И. Конрада была написана им на 22-х больших lined листках (текст идет на двух сторонах листа), черными чернилами, изящным четким почерком. В правом углу первого листа рукой Н.И. Конрада обозначена дата "1915 г.". Одной из особенностей рукописи является ее насыщенность иероглифической терминологией. Все корейские понятия, термины записаны Н.И. Конрадом иероглифами. Лишь в нескольких случаях автор использует корейскую графику. Представляется необходимым в дальнейшем опубликовать факсимиле этой рукописи, сопроводив его предисловием и комментарием.

Вторая рукопись — это, как мы полагаем, рукописный вариант "Очерков.." Н.И. Конрада — окончательный результат его этнографических исследований в Корее в 1914, 1915, 1916 (?) годах.

По-видимому, в разные периоды (в основном, в 50-60-ые годы) жизни Н.И. Конрад стремился подготовить рукопись к публикации. Так, в частности сохранилось письмо В.В. Петрова (от 17 мая 1952 г.), свидетельствующее как о намерении Н.И. Конрада вернуться к корейской тематике, так и о том значении, которое придавалось необходимости публикации этой работы его коллегами. В.В. Петров писал: «Дорогой Николай Иосифович! Наконец-то могу отправить Вам копию Вашего отчета о работе в Корее в 1915 г. Г.А. Князев [директор Архива АН СССР — Р.Д.] немедленно дал разрешение на снятие для Вас копии на основании Вашего заявления. Но копию надо было снимать согласно действующим правилам непосредственно на территории Архива, а, стало быть, пришлось стать в очередь к машинистке. Ваш почерк (который очень мало изменился за истекшие 37 лет, что и позволило мне так легко определить принадлежность рукописи) требует известной привычки для быстрого чтения, что также замедлило перепечатку. Два слова все же не удалось прочесть (на стр. 40 и на стр. 44); они отмечены "?" на полях.

Ольга Петровна [Петрова] нашла в Вашей рукописи ключ к пониманию целого ряда терминов, с которыми она сталкивалась при разборке корейско-китайских фондов рукописного отдела Института Востоковедения и которые до этого оставались не поддающимися переводу. Поэтому, если бы Вы разрешили, было бы очень ценно иметь возможность во время работы ей пользоваться текстом Вашего отчета. Перепечатан был Ваш отчет с копией, которую я сегодня не отсылаю. Может быть, Вы позволили бы оставить ее для личного использования Ольги Петровны? Ну, в каком словаре Вы найдете, как величать правнучку братьев моего прадеда: а между тем в разысканных ею ксилографах по юридическим нормам средневековой Кореи подобная терминология встречается, делая недоступными для понимания самые памятники.

Насколько я понимаю, Николай Иосифович, Ваш отчет — это законченный каркас великолепной монографии по семейному праву и этнографии феодальной Кореи, того "живого ископаемого", которого Вы еще застали во время своей экспедиции. То, что Вам пришлось наблюдать, ключ к пониманию тех трудностей, которые приходится и еще придется преодолевать современной молодой Корее. Но в том целостном виде, в котором это пришлось видеть Вам, теперь уже никому не удастся увидеть. Не сердитесь на меня за то, что я напишу. Не жуежи весь этот огромный, совершенно неповторимый ни в настоящее время, ни в будущем материал останется только материалом для личных Ваших воспоминаний и окажется навсегда потерянным для науки? Ведь его можно вложить в не налагающие особых обязательств формы путевых заметок, да мало ли какую форму придать, и он оживет, а вместе с ним оживет та страница прошлого, которая иначе так и

останется непрочтенной с той полнотой, с какой ее можно прочесть? Я вполне понимаю, что сейчас нет у Вас времени на создание большой и целостной монографии; что для отдельных ее частей может не хватать материалов; что интересы Вашей научной работы увели Вас далеко в сторону от того, что интересовало Вас почти четыре десятилетия назад. Поэтому я и говорю о не налагающей особых обязательств форме композиции. Но даже, если бы Вы решили не предназначать материалы по Корее для непосредственной публикации, чрезвычайно ценно было бы привести их, настолько возможно, в удобочитаемое состояние. Ведь Вы единственный человек, который может это сделать, а материалы все же есть, они сохранились? С каждым годом ценность подобной работы будет возрастать, и когда придут мирные времена, те же корейцы будут драться за каждую строку ее, — даже за это мое письмо по поводу Вашей работы, если Вы не выбросите его своевременно в мусорную корзину и оно как-нибудь уцелеет....

Ряд лет мне пришлось сидеть по глухим уголкам юго-восточного Закавказья. По территориальному признаку происходивший тогда материал не подлежал опубликованию. Из дневников я выбрал то, что можно, и опубликовал отдельной книжкой "Этноботаника Нагорного Карабаха". Я писал, не мудрствуя лукаво, о том, что видел, и что же, даже Сам Лисициан, Лисициан, так болезненно ревнивый ко всему, что относилось к этнографии арменоязычного населения, где бы оно не обитало под солнцем, в рецензии на 6-ти страницах не обругал меня за это, как мне все пророчили. И факты остались зафиксированными: факты, которые еще можно было наблюдать в середине 30-х годов и о которых сейчас и воспоминание умерло. Разве это было сделано так неправильно? А написал я всю книжку в двухнедельную прослойку между двумя экспедициями в совершенно другие районы Азербайджана и с совершенно другими заданиями... Ведь этноботаникой у нас после Палласа и Гольденштедта никто не интересовался, и книжка моя сейчас, через 12 лет после ее издания, стоит также одиноко, как стояла в ряду других изданий академии 12 лет назад. И все-таки я знаю, что пройдет положенное количество десятилетий и к ней обратятся, быть может, переиздадут, но во всяком случае воспользуются с пользой.

Вот поэтому-то мне так больно и делается, что тот блестящий материал, которым Вы располагаете, может пропасть втуне

Во всяком случае я сделаю еще один шаг. Напишу Наталье Исаевне. Неужели вы, Николай Иосифович, даже для Котиады не дадите очерка обряда "боязни кошки" (Ваша рукопись, стр.23), сопровождающегося размахиванием платя? Во всяком случае, я теперь буду смотреть совершенно иными глазами на своего внука, инстинктивно выполнявшего этот обряд, к величайшему (теперь вижу, что только по незнанию) моему негодованию.

Кроме того, официально ставлю Вас в известность, что начинаю собирать материал для Гусиады. Откроется она фотографией с чудесного панно "синие гуси", которое было подарено королевой Мин нашему поверенному в делах в Сеуле Дмитревскому и хранится в рукописном отделе ИВ. А в качестве продолжения — прошу прислать ту "очень длинную корейскую сказку" (стр. 21), которая была записана Вами и на корейском языке и переведена на русский. Кстати, вся эта история с "обрядом подношения гуся" не связана с тем, что кто-то из основателей одной из древнейших династий всемиростивейше соизволил выдупиться из гусиного яйца? Ведь гуси, по-видимому, были древнейшей из прирученных птиц и спасших Капитолий, находились на действительной службе в Риме на правах священных птиц, а не просто откармливались на обед.

Меня очень заинтересовали неоднократные упоминания Вами о вербе в Корее. Оказывается, она и там имела ритуальное значение? С чем иным, как не с восприятием вербы, как живого существа, можно сопоставить, что мастера плетеных изделий из ивы, наряду с мясниками и кожевниками входили в группу пек-чел, париев? [...] Сердечно преданный Вам В. Петров» (АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.825. Л.1-2об.).

Очевидно, уже в последние годы жизни по просьбе Н.И. Конрада рукопись "Очерков..." была перепечатана. Тогда же Н.И. Конрад обратился к известному кореевед-лингвисту Л.Б. Никольскому с просьбой дать корейскую транскрипцию к многочисленным терминам, записанным иероглифически. Эта просьба была удовлетворена. Текст был заново перепечатан и предложен к публикации. Однако, работа не была опубликована... Между тем собранный и систематизированный Н.И. Конрадом материал — ценнейший

источник для понимания культуры и быта корейцев на рубеже XIX-XX веков, для познания исторической этнографии корейцев.

Значение "Очерков..." Н.И. Конрада особенно возрастает сегодня. Во-первых, с глубоким сожалением необходимо констатировать, что Н.И. Конрад был последним из русских этнографов, работавших в Корее. С тех пор, и в дореволюционное время, а также в годы советской власти, вплоть до сегодняшнего дня, отечественные этнографы не имели возможности проводить полевых исследований в Корее. Во-вторых, "Очерки..." Н.И. Конрада, созданные в значительной своей части на полевых материалах, запечатлели важный этап в развитии традиционной культуры корейцев.

К своим корейским материалам Н.И. Конрад на протяжении жизни обращался неоднократно. Несомненно, он осознавал ценность собранного им полевого этнографического материала. Он имел также возможность наблюдать, что на многие десятилетия изучение исторического быта и этнографии корейцев было отодвинуто в советском корееведении на второй план.

С момента написания "Очерков..." прошло не одно десятилетие. За эти годы, особенно начиная с 50-х годов, отечественные ученые-корееведы неоднократно обращались к изучению этнографии, мифологии, культуры корейского народа. Сделано немало. Но даже в контексте сегодняшнего дня "Очерки..." Н.И. Конрада не утратили своей ценности, научной новизны — и как этнографический источник и как исследование.

При подготовке работы к печати написание нескольких терминов приведено в соответствии с принятой в настоящее время транскрипцией.

1. В 1910 г. Япония навязала Корее договор об аннексии, который закрепил позиции, захваченные империалистической Японией на полуострове до и в период протектората (1905-1910 гг.). Корея была превращена в генерал-губернаторство.

2. В отчете Н.И. Конрада (рукопись, 1915, I), далее читаем: «Ввиду того, что класс янбанов играл на протяжении всей истории Кореи особо выдающуюся роль, пользовался особым значением, которое сохраняет и поныне. Мною собрано некоторое количество более подробных сведений о них, которые касаются главным образом вопросов: 1) происхождения слова "янбан"; 2) образования понятия "янбан", — его содержания и объема; 3) приобретение и утрата янбанского достоинства; 4) положение янбанов в отношении к иным классам народонаселения; 5) происхождение янбанов; 6) роды янбанов (установление так называемых *юксон* — шесть фамилий и 104 рода с указанием "родины"); 7) понятие "родина" (*кванхян*) как непрменный признак рода янбанов; 8) генеалогическая таблица в роде янбанов; 9) внутренняя жизнь рода янбанов; 10) законы и традиции, действующие в роде янбанов» (СПбФАРИИ. Ф.148. Оп.1. д.80. Л.22,22 об.).

3. *Династия И (Ли)* — правила в Корее с 1392 по 1910 г.

4. *Династия Корё* — правила в Корее с 918 по 1392 г.

5. Речь идет о реформах года кабо (по корейскому традиционному календарю соответствует 1894 году по европейскому летоисчислению). Реформы года кабо вырабатывались в сложной для Кореи внутриполитической и международной обстановке: в стране шло общекорейское крестьянское восстание; на территории Кореи развернулась японо-китайская война (1894-1895). В создавшейся обстановке различные классы корейского общества понимали необходимость преобразований. Летом 1894 г. Коджон-ваном был создан Высший военный совет (*Кунчук кимучхо*), который после нескольких месяцев работы представил программу общественно-экономических преобразований, состоявшую из 208 законов. Эти законы и получили название "реформы года кабо". Ряд законов был посвящен социальным проблемам: окончательно упразднялась система рабства (*ноби*), народ уравнивался в правах с янбанами (дворянами), отменялись некоторые уродливые обычаи, реформаторская деятельность продолжалась и в 1895 г.

6. В отчете Н.И. Конрада (рукопись, 1915, I) далее читаем: «В настоящее время мною собраны сведения относительно этих парий корейского народонаселения преимущественно в области следующих вопросов: 1. Значение знаков пэкчон, их смысл и происхождение. 2. Происхождение "рук-чхан", предания об их происхождении). 3. Положение "рук-чхан" среди других сословий; ограничения в правах, одежде, присвоения имен и фамилий, выбора места погребения, в заключении браков и прочее. 4. Занятия "рук-чхан". 5.

Жизнь "руак-чхуан". 6. Черты обособленности "руак-чхуан" от других слоев корейского народонаселения" (СНБФРАН.Ф.148. Оп.1.Д.80. Л.23 об.).

7 В отчете Н.И. Конрада (рукопись, 1915, Д) далее читаем: "Понятие *схон* в родственной организации: 1. Знак *чхон* в корейском чтении и значении; 2. Употребление этого знака для обозначения родственных связей: а) слово *чхон* как [поколение - ?]; 3. Правила употребления слова *чхон* в том и другом случаях" (СНБФРАН.Ф.148. Оп.1. Д80. Л.24).

8. Речь идет о реформах года кабо 1894-1895 гг.

9. *Прежние фамилии* — Выходя замуж женщины сохраняли свою фамилию. Эта традиция живет и поныне.

10. *Личные имена* — личное (индивидуальное) имя обозначается в корейской антропонимике двумя терминами *мён* и *ирым*. На протяжении жизни кореец имеет несколько индивидуальных имен. Особенно сложным был набор личных имен в период феодализма, в первую очередь, в среде представителей дворянства. Среди личных имен необходимо отметить следующие компоненты: *амён* ("детское имя") или *чхонмён* ("первое имя") — детское имя; *пёльмён* (досл.: "другое имя", "прозвище") — детское прозвище; *кванмён* (досл.: "имя, которое дается юноше при достижении им совершеннолетия") — имя, которое дается юноше, когда он впервые надевает головной убор совершеннолетнего") — официальное имя совершеннолетнего (в корейском традиционном быту совершеннолетним считался юноша или даже мальчик, вступивший в брак; *чжи* ("имя, дающееся после женитьбы") — имя-прозвище, имя-псевдоним, под которым молодой женатый мужчина известен в кругу своих родственников и близких друзей; *хо* — ("псевдоним", "почетное имя") — псевдоним, который избирали себе люди, вступившие на путь государственной, литературной, научной и любой другой творческой деятельности; *сихо* ("посмертный псевдоним") — имя, которое давалось посмертно наиболее выдающимся деятелям.

11. *Пять стихий* — кит.: *уши*, кор.: *охэн*. Учение о пяти стихиях, одно из основополагающих постулатов древнекитайской философии, оказало большое влияние на традиционную культуру корейского народа: оно прослеживается в философских, исторических, культурологических учениях, в работах по эстетике, в произведениях литературы и искусства, в системе летоисчисления и календаря и, наконец, в антропонимии. Необходимо подчеркнуть, что, как правило, проследить "взаимосвязь" имен представителей одного поколения — в среде старших и младших поколений при использовании "порядка пяти стихий" можно только на уровне письменного, иероглифического знака.

12. *Порядок циклических знаков* — система циклических знаков зародилась в древнем Китае в эпоху древних династий Шан-Инь (1766-1122 гг. до н.э.) и Чжоу (1122-247 гг. до н.э.). Система десяти циклических знаков служила для обозначения дней декады. С периода правления династии Хань (III в. до н.э. - III в. н.э.), на рубеже нашей эры наряду с десятичным циклом (который, в свою очередь, сочетался с пятью стихиями) китайцы стали использовать двенадцатичный цикл (который ассоциировался с 12-ю знаками зодиака). На основе комбинаций этих двух циклов сформировалась древнекитайская шестидесятиричная система летоисчисления. Начиная с первых веков нашей эры, эта система становится основной для исторического летоисчисления. В Корее в период Трех государств (I в до н.э. - VII в н.э.) эта система уже была широко распространена; со временем она стала важнейшим компонентом всей традиционной корейской культуры. Циклические знаки как десятичного (кор.: *кап*, *ыль*, *пён*, *чон*, *у*, *ки*, *кён*, *син*, *им*, *ка*), так и двенадцатичного цикла (кор.: *ча*, *чхук*, *ин*, *мё*, *чин*, *са*, *о*, *ми*, *син*, *ю*, *суль*, *хэ*) использовались в корейской антропонимии. Взаимосвязь поколений, выраженная через порядок циклических знаков, может быть прослежена только на уровне письменного, иероглифического знака.

13. "*Цяньцзывэнь*" — "*Цяньцзывэнь*" (кит.). "*Чхонджамун*" (кор.) — "Тысяча иероглифов" или "Тысячесловие" — название пособия для начального обучения китайской иероглифике. Согласно историческому преданию автором этого сочинения является китайский ученый Чжоу Синсы, живший в VI в., в период правления династии Лян. Предание гласит, что император У-ди повелел Чжоу Синсы составить книгу из 1000 неповторяющихся иероглифических знаков. Ученый составил ее за одну ночь, но к утру поспел. "*Цяньцзывэнь*" было широко распространено в качестве учебника по китайской иерогли-

фической письменности в Китае, а также в Корее и Японии. В корейских изданиях сочинения "Пзяньцзывонь" (кор. "Чжонджамун") под каждым иероглифом справа корейской письменностью записывался перевод знака, слева — его корейское чтение: Чхон, чи, хён, хван — первые знаки пособия "Чжонджамун" в их корейском чтении: чхон (кит. *тянь*) — "небо"; чи (кит.: *ди*) — "земля"; хён (кит.: *сюань*) — "черный"; хван (кит. *хуан*) — "желтый".

14. "И цзин" — "И цзин" ("Книга перемен") — трактат по древней китайской философии, созданный в VIII-VII вв. до н.э., состоит из графических символов и пояснений к ним. В основе — восемь триграмм *цян* ("небо"), *гэнь* ("гора"), *ли* ("огонь"), *сюнь* ("ветер"), *дуй* ("водоем"), *кунь* ("земля"), *чжэнь* ("гром"), *кань* ("вода"). В результате максимально возможных сочетаний триграмм было образовано 64 гексаграммы, 64 графических символа. Каждый символ состоит из определенного сочетания горизонтальных черт: непрерывные обозначают *ян* (символ Неба: мужское начало); прерывные обозначают *инь* (символ Земли) — женское начало. "И цзин" в Китае и в Корее использовался в качестве гадательной книги. Отдельные термины из "И цзина" вошли в традиционную антропонию корейцев.

15. ... *пять конфуцианских добродетелей* — имеются в виду такие понятия как: гуманность — *ин* (кит.: *жэнь*), нормы поведения — *де* (кит. *ли*), верность — *чхун* (кит.: *син*), справедливость — *ы* (кит.: *и*), знание — *чи* (кит.: *чжи*).

16. *Порядок одинаковых знаков* — кор. *хань ёльджа*, *толлимджа* (досл.: "одинаковый слог в именах родственников"). Особенности этого обычая заключаются в том, что один из слогов имени (чаще первый слог) в личных именах братьев или сестер имеет один и тот же иероглифический знак: например, имена братьев Якджонь, Якджок, Якён, имена сестер Ёнок, Ёнсук, Ёнхи. В этом случае "обычай связанных имен" проявляется и на уровне письменного знака (иероглифа) и на уровне произношения.

17. *Фамилии* — фамилия (наследственное имя) *сонь* — основной компонент антропонимической модели корейцев. Большинство корейских фамилий сформировалось в период средневековья. В начале XX в. по данным корейской энциклопедии "Мунхон биго" в Корее насчитывалось 498 фамилий. В 30-х годах согласно переписи — фамильный фонд корейцев насчитывал 250 фамилий. Список корейских фамилий, приведенный в "Корейско-русском словаре" (М., 1958) содержит 217 фамилий; в "Большом корейско-русском словаре" (М., 1976) — 208. В корейской энциклопедии "Тэпэкхва саджон" (Сеул, 1958-1959) упоминается около 200 фамилий; в словаре Ли Хансока "Кука тэсаджан" ("энциклопедический словарь по истории Кореи") — в списке основных фамилий приводится 153. В корейском традиционном имени фамилия всегда ставится на первом месте.

18. *Родина* — *кванхян* ("родина", "родина предков"). Термин, обозначающий важнейший компонент корейской традиционной антропонимической модели — "место происхождения" представителей того или иного рода. *Кванхян* соотносится с топонимом, и может, наверное, быть определено как оттопонимическое имя корейцев. Для обозначения "родины предков" в корейском языке используются также термины *пон* (днал. *пони*) ("корень", "основа", "исток", "начало") и *понкван* ("основное место происхождения"). Подавляющее большинство *кванхян* (*пон*, *понкван*) связано с топонимами донные существующими: например, Кёнчжу, Мирян, Сувон, Чечжу. *Кванхян* (*пон*) не совпадают с фамилией; некоторые фамилии имеют по несколько сотен или десятков *пон*. Так, например, фамилия Ким имеет в своем составе 623 *пон*, из них в настоящее время наиболее распространенными являются 72; фамилия Ли имеет 546 *пон*, наиболее распространенными считаются 80 *пон*; фамилия Пак имеет в своем составе 381 *пон*, из них наиболее распространенными являются 31. Оттопонимическое имя не входило и не входит в состав официального имени, но до сих пор каждый кореец знает свое *пон*. Лица, имевшие одно оттопонимическое имя, или другими словами имеющие одну "родину предков", составляли экзогамную группу, браки между членами которой были запрещены. Эта традиция сохраняется и в наши дни. Продолжает она бытовать и среди корейцев России и стран СНГ.

19. *Генеалогические таблицы* — "генеалогические книги" (*чокпо*). Введение генеалогических книг (таблиц) включалось в обязанность главе большой семьи. В книге рассказы-

валось о происхождении рода; туда заносились имена всех нарождавшихся членов семьи. Книга содержала записи о заслугах, отличиях, подвигах замечательных родичей. Указывались даты смерти, посмертные имена и почетные титулы.

20. Фрагмент из отчета Н.И. Конрада (рукопись, 1915, I; СПбФРАН. Ф.148. Оп.1. Д.80. Л.28 об.).

21. *Тэджосон* — родоначальник, основатель рода, досл.: "великий предок". Имя тэджонсона, его заслуги, и его ближайшее потомство было важнейшей частью генеалогических таблиц.

22. *Кеибоккунг* — имеется в виду Кёнбоккун ("Дворец излучающего счастья") — бывший главный дворец корейского вана в Сеуле, расположенный в северо-западной части города. Построен в 1294-1306 гг. для торжественных приемов и церемоний. Замкнутый стенами с площадью около 2,5 кв.км ансамбль дворца Кёнбоккун состоял из комплекса парадных зданий-залов, из разнообразных павильонов: жилых и хозяйственных построек. Важное место было отведено в нем садам, искусственным водоемам, садово-парковым сооружениям. В 1592 г. во время японского нашествия, в ходе Имджинской войны дворец Кёнбоккун почти весь сгорел. Только в 60-х гг. XIX в. полностью отреставрирован. В начале XX в. японская администрация снесла часть зданий. Во время войны 1950-1953 гг. сгорели Южные ворота дворца. Сегодня ансамбль Кёнбоккун — историко-культурная, заповедная зона Сеула.

23. *...эпоха последней династии* — имеется в виду династия Ли (1392-1910).

24. *Силла* — корейское государство (57 г. до н.э. — 918 г.) периода раннего средневековья, сформировавшееся в юго-восточной части Корейского полуострова. В истории Силла можно выделить два крупных периода: Силла — эпохи Трех государств (Когурё, Пэкче и Силла) — (57 г. до н.э. — 669 г.) и эпоху Объединенного Силла (668-918 гг.).

25. *Кайдзё* — японское произношение для одного из исторических названий Сеула — Хансон.

26. *Фамилии янбанских родов все имеют китайское происхождение.* — вряд ли можно полностью согласиться с этим утверждением. Действительно, уже с периода раннего средневековья под влиянием древнекитайской культуры и, в первую очередь, под влиянием древнекитайской письменности, корейские фамилии получили иероглифические эквиваленты. Однако, первоначально, в основе корейских фамилий, лежали исконно-корейские слова, к которым по созвучию, по семантике, а иногда и произвольно, подбирались иероглифические знаки. Так, например, две наиболее древние и до сих пор наиболее распространенные фамилии Ким и Пак, упоминаемые в древнекорейских мифах и зафиксированные в сочинении Ким Бусика "Самгук саги" (XII в.) обозначают, соответственно, не "золото" и "тыква", как это следует из значения иероглифических знаков, а восходят к древнекорейским словам и понятиям. Фамильный знак Ким может быть этимологизирован из древнекорейских слов кым, ком, кам, гам, гым, обозначавших старейшину рода, вождя или жреца. Фамильный знак Пак этимологизируется из исконно-корейского понятия палк ("светлый", "ясный").

27. *... очень многие роды ведут свое происхождение из Китая* — в данном контексте автор употребляет слово "род" в значении "фамилия". Традиция "возводить" происхождение своих фамилий к Китаю или к китайцам, бытовавшая среди некоторых янбанов, была связана с культурно-идеологическим влиянием Китая. Письменные источники (китайские и корейские) не дают оснований для утверждений о большом значении китайской иммиграции в жизни древней и средневековой Кореи.

28. *... с середины Силла называть себя китайскими именами* — согласно китайским династийным хроникам (например, "Бэйши", "Наньши", "Таншу"), а также корейским летописям "Самгук саги" (XII в.) и "Самгук юса" (XIII в.) первые фамилии (наследственные имена) у представителей древнекорейской аристократии начинают появляться в период Трех государств (I в. до н.э. — VII в. н.э.) - Когурё, Пэкче и Силла. Происхождение и этимология этих первых фамилий, как правило, возводятся к мифологическому времени. Первоначальный фамильный фонд был невелик и охватывал только несколько аристократических родов (семейств), и сформировался он, очевидно, в IV-VI вв. н.э.

29. *Сен-у* — имеется в виду корейская фамилия Сону.

30. *Кыйдзя* — речь идет о *Киджа* (кит. *Цзи-цзы* или *Ци-цзы*). *Киджа* — культурный герой корейской мифологии, "основатель" династии в древнекорейском государстве Чосон. Согласно исторической легенде Киджа — был подданным последнего правителя китайской династии Инь - Чжоу Синя (по традиционной хронологии — 1154 - 1112 до н.э.). Попал к нему в немилость и был заточен в тюрьму. Когда династия Инь пала, правитель новой династии Чжоу - У-ван (по традиционной хронологии 1122-1115 гг. до н.э.) освободил Киджа и пригласил к себе на службу. Однако Киджа отказался служить победителю и ушел на Восток, где и "основал" свою династию в Чосон (1122 г. до н.э.). Многие современные корейские историки считают версию о приходе Киджа в Корею несостоятельной. Образ "просвещенного" и "добродетельного" правителя был канонизирован китайской и корейской конфуцианской историографией значительно позднее, первоначально он служил идеологическим оправданием переселения групп древних китайцев на территории Корейского полуострова.

31. *Кван* — плетеная из тонкого конского волоса шляпа черного цвета по форме, напоминающая тиару. Ношение такой шляпы было привилегией инбанов.

32. *Чонджигван* — повседневный мужской головной убор, деталь костюма конфуцианского ученого.

33. *Лян* (лан) — денежная единица.

34. ... закон "о равенстве четырех сословий", изданный в 1895 г. — см. комм. 1.

35. *Тэонгун* — имеется в виду *Тэвонгун* (тэвонгун — титул, дававшийся отцу правящего вана, принцу-регенту), отец Коджон-вана (1864-1907). Тэвонгун был реальным правителем Кореи в течение нескольких лет (1864-1873). Вошел в историю под своим титулом. Личное имя — Ли Хын.

36. *Китайский правитель Юй* — один из трех совершенномудрых правителей древнего Китая (Яо, Шунь, Юй), возведенных конфуцианской традицией. Юй — мифический основатель древнекитайской династии Ся (по традиционной хронологии: 2033-1563 гг. до н.э.). Юй — божество и культурный герой; он избавил китайскую землю от потоков, спустив воды в русла самых больших рек; разделил Китай на девять областей. Небом Юй был дан "Великий план" устройства мира.

37. *Государь Тан* — имеется в виду *Тангун* — мифический прародитель корейцев, основатель Кореи, родившийся от брака женщины медведицы и сына Небесного правителя. Тангун "основал" в 2333 г. до н.э. государство Чосон. Согласно корейской летописи "Самгук юга" (XIII в.), в которой сохранилась запись о Тангуне, время деяний Тангуна совпадает со временем китайского мифологического Яо. В сопряженности деятельности Тангуна с эпохой Яо, а его "наследника" с эпохой Юя, несомненно прослеживается стремление корейских средневековых ученых утвердить мысль о древности корейской истории, о ее синхронности с древнекитайской. Подобная идея была выражением этнического самосознания корейцев.

38. *Иньский сановник Кыйдзя* — см. комм. 30.

39. *Тумундон* — название квартала, может быть этимологизировано по-разному: "квартал, где проживают находящиеся под стражей", "квартал, где проживают затворники", «квартал "врат несчастья"».

40. *Сондо* — одно из названий Кэрёна (современный Кэсон) — столицы Кореи в период правления династии Корё (918-1392).

41. *"Татария"* — имеется в виду Центральная Азия, Южная Сибирь.

42. ... *гипотеза о татарском происхождении пэкчон* — имеется в виду гипотеза о связи пэкчон с народами, проживавшими в Центральной Азии, возможно говоривших на языках алтайской семьи.

43. ... *скотобойный промысел, бывший всегда у восточных народов (китайцев и японцев) наиболее неприятным и низким делом* — подобное отношение прежде всего связано с буддизмом, широко распространенным у народов Восточной Азии с периода раннего средневековья. Один из основных постулатов буддизма — запрещение убийства всего живого.

44. *Эта — эта, этта* — названия париев в Японии.

45. *Турумаги* — *турумаги*. Вид верхней одежды корейцев, типа халата. Согласно письменным источникам в XVI–XVII вв. ношение турумаги было привилегией знати. Однако, начиная с XVIII в. турумаги получил широкое распространение как один из видов верхней одежды почти всех слоев общества и всех возрастов. Халат турумаги имел узкие рукава, его шили без подкладки. зимой подбивали ватой. Были праздничные и повседневные турумаги.

46. *Волосные плетеные шляпы* — ношение таких шляп было привилегией взрослых женатых мужчин. Шляпы делались из конского волоса, свиной щетины или из тонких пластинок расщепленного бамбука. По форме она напоминала цилиндр с широкими твердыми, круглыми полями и с высокой тульей; на голове такая шляпа держалась с помощью завязок. Обычно шляпы окрашивались в черный цвет. Основная функция шляпы — сохранять традиционную прическу мужчин — собранные в пучок на макушке длинные волосы.

47. *Мандын* — имеется в виду *мангон* — головная повязка, сплетенная из конского волоса, которая надевалась на лоб и частично на волосы для поддержания мужской прически. Завязывалась на затылке с помощью тесемок. Непременная часть мужского головного убора, поверх которого надевалась шляпа. Иногда мангон носили без шляпы.

48. *Тондын* — имеется в виду *тхангон* — вид головного убора, по форме напоминающий фригийский колпак, сплетенный из конского волоса, обязательно окрашенного в черный цвет. Тхангон надевался поверх мангона. Ношение тхангона было привилегией чиновничества.

49. *...будущая роженица во время беременности переходит в дом своих родителей и там ждет наступления момента разрешения...* — Возможно, этот обычай был пережитком черт матриликального брака, бытовавшего у древних корейцев в первых веках нашей эры. Согласно свидетельствам китайской летописи "Саньгоцжи" (III в. н.э.) у народа когурё, молодые супруги после свадьбы жили в доме родителей молодой. Только, когда рождался сын и подрастал, зять мог вместе с женой и сыном вернуться в свой дом.

50. *"Три божества"* — имеются в виду *Самсин* — Три духа, покровительствующие деторождению, охраняющие детей.

51. *...особенная соломенная веревка...* — имеется в виду сплетенная из рисовой соломы, которая корейцами и японцами почитается как оберег от злых духов, от зла и порчи. Полагали, что такая веревка преграждает путь темным и злым силам.

52. *Кайдзю* — японское название корейского города Кэсон.

53. *Этот период закрытия дома для посторонних продолжается всего 21 день* — число 21 является сакральным в представлениях корейцев. Оно упоминается в корейском мифе о Тангуне — основателе Кореи. Именно 21 день (или "трижды по семь") "потребовалось" в этом мифе Небесному правителю, чтобы превратить медведицу в "первую на Земле женщину".

54. *На сотый день после рождения младенца устраивается общее торжество* — сотый и сто первый день в корейской мифологии и обрядности почитаются как сакральные.

55. Вставка из отчета Конрада (рукопись, 1915, I; СПбФАРАН. Ф.148. Оп.1. Д.80. Л.31).

56. В отчете Н.И. Конрада (рукопись, 1915, I) далее читаем: "Брачные обряды, принятые у корейцев отличаются большой сложностью и разнообразием. Мне удалось всего лишь раз присутствовать на корейской свадьбе, которая мною и описана. Согласно этому наблюдению и объяснению самих корейцев в брачных обрядах наиболее важные следующие моменты..." (СПбФАРАН. Ф.148. Оп.1. Д.80. Л.31). Далее Н.И. Конрада выделяет 12 основных этапов в свадебной обрядности корейцев (Там же. Л.31–32).

57. *Луньюевская заповедь...* — имеется в виду одно из высказываний древнекитайского философа Конфуция, записанное в его сочинении "Лунь юй" ("Беседы и высказывания").

58. *Синие и красные шарфы* — основные цвета свадебной церемонии.

59. *...реку Ялу...* — кит. название реки, протекающей на севере Кореи и являющейся границей между Китаем и Кореей; кор. — *Амноккан*.

60. Иногда в состав приданого невесты входили две юбки: одна красного цвета, а другая — синего.

61. ... "обряд подношения гуся" — чонансик. — В отчете Н.И. Конрада (рукопись, 1915, I) читаем: «"Обряд подношения гуся". Этот крайне интересный обряд с трудом поддается толкованию. Гусь составляет обязательную принадлежность свадебной церемонии — живого гуся или деревянного несут в процессии жениха и по прибытию в дом невесты его передают женщине, предназначенной специально для этого. Кстати все это сопровождается различными церемониями. Мною записано несколько объяснений этого обязательного участия гуся, но они очень мало говорят. Только совершенно случайно мне удалось записать одну очень длинную корейскую сказку, которая по моему мнению превосходно может быть применена, как толкование этого обычая. Сказка эта записана мною по-корейски и переведена на русский язык». (СПбФАРАН. Ф.148. Оп.1. Д.80. Л. 31об.-32). К сожалению, запись этой сказки и ее перевод пока в архиве Н.И. Конрада не найдены. Тем большую научную ценность имеет эта запись автора.

62 *Затем гуся угощают макаронами* — Очевидно имеется в виду угощение гуся лапшой.

63 В отчете Н.И. Конрада (рукопись, 1915, I) далее читаем: «Эта часть носит особое наименование самбэйе ("обряд трех поклонений"). Между прочим вышеобозначенная сказка может отлично объяснить данный обряд» (СПбФАРАН. Ф.148. Оп.1. Л.80. Л. 32).

64 ... *по ветке сосны и бамбука...* — Использование веток сосны и бамбука в свадебной обрядности связано с древними представлениями корейцев о том, что сосна — символ долголетия, долгой, счастливой супружеской жизни; а бамбук — символизирует благопожелание стойкости перед жизненными невзгодами.

65 В отчете Н.И. Конрада (рукопись, 1915, I) далее читаем: "Тогда же происходит и [...] обмен чарок с вином" (СПбФАРАН. Ф.148. Оп.1. Д.80. Л.32).

66 ... *жених целую неделю живет в доме молодой* ... — В этом обычае можно проследить пережитки матрилокального брака у корейцев. См. комментарий 49.

67. *Это носит характер экзамена...* — Наши полевые этнографические материалы, собранные среди корейцев, проживающих в Узбекистане, Казахстане и России, свидетельствуют о том, что в крестьянских семьях жених подвергался порою хотя и шуточным, но болезненным физическим испытаниям (например, подвешивание за палец на ноге). Считалось, что "освободить", "выкупить" жениха должна была мать невесты. Возможно, подобные испытания — пережиток древних инициаций, считавшихся когда-то необходимыми при переходе юноши в категорию взрослого мужчины.

68. Имеется в виду книга: Bishop I. Korea and Her Neighbours. T.1-2. L.,1905.

69. Имеется в виду работа: Ross R.J. The Gods of Korea // China Record. 1898. T. 19. N2.

70. Имеется в виду работа: Описание Кореи (с картой) // Сост. в канц. Министра финансов. Ч.1-3. СПб., 1900.

71 ... *"доска семи звезд Большой Медведицы..."* — кор. *чхильсонънхан*. Созвездие, известное в европейской астрономии под названием Большой Медведицы, у народов Восточной Азии с глубокой древности носило название созвездие Семи звезд (кор. *Чильсонъ*). В астральных культах корейцев это созвездие было "связано" и с рождением детей и их здоровьем (что подтверждается и нашими полевыми материалами, собранными среди корейцев Узбекистана, Казахстана и России). Созвездие Семи звезд было неотрывно от оппозиции жизнь-смерть. Очевидно, с этим связано использование доски с семью отверстиями (а иногда и без них), носившей название "доска семи звезд Большой Медведицы", в погребальном обряде.

72. *Существует интересное верование...* — В отчете Н.И. Конрада (рукопись, 1915, I) в этом месте запись: "[...] мною записано интересное верование" (СПбФАРАН. Ф.148. Оп.1. Д.80. Л.32об.).

73. В отчете Н.И. Конрада (рукопись, 1915, I) далее записано: "Порядок шестий строго определен и мною описан" (СПбФАРАН. Ф.148. Оп.1. Д.80. Л.33). Более подробное описание обряда в архиве Н.И. Конрада пока не обнаружено.

74 В отчете Н.И. Конрада (рукопись, 1915, I) имеется следующая запись: "Погребение, сопровождаемое различными церемониями, также мною описано" (СПбФАРАН. Ф.148.

Оп.1. Д.80. Л.33). Более подробное описание обряда в архиве Н.И. Конрада пока не обнаружено.

75 В отчете Н.И. Конрада (рукопись, 1915, I) далее имеется запись: "Эти три последних обряда [имеются в виду обряды *чхондже* (п.10), *самудже* (п.11), *синьманьдже* (п.12) — Прим. Р.Д] описаны мною отдельно, о них будет упомянуто в особом отделе об обрядах" (СПбФАРАН. Ф.148. Оп.1. Д.80. Л.33).

76 Вставка из отчета Н.И. Конрада (рукопись, 1915, I) (СПбФАРАН. Ф.148. Оп.1. Д.80. Л.33).

77 Вставка из отчета Н.И. Конрада (рукопись, 1915, I) (СПбФАРАН. Ф.148. Оп.1. Д.80. Л.29).

78 *Сика* — японское название рисовой водки. Корейцы называют рисовую водку — *сур* (*суль*), *сури*.

79 В отчете Н.И. Конрада (рукопись, 1915, I) далее читаем: "Мною собрано значительное количество таких надписей, которые в настоящее время классифицируются" (СПбФАРАН. Ф.148. Оп.1. Д.80. Л.34об.). Коллекция этих надписей в архиве Н.И. Конрада пока не обнаружена.

80 Перечень названий 21-го храма в архиве Н.И. Конрада пока не найден.

81 *Конфуций* — древнекитайский философ, живший в VI-V вв. до н.э., кит. *Кун-цзы*, кор. *Конфджи*.

82 *Четверо совершенных* — имеются ввиду четыре главных ученика Конфуция, жившие в V в. до н.э. Здесь их имена даны в корейской транскрипции.

83 *Десятеро философов* — имеются ввиду ученики Конфуция. Здесь их имена записаны в корейской транскрипции.

84 *Шестеро мудрых* — имеются ввиду прославленные конфуцианские ученые XII в. Здесь их имена записаны в корейской транскрипции.

85 *Ученые Чжоусской династии* . . . — Династия Чжоу правила в Китае с 1122 по 247 г. до н.э.

86 *Ученые Танской династии*... — Династия Тан правила в Китае с 618 по 907 г. н.э.

87 *Ученые Ханьской династии*... — Династия Хань правила в Китае с 206 г. до н.э. по 220 г. н.э.

88 *Ученые Сунской династии*... — Династия Сун правила в Китае с 960 г. по 1279 г. н.э.

89 *Ученые Цзиньской династии*... — Династия Цзинь правила в Китае с 265 г. по 420 г. н.э.

90 *Ученые Юаньской династии*... — Династия Юань правила в Китае с 1280 г. по 1367 г. н.э.

91 Составленный Н.И. Конрадом перечень 27 конфуцианских храмов-совонов пока в его архиве не обнаружен.

92 *Югё-конфуцианство*. Конфуцианство проникло в Корею еще в период Трех государств (I в. до н.э. - VII в. н. э.). Государственной идеологией стало с утверждением династии Ли (1392-1910); с периода средневековья играло огромную роль в жизни страны и народа.

93 *Путьё-буддизм* — Буддизм в форме махаяны проник в Корею в IV-VI вв. в период Трех государств. В период правления династии Корё (918-1892) был государственной религией. После утверждения династии Ли стал подвергаться гонениям. К концу XII - началу XX в. сохранился на народном уровне.

94 *Сонгё-корейский даосизм*. Даосизм проник в Корею в период Трех государств. В Корее даосизм оказал влияние на народные верования корейцев. На религиозно-реформаторские движения в стране заметного влияния не оказал.

95 *Ёсугё-христианство*. С идеями христианства корейцы впервые познакомились в конце XVI в. Однако более широкое распространение христианства в Корее началось с XVIII в. В определенные периоды истории христиане в Корее подвергались гонениям и преследованиям. В начале XX в. наиболее значительными в Корее были католическая и протестантская церкви.

96 *Чхондогё* — “Религия Небесного Пути”, развивалась из учения Тонхактань. В XIX в. в Корее формируются новые религии с эклектическими верованиями. Наиболее значительной из них стала религия Тонхак (“Восточное учение”), основанная в 1859 г. Чхве Джеу (1824–1866). Она возникла как противовес “западному учению” — христианству; в учении Тонхак прослеживаются постулаты конфуцианства, буддизма и даосизма и даже христианства, содержит призыв к созданию “Царства Божьего на земле”. Учение Тонхак стало идеологией корейской крестьянской войны 1893–1394 гг.: выражением этнического сознания корейцев, боровшихся в конце XIX – начале XX вв. против иностранной интервенции и японского колониального господства. Начиная с 1904 г. в религии Тонхак появляются новые секты. Самой значительной и влиятельной стала секта Чхондогё (“Учение (Религия) Небесного пути”).

97 *Сичхонгё* — *Сичхонгё* (Кульτ служения Небу”) — одна из сект Тонхак. Образовалась в 1904 г.

98 *Тангунгё*. *Тэджонгё* — *Тангунгё* (досл. “Религия Тангуна). *Тэджонгё* (досл. “Религия великого предка”). Два наименования новой корейской религии, сформировавшейся в Корее в 1904 г., в период борьбы корейского народа против японской экспансии. В основе учения Тангунгё — обожествление Тангуна, мифического основателя Кореи (2333 г. до н.э.), признание его мессией, призванной спасти нацию и страну. Тангунгё и возникшее в ее лоне Тэджонгё (1905 г.) стали знаменем национально-освободительной борьбы корейского народа. Сторонники этой религии преследовались японскими колониальными властями. Многие адепты этой религии в начале XX в. вынуждены были иммигрировать в Маньчжурию. После 1945 г. в Южной Корее произошло возрождение религии.

99 Имеется в виду Па Чоль, один из основателей Тангунгё (1904 г.), а затем Тэджонгё (1903 г.) в Сеуле. Па Чоль преследовался японской полицией, был арестован и умер в тюрьме от пыток.

100 *Конже* — имеется в виду *Кван-у* (*Квану*, *Кван-ван*, *Куань-ван*). В корейской пантеоне Бог войны, Гений войны. Особенно стал почитаться корейцами с конца XVI в., когда в его честь было построено более 10 храмов. Восходит к образу Гуань Юя в китайской народной мифологии.

101 *Гуань-у* — имеется в виду *Гуань Юй* (*Гуань-ди*, *Гуань Юнь-чан*) — в китайской народной мифологии и в позднем официальном культе Бог войны, а также Бог богатства. В основе образа реальный Гуань Юй (160–219), прославившийся бесстрашием и преданностью государю. В качестве Бога войны стал почитаться в Китае в период правления династии Мин, с конца XVI в.

102 *Хидзёси* — Толёмои Хидзёси — военный правитель Японии в XVI в. Организатор похода японцев на Корею (1592–1598 гг.).

103 *При походе Хидзёси на Корею...* — имеется в виду Имджинская война 1592–1593 гг., в ходе которой японские войска вторглись на территорию Кореи. После многолетней упорной борьбы корейцы выдворили японцев и одержали победу.

104 *Пугундань* — в корейской мифологии Дух-покровитель (какого-нибудь ведомства); известен также Пугунтэгам — один из шаманских верховных духов

105 *Идзукэми* — какое божество имеется в виду осталось невыясненным.

106 *Чхве Ён-чангёун* — (досл. “полководец Чхве Ён”). Чхве Ён — прославленный корейский военачальник второй половины XIV в. (правление династии Корё). В 60-х годах XIV в. возглавлял корейскую армию в борьбе против вторгнувшихся с севера отрядов “армии красноголовых”. На протяжении трех десятилетий (до конца 90-х годов XIV в.) возглавлял армию Корё, боролся за освобождение северных пределов страны.

107 *Лао-цзы* — древнекитайский философ, живший в VI-V вв. до н.э., по традиции считается автором сочинения “Дао дэ цзин”. Выраженное в этом труде учение о дао, получило название даосизм.

108 *Игры эти следующие...* — Далее Н.И. Конрад приводит наименования различных видов игр, традиционно обозначаемых в нашей литературе как “настольные игры”. Корейцы же в эти игры играют как на низеньких столиках, но чаще прямо на полу, а иногда и на земле. Среди названных игр: *тхуджон* — корейские карты; *кольхэ* — корейские играль-

ные кости; *хватху* — корейские карты (48 штук в колоде); *чхокса* — другое наименование игры в ют; *маджон* — досл. "лошадиное поле", вид азартной игры; *тиходжон* — род корейских карт; *синхэ* — карты со стихами; *ссаньник* — досл. "два поля", "две земли", игра с передвижением фишек, число ходов определяется подбрасыванием кубика. Обычно играют две женщины.

109 "*Хоуханьцзу*" ("История Поздней Ханьской династии") — китайская династийная хроника, написанная в V в. историком Фань Е. Описание древнекорейских народов содержится в 115-м цзюане.

110 ... *эпохи Пэкче*... — Пэкче — раннефеодальное государство (18 г. до н.э. - 660 г. н.э.) периода Трех государств (I в. до н.э. - VII в. н.э.).

111 "*Бэйши*" ("История Северных династий") — китайская династийная хроника, написанная в эпоху правления династии Тан (618-907) ученым Ли Яньпоу. Описание Трех корейских государств (Когурё, Пэкче и Силла) содержится в 94-м цзюане.

112 ... *со времен Трех царств* — имеется в виду эпоха Трех государств в Корее; время существования — Когурё, Пэкче и Силла (I в. до н.э. - VII в. н.э.).

113 Здесь и далее автор дает даты по григорианскому календарю, который официально был принят в Корее в 1898 г. Однако в это время наряду с европейским летоисчислением в Корее продолжал широко использоваться традиционный лунно-солнечный календарь.

114 *В этом году*... — имеется в виду 1915 г.

115 *Образцы новогодних поздравлений — письменных и устных — мною собраны, все они сплошь корейского происхождения* — В архиве Н.И. Конрада эта коллекция пока не обнаружена.

116 Эти угощения мною записаны — В архиве Н.И. Конрада эти записи пока не найдены.

117 *Игра хисо*... — имеется в виду игра польттвиги.

118 *Синхваньсин* — Дух-хранитель деревьев.

119 См. комм. 14.

120 ... *в минувшем октябре-ноябре-декабре*... — речь идет о последних трех месяцах 1914 г.

121. Явление это связывается с одним историческим преданием, которое мною записано — в архиве Н.И. Конрада запись этого предания пока не обнаружена.

122. Вопрос о публикации этого раздела Н.И. Конрада вызвал дискуссии среди членов редколлегии и составителей. Это связано, прежде всего с тем, что наряду с собранными автором рациональными данными по народной медицине корейцев на конец XIX - начала XX вв. (например, использование растений, продуктов органического и неорганического мира, психотерапевтических приемов), в этот раздел им включены и приемы, связанные с шаманской магией, шаманскими обрядами, а также и рецепты, отражающие крайние предрассудки и суеверия. Однако, надо признать, что подобная полная подборка по народной, традиционной медицине корейцев появляется в нашей научной литературе впервые. Данное обстоятельство и было определяющим при решении вопроса о публикации этого раздела. Думается, что данные материалы станут ценным источником для последующих исследований.

123. "*Нихонсёки*" — сокращенно "*Нихонги*" (Анналы истории Японии), одна из древнейших японских летописей, созданная в 720 г.

124. Судзин-тэнно правил страной согласно традиционной хронологии с 96 по 29 г. до н.э.

125. Данный эпизод в "*Нихонсёки*" записан под 48-ым годом правления Судзин-тэнно (50 г. до н.э.).

126. *Эпоха Нара* — охватывает время с 700 по 794 г. Столицей Японии в этот период был город Нара.

127. *Эпоха Хэйан* — охватывает время с 794 по 1192 гг. Столицей Японии в этот период был город Хэйан (совр. Киото).

128. "*Манъёсю*" ("Собрание мириад листьев") — древнейшая (VIII в.) антология японской народной и авторской поэзии.

129. "Гэндзи - моногатари" ("Повесть о Гэндзи") — роман, созданный Мурасаки-сикибу (XI в.).

130. Цинь Шихуанди — китайский император (246-209 гг. до н.э.), основатель династии Цинь (246 г. - 207 г. до н.э.).

131. Династия Мин правила в Китае с 1368г. по 1644 г.

132. *Каки* (яп.) — хурма восточная, персимон; кор. — *си*.

133. Дворец Кёнбоккун в Сеуле. Подробнее см. комм. 22.

134. *Муо* — 55-ый день шестидесятиричного цикла. Подробнее см. комм. 12.

135. *Гэнкан* (яп.) — парадный вход (в дом), вестибюль, передняя; кор. — *хёнкван*.

136. *Фусан* (яп.) — корейский порт на юго-востоке Кореи — Пусан.

Синолог из Оптиной пустыни (новые материалы по истории Пекинской духовной миссии).

Личный архив М.Ф. Чигринского. Автограф.

Опубликовано: "Петербургское востоковедение". Вып.1. СПб., 1990. С.345-361.

1 Написанная в 1922 или 1923 г., статья была направлена Н.И. Конрадом в журнал "Новый Восток". 17 апреля 1923 г. возвращена ему с резолюцией члена редакции И.Н. Бороздина: «Статья не подходит для журнала "Новый Восток" ввиду ее слишком специального характера». В 1942 г. весь архив и библиотеку Н.И. Конрада вынесли из его разрушенной квартиры в Ленинграде сотрудницы ЛО ИВ АН СССР О.П. Петрова, А.Н. Болдырев и племянница Конрада А.И. Владимирская. Позднее по доверенности Н.И. Конрада архив хранила у себя О.П. Петрова. После войны, приехавший из Ташкента Н.И. Конрад забрал у О.П. Петровой весь архив, кроме папки со статьей об А.Н. Виноградове и хранившимися там документами. О.П. Петрова передала одну из машинописных копий статьи в архив ЛО ИВ АН СССР, другую — писательнице П.А. Павлович, рассказавшей широкому кругу читателей о поездке Н.И. Конрада в Оптину пустынь. В 1982 г. О.П. Петрова передала папку Н.И. Конрада М.Ф. Чигринскому, делавшему опись ее архива. Все публикации, связанные с материалами Н.И. Конрада об А.Н. Виноградове, сделаны с разрешения О.П. Петровой. Литературу о А.Н. Виноградове см.: Веселовский Н.И. История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846-1896. СПб., 1900; Кондаков С.Н. Юбилейный справочник Императорской Академии Художеств, 1764-1914. СПб., 1914; Краткая история Русской Православной Миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея ее существования. Пекин, 1916; Павлович П.А. Оптина пустынь. Почему туда ездили великие?// Прометей. Т.12. М., 1980.; Чигринский М.Ф. О рукописном наследии А.Н. Виноградова из Оптиной пустыни// 17-ая научная конференция "Общество и государство в Китае". Ч.3. М., 1986.

2 В папке Н.И. Конрада помимо статьи хранятся также некоторые документы самого А.Н. Виноградова, вероятно, переданные администрацией Оптинского музея ученому для написания данной работы: например, удостоверение Козельского уездного полицейского управления от 1904 г., подтверждающее авторство А.Н. Виноградова на его неизданный труд "История Библии на Востоке" (Т.2 в 5-ти кн. и 2-х ч.) и др.

3 Кандидатом юридических наук А.Н. Виноградов стал по окончании Ярославского Демидовского Юридического лица, где он учился с 1871 по 1874 гг. Это низшая ученая степень, не имеющая современного аналога. 4 мая 1876 г. за реферат "Краткие сведения о деревянных старинных храмах Весьегонского уезда и некоторых при них достопримечательностях, также курганах и насыпях по Весьегонскому уезду Тверской губернии" (СПб., 1877). А.Н. Виноградов избирается членом-сотрудником Русского Археологического общества с правом участия в его заседаниях. Звание почетного вольного общника Академии

художеств А.Н.Виноградов получил в 1889 г. за подаренную им часть коллекций, включавшую рисунки, таблицы, фотоальбом с видами Пекина. Это звание для русских и иностранных художников, а также лиц, имевших заслуги в области искусств, введенное в 1764 г., было отменено в 1893 г. 20 мая 1877 г. А.Н.Виноградов избирается за рукописный сборник русских и карельских песен Весъегонского у. Тверской губ. членом Географического общества (ИИМК. Ф.3. Д.109. Л.1-2; ИИА. Ф.120. Л.1; АГО Ф.2. Р.41 Д.6 Л.1).

4 А.Н. Виноградов после поездки в Пекин занимался русистикой. Им опубликованы: Опыт сравнительного описания и объяснения некоторых символических икон древнерусского искусства. СПб., 1877; "Родословное дерево" по памятникам христианской иконографии // Сборник археологического института. 1879. Кн.3; Сравнительное описание и краткое объяснение иконы приснодевы Богородицы "Неопалимыя Купины" // Известия ИРЛО. 1877. Т.9. Вып.1; Памятники деревянного церковного зодчества в епархиях: Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской XVII и XVIII вв. (с 36-ю таблицами чертежей). СПб., 1892; О церковных памятниках древнерусского зодчества в епархиях: Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской // Чтение в С.-Петербургском обществе архитекторов. СПб., 1891; Указатель к планам деревянных церквей и часовен, помещенный на "Синоптической таблице" № 1 и № 11. Спб., 1890; Палеографическое собрание кн. П.А. Путятина // ПОЛДП. 1878-1879. С.214-219; Напутственное слово иеромонаха Алексия, составленное и произнесенное в церкви Павла-Исповедника (Морского кадетского корпуса). СПб., 1895. К области синологии относится статья А.Н.Виноградова "Исторический очерк западных христианских миссий в Китае" (Православный собеседник. Казань. 1886. № 6. С.146-192; № 8. С. 397-409; № 9. С.43-64; № 10. С.189-206; № 12. С.421-439). Не издан уже упоминавшийся сборник "Русские и карельские песни, собранные с 1876 по 1879 гг. в некоторых местностях Весъегонского уезда Тверской губернии" (АГО. Р.41. Д.6. Л.1-94; МГОА. Ф.454. Д.4. Л.27). Не вышли в свет написанные в Оптиной пустыни "Слово в день великомученика Пафнутия Боровского" и "Слово в день великомученика Георгия" (обе — 1889 г. ОР РГБ. Опт.151-21. Л.1-9; Опт. 151-20. Л.1-11).

5 А.Н. Виноградов родился в 1847 г. в с. Чамерово Весъегонского у. Тверской губ. в семье потомственного священника и миссионера. С 1859 по 1867 г. учился в Петербургской духовной семинарии. По окончании учебы оставлен при семинарии в качестве помощника наставника преподавателя живописи и рисования. В том же году поступил в Духовную академию, но фактически не учился и перешел в Московскую Духовную семинарию преподавателем живописи и рисования. Здесь поступил в упоминавшийся Демидовский юридический лицей. С апреля 1875 г. по 1876 г. исполнял обязанности аудитора — низшего военно-юридического чиновника-наблюдателя за производством судебных дел при 5-м Гренадерском Киевском полку, а отсюда выводится за штат в ранге титулярного советника (ИИА. Ф.196. Оп.166. Д.2270. Л.6). Будучи аудитором, А.Н. Виноградов занимался церковной археологией и иконографией (ИИАСпб.). Ф.119. Оп.1. Д.2. Л.18).

6 А.Н. Виноградов заинтересовался в 1879-1880 гг. Востоком. Он считал, что "восточные воззрения... важны в уразумении культурного развития русского народа в связи с восточными" (ОР РГБ. Ф.120 Д.478. Л.8-9). В 1880 г. А.Н. Виноградов "добровольно принял на себя крест монашества и решил ехать в Китай" (ИИА. Ф.796. Оп.168. Д.2235 Л.6). 24 апреля Синод назначил его на иеромонашескую должность. 19 мая он принимает постриг и имя Алексий, 21-го — рукоположен в сан иеродиакона, 24-го — в сан иеромонаха. 18 августа получает золотой наперсный крест миссионера. 11 ноября 1881 г. прибывает в Пекин и принимает китайское имя А Шэн-Фуин (отец Алексий). К 1884 г. он настолько овладел иероглификой, что участвовал под руководством начальника миссии Амфилохия в переводе православных церковно-служебных книг на китайский язык. За это 5 апреля 1884 г. ему было преподано благословение Синода, который также определял "его быть после начальника старшим членом миссии" (Там же. Оп.176. Д.3547. Л.5). Занимался А.Н. Виноградов и исследованием судеб евреев в Китае — одним из сюжетов "Истории Библии на Востоке" (Там же. Ф.796. Оп.166. Д.2259. Л.1).

7 Первое пребывание А.Н. Виноградова в Пекине закончилось в 1887 г. Второе продолжалось с 1896 по 1898 г. (ИИА. Ф.796. Оп.176. Д.3547. Л.27; 55-56; Оп.168. Д.2235. Л.2).

8 Первый раз А.Н. Виноградов пережил тяжелое психическое расстройство в 1878-1879 гг., но быстро оправился (ОР РНБ. Ф.120. Д.478. Л.6-9). Вторично заболевание обострилось в Пекине в 1887 г. И на этот раз А.Н. Виноградов выздоровел после отправки в Россию, где специально лечился (ЦГИА. Ф.796. Оп.168. Д.2235. Л.2). Третий рецидив болезни произошел в 1897 г. в Пекине, и А.Н. Виноградов от него не оправился. Он был отправлен в Оптину пустынь по решению Синода от 1 мая 1898 г., подтвержденному высочайшим указом от 24 января 1900 г. (Там же. Оп.176. Д.3547. Л.27; 55-56). Будучи в Оптиной пустыни, А.Н. Виноградов полюбил молодую девушку и обращался в Калужскую консисторию, а затем в Синод с просьбами о расстрижении и стал подписываться "Александр Николаевич Виноградов, бывший иеромонах Алексий". 8 июня 1904 г. Синод отказал А.Н. Виноградову и поручил епископу Калужскому и Борисоглебскому Вениамину "наблюдать за иеромонахом А.Н. Виноградовым, не стесняя по мере возможности его литературных и художественных занятий" (ГАТО. Ф.32. Оп.2 Д.1565. Л.140-142; ЦГИА. Ф.796. Оп.2235. Л.8-24).

9 А.Н. Виноградов хотел перебраться в Боровской монастырь, просил разрешения держать экзамен на ученую степень, рассчитывал получить звание Академии или преподавателя семинарии. Ничего не получилось (ГАТО. Ф.903. Оп.1. Д.277. Л.151, 159; ЦГИА. Ф.789. Оп.11. Д.159. Л.80, 98-99).

10 В 1926 г. фонд А.Н. Виноградова в связи с ликвидацией Оптинского музея передан в ОР РГБ. Он до сих пор не описан и недоступен.

11 За "Историю Библии на Востоке" (Г.1) и "Древнепалеохристианские династии царей в Ассирии-Вавилонии и Персии, Китае, у евреев и магометан" А.Н. Виноградов по представлению обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева удостоивается 7 августа 1893 г. царской благодарности, а 25 ноября награждается наперсным Кабинетским крестом Его Величества. 10 декабря 1895 г. ученого монаха приняла в Гатчине императрица Александра Федоровна, поблагодарившая А.Н. Виноградова за его труды (ЦГИА. Ф.796. Оп.176. Д.3547. Л.11-13).

12 А.Н. Виноградов сообщал после первой поездки в Китай о переводе им китайских трактатов по архитектуре и 400 технических терминов на русский язык (ЦГИА. Ф.789. Оп.162. Д.159. Л.6-7). Н.И. Конрад об этом не упоминает.

Очерки истории китайской литературы

АРАН. Ф.1675. Оп.1 Д.10. Л.1-31 об. Автограф.

1 Проблема авторства в отношении "Цзо чжуань", считающегося комментарием к "Чуньцю", остается нерешенной. Наряду с традиционной фигурой Цзо Чюмина, называют обычно У Ци (?-381 до н.э.) и Лю Синя (52-23 до н.э.).

2 Юй — в древнекитайской мифологии — герой, победитель потопа; в официальной генеалогии — основатель династии Ся.

3 Сопоставление чжоуской иерархии с западноевропейской феодальной характерно для синологии XIX века и представляет собой не более, чем весьма условную аналогию.

4 "*Колодезная система*" или *система "колодезных полей"* — идеальная модель землепользования, получившая свое название по сходству основной схемы с формой иероглифа цзин — "колодец".

5 Произведения, собранные в "Ши цзине", по современным представлениям, созданы в XI-VI вв. до н.э.; сохранились также названия шести произведений, входивших, по преданию, в этот свод, но позднее утраченных.

6 По-видимому, имеется в виду прежде всего "Фудоки" — "Записи о землях и нравах" (713-733).

7 Первый японский собственно литературный памятник письменной поэзии "Манъёсю" ("Собрание мириад листьев") создан во второй половине VIII в.

8 Проблема культурных контактов между Индией и Китаем в древности периодически поднимается исследователями, но данных для окончательных выводов явно недостаточно.

9 Гипотезу о влиянии индийских идейных течений на умозрения Лао-цзы и Чжуан-цзы нельзя считать доказанной; известный концептуальный параллелизм буддийского и

даосского учений может объясняться различными причинами, в том числе ретроспективным "вчитыванием" буддизма в даосизм.

10 Идентификация названного источника затруднительна.

11 Идентификация затруднительна.

12 "*Кодзики*" — один из первых японских письменных памятников (712).

13 "*Такатори моногатари*" — повесть неизвестного автора IX в.

14 Сведения, сообщаемые Сыма Цянем (145–86 до н.э.), позволяют считать годами жизни Конфуция 551–479 до н.э.

15 По современным представлениям, текст "Лунь юя" оформился в начале периода Чжаньго (475–221 до н.э.), однако современный вид приобрел при династии Хань (206 до н.э.–220 н.э.).

16 "*Лао-цзы*" или "*Дао дэ цзин*" — произведение, по современным представлениям, сложившееся в эпоху Чжаньго.

17 *Хуан-ху* — "смутное, хаотичное", определение изначальной реальности по "Лао-цзы", п. 25.

18 В сочинении "Мэн-цзы" говорится о том, что "народ — самое главное в государстве" (Пл. 7, ч. 2). Поэтому народ может активно участвовать в утверждении на троне того или иного правителя, но, разумеется, речь не может идти о "революции" в смысле изменения формы правления.

19 Литературоведы КНР относят, как правило, "Лунь юй" и "Мэн-цзы" к жанру юй-лу, который наряду с другими (*луньвэнь*) составляет так называемую "полемическую литературу" (*шюливэнь*).

20 Японские названия жанров, соответствующие китайским юй-лу ("изречения") и вышеупомянутому янь-син-ду ("биографии").

21 *Ху-ин* — букв. "перекликаться, аукаться"; как стилистический прием — возврат в конце произведения к теме, намеченной в его первых строках.

22 По современным представлениям, последние главы "Сюнь-цзы" (6 или 7 из 32) принадлежат его ученикам, остальной текст считается сочинением самого Сюнь-цзы, жившего ок. 298–238 до н.э. или ок. 313–238 до н.э.

23 Годы жизни Мо-цзы — ок. 468–376 до н.э., местом рождения большинство исследователей называют царство (княжество) Лу.

24 Оба сочинения дошли до нас в составе "Ли цзи" ("Записи о нормах"), сведенных в единый текст в конце I в. до н.э., вопрос об авторстве и времени создания "Да сюэ" и "Чжун юня" дискутируются.

25 *Уэй цзи жань* — "недеяние и самопроизвольность" — по "Лао-цзы", образ "действия", присущий дао.

26 Сопоставление взглядов, выраженных в "Чжуан-цзы", с идеями Ф. Ницше (1844–1900) предпринималось неоднократно различными авторами: неясно, кто имеется в виду в данном случае.

27 В настоящее время большинство исследователей считают, что "Ле-цзы" был создан в IV в.; возможно, Чжан Чжанем.

28 *Цзун-хэн чжи шу* — дипломатическое искусство (заключение союзов "по вертикали" и "по горизонтали").

29 Н.И. Конраду принадлежит полный перевод "Сунь-цзы" на русский язык, см.: Конрад Н.И. "Сунь-цзы". Трактат о военном искусстве. М., 1950.

Об издании "Исповедей" Аврелия Августина, Ж.-Ж. Руссо и Л.Н. Толстого

АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.40. Л.18–24. Авторизованная машинопись.

! О замысле издания в серии "Литературные памятники" "Трех "Исповедей" и попытках его реализации см. письма 96, 98, 100, 101, 109, 111, 114, 115, а также письма 12–15 Н.И. Конрада и А. Тойнби в настоящем издании.

В архиве Конрада, среди подготовительных материалов к публикуемому предисловию, сохранился своеобразный план-размышление к нему (АРАП. Ф.1675. Оп.1. Д.40. Л.1-2; публикуется с сохранением авторской строфики и пунктуации):

"Исповедь"

1. Другое название (одно из названий) "автобиографии"? Вид мемуаров?

2. Вид "романа"? — Изображение своей жизни как некоего "повествования"?

т.е. не просто документальное произведение, *излагающее* "жизненные документы", а *творческое* произведение, для которого есть "*сюжет*", а не *материал* (т.е. материал, превращенный в сюжет или ставший им независимо даже от намерения пишущего... А может быть даже остается: задумана жизнь (своя, общая со своей) как сюжет с *самого начала*. Иначе говоря — литературное произведение?

с самого начала по воле автора?

ставшая им независимо от воли автора?

Недаром же "Исповедь" Августина называется "первым в истории литературы автобиографическим романом"...

3. Все говорит в пользу второго понимания.

По крайней мере — относительно *трех* великих Исповедей... множество остальных — могут оставить *за пределами* нашего внимания, когда перед *нами эти три*:

ни равных им, ни подобных им — НЕТ!

хотя каждая из них — не равна и не похожа одна

на другую, хотя все они равно — "исповеди".

Каждая из них уникальна...

но уникальна в *одном* ряду

и *рядом* с ними — до

и после них — нет ничего

(до сих пор не было ничего и пока еще нет ничего!)

Почему?

Да потому что в этих трех исповедях —

а) не все — автобиографично

б) не все автобиографическое — подлинно

в) не все подлинное в автобиографическом — подано документально,

иначе говоря, у авторов существует *сюжет*,

а не материал

Да потому, что у авторов существует — и он "дан" с самого начала! — *творческий замысел*:

он назван в заголовке:

"Исповедь".

4. А "Исповедь" — не простой рассказ о себе,

хотя бы и частично вымышленный,

не просто литературное произведение на тему о себе

вроде японских "ватаэуси-сё-сэнзу".

Это — рассказ о себе

как самораскрытие

и в этом — *главное*

и самораскрытие, сопровождаемое *самооценкой*,

но всегда одинаковой по занимаемому месту в произведении,

но всегда *открытой, явственно присутствующей*

и, в сущности, являющейся самым важным

элементом целого —

и как *человеческого документа*,

и как *литературного произведения*

ей — самооценке — подчинено все...

Что?! Августин — нерелигиозен?

Это — Августин — "блаженный" для греко-кафолической церкви?

"святой" для римско-католической церкви?

нерелигиозен тот, кто написал "De Civitate Dei"?!

Не буду говорить *вообще*: я говорю лишь одно:

Августин — даже он! даже этот *епископ*, этот создатель
мира, понятого им как "град Божий", —

в своей "*Исповеди*" — нерелигиозен.

Почему? Да потому что он ее *написал*.

Да не только написал, но еще и сделал ее

известной другим ("опубликовал"); во всяком случае
предназначал для того, чтобы оно стало известно...

Или — хотя бы! — *допускал* это.

А что такое религиозность? Подлинная, истинная?

А скажи-ка, прекрасная девица, ходишь ли ты в церковь Божию?

Нет, милый! Церковь-то от меня далеко... Да и Бог то не...

2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.20. С.19.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Из истории науки

Я не мыслю своей работы без участия коммунистов

(Выступление Н.И. Конрада на собрании партзвена Японо-корейского кабинета ИВАН СССР.)

Опубликовано в газете "За социалистическую науку" (орган Бюро коллектива ВКП(б), Президиума и месткома АН СССР) 10 сентября 1933 г. Редакция газеты сообщала: "Ниже мы печатаем выступление профессора Конрада..., как оно изложено в стенгазете "Штурм" (стенгазета ИВАН СССР — *Сост.*). Согласно первому "Положению об ИВАН СССР" от 2 октября 1930 г. в его структуру входило девять кабинетов, в том числе Японо-корейский. Первым его заведующим в 1931-1938 гг. был Н.И.Конрад.

1. *Чистка* — проводимая РКП(б)-ВКП(б) массовая акция по проверке и обсуждению деятельности коммунистов и выявлению среди них не соответствующих определенным внутрипартийным требованиям. XVIII съездом ВКП(б) (март 1939 г.) чистки были отменены.

2. Выдвигая в феврале 1934 г. кандидатуру Н.И. Конрада к избранию в члены-корреспонденты АН СССР, руководство ИВАН СССР подчеркивало: "Необходимо отметить, что Н.И. Конрад всегда являлся и является представителем той передовой части научных работников, которая вступила сразу после Октября на путь активной помощи, содействия и служения задачам революции. Искреннее и решительное методологическое перевооружение и те значительные успехи в применении диалектического метода, о которых свидетельствуют его последние научно-исследовательские работы стали возможны и осуществимы, главным образом, в силу того, что Н.И. Конрад никогда не отрывался от передовой общественности и всегда сочетал свою теоретическую работу с непосредственным участием в социалистическом строительстве" (Архивный фонд ИВ РАН).

3. Кориян (Кореян) Лаврентий Константинович (1904-1937) — историк, японовед и кореевед. В 1931-1935 гг. аспирант. Работал с Н.И. Конрадом в ЛВИ. Репрессирован, погиб.

4. Инициатором создания при японо-корейском кабинете ИВ АН СССР Ленинградской ассоциации востоковедения и ее председателем был Н.И. Конрад. Мероприятия по организации ассоциации проводились с декабря 1932 г. Устав ее утвержден в начале 1933 г.

Докладная записка директору ИВ АН СССР академику А. Н. Самойловичу о работе Японо-корейского кабинета Института.

СНБФАРАН. Ф.152. Оп.1а. Д.476. Л.88-89 об. Машинопись.

1. *Самойлович Александр Николаевич* (1880-1938) — тюрколог. Директор ИВ АН СССР апреле 1934 - августе 1937 г. Академик (1929). Репрессирован. Погиб.

2. О работе кабинета в 30-е годы см.: Горегляд В.И. Японоведение; Елиссев Д.Д., Никитина М.И. Корееведение // Азиатский музей - Ленинградское отделение ИВ АН СССР М., 1972. С.186-201; 202-208.

3. *Революция Мэйдзи* — буржуазная революция 1867-1868 гг. в Японии, в результате которой была свергнута власть сёгунов Токугава, восстановлена власть императоров, начались ограниченные антифеодальные социально-экономические преобразования.

4. *Эпоха Токугава* (1603-1867) — время нахождения у власти представителей дома Токугава — третьей династии военно-феодалных правителей Японии.

5. *Жуков Дмитрий Петрович* (1904-1937) — японовед, историк и филолог. Научный сотрудник ИВ АН СССР в 1935-1937 гг. Репрессирован, расстрелян.

Гольдберг Давид Исаакович (1908-1982) — японовед, историк. Исследователь рабочего движения в Японии и внешней политики Японии. Сотрудник ИВ АН СССР в 1935-1950 гг.

6. *Радуль-Затуловский Яков Борисович* (1903-1987) — сотрудник ИВ АН СССР в 1936-1950 гг.

Будучи уже доктором исторических наук Я.Б. Радуль-Затуловский признавался: "Самым фактом изучения этого предмета — истории японской философии — я обязан моему учителю Николаю Иосифовичу Конраду... Я не только пользовался его знаниями, его советами в аудитории, но имел счастье один на один, сидя рядом с ним, штудировать философские трактаты [...] Если я что-нибудь сделал в этой области, то только потому, что он дал мне доступ к этому, он дал направление" (1947г.). (Архивный фонд Московской группы ИВ АН СССР.)

7. *Глускина Анна Евгеньевна* (1904-1994) — японист-литературовед, ученица и близкий друг Н.И. Конрада. Он неизменно высоко оценивал А.Е. Глускину как ученого, подчеркивая, что в избранной ею области японоведения она "приобрела эрудицию..., с которой мало кто из нас может спорить". В 1945 г., отмечая полное владение Глускиной японскими первоисточниками, научность в постановках проблем и плодотворность делаемых ею выводов, Конрад заявил: "Японоведение в СССР уже многим обязано А.Е. Глускиной и вправе ожидать от нее самых плодотворных и ценных работ и в будущем". (Архивный фонд ИВ РАН.) За заслуги в области японоведения А.Е. Глускина в 1990 г. была награждена японским орденом "Благотатного Сокровища".

8. О Н.А. Певском см. комментарии к следующему публикуемому документу.

9. В 1947 г. Московская группа ИВ АН СССР провела анализ современного состояния советского востоковедения, результаты, а также свои соображения изложила в докладной записке в ОЛЯ АН СССР "Некоторые соображения о перспективах развития востоковедения в АН СССР". Текст документа был составлен Т.И. Райновым и подписан Н.И. Конрадом, как председателем МГ. Несомненно, что роль Конрада в работе над этим документом не сводилась лишь к этому. В подготовительном материале к записке, автором которого предположительно является сам Конрад, отмечалось: "В советское время попытка организовать корсееведение была сделана и в Ленинграде и в Москве: в 1936 г. Ленинградском Университете и в Московском Институте Востоковедения было введено преподавание корейского языка, причем слушателями были приехавшие с Советского Д[альнего] Востока

корейцы. Корейским языком с научной точки зрения стал усиленно заниматься японист А.А. Холодович. Такое положение сулило быстрое развитие корееведения, тем более, что и в ИВ в числе сотрудников появились корееведы (историки — Кореян, Швер, экономист — Складов). Однако, после 1937-38 гг. вся эта работа прекратилась и единственным научным следом ее остался первый опыт научной грамматики корейского языка Холодовича и его же опыт новой научно-обоснованной русской транскрипции". (Архивный фонд МГ ИВ АН СССР.)

Записка о работах Н.А. Невского

АРАН. Ф.407. Оп.6. Д.144. Л.9-10. Машинопись.

1. Дата "15.11.37 г." на документе проставлена неустановленным лицом. Невский Николай Александрович (1892-1937) после возвращения на родину из Японии в 1929 г. работал вместе с Н.И. Конрадом в ЛГУ и ЛВИ в 1929-1937 гг. и в ИВ АН СССР в 1930-37 гг. 3 октября 1937 г. Н.А. Невский был арестован, 24 ноября 1937 г. расстрелян.

Причина и точная дата составления Н.И. Конрадом публикуемой записки не установлены.

2. См., Невский Н.А. Тангутская филология. Кн. 1-2 М., 1960. За эту работу Н.А. Невскому в 1962 г. была посмертно присуждена Ленинская премия.

3. Работы Н.А. Невского по говорам острова Мянко пока не опубликованы.

4. См.: труды Н.А. Невского: Материалы по говорам языка цоу. М.-Л., 1935; Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу. М., 1981.

5. Фрезер Джеймс Джордж (1854-1941) — английский этнограф и историк религии. Систематизировал огромный материал по первобытным верованиям и установил их связи с религиями классовых обществ.

К тридцатилетию советского востоковедения

Архивный фонд МГ ИВ АН СССР

1. Статья открывает машинописный "Сборник работ членов Московской группы Института Востоковедения Академии наук СССР", подготовленный к тридцатилетию Октябрьской революции. Написана не ранее 24 июля 1947 г.

2. Бартольд Василий Владимирович (1869-1930) — исследователь истории и культуры народов Центральной Азии и Среднего Востока. Академик (1913).

3. Шербатской Федор Ипполитович (1866-1942) — индолог и буддолог. Академик (1918).

4. Владимирцов Борис Яковлевич (1884-1931) — монголовед, историк и филолог. Академик (1929).

5. Крачковский Игнатий Юлианович (1883-1951) — арабист, литературовед, историк востоковедения. Академик (1921).

6. Розен Виктор Романович (1849-1908) — востоковед-арабист. Академик (1890). Учитель В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского и др.

7. Петров Дмитрий Константинович (1872-1925) — исследователь романских литератур, в первую очередь испанской. Чл.-корр. РАН (1922).

8. Корин Федор Евгеньевич (1843-1915) — филолог. Академик (1900). Преподавал персидскую филологию в Лазаревском институте восточных языков в Москве. Историко-литературные работы Ф.Е. Корина основаны на материалах славянских, западных и восточных литератур.

9. Жирмунский Виктор Максимович (1891-1971) — филолог, основоположник советской германистики. Академик (1966). Исследователь проблем германского тюркского и общего языкознания, истории и теории мировых литератур, литературных эпосов тюркских народов СССР.

10. Виноградов Павел Гаврилович (1854-1925) — историк-медиевист. Академик (1914).

11. *Шишмарев Владимир Федорович* (1875-1957) — филолог-романист. Академик (1946).

12. *Щерба Лев Владимирович* (1880-1944) — языковед. Автор трудов по проблемам общего языкознания, романистики, славистики, лексикографии. Академик (1943).

13. *Марр Николай Яковлевич* (1885 н.с.-1934) — кавказовед, археолог. Академик (1912). Создатель т.н. нового учения о языке, доминировавшего в науке до 1950 г. как единственно методологически верное — марксистское. После критики учения Н.Я. Марра И.В. Сталиным, во время дискуссии по вопросам языкознания (май-июль 1950 г.), признано несостоятельным. Н.И. Конрад находил положительные моменты в учении Н.Я. Марра о языке, но "марризм" не был. После появления статьи Сталина и начала кампании по развенчиванию Н.Я. Марра, Конрад, в частности, опубликовал статью "Задачи изучения китайского языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию (В порядке постановки вопроса) // КС ИВ АН СССР. 1952. №2.

14. *Потебня Александр Афанасьевич* (1835-1891) — филолог-диалектолог славист. Чл.-корр. (1877).

15. *Фортунатов Филипп Федорович* (1848-1914) — основоположник московской лингвистической школы. Академик (1898). Автор трудов по индоевропеистике, славистике, санскриту, ведийской филологии, общему языкознанию.

16. *Бодуэн де Куртене Иван Александрович* (1848-1914) — языковед. Один из крупнейших представителей общего и славянского историко-сравнительного языкознания. Родоначальник Казанской, позже Петербургской лингвистической школы. Чл.-корр. (1887). В 1918-1929 гг. жил и работал в Варшаве.

17. *Кацнельсон Соломон Давидович* (1907-1985) — языковед-германист. Ученик Н.Я. Марра. Один из первых разработчиков теории стадийного развития языков.

18. *Струве Василий Васильевич* (1889-1965) — египтолог. Академик (1935). Директор ИВ АН СССР в декабре 1940 г. - июле 1950 г.

19. В работе "К критике политической экономии" К. Маркс отметил: "В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической и общественной формации" (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое изд. Т.13. С.7). Это дало повод ряду историков выдвинуть тезис о существовании в странах Азии особой социально-экономической формации. В 20-30 гг. в СССР прошли специальные диспуты по теме Азиатского способа производства, ставшие по сути дискуссиями о характере древневосточного общества. Группа ученых во главе с В.В. Струве определяла древневосточное общество как рабовладельческое. Впоследствии В.В. Струве писал: "Термин и концепция "азиатский способ производства" десятилетиями отвергались советскими историками, и кличка "азиатчик" являлась позорящим словом, несмотря на то, что никто иной, как К. Маркс, ввел в историческую науку эту концепцию" (Струве В.В. Понятие "азиатский способ производства" // ИАА. 1965. №1. С.104). Проблема остается дискуссионной и сегодня.

20. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

21. *Юаньская империя* — империя, основанная монгольским ханом Хубилаем на территории Китая после его завоевания монголами в XIII в. Хубилай дал монгольской династии чингизидов китайское название Да Юань. Династия Юань правила в 1280-1368 гг.

22. *Симабарское восстание* — крупнейшее крестьянское антифеодальное восстание в Японии на полуострове Симабара и острове Амакуса в 1637-1638 гг. Имело и религиозную окраску, идеологическим было связано с христианством.

23. Крестьянская война в Северном Китае 1628-1645 гг. под руководством Ли Цзычэня, Чжан Синь чжуна и др., в результате которой была свергнута императорская династия Мин.

24. Вероятнее всего — крестьянское антифеодальное восстание в Анатолии 1595-1603 гг. под руководством Кара Языджи и Дели Хасана.

25. *Жданов Андрей Александрович* (1896-1948) — секретарь ЦК ВКП(б) в 1934-1948 гг. См.: Жданов А.А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александра "История западноевропейской философии" 24 июня 1947 г. М., 1947.

**По поводу оценки монографии Я.Б. Радуль-Затуловского
"Конфуцианство и его распространение в Японии" (М.-Л., 1947) в
журнале "Вопросы философии"**

АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.102. Л.11-34. Машинопись.

1. См.: Александров А.П. Исследование по истории восточной философии // Вопросы философии. 1948. № 2. С.322-328. Александров А.П. — предположительно псевдоним философа-академика (1946) Георгия Федоровича Александрова (1908-1961).

Отзывы предшествует обращение Н.И. Конрада (тогда зав. сектором японской филологии ИВ АН СССР по совместительству с должностью председателя МГ ИВ АН СССР) к ученому секретарю того же сектора д.филол.н. Е.М. Колнячки: "На днях я прочитал рецензию А.П. Александрова на труд нашего общего коллеги по сектору японской филологии ИВ — Я.Б. Радуль-Затуловского "Конфуцианство и его распространение в Японии"... Ввиду того, что содержание этой рецензии может вызвать неправильное, как мне кажется, представление об этой работе ... я считаю своим долгом, как руководителя сектора, довести до сведения сотрудников сектора свою оценку этой рецензии. Не будучи в состоянии лично приехать в Ленинград, вынужден сделать это письмом через Вас, как секретаря кабинета. Прошу Вас на ближайшем заседании кабинета ознакомить с моим настоящим письмом Ваших коллег, само же письмо приложить к протоколу заседания" (Там же. Л.11).

В феврале 1947 г. на сессии по изучению Японии, организованной Отделением истории и философии и литературы и языка по докладу Я.Б.Радуль-Затуловского "Основные вопросы истории японской философии" Конрад отметил: "Область, в которой работает Яков Борисович — история японской философии — нам менее известна, т.е. почти неизвестна. Ведь нужно сказать, что до сих пор — и это большой дефект нашего японоведения — этим всем занимается один Яков Борисович — больше никого нет. А трудности, которые ему приходится преодолевать, совершенно исключительные [...] Поэтому заслуживает всяческого уважения та энергия, с которой Яков Борисович борется с этими трудностями и пытается работать по настоящему над историей философии. А трудности заключаются в том, что он у нас один. У нас нет ни наших традиций в изучении японской философии, нет среды, в которой он мог бы проверить свои взгляды и соображения" (Архивный фонд МГ ИВ АН СССР.)

2. *Конфуций (Кунцзы)* (552/551-479 гг. до н.э.) — древнекитайский философ. Создатель философской системы — конфуцианства, одного из трех главных этико-религиозных учений (наряду с даосизмом и буддизмом) в странах Дальнего Востока

3. *Го Можо* (1892-1978) — китайский историк и литератор. Президент АН КНР с 1949 г

4. *Хоу Вайлу* (1903-1987) — один из первых в Китае историков общественной мысли-марксистов.

5. Название упомянутой статьи Оикёсино (?-?) "Учение Конфуция". // "Го е" (Восток) Токио 1923. Т.XXXVI, 9.

6. *Период Чуньцю* — период 722-481 гг. до н.э. (эпоха Чжоу, Китай.). Название по хронике "Чуньцю" ("Весны и осени"), охватывающей тот же период.

7. "*И цзин*" — "Книга перемен" (более точно — "Канон перемен"), другое название "Чжоу и" — один из древнейших китайских письменных памятников, наиболее авторитетное произведение китайской канонической и философской литературы. Оказало огромное влияние на развитие философии, религии, естественных наук, литературы и искусства в древнем Китае.

8. Речь идет о книге Пинагава Тацую "Очерки философии конфуцианства" (Токио, 1908).

9. "*Си цы чжуань*" или "*Да чжуань*" ("*Традиция афоризмов*" или "*Великая традиция*") — одна из составных частей "И цзина" — комментарии к нему, приписываемые Конфуцию.

10. Ито Дзинсай (1627-1705) — японский философ-материалист, интерпретатор конфуцианства.

11. Ито Тогай (1654-1736) — японский исследователь китайской философии, текстолог, комментатор.

12. Хаттори Унокити (1867-1939) — японский исследователь философских учений Китая и Японии.

13. Уно Тэцуро (Тецудзин) (1875-1974) — японский китаевед-историк и филолог, популяризатор конфуцианства.

14. Я.Б. Радуль-Затуловский анализирует и цитирует работу Хаттори Унокити "Конфуций и Конфуцианство", в которой есть глава "Идеализм и учение Конфуция". Автором книги "Учение Конфуция является Уно Тэцуро.

15. "Манифест о воспитании" — "Императорский рескрипт о народном воспитании" 1890 г. Провозглашал идеи национализма и верноподданнического монархизма в качестве основных моральных ценностей японского общества. Рескрипт был объявлен основой системы народного образования и социального порядка в стране.

16. Петров Аполлон Александрович (1907-1949) — историк общественной мысли и философии Китая. Сотрудник ИВ АН СССР в 1938-1941 гг.

17. Алексеев Василий Михайлович (1881-1951) — выдающийся русский советский китаевед. Академик (1929).

18. Щуцкий Юлиан Константинович (1897-1938) — синолог, сотрудник АМ ИВ АН СССР с 1920 по 1937 гг. О себе писал: "В китаеведной области основной интерес — это философия Китая и японских эпитомов конфуцианства" (Щуцкий Ю. Жизнеописание // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 4. С. 148.). Репрессирован и расстрелян.

19. Иванов Алексей Иванович (1878-1937) — китаевед-историк, исследователь китайской юридической литературы. Репрессирован, погиб.

20. Васильев Василий Павлович (1818-1900) — русский китаевед, академик (1886). Имеется в виду его книга "Религии Востока: Конфуцианство. Буддизм и даосизм" (СПб., 1873).

21. Думан Лазарь Исаевич (1907-1979) — китаевед-историк. Сотрудник ИВ АН СССР в 1932-1935 и 1952-1979 гг. Имеется в виду его работа "Очерки истории Китая: С древнейших времен до эпохи империализма" (Китай. М.-Л., 1940. С. 107-169).

22. Этот отзыв обсуждался в Японо-корейском секторе ИВ АН СССР 27 декабря 1948 г. Участники обсуждения полностью разделили точку зрения Н.И. Конрада и постановили: "Японский сектор считает совершенно необходимым: 1) Посвятить заседание исторической секции ознакомлению с рецензией чл.-корр. АН СССР Н.И. Конрада; 2) Просить разрешение профессора Конрада направить данную рецензию в Управление пропаганды при ЦК [ВКП(б)]" (Архив РАН. Ф1675. Оп. 1. Д. 102. Л. 43).

Заступничество Конрада Радуль-Затуловскому не помогло. Резолюция совместного совещания Ученого совета Тихоокеанского института АН СССР и Бюро МГ ИВ АН СССР по вопросу "О борьбе с буржуазным космополитизмом в востоковедной науке", принятая 6 апреля 1949 г. утверждала, что работы Я.Б. Радуль-Затуловского могут служить примером раболепия перед иностранщиной, преклонением перед буржуазной лженаукой (Архивный фонд МГИВ АН СССР). Н.И. Конрад на этом совещании не выступал; данных о его присутствии на нем нет.

Набранный, но так и не вышедший в свет седьмой выпуск "Советского востоковедения" (1950) открывался статьей зам. директора ИВ АН СССР А.К. Боровкова "Очередные задачи советского востоковедения". В ней говорилось, что работы Я.Б. Радуль-Затуловского отличает "объективизм и забвение ленинско-сталинского принципа партийности науки" (Архивный фонд ИВ РАН).

При реорганизации ИВ АН СССР в 1950 г. Я.Б. Радуль-Затуловский был отчислен из числа сотрудников. Как сообщалось руководством института в ЦК ВКП(б), "институт не может использовать тов. Радуля по его специальности — философия Японии, т.к. считает его работы в этой области методологически порочными и не отвечающими уровню советской науки" (Там же).

Отзыв на монографию Д.И. Гольдберга "Рабочее движение в Японии до 1917 года"

АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.102. Л.56-60 об. Авторизованная машинопись.

Публикуется первоначальный вариант отзыва. При последующей работе над ним Н.И. Конрад произвел стилистическую правку и незначительную корректировку некоторых формулировок. Вместе с тем он снял всю вступительную часть, имеющую значение для характеристики его взглядов тех лет на задачи советского востоковедения.

1. В 1938 г. Д.И. Гольдберг защитил кандидатскую диссертацию под таким же названием.

2. 27 ноября 1948 г. Президиум АН СССР принял постановление "Об улучшении работы в области востоковедения", в котором отмечалось, что "за последние годы страна не получила крупных научных трудов по актуальным вопросам истории, экономики и культуры стран современного Востока [...] Институт востоковедения не занимался изучением современных проблем Востока, ограничиваясь историческими и, главным образом, филолого-лингвистическими исследованиями, относящимися к Древнему и Средневековому Востоку. Подготовка научных кадров в Институте Востоковедения велась в отрыве от изучения проблем Современного Востока". Постановлением определялись задачи ИВ АН СССР — "научная разработка вопросов истории, литературы, экономики, права и языка стран Востока, в первую очередь, современного Зарубежного Востока"; "изучение вопросов колониальной политики империалистических держав и национально-освободительного движения колониальных и зависимых стран" и др., что подразумевало коренную реорганизацию научной работы института (Архивный фонд МГ ИВ АН СССР).

3. "Советское востоковедение" — неперiodическое издание ИВ АН СССР. С 1940 по 1949 гг. вышло шесть выпусков.

4. *Накаэ Тёмин* (1847-1901) — японский философ-материалист, известный деятель "Движения за свободу и народные права" ("Дзин минкэн уидо").

5. *Яно Рюкей (Яно Фунио)* (1850?-1931) — японский писатель.

6. "*Хэймин уидо*" — "Движение простого народа" — демократическое, антимилитаристское движение в Японии начала XX века. По своему составу — движение интеллигенции, ведущей критику японского милитаризма и шовинизма с пацифистских позиций. Активную роль в движении играли социалисты.

7. *Котoku Дэндзиро* (1871-1911) — один из первых в Японии пропагандистов марксизма и основатель социалистического движения. Переводил на японский работы К. Маркса и Ф. Энгельса. Казнен по обвинению в подготовке заговора против императора.

8. *Сакаи Юсабура (Юдзабура)* (1859-1900) — политический обозреватель, публицист. Один из основателей и крупнейших деятелей социалистического движения в Японии. Участвовал в создании первого в Японии социалистического кружка "Общество изучения социальных проблем" (1890). В качестве неофициального представителя японских социалистов присутствовал на Брюссельском конгрессе Второго Интернационала (1892). Печатал в журнале "Кокумин-но томо" — "Друг народа" — корреспонденции из Парижа об общественных, в том числе рабочем, движениях Европы. Покончил жизнь самоубийством.

Имеются в виду статьи: "Движение социалистической партии" ("Друг народа". № 88 13 июля 1890), "О собрании социалистической партии 1-го Мая" (Там же. № 89 23 июля 1890).

9. *Исикава Такубоку* (1885-1912) — японский поэт, писатель, критик. Интересовался идеями анархизма и ролью рабочего класса в социалистической революции.

10. После исправления абзац читается так: "Ведь вынуждены же были даже такие далекие от нас по своим умонастроениям историки литературы, как Фудзимуро и Хасамацу, в своей работе по истории литературы в период Мэйдзи, отметить влияние на Фтабатэя не только Цубоути, но и в первую очередь Белинского" (АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.102. Л.60).

Фудзимуро Ицуру (1875-1953) — японский историк литературы и критик.

Фтабатэй Симэй (настоящее имя Хасэгава Тацуносукэ) (1864-1909) — японский писатель, зачинатель японского критического реализма и современного литературного языка. Первый в Японии переводчик русской художественной литературы.

Цубоути Сее (1859-1935) — японский писатель и литературовед, один из основоположников японской литературы нового времени.

11. Имеется в виду издание "Мэйдзи бунка дзэнсю" ("Культура Японии периода Мэйдзи"). Т.1-24. Токио, 1927-1930.

12. Рассматриваемая работа Д.И. Гольдберга не опубликована. Однако замечания Н.И. Конрада учтены Д.И. Гольдбергом в книге "Очерк истории рабочего и социалистического движения в Японии (1868-1908 гг.)". М., 1976.

О состоянии и задачах восточной филологии

АРАН. Ф.456. Оп.1. Д.326. Л.84-88. Авторизованная машинопись.

1. К теме современного состояния филологических востоковедных исследований Н.И. Конрад в 40-60 годы неоднократно обращался в выступлениях и записках. В частности, он подчеркивал: "Дело в том, что, когда мы говорим о востоковедной филологии, то тут происходит некоторая неопределенность самого термина, как такового. Недавно по поводу нашей статьи говорилось о том, что есть главное значение и есть вторые значения. [...] о языкознании и языковедении. Да, у нас это тоже является содержанием филологии, как таковой. И те, кто является специалистом по "Молодой гвардии" Фадеева, — они тоже являются кандидатами филологических наук, хотя причем тут филология, я никак понять не могу. Поэтому надо различать языкознание и языковедение. Есть филология в узком значении слова и есть филология в главном значении слова. И если мы возьмем всех наших сотрудников и рассортируем их по разным институтам, — экономистов отдадим в Институт экономики, историков — в Институт истории, то нам все-таки некуда будет девать востоковедов. Они останутся. Это узкое значение филологии в востоковедении особенно ощущается, гораздо больше ощущается, чем во всякой другой гуманитарной науке. Я понимаю, что и в русистике это ощущается, но недаром востоковедение развивалось в первую очередь, и люди нашего поколения соединяют в себе и то, и другое, и третье, потому что те источники, те материалы, над которыми мы работали, на которых мы научились работать и потом сами работали, они требовали знания и того, и другого, и третьего.

Так вот, восточная филология является особенно важным участком, и мне кажется, может быть, не так уж справедлив упрек в большом отставании наших филологов востоковедов. Если бы была предана гласности хотя бы половина тех работ, которые я считаю ценными, в разных областях, то картина была бы совершенно другой. Но вот в этой специальной области положение совершенно нетерпимое. Действительно, совершенно невозможное положение с работой по востоковедным памятникам, источникам, рукописям" (Из выступления на заседании Бюро ОЛЯ АН СССР 5 октября 1954 г. по вопросу о состоянии и задачах филологической работы в области востоковедения АРАН. Ф.456. Оп.1 Д.407. Л.66-67).

2. *Петрова Ольга Петровна* (1900-1993) — японовед-филолог, сотрудник ИВ — ИО ИВ АН СССР в 1942-1966 гг.

В октябре 1953 г. Н.И. Конрад отмечал: "В последние годы О.П. Петрова ведет работу по разбору и описанию корейского фонда Института Востоковедения. Уже то, что ею до сих пор сделано, открыто, каким ценнейшим и до сих пор неизвестным нам научным сокровищем для изучения Кореи, истории корейского языка, обладает сектор Восточных рукописей Института Востоковедения. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с уже напечатанной в 1953 г. статьей О.П. Петровой "Памятники корейской литературы в рукописных фондах ИВ АН СССР" (КС ИВ АН СССР. IX. М., 1953. С.77-81 — *Сост.*), а также с остающимся пока не напечатанным, составленным ею "Обзором корейского фонда Сектора Восточных Рукописей" (З.п.л.) (Петрова О.П. Собрание корейских письменных памятников ИВ АН СССР // УЗ ИВ АН СССР. Т.9. М.-Л., 1954. С.3-29 — *Сост.*). Значение этого фонда хорошо оценено и самим корейцами: известно, что

корейцы-аспиранты, работающие у нас и занимающиеся историей литературы и языком своей родины, неизменно обращаются к этому фонду Сектора Восточных рукописей; значение же работы О.П. Петровой увеличивается с тем, что эти аспиранты-корейцы всегда пользуются ее консультацией. Для выполнения работ по разбору и описанию корейского фонда необходимо знание корейского языка. О.П. Петрова, будучи японисткой, тем не менее, энергично взялась за изучение корейского языка и быстро достигла в этом изучении таких успехов, которые позволили ей с этой работой вполне успешно справиться. Этот факт в деятельности О.П. Петровой заслуживает самой высокой оценки, как пример отдачи своих сил на выполнение правильно понятой и научной и государственной задачи" (Архивный фонд ИВ РАН.)

3. Панкратов Борис Иванович (1892-1979) — монголовед, тибетолог, китаевед, тангутовед. Сотрудник ИВ—ЛЮ ИВ АН СССР в 1935-1942; 1948-1979 гг. Обширность и разносторонность знаний Б.И. Панкратова были отмечены Н.И. Конрадом при обсуждении 15 января 1957 г. Ученым советом ИВ АН СССР вопроса о присвоении Б.И. Панкратову звания профессора: "Борис Иванович Панкратов, может быть, не всем присутствующим известен, а, может быть, многим и совсем неизвестен. Поэтому мне хотелось бы, выступая здесь сейчас по поводу предоставления ему звания профессора, сказать, что это предоставление, с моей точки зрения, является совершенно правильным и, в сущности, даже немножко запоздавшим. Правда, у Б.И. Панкратова нет совершенно ученых степеней. Есть ведь такие, как вы знаете, ученые, которые в свое время, когда они были молоды, в связи с обстановкой, которая особенно тогда не требовала этого, которые не проделали того необходимого, что проделывают сейчас обычно, а потом наступила эпоха, когда казалось — "ну что мне, с седой головой выступать с защитой диссертации" и т.д. И вот по этим причинам, очень понятным мне, в частности, Б.И. Панкратов не имеет ученых степеней официальных. Для тех, которые его знают — он эти степени имеет, т.е. не степени имеет, а просто он крупный ученый. Я хочу рассказать о двух случаях, которые были на моих глазах, которые выявили всю его научную наблюдательность и огромнейшие знания. Обсуждалась работа академика Козина по переводу знаменитого памятника монгольской истории — это — "Сокровенное сказание" так называемое. Этот памятник был С.А. Козиным разрабатан, переведен и происходило обсуждение этого памятника. Вы представляете, конечно, что монгольская версия этого "Сказания" и китайские версии представляет собой документы исключительного исторического значения и, кроме того, для оценки этого памятника, для его просто понимания требуются огромные и разносторонние знания монгольского языка того времени, когда писалось "Сокровенное сказание". Всякий, кто читал этот памятник, помнит, что он буквально наполнен реалиями и — что самое трудное — нужно иметь знания. И единственным человеком во время обсуждения, который выступал на совершенно равных научных началах с академиком Козиным при обсуждении его работы, был Б.И. Панкратов. А он был очень скромный. Никто даже не знал, что он читал это "Сокровенное сказание". Но оказалось, что только он знает различные варианты "Сокровенного сказания", что он произвел для себя филологический анализ и что у С.А. Козина был совершенно равноправный научный оппонент при обсуждении этой его работы. Согласитесь, что быть равным научным оппонентом академика Козина — не так-то просто. Это первый случай. Второй случай. Борис Иванович вообще слывет среди всех нас человеком, к которому можно обращаться по вопросам связанным с очень многими языками. Если читаете тибетские слова, мы знаем, что стоит обратиться к Борису Ивановичу, и он все объяснит и расскажет. Если нужна помощь по монгольскому языку, — то же самое, по китайскому — то же. Плюс к этому Борис Иванович сейчас является одним — я не знаю, — может быть, даже единственным человеком, который осведомлен в тангутской письменности больше, чем кто-нибудь другой. Вы знаете, что путешественник Козлов привез к нам огромную библиотеку тангутских рукописей, которые представляют одни из самых ценнейших научных [фондов] рукописей нашего института. Это самый многочисленный фонд тангутских филологов, самый значительный по содержанию, самый ценный. Дело в том, что Козлов привез из [Хара-Хото] огромное количество фондов тангутских филологов, напечатанных в то время в Китае и, как полагается, все эти [...] были в китайских синих папках. Козлов это, чтобы записать как можно большее количество этих филологов в мешки, решил этими папками пожертвовать, считая, что они дают лишний груз, — важно было больше привезти филологов, а не папок. Он их содрал и бросил, а этими тангутскими филологами

загрузил мешки. Но один мешок оказался не совсем загруженным. Тогда он взял пачку некоторое количество папок и для баласа просунул их в этот мешок, и они, вместе с тангутскими филологами попали в Ленинград. В это время в Ленинграде была война Отечественная, и там, в силу создавшейся обстановки, было много людей, которые, если хотите, были более свободными, чем в другое время, и вот один из членов лаборатории по реставрации обратил внимание на папки. Ему показалось, что этот картон, из которого эти папки сделаны, — это есть спрессованная китайская бумага, т.е. какие-то тончайшие китайские листы изданий наложены друг на друга, спрессованы и получился картон, из которого сделаны папки. Эта библиотека относится по крайней мере к IX веку. Значит, тысяча лет прошла, и уже тогда спрессованные до степени картона листы превратились в окаменелость. Но химия всемогуща. Химия сделала свое дело: она расщепила эти папки. Они действительно оказались состоящими из целого ряда китайских листов каких-то китайских иероглифов. Следовательно, обнаружен был китайский документ X-IX века н.э. Какой — неизвестно. К кому обратиться? Конечно, к Борису Ивановичу Панкратову. Борис Иванович взял и буквально с листа сказал: "Это фактура одной из китайских экспортных фирм, которая торговала с Тангутским государством. Это фактура товаров, которые она тогда поставляла туда". Это тоже было открытие Бориса Ивановича — оно осталось при нем. Об этом открытии знает несколько человек — и я знаю. И вот я говорю: скажите, для того, чтобы эти случайно найденные листы взять и сказать сразу, что это документ китайской торговой фирмы, который устанавливает, какие товары куда возились из Китая в IX в., — для этого нужно знать очень хорошо не только китайские ключевые слова, но и гораздо больше. С этих пор Борис Иванович в моих глазах и в глазах многих других являлся ученым самой первой степени" (Архивный фонд ИВ РАН. Неправленная стенограмма).

4. Проблема развития тибетологии в СССР неизменно находилась в поле зрения Н.И. Конрада. В упоминавшейся докладной записке МГ ИВ АН СССР "Некоторые соображения о перспективах развития востоковедения в АН СССР" эта проблема упоминалась в ряду наиболее больных и важных. После кончины в 1960 г. Ю.Н. Рериха Н.И. Конрад внимательно следил за работой ИВ АН СССР над не завершенным Рерихом "Тибетско-русско-английским словарем с санскритскими параллелями" и по мере возможностей помогал этой работе.

5. Рудов Леонид Николаевич (1888-1941) — китаевед-филолог, изучал мертвые языки и не дешифрованные письменности киданей и чжурчженей в ИВ АН СССР. Знания и квалификацию переводчика с китайского Л.Н. Рудова высоко ценил академик В.М. Алексеев. Немногочисленные работы Л.Н. Рудова стали публиковаться лишь после его смерти. О нем см.: Леонид Николаевич Рудов // В.М. Алексеев Наука о Востоке М., 1982. С.97-100.

6. Болдырев Александр Николаевич (1909-1993) — филолог иранист. Сотрудник ИВ АН СССР в 1942-1950 гг. В 1949 г. завершил подготовку сводного критического текста выдающегося произведения средневековой таджикской литературы "Бадаи ал-Вакаи". См.: Зайн-ал-Дин Васифи. Бадаи ал-Вакаи ("Удивительные события"). Крит. текст, введ. и указ. А.Н. Болдырева Т.1-2. М., 1961-1962.

7. Московский институт востоковедения (МИВ) образован согласно Постановлению Президиума ВЦИК от 21 октября 1921 г. В 1954 г. слит с МГИМО.

Выступление на годичном собрании ОЛЯ АН СССР 31 января 1955 г

АРАН. Ф.456. Оп.1. Д.450. Л.110-117. Машинопись. Публикуется по неправленной стенограмме. Краткое изложение выступления см.: Известия АН СССР. ОЛЯ. Т.14. Вып.2. М., 1955. С.204.

1. Доклад академика-секретаря ОЛЯ АН СССР В.В. Виноградова о состоянии и задачах работы отделения, где, в частности, говорилось: "Оторванное от своих филологических основ советское востоковедение в ряде своих разветвлений начало хиреть и только в последнее время осознана необходимость решительных мер для их оживления и развития. [...] Из проблем большого научного значения, обсуждавшихся на Бюро ОЛЯ, следует отметить особенно обсуждение вопроса о состоянии и задачах восточной филологии. От-

ставание востоковедения в области филологии, замечающееся сокращение исследований в области древнейших периодов развития восточных языков, уменьшение интереса к изданию старинных памятников восточной письменности, недостаток специалистов-филологов по целому ряду языков Дальнего Востока, Африки и Австралии, состояние подготовки востоковедческих кадров в университетах, естественная убыль широко подготовленных ученых старого поколения и отсутствие более молодой замены — все эти и целый ряд других вопросов организации и развития востоковедных наук был предметом оживленной дискуссии" (Там же. Л.3, 45).

2. *Бертельс Евгений Эдуардович* (1890-1957) — один из крупнейших исследователей персидской, таджикской и ряда тюркских литератур. Сотрудник Азиатского музея — ИВ АН СССР в 1920-1957 гг. Чл.-корр. АН СССР (1939).

3. Совещание по вопросам восточной филологии, организованное Президиумом АН СССР, состоялось 28-30 марта 1955 г. в Москве. В стенограмме совещания какие-либо выступления Н.И. Корда (член оргкомитета) не зафиксированы.

4. О подготовке молодых востоковедов Н.И. Корда, в частности, говорил: "Но в чем я испытывал затруднения? Приходит ко мне официальный аспирант, начинаем работать. Раскрываю я по ходу дела какой-нибудь текст и вижу, что аспирант загорается. Вот, скажем, конкретный случай с одной лингвисткой востоковедом. Я открываю текст Кандзэ XVIII века (Кандзэ — ведущая школа японского театра "Но". Основана актерской династией Кандзэ. В восемнадцатом веке представитель династии Мотоакира — XV маэстро Кандзэ осуществил редакторскую правку текстов традиционных пьес театра Но — ёкёку. Отсюда — списки Кандзэ. — *Сост.*) и говорю ей: смотрите. Вижу у нее волнение; чувствуется то движение у человека, которое часто служит первым провозвестником будущего научного работника. Как будто бы все хорошо. Но затем, в конце концов, она и я расстаемся чрезвычайно хмуро, потому что по тому документу, который регулирует всю жизнь аспиранта и руководителя, по так называемому плану аспиранта с графиком, месяцами с главами, параграфами и проч., оказывается, что аспиранту надо к такому-то месяцу представить две главы или такие-то главы. И я знаю, что на Кандзэ здесь времени нет. И я свертываю Кандзэ, кладу его на полку, и мы занимаемся тем, что надо готовить основную главу.

Дело с кадрами по большей части не потому так плохо, что нет руководителей. Они есть, и не потому, что нет желающих среди молодежи. Они также есть. Но надо, чтобы как-то иначе была организована сама работа. Этот вопрос очень серьезный вообще. Но он должен быть решен с моей точки зрения. И мне кажется, что по многим специальностям товарищи, которые руководят подготовкой кадров, могут присоединиться к моим словам — о затруднениях, которые мы испытываем сейчас. Но это зависит не от нас, а от общего порядка подготовки научных кадров в Академии наук. [...] И необходимо, в первую очередь, усилить подготовку кадров чистых филологов. А для этого нужны некоторые изменения в системе подготовки, нужно предоставить большую свободу руководителям в смысле ведения аспирантов. Ведь вести человека к науке нельзя по какому-то графику: вести человека к науке можно только постоянно учитывая все те особенности, которые в нем начинают сказываться. Нужно больше доверия к руководителю. И принимать кадры нужно только тогда, когда руководитель скажет, что человек подготовлен" (АРАН. Ф.456. Оп.1 Д.407. Л.67-68, 71).

5. *Гогенцоглерны* — династия германских императоров (1871-1918).

6. *Борковский Виктор Иванович* (1900-1982) — языковед-русист. Академик (1972).

7. *Боровков Андрей Константинович* (1904-1962) — чл.-корр. АН СССР (1958). Исследователь языков народов Советского востока. Сотрудник ИВ-ЛЮ ИВ АН СССР в 1934-1959 гг.

8. *Анисимов Иван Иванович* (1899-1966) — литературовед. Чл.-корр. АН СССР (1960). Директор ИМЛИ АН СССР в 1952-1966 гг. На данном собрании говорил: "Я ставлю вопрос о том, чтобы в ИМЛИ Восток изучался. Мы найдем способы координации этого вопроса с ИВ [АН СССР], но поставить этот вопрос в такой форме необходимо" (Там же Л.92).

9. См.: Пыбина Е.А. Общественное значение драматургии Го Можо в период анти-японской войны 1937-1945 гг. Л., 1954. Канд. дисс.

10. Там же. С.138. Речь идет о пьесе Го Можо "Тигровый мандат".

11. *Шань Цзюань* — персонаж пьесы Го Можо "Цюй Юань". В указанной диссертации дословно: "Шань Цзюань — это собранный в единый кулак образ китайской девушки" (С.185). Это и предыдущее, процитированное Конрадом, высказывание их автором в диссертации исправлены.

12. *Бенефиций* (лат. *beneficium* — благодеяние) — в католической церкви предоставление доходной должности.

К двадцатипятилетию Государственного издательства художественной литературы

АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.256. Л.1-4. Машинопись.

1. *ГИХЛ* — образовано в 1930 г., с 1963 г. издательство "Художественная литература"

2. *Ван Вэй* (второе имя Мо Цзе) (701-761) — китайский поэт, художник, музыкант.

3. Редакция литератур стран зарубежного Востока и Африки ГИХЛ образована в 1953 г.

4. *Цюй Юань* (ок.340-ок. 278 до н.э.) — китайский поэт. *Бо Цзюйи* (772-846) — китайский поэт, творчество которого имеет ярко выраженный общественный и социальный характер.

5. *Ли Бо* (701-762) — китайский поэт автор стихов в жанре народных песен -- юэфу, произведений в жанре ритмической прозы (фу).

6. *Бак Перл* (1892-1973) — американская писательница, автор ряда произведений сюжетно связанных с Китаем, переводчица с китайского. Лауреат Нобелевской премии (1938).

7. *Виташевская Мария Николаевна* (1901 - 1986) — основатель и первая заведующая Восточной редакции ГИХЛ.

8. С 1957 г. ГИХЛ издавало сборники серии "Восточный альманах". Н.И.Конрад входил в состав редколлегии 1-5 выпусков альманаха (1957-1962).

Докладная записка о выявлении материалов научного наследия Н.А. Невского и Ю.К. Щуцкого в архиве ЛО ИВ АН СССР

АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.258. Л.22-25. Машинопись.

1. *Козлов Петр Кузьмич* (1863-1935) — путешественник, исследователь Монголии и Тибета.

2. *Орбели Иосиф Абгарович* (1887-1961) — кавказовед, академик (1935) Первый заведующий ЛО ИВ АН СССР после его образования в 1956 г. (до1961).

3. *Горбичева Зоя Ивановна* (1907-1979) — китаевед-историк, историк востоковедения. Сотрудник ИВ - ЛО ИВ АН СССР с 1936 г.

4. *Петров Николай Александрович* (1908-1973) — китаевед филолог, историк востоковедения. Сотрудник ИВ АН СССР 1938-1940; 1961-1965 гг. Подготовил к изданию текст работы Ю.К. Щуцкого "Китайская классическая "Книга перемен" (М., 1960).

5. На упомянутом совещании П.И. Конрад сказал: "Работа Н.А. Невского — это эпохальная вещь грандиозного значения, представляющая собой не только ключ к расшифровке тангутского языка и письменности, но содержащая материалы по сравнительной фонетике средневекового китайского языка, тибетского и ряда тибетско-бирманских языков. Издать материалы словаря необходимо в том виде, в каком они в данный момент находятся, т.е. факсимиле. Книга будет настольной для всех китаеведов и тангутоведов. К основному корпусу словаря Н.А. Невского бесспорно следует добавить: пояснения, содержащие изложение основных методов и принципов работы Н.А. Невского над словарем. В конце следует поместить составленный Н.А. Невским список ключей тангутских иерогли-

ТЕАТР И В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

ВОСТОК И ЗАПАД

Выступление 20-го Марта
проф. Н. И. КОНРАД
ЯПОНСКИЙ ТЕАТР

1. Введение.
2. История японского театра.
3. Современный японский театр.
4. Японский театр и его значение для культуры Японии.
5. Японский театр и его значение для культуры России.
6. Заключение.

ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ
ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ТЕАТРОВЕДЕНИЮ

Выступление 20-го Марта
проф. Н. И. КОНРАД

Выступление 21-го Марта
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 22-го Марта
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 23-го Марта
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 24-го Марта
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 25-го Марта
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 26-го Марта
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 27-го Марта
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 28-го Марта
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 29-го Марта
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 30-го Марта
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 31-го Марта
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД
ОБЫДОВЫЙ ТЕАТР В РОССИИ

Выступление 1-го Апреля
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 2-го Апреля
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 3-го Апреля
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 4-го Апреля
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 5-го Апреля
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 6-го Апреля
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 7-го Апреля
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 8-го Апреля
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 9-го Апреля
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

Выступление 10-го Апреля
проф. В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД

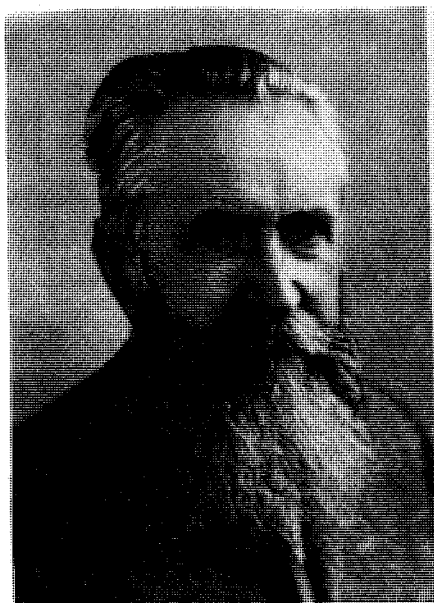
Афиша лекций по сравнительному театроведению
в театре В. Э. Мейерхольда. 1926 г. (Из собрания ЦГАЛН)

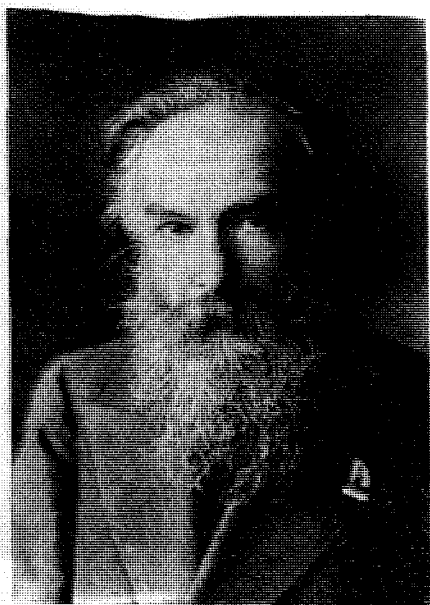
Академик В.М. Алексеев

Н.И. Конрад. 50-е годы

Академик И.Ю. Крачковский

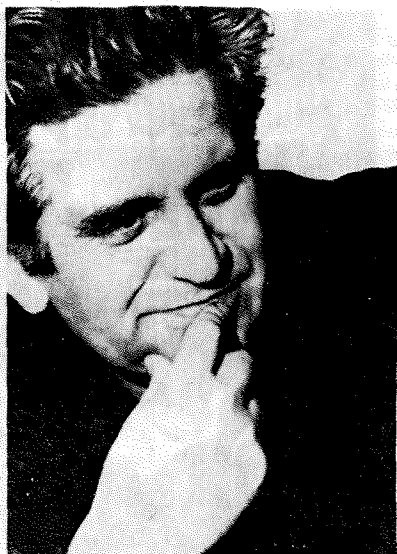
Академик И.А. Орбели

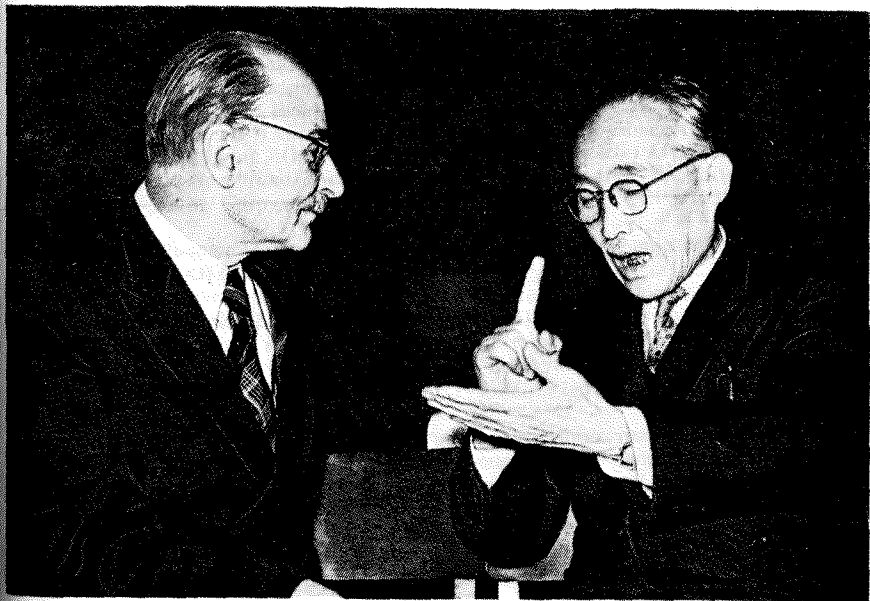
Дарственная надпись А.А. Ахматовой Н.И. Конраду (Из собрания ЦГАЛИ)

Б.А. Васильев. 30-годы

Б.Б. Вахтин. 60-е годы
(Из собрания И.В. Вахтиной)

Разговор с японским коллегой. 50-е годы

Н.И. Конрад и Н.И. Фельдман-Конрад в рабочем кабинете ученого.
60-е годы

фов, являющихся одновременно и указателем к словарю: приложения, включающие имеющуюся в архиве законченную статью Н.А. Невского "Фонетическая система тангутского языка", а также дополняющие ее материалы из двух незавершенных статей Невского на ту же тему, также имеющиеся в архиве; дать анализ иероглифов с семантической этимологией слова там, где он отсутствует у Н.А. Невского. [...] Опасения по поводу присутствия в работе Ю.К. Щуцкого ряда положений, отражающих некоторые проблемы учения Н.Я. Марра, при ближайшем ознакомлении с работой — рассеялись. Самые "опасные" места оказались неопасными и требуют только ряда редакторских оговорок. Труд Ю.К. Щуцкого "И цзин" — исключительно свежая, нисколько не устаревшая работа, содержащая детальнейший анализ всех по данной проблеме материалов на китайском, основных европейских, маньчжурском и японском языках. Это — единственный в своем роде фундаментальный труд, совершенно исключительный по своему охвату, имеющий помимо всего огромное воспитательное значение как образца настоящего исследования". По предложению Н.И. Конрада совещание утвердило состав комиссии по изданию научного наследия Н.А. Невского и Ю.К. Щуцкого. В нее вошли: академик И.А. Орбели (председатель), Н.И. Конрад, В.М. Штейн, В.И. Беляев, Б.И. Панкратов (СНБФРАН. Ф.152. Оп.1а. Д.1312. Л.11-14).

Предложения, содержащиеся в докладной записке Н.И. Конрада, были одобрены директором ИВ АП СССР Б.Г. Гафуровым, о чем было сообщено письмом И.А. Орбели.

Н.И. Конрад был редактором "Тангутской филологии" Н.А. Невского и редактором и автором предисловия книги Ю.К. Щуцкого "Китайская классическая "Книга перемен" (М., 1960).

Докладная записка директору ИНА АН СССР Б.Г. Гафурову об итогах и перспективах работы по обработке фонда тангутских рукописей ЛО ИНА АН СССР

АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.260. Л.1-4. Машинопись.

1. Постановлением Президиума АН СССР № 684 от 22 июля 1960 г. Институты востоковедения и китаеведения АП СССР объединялись в Институт народов Азии (ИНА) АН СССР. Постановлением Президиума АП СССР № 263 от 23 марта 1969 г. ИНА АП СССР возвращено прежнее название — Институт востоковедения АН СССР.

Гафуров Бободжан Гафурович (1908-1977) — академик с 1968 г., директор ИВ АП СССР (ИНА АН СССР) в июле 1956 г. - июле 1977 г.

2. *Кычинов Евгений Иванович* (р. 1932) — китаевед, тангутовед, историк востоковедения. Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР - СПб. филиала ИВ РАН с 1958 г.

3. *Кононов Андрей Николаевич* (1906-1986) — исследователь тюркских языков и историк востоковедения. Сотрудник ИВ АН СССР — ЛО ИВ АН СССР в 1938-1986 гг. Академик (1974).

4. *Штейн Виктор Морицович* (1890-1964) — китаевед, экономист и историк. Сотрудник ИВ - ЛО ИВ АН СССР в 1935-1964 гг.

5. *Вахтин Борис Борисович* (1930-1981) — китаевед, исследователь литературы древнего Китая. Сотрудник ЛО ИВ АП СССР в 1957-1981 гг. Ученик и друг Н.И. Конрада. См. письма Конрада к нему в настоящем издании, а также: "Голос источников". К истории одной несостоявшейся публикации (Н. Конрад-Б.Вахтин) // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.-СПб., 1995. С.292-326. Публикация М.Ю.Сорокиной.

6. *Меньшиков Лев Николаевич* (р. 1926) — китаевед, текстолог. Сотрудник ЛО ИВ АН СССР — СПб филиала ИВ РАН. Н.И. Конрад, оценивая научную работу Л.Н. Меньшикова в частности писал: "Насколько мне известно, научная работа Л.Н. Меньшикова развивается по двум направлениям: по изучению материалов т.н. дуньхуанского фонда и по изучению китайской драмы. Работа над материалами дуньхуанского фонда имеет свои задачи, прежде всего, выяснение состава фонда и соответствующее описание его. Такая работа является нашей частью общей работы, проводимой филологами-китаеведами во всех хра-

нилицах, где есть материалы, извлеченные из Дуньхуанского пещерного монастыря, а именно: в Лондонском Британском музее, в Парижской Национальной библиотеке и, конечно, в книгохранилищах Китая. К сожалению, у нас приступили к разработке нашей доли фонда позднее, чем в других местах, но работа пошла быстро вперед и уже дала серьезные результаты. Этим мы всецело обязаны Л.Н. Меньшикову, не только смело взявшемуся за эту сложную задачу, но и сумевшему привлечь к работе и целую группу китайцев. Работа эта требует и хорошей подготовки по части чтения и разбора старых рукописных и ксилографических памятников, и хорошего знания самых различных материалов китайской средневековой письменности. Поэтому сами успешно выполненные описания свидетельствуют о том, что Л.Н. Меньшиков такой подготовкой и такими знаниями обладает.

Работа над дуньхуанскими памятниками имеет, однако, особое значение. Насколько можно судить по уже описанным памятникам, разбор сокровищ Дуньхуана открывает нам очень плохо известную и еще хуже понимаемую даже в известных частях, но исключительную отрасль китайской средневековой литературы, важную и самостоятельно — как ряд в высшей степени своеобразных разговорно-повествовательных, песенно-эпических и драматически-сказовых жанров, и как источник многих позднейших повествовательных и драматических произведений. Вместе с тем эти памятники проливают новый свет на содержание китайского буддизма и на деятельность его представителей, выводя эту деятельность далеко за пределы собственно буддийской церкви и религии. Реорганизация же наших взглядов в этой области — неотложная задача китаеведения. Работа в этом направлении только начинается, но как свидетельствует статья Л.Н. Меньшикова, напечатанная в "Известиях" ОЛЯ АН СССР, он достаточно ясно представляет себе содержание и значение этого пути научного исследования, что само по себе является свидетельством его хорошего научного уровня.

Как известно в дуньхуанских материалах обнаружены пьесы — образцы ранней народной, еще "сказовой", драмы. Это крайне важно для выяснения генезиса "большой" драматургии в Китае и для понимания природы старой китайской драматургии вообще. Может быть этот факт и побудил Л.Н. Меньшикова включить в сферу своих научных интересов и историю китайской драмы. Кандидатская диссертация Л.Н. Меньшикова, в соответствующую обработанном виде, легла в основу его книги "Реформы китайской классической драмы" (М., 1959). Она посвящена судьбам старой драмы в условиях современного Китая, но этот вопрос как, и понимает автор, может быть удовлетворительно разработан при учете предшествующей истории театра и драмы в Китае. Это и обусловило наличие в книге значительных экскурсов в историю, что следует считать несомненным дополнительным достоинством исследования.

Эта линия работы также открывает большие и интересные перспективы: она должна принести нам понимание действительной природы старой китайской драматургии, в частности — понимание таких категорий, как драматический текст, автор, сценическая речь и т.д. Лишь это предотвратит наше столь распространенное сознательное или бессознательное перенесение на китайскую драму XIV - XVIII вв., представлений и оценок, вынесенных из европейской драмы XIX в., принятой как некий "общий" эталон. А это в свою очередь позволит лучше понять и европейскую драматургию позднего Ренессанса и эпохи Просвещения. Ввиду этого я придаю большое значение этой линии работы Л.Н. Меньшикова" (АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д. 104. Л.8-10).

7. Дрейер Олег Константинович (р.1919) — директор Издательства восточной литературы (ИВЛ) (1957-1964) — главный редактор Главной редакции восточной литературы издательства "Наука" (1964-1992).

8. См.: Тангутские рукописи и ксилографы: Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР: (К 70 летию со дня рождения Н.А. Певского) / Сост.: Е.И. Кычанов и З.И. Горбачева. М., 1963.

О проспекте средневекового тома "Истории мировой культуры"

АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.102. Л.450-456. Машинопись.

1. 2 марта 1965 г. Н.И. Конрад обратился к автору проекта А.И. Клибанову с письмом: "Многоуважаемый Александр Ильич! Я написал нечто вроде отзыва на Ваш проспект. Если для чего-нибудь пригодится — для хорошего, разумеется, — буду очень рад. Если не понадобится, бросьте его в корзину. Возвращаю Вам Ваш проспект, который заставил меня о многом подумать и многому поучиться. С лучшими пожеланиями Н. Конрад" (Личный архив А.И. Клибанова).

Об этой же работе Н.И. Конрад сообщал Б.Б. Вахтину 22 марта 1965 г.: "...мы много поработали с ним (А.И. Клибановым — *Сост.*) над этим проспектом, составленным им очень серьезно, по-новому, глубоко. Боюсь, что этот "Проспект" будет главной редакцией отвергнут. У нас, ведь, сейчас такое время, когда возможны всякие движения -- и вперед и назад" (Личный архив Б.Б. Вахтина). В другом письме Конрад уточнял: "Клибанов просил меня принять участие в обсуждении, а, вернее, в защите его плана от нападков со стороны "кадровых" представителей правоверных взглядов на исторический процесс и духовную деятельность человека" (Там же).

2. Датируется по экземпляру, имеющему пометку: "Получено 1.03.1965". Хранится в личном архиве А.И. Клибанова.

3. *Sui generis* — особого рода, особое свойство, своеобразие, оригинальный (лат.).

4. *Несториане* — последователи несторианства — религиозно-политического учения, зародившегося в V веке в Византии. Несторианство расходилось с ортодоксальной христианской церковью по вопросу о соотношении человеческого и божественного в Христе. *Манихеи* — последователи религиозного учения — манихейства, зародившегося на Ближнем Востоке в III в. на основе халдейско-авиловских, персидских и христианских культов. Манихейство — от имени основателя учения Мани (ок.216 -277).

Выступление на заседании Ученого совета ИНА АН СССР 9 июня 1966 г. "О мерах развития изучения культуры народов Востока в Институте народов Азии"

АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.262. Л.1-15. Автограф.

1. Датируется по стенограмме заседания, хранящейся в архивном фонде ИВ РАН.

2. Заслушав доклад Н.И. Конрада Ученый совет ИНА АН СССР постановил: "Согласиться с основными направлениями исследования истории культуры народов Востока, намеченными в докладе..." и утвердил Н.И. Конрада главным редактором серии трудов "Материалы и исследования по культуре народов Востока". (Архивный фонд ИВ РАН). Серия получила название "Культура народов Востока. Материалы и исследования". Начата в 1969 г.

Проект докладной записки в ОЛЯ АН СССР о необходимости создания журнала "Сравнительное литературоведение".

АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.268. Л.1-7. Машинопись.

1. Идея создания такого журнала относится к концу 1966 г. (См. письмо № 97 в настоящем издании). Официально вопрос был поставлен В.М.Жирмунским на годовичном общем собрании ОЛЯ АН СССР 2 февраля 1967 г. Здесь же в своем выступлении Н.И. Конрад заявил: "Я горячо поддерживаю идею Виктора Максимовича об организации такого журнала и хотел бы даже, чтобы наше Отделение в своей резолюции, которая будет принята после нашего заседания, включила бы пункт о желательности организации такого

журнала. Я уверен, что будет такой журнал. Необходимость его подсказывается всем течением нашей науки и нашей жизни. Конечно, он не может быть завтра или послезавтра, но я думаю... можно уже заранее начать подготовку, образовать какую-то группу людей, главным образом из молодежи, которая в течение года подготовила бы материал для будущего журнала" (АРАН. Ф.456. Оп.1 Д.828. Л.150, 160). Общее собрание ОЛЯ АН СССР по данному вопросу постановило: "Рекомендовать Бюро отделения добиваться организации новых филологических журналов", в том числе журнала "Сравнительное литературоведение" (АРАН. Ф.456. Оп.1 Д.827. Л.2).

2. Проведена в ИМЛИ АН СССР. См.: Проблемы реализма: Материалы дискуссии о реализме в мировой литературе 12-18 апреля 1957 г. М., 1959. В ходе дискуссии Н.И. Конрад сделал доклад "Проблема реализма и литературы Востока" (Там же. С.341-368).

3. *Веселовский Александр Николаевич* (1838-1906) — историк литературы. Создатель отечественной школы сравнительно-исторического литературоведения.

4. *Текст Жозеф* — французский историк литературы.

5. *Бальдансперже (Балдансперже) Фернан* (1871-1958) -- французский литературовед, один из основоположников компаративизма и соответствующего направления во французском литературоведении.

6. *Фридрих Вернер Пауль* (р. 1905) — в 1955-1958 гг. генеральный секретарь, в 1958-1961 гг. президент международной ассоциации компаративистов. Соавтор работы Baldensperger F, Friederich W. Bibliography of Comparative Literature. N.Y. 1950 то же N.Y. 1960

7. Проведена в Москве ИМЛИ АН СССР. В ходе дискуссии Н.И.Конрад сделал доклад "Литературы народов Востока и вопросы общего литературоведения". См.: Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур: Материалы дискуссии 11-15 января 1960 г. М., 1961. С.158-173.

8. Вопросы советской науки. Проблема образования и развития литературных языков / Сост. бригадой специалистов под руководством акад. В.В.Виноградова. М., 1957. Н.И. Конрад является одним из авторов этой работы.

9. Н.И. Конрад являлся одним из главных редакторов этого издания.

10. На общем собрании ОЛЯ АН СССР 4 марта 1968 г. Н.И. Конрад сказал: "Цель моего выступления еще раз позволить себе аргументировать необходимость журнала, тем более, что за этот год, как мне кажется, действительность и наши собственные работы показали настоятельную необходимость этого журнала [...] Но у нас нет теоретического органа, который поднимал бы большие теоретические вопросы, и таким органом и может стать журнал "Сравнительное литературоведение" (АРАН. Ф.456. Оп.1 Д.847. Л.102, 109-110). Общее собрание ОЛЯ АН СССР постановило: "Поддержать предложения, высказанные членами Отделения и другими участниками собрания: а) о создании новых филологических журналов — ... по сравнительному литературоведению..." (АРАН. Ф.456. Оп.1 Д.846. Л.2). Журнал "Сравнительное литературоведение" создан не был.

Отзыв на статью А.Я. Гуревича "Феодализм (историко-социологическая характеристика)" для "Философской энциклопедии"

АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.102. Л.392-401. Машинопись.

1. *Гуревич Арон Яковлевич* (р. 1924) — историк-медиевист, культуролог.

2. *РАПП* — Российская ассоциация пролетарских писателей. Основана в 1925 г., ликвидирована в 1932 г. Вела ожесточенную борьбу за идеологическую и классовую чистоту советской литературы. В рапповской критике проявлялись вулгарный социологизм и догматизм, мешавшие объективной и всесторонней оценке творчества писателей и явлений в советской литературе. В критике неудобных литераторов рапповцы доходили до политических обвинений и шумных обличительных кампаний.

3. А.А. Гуревич опирается на работу В.И. Ленина "О государстве", однако никаких прямых цитат не приводит. См.: Философская энциклопедия. Т.5 М., 1970. С.316.

Записка академиков Н.И. Конрада, Е.М. Жукова, А.А. Губера директору ИВ АН СССР Б.Г. Гафурову о желательности присвоения А.Е. Глускиной ученой степени доктора филологических наук по общей совокупности работ

Архивный фонд ИВ РАН (копия в: АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 263).

1. *Жуков Евгений Михайлович* (1907-1980) — историк-японовед, академик (1958)

2. *Губер Александр Андреевич* (1902-1971) — историк стран Юго-Восточной Азии, академик (1966). Директор ИВ АН СССР в мае 1954 г. — июле 1956 г.

3. В сентябре 1957 г. Н.И. Конрад обратился к заведующей японским сектором ИВ АН СССР М.И. Лукьяновой с запиской следующего содержания. "Я ознакомился с работой А.Е. Глускиной по Маньёсю. Работа эта состоит из вводной статьи, перевода памятника и комментария. Первое впечатление — грандиозность работы. Как известно, в Маньёсю (в редакции Кэйто) 4515 песен и стихотворений; из них 266 — нагаута, а среди последних много большого размера. Таким образом сам по себе перевод этого огромного материала представляет исключительную по объему работу. К объему присоединяется и особая трудность. Язык Маньёсю — язык VII-VIII вв., в ряде песен носящий печать языка еще более ранней эпохи, в других песнях — вплотную приближающийся к классической форме старого литературного языка; во многих же случаях — язык переходного времени. Песни и стихотворения Маньёсю очень разнородны и стилистически: одни близки к народной поэзии, другие являются образцами высоко развитой литературной поэзии. Многочисленность японских комментариев сама по себе служит свидетельством трудности этого памятника. Японская комментаторская литература, конечно, во многом помогает нам понять Маньёсю, но в то же время совершенно невозможно действительно уяснить себе материал памятника, не вдумавшись и не почувствовавшись в оригинальный текст. По переводу А.Е. Глускиной видно, что она действительно глубоко вошла в стихию Маньёсю, в этот очень своеобразный поэтический мир. Таким образом, мы имеем сейчас этот замечательный памятник поэтического творчества японского народа в комментированном русском переводе.

Всем японистам должно быть ясно, что появление подобной работы — событие в нашем японоведении. Так это и должно расцениваться. Издав перевод Маньёсю, мы введем в мир нашей художественной литературы один из важнейших памятников мировой поэзии, не менее замечательный, чем китайский "Ши цзин". Появление этого перевода даст новый, огромный важности, материал для литературоведения — как для истории литературы, так и для теории, особенно поэзии.

Выполнена работа не всегда ровно. Есть части вполне готовые, есть и требующие авторской корректуры. Это относится и к переводу и к комментарию. Для издания необходима редакционная переработка аппарата примечаний: во избежания повторений все географические названия и собственные имена, многие из которых повторяются десятки раз, целесообразно вынести в конец книги, расположив их в алфавитном порядке. Точно так же следует вынести и все повторяющиеся пояснения, оставив в тексте около данного слова "звездочку", что будет служить указанием, что данное слово объяснено. В комментариях к отдельным песням следует оставить только то, что непосредственно нужно знать читателю для понимания данного стихотворения. К переводу значительной части песен присоединен японский текст в русской транскрипции. Думаю, что А.Е. Глускина этот транскрипционный текст снимет. Соответственно этому само собой отпадут и примечания, относящиеся к тексту. Лингвистический анализ текста Маньёсю — предмет особой, узкоспециальной работы. В заключении не могу не обратить внимание сектора на следующее обстоятельство. Переводы некоторых песен Маньёсю, включенных в известный сборник "Японская поэзия", привлекли внимание японских литературоведов, знатоков японской поэзии, в том

числе -- и крупнейшего знатока Маньёсю академика Сасаки Нобуцуна. Я имею письма от некоторых литераторов, в частности — от профессора Сасаки. Переводы А.Е. Глускиной и особенно дошедшие до них сведения о готовящемся полном издании перевода Маньёсю вызвали огромный и самый доброжелательный интерес с их стороны. Появление русского перевода Маньёсю будет иметь поэтому не только большое научное, но и крупное общественное значение. Необходимо принять все меры, чтобы это издание в наилучшем виде осуществить" (Архивный фонд ИВ РАН).

4. *Накано Сигэхару* (1902-?) — японский писатель и критик. В двадцатые годы — один из организаторов движения "пролетарская литература". В довоенной Японии неоднократно подвергался арестам. После войны — один из организаторов объединения демократических писателей "Синнихон бунгакукай".

5. Ученая степень доктора филологических наук А.Е. Глускиной по совокупности работ присвоена не была. В начале 70-х годов в свет вышел основной труд А.Е. Глускиной трехтомник "Маньёсю" ("Собрание мириад листьев"). Исследование, перевод, комментарии" (Т.1, 2. М., 1971; Т.3. М., 1972). Первые два тома А.Е. Глушкина в 1971 г. защитила в качестве докторской диссертации. В своем выступлении на защите А.Е. Глушкина, в частности, сказала: "Впервые я услышала о нем ("Маньёсю" — *Сост.*) еще в стенах Ленинградского государственного университета, на одной из замечательных лекций выдающегося востоковеда Н.И. Конрада, нашего учителя, которому мы — его ученики — будем всегда обязаны всеми нашими знаниями. [...] Хочу указать также, что вышедший не так давно перевод памятника "Фудоки" успешно осуществленный К.А. Поповым, а также мой перевод "Маньёсю", могли быть осуществлены только при современном уровне нашего японоведения. И этим мы обязаны как нашему общему учителю Н.И. Конраду, так и нашим коллегам, работающим в разных областях японоведения и, в первую очередь, нашим историкам, литературоведам и лингвистам" (Архивный фонд ИВ РАН).

ПИСЬМА

1

ОР РНБ. Ф. 590. Д. 115. Л. 183. Автограф (копировальная машина).

Позднеев Дмитрий Матвеевич (1865 - 1937) — историк Японии, Кореи и Китая; первый русский японист-профессионал. В 1906-1910 гг. работал в Японии. В 1910-1917 гг. преподавал в Практической восточной академии, после революции — в ЛИЖВЯ-ЛВИ, ЛГУ. Арестован 1 октября 1937, 20 октября осужден к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян в Ленинграде.

1 Письмо сохранилось в виде факсимильной копии, включенной Д.М. Позднеевым в письмо другому лицу, и датируется по этому письму Позднеева. В фонде сохранилось ответное письмо Позднеева Конраду (Л.189-190; от 1 декабря 1913 г.) с благодарностью за присланную книгу и предложением представить Конрада в члены Общества востоковедения, а также еще одно письмо Позднеева Конраду (Л.208; от 2 марта 1914 г.) с предложением помощи при подготовке поездки в Японию.

С июля 1913 г. в течение года Н.И. Конрад читал лекции по китайскому и японскому языкам, этнографии Дальнего Востока в Киевском коммерческом институте.

2 Речь идет о первой опубликованной научной работе Н.И. Конрада "Современная начальная школа в Японии" (ЖМП. 1913. Авг. С. 129-199; Сент. С. 1-44; Окт. С. 145-185; отд. отт. СПб., 1913).

3 Д.М. Позднеев преподавал японский язык в Практической Восточной Академии, где в 1909-1912 гг. учился Н.И. Конрад.

4 Позднесев Д. Грамматика разговорного японского языка (конспект лекций, чит. в Практической Восточной Академии Имп. общества востоковедения в 1910--1911 уч. г., изд. слушателей 1-го к. СПб. (б/г).

2

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 438. Л. 1-3. Автограф.

Алексеев Василий Михайлович (1881-1951) — синолог, профессор ЛГУ (1910-1951), ЛИЖВЯ-ЛВИ (1920-1938), зав. китайским кабинетом Института востоковедения АН СССР (1930-1951), академик АН СССР (1929). Сохранилось два письма Алексеева Конраду (1946, 1951 гг.), о них см. в комм. к письмам 40 и 50.

1 Письмо написано из Японии, где в 1914-1917 гг. Н.И. Конрад находился в научной командировке от Петроградского университета.

2 В личном фонде В.М. Алексеева в СПбФАРАН (№ 820) это письмо не сохранилось.

3 Алексеев В.М. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837-908). Пг., 1916 (магистерская диссертация).

4 Елисеев Сергей Григорьевич (1889-1975) — японист, филолог; первый европеец, получивший высшее образование в Японии (в 1912 г. окончил Императорский университет в Токио со степенью бакалавра литературы, представив работу "О поэзии Басё, великого народного поэта Японии"); 1912-1914 гг. совершенствовался при Токийском университете; в 1914 г. вернулся из Японии, сдал магистерские экзамены; приват-доцент по кафедре японской словесности Петроградского университета с декабря 1915 г.; в 1918-1919 гг. заведующий Азиатским архивом; был арестован ЧК и после освобождения бежал из России в Финляндию в октябре 1920 г. Профессор Школы высших знаний в Париже и Гарвардского университета США, чл.-корр. Французской АН. В 1960-ые годы переписка между ним и Конрадом возобновилась (см.: АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.304; РГАЛИ. Ф.2817. Оп.1. Д.33).

5 Защита магистерской диссертации В.М. Алексеева состоялась 20 ноября 1916 г. Одним из его оппонентов был С.Г. Елисеев.

6 Н.И. Конрад обыгрывает здесь привычку В.М. Алексеева приходить на лекции с чемоданчиком, набитым различными китайскими словарями.

3

Публикуется по: Biblia. Bulletin of the Tenri Central Library. 1974. March. № 56. P. 76-77.

Невский Николай Александрович (1892-1937) — выдающийся японовед, тангүтовед, синолог. В 1915 г. направлен в Японию на двухгодичную стажировку, однако в связи с революцией, Гражданской войной в России и др. задержался в этой стране на многие годы. В 1919-1922 гг. преподавал русский язык в Высшем коммерческом институте на Хоккайдо; затем в Осака. Осенью 1929 г. вернулся на родину, где тотчас же был зачислен доцентом в ЛГУ и ЛИФЛИ. С 1930 г. в ИВ АН СССР. В ночь с 3 на 4 октября 1937 г. арестован; расстрелян 24 ноября 1937 г.

1 Это и последующие (№ 4-8, 10, 17) письма Н.И. Конрада Н.А. Невскому хранятся в архиве последнего в Tenri Central Library (Япония). При подготовке настоящего издания текст публикации в журнале "Biblia" сверен с ксерокопиями оригиналов.

Письмо написано в Корее; датируется по содержанию.

2 С июля 1915 г. Н.А. Невский проходил научную стажировку в Японии (Токио), где уже работали Н.И. Конрад и *О.О. Розенберг* (японовед, историк буддийской философии; 1888-1919). Н. И. Конрад возвратился на родину весной-летом 1917 г. Н.А. Невский прожил в Японии до 1929 г. Подробнее о пребывании Невского в Японии см.: Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. Николай Александрович Невский. М., 1978.

3 Во время стажировки в Японии П. И. Конрад неоднократно бывал в Корее, где проводил этнографические наблюдения; одним из результатов этой работы стали публикуемые в данном издании "Очерки духовной культуры и социальной организации корейцев на рубеже XIX-XX вв.". Более подробно о поездках Конрада в Корею см. послесловие Р. Ш. Джарылгасиновой к "Очеркам..."

4 Как видно из дальнейшего содержания письма, инцидент был связан с подозрениями на туберкулез у Цевского.

4

Публикуется по: Biblia. Bulletin of the Tenri Central Library. 1974. March. № 56. P. 87.

1 18 апреля 1917 г. Временное правительство направило союзникам Декларацию об отношении к войне ("нота Милюкова"), в которой объявлялось о ее ведении "до победного конца". Последовавший за этим политический кризис вынудил уйти в отставку П. П. Милюкова — министра иностранных дел, и А. И. Гучкова — военного министра.

2 6 мая 1917 г. был объявлен состав первого, после Февральской революции, коалиционного Временного правительства. В него вошли 15 человек, из них 7 принадлежали к буржуазным партиям (кадеты, октябристы и др.), 2 — к беспартийным, 6 — к мелкобуржуазным партиям (эсеры, меньшевики и др.).

5

Публикуется по: Biblia. Bulletin of the Tenri Central Library. 1974. March. N 56. P. 85-86.

1 *Муи тэмизн* (яп.) — недаяние изменений, невозможность ничего поделать в условиях хаоса.

2 В результате нового кризиса власти, вызванного объявлением кадетами 2 июля 1917 г. о выходе из правительства (накануне опубликования в печати сообщения о провале наступления на фронте), 3-5 июля в Петрограде прошли многочисленные демонстрации рабочих и солдат под лозунгом передачи власти Советам, сопровождавшиеся вооруженными конфликтами.

3 Здесь П. И. Конрад передает имевшие хождение в Петрограде слухи о принадлежности большевистских лидеров к германским разведывательным службам.

4 С. Г. Елисеев был членом конституционно-демократической партии.

5 *Шлетнер Орест Викторович* (1892-1970) — японист, окончил Петроградский университет в 1915 г., оставлен при университете, занимался вопросами морфологии японского языка; в 1916 г. поступил в МИД, уехал в Японию; профессор русского языка Института иностранных языков в Осака, Кобэ, Киото. Его письма Конраду см.: АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 326.

6 *Рамминг Мартин-Готгард-Теодор* (1889-?) — японист, окончил Петербургский университет, в 1913 г. оставлен при университете, с сентября 1915 г. — приват доцент, одновременно определился на службу в МИД, уехал в сентябре 1917 г. драгоманом русского посольства в Японию, затем в Германию, был доцентом и профессором Берлинского университета, возглавлял Институт Японии. После войны руководил отделением японоведения в университете им. Гумбольдта, избран членом Немецкой АН. Затем проживал в Западном Берлине.

7 *Иванов Алексей Иванович* (1877-1937) — китаевед, тангутовед, японовед. Преподавал в ЛГУ, в Практической Восточной академии, ЛИЖВЯ-ЛВИ. С 1914 г. служил в Министерстве иностранных дел; в советское время в МИД, в 1922-1927 гг. в Китае. По возвращении в СССР зам. дир. НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР. Арестован 26 августа 1937 г., расстрелян 8 октября 1937 г.

6

Публикуется по: Biblia. Bulletin of the Tenri Central Library. 1974. March. N 56. P. 81-84.

1 Об "имении" отца Конрада см. в письме 7.

2 **Владимирцов Борис Яковлевич** (1884-1931) — монголовед. Академик АН СССР; Широкогоров Сергей Михайлович (1887-1939) — востоковед, археолог, этнограф. Зав. антропологическим отделом МАЭ (с 1917). В первое время после революции — в Петрограде, где подвергся аресту. Затем в эмиграции. С 1932 г. преподавал в Пекинском французско-китайском университете. Скончался в Пекине.

3 Речь идет о предполагаемой монографии В. М. Алексеева о Тао Цяне и Ли Бо.

4 Из приобретенных во многих экземплярах сочинений Ли Бо и Тао Цяня В. М. Алексеев нарезал строки иероглифов для составления поэтического словаря — конкорданса. В дальнейшем эта работа была оставлена.

5 **Л. Н. Лебедев** в 1916 г. окончил факультет восточных языков Петроградского университета с золотой медалью за дипломную работу "История изучения европейцами трактата о Чжун и Юн", о которой В. М. Алексеев дал высокий отзыв.

6 Воспоминания Н. И. Конрада о его японских учителях см. в его статье "О встречах с Такахаси Тэммин в 1927 году" (Народы Азии и Африки. 1972. № 2. С. 148-153).

7 **Палечек Николай Иосифович** (1878-?) — вице-директор департамента народного просвещения МПНП.

7

Публикуется по: Biblia. Bulletin of the Tenri Central Library. 1974. March. № 56. P. 79-81.

1 **Воробьев Павел Иванович** (1892-1937) — маньчжуровед, синолог, монголовед. С 1922 г. сотрудник ЛИЖВЯ, с 1923 г. — его ректор. В 1926-1930 гг. параллельно директор Русского музея. Затем директор Музея этнографии народов СССР, зам. директора ИВ АН, профессор ЛГУ. В 1936 г. приглашен на должность советника Ученого комитета при правительстве МНР. Вызван из Монголии в 1937 г.; арестован 11 августа, 19 ноября осужден к высшей мере наказания, расстрелян в Ленинграде 24 ноября 1937 г.

2 **Плетнер Олег Викторович** (1893-1929) — японист, в 1915 г. окончил Петроградский университет, после Октябрьской революции работал в Москве, профессор МИВ, в соавторстве с Поливановым написал первую научную грамматику японского языка (М., 1930).

3 В августе 1917 г. Е. Д. Поливанов был прикомандирован Всероссийским Советом крестьянских депутатов к отделу печати МИД, где выполнял поручения азиатских отделов министерства. С октября-ноября 1917 г. он уполномоченный наркома по иностранным делам, один из организаторов Союза китайских рабочих в Петрограде и редактор первой китайской коммунистической газеты "Китайский работник", где вместе с ним работал и Н. И. Конрад. В 1919 г. Поливанов вступил в ряды РКП(б). Более подробно о его политической деятельности см.: Ларцев В. Г. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988. С. 47-57.

4 "**Дело народа**" — газета, орган ЦК партии эсеров. Издавалась с 15(28) марта 1917 г. до 14(27) января 1918 г. Одним из редакторов был В. М. Чернов. Газета поддерживала Временное правительство; закрыта за "контрреволюционную" деятельность. "**Воля народа**" — газета, орган правого крыла партии эсеров. Выходила с 29 апреля (12 мая) 1917 г. по ноябрь 1917 г., когда закрыта за антисоветскую пропаганду. Среди ее редакторов — Б. В. Савинков, Е. К. Брешко-Брешковская и др.

5 Ни Е. Д. Поливанов, ни А. И. Иванов в Японию не поехали.

8

Публикуется по: Biblia. Bulletin of the Tenri Central Library. 1974. March. N 56. P. 78-79.

1 **Oshirasama** — японское божество, покровитель шелководства; **shishi-odori** — танец льва.

2 Возможно, **Попов Павел Степанович** (1842-1913) — синолог, приват-доцент факультета восточных языков Петербургского университета.

1 Датируется по содержанию.

2 Речь идет о статье В.М. Алексеева: Бессмертные двойники и даос с золотой жабой в свите бога богатства (Исследование в области китайского фольклора с приложением 12 таблиц) // Сборник МАЭ. Т. 5. Вып. 1. Пг., 1918. С. 253-318.

3 В декабре 1917 г. декан факультета восточных языков Петроградского университета Н.Я. Марр обратился к ректору с предложением о продлении срока оставления магистранта Конрада при университете на 1 год, до 1 января 1919 г. с командированием его в Японию "с ученой целью". В это время Конрад, уже сдавший магистерские экзамены сразу по трем специальностям — японоведению, синологии и корееведению, работал над магистерской диссертацией и читал в университете лекции.

4 Марр Николай Яковлевич (1864-1934) — кавказовед, филолог, археолог, академик (1912).

10

Публикуется по: *Biblia. Bulletin of the Tenri Central Library*. 1974. March. № 56. P. 87-88.

1 По-видимому, под этими "обстоятельствами" Н.И. Конрад подразумевал свой уход из НКИД и скорый отъезд в г. Орел, где с 1920 по 1922 гг. он являлся ректором Пролетарского (затем — Государственного) университета. Уцелели конспекты лекций, читанных Конрадом в Орловском университете в 1920-1921 гг. — "Этническая психология", "Об истории культуры", "Об истории христианства", "Об истории философии", "Положение народоведения в ряду других наук" (хранятся в АРАН. Ф. 1675; подробнее об орловском периоде см.: Саран А.Ю. Н.И. Конрад в Орле // Орловщина: время и бремя реформ. Материалы научно-практ. конференции. Орел, 1992. С.153-162). Отметим еще, что в Орле Конрад был рядом, всего в шаге от М.М. Бахтина и М.И. Кагана, но не только не сблизился с ними, а скорее разошелся. М.М. Бахтин, отвечая на сетования М.И. Кагана, писал ему в марте 1921: «...мне кажется, что Вы слишком требовательны к русскому провинциальному Университету. Конечно, Орловский Университет — авантюра, это ясно было с самого начала и не могло быть иначе; но, уверяю Вас, что авантюрой по существу являются все без исключения русские провинциальные Университеты и это совершенно неизбежно, ибо настоящих академиков в России не хватает и на столичные Университеты, в провинциальных же сидели в прежнее время чиновники с "гражданскими", по отнюдь не научными заслугами, которым до науки было не больше дела, чем орловскому Конраду, но были они даже зловредны и нетерпимы» (М.М. Бахтин и М.И. Каган. По материалам семейного архива / Публ. К. Певельской [Ю.М. Каган] // Память: Исторический альманах. Вып. 4. М., 1979-Париж, 1981. С.258).

2 Карахан (Караханян) Лев (Левон) Михайлович (1889-1937) — государственный деятель, дипломат. В 1918-1934 гг. (с перерывами) член коллегии НКИД, зам. наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина, затем — М.М. Литвинова, на протяжении ряда лет зав. Отделом Востока НКИД. В дальнейшем посол в Китае, в 1934-1937 гг. посол в Турции. Арестован в начале мая 1937 г., осужден к высшей мере наказания 20 сентября, в тот же день расстрелян.

3 Вознесенский (Вознесенский-Владимиров, псевд.: А. Алек) Арсений Николаевич (1881-1937) — синолог, японовед. До революции служил в МИД, вице-консул в Шанхае (1913-1914). Затем перешел на службу в советский НКИД, где заведовал Отделом Востока (1917-1920). Позднее работал корреспондентом ТАСС в Японии. В 1930-х гг. зам. директора МИВ. Арестован 3 мая 1937, обвинен в шпионаже в пользу Японии. 25 декабря приговорен к высшей мере наказания, в тот же день расстрелян.

11

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 438. Л. 83-88 об. Автограф.

1 Датируется по штемпелю на конверте.

2 В течение 1926 г. В.М. Алексеев побывал в Китае и во Франции (вместе с С.Ф. Ольденбургем), где читал лекции в университетах.

3 *Сяньшиэн* (кит.) — презерожденный (обращение к Учителю).

4 Жена В.М. Алексеева.

5 Имеется в виду Ленинградский институт живых восточных языков.

6 *Смыкалов Георгий Феофанович* (1877-1955) — китаист, профессор ЛГУ, сотрудник ИВ АН

7 *Щуцкий Юлиан Константинович* (1897-1937) — синолог, ученик В.М. Алексеева.

8 *Ходоров Абрам Евсеевич* (псевд. Дельта) (1886-1949) — историк-китаевед, журналист. Преподаватель Военной Академии (с 1923), МИВ (1924-1935), ЛВИ. Арестован дважды — в 1936 и 1948 г. Умер в заключении.

9 *Бартольд Василий Владимирович* (1869-1930) — тюрколог, академик (1913).

12

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Л. 80. Автограф.

1 Датируется по содержанию.

13

РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Д. 1479. Л. 1-2. Автограф.

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874-1940) — режиссер, руководитель театра его имени в Москве.

1 Мы не располагаем точными сведениями о начале знакомства Конрада и Мейерхольда, но, по-видимому, оно восходит к Государственному институту истории искусств (б.Зубовский; ГИИИ), где на заседаниях отдела истории и теории театра они оба неоднократно выступали с докладами. В марте 1926 г. в цикле лекций по сравнительному театроведению "Восток и Запад", организованному Театром им. Вс.Мейерхольда и ГИИИ, Конрад читал лекцию "Японский театр". Мейерхольд как раз в это время интересовался восточным театром и вводил в свои спектакли японские театральные приемы. Ни одна из пьес, переведенных Конрадом, у Мейерхольда поставлена не была.

2 "*Ода Нобунага*" — пьеса Кидо Окамото, посвященная первому объединителю Японии после длительных междоусобиц XVI в. Оригинал перевода пьесы сохранился в фонде П.И. Конрада (АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 176).

3 С конца 1923 г. при Петроградском гос. акад. театре драмы (бывш. "Александринка") существовала учебная студия под руководством С.Э. Радлова (1892-1958), который наряду с В.И. Соловьевым, делал первые опыты постановки японских пьес в духе Кабуки; он и поставил здесь в 1927 г. пьесу "Ода Нобунага". В 1954 г. в письме Т.И. Райнову из Юрмалы П.И. Конрад писал: «...было одно очень поразившее меня происшествие: на афише гастролирующего здесь Даугавпилсского (т. е. Двинского) русского театра увидел: "Гамлет, принц датский" постановки С.Э. Радлова. Радлов — мой старинный товарищ по Ленинграду, где нас сближали общие интересы к театру и античности (он сначала готовился к профессуре по античному театру). Радостно было видеть, что он — опять за прежней работой, пусть и в Даугавпилсе. Особенно же было радостно убедиться по поставленному им с труппой этого театра "Гамлету", что его творческие силы не увяли: спектакль — великолепный и дает в Риге сплошные аншлаги. Но вместе с тем эта неожиданная встреча принесла и другие эмоции, особенно когда я узнал от него, что Анна Дмитриевна Радлова

— его жена — не дожила до Даугавпилса. Но поставить "Гамлета" ему удалось все же в ее переводе, а ее перевод Шекспира — несомненно лучший из всех переводов последнего времени (Лозинский, Кузмин, Пастернак)» (ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 15. Д. 51. Л. 8 об.-9.).

14

Личный архив В.А. Гурко-Кряжина. Автограф.

Гурко-Кряжин Владимир Александрович (1887-1931) — востоковед, преподаватель МИВ (1921-1930), редактор журнала "Новый Восток", член Президиума ВНАВ.

1 Упомянутое Н.И. Конрадом письмо не обнаружено. Начиная с 1926 г., деятельность В.А. Гурко-Кряжина как одного из руководителей ВНАВ и его работа подвергались жесточенной критике со стороны научных центров, объединений и отдельных лиц, претендовавших на право представлять своими исследованиями подлинно марксистское советское востоковедение. Эта критика преследовала и цель дискредитации самой ВНАВ, к которой, с другой стороны, весьма неприязненно относилась ленинградская "старая" востоковедная профессура. Сложившаяся ситуация и обусловила попытку использования в борьбе против В.А. Гурко-Кряжина имени и авторитета Н.И. Конрада.

15

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 438. Л. 11-15 об. Автограф.

1 В июне-октябре 1927 г. Н.И. Конрад находился в Японии в научной командировке от ЛВИ.

2 Н.А. Невский возвратился на родину осенью 1929 г.

16

РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Д. 1479. Л. 3. Автограф.

1 Оригинал перевода пьесы см.: АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 181. Пьеса поставлена не была.

17

РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Д. 1479. Л. 4-5. Автограф.

1 См. письмо 16 и прим. к нему.

18

Архив Н.А. Невского в Tenri Central Library. Автограф.

1 Год установлен по почтовому штемпелю.

2 Институт буддийской культуры учрежден по предложению акад. Ф.И. Шербатского в 1928 г. Работа велась в 4 секциях — Тибета, Китая и Японии, Монголии, Индии. Существовал до 1930 г., когда на базе Азиатского музея, Коллегии востоковедов, Туркологического кабинета и Института буддийской культуры был создан Институт востоковедения АН СССР.

3 Имеется в виду Ленинградский Восточный институт.

4 *Тикамацу Мондзаэмон (1653-1724)* — один из крупнейших японских драматургов, писал преимущественно "Дзэрури" — монодические драмы для кукольного театра, но немало пьес и для театра Кабуки. Его "Драмы" (М., 1963) изданы в переводе и с примечаниями учениц Конрада — В.И. Марковой и И. Львовой; *Ихара Сайкаку* (наст. имя

Хирияма Того; 1642-1693) — японский писатель) его "Повесть о календарнике — XVII век" издана в 1935 г. в переводе, со вступительной статьей и примечаниями А.Л. Клетного. 5 С 1922 г. Н.А. Невский являлся профессором Института иностранных языков в Осака.

6 Жена Н.А. Невского — *Мантани-Невская* (урожд. Мантани; артистич. псевдоним: Кекурэн) *Исоко* (1901-1937) — японовед. Против воли родителей вышла замуж за Н.А. Невского. В СССР с 1933 г. С 1934 г. преподаватель японского языка в ЛВИ и ЛИФЛИ. Арестована через 4 дня после ареста Н.А. Невского, 8 октября 1937 г. Расстреляна 24 ноября 1937 г. — в один день с мужем и еще пятью ленинградскими востоковедами (Б.А. Васильев, П.И. Воробьев, Д.П. Жуков, М. Мори, В.М. Чикирисов).

19

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 438. Л. 21-22 об. Автограф.

1 В архивном деле имеется помета В.М. Алексеева: "Замечания Н.И. Конрада на план книги о словаре (из "Книги руководств", ч. 1). На вечере чтения плана 30 октября 1930 г."

2 Кафаров П.И. (Палладий). Китайско-русский словарь. Т. 1-4 (Архив СПбО ИВ АН. Разр. 1. Оп. 1. № 48). Оpubл.: Палладий, арх. Попов П.С. Китайско-русский словарь, сост. бывш. начальником Пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом имп. дипломатической миссии в Пекине П.С. Поповым. Т. 1-2. Пекин, 1888.

3 "*Кан-си цзыдянь*" ("Словарь Кан-си", 1716) — полный иероглифический словарь, составленный по указу императора Кан-си коллегией из 30 ученых. В дальнейшем структура словаря стала эталоном для составления китайских словарей.

4 Couvreur S. Dictionnaire classique de la langue chinoise. Suivant l'ordre alphabétique de la prononciation. 3-me éd. Ho Kien Fou. 1911.

20

СПбФАРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 286. Л. 1-1 об. Автограф

Ольденбург Сергей Федорович (1863-1934) — востоковед-индолог, директор Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР (1916-1934), непреременный секретарь АН СССР (1904-1929), академик.

1 *Жуков Евгений Михайлович* (1907-1980) — японист-историк, выпускник (1927) и преподаватель ЛВИ, в дальнейшем директор Тихоокеанского института АН СССР (1943-1950), Института всеобщей истории АН СССР (с 1968). Академик-секретарь Отделения истории АН СССР (1957-1971, 1975-1980). Академик (1958).

2 П.И. Конрад являлся заведующим японо-корейским кабинетом ИВ АН.

3 Речь идет о начале подготовки японско-русского словаря, материалы которого были частично использованы в "Большом японско-русском словаре", опубликованном в 1970 г. и удостоенном Государственной премии СССР.

4 Имеется в виду работа П.И. Конрада над переводом, комментариями и исследованием «Положения о рабах» кодекса "Тайхоре" (701 г.), см.: Конрад П. И. Падельная система в Японии // Труды ИВ АН. Вып. 17. Л., 1936. С. 5-55.

5 Отставка Конрада не состоялась; он продолжал работать в ИВ АН вплоть до июля 1938 г.

21

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 438. Л. 31. Автограф.

1 Материалы об участии и характере деятельности Конрада в издательстве "Всемирная литература" сохранились в фонде А.Н. Тихонова в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН

(далее указываются только номера и листы соответствующих дел этого архива). Впервые имя Конрада появляется в протоколах заседаний коллегии экспертов восточного отдела издательства 9 июня 1922 г.: по предложению В.М. Алексеева решено «просить г. Конрада принять участие в сотрудничестве в издательстве и иметь в виду его работу "Записки из келии". Просить его дать рецензии о японских книгах» (№70615. Л.1). 3 октября Алексеев сообщил о поступлении первых переводов с японского, сделанных Конрадом по мнению Алексеева "очень хорошо, художественно и ритмично" (№70630.Л.1), он же огласил список готовых работ Конрада. Алексеева поддержал С.Ф. Ольденбург и по его рекомендации японские переводы Конрада были приняты сразу во 2-ой номер журнала "Восток", одновременно он получил заказ на переводы корейских сказок и на статью о корейской литературе для 3-го выпуска "Литературы Востока" (№№ 70630, 70632. Л.1). В течение двух лет (1922-1924 гг.) на заседаниях коллегии неоднократно рассматривались работы Конрада: 24 октября 1922 г. Ольденбург представил статью и переводы Конрада "Из мира любви и поэзии Исэ" (№70632. Л.1; опубл.: Восток. 1923. Кн.2); в мае 1923 г. Алексеев — перевод Конрада "Отрывок из японского романа" (№ 70663), 26 июня того же года Владимирцов — перевод Конрада "Из писем современного японского толстовца" (№70659). В сентябре 1923 г. Конрад предложил в журнал перевод "Повести о Гэндзи", одобрително принятый после рецензии И.Ю.Крачковского (№70648; опубл.: Восток. 1924. Кн.4). Тогда же Конрад пишет и публикует в "Востоке" рецензию на "Антологию китайских лириков" (Там же). Его активность столь велика, что в июне 1923 г. он даже предлагает выпустить один из номеров журнала, посвященный исключительно Японии; причем одновременно представляет и список возможных материалов (к сожалению, он в протоколах не сохранился). Не отвергая идеи в целом, все же коллегия решила пока такого номера не выпускать — "вряд ли удастся составить такие же номера по другим странам" (№70661. Л.1)! Издание перевода романа Нацумэ Сосэки "Сердце", который предполагалось забрать из Госиздата и передать во "Всемирную литературу", ожидалось еще в марте 1924 г. (№70668), но опубликован он (в переводе и с предисловием П.И. Конрада) только в 1935 г., экземпляр романа имеется в Библиотеке А.М. Горького.

22

РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 7. Л. 103-103 об. Авторизованная машинопись.

Коростелева Е.М. — секретарь редакции альманаха "Год XIX-ый", вышедшего под редакцией А.М. Горького.

1 ...нами — т. е. Н.И. Конрадом и Н.И. Фельдман. Статья "Токутоми Рока" опубл.: Конрад Н.И. Очерки японской литературы. М., 1973.

2 *Шкапская Мария Михайловна* (1891-1952) — поэтесса, в 1925 г. резко бросила писать стихи и до конца жизни занималась только журналистикой.

23

РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 7. Л. 104. Авторизованная машинопись.

Павленко Петр Андреевич (1899-1951) — писатель, в 20-е годы секретарь советского торгпредства в Турции, автор многочисленных произведений о Востоке, член редколлегии альманаха "Год XIX-ый".

1 См. письмо 22. В ответ от редакции альманаха Конрад получил сразу два ответа-извинения. В первом (от 27 июня 1936 г.), напечатанном на бланке альманаха, говорилось: "Уважаемые Николай Иосифович и Наталья Исаевна. Ваши превосходные переводы не нуждаются в критике и не вызывают никаких замечаний. Но вопрос приходится ставить по-другому: при печатании японского материала нужно, чтобы он отвечал многим и разносторонним требованиям — и не только литературного порядка. Поэтому мы вынуждены сейчас отказаться от японо-китайского отдела в альманахе" (РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 7.

Л. 105); во втором, написанном лично П.А. Павленко (от 4 июля 1936 г.) уточнялось: «Е.М. Коростелева ознакомила меня с Вашим ответом на ее письмо и мне стало ясно, что Вы не поняли ее фразы "материал должен отвечать не только литературным условиям". У нас нет никаких замечаний ни к переводам, ни к статье, но сама "японская тема" в ближайшее время не пригодится» (РГАЛИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 7. Л. 103)

24

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 776. Л. 2-2 об. Автограф.

Комаров Владимир Леонтьевич (1869-1945) — ботаник, президент АН СССР (1936-1945).

1 Н.И. Конрад был арестован 29 июля 1938 г. 5 сентября того же года исключен из состава сотрудников ИВ АН (СПбФАРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 247. Л. 77). Обвинялся по ст. 58-1а (как "японский шпион"). Ведшие "дело" Конрада зам. нач. отдела УНКВД по ЛО Голуб, следователь Трухин, нач. отдела Соловьев, сотрудники Гаркавенко, Слепнев и др. систематически избивали его, держали по несколько часов в "стойке". Конрад дважды отказывался от данных ранее под пытками показаний. 10 ноября 1939 Особым совещанием при НКВД СССР приговорен к 5 годам ИТЛ, отправлен в г. Канск Красноярского края (воспоминания его сокамерника Н.И. Воротынцева частично опубликованы: Алпатов В.М. Три япониста // Знание-сила. 1992. № 1. С. 112; Сорокина М.Ю. Н.И. Конрад: жизнь между Западом и Востоком // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии Наук СССР. М., 1995. С. 137-138). По некоторым сведениям, через какое-то время переведен в Саратов в "шарашку", а оттуда в Москву. Рассказывают, что скорым освобождением Конрад был в значительной степени обязан полковнику Степанову, начальнику военного факультета МИВ, составлявшему список нужных для обороны специалистов по Японии и решившегося включить в него своего арестованного учителя: "органы" якобы спохватились уже после того, как документ был подписан Сталиным (Алпатов В.М. Указ. соч. С. 112).

2 Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве / Пер. и иссл. Н.И. Конрада. М.-Л., 1950; У-цзы. Трактат о военном искусстве / Пер. и комм. Н.И. Конрада. М. 1958.

3 В лубянской тюрьме Н.И. Конрадом были также написаны "Очерки истории китайской литературы", публикуемые в данном томе.

4 Из письма Конрада Б.Б. Вахтину 9 февраля 1963 г.: «...поздно вечером ко мне подошла Наталья Исаевна, все время, как обычно, сидящая за словарем, и сказала мне: "В словарь введена последняя из твоих карточек". В 1941 г., когда я был уже возвращен в Москву и "дело" шло "наоборот", мне разрешили читать в своем "кабинете" японские журналы — новейшие. И вот я, читая эти материалы, думал о словаре (того времени) и выписывал на карточки те слова, которые, по моему предположению, могут не оказаться в существующих словарях. Так создавалась картотека из более 10 тыс. карточек. Все это мне было разрешено взять с собою. Наталья Исаевна проверила все эти карточки и все, что оказалось нужным, вставила в корпус словаря. А карточки эти — и чудом появились, и чудом сохранились. И — чудом не пропали. Вот об этом и говорило выражение лица Натальи Исаевны, когда она сказала мне те слова» (Личный архив Б. Б. Вахтина).

25

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 438. Л. 38-40 об. Автограф

1 Т.е. после освобождения из тюрьмы в сентябре 1941 г.

2 *Глушкина Анна Евгеньевна* (1904-1994) — японовед-филолог, переводчик. Ученица Н.И. Конрада. Преподаватель ЛВИ (1932-1938), с 1933 г. сотрудник Института востоковедения. Арестована 21 февраля 1938 г., 29 мая 1939 г. освобождена "в связи с прекращением дела". Продолжила работу в ИВ АН. Во время войны вместе с Дальневосточным кабинетом ИВ АН эвакуирована в Ташкент. После войны вслед за Н.И. Конрадом перешла на работу в МИВ, где преподавала до 1950 г. Затем — научный сотрудник ИВ АН (Москва). Доктор филологических наук. В 1990 г. удостоена японского ордена "Благодатное Сокровище".

3 Имеются в виду неоднократные "антиалексеевские" кампании — в 1929, 1932, 1938 гг., когда ученому инкриминировались "реакционно-буржуазные установки и воззрения".

4 В 1941 г. праздновалось 60-летие В. М. Алексеева.

5 Драгунов Александр Александрович (1900-1955) — китаист, сотрудник ИВ АН СССР (1928-1955).

6 Струве Василий Васильевич (1889-1965) — египтолог, сотрудник, директор ИВ АН СССР (1941-1950). Академик (1935).

7 Во время эвакуации В.М. Алексеев находился в пос. Боровое (Казахстан).

8 Дочь В.М. Алексеева.

9 Сын В. М. Алексеева.

10 Штейн Виктор Морицевич (1890-1964) — китаевед-историк, экономист; в 1928-1938 гг. профессор ЛВИ. С 1935 г. сотрудник ИВ АН, в 1935-1949 гг. профессор ЛГУ, декан географического и восточного факультетов. Неоднократно арестовывался (в 1922 г. как "ученый с буржуазным мировоззрением", подлежал высылке из СССР, но был амнистирован; кратковременно в 1930 г., третий раз — 1 сентября 1949 г.; осужден на 10 лет, в заключении до 1955 г.). В 1956-1962 гг. возглавлял Дальневосточный кабинет ИВ АН. Доктор экономических наук (1936).

11 Иваненко Наталья Григорьевна — японистка, ученица Конрада по ЛГУ, преподаватель МИВ; Маркова Вера Николаевна (1907-1995) — японистка, переводчица, ученица Конрада по ЛГУ, преподаватель МИВ (1939-1954).

12 Юдахин Константин Кузьмич (1890-1975) — тюрколог, преподаватель МИВ (1932-1944), доктор филологических наук (1949); Санжеев Гарма Данцаранович (1902-1982) — монголист, преподаватель МИВ (1931-1954), доктор филологических наук (1948).

13 Эйшлин Лев Залманович (1910 н.ст.-1985) — филолог-китаист, ученик В.М. Алексеева, преподаватель МИВ (1937-1941), сотрудник ИВ АН (Москва) (1944-1957, 1959-1985), доктор филологических наук (1969).

14 Н.И. Конрад и В.М. Алексеев, а затем и Н.А. Невский, в течение ряда лет жили в Ленинграде в одном доме — на ул. Блохина, д. 17/1.

26

СПбФАРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 461. Л. 2-3 об. Автограф.

Крачковский Игнатий Юлианович (1883-1951) — филолог-арабист, академик РАН (1921), председатель Московской группы ИВ АН СССР (с 1943).

1 Имеется в виду Московская группа (МГ) ИВ АН СССР. И.Ю. Крачковский был первым председателем МГ и ее бюро. Его преемник Н.И. Конрад пробыл в этой должности с 28 сентября 1944 г. по 19 октября 1948 г.

2 Гордлевский Владимир Александрович (1876-1956) — тюрколог, чл.-корр. (1929), академик (1946) АН СССР; Миллер Анатолий Филиппович (1901-1973) — тюрколог, зав. кафедрой стран Ближнего Востока МИВ, доктор исторических наук.

3 Наврон-Войтинская Евгения Львовна (1906-1981) — японистка, преподаватель МИВ, кандидат филологических наук (1946). Впоследствии зав. кафедрой японского языка МГИМО МИД СССР (с 1954).

4 Беляев Евгений Александрович (1895-1964) — арабист, преподаватель МИВ.

5 Бергер Анатолий Ксавьерьевич (1899-?) — историк-античник, профессор МГУ, ст. научн. сотрудник ФБОИ; Лавровский Владимир Михайлович (1891-1971) — историк-медиевист, доктор исторических наук (1937). Об Авдиеве и Райнове см. комм. к письмам 55 и 59.

6 Ладыженский Александр Михайлович (1891-?) — юрист, этнограф, профессор МГУ, научный сотрудник Института государства и права АН СССР.

СПбФАРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 461. Л. 6-6 об. Автограф.

СПбФАРАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 262. Л. 2-3 об. Автограф.

Пигулевская (урожд. Стебницкая) Нина Викторовна (1894-1970) — историк-востоковед и византиист. Хранитель Отдела рукописей Публичной Библиотеки в Ленинграде (1922-1928). В декабре 1928 г. арестована по делу религиозно-философского кружка "Воскресение"; в 1929 г. приговорена к 5 годам, отправлена на Соловки, оттуда в 1931 "активирована" и на оставшийся срок выслана в г. Архангельск. Освободилась из ссылки в 1934. По возвращении научный сотрудник Института истории естествознания и техники (1934-1936), ИВ АН СССР (1937-1970). В 1941-1942 гг. зам. директора ИВ в блокадном Ленинграде. В 1946 г. избрана чл.-корр. АН СССР.

1 *Волгин Вячеслав Петрович (1879-1962)* — историк, вице-президент АН СССР (1942-1953).

2 О К. Индикоплове см.: Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию. М.-Л., 1951.

3 О Б.Н. Заходере см. комм. к письму 46.

4 Постановление СНК СССР от 22 ноября 1944 г. был образован Институт истории естествознания АН СССР, утвержден состав его Ученого совета, в который вошел Т.И. Райнов.

5 *Массон Михаил Евгеньевич (1897-1986)* — археолог, исследователь среднеазиатского региона. Академик АН Туркменской ССР (1951).

6 Об И.И. Мещанинове см. комм. к письму 43.

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 438. Л. 41-42 об. Автограф.

1 Возможно, имеется в виду издание: *Roots of strategy; a collection of military classics* / Ed. by T. R. Phillips. London, 1943.

СПбФАРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 461. Л. 11-12 об. Автограф.

1 Объединенное заседание ОЛЯ и ОИФ АН СССР по вопросам востоковедения состоялось 1-2 октября 1943 г.; основной докладчик — В.В. Струве. Вопрос о проведении восточковедного форума неоднократно ставился учеными в послевоенные годы. 29 сентября 1948 г. было издано распоряжение Президиума АН СССР № 1061, разрешающее проведение Всесоюзного совещания востоковедов в 1949 г. Незадолго до этого и. о. директора ИВ АН А.К. Боровков направил вице-президенту АН СССР В.П. Волгину письмо о необходимости созыва такого совещания еще в 1948 г. Карандашная резолюция на письме Боровкова переносила сроки совещания на 1949 г. "ввиду отсутствия средств" (АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1948. Д. 348. Л. 1-5). А уже 27 ноября 1948 г. Президиум АН СССР принял постановление "Об улучшении научной работы в области востоковедения", констатирующее неудовлетворительное состояние советской ориенталистики и предусматривающее создание единого Института востоковедения в Москве с отделением в Ленинграде (на базе бывших: ИВ АН в Ленинграде, его московской группы и Тихоокеанского института), проведение Всесоюзного совещания востоковедов в 1949 г., а также издание журнала "Востоковедение". Из этих трех основных положений постановления реализованным оказалось лишь одно первое.

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 438. Л. 44-44 об. Автограф.

1 В.М. Алексеев был награжден орденом Ленина.

2 Имеются в виду лекции В.М. Алексеева на японо-китайском отделении факультета восточных языков Петербургского университета, где учился Н.И. Конрад.

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 348. Л. 45. Автограф.

1 Доклад В.М. Алексеева "Советская синология" был прочитан на заседании МГ ИВ АН СССР 23 мая 1945 г. Его историю и публикацию см.: Алексеев В.М. Наука о Востоке. М., 1982. С. 114-157.

2 Бруевич Николай Григорьевич (1896-1987) — специалист в области механики, академик-секретарь Академии наук (1942-1949).

СПбФАРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 461. Л. 15-17 об. Автограф.

1 Александров Георгий Федорович (1908-1961) — философ, академик (1946), зав. Управлением пропаганды ЦК.

2 "Записку" Н.И. Конрада пока обнаружить не удалось.

3 "Восток" — журнал, выпускавшийся издательством "Всемирная литература" в Петрограде-Ленинграде в 1922--1925 гг.; вышло 5 выпусков. См. комм. 1 к письму 21.

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 438. Л. 46-47 об. Автограф.

1 Речь идет о получении из Японии научной литературы в качестве репараций. 4 сентября 1945 г. В.М. Алексеев направил президенту АН СССР С.И. Вавилову докладную записку по этому вопросу, а 6 сентября представил дополнительные соображения по данной проблеме (АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1945. Д. 251. Л. 4, 6).

2 Сессия состоялась 19-22 января 1946 г. и была посвящена 65-летию со дня рождения и 40-летию научной и педагогической деятельности В. М. Алексеева.

3 Ошанин И.М. — см. комм. к письму 120; Позднеева Любовь Дмитриевна (1908-1974) — китаистка, дочь Л.М. Позднеева. Доктор филологических наук (1956), зав. кафедрой китайской филологии филологического факультета Института восточных языков МГУ (1949-1959).

4 В 1946 г. В.М. Штейн завершил работу над книгой "Туань-цзы", исследование и перевод которой опубликованы в 1959 г.

5 Монография Г.И. Райнова не опубликована. Рукопись хранится в ОР РГБ (Ф. 441. Картон. 8 Д. 1).

6 Крачковский И.Ю. Гомер и аль-Бируни: (Памяти С.А. Жебелева) // ИАН ОЛЯ. IV. (Вып. 5). 1945. С. 200-205.

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 438. Л. 48-50 об. Автограф.

1 См. комм. 1 к письму 34.

2 См. комм. 2 к письму 34, комм. 1 к письму 36.

36

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 438. Л. 52-54. Автограф.

1 На сессии были зачитаны следующие доклады: "Университетское китаеведение в России и СССР" В.М. Алексеева, "Эстетические и технические основы китайского пейзажа периода Сун (Принципы китайского искусства)" С.М. Кочетовой, "Слово как критерий для периодизации истории китайского языка" И.М. Ошанина, "Литературные взгляды в Китае на грани VIII--IX вв." Л.Д. Поздеевой, "Поэт танской эпохи" Л.З. Эйлина, "Трактат Гуань-цзы в истории экономической мысли в Китае" В.М. Штейна, "Философские основы учения Сунь-цзы" Н.И. Конрада. Он же во вступительном слове обратил внимание на то, что все докладчики на сессии — ученики В.М. Алексеева (Архивный фонд МГ ИВ АН СССР).

37

СПбФАРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 461. Л. 20-21 об. Автограф.

1 После эвакуации ИВ АН в среде ленинградских востоковедов высказывалась мысль, что дальнейшее существование московской группы ведет к "распылению" востоковедных сил. И.Ю. Крачковский не разделял этой точки зрения и, в частности, на заседании Ученого совета ИВ АН 15 марта 1946 г. утверждал: "Группа в течение ряда лет, в особенности после того, как я уехал из Москвы, показала всю свою жизнеспособность..., является учреждением с хорошим научным тонусом, где бывают представители различных других востоковедных учреждений города и другого такого места в Москве пока нет" и что идея дальнейшего развития группы является "...вовсе не идеей дробления, которую я в течение трех лет не замечал и не замечаю" (Архивный фонд МГ ИВ АН СССР). Несмотря на противодействие А.К. Боровкова, С.А. Козина и др., на заседании Ученого совета ИВ АН 15 марта 1946 г. было принято решение о преобразовании Московской группы в Московское отделение ИВ АН. Однако, в течение последующих лет статус московской части оставался весьма неопределенным (см. письма).

2 Труды Московского института востоковедения. Вып. 3. М., 1946 (отв. ред. Н.И. Конрад); Труды Военного института иностранных языков. Вып. 1. М., 1945; Вып. 2. М., 1946 (отв. ред. М.М. Гухман, Н.И. Конрад).

3 Индийская сессия прошла в шесть заседаний — 1, 8, 15, 22, 29 апреля и 13 мая 1946 г. С докладами и сообщениями выступили С.М. Мельман, А.М. Дьяков, Н.М. Гольдберг, В.М. Штейн, В.В. Балабушевич, И.М. Рейснер и др.

4 Бескровный Василий Михайлович (1908-1978) — индолог, сотрудник ИВ АН (1932-1951, 1955-1978).

5 Бараников Алексей Петрович (1890-1952) — индолог, сотрудник, директор (1938-1940) ИВ АН, академик (1939).

6 Лозовский Соломон Абрамович (1878-1952) — зам. наркома иностранных дел, начальник Совинформбюро, зав. кафедрой международных отношений Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Арестован по делу "Еврейского антифашистского комитета" в 1949 г. Расстрелян.

38

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 438. Л. 61-62 об. Автограф.

1 Н.И. Конрад будет избран действительным членом АН СССР только через 12 лет — в 1958 г.

2 Предисловие к "Сунь-цзы" было написано в июле-августе 1941 г. во внутренней (Лубянской) тюрьме НКГБ/НКВД. В ответном письме от 10 декабря 1946 г. В.М. Алексеев писал: "Дорогой Николай Иосифович! С великим удовольствием читал Вашего Сунь-цзы и решительно требую его реализации в печати. Нужно будет только дать внимательный разбор английскому переводу, вышедшему значительно позже (в 1945) Вашего. С приветом Ваш В.М.Алексеев" (АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.291. Л.1).

3 Боровков Алексей Константинович (1904-1962) — тюрколог, сотрудник и и.о. директора ЛО ИВ АН, чл.-корр. АН СССР (1958).

4 См. в книге: Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М., 1974. С. 517-542.

5 Систематической истории японской литературы Н.И. Конрад так и не написал. См. его "очерковые" работы на тему: Очерки японской литературы. Статьи и иссл. М., 1973; Японская литература. От "Кодзики" до Токутами. М., 1974; Избр. труды. Литература и театр. М., 1978.

39

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 438. Л. 64-65 об. Автограф.

1 Тема кандидатской диссертации Л.Д. Позднеевой — "Повесть об Ин-ин" Юань Чжэнь (История сюжета) "Любовь в монастыре" с IX по XIII в."; отзыв Конрада на нее см.: АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.101.

2 Эми Сяо (Сяо Сань) (1896-1983) — китайский поэт и публицист, политический деятель, в 1922-1924 и 1928-1939 гг. жил в СССР, преподавал в КУТВ, МИВ, один из авторов и инициаторов проекта латинизации китайской письменности; Кара-Мурза Георгий Сергеевич (1906-1945) — китаист, научный сотрудник Института мирового хозяйства и мировой политики, преподаватель МИВ (1932-1939).

3 Петров А.А. Из истории материалистических идей в древнем Китае (Ван Чун, I в. н. э.) // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 49-71.

40

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 242. Л. 1-1 б. Машинопись. Отпуск.

1 См. комм. 5 к письму 34, письмо.

41

Личный архив Ф. А. Тодер. Автограф.

Тодер Фаина Александровна (р. 1911) — специалист по новейшей истории Китая (Тайваня), сотрудник Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (1943-1950), научный сотрудник Института востоковедения (1957-1984), кандидат исторических наук (1949).

1 Тема диссертации Ф.А. Тодер — "История захвата Формозы Японией". Защищена в 1949 г.

2 Эйдоус Хаим Тевелевич (1896-1972) — японист, сотрудник ИВ АН (1931-1972), доктор исторических наук (1940); Вайнцивайс Николай Кононович (1897-1968) — китаист, научный сотрудник Тихоокеанского института АН СССР (1942-1944, 1949-1950), доктор экономических наук (1947).

3 Гальперин Александр Львович (1896-1960) — японист, научный сотрудник Тихоокеанского института АН СССР (1942-1950), доктор исторических наук (1947).

4 Тема диссертации Б.В. Родова — "Японо-американские переговоры 1941 года (К вопросу о происхождении тихоокеанской войны)". Защищена в 1947 г.

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 438. Л. 35-35 об. Автограф.

1 Дочь Н.А. Невского — Елена Николаевна Невская, см. также письмо 47.

2 Дочь В.М. Алексеева — известный историк науки, публикатор научного и эпистолярного наследия отца Марианна Васильевна Баньковская.

3 Советская синология за 30 лет // Вестник АН СССР. 1948. № 1. С. 110.

4 Возможно, имеются в виду следующие работы В.М. Алексеева: "Греческий логос и китайское дао" (РНИР за 1945 г. М., 1947), "Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве" (ИАН СССР. ОЛЯ. 1944. Т. 3. Вып. 4) и др.

СПбФАРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 403. Л. 3-3 об. Автограф.

Мещанинов Иван Иванович (1883-1976) — языковед, археолог, академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР.

1 *Гольдберг Николай Максимович* (1891-1961) — индолог. Учился в Лозаннском и Гейдельбергском университетах. Сотрудник ИКИД СССР и Восточного отдела Коминтерна (1920-1935), корреспондент ТАСС в Турции. Научный сотрудник ИВ АН с 1941. Кандидат исторических наук.

2 В заявлении Н.И. Конрада от 29 ноября 1947 г. говорилось: "В связи с постановлением Бюро отделения от 23 сего октября, отменяющим установившийся с самого начала и практиковавшийся в течение 4-х лет порядок работы Московской группы Института востоковедения АН СССР и тем самым отказывающим Московской группе работать как отдельная организация в составе Института востоковедения, вследствие чего члены этой группы превращаются в проживающих в Москве сотрудников тех или иных секторов института, настоящим обращаю Ваше внимание на то, что тем самым ликвидируется — как беспредметная — и должность председателя группы, на каковую в свое время Бюро назначило меня. Ввиду этого должен заявить, что я не могу и не имею права далее числиться таким председателем несуществующей организации и прошу таковые обязанности с меня с 1 декабря с. г. снять. О Вашем распоряжении касательно передачи для группы, прошу меня уведомить" (СПбФАРАН. Ф. 969. Оп. 1. Д. 403. Л. 2).

СПбФАРАН. Ф. 1001. Оп. 3. Д. 480. Л. 2-2 об. Автограф

Жирмунский Виктор Максимович (1891-1971) — филолог, лингвист, литературовед, фольклорист. Академик АН СССР (1966). Изучал этнографию и фольклор советских немцев, в результате трижды подвергался арестам (в 1933, 1935 и 1941) как "немецкий шпион". В эвакуации в Ташкенте (1942-1944) возглавлял Научно-исследовательский историко-филологический институт при Среднеазиатском университете. С 1957 до конца жизни — зав сектором индоевропейских языков Института языкознания АН СССР.

1 Жирмунский В. М., Юлдаш оглы Ф. Алпамыш. Узбекский народный эпос. Ташкент, 1944.

СПбФАРАН. Ф. 1026. Оп. 8. Д. 220. Л. 3-4.

Крачковская Вера Александровна (1884-1974) — арабистка, доктор исторических наук, жена И.Ю. Крачковского.

46

АРАН. Ф.1532. Оп.4. Д.147. Л.13-13 об. Автограф.

Заходер Борис Николаевич (1898-1960) — иранист; историк Ближнего и Среднего Востока в средние века. С 1930 г. преподавал персидский язык и возглавлял кафедру персидского языка в МИВ. Арестован в 1934 г., осужден на 3 года ссылки, которые отбывал в Казани. Досрочно освобожден. Преподавал в МИФЛИ (1934-1939), на историческом факультете МГУ (1934-1960), где с 1944 г. заведовал Отделением Востока. С 1944 г. сотрудник Московской группы ИВ АН СССР, с 1950 г. зав. сектором Ирана, с 1956 г. — руководитель Отдела стран Ближнего и Среднего Востока ИВ АН СССР

1 *Козин Сергей Андреевич* (1879-1956) — монголист, зав. кабинетом филологии ИВ АН, академик (1943).

47

АРАН. Ф. 1532. Оп. 4. Д. 147. Л. 21-22. Автограф.

1 Вечер памяти В.П. Васильева состоялся 13 июня 1950 г. (закрытое заседание). Были заслушаны доклады З.И. Горбачевой "Неопубликованные труды академика В.П. Васильева" и Л.З. Эйдилина "Работы академика В.П. Васильева о китайской литературе", а также письмо Н.И. Конрада. В этом фонде, а также в личных фондах Н.И. Конрада и Б.Н. Заходера упомянутое письмо не сохранилось. См. также неопубликованный очерк Конрада "Академик В.П.Васильев" (1951) — АРАН. Ф.1675. Оп.1.Д.14.

2 *Горбачева Зоя Ивановна* (р.1907) — синолог, научный сотрудник ЛО ИВ АН, кандидат исторических наук. Первый публикатор научного наследия Н.А. Невского.

48

СПбФАРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 438. Л. 70-71. Автограф.

1 См. комм. 2 к письму 23. В ответном письме от 28 января 1951 г. В.М. Алексеев писал: "Дорогой Николай Иосифович! Хочу поблагодарить Вас за книгу о Сунь-цзы, которая меня весьма удовлетворила — и с ее исторической и философской и со всякой другой, особенно классической стороны. Будем думать Вашими словами, избегая теперь рутины и обновляя китайских классиков наново. Примите наилучшие мои пожелания здоровья для дальнейшей работы, в успехе которой я не сомневаюсь. Ваш В. Алексеев" (АРАН. Ф.1675. Оп.1.Д.291. Л.2).

49

СПбФАРАН. Ф.820. Оп.3. Д.438. Л.72-73. Автограф.

Опубликовано: Известия РАН. Серия литературы и языка. Т.51. 1992. № 6. С.70.

1 Это последнее из имеющихся писем Н.И. Конрада В.М. Алексееву, скончавшемуся два месяца спустя, 12 мая 1951 г.

2 Речь идет о магистерской диссертации В.М. Алексеева, защищенной в 1916 г.

50

СПбФАРАН. Ф. 1037. Оп. 3. Д. 262. Л. 13-14 об. Автограф.

1 Далее опущены сведения о состоянии здоровья.

502

Личный архив Сыромятникова Н. А. Авторизованная машинопись.

Сыромятников Николай Александрович (1911-1984) — японист, лингвист, преподаватель Военного института иностранных языков (1946-1950), сотрудник ИВ АН (с 1950), кандидат филологических наук (1956).

1 Опубл.: Ученые записки ИВ АН. Т. 4. М.-Л., 1957. Более подробно о деятельности Н.А. Сыромятникова и его взаимоотношениях с Н.И. Конрадом см.: Алпатов В.М. Изучение японского языка в России и СССР. М., 1988. С. 136-145; Он же. Этот бескомпромиссный Н.А. Сыромятников (1911-1984) // О коллегах и товарищах: Московские востоковеды 60-80-х годов. М., 1994. С.148-168.

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 289. Л. 1-2. Публикуется по машинописной копии.

Опубликовано: Известия РАН. Серия литературы и языка. Т.51. 1992. № 6. С.73-74

Фишман Ольга Лазаревна (1917-1986) — литературовед и переводчик-китаист, доктор филологических наук. Преподаватель ЛГУ, в 1949 г. уволена в связи с арестом ее мужа, филолога-германиста А.Г. Левинтона. Научный сотрудник ЛО ИВ АН, зав. его китайской группой.

1 Все публикуемые в настоящем издании письма Н.И. Конрада О.Л. Фишман сохранились в фонде Конрада в виде машинописных копий с купюрами, сделанными самой О.Л. Фишман, по-видимому, для предполагавшегося к публикации тома писем ученого.

2 Речь идет о подготовке в серии "Литературные памятники" издания "Танские новеллы" (М., 1955).

3 *Васильев Борис Александрович* (1899-1937) — китаевед-филолог. Ученик В.М. Алексеева. Сотрудник Азиатского музея-Института востоковедения, преподаватель, профессор ЛВИ. Арестован в сентябре 1937 г., расстрелян в Ленинграде 24 ноября 1937 г. Его перевод, о котором упоминается в тексте, см.: Бо Цзюй-и. Песнь о бесконечной тоске // Восток. Сб.1: Литература Китая и Японии. М.-Л., 1935, с.113-125 -- сборник издан под редакцией Н.И. Конрада

4 См. изданный в 1952 г. перевод сборника стихов Бо Цзюйи "Цинские напевы", подготовленный Л.З. Эйдиным.

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 289. Л. 3-6. Публикуется по машинописной копии.

Опубликовано: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т.51. 1992. № 6. С.74-75

1 Новеллы итальянского Возрождения, избр. и перевод. П. И. Муратовым. Ч. 1-3. М., 1912--1913.

2 Энциклопедический словарь русского библиографического ин-та Гранат. Т. II. С. 5-22.

Личный архив Н.А. Сыромятникова. Авторизованная машинопись.

1 Н.А. Сыромятников являлся аспирантом Н.И. Конрада, однако его диссертация была написана фактически самостоятельно, т. к. Н.И. Конрад не одобрил ее темы, посвященной категории времени в японском языке. Защита диссертации, объем которой разросся до 826 с., состоялась в 1956 г.

2 Головин И.В. Глагольные времена в современном японском литературном языке. М., 1952 (канд. дисс., ВИИЯ).

3 Колпакчи Евгения Максимовна (1902-1952) — японистка, филолог. Преподаватель ЛГУ, сотрудник ЛО ИВ АН (1942-1950). Доктор филологических наук.

4 Collado D. Ars grammaticae Japonicae linguae. Tokyo. 1934.

55

АРАН. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 356 Л. 1. Автограф.

Авдиев Всеволод Игоревич (1898-1978) — востоковед, египтолог. Научный сотрудник, зам. директора (1950-1953), директор (1953-1954), зав. сектором древнего Востока (1954-1960) Московской группы-Института востоковедения АН СССР. Доктор исторических наук.

1 См. комм. к записке Конрада "О состоянии и задачах восточной филологии", публикуемой в настоящем издании.

2 С мая 1954 г. О.П. Петрова стала старшим научным сотрудником.

56

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 253. Л. 3-3 об. Машинопись. Отпуск.

1 Нобори Сёму (1878-1958) — японский литературовед, переводчик, автор "Истории русской и советской литературы", неоднократно бывал в России; о нем см. статью Н.И. Конрада "Нобори Сёму: К вопросу о взаимоотношениях японской и русской литератур" (Запад и Восток. М., 1966. С. 409-428). См. также письма 57 и 58.

57

Личный архив Н.А. Сыромятникова. Машинопись.

Ржевин Борис Васильевич — редактор издательства Академии наук.

1 Монография издана в 1956 г.

2 Холодович Александр Алексеевич (1906-1977) — японист, корейист, лингвист; доктор филологических наук; после ареста Конрада фактически возглавил японскую кафедру ЛГУ.

58

Научный архив ИВ РАН. Личный фонд В. М. Константинова. Автограф.

Константинов (псевд.: М. Айрский) Владимир Михайлович (1903-1967) — японовед. Окончил японское отделение дипломатического факультета МИВ в 1927 г. В 1927-1933 гг. работал переводчиком-референтом советского военного атташе в Токио, одновременно прослушал полный курс по японской истории и литературе в Университете Васэда. По возвращении на родину учился в Военной академии им. Фрунзе. Арестован в 1938 г., осужден в 1941 г. на 20 лет лишения свободы. Во время войны работал в "спецорганизациях" для заключенных в Чите, Хабаровске. В 1946 г. срок Константинова был сокращен на 5 лет. Оставаясь заключенным, внес значительный вклад в подготовку документов к Хабаровскому судебному процессу над японскими военными преступниками (декабрь 1949 г.). В 1952 г. досрочно освобожден. Однако, еще несколько лет удерживался на службе в УКГБ по Хабаровскому краю, в качестве референта по Японии и Китаю. В 1956 г., демобилизовавшись по болезни, приехал в Москву; научный сотрудник ИВ (1956-1967).

1 По окончании МИВ в 1927 г. В.М. Константинов был зачислен в аспирантуру института. Его научным руководителем стал Н.И. Конрад. О периоде заключения В.М. Константинов сообщает в автобиографии: "Находясь в заключении, был использован органами НКВД и МГБ для работы по специальности: переводил книги и прочие материалы с японского, английского, китайского и французского языков. Преподавал японский и английский языки, составлял отдельные доклады по Японии и Китаю, составил два специальных словаря (японско-русский и русско-японский), занимался обработкой прессы на японском, китайском и английском языках и т. д.". О некоторых итогах работы В.М. Константинова см.: Чугров С.М. "Время летит подобно стреле..." О жизни и научной деятельности В.М. Константинова (1903--1967) // Слово об учителях. Московские востоковеды 30-60-х годов. М., 1988. С. 34-46.

2 Уровень представленной к защите в ИВ АН СССР диссертации В.М. Константинова позволил Н.И. Конраду и А.Л. Гальперину обратиться в Ученый совет Института со следующим заявлением: «В пятницу, 8 апреля с. г., на заседании исторической секции Ученого совета Института востоковедения АН СССР при обсуждении диссертации на ученую степень кандидата исторических наук В.М. Константинова «"Оросиякоку суймудан" как памятник ранних русско-японских отношений» был поднят вопрос о присуждении диссертанту ученой степени доктора исторических наук за эту работу. Мы, академик Н.И. Конрад и профессор А.Л. Гальперин, считаем, что диссертант заслуживает присуждения ему ученой степени доктора исторических наук. Основания следующие: автором введен в науку ценнейший памятник по истории Японии конца XVIII в. и русско-японских отношений этого времени. Перевод и научная обработка этого памятника требуют редкого знания письменного японского языка, скорописи и изучения огромнейшей литературы на японском и др. языках для внесения ряда исправлений в текст японской рукописи и составления научного комментария. Все это сделано диссертантом с исключительной тщательностью, добросовестностью и на самом высоком научном уровне. 20 апреля 1960 г.» 25 апреля 1960 г. Ученый совет ИВ АН СССР присвоил В. М. Константинову ученую степень доктора исторических наук. Диссертация издана. См.: "Оросиякоку суймудан" (Сны о России) // Изд. текста, перев., вст. ст. и комм. М., 1961.

3 См.: Алпатов В. М. Указ. соч. С. 179-189.

4 Соколов А.П. Система письма в Японии, ее история и современное состояние. Канд. дисс. М., 1952

5 Опубликован еще ряд писем Н.И. Конрада В.М. Константинову, см.: "Восток". 1991. № 2. С.84 и след. (вступ. ст., сост. и примеч. С.В.Чугрова).

59

ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 15. Д. 51. Л. 11-11 об. Автограф.

Райнов Тимофей Иванович (1888-1956) — востоковед, историк науки, доктор исторических наук (1940); сотрудник библиотеки Коммунистической Академии (1923-1935), старший научный сотрудник Московской группы ИВ АН (1942-1948), ее ученый секретарь.

1 Опушены малозначительные сведения бытового характера.

2 *Трубецкой Николай Сергеевич (1890-1938)* — лингвист, филолог, один из основателей и идеологов евразийства; Пражский лингвистический кружок (1926 — нач. 1950-х гг.) являлся центром деятельности одного из направлений структурной лингвистики, разрабатывающего принципы фонологии, соотношения диахронии и синхронии, др. проблем общего языкознания.

60

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 342. Л. 2-2 об. Машинопись. Отпук.

Отакэ Х. — Президент главного агентства по продаже советских печатных изданий в Японии акционерного общества "Наука"

1 "Грамматика японского языка" М. Кизда на русском языке издана в 2 т. в 1958--1959 гг. (М.).

2 Письма японских корреспондентов Конрада см.: АРАН. Ф.1675. Оп.1. Д.254 (238 листов за май 1953 г. — сентябрь 1970 г.).

61

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 253. Л. 1-1 об. Машинопись. Отпуск.

1 См. также письмо 56.

62

АРАН. Ф. 1675. Д. 253. Оп. 1. Л. 2. Машинопись. Отпуск.

63

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 289. Л. 7-9. Машинопись. Отпуск.

1 В ЛО ИВ АН СССР были подготовлены, но не опубликованы очерки по истории китайской культуры. Для раздела "Литература" статьи написали: Б. Б. Вахтин (фольклор, поэзия периода Лючао), О.Л. Фишман (литература эпохи Тан периода династии Цзин и первой половины XX в.), И.С. Гуревич (жанр биньвэнь), Н.А. Петров (литература 1840--1919 гг.), М.И. Ульман (литература в КНР), Л.К. Павловская (китайская справочная литература). В целом эта коллективная работа была попыткой подвести итог развития китаеведения к началу 60-х гг.

64

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 290. Л. 1-1 об. Машинопись. Отпуск.

Хасимото М. — японский лингвист, специалист по языкам Юго-восточной Азии.

1 Речь идет о статье Н.И. Конрада "О литературном языке в Китае и Японии" (Вопросы языкознания. 1954, № 3).

2 Фтабатэй Симэй (1864-1909) — японский писатель

65

РПБ. Ф. 1073. Д. 856. Л. 1. Автограф.

Ахматова Анна Андреевна (1889-1966) — поэт.

1 Корейская классическая поэзия / Пер. А. Ахматовой. М., 1956 (Изд. 2-е — 1958). Составление сборника было осуществлено кафедрой корейской филологии ЛГУ (общ. ред., пред. и прим. А. А. Холодовича). Еще одним свидетельством творческих и личных контактов Н.И. Конрада и А.А. Ахматовой является дарственная надпись поэтессы на сборнике стихов "Из шести книг" (Л., 1940): "Николаю Иосифовичу Конраду в знак глубокой благодарности. Ахматова. 28 апреля 1957 г." (РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 2).

2 См. в данном томе комментарий к "Очеркам социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX-XX вв."

Личный архив Б.Б. Вахтина. Автограф.

Вахтин Борис Борисович (1930-1981) — синолог, писатель. Сын писательницы В. Пановой. В 1949-1954 гг. учился на Восточном факультете ЛГУ, в 1954-1957 гг. там же аспирант и одновременно сотрудник ЛО ИНА, где с 1961 г. возглавлял группу по описанию китайских ксилографов и старопечатных книг собрания института, а с 1962 г. заведовал Дальневосточным кабинетом. Член Союза писателей, секретарь секции художественного перевода при Ленинградском отделении Союза. Участник альманаха "Метрополь". Автор посмертно вышедших книг "Гибель Джонстауна" (Л., 1986) и "Так сложилась жизнь моя..." (Л., 1990). Публикацию писем Конрада к нему см.: "Голос источников": К истории одной несостоявшейся публикации (Н.Конрад — Б.Вахтин) // *Im memoriam*. Исторически сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.-СПб., 1995. С.292-335.

1 Автореферат кандидатской диссертации Б.Б. Вахтина "Исследования в области юэфу эпох Хань и Наньбэйчао", защищенной в 1959 г. в ЛГУ. Научный руководитель — Н.И. Конрад.

67

СПбФАРАН. Ф.909. Оп.4. Д.268. Л.5-5об. Авторизованная машинопись.

Орбели Иосиф Абгарович (1887-1961) — востоковед, директор Эрмитажа (1934-1951), зав. ЛО ИВ АН (1956-1961), академик (1935).

1 Датируется по содержанию.

2 Вдова В.М. Алексеева.

3 *Федоренко Николай Трофимович* (р. 1912) — филолог, литературовед-синолог. Чл.-корр. АН СССР (1958). Советник посольства СССР в КНР (1950-1952), посол в Японии (1958-1962). Постоянный представитель СССР в ООН и Совете Безопасности (1963-1968). Главный редактор журнала "Иностранная литература" (с 1970).

4 Речь идет о подготовке к изданию трудов репрессированных востоковедов Н.А. Невского (Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. Т. 1-2. М., 1960) и Ю.К. Щуцкого (Китайская классическая "Книга перемен". М., 1960).

5 См. комм. к письму

68

РНБ. Ф. 1073. Д. 856. Л. 2. Автограф.

1 *Гумилев Лев Николаевич* (1912-1992) — историк, археолог, этнограф; сын А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилева. Об обстоятельствах знакомства Конрада с А.А. Ахматовой свидетельствует Э.Г. Герштейн: "Анна Андреевна Ахматова познакомилась с Конрадом, когда работала над переводами из корейской и китайской поэзии для Гослита. В это время началось издание многоотомной всеобщей истории, и Конрад хотел привлечь к участию в этой работе Л.Н. Гумилева, не дожидаясь его освобождения (с крупными специалистами это иногда делалось). Особенно горячо отнесся Конрад к Гумилеву, когда прочел его рукопись (20 листов) по истории Срединной Азии, которую Лев написал в лагере и ухитрился переслать мне в октябре 1955 г. Перепечатав на машинке, я отнесла ее Конраду. С какой нежностью он держал в руках, как будто взвешивал каждую, четыре красные папки, в которые я вложила рукопись!" (Герштейн Э. Мемуары и факты: Об освобождении Льва Гумилева // *Горизонт*. 1989. № 6. С. 60).

69

РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 581. Л. 1. Автограф.

Оксман Юлиан Григорьевич (1894-1970) — филолог, литературовед. С 1933 по 1936 гг. зам. директора ИРЛИ (Пушкинский Дом).

1 Имеется в виду издание Н.И. Конрада в действительные члены АН СССР:

70

СПбФАРАН. Ф. 909. Оп. 4. Д. 268. Л. 6-6 об. Автограф.

- 1 *Панкратов Борис Иванович* (1892-1979) -- китаист, **маньчжурист, тибетолог и монголовед**. Сотрудник ИВ АП
2 См. комм. 4 к письму 67.

71

СПбФАРАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 262. Л. 18-19. Автограф.

- 1 История мар Ябалахи III и раббан Саумы / Иссл., пер. с сир. и примеч. Н. В. Пигулевской. М., 1958.

2 *Якубовский Александр Юрьевич* (1886-1953) — историк, археолог, чл.-корр. АН СССР; автор монографий "Золотая Орда" (М., 1941) и "Золотая Орда и ее падение" (М.-Л., 1950) — в соавторстве с Б.Д. Грековым

3 *Петрушевский Илья Павлович* (1898-1977) — историк, специалист по средневековой истории Закавказья и Средней Азии; доктор исторических наук

4 Histoire de mar Jabalaha, patriarche et de rabban Sauma / Ed. by P. Bedjan. Paris, 1888.

5 См.: Пигулевская Н. В. Византия и Восток: Доклад на сессии ОИФ АН СССР 5-6 мая 1944 г. // Палестинский сборник. Вып. 23 (86). Л., 1971. С. 3-16.

72

Личный архив Б. Б. Вахтина. Автограф.

73

ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 15. Д. 51. Л. 35. Автограф.

Райнова Евгения Борисовна — вдова Т.И.Р айнава

1 Датируется по почтовому штемпелю.

2 Имеется в виду издание монографии Т.И.Райнова **об аль-Фараби**.

74

Личный архив Ф.А. Тодер. Автограф.

1 *Позднеева Вера Дмитриевна* (1906-1943) — японистка, ученица Конрада по ЛГУ. Преподаватель Военной Академии им. М.В.Фрунзе. Военного института иностранных языков.

2 Отец В.Д. Позднеевой — Д.М. Позднеев, учитель Н.И. Конрада в Практической Восточной академии, был репрессирован и погиб.

3 По-видимому, имеется в виду трехтомное сочинение Д.М. Позднеева "Материалы по истории Северной Японии и ее отношений с континентальной Азией и Россией", изданное в 1909 г. в Японии на русском языке.

4 Имеется в виду подготовка В.М. Константиновым диссертации.

75

Личный архив Б.Б. Вахтина. Автограф.

1 Роуленд Б. Искусство Запада и Востока / Ред. и комм. **Н.И. Конрада**. М., 1958.

2 Речь идет о статье известного лингвиста, ученика Н.Я. Марра В.И. Абаева "Н.Я. Марр (1864-1934). К 25-летию со дня смерти" (Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 90-99), опубликованной в журнале, где Конрад являлся заместителем главного редактора (В.В. Виноградова). После прошедшей в 1950 г. "дискуссии о языке" имя Н.Я. Марра "вычеркнули... точно его и не существовало", писал В.И. Абаев и далее продолжал: "Нет ничего легче, чем показать несостоятельность лингвистических построений и методов Марра в последний период его деятельности; но в то же время было бы неправильно и стать на путь огульного зачеркивания всего, что им было за это время сделано" (С.90,96). Как видно из публикуемого письма, Конрад был вполне солидарен с мнением Абаева, что весьма примечательно, ибо даже таким строгим антимарровским историографом, как В.М. Алпатов, Конрад ни в апологетике, ни в цитировании работ Марра в 1930-50-ые "замечен не был" (см.: Алпатов В.М. История изучения японского языка в России и СССР. М., 1988. С.174; он же. История одного мифа. М., 1991. С.174, 203).

76

Личный архив Б. Б. Вахтина. Автограф.

1 См. комм. 1 к письму 63.

2 *Юй тай синь юн* — китайский поэтический сборник подражаний (VI в. н.э.), включавший "грубые стихи".

3 По-видимому, имеется в виду Надежда Александровна Павлович. См. в настоящем издании публикацию писем Конрада к ней.

4 О С.Л. Тихвинском см. комм. к письму 78.

77

Личный архив Б.Б. Вахтина. Автограф.

1 Речь идет о рецензии Б.Б. Вахтина на книгу Б. Роуланда "Искусство Запада и Востока" (На двух разных концах земли / Культура и жизнь. 1960. № 9).

2 Министром культуры СССР был П.А. Михайлов, затем Е.А. Фурцева.

3 *Тревер Камилла Васильевна* (1892-1974) — иранистка, археолог; научный сотрудник Эрмитажа (1921-1928), Института археологии АН СССР; чл.-корр. АН СССР (1943). Толстов Сергей Павлович (1907-1976) — археолог, этнограф, директор Института этнографии (1942-1965); чл.-корр. АН СССР (1953); упоминаемая работа — "Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования" (М., 1947).

78

Личный архив С.Л. Тихвинского. Автограф.

Тихвинский Сергей Леонидович (р.1918) — китаист, многие годы провел на дипломатической работе в Китае, Японии, Великобритании; имеет ранг посла (1966). С 1960 директор Института китаеведения, зам. директора ИИА (1961-1963). Академик-секретарь Отделения истории АН СССР (1982-1989).

1 Речь идет о крупной реорганизации востоковедных учреждений в системе АН СССР. Еще в 1959 г. на базе подразделений ИВ АН СССР и ИЭ АН СССР, ведущих исследования в области африканистики, был создан Институт Африки АН СССР. В июле 1960 г. институты востоковедения и китаеведения АН СССР были слиты в Институт народов Азии (ИНАЗ) АН СССР. В 1969 г. Институту возвращено прежнее название ИВ АН СССР.

Личный архив Р.В. Вяткина. Автограф.

Вяткин Рудольф Всеволодович (р.1910) — востоковед, переводчик. С 1956 г. научный сотрудник Института китаеведения, затем Института востоковедения АН СССР. В его переводе, с комментариями и примечаниями изданы "Исторические записки" ("Ши цзи") Сыма Цяня (Т.1-6. М., 1972-1992).

1 См. комм. 1 к письму 78.

2 *Шаванн (Chavannes) Эдуард* (1865-1918) — французский исследователь древней истории, философии и религии Китая.

ОР РГБ. Ф. 441. Карт. 15. Л. 51. Л. 36-36 об. Автограф.

1 Беспокойство вдовы Т.И. Райнова было связано с **перспективами издания его монографии** об аль-Фараби. Книга Райнова до сих пор не издана.

2 Имеются в виду работы Н.А. Невского и Ю.К. Щуцкого.

Личный архив Б.Б. Вахтина. Автограф.

1 Речь идет о защите 22 декабря 1961 г. докторской диссертации А.И. Иванова "Роль мировоззрения в творчестве писателя".

2 Т. е. был репрессирован.

3 *Асмус Валентин Фердинандович* (1894-1975) — философ, профессор МГУ, доктор философских наук.

4 *Федосеев Петр Николаевич* (1908-1990) — философ, в 1941-1955 гг. работник аппарата ЦК КПСС, директор Института философии АН СССР (1955-1962), директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (1967-1973), академик (1960), вице-президент АН СССР (1962-1967, 1971-1988).

5 Статья опубликована под названием "Заметки о смысле истории" (Вестник истории мировой культуры. 1961. № 2).

6 *Константинов Федор Васильевич* (1901-1991) — философ, главный редактор журналов "Вопросы философии" (1952-1954) и "Коммунист" (1958-1962), директор Института философии АН СССР (1962-1967), чл.-корр. АН СССР (1953), с 1964 г. академик.

7 *Каммари Михаил Давидович* (1898-1965) — философ, главный редактор журнала "Вопросы философии" (1954-1959), чл.-корр. АН СССР (1953).

8 Статья все же была написана и под названием "Размышления об истории культурно-го и научного развития человечества" появилась в журнале "Народы Азии и Африки" (1962. № 5).

Личный архив Б.Б. Вахтина. Автограф.

1 *Гитович Александр Ильич* (1909-1966) — поэт, переводчик, в т.ч. китайской классической поэзии. В архиве Конрада сохранился акrostих, написанный им к 70-летию юбилею Конрада. Публикуется впервые (АРАН. Ф.1675. Оп.1.Д.298. Л.2-3):

Подражание древним

*Я живу устранившись от дел, редко бываю
весел, ночи тянутся долго и если есть вино,
то каждый вечер пью. Смотрю на свою тень,
в одиночестве осушаю стаканы — и вот,*

снова пьян. Опьянев, я пишу, наслаждаясь,
строку за строкой — много уходит бумаги и
туши, но в словах нет порядка. Я прошу
друзей переписать эти стихи, чтоб
развлечься, посмеяться — и только.

Тао Цянь

Николай Иосифович Конрад,
Истинным добром авторитета,
К тишине библиотечных комнат,
Отослал непьющего поэта.

Люто презирая просвещение
(А ученый это все предвидел), —
Йогов немарксистское ученье
Искренне поэт возненавидел.

О другом поэт стал думать вскоре:
С Тао Цянем быстро он сдружился,
И с Ду Фу, с которым выпил с горя.
Фарисеев больше не страшился.

Он решил с достойным постоянством
Верным быть возвышенному чувству —
И обрел, воспламененный пьянством,
Чувство подлинной любви к искусству.

Как же надо славить педагога,
О таком подумавшем совете!
Надо знать, что нелегка дорога,
Рисковать — не попадая в сети.

Академик должен — он от бога! —
Десять тысяч лет прожить на свете.

2 См.: Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом "Братья Карамазовы" и трактатом Канта "Критика чистого разума". М., 1963. Н.И. Конрад помогал Я.Э. Голосовкеру в издании этой книги, а в дальнейшем был председателем комиссии по его литературному наследию; см. также отзыв Н.И. Конрада о работе Я.Э. Голосовкера "Имагинативный абсолют" (Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987. С.182-186).

5 См. комм. 5 к письму 1.

83

Личный архив Ю. В. Ионовой. Автограф.

Ионова Юндвига Васильевна — кореистка, этнограф, научный сотрудник Института этнографии (Сиб.), кандидат исторических наук.

1 Речь идет об отчете Н.И. Конрада о поездках в Корею для сбора этнографического материала в 1915-1916 гг. Лев Яковлевич Штернберг, (1861-1927) — этнограф и языковед. Чл.-корр. АН СССР (1924). См. также комментарии к "Очеркам социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX--XX вв.", публикуемым в настоящем издании.

2 В 1926 г. в Токио состоялся III Тихоокеанский конгресс.

84

Личный архив Б.Б. Вахтина. Автограф.

1 Писательница Вера Федоровна Панова.

2 В начале 60-х гг. Тартуский университет стал центром семиотических исследований, которыми в это время очень интересовался И.И. Конрад. Об этом см.: Иванов Вяч. Вс. Памяти Никола Иосифовича Конрада // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 313. Труды по востоковедению. II, 2. Тарту, 1973. С. 496-499.

3 *Итс Рудольф Фердинандович* (1928-1995) — этнограф, научный сотрудник, зав. сектором Восточной и Южной Азии, Австралии и Океании (1963-1968), зав. Ленинградской частью (1982-1990), зам. директора Института этнографии АН СССР.

4 *Брагинский Иосиф Самуилович* (1905-1989) — востоковед, доктор филологических наук. Научный сотрудник Института востоковедения и мировой литературы АН СССР. Главный редактор журнала "Советское востоковедение" — "Народы Азии и Африки" (с 1957)

85

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 289. Л. 12-13. Машинописная копия.

86

Личный архив Б.Б. Вахтина. Автограф

1 С 1962 г. Н.И. Конрад был председателем редколлегии серии "Литературные памятники"

2 В 1962-1966 гг. Б.Б. Вахтин руководил Дальневосточным кабинетом ЛО ИВ АН СССР.

87

АРАН. Ф. 1602. Оп. 1. Д. 246. Л. 5-7 об. Автограф.

Опубликовано: Известия РАН. Серия литературы и языка. Т.51. 1992. № 6. С.70-73.

Виноградов Виктор Владимирович (1894/95-1969) — языковед, литературовед, директор Института языкознания (1950-1954) и русского языка (1958-1968) АН СССР, главный редактор журнала "Вопросы языкознания", академик (1946).

1 С 1959 по 1964 гг. Н.И. Конрад являлся заместителем главного редактора журнала "Вопросы языкознания".

2 В конце 50-х — начале 60-х гг. в журнале "Вопросы языкознания" под рубрикой "Из истории языкознания" был опубликован целый ряд материалов И.С. Трубецкого (1958. № 1; 1959. № 2), Р.О. Якобсона (1962. № 3), А.А. Шахматова (1962. № 6), Л.В. Щербы (1962. № 2), Е.Д. Поливанова (1960. № 4) и др.

88

СПбФАРАН. Ф. 1001. Оп. 3. Д. 480. Л. 11-11 об. Автограф.

1 Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.-Л., 1964; он же. Драма Александра Блока "Роза и крест". Лит. источники. Л., 1964.

2 Жирмунский В. М. Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха // Вопросы языкознания. 1964. № 4. С. 3-24.

89

Личный архив Б.Б. Вахтина. Автограф.

1 См.: Шекспир и его эпоха // Новый мир. 1964. № 9; О работах академика В. В. Виноградова // Русская литература. 1964. № 4.

2 Бушмин Алексей Сергеевич (1910-1983) — литературовед, чл.-корр. АН СССР (с 1960).

3 См.: Проблемы современной филологии. М. 1965. С. 400-412.

4 Выступление П.И. Конрада в "Литературной газете" опубликовано не было. Текст см.: АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-13.

5 Опубликовано в "Вестнике древней истории" (1965. № 4. С.3-25)

90

СПбФАРАН. Ф. 1047. Оп. 3. Д. 308. Л. 4-4 об. Автограф.

Берков Павел Наумович (1896-1969) — литературовед, сотрудник Пушкинского Дома, чл.-корр. АН СССР (1960).

1 Речь идет о выборах в Академию наук СССР по Отделению литературы и языка.

2 О какой именно статье А.И. Овчаренко идет речь, установить не удалось. Возможно, что имеется в виду его статья "Социалистический реализм и современный литературный процесс", опубликованная несколько позже в журнале "Вопросы литературы" (1966. № 12. С. 4-29), с которой П.Н. Берков мог быть знаком заранее.

3 Храпченко Михаил Борисович (1904-1986) — литературовед, в выборы 1966 г. избран академиком.

4 Церетели Георгий Васильевич (1904-1973) — востоковед, семитолог, избран действительным членом АН СССР в следующие выборы - 1968 года.

91

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 282. Л. 5-6 об. Автограф.

1 По-видимому, такая оценка сессии АН СССР связана с тем, что Общее собрание Академии отвергло кандидатуру С.П. Трапезникова — в то время заведующего отделом науки ЦК КПСС, на место члена-корреспондента АН СССР по Отделению истории.

2 В. М. Жирмунский был избран действительным членом АН СССР по специальности "языкознание". Избраны также языковед-иранист М.Н. Боголюбов и славист-литературовед Д.Ф. Марков (члены-корреспонденты), М.Б. Храпченко (действительный член АН).

3 Имеется в виду справочник по серии "Литературные памятники"; выпущен в 1967 г.

4 Ознобишин Дмитрий Владимирович (1916-1991) — ученый секретарь редколлегии серии "Литературные памятники", доктор исторических наук

92

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 289. Л. 14-18. Машинопись. Отпуск.

1 Имеется в виду статья О.Л. Фишман и А.Г. Левинтона "Просвещение" в Советской исторической энциклопедии (Т. 11. М., 1968. С. 622-631). Официальный отзыв Н.И. Конрада на эту работу см.: Конрад Н.И. Избр. труды. История. М., 1974. С. 268-269.

2 Конрад Н. И. Первый этап японской буржуазной литературы // Труды ИВ АН СССР. М., 1932. № 1.

3 Радуль-Затуловский Я. Б. Андо Сёэки: Философ-материалист XVIII в. М., 1961.

93

СПбФАРАН. Ф. 1001. Оп. 3. Д. 480. Л. 16-17 об. Автограф.

1 Имеются в виду попытки создать журнал "Сравнительное литературоведение". Самонов Александр Михайлович (1908-1992) — военный историк, академик АН СССР, директор издательства "Наука".

94

Личный архив Б.Б. Вахтина. Автограф.

1 Здесь и далее опущены сведения о состоянии здоровья Н.И. Конрада.

2 Монгайт А.Л. История и прогресс // Новый мир. 1966. № 10. С. 271-275; публикацию полной переписки Н.И. Конрада с А.Тойнби см. в настоящем издании.

3 Петросян Юрий Ашотович (р.1930) — турколог, с 1963 г. зав. Ленинградским отделением ИВ АН.

95

СПбФАРАН. Ф. 1047. Оп. 3. Д. 308. Л. 15-15 об. Автограф.

1 Берков Н.Н. Рец. на кн.: Конрад Н.И. Запад и Восток: Статьи [Konrad N.I. West und Ost. 1966. 519 s.] // Deutsche Literaturzeitung. 1968. Н.7. Sp.589-591.

2 Берков Н.Н. Русские книголюбы. Очерки. М.-Л., 1967.

96

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 285. Л. 1-2. Автограф.

Сергеенко Мария Ефимовна (1892-1987) — филолог-классик, доктор исторических наук. Окончила Высшие (Бестужевские) женские курсы в 1912 г., до 1930 г. работала в Саратовском университете, затем по приглашению Н.И. Вавилова переехала в Ленинград, работала во Всесоюзном институте растениеводства, Институте истории науки и техники АН СССР (в секторе истории агрикультуры, руководимом Вавиловым), ЛГУ (до 1942), в 1945-1953 гг. — в Институте истории АН СССР.

97

АРАН. Ф. 1702. (Новые поступления) Автограф.

Майский (наст.: Ляховецкий) Иван Михайлович (1884-1975) — историк Китая, Японии, Монголии; публицист; дипломат. Советник полпредства СССР в Японии (1927-1928); полпред в Финляндии, Великобритании; зам. министра иностранных дел. Действ. чл. АН СССР (с 1946). Научный сотрудник Института истории АН СССР (с 1947), профессор МГУ (1948-1953).

1 Dev Murarka. Russians praise Arnold Toynbee // Observer. 1967. 3 Sept.

2 Трухановский Владимир Григорьевич (р.1914) — историк, специалист по новейшей истории Западной Европы, чл.-корр. АН СССР (с1964).

3 Литвинов Максим Максимович (1876-1951) — дипломат, зам. наркома (1921-1930, 1941-1943), нарком иностранных дел СССР (1930-1939).

98

Личный архив Б. Б. Вахтина. Автограф.

1 См. комм. 2 к письму 106.

Личный архив С.Л. Тихвинского. Автограф.

1 См.: Эйдин Л.З. Тао Юань-мин и его стихотворения. М., 1967 — защищена как докторская диссертация.

2 Статья опубликована в журнале "Народы Азии и Африки" (1968. № 4. С.59-70).

100

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 285. Л. 4-5 об. Автограф.

Опубликовано: Известия РАН. Серия литературы и языка. Т.51. 1992. № 6. С.82-83.

1 Последний адрес Н.И. Конрада в Москве — Ленинский проспект, 13. Окна квартиры Конрада выходили прямо на храм Ризоположения, в котором после кончины ученого его отпевали. В 1968 г. Пасха приходилась на 21 апреля.

2 См. публикацию этого "вступления" в настоящем издании.

101

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 285. Л. 6-7. Автограф.

1 *Аверинцев Сергей Сергеевич* (р.1937) — филолог, переводчик, чл.-корр. АН СССР (1992)

102

Личный архив Б.Б. Вахтина. Автограф.

1 См.: Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию: Избранные работы. М., 1968.

2 По-видимому: Сыромятников Н.А. Древнеяпонский язык. М., 1972

3 См. комм. 2 к письму 99

103

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 282. Л. 12-13 об. Автограф.

1 Опушены сведения о состоянии здоровья Н.И. Конрада.

2 *Рыльский Максим Фаддеевич* (1895-1964) — поэт, литературовед, фольклорист. Академик (1958).

3 *Фрейман Александр Арнольдович* (1879-1968) — востоковед-иранист. Филолог. Чл.-корр. АН СССР (1928).

4 Президентом АН СССР в это время был *Мстислав Всеволодович Келдыш* (1911-1978).

5 Д.С. Лихачев был избран действительным членом АН СССР в 1970 г

104

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 282. Л. 14-15 об. Автограф.

1 *Леонов Леонид Максимович* (1899-1994) — писатель, избран академиком в 1972 г.

2 *Сучков Борис Леонтьевич* (1917-1974) — литературовед, чл.-корр. АН СССР (1968).

Личный архив Б.Б. Вахтина. Автограф.

Частично опубликовано: Известия РАН. Серия литературы и языка. Т.51. 1992. № 6. С.82.

1 Н.И. Конрад был удостоен японским правительством ордена **Восходящего Солнца II** степени — второго по значению ордена Японии.

106

Личный архив Б.Б. Вахтина. Автограф.

1 Опущены сведения частного характера.

2 Письмо написано в связи с подготовкой к публикации сборника статей "Литература древнего Китая" (М., 1969). Н.И. Конрад являлся ответственным редактором, им же написано к сборнику предисловие. Б.Б. Вахтину в этой книге принадлежат две статьи: "Письменные памятники классической древности как литературные произведения" (С. 155-165) и "Народная литература в эпоху Хань" (С. 205-209).

3 Речь идет о 1-м томе "Истории всемирной литературы".

4 Впервые опубликовано: Средние века: Сборник. Вып. 17. М., 1960. С.96-115.

107

Личный архив А. Я. Гуревича. Автограф.

Гуревич Арон Яковлевич (р. 1924) — историк-медиевист, доктор исторических наук. В 1950-1966 гг. преподаватель Калининского педагогического института, с 1966 — старший научный сотрудник Института философии, с 1969 г. — Института всеобщей истории АН СССР.

1 Речь идет о попытках Н.И. Конрада помочь А.Я. Гуревичу после увольнения из Института философии устроиться на работу в системе АН СССР, в частности, в Институт всеобщей истории.

2 *Румянцев Алексей Матвеевич* (1905-1993) — экономист, академик (1966) и вице-президент АН СССР (1967-1971).

3 С февраля 1969 г. Н.И. Конрад был председателем Научного совета "История мировой культуры".

108

Личный архив Б. Б. Вахтина. Автограф.

1 Здесь и далее опущены сведения личного характера.

109

Личный архив Л.Д. Опульской. Автограф.

Опульская-Громова Лидия Дмитриевна — литературовед, зав. отделом русской классической литературы XIX в. ИМЛИ, доктор филологических наук.

1 Для серии "Литературные памятники" Л.Д. Опульская готовила публикацию "Исповеди" Л.Н. Толстого. Издание не состоялось.

110

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 280. Л. 1-3. Машинопись. Отпуск.

Григорьева Тамара Прокофьевна — редактор издательства "Художественная литература".

1 Японские пятистишия / Пер. с яп., вст. ст. и прим. А.Е. Глушкиной. М., 1972.

111

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 282. Л. 20-21. Автограф.

1 Упоминаются опубликованные в серии "Литературные памятники" издания: Легенда о докторе Фаусте / Изд. подг. В.М. Жирмунский. М.-Л., 1958; Данте Алигьери. Малые произведения / Изд. подг. И.И. Голенищев-Кутузов. Отв. ред. М.П. Алексеев и И.И. Голенищев-Кутузов. М., 1968.

2 Речь идет о заседании редколлегии серии "Литературные памятники".

3 *Балашов Николай Иванович* (р.1919) — литературовед, зав. отделом ИМЛИ, чл.-корр. АН СССР (1984); академик (1992).

112

АРАН. Ф. 1675 (новые поступления).

Санович Виктор Соломонович (р. 1939) — японист, переводчик. Окончил МГУ (1956-1962). Последний аспирант Н.И. Конрада (в 1967-1970). Сотрудник издательства "Художественная литература".

113

Личный архив Б. Б. Вахтина. Автограф.

1 5 марта 1970 г. в центральных газетах было опубликовано "Заявление" ряда "государственных и общественных деятелей, работников искусства, литературы и науки — граждан СССР еврейской национальности", с осуждением политики Израиля на Ближнем Востоке. Однако подписи Н.И. Конрада под этим заявлением нет. Возможно, что ему предлагалось поставить подпись под этой бумагой.

114

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 285. Л. 20-20 об. Автограф.

1 В серии "Литературные памятники" издание "Трех "Исповедей"" не состоялось. Перевод М.Е. Сергеевко "Исповеди" бл. Августина см.: Богословские труды. Сб.15 М., 1976. Одиссей. Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры. 1989. С. 144-182, также отдельное издание (1991).

115

АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 285. Л. 22-22 об. Автограф.

Опубликовано: Известия РАН. Серия литературы и языка. Т.51. 1992. №6. С.83.

1 В 1970 г. Пасха приходилась на 26 апреля.

116

Личный архив Б. Б. Вахтина. Автограф.

1 КОСПАР — Committee on Space Research of the International Council of Scientific Unions.

117

Личный архив А.Я. Гуревича. Автограф.

1 Всемирный конгресс историков состоялся в Москве 16-22 августа 1970 г.

2 Лазарев Виктор Никитич (1897-1976) — искусствовед, специалист по древнерусскому искусству, чл.-корр. АН СССР (1943).

3 Эйдлин Л. З. Идси и факты: (Несколько вопросов по поводу идеи китайского Возрождения) // Иностранная литература. 1970. № 8.

4 См.: Баткин Л.М. Замечания о границах Возрождения // Советское искусствознание. 1978. М., 1979. № 2. Подробнее о дискуссии по вопросам региональных ренессансов см.: Петров М. Т. Проблемы Возрождения в советской историографии. Л., 1989.

118

Личный архив Б. Б. Вахтина. Автограф.

1 Опубл.: Историко-филологические исследования. М., 1974.

2 *Сыиэн пу* — "учение о четырех тонах" (в поэзии); *ба бин* — "восемь болезней" (стиха) — термины теоретической поэтики Шэнь Юэ.

3 *Цин тань* — одно из литературных течений; также стиль ученых мужей III в. н. э.; букв. "чистые беседы" или "беседы о чистом".

119

АРАН. Ф. 1675 (новые поступления). Автограф.

Цың Мариам (Марианна) Самойловна (р.1904\05) — японовед. Ученица Н.И. Конрада. Преподаватель МИВ, один из редакторов журнала "Новый Восток". Репрессирована в 1937 г., освобождена в 1943 г. Впоследствии работала в МИВ. Член авторского коллектива "Большого японско-русского словаря". Вожж Григорий Рувимович — муж М.С. Цың, инженер.

120

Архивный фонд ИВ АН СССР. Машинопись.

Публикуется по копии, сделанной И.М. Ошаниным.

Ошанин Илья Михайлович (1900-1982) — китаист, преподаватель МИВ (1931-1942), зав. сектором восточных словарей (с 1956) ИВ АН, доктор филологических наук.

121

АРАН. Ф. 1675 (новые поступления).

1 См.: Н.К. От редакции // Бодлер III. Цветы зла. / Изд. подг. Н.И. Балашов и И.С. Поступальский. М., 1970. С.5-9.

2 См.: Народы Азии и Африки. 1970. №3. С.199-200.

Переписка Н.И. Конрада и А. Тойнби

В 1967 г. в журнале "Новый мир" (№ 7. С. 174-185) под заголовком "Диалог историков" были опубликованы два первых письма Н.И. Конрада и А. Тойнби, вызвавшие широкий общественный резонанс (об этом см. в данном издании письма №№ 94, 95, 97). Переписка ученых, возникшая в январе 1967 г., продолжалась в течение 4-х лет, вплоть до кончины Н.И. Конрада 30 сентября 1970 г. По-видимому, одно из последних в жизни Конрада писем было направлено именно А. Тойнби 16 сентября 1970 г.

Некоторые фрагменты из писем ученых приводятся в статье А.Л. Монгайта "Переписка Н.И. Конрада и А. Тойнби" (в кн.: Проблемы истории и теории мировой культуры. Сб. статей памяти ак. Н.И. Конрада. М., 1974. С. 143-160). Оригиналы писем Н. И. Конрада хранятся в Bodleian Library (Oxford, England); А. Тойнби — в Архиве РАН (Ф. 1675. Оп. 1. Д. 340. Л. 1-5 — письмо № 1; Л. 13-15 — письмо № 3; Л. 16 - письмо № 5; Л. 17-19 — письмо № 7; Л. 23-24 — письмо № 9; Л. 25 - письмо № 11; Л. 26-28 — письмо № 13; Л. 29 — письмо № 14). Все письма А. Тойнби, за исключением последнего (автограф), представляют собой авторизованную машинопись. Письма Н.И. Конрада, за исключением его первого ответа Тойнби, воспроизводимого по публикации "Нового мира", публикуются по копиям, хранящимся в Архиве РАН (Ф. 1675. Оп. 1. Д. 288. Л. 52 — письмо № 4 (авторизованный машинописный отпуск на русском языке); Л. 51 — письмо № 6 (авторизованный машинописный отпуск на русском языке); Л. 34-36 — письмо № 8 (на английском языке — машинописный отпуск; на русском - автограф Н.И.Фельдман-Конрад); Л. 38-38 об. — письмо № 10 (машинописный отпуск на русском языке); Л. 44-50а — письмо № 12 (машинописный отпуск на английском языке); Л. 39-40 — письмо № 15 (автограф Н.И.Конрада на русском языке). В фонде также сохранилась переписка между А.Тойнби и Н.И.Фельдман-Конрад (Л. 363, 368).

1. Автор рецензии — А.Л. Монгайт.
2. Имеется в виду ректор МГИМО.
3. В машинописном оригинале письма Конрада, хранящемся в Bodleian Library, другая дата — апрель 1967 г.
4. Утченко С.Л. Акрополи Эллады // Новый мир. 1962. № 7.
5. Цитата из выступления П.Л. Капицы.
6. Эта идея реализована не была.
7. Toynbee A.J. Constantine Porphyrogenitus and his world. L., 1973.
8. См., например: Toynbee views the present: In interview with Asahi Shimbun // Asahi Evening News. 1969. Marco, 24; Indo-China and future of Asia // The Mainichi Daily News. 1969. March 1 (газетные вырезки сохранились в фонде Конрада — АРАН. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 386)
9. Об этом см. письма № 96, 98, 100, 101, 109, 111, 114, 115 в настоящем издании.
10. Toynbee A. A Centenary View of Lenin // International Affairs. Vol. 46. № 3 (July 1970). P. 490-500. Оттиск сохранился в фонде Н.И.Конрада (АРАН. Ф.1675. Оп.1. Л. 387).

Приводим тексты оригиналов писем А. Тойнби:

1

"The Royal Institute of International Affairs
Chatham House, 10 St. James's Square
London SW

25th January, 1967

Dear Dr. Konrad,

A colleague of mine at this Institute has very kindly translated for me the review, in Novy Mir No. 10 for 1966, of your new book *West and East*. This includes a passage, concerning the chapter "On the Meaning of History", in which you refer, incidentally, to my view about this.

Of course this is only an indirect way of making acquaintance with your book. This is why I am writing to you now, in the hope of being able to make direct personal contact with you. The review in *Navy Mir* makes it clear that you are a generousminded critic.

I have the impression (I may be wrong, because, so far, I know your criticism only at second-hand) that my views have not come through to you quite correctly. If they were exactly what you take them to be, I myself should criticise them very much on your lines. However, I fancy that you and I see more eye to eye about human affairs than you suppose, if I am interpreting you right. Here are some points. I should be most grateful if you would consider them and, at your leisure, write to me that is, if you can find the time.

(I) You honour me in associating me with Spengler. I admire him, as I daresay you do, for the genius that shows itself in his many flashes of insight. I also agree with him in seeing human history, up to the present point (this is an important qualification), as having been, not a single stream of movement through time, embracing the whole human, race, but a set of separate contemporaneous streams. I think, again in agreement with Spengler, that this multiple flow of past history can be comprehended only by talking a synoptic view - the "comparative method" - because, before our time, these separate local series of events have not come together into a single stream that can be the subject of a single all-inclusive story. In this respect, both Spengler and I seem to agree with you, if the review correctly reproduces your concept of the independent occurrence of identical phenomena, e.g. renaissances, at identical stages in the historical development of different societies.

(II) At the same time, I dissent from Spengler radically on two important points that are connected with each other. Unlike Spengler, I am not a determinist and therefore (I sincerely believe) not a dogmatist. I do hold, as he holds, and as, I think, you too hold, that when one surveys what we know about the past, one can see certain regularities, uniformities, and recurrences (I will call these "patterns"). I account for them, (assuming, for the sake of the argument, that I am not mistaken in finding them) as effects of the uniformity of human nature especially the irrational, emotional, subconscious "stratum" of human nature about which so much has been discovered within our lifetime. However, I do not believe that "patterns" of event that may be discernible as actually having occurred in the past were fated to occur, by something in the constitution of human nature. I do not believe, either, that they were fated to recur — even if one finds some of them (e.g. wars, revolutions, renaissances, rises and declining of civilisations) recurring in the past a number of times. Most decidedly of all, I do not believe that patterns which have occurred very frequently in the past (e.g. wars) are for that reason, bound to recur - hard though it is for human beings to break with practices that have become habits.

In this crucial point of being a non-determinist, I disagree with Spengler and agree with you (if I have interpreted your view of history right). While human nature's subconscious level is common to mankind and at least some of the other orders of living creatures, two of the distinctive faculties of human nature (they are connected with each other) are consciousness and the capacity, that consciousness gives us, for making choices. (I am speaking in terms of our practical experience, without prejudice to the philosophical question about free will). Of course, we human beings are only partly free; for instance, we are, among other things, physical organisms which, like others above the amoeba level, are subject to death and have a maximum limit to their life-span. However, I believe that our freedom of choice is great enough to be decisive for the destiny of our species. For example, now that we have entered the Atomic Age, we have the choice between liquidating our species (and perhaps even making this planet uninhabitable for any form of life) and, alternatively, improving our way of living, both individually and socially, on this planet during the 2000 million more years for which, so the astronomers tell us, this planet seems likely to continue to be habitable by human beings.

Now I come to the units in terms of which I see the separate local streams in which history has flowed up to the present. Like Spengler, I believe that units on the civilisation-scale have been much more important than units on the nation-scale. Though my work did not begin to be published till sixteen years after the publication of the first instalment of *Der Untergang des Abendlandes*, I had, by then, already come to think in terms of civilisations. This was a reaction of mine against thinking of history in terms of nations. I had come to the conclusion that to see history in terms of national units was to see it distortedly, because it had become clear to me that no

national unit was self-contained. Civilisations seemed to me to approach more nearly to being "monads" in Leibniz's sense. I had been led to think in terms of civilisations through having educated in Ancient Greek history, in which we think in terms of Greek society and civilisation as a whole, rather than in terms of separate Greek communities - Sparta, Athens etc. In setting out to try to discover how many civilisations there have been, I took the history of the Ancient Greek civilisation as my clue, and I used it as a kind of master-pattern. I have been rightly criticised for having forced the facts of the histories of some of the other civilisations into Greek "bed of Procrustes", and I have acclimated this error in volume XII, called *Reconsiderations*, of my book *A Study of History* - a volume that you may not have come across.

I also realised, in the course of writing this long book, that, in the geneses of the "higher" religions - specially the missionary religions (e.g. Buddhism, Christianity, Islam) - more than one civilisation had been involved in each case; so civilisations too, like nations, were not truly monads. This has made me come to feel that the structure even of past human history is less Monadic than I had supposed when I thought I had discovered virtual monads in history in the shape of civilisations.

I now believe that the monadic structure of past human history (in so far as it really has been monadic) has been due to the past inadequacy of human communications. Human beings need personal intercourse with each other in order to be effectively aware of their common humanity and consequently to be able to manage to live together like members of a single family. It is only within our own lifetime that the so-called "annihilation of distance", which began with the domestication of the first donkey and the building of the first boat, has reached a degree of efficiency that is now going to make it possible, for the first time in human history, for the whole of mankind to coalesce into a single community. We shall, I should hope, still keep plenty of local and cultural variety, e.g. in the field of poetry, subject to an overriding unity, but it has now become imperative unity in life-and-death matters such as the control of atomic energy and the organising of the production and distribution of food to feed our now rapidly increasing numbers.

However, science and technology are morally neutral forces. The use of them is one sphere in which we human beings certainly do have a freedom of choice. In the Atomic Age, we have it in our power to make the extreme choice between destroying ourselves or uniting with each other, for the first time in history, on a world-wide scale. Since the invention of the atomic weapon, we have still been behaving almost as if we were still in the preatomic age. We have all been indulging in nationalism, and some of us have not even refrained from going to war with so-called "conventional" weapons, in spite of the appalling risks of "escalation".

At the same, I am an optimist - as I understand, from the review in *Novy Mir*, that you are. My expectation is that we are not going to make an atomic world-war, and that, bit by bit, we are going to grow together into a single human society. Already, we have had some personalities that have been heroes for the whole human race: e. g. the Soviet and American pioneers in spacemanship (universally admired for their magnificent combination of courage and skill); Pope John XXII; President Kennedy. Thanks to television, radio, and air-travel, a human being can now be seen and heard by his fellow human beings all over the globe.

If I succeed, as I hope, in getting into touch with you, I shall send you, if you will let me know the most convenient address for you, a copy of a book of mine, *Change and Habit*, published in September 1966, in which I postulate the practical reality of human freedom of choice - including the power of breaking with old-established customs if and when these have become disastrous.

With my very best wishes, yours sincerely,

A.J. Foytbee

P.S. May I make a request about a personal matter? I should very much like to get into touch again with a countryman of yours who was a colleague of mine at the 1946 peace conference in Paris. We were both doing temporary war-time service for our respective governments, and we made friends, with the expectation of being able to keep in touch with each other afterwards. We lost contact with each other when relations between "East" and "West" became strained. Now that, happily, these relations are becoming normally human again, I should greatly like to make contact with him once more. His name is Ivanov - no doubt, as common a name is Russia as Johnson is in

England, but my Ivanov is identifiable because, at that date, he was, in peace-time, Director of an academy in Moscow for training candidates for entry into the Soviet Union Foreign Service. To be in touch with Ivanov again would give me great happiness. A. J. T.

3

30th June, 1967

Dear Dr. Konrad,

I have now come back to London from California, and have read your most gracious and also most interesting letter of April, which my secretary in London acknowledged, on my behalf, on 22nd May. I hope that the copy of my book *Change and Habit*, which my secretary sent you, has reached you. I am certainly not indifferent to the opinion of scholars in the Soviet Union.

Your country contain so many different peoples, speaking so many different languages and inheriting so many different cultures, that it is a sample of the World as a whole, and, in combining this cultural and linguistic variety with economic and social and political unity on a federal basis, you have demonstrated, in the Soviet Union, what can be done in the old as a whole - and will, I hope, be done at some future date. In the Soviet Union, East and West seem to have entered into an enduring partnership, whereas, in the former West European empires, East and West now have parted company. I hope, however, that all parts of the human race are eventually going to come together into some form of World community, on a footing of equality for all of us. This seems to be required by mankind's co-operative technological and scientific achievements - above all, by "the annihilation of distance" through the sensational modern improvements in means of communication.

The friendly tone of my letter was a response to the friendliness of your comments on my work. In any case, I could not feel unfriendly to the representative of a country that is the home of so many millions of my fellow human beings.

Philosophies, like religions, transcend national and cultural limits. Marx and Engels were born and brought up in the Rhineland; they did their work in England; and the first country to adopt their philosophy - which is not just theoretical, but is a social system - was the former Russian Empire, which has now been transformed into the Soviet Union.

The most important thing in a human being - and also the most important thing for him - is his human nature. He has first to be a human being in order to be a member of any racial, linguistic, national, economic, or cultural group - and our human nature is common to all of us.

More than that, there is a special link that unites all of us representatives of the human race who happen to be alive at the present time. We are all having to cope with an identical set of problems. I have touched on one of these problems already one that you, too, deal with in your letter. I am speaking here of the problem of finding a workable balance between variety and unity. Another common problem that confronts the whole living generation of the human race is the problem that has been imposed on us by our common human genius in the field of science and technology - a field in which we have been much more successful, so far, than we have been in the field of our relations with each other.

For instance, the progress of chemical science has put in our hands potent drugs that may be used either as beneficent medicines or as demoralising intoxicants. The achievement of atomic has given us the means of either committing mass-suicide or asking unprecedented advances in the material welfare of the human race. The improvement in public health has reduced the death-rate and has thus produced the present "population-explosion". The application of science to food-production is perhaps going to make it possible to feed a population of the size that the world's population is likely to have reached before it is stabilised again by a voluntary reduction of the birth-rate to match the already achieved death-rate.

These problems are all common to the whole living generation all over the World. The future of the human race may depend on whether our generation succeeds or fails in its attempts to solve these problems. This places on our generation an unusually heavy responsibility, which we all share with each other.

What you say in your letter about "the estrangement of personality" interests me particularly. The triumphant success of our modern science and technology has caught man in an artificial man-made environment in which the human individual feels himself reduced almost to nullity by the vastly increased pressure of society on him. This is the price of our technological process. Every achievement has to be paid for in some form. Here again, in this field of human relations - the relations of human beings with each other in a massive and complex social structure - we have to find a workable balance between variety and unit.

I have not been able to take up more than a few of the questions that you raise in your letter, but I am thinking about all of them, and I am greatly looking forward to reading your book *West and East*. You may be sure that I still read it, not only sine ira, but studio of the dispassionate, not the prejudiced, kind.

I hope that, now that we have got into personal touch with each other, thanks to my colleague at Chatham House, Mr. Marcus Wheeler, we may continue our present correspondence.

With my best wishes, yours very sincerely,

Arnold J. Toynbee

5

31 st January, 1968

Dear Dr. Konrad,

I have just come back to London from a three-months-long absence (I was at a university in Japan) and have had your letter of 17th December, 1967. I am delighted to hear from you again, and I need hardly say that what you are so kind as to write, in your letter, about my book has given me very great pleasure. If and when you do have the time to write again, more at length, I shall be very grateful.

I shall be back at this address for as far as I can see ahead.

With many thanks again, and my best wishes to you for the New Year, yours very sincerely,

Arnold Toynbee

7

23rd April, 1969.

My dear Dr. Konrad,

Instead of being in New York, I am in bed in London, recovering (well) from a coronary thrombosis that overtook me suddenly last month, a few days before my wife and I were due to cross the Atlantic. "The age of the recurrence of the calendar" must have been an auspicious one for me; for, till 26th March, I was still able to work and write almost like a young man. Now nature is making me lie still and meditate, like a retired Chinese civil servant or a Brahman in the last and best stage of his life.

My old friend Alvin Eurich, who, as you know, was organising the party in New York for me, has sent in the volume of letters from my friends that was to have been given to me in New York on 14th April. The letters are in alphabetical order, and, when I came to yours, I was filled with joy - most of all for the personal reason that I greatly value your friendship, but also because it is a voice from Russia - and from China too, through you and I long to see the human race united at last as a single family.

If I am right, this was Confucius's approach to politics. Like all human ideals, it has been achieved only very imperfectly; yet, even so, this way of looking at human relations on the political scale, which are often inhumanely impersonal, has made it possible for the Chinese to hold together larger numbers of people for longer periods of time in a relatively high degree of peace and order than any of the rest of us have succeeded in doing so far.

I am greatly distressed at the estrangement between the Western countries and both Russia and China, but I am still more distressed, as you too must be, that China has quarrelled with Russia. Perhaps the Chinese, who have so many desirable virtues, are not good at forgetting and forgiving. It is true that, in the nineteenth century, Russia, like the rest of us (except, to some extent, America) did take advantage of China's temporary weakness, but you never did anything to China that was anything like so brutal as what we British did in the Opium War. The territories that you occupied beyond the Amur and the Ussuri were almost uninhabited at the time, and you needed them, more than the Manchus did, to grow cereals for feeding the rest of Siberia. I have visited the Russian fort in California where the Russian and Spanish empires once met. You had to go all that way to grow grain for Siberia.

Since then, too, you have made atonement. China could never have recovered Port Arthur and Dairen if Russia had not taken them again in 1945, and this time she handed them back to China. Also, when Russia was still bleeding from the fearful wounds of the Second World War, in which she had borne the brunt, she sent equipment and technicians, whom she could not easily spare, to help China when China was in even greater need than Russia was.

So I long to see China reconciled to Russia, and of course, I also long to see Russia and the West reconciled with each other.

Human beings always act in the light of the past (it is only light that we have on the future). If I were a Russian am sure I should be suspicious of the West, and should be on the defensive against us. The West believes that Russia has aggressive designs against us, but, being an historian, I remember that Russia had been invaded by one Western country after another: first by the Poles and Swedes, then by the French, and then, twice within our own lifetime, by the Germans.

One tragic result of this is that, so far, the Soviet Union has not dared to let go its hold on the East European countries, because the invasion-routes from Western Europe and America run through their territory. I will touch on a delicate subject. It is heartbreaking that the Soviet Union's concern - natural though this is - for military security should have alienated the Czechs from you. In the nineteenth century, Russia was the Czechs' great hope, and in 1945 it was Russia who liberated them. Is there anything that we, in the West, can do to relieve Russia's anxiety, which is the sad legacy of past history, and so make it easier for Russia to relax her hold on Eastern Europe? Are there any practical acts that we can take to convince you that none of us not even the Germans - want ever to attack Russian again? These estrangements are sad, because the heritages of our different civilisations are the common treasure of the human race, and this treasure is incomplete if any part of it is missing.

The Russian treasure that I am most familiar with is, of course, the great Russian literature of modern times - "*Fathers and Sons*", "*War and Peace*", "*Crime and Punishment*" - I read and re-read these and all the rest, not in Russian, unfortunately, but their spiritual power comes through even in French or English translations. However, my greatest Russian heroes are two mediaeval ones, Boris and Gleb, who voluntarily gave themselves up to be put to death, instead of fighting for their rights and their lives. This was the extreme of kenosis, and kenosis (if I interpret correctly the traditional theological meaning of this word) is the virtue in which the West is most deficient. We have enslaved ourselves to the lust for wealth and power, and unfortunately our science and technology (in which, like you Russians, we are brilliant) has given us the means of achieving these misguided ambitions.

Like so many people of my generation in all parts of the World, I am barred out from all the historic religions by intellectual obstacles - and moral obstacles too. But I do have access to Saint Francis of Assisi. In my judgement, he is by far the greatest human being who has been born in the West so far, and he is also the most Russian-like of us, because he is one of the few Westerners, who has achieved kenosis to a Russian degree: he completely renounced wealth and power, and, above all, pride. So he had the irresistible gift of melting human hearts. If he could be alive today to be the West's ambassador to Russia, I believe he could reconcile us. Well, anyway, he is at least one Westerner whose simplicity and sincerity and love the Russian people could appreciate.

I do not believe in the existence of an omnipotent god of the Jewish-Christian-Muslim kind, but I do believe in the reality and the power of love, because I see it gushing out of the heart of Saint Francis - and of other human beings close to me, like my wife. Love is not omnipotent. It has

to contend, all the time, in our hearts with hatred and greed and pride and fear. It is a never-ending battle - in this sense I am a Zoroastrian, except that I do not have the Zoroastrians' assurance that Ahuramazda is bound to prevail over Angra Mainyush in the end. But we must fight on love's side, even though we do not know what the result is going to be. I hope it going to be "the Age of Peace".

This is a long letter; it is your doing; your letter stirred my mind, and made me want to talk to you.

With affection and gratitude, yours ery sincerely,

Arnold Toynbee

9

16th July, 1969

Dear Professor Konrad,

All your letters give me very great pleasure and, not least, yours of 29th June, which has just arrived, I have not yet seen the book that you have sent me; you say it is a small book, but I hear that it is a big and beautiful one. I much look forward to seeing it and reading it and looking at the pictures in it when I am back in London. I have had a glimpse of the U.S.S.R. In January 1929 I travelled back from Japan to England via the Trans-Siberian Railway - round the left bank of the River Amur, not by the short cut across Manchuria.

My wife and I are now in the country, staying with one of my sons and his wife in a house about 16 miles north-east of the historic city of York - the city where Emperor L. Septimius Severus died and where the Emperor Constantine was raised on the shield. I lived in this house myself between the wars. I like to see it full, now, of grandchildren (six girls) and one great grandchild. Houses like this belong to a vanished world, whose disappearance I do not regret. I was never really part of this world. The land, which used to be neglected, is now well cultivated again, since the second war, for the first time since the agricultural depression of the 1870's, and this makes me feel cheerful. I know this bit of country intimately; I have done a great deal of my writing here, and I love the landscape - a rather unusual one; it was the southern edge of the ice-cap in the last of the glaciations.

Yes, you are right: I cannot stop caring about the present and the future; nor can I stop thinking and writing about the past. I am working on a book about the Byzantine Emperor Constantine Porphyrogenitus and his times. I have a first draft, but I have more reading to do, and I was caught in the middle of this by illness. My problem will be to get back to the British Museum reading room: it is tiring to work there and still more tiring to get there and back from our flat, but there are some indispensable books - to be found there only - on which I still have to take notes.

I see that you have already succeeded in reconciling yourself to limiting your activities to what you can still do without risk. Writing - both letters and books - does keep one young, and, like you, I am adjusting myself to concentrating on this. My wife and I have been fortunate in being able to do a great deal of travelling since we retired in 1956, but, in order to travel, I have had to pay my way by lecturing, and this combination of activities has now become too strenuous for me. I must now live on the store of my memories of places and of personal meeting with congenial people.

I am sorry that you are unwell, but I am glad that you are busy, because I am sure that being busy is a help to you. When you can, please write to me further, and also please do not be in a hurry to do this. Leave it till you really have the time.

Meanwhile, I send you my warmest good wishes.

Yours very sincerely,

Arnold Toynbee

11

15th December, 1969.

Dear Dr. Konrad,

Your letter of November 30th, 1969, with the reproductions of Nesterov's pictures of Boris and Gleb, has given me very great pleasure. I think the artist has caught their spirit. It is a spirit

which, if I am right, touched their contemporaries' hearts, and meant much to the Russian people through the many intervening centuries. I agree whole-heartedly with what you say at the end of your letter. Our triumphs in science and technology, show up our failures in our relations with each other. The contrast, though melancholy is perhaps not surprising. Human nature - in ourselves and in other people is the most difficult of all the things with which we human beings have to deal. So I think that Boris and Gleb have something to say to our generation too. I have put Nesterov's pictures of them on my mantelpiece, with the photographs of my friends who were killed in the first world war.

I am most interested to hear that your Japanese publisher has printed our correspondence, which was published in *Novy Mir*, as a supplement to the Japanese edition of your book *West and East*. I did not know about Professor Yamamoto's books. I envy you your knowledge of Japanese: I hope these books will be translated.

I am still deep in Constantine Porphyrogenitus. I have just finished a group of economic chapters: depopulation and re-settlement, the struggle for the possession of the land, and so on. I am glad to have a fairly large piece of work on hand. At the same time, I feel a sense of urgency to finish it while I still have my faculties. Physically I cannot do what I could do a year ago, but I am fortunate in being able still to think and read and write.

Well, I shall be thinking of you when I look at the pictures on my mantelpiece, and see Boris and Gleb there now, together with the others.

With my warmest regards, yours very sincerely,

Arnold Toynbee

13

"4th June, 1970

Dear Dr. Konrad,

Your letter, which arrived yesterday, was a most exciting surprise for me. To hear from you is always a great personal pleasure for me. To have my thoughts and feelings stirred, in response to yours, is a boon for me.

I, too, should like to see those three "confessions" published as a trilogy. I should like to see a simultaneous publication of them in Russian, French, English, and German - and then there would be sure to be also a translation into Japanese. The Japanese, as you know so well, are avid readers and industrious translators. Their minds are now open to the thoughts and feelings and experiences of the rest of the World.

"On the eve". When I came to those words in your letter, I went to a bookcase and took out an English translation of Turgenev's novel with that title. It is a cheap paper-back edition, and this is an indication that, in Britain today, nineteenth-century Russian literature in translation has a wide public.

Is not the whole of Russia creative literature since 1825 "on the eve"? Were not the Decabrists themselves "on the eve", though they did not live to see the "event"?

This last April, the Royal Institute of International Affairs in London celebrated the centenary of Lenin's birth by arranging for a lecture to be given on Lenin, followed by a discussion. I was the lecturer. (My wife and I were on the staff of the Institute for thirty-three years).

The principal question that I raised, out of the innumerable questions raised by Lenin's personality and career, was: What was the source of Lenin's confidence - the quality that carried him to success, against all apparent probability? Was this the confidence of an aristocrat? Or was it the confidence of a believer (and Lenin, having been brought up as an Orthodox Christian, became a believer, instead, in the Marxian faith - a different faith, but the confidence, inspired by belief, was perhaps the same). Though Lenin was officially a noble, owing to the ennoblement of his father as a reward for public service, nor conclusion was that Lenin's confidence was more like St. Paul's, than like a modern British aristocrat's (e.g. Lord Salisbury or the late Lord Russell, to take two equally self-confident British aristocrats who happen to have been at opposite poles in

their political outlooks). I shall be sending you a copy of my paper on Lenin. It will be printed next month.

I was much interested in your quotation of Lenin's commendation of Tolstoy. I had read that Lenin's favourite nineteenth-century novelist was Turgenev. There is a foreboding of "on the eve" in *Father and Sons*, though Bazarov finds himself unable to reach the farther bank of the river that he is trying to cross. But, of all the three titans, Dostoyevsky gives this feeling of "on the eve" the most intensively.

One symptom of being "on the eve" is convergence. On the morning on which your letter reached me, the weekly literary supplement of the London *Times* had a review of two books about Rousseau (books about his philosophy only, it is true, not his confessions), and I had just finished tape-recording my answers to about 70 questions that had been brought to me by a Japanese friend of mine. These were not just his personal questions. (Nor, as you point out, were the three confessions just personal.) My Japanese friend had drafted these questions after consulting a large number of young Japanese people between the ages of about 17 and 26 (the ages of nine of my grandchildren). Many of the points raised in these Japanese questions are the same as points of yours in your present letter. I believe that, all over the world, younger people are thinking and feeling alike today, and some of us, who are older, are sharing their feelings with them. The young, too, are conscious of being "on the eve". This is, surely, one of the reasons for their disquiet; and their impatience with the middle-aged generation is, I fancy, partly due to their judging (and, I fear this may be true) that the middle-aged generation is deliberately shutting its eyes to the stage through which human affairs are passing in our time.

Many people in St. Augustine's time were being wilfully blind to the signs of the times, particularly in the eastern parts of the Roman Empire, in which the foundations of the Gracco-Roman society were apparently more solid, and in which therefore the signs of the times were not so obvious. In our present-day world there are people who are in the same state of mind today.

This reminds me that it was from the eastern parts of the Roman Empire, not from St. Augustine's western part, that Russia originally derived her Christianity and the stimulus for her culture. I am thinking of Vladimir (the first Vladimir, not his namesake Vladimir Ulianov). In the West, the "eve" was followed quickly by the "event". When St. Augustine was on his death-bed, the Vandals were at the gates, and the West collapsed into what looked (seen from Constantinople) as like irretrievable ruin. Was it just because the West did fall in the fifth century that it was able to rise again? Here we have the theme of Tolstoy's *Resurrection*, to which you refer. The Byzantines, too, were "one the eve" in St. Augustine's time, but, by a series of tours de force, they managed to postpone the "event" for another thousand years. Is it paradoxical to suggest that the Greeks were liberated by the Turkish conquest — liberated from being held captive by their Byzantine past? The revival of the modern Greeks dates, as I see it, from after the Turkish conquest. They first revived economically, and then culturally. The fifteenth century was, for them, what the fifth century had been for the West.

Your story of Maria Sergeyenko and her work under dire conditions of distress is very moving as a personal history. It is also moving as a symbol of Leningrad's heroism in the Second World War. I agree with you that this is not "ancient history". It is a living part of the revolution through which the World is passing in our time.

I have a stronger and stronger feeling that things cannot go on as they are going now - a feeling that "something is going to happen". America's flight confirms me in this. It would have seemed incredible, only a few years ago. The article of mine that you mention was written in response to an invitation from the *New York Times*. It was written critically, but my motive was not hostility; it was concern. I feel concern for the young men who are confronted by an agonising question of conscience at so early an age. I have young American friends, and I feel for them. In fact, I feel for the young people, all over the World, of my grandchildren's age. They will see the "event", but the character - good or bad - of the "event" may have been decided for them by their elders.

I have been fortunate in keeping in good health. I am being prudent. I am renouncing strenuous travelling. I finished my book on "*Constantine Porphyrogenitus and his World*" several

weeks ago. At my age, it is consoling to feel that a piece of work has reached a stage at which it could be edited and published posthumously.

The photographs, that you sent me, of Nesterov's Boris and Gleb are on my mantelpiece, with the photographs of my school fellows who were killed in 1915-6.

Your letters mean much to me. Yours very sincerely,

Arnold Toynbee

14

13 July 1970

Dear Dr. Konrad,

Following up my letter of 24 June, 1970, I am were enclosing a copy of my address on the centenary of Lenin's Givth.

I do not know whether you would care to send me your comments on this. I am wishing it's in quickly because the edition of International Affairs, the journal of the Royal Institute of International Affairs, would be glad to publish your comment, if he had your permission. With all good wishes,

Yours sincerely

Arnold Toynbee

Переписка Н.И. Конрада и Н.А. Павлович

Адресат публикуемых писем — Надежда Александровна Павлович (1895-1980) — поэт, автор нескольких поэтических сборников, переводчица, автор известных воспоминаний об А.Блоке. Знакомство Конрада с Павлович восходит, по-видимому, к началу 1920-х годов, когда Надежда Александровна работала в музее Оптиной пустыни, а ученый приезжал туда для описания книг и рукописей иеромонаха Алексия (в миру А.Н. Виноградова) (см. публикуемую в настоящем издании статью "Синолог из Оптиной пустыни"); факт поездки Конрада в Оптину пустынь впервые засвидетельствовала в печати именно Н.А. Павлович в своей статье "Оптина пустынь. Почему туда ездили великие?" (Прометей: Ист.-док. альманах. Т.12. М., 1980. С.86-87). Дружба продолжалась всю жизнь, особенно часто Конрад и Павлович встречались в 1950-60-ые годы в Кемери, где отдыхали почти каждое лето; Павлович стала и поэтическим редактором готовившегося А.Е.Глушкиной трехтомного издания японского литературного памятника VII-VIII вв. "Маньёсю" ("Собрание мириад листьев"), ответственным редактором которого был Н.И. Конрад. Все публикуемые письма Н.И. Конрада переданы в Архив РАН В.С. Сановичем (Ф. 1675, новые поступления). Поэтические произведения Н.А.Павлович, посвященные Конраду, а также ее письма, публикуются по автографам, хранящимся в личном архиве Т.Н.Бедняковой. Выражаем искреннюю благодарность ей за представленное право их публикации.

1

1 Датируется по содержанию. Н.И. Конрад женился на Н.И. Фельдман в 1927 г.

2 Мать Конрада -- Мария Аполлинариевна похоронена в Орле.

2

1 Год устанавливается по содержанию.

2 Здесь и далее *Пюра, Пюрочка* — Анна Ивановна Владимирская, племянница Конрада, всю жизнь прожила в его семье.

3 См. в разделе "Письма" комм. 2 к письму 7.

1 Стихотворение не датировано. Возможно, написано после 1938 г. (?).

1 См. в разделе "Письма" комм. 2 к письму 25.

1 По предположению Т.Н. Бедняковой, речь здесь идет о митрополите Вениамине (Федченкове, 1880-1961). В неопубликованной части книги "Божии люди" (частично опубли.: М., 1991) он рассказывает о встрече с П.А. Павлович. Копия хранится в Библиотеке Московской Духовной Академии (Троице-Сергиевская Лавра). Н.И. Конрад был также знаком с митрополитом Вениамином.

2 Речь идет, вероятно, о жизнеописании П.А. Павлович "Оптинский старец отец Нектарий" (опубликовано Т.Н. Бедняковой в "Журнале Московской патриархии", 1994, № 6, с. 46-60).

1 Датруется по почтовому штемпелю.

1 Слова Херувимской песни ("всякое ныне житейское отложим попечение"). поющей во время Литургии верных.

1 Стихотворение написано к 70-летию юбилею Н.И. Конрада.

2 *Оби* — длинный широкий пояс для кимоно.

1 Н.И. Конрад описывает заседание Отделения истории АН СССР, на котором обсуждалась рукопись историка-медиевиста *Александра Александровича Зимина* (1920-1980), посвященная датировке "Слова о полку Игореве". Оно проходило 4-6 мая 1964 г. в актовом зале Отделения под председательством ак. Е.М. Жукова. Сопоставляя разные редакции "Задонщины" и "Слова...", Зимин пришел к датировке "Слова..." как памятника не XII, а XVIII века. Эта точка зрения Зимина, кардинально расходившаяся с традиционной датировкой "Слова..." вызвала бурную полемику. В течение 1963-1964 гг. состоялось несколько обсуждений концепции А.А. Зимина. В начале 1964 г. рукопись была отпечатана на ротационном станке в 101 экземпляре и выдана для ознакомления ограниченному количеству лиц. Вопрос об участниках предстоящего обсуждения решался на самом высоком уровне. Заседание в Отделении истории подводило итог длительной дискуссии. Отчет (весьма тенденциозный) о состоявшемся заседании (без подписи) был опубликован в журнале "Вопросы истории" (1964. № 9. С. 121-140). Последствиями этого обсуждения стало отлучение Зимина от ряда занимаемых им должностей, а затем и от преподавания. Монография Зимина до сих пор не опубликована. Подробнее см. статью А.А. Формозова, предваряющую публикацию фрагментов книги (Вопросы истории. 1992. № 6/7. С. 96-103); Лурье Я.С. Из воспоминаний об Александре Александровиче Зимине // *Одиссей*. 1993. М., 1994. С. 194-208; К истории спора о подлинности "Слова о полку Игореве": (Из переписки академика Д.С. Лихачева) // Публ. Л.В. Соколовой // *Русская литература*. 1994. № 2.3.

2 *Дружинин Николай Михайлович* (1886-1986) — историк России, академик АН СССР (1953).

3 *Гудзий Николай Каллинович* (1887-1965) — литературовед, профессор МГУ, академик АН УССР (1945).

4 Лихачев Дмитрий Сергеевич (р. 1906) — литературовед, академик АН СССР (1970).

5 Рыбаков Борис Александрович (р. 1908) — археолог, историк, академик АН СССР (1958), директор Института археологии АН СССР (с 1956).

15

1 Петрова Ольга Петровна (1900-1993) — японовед-филолог, сотрудник ИВ-ЛЮ ИВ АН СССР в 1942-1966 гг.

16

1 Письмо написано к 75-летию юбилею Н.И. Конрада.

17

1 Имеется в виду подготовка "Большого японско-русского словаря", изданного в 1970 г. в 2-х томах, под ред. Н.И. Конрада и с его Предисловием.

2 См. в настоящем издании письма 90, 91.

3 По-видимому, речь идет о 1-ом из 3-х томов издания "Манъёсю" ("Собрание мириад листьев"), подготовленного А.Е. Гускиной и опубликованного в 1971-1972 гг.

4 Холодович Александр Алексеевич (1906-1977) — японист, кереист, лингвист; после ареста Конрада фактически возглавил японскую кафедру ЛГУ.

5 Цын Мариам (Марианна) Самойловна (р. 1904\05) — японовед. Ученица Н.И. Конрада. Преподаватель МИВ, один из редакторов журнала "Новый Восток". В заключении в 1937-1943. Впоследствии работала в МИВ. Член авторского коллектива "Большого японско-русского словаря".

20

1 Речь идет о макете 1-го тома "Истории всемирной литературы" ("Литература древнего мира"). Том издан в 1983 г. Об участии в нем Н.И. Конрада см. в статье "От редколлегии тома" (С. 13).

21

1 *Жизненная энергия* (франц.) — выражение, принадлежащее французскому философу А. Бергсону.

22

1 Это поэтическое послание не датировано, однако по почерку можно предположить, что оно написано во второй половине 1960-х годов.

Список сокращений

АГО -	Архив Географического общества (СПб.)
АН -	Академия наук
АРАН -	Архив Российской Академии наук (Москва)
ВИИЯ -	Военный институт иностранных языков
ВКП -	Всесоюзная коммунистическая партия
ВЦИК -	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАТО -	Государственный архив Тверской области
ГИА -	Государственный исторический архив СПб.
ГИИИ -	Государственный институт истории искусств
ГИТИС -	Государственный институт театрального искусства
ГИХЛ -	Государственное издательство художественной литературы
ЖМНП -	Журнал Министерства народного просвещения
ИАН -	Известия Академии наук
ИВ АН -	Институт востоковедения АН СССР-РАН
ИВЛ -	Издательство восточной литературы
ИДВ -	Институт Дальнего Востока АН СССР-РАН
ИИМК -	Институт истории материальной культуры РАН
ИМЛИ -	Институт мировой литературы им. А.М.Горького АН СССР-РАН
ИПА, ИНАЗ -	Институт народов Азии АН СССР
ИНАФ -	Институт народов Африки АН СССР
ИРАО -	Известия Русского археологического общества
ИРЛИ -	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР-РАН
ИТЛ -	Исправительно-трудовой лагерь
ИЭ -	Институт этнографии АН СССР-РАН
КГБ -	Комитет государственной безопасности
КНР -	Китайская народная республика
КС -	Краткие сообщения
КУТВ -	Коммунистический университет трудящихся Востока
ЛАФОКИ -	Лаборатория научно-прикладной фотографии и кинематографии АН СССР
ЛВИ -	Ленинградский Восточный институт
ЛГУ -	Ленинградский государственный университет
ЛИЖВЯ -	Ленинградский институт живых восточных языков
ЛО -	Ленинградское отделение
ЛОИА -	Ленинградское отделение Института археологии
ЛО ИВ АН -	Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
МАЭ -	Музей антропологии и этнографии
МГ ИВ АН -	Московская группа Института востоковедения АН СССР
МГОА -	Московское городское объединение архивов
МГБ -	Министерство государственной безопасности
МГИМО -	Московский государственный институт международных отношений
МГУ -	Московский государственный университет
МИВ -	Московский институт востоковедения
МИД -	Министерство иностранных дел
МИФЛИ -	Московский институт философии, литературы и истории
МНП -	Министерство народного просвещения
МНР -	Монгольская народная республика
НАА -	"Народы Азии и Африки"
НИИ -	Научно-исследовательский институт
НКВД -	Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ -	Народный комиссариат государственной безопасности
НКВД -	Народный комиссариат иностранных дел
ОИФ -	Отделение исторических наук и философии

ОЛЯ -	Отделение литературы и языка
ООН -	Организация Объединенных наций
ОР -	Отдел рукописей
ПОЛДН -	Памятники Общества любителей древней письменности
РАПП -	Российская ассоциация пролетарских писателей
РГАЛИ -	Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ -	Российская государственная библиотека
РИСО -	Редакционно-издательский совет АН СССР
РКП -	Российская коммунистическая партия
РНИР -	Рефераты научно-исследовательских работ
РНБ -	Российская национальная библиотека
СНГ -	Содружество независимых государств
СНК -	Совет народных комиссаров
СПбФАРАН -	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
ТАСС -	Телеграфное агентство СССР
УЗ ИВ АН -	Ученые записки Института востоковедения
УКГБ -	Управление Комитета государственной безопасности
УНКВД -	Управление Народного комиссариата внутренних дел
ЦГИА -	Центральный государственный исторический архив (Спб.)
ЦК КПСС -	Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЧК -	Чрезвычайная комиссия

- А Шэн-Фуин см. Виноградов А.Н.
 Абасв В.И. 329
 Августин Аврелий (Augustine) 5, 11, 15, 169, 172, 364, 366, 368, 381, 382, 423, 429
 Авдиев В.И. 279, 291, 312
 Авдиева З.С. 312
 Аверинцев С.С. 368
 Аврора 406
 Адж 49
 Аирский см. Константинов В.М.
 Акдра 263
 Акутагава Р. 273
 Аларих 171, 425
 Александров А. П. 197
 Александров Г.Ф. 285
 Алексеев В.М. 8, 14, 196, 197, 244, 250, 252, 253, 255, 257, 260, 262, 264, 269, 273, 276, 282, 285, 287, 288, 290, 293, 294, 296, 300, 303, 323
 Алексеев М.В. 277
 Алексеева Н.М. 260, 261, 262, 265, 277, 283, 288, 295, 323
 о.Алексий (Виноградов) см. Виноградов А.
 Алпатов В.М. 12, 13
 Ан, корейская фамилия 28
 Анджа 63
 Андо Сёеки 359
 Анисимов И.И. 211
 Анна Ивановна см. Владимирская А.И.
 Анноксан 72
 Анхра-Майню (Angra Mainyush) 418
 Ань-ван 165
 Аполлинер Г.346
 Арендт К. 116
 Аристотель 139
 Асмус В.Ф. 338
 Астафьев И.И.
 Афросимов В.Л. 299
 Афросимова М.К. 299
 Ахиллес 407
 Ахматова А.А. 322, 324
 Ахурамазда (Ahuramazda) 418
 Базаров (Bazarov) 429
 Балдансперже (Baldensperge) Ф. 231, 232
 Баллер 116
 Бальмонт К.Д. 307
 Бану Ц.Б. 212
 Бань Гу 164
 Баранников А.П. 292
 Бартольд В.В. 178, 262
 Баткин Л.М. 385
 Беджан (Bedjan) П. 327
 Беднякова Т.Н. 16
 Беликов 253
 Белинский В.Г. 204
 Беляев Е.А. 279
 Бёме Я. 321, 406
 Бенвенисто Э. 384
 Бергер А.К. 279
 Берков П.Н. 354, 363
 Бертельс Е.Э. 208, 292
 Бескровный В.М. 292
 Аль-Бируни 288
 Бичурин И. 108
 Биязи 282
 Блок А.А. 352, 353
 Бо И 125
 Бо Цзюйи 90, 212, 278, 307
 Бодлер Ш. 346, 395
 Бодуэн де Куртэнэ И.А. 182
 Болдырев А.Н. 14, 206
 Борис, святой 419, 422, 423, 427, 430
 Борковский В.И. 210
 Боровков А.К. 210, 293
 Брагинский И.С. 343, 370
 Бруевич Н.Г. 295
 Будда 130, 269
 Будзаэмон 267
 Бушмин А.С. 353, 355
 Бэйши 66
 Бэкон Ф. 359
 Вавилов С.И. 295
 Вайнцвайг Н.К. 296
 Ван Бинь 386
 Ван Бо 161
 Ван Вэй 123, 125, 212
 Ван Гиннекен 316

- Ван Чун 295
 Ван Янмин 192
 Ван, корейская фамилия 28, 83
 Ванджок 17
 Вардуль И.Ф. 315
 Васильев Б.А. 307, 328
 Васильев В.П. 112, 197, 302
 Вахтин Б.Б. 7, 11, 13, 15, 217, 322, 327, 329, 330, 332, 337, 340, 342, 345, 352, 365, 369, 372, 373, 376, 381, 382, 385, 395
 Вахтина И.В. 16, 329, 343
 Венцлавович 255
 Веселовский А.Н. 231
 Вигер (Wieger) Л. 112, 113
 Виноградов А.Н. 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 118
 Виноградов В.В. 208, 211, 324, 348, 353
 Виноградов П.Г. 180
 Виташевская М.Н. 213,
 Владимир (Vladimir), святой 422, 429
 Владимирская А.И. 13, 14, 337, 345, 369, 380, 394, 395, 434, 436, 437, 442, 444, 446
 Владимирцов Б.Я. 178, 182, 251
 Волгин В.П. 281, 289
 Волож Г.Р. 16, 393
 Вон 28
 Воробьев П.И. 254, 257, 261, 263
 Вэд (Wade) 112, 116
 Вэй 127, 136, 165
 Вэй-цзы 126
 Вэнь-ван 103, 123, 125, 126, 141, 142
 Вяткин Р.В. 335

 Габелентц (Gabelentz) Г. 112, 113
 Гальперин А.Л. 296, 315
 Гафуров Б.Г. 216, 231, 241
 Гегель Г.Ф.В. 357
 Геродот 336
 Гитович А.И. 340
 Глеб (Gleb), святой 419, 422, 427, 430
 Глушкина А.Е. 176, 241, 242, 243, 276, 277, 278, 279, 378, 379, 436, 445, 446
 Го Можо 187, 189, 211
 Гогенцоллерны 210
 Головин И.В. 310, 315
 Гольдберг Д.И. 175, 198, 199, 201, 202, 203, 204
 Гольдберг Н.М. 298
 Гомер 288
 Гонзальв 115, 116
 Горбачева З.И. 215, 216, 217, 218, 302, 323, 325
 Гордлевский В.А. 279, 292
 Горький А.М. 6
 Гоу-цзянь 127
 Гранат, братья 309
 Гриммельсгаузен Х. 406
 Гуань Чжун 137
 Гуань Юй (Гуань-у, Гуань-ди, Гуань Юнь-чан) 65
 Гуаньцзы 288
 Губер А.А. 241, 243
 Гудзий Н.К. 441
 Гулян-Чи 164
 Гумбольдт В. 349
 Гумилев Л.Н. 324
 Гумилев Н.С.
 Гунмин И 149
 Гунси Хуа 138
 Гунъян Гао 164
 Гуревич А.Я. 16, 235, 375, 384
 Гурко-Кряжин В.А. 263
 Гурко-Кряжина Е.В. 16
 Гуттен У. 309
 Гучков А.И. 248

 Дамаскин Иоанн 327
 Данте Алигьери 379
 Датт Али Даут 278
 Декарт Р. 358
 Дефо Д. 322
 Джайлс Г. 116
 Джарылгасинова Р.Ш. 16
 Дживиллегов А.К. 309
 Джонсон (Jhonson) 400
 Дзиревич 262
 Дион Кассий 346
 Дорош Е. 362
 Достоевский (Dostoyevsky) Ф.М. 341, 353, 429, 431, 432
 Драгунов А.А. 277, 288, 289, 291, 297
 Дрейер О.К. 217
 Дружинин Н.М. 440, 441
 Ду Фу 9, 212, 343, 375

- Думан Л.И. 197
 Дювернуа Н. 111
 Дюпюи 118
 Елисеев С.Г. 245, 247, **248, 250,**
 252, 254, 256, 257, 262
 Еньсин 65

 Жданов А.А. 186
 Жирмунская Н.А. 352
 Жирмунский В.М. 14, 15, 180,
 182, 298, 351, 353, 355, 360, 363,
 379
 Жуков Д.П. 175
 Жуков Е.М. 231, 241, 243, 271,
 272, 296, 315, 373, 375, 384, 440,
 441

 Заратустра 162, 418
 Заходер Б.Н. 281, 284, 300, 302
 Зашук Л.В. 107, 109-111
 Зимин А.А. 440-442

 И (Ли) 18, 28, 29, 32, 40, 51, 63
 о. Иакинф 113
 Иваненко Н.Г. 278
 Иванов (Иванов) 400, 412
 Иванов Ал. Ив. 197, 255, 258
 Иванов В.В. 4, 361
 Иванов Н. 250
 Идзуками 65
 Идзуми-сикибу Никки 395
 Изольда 346
 Икоми-но микото 82
 Им 28
 Инджон-ван 105
 Инъёси 83
 Инъ 112
 Иоанн (John) XXIII 400
 Ионова Ю.В. 16, 341
 Ито Дзинсай 192, 193, 198
 Ито Тогай 192, 193
 Итс Р.Ф. 343, 366
 Ицзу 366

 Кавальканти Г. 393
 Каги, корейское имя 49
 Калачов Н.В. 111
 Каллери 112, 115, 116
 Камков Г.Д. 381
 Каммари М.Ф. 338, 339

 Камо-но Тёмэй 10
 Каннан, корейское имя девочки
 49
 Канси 114, 115, 117, 271
 Кант И. 341, 357
 Канъ Чванчхал 105
 Канъ, корейская фамилия 28
 Капустин М.Н. 111
 Кара-Мурза Г.С. 294
 Карахан (Караханян) Л.М. 259,
 261
 Карл Великий 405
 Кафаров П.И. 108, 269
 Кафка Ф. 409
 Кацнельсон С.Д. 182
 Кван-у (Конже, Квану, Кван-
 ван, Куань-ван) 65
 Квинам, корейское имя мальчика
 49
 Квон, корейская фамилия 28
 Кеннеди (Kennedy) Д. 400
 Ки, корейская фамилия 28
 Киджа см. Кыйдзя
 Ким, корейская фамилия 28, 34
 Кимсун, корейское имя девочки
 49
 Кириллин В.А. 346
 Кизда М. 317
 Клечковский А. 112, 116
 Клибанов А.И. 13
 Ко Бинхи 18
 Ко, корейская фамилия 28
 Ко-ён-хэ 38
 Ковтун 295
 Когурё 83
 Козин С.А. 302
 Козлов П.К. 214
 Коллин 65
 Колпакчи Е.М. 310, 313, **314, 315**
 Комаров В.Л. 3, 274
 Кононов А.Н. 217
 Конрад М.А. 433, 434
 Константин Багрянородный
 (Constantine Porphyrogenitus),
 император Византии 420, 421,
 430, 432
 Константин (Constantine), рим-
 ский император 420
 Константинов (Аирский) В.М. 5,
 314, 329
 Константинов Ф.М. 338, 339

Конфуций (кор. Конъджа; Кун-цзы) 63, 64, 122, 131-145, 147, 149, 152, 153, 155, 164, 165, 187, 188, 194, 195, 212, 3-8, 410
 Корейя (Кориян) Л.К. 174
 Коростелева Е.М. 273
 Коротков Н.Н. 289, 292
 Корш Ф.Е. 179
 Корё 18, 31, 32, 33, 34, 40, 63, 65, 83
 Котоку Дэндзио 203
 Кочетова С.М. 291
 Крайнсва Н.И. 16
 Крачковская В.А. 280, 287, 293, 299
 Крачковский И.Ю. 5, 6, 8, 14, 179, 279, 280, 283, 285, 288, 291, 295, 301
 Кристи А. 335
 Ку, корейская фамилия 28
 Куврер (Couvreur) С. 112, 113, 270, 271
 Кун Инда 345
 Кыйдзя 34, 40
 Кычанов Е.И. 216, 217, 218
 Кэдон, корейская фамилия маль-
 чика 49
 Лаврентьев Б.П. 315
 Лавровский В.М. 279
 Ладыженский А.М. 279
 Лазарев В.Н. 384
 Лань Тойцзы 284
 Лао-цзы 66, 113, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 135, 145, 146, 147, 148, 151, 152, 158, 161, 163, 389, 410
 Ле-ван 148
 Ле-цзы 133, 161, 162, 163, 389
 Лебедев Л.Н. 252
 Лейбниц (Leibnitz) Г.В. 358, 394, 396, 399
 Лейнер 254
 Ленин В.И. 172, 180, 185, 221, 425, 428, 429, 430
 Леонов Л.М. 371
 Леско Манон 352
 Ли 32, 34, 83, 105
 Ли Бо 212, 253
 Ли Дэн 386
 Ли Сы 163, 164

Лин-ван 135
 Литвинов М.М. 365
 Лихачев Д.С. 356, 370, 371, 411
 Ло 120
 Лозовский С.А. 292
 Локк Д. 359
 Лознгрин 330
 Лу 136
 Лунь Юй 284
 Лутовинов А. 108
 Лю Сян 155, 165
 Лю Цзунюань 135
 Лю Чао 164, 391
 Лю Яньчжи 90
 Людовик XIV 405
 Люй Бувэй 166
 Люй Цзин 386
 Ляховецкий см. Майский И.М.
 Магидсон 257
 Майская А.А. 365
 Майский И.М. 365
 Малмйонъ 65
 Мальтус Т.Р. 163
 Мандельштам О.Э. 375
 Манн Т. 372
 Мао Дунь 319
 Мария Французская 346
 Маркова В.Н. 278
 Маркс (Marx) К. 172, 180, 181, 357, 410, 411, 413, 428
 Марр Н.Я. 8, 182, 258, 262, 329, 351
 Мартов Ю.О. 254, 255
 Массон М.Е. 281,
 Маяковский В.В. 375
 Мейерович 248, 251, 255
 Мейерхольд В.Э. 263, 266, 267
 Менделеев Д.И. 350
 Мендельсон М. 359
 Меньшиков Л.Н. 217
 Мещанинов И.И. 281, 283, 289, 291, 297
 Миллер А.Ф. 279
 Милюков П.Н. 248
 Мимйэньсин 72
 Мин, корейская фамилия 28
 Мин, династия 95
 Минйон 63
 Минсун, корейское имя девочки 49

Мо Ди 149
 Мо-цзы 133, 149, 159, 160
 Мок, корейская фамилия 28
 Молотов В.М. 318
 Момояма 408
 Монгайт А.Л. 362
 Мондзаэмон (Монзаэмон) Тика-
 мацу 268, 341
 Монтани Исо 265, 269
 Моррисон Р. 116
 Му 126
 Муи
 Муо 366
 Мурасаки-Сикибу 213
 Муратов П.Н. 309
 Мэджурст 115, 116
 Мэй Чэн 168
 Мэн-цзы 148-156, 159
 Мэньджа 63,
 Мясников В.С. 16

На, корейская фамилия 28
 Наврон-Войтинская Е.Л. 279, 315
 Надсон С.Я. 307
 Наикйонь 64
 Наканиси 266
 Накано Сигохару 243, 247
 Накао Тёмин 203
 Накаяма 259
 Нам, корейская фамилия 28
 Намбара 318
 Нань-ван 148
 Нариманов Н.К. 275
 Невельская К. см. Каган Ю.М.
 Невская Е.Н. 299, 300
 Невская см. Монтани Исо
 Невский Н.А. 5, 10, 176, 177, 206,
 214-218, 246-250, 254, 256,
 259, 265-267, 272, 299, 324, 325
 Неизвестный Э. 431, 432
 Нелли см. Невская Е.Н.
 Нестеров (Nesterov) М.В. 422
 Неупокосва Г.И. 337
 Нибелунги 242
 Никитникова О.И. 279
 Никольский Л.Б. 17
 Нинагава Т. 190, 191, 194
 Нобори Рюити (Рюичи) 313, 318
 Нобори Сёму 312, 313, 318, 319
 Ньютон И. 358

Нюра, Нюрочка см. Владимир-
 ская А.И.

О, корейская фамилия 28
 Обаньсин 65
 Оджапче 66
 Ознобишин Д.И. 356
 Оикэ Ёсио 188
 Оксман Ю.Г. 324
 Окхваньсанъдже 64
 Ольденбург С.Ф. 271
 Ом, корейская фамилия 28
 Оно 253, 257
 Онон 63
 Опитц М. 406
 Опульская Л.Д. 16, 377
 Орбели И.А. 215, 323, 325
 Отакэ Х. 317
 Ошанин И.М. 288, 289, 291, 297,
 394

Павел (Paul), апостол 428
 Павленко Н.И. 274
 Павлович Н.А. 15, 16, 433-440,
 442-448
 Пак, корейская фамилия 28, 34
 Палечек Н.И. 253
 Палладий см. Кафаров П.И.
 Панкратов Б.И. 206, 215, 325
 Пантелесевы, братья 108
 Пастернак Б.Л.
 Пашковский А.А. 315
 Пвиянь 65
 Пекун-кю 38
 Перл Б. 213
 Перни 113
 Перченко Ф.Ф. 13
 Петрарка Ф. 309
 Петров А.А. 196, 197, 295
 Петров Д.К. 179, 180.
 Петров Н.А. 216
 Петрова О.П. 14, 205, 217, 312,
 442, 443
 Петросян Ю.А. 363
 Петрушевский И.П. 326
 Пещуров Д.А. 112, 113
 Пигулевская (Стебницкая) Н.В.
 14, 280, 283, 284, 288, 304, 326
 Пири Феофил 117
 Пйон, корейская фамилия 28
 Платон 137, 138, 139, 151

Плетнер Е.Д. 277
 Плетнер Олег В. 254, 434
 Плетнер Орест В. 250, 254, 266, 380
 Плутарх 336
 Позднеев Д.М. 244, 328
 Позднеева В.Д. 328
 Позднеева Л.Д. 288, 289, 291, 294, 295, 297
 Покйок 63
 Полибий 354
 Поливанов Е.Д. 3, 5, 8, 9, 254, 255, 259, 369
 Попов К.М. 359
 Поступальский И.С.
 Потенба А.Ф. 182
 Птушкина И.Г. 16
 Пугундань 65
 Пушкин А.С. 343, 353
 Пэк, корейская фамилия **28**
 Пэмонь 63
 Радлов С.Э. 263
 Радуль-Затуловский Я.Б. 175, 187-190, 192-198, 359
 Райнов Т.И. 15, 279, 281, 283, 285, 287, 288, 295, 296, 298, 316, 336
 Райнова Е.Б. 328, 336
 Рамминг М.-Г.Т. 250
 Рассел (Russell) Б. 428
 Рахманинов С.В. 374
 Резерфорд Э. 411
 Рейтер 406
 Репин И.Е. 317
 Ржевин Б.В. 313
 Рипс 262
 Риччи М. 108
 Родов Б.В. 296
 Розен В.Р. 179
 Розенберг О.О. 250, **253**.
 Роинхвань 65
 Романюк Н. 315
 Ротшильд 382.
 Роулэнд Б. 329, 332, 333
 Рудаки 403
 Рудов Л.Н. 206
 Румянцев А.М. 376
 Руссо Ж.-Ж. 5, 15, 169, 170, **171**, 172, 358, 424, 425, 426, 429
 Рыбаков Б.А. 441

Рыльский М.Ф. 370
 Рёнъи, корейское имя **мальчика** 49
 Саади М. 211, 403
 Сайкаку (Saikaku) Икахару 268, 332
 Сакаи Юсабуро (Юзабуро) 204
 Салтыков-Щедрин М.Е. 14
 Самойлович А.Н. 174
 Самсонов А.М. 360, 361, 381
 Санжеев Г.Д. 278, 292
 Санович В.С. 16, 380, 395
 Сансин 64, 65
 Санхун 34
 Санъ, корейская фамилия **28**
 Сандису 65
 Санъхун 27
 Санъ Хуан 119
 Саума (Sauma), раббан 326, 327
 Северянин И.В. 307
 Селевкиды 327
 Сеньхванъдан 72
 Септимий Север (Septimius Severus) Л. 420
 Сергеев (Sergeyenko) М.Е. 11, 15, 364, 367, 368, 381, 282, 424, 430
 Силла 32, 34, 63, 72, 83
 Сим, корейская фамилия 28
 Симонов К.М. 361
 Син, корейская фамилия 28
 Слонимский С.М. 379
 Смыкалов Г.Ф. 261
 Со, корейская фамилия 28
 Соджа 63
 Соколов А.Н. 316
 Сократ 137, 346
 Солженицын А.И. 361
 Солсбери (Salisbury) Г. 428
 Сон, корейская фамилия 28
 Сонъджосин 74
 Сорокина М.Ю. 13, 16
 Сперанский 277
 Сталин И.В. 180, 351
 Страсбургский Готфрид 346
 Струве В.В. 182, 277, 283, **284**, 285, 287, 293, 298
 Су Дунпо (Су Ши) 320
 Су Цинь 165
 Су Чже см. Су Цзыю

Судзин-тэнно 82
 Сун Жун-цзы 162
 Сун Юй 168, 335
 Суни, корейское имя девочки 49
 Сунь-цзы 6, 8, 155, 158, 160, 164, 166, 275, 282, 283, 293, 303
 Сучков Б.Л. 371, 383
 Сыкун Ту 253
 Сыма Цянь 113, 123, 128, 136, 145, 164, 165, 168, 335, 336, 354
 Сыромятников Н.А. 305, 309, 314, 315, 369
 Сэлинджер Д. 410
 Сэн, корейская фамилия 28
 Сэну 34
 Сюань-ван 148
 Сюнь-цзы (Сюнь Цин) 133, 156, 157, 163, 168
 Ся 122
 Сян 126
 Сян-ван 155
 Сяо Эми 294

Тагор Р. 212
 Такакура Т. 359
 Такасу Ёсидзиро 128
 Такахаси Тэммин 253, 254, 255, 257
 Такубоку Исигава 204, 212, 243
 Талызин 296
 Тамазишвили А.О. 13, 16
 Тан 40, 63, 72, 306
 Тан Лэ 168
 Тангейзер 330
 Танесев С.И. 327
 Таньмоксок 63
 Тао Цянь (Тао Юань-мин) 251, 253, 383, 389
 Таривсрдиев М. 379
 Таубе М.М. 107
 Тацит 336
 Твардовский А.Т. 363
 Тейяр де Шарден 383
 Текст Жозеф 231
 Тит Ливий 336
 Тихвинская В.Н. 366
 Тихвинский С.Л. 333
 Ткаченко Г.А. 16, 331
 Тодер Ф.А. 16, 296, 328
 Тодорович 259
 Тоёки-но микото 82

Толётоми Хидзёси 65
 Тойнби (Тоунбес) А. Дж. 15, 362, 363, 365, 397, 400, 401, 412, 414, 415, 418-423, 430, 431
 Токугава 175, 192, 198
 Токутоми Рока 273
 Толстов С.П. 333
 Толстой (Tolstoy) Л.Н. 5, 15, 169, 170, 171, 172, 204, 313, 318, 377, 385, 424-426, 429, 431
 Толстой А.К. 327
 Топоров В.Н. 361
 Торсуев 291
 Тосёгу 408
 Точунъханъдже (Тэсанъногун) 66
 Тревер К.В. 333
 Тристан 346
 Троцкий Л.Д. 259
 Трубецкой Н.С. 316
 Трухановский В.Г. 365
 Тун чжен 113
 Тургенев (Turgeniev) И.С. 429, 431
 Тхэджу 66
 Тэвонгун (Ли Хаын) 38
 Тэингун см. Тэвонгун
 Тэн ван гэ 284
 Тютчев Ф.И. 282

У-ван 123, 141, 142
 У-цзун-ван 31
 У-цзы 6, 275, 293
 Убонъниси 29
 Уилер М. 414
 Ульянов (Ulianov) В.И. см. Ленин В.И.
 Уно Тэцүто (Тсцудзин) 194
 Ушаков 312

Файнберг Э.Я. 296
 Фараби аль Абу 288, 295
 Фауст 379
 Федин К.А. 354
 Федоренко Н.Т. 323, 385
 Федосеев П.Н. 354
 Федченков см. Вениамин, митрополит
 Фельдман-Конрад Н.И. 13, 14, 17, 264, 269, 274, 277, 278, 288,

300, 331, 335, 340, 353, 372, 395,
434, 437

Филиппов Б. 254

Фирдоуси 214

Фишман О.Л. 7, 9, 306, 307, 319,
344, 357, 369, 383

Флавий Иосиф 346

Фландер Молли 332

Фома Аквинский 309

Фомин А.Н. 315

Фортунатов Ф.Ф. 182

Франциск Ассизский (Saint
Francis of Assisi) 417-419

Фрезер Д. 177

Фрейман А.А. 370

Фридерих (Friederich) В.П. 232

Фтабатэй Симэй (Хасэгава Та-
пуноскэ) 204, 321

Фу Си 319

Фудзимура Цукуру 204

Фудзита 127, 128

Фукидид 336

Фукудзава Юкити 358, 359

Фурцева Е.А. 333

Фуси 119, 120

Фэн Лихуа 165

Хаксли Дж. 339

Хан, корейская фамилия 28

Хань 28

Хань 63, 127, 155, 160, 163, 165

Хань Фэй-цзы 133, 134, 163, 164

Хань Юй 135, 253, 308, 309, 320

Хасимото М. 321

Хаттори Унокити 194, 195

Хацу (Hatsu) 248, 256

Хван, корейская фамилия 28

Хвань 28

Хигаси 253

Хо, корейская фамилия 28

Хогубйсньсонь 65

Ходоров А.Е. 261

Холодович А.А. 314, 315, 445

Хосой 247, 248, 257, 259

Хоу Вайлу 187, 189

Храпченко М.Б. 355, 360-362,
370, 371

Хуан Гунчжу 391

Хуанди 119

Хуань 126

Хуэй-ван 148, 152-154, 167

Хэ 120

Цезен 406

Церетели Г.В. 355, 370

Цзи-цзы 125, 126

Цзин Ча 168

Цзин-ван 136

Цзинь 63, 126, 127

Цзо Цюмин 164, 165

Цзо чжуань 119, 284

Цзы Лу 138

Цзы Сы 160

Цзы Ся 138

Цзэн Си 138

Цзэн-цзы 137

Цзюнь Ши 126

Цзя И 168

Ци 127, 155, 164, 165

Циглер 406

Цинь 126, 127, 155, 165, 167

Цинь Ло-фу 391

Цинь Шихуанди 92

Циперович И.Э. 16

Цоттоли (Zottoli) А. 112, 116

Цубоути Сёе 204

Цыбина Е.А.

Цын М.С. 16, 393, 445

Цюй Юань 166, 167, 168, 212, 389

Чан, корейская фамилия 28

Чань Банъик 92

Часа 63

Часовитина Л.А. 315

Чжан Юй 137

Чжао Фэй-янь 391

Чжоу 63, 119, 122, 123, 126, 127

Чжоу Юн 386

Чжоу-гун 126, 128

Чжу Си (Чжу-цзы) 165, 192, 345

Чжу Фаху 387

Чжу-цзы см. Чжу Си

Чжуан-цзы 128, 132-135, 158,
161-163, 389, 410

Чжуан 126

Чжун 366

Чжун-Юн 252

Чжун-цзы 131, 161

Чигринский М.Ф. 16

Чидоджаньсынъ 65

Чингисхан 183

Чичерин Г.В. 259

Чо, корейская фамилия 28
 Чонъ, корейская фамилия 28
 Чонъджа 63
 Чуджа 63
 Чуджу 66
 Чунъхван, корейское имя 27, 34
 Чунью 63
 Чуньюу 123, 126, 127, 134, 138, 164, 189
 Чуньшэнь-цзюн 155,
 Чхве Ёнь чанъгун 65
 Чхве, корейская фамилия 28
 Чхилсонъдан 65
 Чхыксин 66
 Чынъджа 63
 Чэгу 63
 Чэйэ 63
 Чэн И (Чэн Ичуань) 161
 Чэн Ичуань см. Чэн И
 Чэн-тан 141, 142
 Чэнсон 63

Шаванн (Chavannes) Э. 335
 Шамполион Ж.Ф. 118
 Шань Цзюань 211
 Шао-хао 119
 Шелепасов 291
 Шемонаева 315
 Ши-цзин 374
 Шиллер Ф. 367
 Широкогоров С.М. 251
 Шишмарев В.Ф. 180
 Шкапская М.М. 274
 Шлегель (Schlegel) Ф. 112, 118
 Шпенглер (Spengler) О. 397-399, 401
 Шпильбрук 118
 Штейн В.М. 217, 288, 289, 292, 293, 320, 323, 325, 326
 Штернберг Л.Я. 341, 342
 Шунь 120, 121, 141, 142, 148
 Шунь Чжи 117
 Шэньнун 119
 Шэнь Юэ 369, 385-389, 391-393, 395

Щерба Л.В. 180
 Щербатской Ф.И. 178, 267

Щуцкий Ю.К. 197, 212, 214, 215, 216, 261, 262, 307, 324, 325, 328, 335

Эдкинс (Edkins) Д. 112, 113, 116
 Эйдлиг Л.З. 278, 279, 282, 288, 289, 291, 295, 297, 302, 307, 323, 324, 366, 384, 385, 394
 Эйбус Х.Т. 296
 Энгельс (Engels) Ф. 172, 180, 357, 411, 413

Ю, корейская фамилия 28
 Юань Цзи 386
 Юань Чжень 295, 308
 Юдахин К.К. 278
 Юй 40, 120, 121, 141, 142, 157
 Юй-цзы 167
 Юлдаш-оглы Ф. 299
 Юн Чжэн 117, 118
 Юн, корейская фамилия 28
 Юрих (Eurig) Олвин 416
 Юстиниан 63, 111

Яковлев 292
 Якубовский А.Ю. 326
 Ямагата Банто 359
 Ямамото (Yamamoto) 421, 423
 Яманака 257
 Ян Чжу 149
 Ян, корейская фамилия 28
 Ян-цзы 149, 159
 Яно Рюкей (Яно Фунио) 203
 Яо 120, 121, 141, 142, 148
 Ятес 113

Bishop S. L. 57
 Collado 311
 Fioretti 419
 Legg D. 112
 Mayekawa 257
 Müller M. 111
 Naikoku 259
 Nakamura 259
 Ortolan J. 111
 Ross R. J. 57

Оглавление

Предисловие	3
От составителей	13

Раздел первый

Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX-XX вв.	17
I. Социальное устройство	17
II. [Семейная обрядность]	45
III. [Религиозные воззрения корейцев]	62
IV. [Игры и развлечения корейцев]	66
V. [Календарные обычаи и обряды корейцев]	68
VI. Материалы по народной медицине корейцев	75
VII. Сновидения у корейцев	82
VIII. Разные приметы	92
IX. Заметки о нравах и обычаях центральной Кореи	99
X. Тигр в представлении корейцев	104
XI. Одно личное воспоминание	106
Синолог из Оптиной пустыни	
(Новые материалы из истории Пескинской духовной миссии)	107
Очерки истории китайской литературы	119
Об издании "Исповедей" Августина Аврелия, Ж.-Ж. Руссо и Л.Н. Толстого	169

Раздел второй

Из истории науки

"Я не мыслю своей работы без участия коммунистов" (выступление на собрании партзвезда японо-корейского кабинета ИВ АН СССР)	173
Докладная записка директору ИВ АН СССР ак. А.Н. Самойловичу о работе японо-корейского кабинета института	174
Записка о работах Н.А. Невского	176
К 30-летию советского востоковедения	178
✓ По поводу оценки монографии Я.Б. Радуль-Затуловского "Конфуцианство и его распространение в Японии" (М.-Л., 1947) в журнале "Вопросы философии"	187
Отзыв на монографию Д.И. Гольдберга "Рабочее движение в Японии до 1917 г."	198

О состоянии и задачах восточной филологии	205
Выступление на годичном собрании ОЛЯ АН СССР	
31 января 1955 г.	208
К двадцатипятилетию Государственного издательства	
художественной литературы	211
Докладная записка о выявлении материалов научного	
наследия Н.А. Невского и Ю.К. Щуцкого	
в архиве ЛО ИВ АН СССР	214
Докладная записка директору ИНА АН СССР	
Б.Г.Гафурову об итогах и перспективах работы	
по обработке фонда тангутских	
рукописей ЛО ИНА АН СССР	216
О проспекте средневекового тома	
"Истории мировой культуры"	218
Выступление на заседании Ученого совета	
ИНА АН СССР 9 июня 1966 г. "О мерах развития	
изучения культуры народов Востока в	
Институте народов Азии"	224
Проект докладной записки в ОЛЯ АН СССР	
о необходимости создания журнала "Сравнительное	
литературоведение"	230
Отзыв о статье А.Я. Гуревича "Феодализм	
(историко-социологическая характеристика)"	
для "Философской энциклопедии"	235

Раздел третий

Письма	244
Переписка Н.И. Конрада и А. Дж. Тойнби	397
Переписка Н.И. Конрада и Н.А. Павлович	433
 Комментарии	 449
Список сокращений	531
Именной указатель	533

Н.И.Конрад
Неопубликованные работы. Письма

Художественное оформление - А.Сорокин
Компьютерная верстка - Н.Мерзляков

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать 28.11.1995г.
Формат 60х~~90~~ 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ. л. 34. Уч.-изд. л. 34,5. Тираж 2000. Заказ № 3548
Издательство "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д.4, корп.1. Тел. 181-00-13. Факс. 181-0113

Отпечатано с готового
оригинал-макета в Московской тип. № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6